

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

\$B 473 648

Фунд. Библіотека

ВАРШАВСКАГО

Александр.-Маринск. Института.

№ Хоз. Кат.

Отдѣлъ Сист. Кат.

№ Сист. Кат.

Шкафъ №

Полка №

№ по порядку

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ДЕКАБРЬ, 1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАВРЬ, 1880 г.

	Стр.
I. НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАНЪ. Изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ. Н. С. Лѣкова.	641
II. АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ. Главы: VII. Скупальщеская жизнь; и VIII. Женатая жизнь. (Окончаніе). В. Я. Стоюнина.	679
III. ИЗВРАЩЕНІЕ НАРОДНАГО ПѢСНОТВОРЧЕСТВА. В. О. Михневича	749
IV. ПОГИБАЮЩАЯ РУССКАЯ СИЛА. Ф. М. Уманца.	780
V. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ІОАННА, ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО. Н. Я. Аристовъ.	786
VI. КРЕСТЬЯНСКІЕ СУДЫ ВЪ СТАРИНУ. Д. М. Мейчикъ.	796
VII. ГОСПОЖА РОЛАНЪ. С. С.	803
VIII. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ. Англія. (Окончаніе). Н.	844
IX. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ: 1) Былое. Стихотворенія В. Буренина. Спб. 1880. А. М—ва. —2) Посланіе многословное; соч. инока Зиновія, по рукописи XVI вѣка (съ приложен. двухъ снимковъ). Трудъ Андрея Попова. М. 1880. А. С—скаго. 3) Le marquis Wielopolskii, sa vie et son temps. 1803—1877. Par M. Henry Lisicki. Wienne. 1880. Н. С. К.	854
X. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Дѣло о нашествіи антикваріевъ. (Къ исторіи частныхъ археологическихъ экскурсій). Сообщ. Л. С. Мацѣвичемъ. — Новгородская депутація въ 1831 г. Сообщ. Н. Г. Богословскіимъ. — Письмо Н. В. Сушкова къ И. М. Снегиреву. Сообщ. Н. Я. Данковымъ.	863
XI. СМѢСЬ: Пушкинскія выставка въ Петербургѣ. — Раскопка кургановъ близъ станицы Бутова въ Подольскомъ уѣздѣ. — Эпизодъ на годовщинѣ смерти С. М. Соловьева.	869
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Люциферъ, романъ изъ временъ Наполеона I. К. Френцеля. (Окончаніе). 2) Портретъ госпожи Роланъ и 3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ трехъ томахъ „Историческаго Вѣстника“ 1880 г. Сост. М. И. Городецкій.	

Къ настоящей книжкѣ прилагаются объявленія отъ книжнаго магазина „Новаго Времени“ и объ изданіи въ 1881 году журналовъ: „Историческій Вѣстникъ“, „Модный Свѣтъ“, „Огонекъ“, „Всемирная Иллюстрація“, „Нива“, „Россійская Библиографія“, „Нувеллистъ“, „Ваза“, „Семья и Школа“, „Газета Гатцука“ и каталогъ книгопродавца Э. Мелье.

AP50

I9

v. 3.4

UNIV. OF
CALIFORNIA

ГОСПОЖА РОЛАНЪ.

Съ современнаго гравированнаго портрета рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

Дополнено цѣнаурою. С.-Петербургъ, 22 ноября 1880 г.
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

А750
I9
v.3:4

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1880 г.).

стр.

Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ: 1) О татарахъ. 2) О Грозномъ. 3) О Разинѣ. 4) О Пугачевѣ. Н. Я. Аристова	5
Очерки изъ украинской литературы: 3. П. П. Гулакъ-Артемовскій; 4. К. Д. Думитрашковъ; 5. В. А. Гоголь и Я. Д. Кухаренко. (Окончаніе). Н. И. Петрова	25
Н. И. Пироговъ какъ педагогъ. Ө. И. Вулгакова	58
Успѣхи географическихъ знаній въ Россіи (1855—1880). В. Н. Майнова	70
Къ біографіи графа А. Замойскаго. Н. В. Верга	97
Отношенія Китая къ Россіи. Д. И. Завалишина	110
Изъ тамбовскихъ лѣтописей: 1) Тяжелая година въ жизни тамбовскаго духовенства; 2) Тамбовское дворянство въ концѣ XVIII вѣка; 3) Тамбовское отжившее чиновничество. И. И. Дубасова	120, 320
Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ произведеніяхъ иностранныхъ драматурговъ и беллетристовъ. А. Г. Врикнера	146
Современная исторіографія.—Франція. Эпоха революціи.—Англія. Иф.....ла	159, 603, 844
Карлъ Шайноха . Ф. К. Неслуховскаго	217
Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ . Главы: VI. Въ селѣ Михай-	

725298

ловскомъ; VII. Скитальческая жизнь; VII. Женатая жизнь. (Окончаніе) В. Я. Стоюнина	245, 679
Прогулка по развалинамъ Рима и Помпей. В. И. Модестова	282, 491
Одинъ изъ русскихъ государственныхъ вопросовъ, въ началѣ XIX вѣка. Е. А. Вѣлова	306
Поль Брокъ—основатель антропологии. В. Н. Майнова	331
Легенда о Велизаріи. В. Н. Корніевского	342
Новые мемуары о революціонной эпохѣ XVIII вѣка. М. С. Ю- релина	353
Записки Каролины Бауеръ. Часть II. В. З—а	372
Русское посольство въ Англію въ 1662 г. А. Лодыженскаго	433
Тулскій кречетъ. Историч. рассказъ. Д. Л. Мордовцева	454
Герасимъ Степановичъ Лебедевъ, русскій путешественникъ—музы- кантъ по Индіи въ концѣ XVIII вѣка. Ө. И. Вулгакова	515
Мертвый городокъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). В. Н. Майнова	525
Эмиръ Тадзь-Уль-Фехръ, Абдъ-Эль-Нишанъ. (Графъ Вацлавъ Ржевускій). Н. В. Верга	547
Симбирскіе юродивые. Н. Я. Аристова	566
Польскія смуты передъ возстаніемъ 1831 года. Н. С. Б.	576
Несмертельный Голованъ. Изъ рассказовъ о трехъ праведникахъ. Н. С. Лѣскова	641
Извращеніе народнаго пѣснотворчества В. О. Михневича	743
Погибающая русская сила. Ө. М. Уманца	780
Къ характеристикѣ Іоанна, бывшаго епископа смоленскаго. Н. Я. Аристова	789
Крестьянскіе суды въ старину. Д. М. Мейчика	796
Госпожа Роланъ. С. С.	803
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІА	176, 399, 616, 854

Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясекаго. Въ 2 томахъ. Съ рисунками. 1880. **Ө. В.**—Красный крестъ въ тылу дѣйствующей арміи 1877—1878 гг. Отчетъ главноуполномоченнаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ Н. Абаза. Т. I. 1880. **Ө. В.**—Дѣятельность археографической комиссіи въ царствованіе Государя Императора Александра II. Спб. 1880. Дѣятельность общества любителей древней письменности. Спб. 1880. **Ө. В.**—Записки Петра Андреевича Каратыгина, изданныя сыномъ покойнаго П. П. Каратыгиннымъ. Спб. 1880. **А. М.**—Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакцію В. Ө. Корша. Спб. 1880. Выпуски 1, 2 и 3 (стр. 480). **Өр. Миллера**.—Историч. сочиненія В. Стоюнина. Часть I. Александръ Семеновичъ Шишковъ. **Өр. Мил-**

лера.—Личность Пушкина и взгляд его на поэта и поэзию. И. Бѣлоруссова. Воронежъ. 1880. **А. С—скаго.**—Собрание сочиненій М. А. Максимовича. Т. III. Кіевъ. 1880. **А. С—скаго.**—В. И. Немировича-Данченко. Послѣ войны. Очерки и впечатлѣнія корреспондента въ освобожденной Болгаріи. Спб. 1880. **Ө. В.**—Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. II. Владимірскій періодъ. М. 1880. **К. Н. Вестужева-Рюмина.**—Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Сочиненіе П. Полеваго. I. Древнѣйшій періодъ. Спб. 1879. II. Періодъ съ XI—XIII в. Спб. 1880. **Его-же.**—Der polnische Kriegsschauplatz v. Sarmaticus. Berlin. 1880. **В. З.**—Русскій архивъ, 2 книга. М. 1880.—Соціальныя реформаторы.—Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. И. И. Янжула. М. 1880.—Куликовская побѣда Дмитрія Ивановича Донскаго. Историческій очеркъ Д. Иловайскаго. М. 1880.—Историческая записка 75-лѣтія спб. 2-й гимназій. Ч. I. Спб. 1880. **Ө. В.**—Русскій Архивъ. 1880. 3 книга. 1 часть. М. **Ө. В.**—Отчетъ интенданта Кавказской арміи съ 1 іюня 1876 г. по іюнь 1878. Составилъ генер.-лейтен. Шульманъ. Спб. 1880. **П. Д.**—Исторія русской церкви. Е. Голубинскаго, экстра-ординарнаго профессора московской духовной академіи. Т. I. Періодъ первый Кіевскій или Домонгольскій. Первая половина тома. Москва. 1880. **А. С—скаго.**—The peasant-poets of Russia, by W. R. Morfill. London. 1880.—Волга. Виктора Рагозина. Т. I. Спб. 1880. **Ө. В.**—Былое. Стихотворенія В. Буренина. Спб. 1880. **А. М—ва.**—Послание Многословное. Сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI вѣка. (Съ приложеніемъ двухъ снимковъ). Трудъ Андрея Попова. М. 1880. **А. С—скаго.**—Le marquis Wielopolskii, sa vie et son temps. 1803—1877. Par M. Henry Lisicki. Wienne. 1880. **Н. С. К.**

ИЗЪ ПРОШЛАГО 193, 410, 626, 863

Письма графа Сегюра къ Потемкину. Сообщ. **П. Я. Дашковъ.**—Апокрифическое стихотвореніе. Сообщ. **П. П. Каратыгинъ.**—Именные указы императрицы Елисаветы Петровны. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**—Прощаніе Дидро съ императрицей Екатериной II. Сообщ. **Л. Н. Майковъ.**—Непреклонный маіоръ (картинка административной неурядицы александровскихъ временъ). Сообщ. **В. О. Михневичъ.**—Деревенскій лѣтописецъ. Сообщ. **И. И. Дубасовъ.**—Стихотворное прошеніе придворныхъ пѣвчихъ Журавля и Кружка, поданное царѣцѣ Екатеринѣ I. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**—Дѣло о нашествіи антикваріевъ (Къ исторіи частныхъ археологическихъ экскурсій). Сообщ. **Л. С. Мацѣвичъ.**—Новгородская депутація въ 1831 году. Сообщ. **Н. Г. Богословскій.** Письмо Н. В. Сущкова къ И. М. Снегиреву. Сообщ. **П. Я. Дашковъ.**

СМѢСЬ 200, 422, 633, 869

Китайскій Бисмаркъ. — Посѣщеніе императоромъ Александромъ II Липецкихъ минеральныхъ водъ.—Языкъ и литература современныхъ болгаръ.—Армянская историческая литература.—Владимірская епархіальная бібліотека.—Изданіе словацкихъ на-

родныхъ пѣсенъ.—Внутреннее убранство историческаго музея въ Москвѣ.—Преображенскій дворецъ.—Наполеонъ I объ учебникѣ исторіи.—Новый опытъ евангельской хронологіи.—Оригинальная резолюція.—Столѣтіе Казанской губерніи.—Празднованіе 500-лѣтней годовщины Куликовской побѣды.—Послѣднее слово о мѣсто-рожденіи А. С. Пушкина.—Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.—Въ какой день происходила Куликовская битва.—Памятникъ Гоголю въ Нѣжинѣ.—Анекдотъ о графѣ Аракчеевѣ.—Археологическая находка въ Елабужскомъ уѣздѣ.—Археологическая находка близъ Херсонеса.—Казакъ, о происхожденіи япцовой общины.—Панславянское общество основанное Петрашевскимъ.—Сперанскій въ ссылкѣ въ Пермь.—Путешествіе полковника Пржевальскаго.—Археологическое открытіе.—Пушкинская выставка въ Петербургѣ.—Роскопка кургановъ близъ станціи Бутова въ Подольскомъ уѣздѣ.—Эпизодъ на годовщинѣ смерти С. М. Соловьева.

По поводу одного преданія, сообщеннаго Н. Я. Аристовымъ.

А. К. 432

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1. Люциферъ, романъ изъ временъ Наполеона I. К. Френцеля. (Съ 5 главы I части до конца).—2. Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ трехъ томахъ „Историческаго Вѣстника“ за 1880 г. Сост. М. И. Горю-децкий.

ПОРТРЕТЫ: 1) Н. И. Пирогова; 2) Карла Шайнохи; 3) Русскаго посла въ Англіи князя Прозоровскаго; 4) Г-жи Роланъ, и вновь сдѣланные портреты: С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и Мицкевича.

Учен. зап. кн.-б.
С.-Петербург.

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАНЪ.

Изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ.

„Совершенная любовь изгоняетъ страхъ“.

Іоаннъ.

I.

НѢ САМЪ почти мнѣ, а исторія его легенда. Что бы повѣствовать о немъ—надо быть французомъ, потому что однимъ людямъ этой націи удается объяснять другимъ то, чего они сами не понимаютъ. Я говорю все это съ тою цѣлю, чтобы впередъ испросить себѣ у моего читателя снисхожденія ко всестороннему несовершенству моего разсказа о лицѣ, воспроизведеніе котораго стоило бы трудовъ гораздо лучшаго мастера, чѣмъ я. Но Голованъ можетъ быть скоро совсѣмъ позабытъ, а это была бы утрата. Голованъ стоитъ вниманія, и хотя я его знаю не на столько, чтобы могъ начертать полное его изображеніе, однако я подберу и представлю нѣкоторыя черты этого не высокаго ранга смертнаго человѣка, который сумѣлъ прослыть несмертельнымъ.

Прозвище „несмертельнаго“, данное Головану, не выражало собою насмѣшки и отнюдь не было пустымъ, безсмысленнымъ звукомъ—его прозвали несмертельнымъ, вслѣдствіе сильнаго убѣжденія, что Голованъ—человѣкъ особенный, человѣкъ который не боится смерти. Какъ могло сложиться о немъ такое мнѣніе, среди людей, ходящихъ подъ Богомъ и всегда помнящихъ о своей смертности? Была ли на это достаточная причина, развившаяся въ послѣдовательной условности, или же такую кличку ему дали случайная простота, которая сродни глупости?

Мнѣ казалось, что послѣднее было вѣроятнѣе, но какъ судили о томъ другіе—того я не знаю, потому что въ дѣтствѣ моемъ этотъ во-

прощь мнѣ не представлялся, а когда я подросъ и могъ понимать вещи— „несмертельнаго Голована“ уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ и притомъ не самымъ опрятнымъ образомъ: онъ погибъ во время такъ называемаго въ г. Орлѣ „большого пожара“, утонувъ въ кипящей яминѣ, куда упалъ, спасая чью-то жизнь, или чье-то добро. Однако „часть его большая, отъ тлѣна убѣжавъ продолжала жить въ благодарной памяти“ и я хочу попробовать записать на бумагу то, что я о немъ зналъ и слышалъ, дабы такимъ образомъ еще продлилась на свѣтѣ его достойная вниманія память.

II.

Несмертельный Голованъ былъ простой человѣкъ. Лицо его съ чрезвычайно крупными чертами врѣзалось въ моей памяти съ раннихъ дней и осталось въ ней навсегда. Я его встрѣтилъ въ такомъ возрастѣ, когда, говорятъ, будто бы дѣти еще не могутъ получать прочныхъ впечатлѣній и износить изъ нихъ воспоминаній на всю жизнь, но однако со мною случилось иначе. Случай этотъ отмѣченъ моею бабушкою слѣдующимъ образомъ:

„Вчера (26 мая 1835 г.) пріѣхала изъ Горохова къ Машенькѣ (моей матери), Семена Дмитрича (отца моего) не застала дома, по командировкѣ его въ Елецъ на слѣдствіе о страшномъ убійствѣ. Во всемъ домѣ были однѣ мы, женщины и дѣвичья прислуга. Кучеръ уѣхалъ съ нимъ (отцомъ моимъ), только дворникъ Кондратъ оставался, а на ночь сторожъ въ переднюю ночевать приходилъ изъ правленія (губернское правленіе, гдѣ отецъ былъ совѣтникомъ). Сегодняшняго же числа Машенька въ двѣнадцатомъ часу пошла въ садъ, посмотрѣть цвѣты и кануферъ полить, и взяла съ собою Николушку (меня) на рукахъ у Анны (по нынѣ живой старушки). А когда они шли назадъ къ завтраку, то едва Анна начала отпирать калитку, какъ на нихъ сорвалась цѣпная Рябка, прямо съ цѣпью, и прямо кинулась на грудцы Аннѣ, но въ ту самую минуту, какъ Рябка, опершись лапами бросился на грудь Аннѣ, Голованъ схватилъ его за шиворотъ, стиснулъ и бросилъ въ погребное творило. Тамъ его и пристрѣлили изъ ружья, а дитя спаслось“.

Дитя это былъ я, и какъ бы точны не были доказательства, что полутора-годовой ребенокъ не можетъ помнить что, съ нимъ происходило, я помню это происшествіе живо и ясно, со всѣми деталями.

Я конечно не помню: откуда взялась взбѣшенная Рябка и куда ее дѣлъ Голованъ, послѣ того какъ она захрипѣла, барахтаясь лапами и извиваясь всѣмъ тѣломъ въ его высоко поднятой желѣзной рукѣ; но я помню моментъ... только моментъ. Это было какъ при блескѣ молоньи среди темной ночи, когда почему-то вдругъ видишь чрезвычайное множество предметовъ заразъ: занавѣсъ кровати, ширму, окно, вздрог-

нувшую на жордочкѣ канарейку, и стаканъ съ серебряной ложечкой, на ручкѣ которой пятнышками осѣла магнезія. Таково вѣроятно свойство страха, имѣющаго большія очи. Въ одномъ такомъ моментѣ, я какъ сейчасъ вижу передъ собою огромную собачью морду, въ мелкихъ пестринахъ, — сухая шерсть, совершенно красные глаза и разинутая пасть, полная мутной пѣны въ синеватомъ, точно напомаженномъ зѣвъ... оскалъ который хотѣлъ уже зашелкнуться, но вдругъ верхняя губа надъ нимъ вывернулась, разрѣвъ потянулся къ ушамъ, а снизу судорожно задвигалась, какъ голый человѣческій локоть выпятившаяся горловина. Надо всѣмъ этимъ стояла огромная человѣческая фигура съ огромною головою, и она взяла и понесла бѣшеннаго пса. Во все это время лицо человѣка улыбалось.

Описанная фигура былъ Голованъ. Я боюсь, что совсѣмъ не сумѣю нарисовать его портрета, именно потому, что очень хорошо и ясно его вижу.

Въ немъ было, какъ въ Петрѣ Великомъ, пятнадцать вершковъ; сложеніе онъ имѣлъ широкое, сухое и мускулистое, былъ смугль, круглолицъ, съ голубыми глазами, очень крупнымъ носомъ и толстыми губами. Волосы на головѣ и подстриженной бородѣ Голована были очень густые, цвѣта соли съ перцомъ. Голова была всегда коротко острижена, борода и усы тоже. Выраженіе—спокойная и счастливая улыбка, которая не оставляла лица Голована ни на минуту: она свѣтилась въ каждой чертѣ, но преимущественно играла на устахъ и въ глазахъ умныхъ, и добрыхъ, но какъ будто немножко насмѣшливыхъ. Другого выраженія у Голована какъ будто не было, по крайней мѣрѣ я иного не помню. Къ дополненію этого неискускаго портрета Голована надо упомянуть объ одной странности или особенности, которая заключалась въ его походкѣ. Голованъ ходилъ очень скоро, всегда какъ будто куда-то поспѣвая, но не ровно, а съ подскокомъ. Онъ не хромалъ, а, по мѣстному выраженію, „шкандыбалъ“, то-есть на одну, на правую ногу наступалъ твердою поступью, а съ лѣвой подпрыгивалъ. Казалось, что эта нога у него не гнулась, а пружинила гдѣ-то въ мускулѣ или въ суставѣ. Такъ ходятъ люди на искусственной ногѣ, но у Голована она была не искусственная; хотя впрочемъ эта особенность тоже и не зависѣла отъ природы, а ее устроилъ себѣ онъ самъ, и въ этомъ была тайна, которую нельзя объяснить сразу.

Одѣвался Голованъ мужикомъ, — всегда, лѣтомъ и зимою, въ пеклые жары и въ сорока-градусные морозы, онъ носилъ длинный, нагольный овчинный тулупъ, весь промасленный и почернѣвшій. Я никогда не видалъ его въ другой одеждѣ и отецъ мой, помню, частенько шутилъ надъ этимъ тулупомъ, называя его „вѣковѣчнымъ“.

По тулупу Голованъ подпоясывался „чекменнымъ“ ремешкомъ, съ бѣлымъ сбруйнымъ наборомъ, который во многихъ мѣстахъ пожелтѣлъ, а въ другихъ совсѣмъ осыпался и оставилъ наружѣ дратву да дырки. Но тулупъ содержался въ опрятности отъ всякихъ мелкихъ

жильцовъ,—это я зналъ лучше другихъ, потому что я часто сидѣлъ у Голована за пазухой, слушая его рѣчи и всегда чувствовалъ себя здѣсь очень покойно.

Широкій воротъ тулупа никогда не застегивался, а напротивъ былъ широко открытъ до самого пояса. Здѣсь было „нѣдро“, представлявшее очень просторное помѣщеніе для бутылокъ со сливками, которыя Голованъ поставлялъ на кухню Орловскаго дворянскаго собранія. Это былъ его промыселъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ „вышелъ на волю“ и получилъ на разживу „ермоловскую корову“.

Могучую грудь „несмертельнаго“ покрывала одна холщевая рубашка малороссійскаго покроя, т. е. съ прямымъ воротомъ, всегда чистая, какъ кипѣнь и непремѣнно съ длинною цвѣтною завязкою. Эта завязка была иногда лента, иногда просто кусокъ шерстяной матеріи, или даже ситца, но она сообщала наружности Голована нѣчто свѣжее и джентельменское, что ему очень шло, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ джентельменъ.

III.

Мы были съ Голованомъ сосѣди. Нашъ домъ въ Орлѣ былъ на третьей Дворянской улицѣ, и стоялъ третій по счету отъ берегового обрыва надъ рѣкою Орликомъ. Мѣсто здѣсь довольно красиво. Тогда, до пожаровъ, это былъ край настоящаго города. Вправо за Орликъ шли мелкія хибары слободы, которая примыкала къ коренной части оканчивавшейся церковью Василя Великаго. Сбоку былъ очень крутой и неудобный спускъ по обрыву, а сзади за садами—глубокой оврагъ и за нимъ степной выгонъ, на которомъ торчалъ какой-то магазинъ. Тутъ по утрамъ шла солдатская муштра и палочный бой,—самыя раннія картины, которыя я видѣлъ и наблюдалъ чаще всего прочаго. На этомъ же выгонѣ, или лучше сказать на узкой полосѣ, отдѣлявшей наши сады заборами отъ оврага, паслись шесть или семь коровъ Голована и ему же принадлежавшій красный быкъ „ермоловской“ породы. Быка Голованъ содержалъ для своего маленькаго, но прекраснаго стада, а также разводилъ его въ поводу „на подержанье“ по домамъ, гдѣ имѣли въ томъ хозяйственную надобность. Ему ему приносило доходъ.

Средства Голована къ жизни заключались въ его удоистыхъ коровахъ и ихъ здоровомъ суругѣ. Голованъ, какъ я выше сказалъ, поставилъ на дворянскій клубъ сливки и молоко, которые славились своими высокими достоинствами, зависѣвшими конечно отъ хорошей породы его скота и отъ добраго за нимъ ухода. Масло, поставляемое Голованомъ было свѣжо, желто, какъ желтокъ, и ароматно, а сливки „не текли“, то-есть если онъ оборачивалъ бутылку внизъ горлышкомъ, то сливки не лились струей, а падали какъ густая, тяжелая

масса. Продуктовъ низшаго достоинства Голованъ не ставилъ и потому онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ, а дворяне тогда не только умѣли ѣсть хорошо, но и имѣли чѣмъ расплачиваться. Кромѣ того Голованъ поставлялъ также въ клубъ отменно крупныя яйца отъ особенно крупныхъ голландскихъ куръ, которыхъ водилъ во множествѣ, и наконецъ „приготавливалъ телятъ“, отпаивая ихъ мастерски и всегда ко времени, напримѣръ къ наибольшему съѣзду дворянъ, или къ другимъ особеннымъ случаямъ въ дворянскомъ кругѣ.

Въ этихъ видахъ обусловливающихъ средства Голована къ жизни, ему было очень удобно держаться дворянскихъ улицъ, гдѣ онъ продолжалъ интересоваться особъ, которыхъ орловцы нѣкогда узнавали въ Паншинѣ, въ Лаврецкомъ и въ другихъ герояхъ и героиняхъ „Дворянскаго гнѣзда“.

Голованъ жилъ впрочемъ не въ самой улицѣ, а „на отлетѣ“. Постройка, которая называлась „Головановымъ домомъ“ стояла не въ порядкѣ домовъ, а на небольшой террасѣ обрыва подъ лѣвымъ рядомъ улицы. Площадь этой террасы была сажень въ шесть въ длину и столько же въ ширину. Это была глыба земли, которая когда то поѣхала внизъ, но на дорогѣ остановилась, окрѣпла и, не представляя ни для кого твердой опоры, едва ли составляла чью нибудь собственность. Тогда это было еще возможно.

Голованову постройку въ собственномъ смыслѣ нельзя было назвать ни дворомъ, ни домомъ. Это былъ большой, низкій сарай, занимавшій все пространство отпавшей глыбы. Можетъ быть безформенное зданіе это было здѣсь возведено гораздо ранѣе, чѣмъ глыбѣ вздумалось спуститься и тогда оно составляло часть ближайшаго двора, владѣлецъ котораго за нимъ не погнался и уступилъ его Головану за такую дешевую цѣну, какую богатырь могъ ему предложить. Помнится мнѣ даже, какъ будто говорили, что сарай этотъ былъ подаренъ Головану за какую то услугу, оказывать которая онъ былъ большой охотникъ и мастеръ.

Сарай былъ передѣленъ надвое: одна половина, обмазанная глиной и выбѣленная, съ тремя окнами на Орликъ, была жилищемъ помѣщеніемъ Голована и находившихся при немъ пяти женщинъ, а въ другой были надѣланы стойла для коровъ и быка. На низкомъ чердакѣ жили голландскія куры и черный „шпанскій“ пѣтухъ, который жилъ очень долго и считался „колдовской птицей“. Въ немъ Голованъ растилъ пѣтушій камень, который нуженъ на множество предметовъ, на то чтобы счастье приносить, отнятое государство изъ неприятельскихъ рукъ возвращать, и старыхъ людей на молодыхъ передѣлывать. Этотъ камень зрѣетъ семь лѣтъ и созрѣваетъ только тогда, когда пѣтухъ пить перестанетъ.

Сарай былъ такъ великъ, что оба отдѣленія,—жилое и скотское были очень просторны, но не смотря на всю о нихъ заботливость плохо держали тепло. Впрочемъ тепло нужно было только для жен-

щинъ, а самъ Голованъ былъ нечувствителенъ къ атмосфернымъ переменамъ и лѣто и зиму спалъ на ивняковой плетенкѣ въ стойлѣ, возлѣ любимца своего, краснаго тирольскаго быка „Васьки“. Холодъ его не бралъ, и это составляло одну изъ особенностей этого мнѣйческаго лица, черезъ которыя онъ получилъ свою баснословную репутацію.

Изъ пяти женщинъ, жившихъ съ Голованомъ, три были его сестры, одна мать, а пятая называлась Павла, или иногда Павлагеюшка. Но чаще ее называли „Головановъ грѣхъ“. Такъ я привыкъ слышать съ дѣтства, когда еще даже и не понималъ значенія этого намека. Для меня эта Павла была просто очень ласковою женщиною и я какъ сейчасъ помню ея высокій ростъ, блѣдное лицо съ ярко-алыми пятнами на щекахъ и удивительной черноты и правильности бровями. Такія черныя брови правильными полукругами можно видѣть только на картинахъ, изображающихъ персіянку, покоящуюся на колынахъ престарѣлаго турка. Наши дѣвушки впрочемъ знали и очень рано сообщили мнѣ секретъ этихъ бровей: дѣло заключалось въ томъ, что Голованъ былъ зеленыиъ и любя Павлу, чтобы ее ни кто не узналъ, — онъ помазалъ ей сонной брови медвѣжьимъ саломъ. Послѣ этого, въ бровяхъ Павлы разумѣется, не было уже ничего удивительнаго, а она къ Головану привязалась не своею силою.

Наши дѣвушки все это знали.

Сама Павла была чрезвычайно кроткая женщина и „все молчала“. Она была столь молчалива, что я никогда не слыхалъ отъ нее болѣе одного и то самаго необходимаго слова: „здравствуй“, „сидись“, „прощай“. Но въ каждомъ этомъ короткомъ словѣ слышалась бездна привѣта, доброжелательства и ласки. Тоже самое выражалъ звукъ ея тихаго голоса, взглядъ сѣрыхъ глазъ и каждое движеніе. Помню тоже что у нее были удивительно красивыя руки, что составляетъ большую рѣдкость въ рабочемъ классѣ, а она была такая работница, что отличалась дѣятельностью даже въ трудолюбивой семьѣ Голована.

У нихъ у всѣхъ было очень много дѣла: самъ „несмертельный“ кипѣлъ въ работѣ съ утра до поздней ночи. Онъ былъ и пастухъ, и поставщикъ и сыроваръ. Съ зарею онъ выгонялъ свое стадо за наши заборы на росу и все переводилъ своихъ статныхъ коровъ съ обрывца на обрывецъ, выбирая для нихъ, гдѣ потучнѣе травка. Въ то время, когда у насъ въ домѣ вставали, Голованъ являлся уже съ пустыми бутылками, которыя забиралъ въ клубъ вмѣсто новыхъ, которыя снесъ туда сегодня; собственноручно врубалъ въ ледъ нашего ледника кувшины новаго удоя и говорилъ о чемъ нибудь съ моимъ отцомъ, а когда я, отучившись грамотѣ, шелъ гулять въ садъ, онъ уже опять сидѣлъ надъ нашимъ заборчикомъ и руководилъ своими коровками. Здѣсь была въ заборѣ маленькая калиточка, черезъ которую я могъ выходить къ Головану и разговаривать съ нимъ. Онъ такъ хорошо умѣлъ рассказывать сто четыре священные исторіи, что

я ихъ зналъ отъ него никогда не уча ихъ по книгѣ. Сюда же приходили къ нему, бывало, какіе-то простые люди—всегда за совѣтами. Иной такъ, бывало, какъ придетъ, такъ и начинается:

— Искаль тебя, Голованычъ,—посоветуй со мною.

— Что такое?

— А вотъ то-то и то-то:—въ хозяйствѣ что нибудь разстроилось или семейные нелады.

Чаще приходили съ вопросами этой второй категоріи. Голованычъ слушаетъ, а самъ ивничокъ плететъ, или на коровокъ покрикиваетъ, и все улыбается, будто безъ вниманія, а потомъ вскинетъ своими голубыми глазами на собесѣдника и отвѣтитъ:

— Я, братъ, плохой совѣтникъ! Бога на совѣтъ призови.

— А какъ Его призовешь?

— Охъ, братъ,—очень просто: помолись, да сдѣлай такъ, какъ будто тебѣ сейчасъ помирать надо. Вотъ скажи-ка мнѣ: какъ бы ты въ такомъ разѣ сдѣлалъ?

Тотъ подумаетъ и отвѣтитъ.

Голованъ или согласится, или же скажетъ:

— А я бы, братъ, умираючи вотъ какъ лучше сдѣлалъ.

И рассказываетъ, по обыкновенію, все весело, со всегдашней улыбкой.

И должно быть его совѣты были очень хороши, потому что всегда ихъ слушали и очень его за нихъ благодарили.

Могъ ли у такого человѣка быть „грѣхъ“, въ лицѣ кротчайшей Павлагеюшки, которой въ то время, я думаю, было съ небольшимъ лѣтъ подъ тридцать, за предѣлы которыхъ она и не перешла далѣе? Я не понималъ этого „грѣха“ и остался чистъ отъ того, чтобы оскорбить ее и Голована довольно общими подозрѣніями. А поводъ для подозрѣнія былъ, и поводъ очень сильный, даже, если судить по видимости, неопровержимый. Кто она была Головану?—чужая. Этого мало: онъ ее когда-то зналъ, онъ былъ однихъ съ нею господъ, онъ хотѣлъ на ней жениться, но это не состоялось: Голована дали въ услуги герою Кавказа Алексѣю Петровичу Ермолову, а въ это время Павлу выдали замужъ за наѣздника Оерапонта, по мѣстному выговору „Храпона“. Голованъ былъ нужный и полезный слуга, потому что онъ умѣлъ все,—онъ былъ не только хорошій поваръ и кандитеръ, но и сметливый и бойкій походный слуга. Алексѣй Петровичъ платилъ за Голована, что слѣдовало его помѣщику, и кромѣ того, говорятъ, будто далъ самому Головану взаймы денегъ на выкупъ. Не знаю, вѣрно ли это, но Головааъ, дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи отъ Ермолова выкупился и всегда называлъ Алексѣя Петровича своимъ „благодѣтелемъ“. Алексѣй же Петровичъ, по выходѣ Голована на волю, подарилъ ему на хозяйство хорошую корову съ теленкомъ, отъ которыхъ у того и пошелъ „ермоловскій заводъ“.

IV.

Когда именно Голованъ поселился въ сараѣ на обвалѣ, этого я совсѣмъ не знаю, но это совпадало съ первыми днями его „вольнаго человѣчества“, когда ему предстояла большая забота о родныхъ, оставшихся въ рабствѣ. Голованъ былъ выкупленъ самолично одинъ, а мать, три его сестры и тетка, бывшая впоследствии моею нянькою, оставались „въ крѣпости“. Въ такомъ же положеніи была и нѣжно любимая ими Павла или Павлагеюшка. Голованъ ставилъ первую заботою всѣхъ ихъ выкупить, а для этого нужны были деньги. По мастерству своему онъ могъ бы идти въ повара, или въ кандитеры, но онъ предпочелъ другое, именно молочное хозяйство, которое и началъ при помощи „ермоловской коровы“. Было мнѣніе, что онъ избралъ это потому, что самъ былъ молоканъ. Можетъ быть это значило просто, что онъ все возился съ молокомъ, но можетъ быть, что названіе это мѣтило прямо на его вѣру, въ которой онъ казался страннымъ, какъ и во многихъ иныхъ поступкахъ. Очень возможно, что онъ на Кавказѣ и зналъ молокановъ и что-нибудь отъ нихъ позаимствовалъ. Но это относится къ его странностямъ, до которыхъ дойдемъ ниже.

Молочное хозяйство пошло прекрасно: года черезъ три у Голована было уже двѣ коровы и быкъ, потомъ три, четыре, и онъ нажилъ столько денегъ, что выкупилъ мать, потомъ каждый годъ выкупалъ по сестрѣ, и всѣхъ ихъ забиралъ и сводилъ въ свою просторную, но прохладную лачугу. Такъ лѣтъ въ шесть, семь, онъ высвободилъ всю семью, но красавица Павла у него улетѣла. Къ тому времени, когда онъ могъ и ее выкупить, она была уже далеко. Ея мужъ, наѣздникъ Храпонъ, былъ плохой человѣкъ—онъ не угодилъ чѣмъ-то барину и въ примѣръ прочимъ былъ отданъ въ рекруты безъ зачета.

Въ службѣ Храпонъ попалъ въ „скачки“ въ кучера пожарной команды въ Москву и вытребовалъ туда жену; но вскорѣ и тамъ сдѣлалъ что-то нехорошее и бѣжалъ, а покинутая имъ жена, имѣя правъ тихій и робкій, убоялась коловратностей столичной жизни и возвратилась въ Орель. Здѣсь она тоже не нашла на старомъ мѣстѣ никакой опоры, и, гонимая нуждою, пришла къ Головану. Тотъ разумѣется ее тотчасъ же принялъ и помѣстилъ у себя въ одной и той же просторной горницѣ, гдѣ жили его сестры и мать. Какъ мать и сестры Голована смотрѣли на водвореніе Павлы, я доподлинно не знаю, но водвореніе ея въ ихъ домъ не посягло никакой распри. Всѣ женщины жили между собою очень дружно и даже очень любили бѣдную Павлагеюшку, а Голованъ всѣмъ имъ оказывалъ равную внимательность, а особенное почтеніе оказывалъ только матери, которая была уже такъ стара, что онъ лѣтомъ выносилъ ее на рукахъ и са-

жалъ на солнышко, какъ больного ребенка. Я помню, какъ она „заходила“ ужаснымъ кашлемъ и все молилась „о прибраніи“.

Всѣ сестры Голована были пожилыя дѣвушки и всѣ помогали брату въ хозяйствѣ: онѣ убирали и доили коровъ, ходили за курами и пряли необыкновенную пряжу, изъ которой потомъ ткали необыкновенныя же, и никогда мною послѣ этого невиданныя ткани. Пряжа эта называлась очень некрасивымъ словомъ „поплѣвки“. Матеріалъ для нея приносилъ откуда-то въ кулкахъ Голованъ и я видѣлъ и помню этотъ матеріалъ: онъ состоялъ изъ небольшихъ суковатыхъ обрывочковъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ нитей. Каждый обрывочекъ былъ длиною отъ вершка до четверти аршина, и на каждомъ такомъ обрывочкѣ непременно былъ болѣе или менѣе толстый узелокъ, или сучекъ. Откуда Голованъ бралъ эти обрывки — я не знаю, но очевидно, что это былъ фабричный отбросъ. Такъ мнѣ и говорили его сестры.

— Это, говорили, миленькій, гдѣ бумагу прядутъ и ткутъ, такъ какъ до такого узелка дойдутъ, сорвутъ его да на полъ и сплунутъ, потому что онъ въ берда не идетъ, а братецъ ихъ собираетъ, а мы изъ нихъ вотъ тепленькія одѣяльца дѣлаемъ.

Я видалъ какъ онѣ всѣ эти обрывки нитей терпѣливо разбирали, ссызывали ихъ кусочекъ съ кусочкомъ, наматывали образующуюся такимъ образомъ пеструю, разноцвѣтную нить на длинныя шпули; потомъ ихъ трастили, ссучивали еще толще, растягивали на колышкахъ по стѣнѣ, сортировали что нибудь одноцвѣтное для каемъ, и наконецъ ткали изъ этихъ „поплѣвокъ“ черезъ особое бердо „поплѣвовыя одѣяла“. Одѣяла эти съ виду были похожи на нынѣшнія байковые: такъ-же у каждого изъ нихъ было по двѣ каймы, но само полотно всегда было мрамористое. Узелки въ нихъ какъ-то сглаживались отъ ссучиванья и хотя были, разумѣется, очень замѣтны, но не мѣшали этимъ одѣяламъ быть легкими, теплыми и даже иногда довольно красивыми. При томъ же онѣ продавались очень дешево, — меньше рубля за штуку.

Эта кустарная промышленность въ семьѣ Голована шла безъ остановки и онъ вѣроятно находилъ сбытъ поплѣвовымъ одѣяламъ безъ затрудненія.

Павлагеюшка тоже вязала и сучила поплѣвки и ткала одѣяла, но кромѣ того она, по усердію къ пріютившей ее семьѣ, несла еще всѣ самыя тяжелыя работы въ домѣ: ходила подъ кручу на Орликъ за водою, носила топливо и прочее, и прочее.

Дрова уже и тогда въ Орлѣ были очень дороги, и бѣдные люди отапливались то гречневою лузгою, то навозомъ, а послѣднее требовало большой заготовки.

Все это и дѣлала Павла своими тонкими руками, въ вѣчномъ молчаніи глядя на свѣтъ Божій изъ подъ своихъ персидскихъ бровей. Знала ли она что ея имя „грѣхъ“, — я не свѣдуущъ, но таково было ея имя въ народѣ, который твердо стоитъ за выдуманныя имъ клички.

Да и какъ иначе: гдѣ женщина любящая живетъ въ домѣ у мужчины, который ее любилъ и искалъ на ней жениться,—тамъ, конечно, грѣхъ. И дѣйствительно, — въ то время, когда я ребенкомъ видалъ Павлу, она единогласно почиталась Головановымъ „грѣхомъ“, но самъ Голованъ не утрачивалъ черезъ это ни малѣйшей доли общаго уваженія и сохранялъ прозвище „несмертельнаго“.

V.

„Несмертельнымъ“ стали звать Голована въ первый годъ, когда онъ поселился въ одиночествѣ надъ Орликомъ съ своею „ермоловскою коровою“ и ея тсленкомъ. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее, вполне достовѣрное обстоятельство, о которомъ ни кто не вспомнилъ во время недавней „прокофьевской“ чумы. Было въ Орлѣ обычное лихолѣтье, а въ февралѣ на день св. Агафьи Коровницы по деревнямъ какъ надо побѣжала „коровья смерть“. Шло это, яко тому обычай есть и какъ пишется въ универсальной книгѣ иже глаголется: Прохладный вертоградъ: „Какъ лѣто сканчевается, а осень приближается тогда вскорѣ моровое повѣтріе начинается. А въ то время надобе всякому человѣку на всемогущаго Бога упованіе возложить и на пречистую Его Матерь и силою честнаго креста ограждатися и сердце свое воздержати отъ кручины и отъ ужаси и отъ тяжелой думы, ибо черезъ сіе сердце человѣческое умалется и скоро порса и язва прилѣпляется,—мозгъ и сердце захватить, осилѣтъ человѣка и борзо умереть“. Было все это тоже при обычныхъ картинахъ нашей природы „когда станутъ въ осень туманы густые и темные и вѣтеръ съ полуденной страны и послѣди дожди и отъ солнца воскуреніе земли и тогда надобе на вѣтръ не ходите, а сидѣти во избѣ въ топленой и оконъ не отворяти, а добро бы что бы въ томъ градѣ ни жити, и изъ того граду отходить въ мѣста чистыя“. Когда, т. е. въ какомъ именно году послѣдовалъ моръ, прославившій Голована „несмертельнымъ“ этого я не знаю. Такими мелочами тогда сильно не занимались и изъ за нихъ ни поднимали шума, какъ вышло изъ за Наума Прокофьева. Мѣстное горе въ своемъ мѣстѣ и кончалось, умиряемое однимъ уованіемъ на Бога и его пречистую Матерь, и развѣ только въ случаѣ сильнаго преобладанія въ какой нибудь мѣстности досужаго „интеллигента“ принимались своеобразныя оздоравлиющія мѣры: „во дворѣхъ огонь раскладали ясный, дубовымъ древомъ дабы дымъ расходился, а въ избахъ курили пельнею и можжееловыми дровами и листіемъ рутовымъ“. Но все это могъ дѣлать только интеллигентъ и при томъ при хорошемъ зажиткѣ, а смерть борзо брала не интеллигента, а того, кому ни въ избѣ топленой сидѣть некогда, да и древомъ дубовымъ раскрытый дворъ топить не по силамъ. Смерть шла объ руку съ голодомъ и другъ друга поддерживали. Голодающіе собирались у голодающихъ же,

больные умирали, „борзо“, т. е. скоро, что крестьянину и выгодно. Долгих томленій не было, не было слышно и выздоравливающих. Кто заболѣлъ тотъ „борзо“ и померъ, кромѣ одного. Какая это было болѣзнь, — научно не опредѣлено, но народно ее звали „пазуха, или вередь“, или „жмыховой пупырухъ“, или даже просто „пупырухъ“. Началось это съ хлѣбородныхъ уѣздовъ, гдѣ за неимѣніемъ хлѣба ѣли конопляный жмыхъ. Въ Карачевскомъ и Брянскомъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне мѣшали горсть непросѣвной муки съ толченой корою, была болѣзнь иная, тоже смертоносная, но не пупырухъ. „Пупырухъ“, показался сначала на скотѣ, а потомъ передавался людямъ. „У человѣка подъ пазухами или на шеѣ садится болячка червенна и въ тѣлѣ колотье почюеть, и внутри негасимое горячество или во удестьхъ нѣкая студеность, и тяжкое воздыханіе и не можетъ воздыхати — духъ въ себя тянеть и паки выпускаетъ; сонъ найдетъ, что не можетъ перестать спать; явится горестъ, кислость и блеваніе; въ лицѣ человѣкъ смѣнится, станетъ образомъ глиностенъ и борзо помираетъ“. Можетъ быть это была сибирская язва, можетъ быть какая нибудь другая язва, но только она была губительна и безпощадна, а самое распространенное названіе ей, опять повторяю, было „пупырухъ“. Вскочить на тѣлѣ прыщъ, или по-простонародному „пупырышекъ“, за желтоголовится, вокругъ зардѣетъ и къ суткамъ начинается мясо отгнивать, а потомъ борзо и смерть. Смерть, или то есть самая кончина представлялась „въ добрыхъ видахъ“. Кончина приходила тихая, не мучительная, самая крестьянская, только всѣмъ помиравшимъ до послѣдней минутки хотѣлось пить. Въ этомъ и былъ весь не долгій и не утомительный уходъ, котораго требовали, или лучше сказать вымаливали себѣ больные. Однако уходъ за ними даже въ этой формѣ былъ не только опасенъ, но почти невозможенъ, — человѣкъ, который сегодня подавалъ пить заболѣвшему родичу—завтра самъ заболѣвалъ „пупырыхомъ“, и въ домѣ не рѣдко ложилось два и три покойника рядомъ. Остальные въ осиротѣлыхъ семьяхъ умирали безъ помощи, — безъ той единственной помощи, о которой заботится нашъ крестьянинъ, „чтобы было кому подать напиться“. Вначалѣ такой сирота поставитъ себѣ у изголовья ведро съ водою и черпаетъ ковшикомъ, пока рука поднимается, а потомъ сосучитъ изъ рукава или изъ подола рубашки соску, смочетъ ее, сунетъ себѣ въ ротъ, да такъ съ ней и закусенѣетъ.

Большое личное бѣдствіе—плохой учитель милосердія. По крайней мѣрѣ оно не хорошо дѣйствуетъ на людей обыкновенной, урядовой нравственности, невозвышающейся за черту простаго состраданія. Оно притупляетъ чувствительность сердца, которое само тяжело страдаетъ и полно ощущенія собственныхъ мученій. За то въ этакія горестныя минуты общаго бѣдствія среда народная выдвигаетъ изъ себя героевъ великодушія, людей безстрашныхъ и самоотверженныхъ. Въ обыкновенное время они не видны и часто ни чѣмъ не выдѣляются изъ

массы; но наскочить на людей „пунырушекъ“ и народъ выдѣляетъ изъ себя избранника и тотъ творить чудеса, которыя дѣлаютъ его лицомъ миѳическимъ, баснословнымъ „несмертельнымъ“. Голованъ былъ изъ такихъ и въ первый же моръ превзошелъ и затмилъ въ народномъ представленіи другого здѣшняго замѣчательнаго человѣка, купца Ивана Ивановича Андросова. Андросовъ былъ честный старикъ, котораго уважали и любили за доброту и справедливость, и онъ „близко-помощенъ“ былъ ко всѣмъ народнымъ бѣдствіямъ. Помогалъ онъ и въ „мору“ потому, что имѣлъ списаннымъ „врачеваніе“ и все оное переписывалъ и множилъ. Списанія эти у него брали и читали по разнымъ мѣстамъ, но понять не могли и „приступить не знали“. Писано было: „аще болячка явится поверхъ главы или иномъ мѣстѣ выше пояса, — пушай много кровь изъ медіаны; аще явится на челѣ, то пушай скоро кровь изъ подъ языка: аще явится подлѣ ушей и подъ бородою, пушай изъ сефалиевы жилы, аще же явится подъ пазухами, то значить сердце больно, и тогда въ той сторонѣ медіанъ отвориай“. На всякое мѣсто „гдѣ тягосно услыпишь“ расписано было какую жилу отворять саѣенову, или противъ большаго перста, или жилу спатику, полуматику, или жилу базику, съ наказомъ пущать изъ нихъ кровь течи дондеже зелена станетъ и перемѣнится. А лѣчить еще „левкаремъ да антелемъ, печатною землею да землею арменскою; виномъ малмозеею да водкой буглосовою, вирианомъ виницейскимъ, митридатомъ да сахаромъ монюсъ-кристи“, а входящимъ къ больному „держать во ртѣ дягилева корнѣе, а въ рукахъ—пелынь, а ноздри сворбориновымъ уксусомъ помазаны и губу въ уксусѣ мочену жохоть“. Никто ничего въ этомъ понять не могъ точно въ казенномъ указѣ, въ которомъ писано и переписано, то туда, то сюда и „въ дву потомужъ“. Ни жилъ такихъ не находили, ни вина малмозеи, ни земли арменской, ни водки буглосовой, и читали люди списанія добраго старичка Андросова болѣе только для „утоли моя печали“. Примѣнять же изъ нихъ могли однѣ заключительныя слова: „а гдѣ бываетъ моръ и въ тѣ мѣста ненадобе ходить, а отходить прочъ“. Это и соблюдали во множествѣ, и самъ Иванъ Ивановичъ держалъ тое-жъ правило, и сидѣлъ въ избѣ топленой и раздавалъ врачебныя списанія въ подворотенку, задерживая въ себѣ духъ и держа во рту дягиль-корень. Къ больнымъ можно было безопасно входить только тѣмъ, у кого есть оленьи слезы или безоаръ камень; но ни слезъ оленьихъ, ни камня безоара у Ивана Ивановича не было, а въ аптекахъ на Болховской улицѣ камень хотя можетъ быть и водился, но аптекаря были, одинъ изъ поляковъ, а другой нѣмецъ,—къ русскимъ людямъ надлежащей жалости не имѣли и безоаръ камень для себя берегли. Это было вполне достоверно потому, что одинъ изъ двухъ орловскихъ аптекарей какъ потерялъ свой безоаръ, такъ сейчасъ же на дорогѣ у него стали уши желтѣть, око одно ему противъ другаго убавилось и онъ сталъ дрожать и хоша желалъ вспотѣть и для того

вѣлѣлъ себѣ дома въ подошвамъ каленный кирпичъ приложить, однако невспотѣлъ, а въ сухой рубахѣ умеръ. Множество людей искали потерянный аптекаремъ безоаръ, и кто-то его нашелъ, только не Иванъ Ивановичъ, потому что онъ тоже умеръ.

И вотъ въ это-то ужасное время когда интеллигенты отирались уксусомъ и не выпускали духу, побѣднымъ слободскимъ хибаркамъ еще ожесточеннѣе пошелъ „пупырухъ“; люди начали здѣсь умирать „соплошъ и безъ всякой помощи“—и вдругъ тамъ на нивѣ смерти появился съ изумительнымъ безстрашіемъ Голованъ. Онъ, вѣроятно, зналъ или думалъ будто знаетъ какую-то медицину, потому что клалъ на опухоли больныхъ своего приготовленія „кавказскій пластырь“; но этотъ его кавказскій, или ермоловскій пластырь помогалъ плохо. Пупыруховъ Голованъ не вылѣчивалъ такъ же какъ и Андросовъ, но за то велика была его услуга больнымъ и здоровымъ въ томъ отношеніи, что онъ безбоязненно входилъ въ зачумленные лачуги и поилъ зараженныхъ не только свѣжею водою, но и снятымъ молокомъ, которое у него оставалось изъ подъ клубныхъ сливокъ. Утромъ рано до зари переправлялся онъ на снятыхъ съ петель сарайныхъ воротникахъ черезъ Орликъ (лодки здѣсь не было) и съ бутылками за необъятнымъ нѣдромъ шнырялъ изъ лачужки въ лачужку, чтобы промочить изъ скляницы засохшія уста умирающихъ, или поставить мѣломъ крестъ на двери, если драма жизни здѣсь уже кончилась и занавѣсъ смерти закрылась надъ послѣднимъ изъ актеровъ.

Съ этихъ поръ доселѣ малоизвѣстнаго Голована широко узнали во всѣхъ слободахъ и началось къ нему большое народное тяготѣніе. Имя его, прежде знакомое прислугѣ дворянскихъ домовъ, стали произносить съ уваженіемъ въ народѣ; начали видѣть въ немъ человека, который не только можетъ „заступить умершаго Ивана Ивановича Андросова, а даже болѣе его означать у Бога и у людей“. А самому безстрашію Голована неумедлили подыскивать сверхъ-естественное объясненіе: Голованъ очевидно что-то зналъ, и въ силу такого знахарства онъ былъ „несмертельный“...

Позже оказалось, что это такъ именно и было: это помогъ всѣмъ разяснить пастухъ Панька, который видѣлъ за Голованомъ вещь невѣроятную, да подтверждалось это и другими обстоятельствами.

Язва Голована не касалась. Во все время, пока она свирѣпствовала въ слободахъ, ни самъ онъ, ни его „ермоловская“ корова съ бычкомъ ни чѣмъ не заболѣли; но этого мало: самое важное было то, что онъ обманулъ и извелъ, или, держась мѣстнаго говора „изништожилъ“ саму язву, и сдѣлалъ то не пожалѣвъ крови своей за народушко.

Потерянный аптекаремъ безоаръ камень былъ у Голована. Какъ онъ ему достался—это было неизвѣстно. Полагали, что Голованъ несъ сливки аптекарю для обыденной мази, и увидалъ этотъ камень, и утаилъ его. Честно это или не честно было произвести такую утайку,

про то строгой критики не было, да и быть не должно. Если не грѣхъ взять и утаить съѣдомое, потому что съѣдомое Богъ всѣмъ дарствуетъ, то тѣмъ паче непредосудительно взять цѣлебное вещество, если оно дано къ общему спасенію. Такъ у насъ судятъ,—такъ и я сказываю. Голованъ же, утаивъ аптекаревъ камень, поступилъ съ нимъ великодушно, пустивъ его на общую пользу всего рода христіанскаго.

Все это, какъ я выше уже сказалъ, обнаружилъ Панька, а общій разумъ мірской это выяснилъ.

VI.

Панька, разноглазый мужикъ съ выцвѣтшими волосами, былъ подпаскомъ у пастуха и, кромѣ общей пастушей должности, онъ еще гонялъ по утрамъ на росу перекрещиванскихъ коровъ. Въ одно изъ такихъ раннихъ своихъ занятій, онъ и подсмотрѣлъ все дѣло, которое вознесло Голована на верхъ величія народнаго.

Это было по веснѣ, должно быть вскорѣ послѣ того, какъ выѣхалъ на русскія поля изумрудныя молодой Егорій свѣтло-храбрый, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, по концамъ звѣзды перехожія, а божій людъ честной-праведный выгналъ встрѣчъ ему малъ и крупенъ скотъ. Травка была еще такъ мала, что овца и коза ею едва-едва наѣдались, а толстогубая корова мало могла захватывать. Но подъ плетнями въ тѣняхъ и по канавкамъ уже ботвъли полны и крапива, которыя съ росой за нужду ѣлися.

Выгналъ Панька перекрещиванскихъ коровъ рано, еще затемно, и прямо бережкомъ около Орлика, прогналъ за слободу на полянку, какъ разъ напротивъ конца третьей дворянской улицы, гдѣ съ одной стороны по скату шелъ старый, такъ называвшійся „городецкій“ садъ, а слѣва на своемъ обрывкѣ лѣшилось Голованово гнѣздо.

Было еще холодно, особенно передъ зарею, по утрамъ, а кому спать хочется, тому еще холоднѣе кажется. Одежда на Панькѣ была, разумѣется, плохая, сиротская, какая нибудь рвань съ дырой на дырѣ. Парень вертится на одну сторону, вертится на другую, молитъ чтобы святой Ѳеодулъ на него тепломъ подулъ, а намѣсто того все холодно. Только заведетъ глаза, а вѣтерокъ заюлитъ, заюлитъ въ прорѣху, и опять разбудить. Однако молодая сила взяла свое: натянулъ Панька свитку на себя совсѣмъ сверхъ головы, шалашикомъ, и дремалъ. Часъ какой не разлышалъ, потому что зеленая богоявленская колокольня далеко. А вокругъ никого, ни гдѣ ни одной души человѣческой, только толстыя купеческія коровы пыхтятъ да нѣтъ-нѣтъ въ Орликѣ рѣзвый окунь всплеснетъ. Дремлется пастуху и въ дырявой свиткѣ. Но вдругъ, какъ будто что то его подъ бокъ толкнуло, вѣроятно зефиръ гдѣ нибудь еще новую дыру нашелъ. Панька

вскинулся, повелъ съ просонья глазами, хотѣлъ крикнуть: „куда ко-молая“, и остановился. Показалось ему что кто-то на той сторонѣ спускается съ кручи. Можетъ быть воръ хочетъ закопать въ глину что нибудь краденое. Панька заинтересовался: можетъ быть онъ подстережетъ вора и накроетъ его, либо закричитъ ему „чуръ вмѣстѣ“, а еще лучше постарается хорошенько замѣтить похоронку, да потомъ переплыветъ днемъ Орликъ, выкопаетъ и все себѣ безъ раздѣла возметъ.

Панька возрился, и все на кручу за Орликъ смотреть. А зари еще и теперъ не было, и на дворѣ чуть сѣрѣло.

Вотъ это, что спускалось съ кручи сошло, стало на воду и идетъ. Да; такъ просто идетъ по водѣ, будто по суху, и не плескаетъ ни чѣмъ, а только костьюкомъ подпирается. Панька оторопѣлъ. Тогда въ Орлѣ изъ мужскаго монастыря чудотворца ждали, и голоса уже изъ подполицы слышали. Началось это сразу послѣ „Никодимовыхъ похоронъ“. Архіерей Никодимъ былъ злой человѣкъ, отличившійся къ концу своей земной карьеры тѣмъ, что желая имѣть еще одну кавалерію, онъ изъ угодливости сдалъ въ солдаты очень много духовныхъ, между которыми были и единственные сыновья у отцовъ, и даже сами семейные дьячки и пономари. Они выходили изъ города цѣлой партіей, заливаясь слезами. Провожавшіе ихъ также рыдали, и самый народъ, при всей своей нелюбви къ многоовчинному поповскому брюху плакалъ и подавалъ имъ милостыню. Самому партіонному офицеру было ихъ такъ жалко, что онъ, желая положить конецъ слезамъ, велѣлъ новымъ рекрутамъ запѣть пѣсню, а когда они хоромъ стройно и громко затянули ими же сложенную пѣсню:

Архирей напѣ Никодимъ
Архилютый крокодилъ.

то будто бы и самъ офицеръ заплакалъ. Все это тонуло въ морѣ слезъ, и чувствительнымъ душамъ представлялось зломъ вопіющимъ на небо. И какъ только дошло ихъ вопленіе до неба, въ Орлѣ пошли „гласы“. Сначала „гласы“ были не внятные, и неизвѣстно отъ кого шли, но когда Никодимъ вскорѣ послѣ этого умеръ и былъ погребенъ подъ церковью, то пошла явная рѣчь отъ прежде его погребеннаго томъ епископа (кажется Апполоса). Прежде отшедшій епископъ былъ недоволенъ новымъ сосѣдствомъ и ни чѣмъ не стѣсняясь прямо говорилъ: „возмите вонъ отсюда это падло, душно мнѣ съ нимъ“. И даже угрожалъ, что если „падло“ не уберутъ, то онъ самъ „уйдетъ и въ другомъ городѣ явится“. Это многіе люди слышали. Какъ бывало пойдутъ въ монастырь ко всенощной и отстоявъ службу идутъ назадъ, имъ и слышно; стонетъ старый архіерей: „возмите падло“. Всѣмъ очень желалось чтобы заявленіе добраго покойника было исполнено, но не всегда внимательное къ нуждамъ народа начальство не выбрасывало Никодима и явно открывавшійся угодникъ всякую минуту могъ „сойдти съ двора“.

Вотъ ни что иное какъ это самое теперь и происходило: угодникъ уходитъ, и видить его только одинъ бѣдный пастушокъ, который такъ отъ этого растерялся, что не только не задержалъ его, но даже не замѣтилъ какъ святой уже и изъ глазъ у него пропалъ. На дворѣ же только чуть начало свѣтать. Со свѣтомъ къ человѣку прибываетъ смѣлости, съ смѣлостью усиливается любознательность. Панька захотѣлъ подойти къ самой водѣ, черезъ которую только что прослѣдовало таинственное существо; но едва онъ подошелъ, какъ видить тутъ мокрая воротища, къ бережку шестомъ приткнѣты. Дѣло выяснилось, значить это не угодникъ прослѣдовалъ, а просто приплылъ нѣсмертельный Голованъ такъ рано, вѣрно какихъ нибудь обезродившихъ ребятишекъ пошелъ изъ нѣдра молочкомъ привѣтитъ. Панька подивился когда Голованъ и спитъ... Да и какъ онъ, этакой мужичище, плаваетъ на этакой посудинѣ какъ половинка воротъ? Правда, что Орликъ рѣка не великая и воды его захваченныя пониже запрудю тихи какъ въ лужѣ, но все таки каково это на воротахъ плавать?

Панькѣ захотѣлось самому это попробовать. Онъ сталъ на воротца, взялъ шестикъ, да шая и переѣхалъ на ту сторону, а тамъ сошелъ на берегъ Головановъ домъ посмотрѣть, потому что уже хорошо забрезжило, а между тѣмъ Голованъ въ ту минуту и кричить съ той стороны: „Эй! кто мои ворота угналъ! назадъ давай!“

Панька былъ малый не большой отваги и не приученъ былъ разсчитывать на чье либо великодушiе, а потому испугался и сдѣлалъ глупость. вмѣсто того, чтобы подать Головану назадъ его плоть, Панька взялъ да и схоронился въ одну изъ глиняныхъ ямокъ, которыхъ тутъ было множество. Залегъ Панька въ яминку, и сколько его Голованъ ни звалъ съ той стороны, онъ не показывается. Тогда Голованъ, видя, что ему не достать своего корабля, сбросилъ тулупъ, раздѣлся до нога, связалъ весь свой гардеробъ ремнемъ, положилъ на голову и поплылъ черезъ Орликъ. А вода была еще очень холодна.

Панька объ одномъ заботился, чтобы Голованъ его не увидалъ и не побилъ; но скоро его вниманiе было привлечено къ другому. Голованъ переплылъ рѣку и началъ было одѣваться, но вдругъ присѣлъ, глянулъ себѣ подъ лѣвое колѣно и остановился.

Было это такъ близко отъ яминки, въ которой прятался Панька, что ему все было видно изъ-за глыбинки, которою онъ могъ закрываться. И въ это время уже было совсѣмъ свѣтло, заря уже румянѣла, и хотя большинство горожанъ еще спали, но подъ городецкимъ садомъ появился молодой царень съ косою, который началъ окашивать и складывать въ плетушку крапиву.

Голованъ, замѣтилъ косаря и, вставъ на ноги въ одной рубахѣ, громко крикнулъ ему:

— Малецъ, дай скорѣй косу!

Малецъ принесъ косу, а Голованъ говорить ему:

— Поди мнѣ большой лопухъ сорви, и какъ парень отъ него отвернулся, онъ снялъ косу съ косья, присѣлъ опять на корточкеи, оттянулъ одною рукою икру у ноги, да въ одинъ махъ всю ее и отрѣзалъ прочь. Отрѣзанный шматъ мяса величиною въ деревенскую лепешку швырнулъ въ Орликъ, а самъ зажалъ рану обѣими руками и повалился.

Увидѣвъ это, Панька про все позабылъ, выскочилъ и сталъ звать косаря.

Парни взяли Голована и перетащили къ нему въ избу, а онъ здѣсь пришелъ въ себя, велѣлъ достать изъ коробки два полотенца и скрутить ему порѣзъ какъ можно крѣпче. Они стянули его изо всей силы, такъ что кровь перестала.

Тогда Голованъ велѣлъ имъ поставить около него ведро съ водою и ковшикъ, а самимъ идти къ своимъ дѣламъ, и никому про то, что было, не сказывать. Они же пошли и, трясясь отъ ужаси, всѣмъ рассказали. А услышавшіе про это сразу догадались, что Голованъ это сдѣлалъ неспроста, а что онъ такимъ образомъ, изболясь за людей, бросилъ язвъ шматъ своего тѣла на тотъ конецъ, чтобы онъ прошелъ жертвницей по всѣмъ русскимъ рѣкамъ изъ малаго Орлика въ Оку, изъ Оки въ Волгу по всей Руси великой до широкаго Каспія, и тѣмъ Голованъ за всѣхъ отстрадалъ, а самъ онъ отъ этого не умретъ, потому что у него въ рукахъ аптекаревъ живой камень и онъ человѣкъ „несмертельный“.

Сказъ этотъ пришелъ всѣмъ по мысли да и предсказаніе оправдалось: Голованъ не умеръ отъ своей страшной раны. Лихая же хвороба послѣ этой жертвы дѣйствительно прекратилась и настали дни успокоенія: поля и луга уключились густой зеленью и привольно стало по нимъ разтѣзжать молодому Егорію свѣтло-храброму, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, а по концамъ звѣзды переходящія. Отбѣлились холсты свѣжею юревой росой, выѣхалъ вмѣсто витязя Егорія въ поле Іеремія пророкъ съ тяжелымъ ярмомъ, волоча сохи да бороны, засвистали соловьи въ Борисовъ день, утѣшая мученика, стараньями святой Мавры засинѣла крѣпкая расада, прошелъ Зосима святой съ долгимъ костьюлемъ, въ набалдашникѣ пчелиную матку пронесъ; минулъ день Ивана Богословца „Николина батушки“ и самъ Никола отпразднованъ, и сталъ на дворѣ Симонъ Зилоть, когда земля именинница. На землины именины Голованъ вылѣзъ на завалинку, и съ той поры мало по малу ходить началъ и снова за свое дѣло принялся. Здоровье его, повидимому, ни мало не пострадало, но только онъ „шкандыбать“ сталъ,—на лѣвую ножку подпрыгивалъ.

О трогательности и отвагѣ его кроваваго надъ собою поступка, вѣроятно, имѣли самое высокое мнѣніе, но судили о немъ такъ, какъ я сказалъ: естественныхъ причинъ ему не доискивались, а, окутавъ все своею фантазіею сочинили изъ естественнаго событія баснословную

легенду, а изъ простого, простодушнаго Голована сдѣлали мнѣическое лицо, что то въ родѣ волхва, кудесника, который обладалъ неодолимымъ талисманомъ и могъ на все отважиться и нигдѣ не погибнуть.

Зналъ или не зналъ Голованъ, что ему присвоивала такіа дѣла людская молва, мнѣ неизвѣстно. Однако я думаю, что онъ зналъ, потому что къ нему очень часто обращались съ такими просьбами и вопросами, съ которыми можно обращаться только къ доброму волшебнику. И онъ на многіе такіе вопросы давалъ „помогательные совѣты“, и вообще ни за какой спросъ не сердился. Бывалъ онъ по слободамъ и за коровьяго врача и за людского лѣкаря, и за инженера, и за звѣздочія, и за аптекаря. Онъ умѣлъ сводить шелуди и коросту, опять-таки какою то „ермоловской мазью“, которая стоила одинъ мѣдный грошъ на трехъ человѣкъ; вынималъ соленымъ огурцомъ жаръ изъ головы; зналъ, что травы надо собирать съ Ивана до полу-Петра, и отлично „воду показывать“, то есть гдѣ можно колодезь рыть. Но это онъ могъ, впрочемъ, не во всякое время, а только съ начала іюня, до св. Ѳедора Колодезника, пока, „вода въ землѣ слышно какъ идетъ по суставчикамъ“. Могъ Голованъ сдѣлать и все прочее, что только человѣку надо, но на остальное у него передъ Богомъ былъ зарокъ данъ за то, чтобы пупырухъ остановился. Тогда онъ это кровью своею подтвердилъ и держалъ крѣпко-на-крѣпко. За то его и Богъ любилъ и миловалъ, а деликатный въ своихъ чувствахъ народъ никогда не просилъ Голована о чемъ ненадобно. По народному этикету это такъ у насъ принято.

Головану впрочемъ столь нетягостно было отъ мистическаго облака, которымъ повивала его народная fama, что онъ, не употреблялъ кажется никакихъ усилій разрушить все, что о немъ сложилось. Онъ зналъ, что это напрасно.

Когда я съ жадностію пробѣгалъ листы романа Виктора Гюго „Труженики моря“, и встрѣтилъ тамъ Жильята, съ его гениально очерченной строгостію къ себѣ и снисходительностію къ другимъ, достигшей высоты совершеннаго самоотверженія, я былъ пораженъ не однимъ величіемъ этого облика и силою его изображенія, но также и тождествомъ гернсейскаго героя съ живымъ лицомъ, котораго я зналъ подъ именемъ Голована. Въ нихъ жилъ одинъ духъ и бились равнымъ боемъ чистыя сердца. Не много разнились они и въ своей судьбѣ: во всю жизнь вокругъ нихъ густѣла какая-то тайна, именно потому, что они были слишкомъ чисты и ясны и какъ одному, такъ и другому не выпало на долю ни одной капли личнаго счастья.

VII.

Голованъ, какъ и Жильятъ казался „сумнителенъ въ вѣрѣ“. Думали, что онъ былъ какой нибудь раскольникъ, но это еще не важно, потому, что въ Орлѣ въ то время было много всякаго разно-

вѣри: тамъ были (да вѣрно и теперь есть) и простые старовѣры, и старовѣры не простые, — и едосѣвцы, „пилипоны“, и перекрещиванцы, — были даже хлысты, и „люди божіи“, которыхъ далеко выслали судомъ человѣческимъ. Но всѣ эти люди крѣпко держались своего стада и твердо порицали всякую иную вѣру, — особились другъ отъ друга въ молитвѣ и яденіи, и однихъ себя разумѣли на „пути правомъ“. Голованъ же велъ себя такъ, какъ будто онъ даже совсѣмъ не зналъ ничего настоящаго о наилучшемъ пути, а ломалъ хлѣбъ отъ своей краюхи безъ разбору каждому, кто просилъ, и самъ садился за чей угодно столъ, гдѣ его приглашали. Даже жиду Юшкѣ изъ гарнизона онъ давалъ для дѣтей молока. Но не христіанская сторона это послѣдняго поступка по любви народа къ Головану имѣла то извиненіе, что Голованъ, заботившая Юшку, всеконечно хотѣлъ добыть у него тщательно сохраняемыя евреями іудины губы, которыми можно передъ судомъ отолгаться или волосатый овощъ, который жидамъ жажду тушить, такъ что они могутъ вина не пить. Но что совсѣмъ было непонятно въ Голованѣ это то, что онъ водился съ мѣдникомъ Антономъ, который пользовался въ разсужденіи всѣхъ настоящихъ качествъ самою плохую репутацію. Этотъ человѣкъ ни съ кѣмъ не соглашался въ самыхъ священныхъ вопросахъ, выводилъ какіе-то таинственные зодіи и даже что-то сочинялъ. Жилъ Антонъ въ слободѣ, въ пустой горенкѣ на чердачкѣ, платя по полтинѣ въ мѣсяцъ, но держалъ тамъ такія страшныя вещи, что къ нему никто не заходилъ кромѣ Голована. Извѣстно только было, что онъ имѣлъ здѣсь планъ, рѣкомый „зодіи“ и стекло, которымъ „съ солнца огонь изводилъ“; а кромѣ того у него былъ лазъ на крышу, куда онъ выгѣзалъ ночами наружу, садился какъ котъ у трубы, выставлялъ плезирную трубку и въ самое сонное время на небо смотрѣлъ. Приверженность Антона къ этому инструменту не знала предѣловъ, — особенно въ звѣздныя ночи, когда ему видны были всѣ зодіи. Какъ только прибѣжить отъ хозяина, гдѣ работалъ мѣдную работу — сейчасъ проскользнетъ черезъ свою горенку и уже лѣзетъ изъ слуховаго окна на крышу, и если есть на небѣ звѣзды, — онъ цѣлыя ночи сидитъ и все смотритъ. Ему это могли бы крестить, если бы онъ былъ ученый, или покрайней мѣрѣ нѣмецъ, но какъ онъ былъ простой русскій человѣкъ — его долго отъучали, и неразъ доставали шестами и бросали навозомъ и дохлой кошкой, но онъ ни чему не внималъ и даже не замѣчалъ какъ его тычутъ. Всѣ смѣясь звали его „Астраномъ“, — а онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ астраномъ¹⁾! Человѣкъ онъ былъ тихій и очень честный, но вольноду-

¹⁾ Я и мой товарищъ по гимназіи нынче извѣстный русскій математикъ К. Д. Краевичъ, знавали этого антика, въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда мы были въ третьемъ классѣ орловской гимназіи и жили вмѣстѣ въ домѣ Лосевыхъ. „Антонъ-Астраномъ“ (тогда уже престарѣлый) дѣйствительно имѣлъ кое-какія понятія о небесныхъ свѣтилахъ и законахъ вращенія, но главное, что было интересно: онъ самъ приготовлялъ для своихъ трубъ стекла, отшлифовывалъ ихъ пескомъ и камнемъ изъ донешекъ

мечь: увѣрялъ что земля вертится, и что мы бываемъ на ней внизъ головами. За эту послѣднюю очевидную несообразность онъ былъ признанъ дурачкомъ и потому сталъ пользоваться свободой мышленія, составляющею привилегію этого выгоднаго у насъ званія. Онъ не признавалъ седьмизнѣ Даниила прорѣченными на русское царство, говорилъ что „звѣрь десятирогій“ заключается въ одной аллегоріи, а звѣрь медвѣдица — астрономическая фигура, которая есть въ его планахъ; а также вовсе не православно онъ разумѣлъ о „крылѣ орла“, фіалахъ и печати антихристовой. Но ему, какъ слабоумному, все это уже прощалось. Онъ былъ не женатъ, потому что некогда ему было жениться и не чѣмъ было бы кормить жену, да и какая же дура рѣшилась бы выйти за астронома? Голованъ же былъ въ полномъ умѣ, но нетолько водился съ астрономомъ, а и не шутилъ надъ нимъ; ихъ даже видали ночами вмѣстѣ на астрономовой крышѣ, какъ они то одинъ, то другой переминаясь посматривали въ плезириную трубку на зодіи. Понятно, что за мысли могли внушать эти двѣ стоящія ночью у трубы фигуры, вокругъ которыхъ работали мечтательное суевѣріе, медицинская поэзія, религіозный бредъ и недоумѣніе... И наконецъ сами обстоятельства ставили Голована въ нѣсколько странное положеніе: не извѣстно было—какого онъ прихода... Холодная хибара его торчала на такомъ отлетѣ, что никакіе духовные стратеги не могли ее присчитать къ своему вѣдѣнію, а самъ Голованъ объ этомъ не заботился, и если его уже очень докучно спрашивали о приходѣ, отвѣчалъ:

— Я изъ прихода Творца-Вседержителя,—а такого храма во всемъ Орлѣ не было.

Жилъ, въ отвѣтъ на предложенный ему вопросъ, гдѣ его приходъ, только поднималъ вверхъ палецъ и указавъ на небо сказалъ:

— „Вонъ тамъ“; но сущность обоихъ этихъ отвѣтовъ одинакова.

Голованъ любилъ слушать о всякой вѣрѣ, но своихъ мнѣній на этотъ счетъ какъ будто не имѣлъ, и на случай неотступнаго вопроса: „како вѣруеши?“ читалъ:

„Вѣрую во единого Бога-Отца, вседержителя творца, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“.

Это, разумѣется, уклончивость.

Впрочемъ напрасно бы кто нибудь подумалъ, что Голованъ былъ сектантъ, или бѣжалъ церковности. Нѣтъ, онъ даже ходилъ къ отцу Петру въ Борисоглѣбскій соборъ „совѣсть повѣрять“. Придетъ, и скажетъ:

— Посрамите меня, батюшка, что-то очень каяться хочу.

Я помню этого отца Петра, который къ намъ хаживалъ и од-

толстыхъ хрустальныхъ стакановъ и черезъ нихъ онъ оглядывалъ цѣлое небо... Жилъ онъ нищимъ, но не чувствовалъ своей нищеты потому-что находился въ постоянномъ восторгѣ отъ „зодій“.

нажды, когда мой отецъ сказалъ ему къ какому-то слову, что Голованъ, кажется, человѣкъ превосходной совѣсти, то отецъ Петръ отвѣчалъ:

— Не сомнѣвайтесь; его совѣсть снѣга бѣлѣй.

Голованъ любивъ возвышенныя мысли и зналъ Поппе, но не такъ какъ знаютъ писателя люди прочитавшіе его произведение. Нѣтъ; Голованъ одобрилъ „Опытъ о человѣкѣ“, подаренный ему тѣмъ же Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ зналъ всю поэму наизусть. И я помню, какъ онъ бывало слушаетъ стоя у притоки разсказъ о какомъ нибудь новомъ грустномъ происшествіи и вдругъ воздохнувъ отвѣчаетъ:

„Любезный Болинброкъ, гордыня въ насъ одна
„Всѣхъ заблужденій сихъ неистовыхъ вина“.

Читатель напрасно бы сталъ удивляться, что такой человѣкъ какъ Голованъ перекидывался стихами Поппе. Тогда было время жестокое, но поэзія была въ модѣ, и ея великое слово было дорого даже мужамъ кровей. Отъ господъ это снисходило до плебса. Но теперь я дохожу до самаго большого казуса въ исторіи Голована,—такого казуса, который уже несомнѣнно бросалъ на него двусмысленный свѣтъ, даже въ глазахъ людей не склонныхъ вѣрить всякому вздору. Голованъ представлялся нечистымъ въ какомъ-то отдаленномъ прошломъ. Это оказалось вдругъ, но въ самыхъ рѣзкихъ видахъ. Появилась на стогнахъ Орла личность, которая ни въ чьихъ глазахъ ничего не значила, но на Голована заявляла могущественныя права и обходилась съ нимъ съ невѣроятною наглостію.

Эта личность и исторія ея появленія есть довольно характерный эпизодъ изъ исторіи тогдашнихъ нравовъ и не лишенная колорита бытовая картинка. А потому—прошу минуту вниманія въ сторону,—немножко вдале отъ Орла, въ края еще болѣе теплыя, къ тихоструйной рѣкѣ въ ковровыхъ берегахъ, на народный „пиръ вѣры“, гдѣ мѣста дѣловой, будничной жизни; гдѣ все,—рѣшительно все, проходитъ черезъ своеобразную религіозность, которая и придаетъ всему какую-то особенную рельефность и живость. Мы должны побывать при открытіи мощей новаго угодника, что составляло для самыхъ разнообразныхъ представителей тогдашняго общества, событіе величайшаго значенія. Для простого же народа это была эпопея, или какъ говорилъ одинъ тогдашній витія—„свершался священный пиръ вѣры“.

VIII.

Такого движенія, которое началось ко времени открытія торжества, не можетъ передать ни одно изъ напечатанныхъ въ то время сказаній. Живая, но низменная его сторона отъ нихъ уходила. Это не было нынѣшнее спокойное путешествіе въ почтовыхъ экипажахъ или по желѣзнымъ дорогамъ съ остановками въ благоустроенныхъ гостини-

ницахъ, гдѣ есть все нужное и за сходную цѣну. Тогда путешествіе было подвигомъ и въ этомъ случаѣ благочестивымъ подвигомъ, котораго впрочемъ и стоило ожидаемое торжественное событіе въ церкви. Въ немъ было такъ же много и поэзіи, — опять таки особенной, — пестрой и проникнутой разнообразными переливами церковно-бытовой жизни, ограниченной народной наивности и безконечныхъ стремленій живаго духа.

Изъ Орла къ этому торжеству, отправилось множество народа. Больше всего разумѣется, усердствовало купечество, но не отставали и средней руки помѣщики, особенно же валилъ простой народъ. Эти шли пѣшкомъ. Только тѣ, кто везъ „для цѣльбы“ немощныхъ тянулись на какой нибудь кляченкѣ. Иногда впрочемъ и немощныхъ везли на себѣ и даже не очень тѣмъ тяготились, потому-что съ немощныхъ на постоянныхъ дворахъ за все брали дешевле, а иногда даже и совсѣмъ пускали безъ платы. Было не мало и такихъ, которые нарочно на себя „болѣзни сказывали: подъ лобъ очи пушали, и двое третьяго по перемѣнкамъ на колесенькахъ везли, чтобы имать доходъ жертвенный на воскъ и на масло и на другія обряды“.

Такъ я читалъ въ сказаніи не печатанномъ, но вѣрномъ, — списанномъ не по шаблону, а съ „живаго видѣнія“ и человѣкомъ предпочитавшимъ правду тенденціозной лживости того времени.

Движеніе было такое многояюдное, что въ городахъ Ливнахъ и въ Ельцѣ, черезъ которые лежалъ путь, не было мѣстъ ни на постоянныхъ дворахъ, ни въ гостинницахъ. Случалось, что важные и именитые люди ночевали въ своихъ каретахъ. Овесъ, сѣно, крупа — все по тракту поднялось въ цѣнѣ, такъ, что по замѣчанію моей бабушки, воспоминаніями которой я пользуюсь, съ этихъ поръ въ нашей сторонѣ чтобы накормить человѣка студенемъ, щами, бараниной и кашей стали брать на дворахъ по пятьдесятъ двѣ копѣйки (то есть пятнадцатинный), а до того брали двадцать пять (или $7\frac{1}{2}$ к.). По нынѣшнему времени — конечно и пятнадцатинный — цѣна совершенно невѣроятная, однако это такъ было, и открытіе мощей новаго угодника въ подъемъ цѣнности на жизненные припасы имѣло для прилегающихъ мѣстъ такое же значеніе какое въ недавніе годы имѣлъ для Петербурга — пожаръ мстинскаго моста. „Цѣна вскочила и такая и осталась“.

Изъ Орла въ числѣ прочихъ паломниковъ отправилось на открытіе семейство купцовъ С—хъ, — людей въ свое время очень извѣстныхъ „ссыпщиковъ“, то есть проще сказать крупныхъ кулаковъ, которые ссыпаютъ въ амбары хлѣбъ съ возовъ у мужиковъ, и потомъ продаютъ свои „ссыпки“ оптовымъ торговцамъ въ Москву и въ Ригу. Это прибыльное дѣло, которымъ послѣ освобожденія крестьянъ было не погнушались и дворяне; но они любили долго спать и скоро горькимъ опытомъ дознали, что даже къ глупому кулачному дѣлу они неспособны. Купцы С. считались по своему значенію первыми ссыпщиками и важность ихъ простиралось до того, что дому ихъ вмѣсто

фамиліи была дана возвышающая кличка. Домъ былъ, разумѣется строго благочестивый, гдѣ утромъ молились, цѣлый день тѣснили и обирали людей, а потомъ вечеромъ опять молились. А ночью псы цѣпями по канатамъ гремятъ и во всѣхъ окнахъ—„лампадъ и сіяніе“, громкій храпъ и чьи нибудь жгучія слезы.

Правиль домогъ, по нынѣшнему сказали бы „основатель фирмы“, а тогда просто говорили „самъ“. Былъ это мякенькій старичекъ, котораго, однако всѣ какъ огня боялись. Говорили о немъ, что умѣлъ онъ мягко слать, да было жестко спать: обходилъ всѣхъ словомъ „матинька“, а спускалъ къ чорту въ зубы. Типъ, извѣстный и знакомый типъ торговаго патріарха.

Вотъ этотъ-то патріархъ и ѣхалъ на открытіе „въ большомъ составѣ“,—самъ, да жена, да дочь, которая страдала „болѣзнью меланхоличіи“ и подлежала изцѣленію. Испытаны были надъ нею всѣ извѣстныя средства народной поэзіи и творчества: ее поили бодрящимъ девясиломъ, обсыпали піоніемъ, которая унимаетъ надхожденіе стѣни, давали нюхать майранъ, что въ головѣ мозгъ поправляетъ, но ни что ни помогло и теперь ее взяли къ угоднику, послѣшая на первый случай, когда пойдетъ самая первая сила. Вѣра въ преимущество первой силы очень велика и она имѣетъ своимъ основаніемъ сказаніе о силовской купѣли, гдѣ тоже изцѣлѣвали первые, кто успѣвалъ войти по возмущеніи воды.

Ѣхали орловскіе купцы черезъ Ливны и черезъ Елецъ, претерпѣвая большія затрудненія и совершенно измучились пока достигли къ угоднику. Но улучшить „первый случай“ у угодника оказалось невозможнымъ. Народу собралась такая область, что и думать не чего было протолкаться въ храмъ, ко всенощной, подъ „открытый день“, когда собственно и есть „первый случай“, т. е. когда отъ новыхъ мощей исходитъ самая большая сила.

Купецъ и жена его были въ отчаяніи,—равнодушнѣе всѣхъ была дочка, которая не знала, чего она лишалася. Надеждъ никакихъ не было помочь горю,—столько было знати, съ такими фамиліями, а они простые купцы, которые хотя въ своемъ мѣстѣ что нибудь и значили, но здѣсь, въ такомъ скопленіи христіанскаго величія,—совсѣмъ потерялись. И вотъ однажды сидя въ горѣ подъ своею кибиточкою за чаемъ на постояломъ дворѣ жалуется патріархъ женѣ, что уже и надежды никакой не полагаетъ достигнуть до святаго гроба ни въ первыхъ, ни во-вторыхъ, а развѣ доведется какъ нибудь въ самыхъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ ниварями и рыбаками, т. е. вообще съ простымъ народомъ. А тогда уже какая радость: и полиція освирѣпѣетъ, и духовенство заморится—вдоволь помолиться не дастъ, а совать станетъ. И вообще тогда все не то, когда уже приложится столько тысячъ устъ всякаго народа. Въ таковыхъ видахъ можно было и послѣ пріѣхать, а они не того дослѣвали: они ѣхали, томились, дома дѣло

на прикащицкія руки бросили и дорогою за все въ три дорога платили, и вотъ тебѣ вдругъ какое утѣшеніе!

Пробоваль купецъ разъ и два достигнуть до дьяконовъ,—готовъ былъ дать благодарность, но и думать нечего, — съ одной стороны одно стѣсненіе, въ видѣ жандарма съ бѣлой рукавицею или казака съ плетью (ихъ тоже пришло къ открытію мощей множество), а съ другой еще опасѣе, что задавить самъ православный народушко, который волновался какъ океанъ. Уже и были „разы“ и даже во множествѣ и вчера, и сегодня. Шарахнутся гдѣ нибудь добрые христіане отъ взмаха казачьей нагайки цѣлой стѣною въ пять, въ шесть сотъ человѣкъ, и какъ попрутъ, да поналяжутъ стѣной друженъко, такъ изъ середины только стонъ да пахъ пойдетъ, а потомъ по освобожденіи много видано женскаго уха въ серьгахъ рванаго и персты изъ подъ колецъ верчаны, и не считая того, что двѣ, три души совсѣмъ Богу представлялись.

Купецъ всѣ эти трудности и высказываетъ за чаемъ женѣ и дочери, для которой особенно надо было улучшить первыя силы, а какой-то „пустошный человѣкъ“, невѣдомо городскаго званія или сельскаго, все между разными кибитками ходитъ подъ сараемъ, да какъ будто засматриваетъ на орловскихъ купцовъ съ намѣреніемъ.

„Пустошныхъ людей“ тогда тоже собралось здѣсь много. Имъ не только было свое мѣсто на этомъ пиршествѣ вѣры, но они даже находили здѣсь себѣ хорошія занятія; а потому понахлынули сюда въ изобиліи, изъ разныхъ мѣстъ, и особенно изъ городовъ прославленныхъ своими воровскими людьми, т. е. изъ Орла, Кромъ, Ельца и изъ Ливенъ, гдѣ славились большіе мастера чудеса строить. Всѣ сошедшіеся сюда пустошные люди искали себѣ своихъ промысловъ. Отважнѣйшіе изъ нихъ дѣйствовали строемъ, располагаясь кучами въ толпахъ, гдѣ удобно было при содѣйствіи казака произвести натискъ и сматеніе и во время суматохи обыскать чужіе карманы, сорвать часы, поясныя пряжки и повывергать серьги изъ ушей; а люди болѣе степенные ходили въ одиночку по дворамъ,—жаловались на убожество, „сказывали сны и чудеса“ предлагали привороты, отвороты и „старымъ людямъ секретныя помочи изъ китоваго сѣмени, вороньяго сала, словесей спермы“ и другихъ снадобій, отъ коихъ „сила постоянная движеть“. Снадобья эти не утрачивали своей цѣны и здѣсь, потому что, къ чести человѣчества, совѣсть не за всѣми изцѣленіями позволяла обращаться къ угоднику. Не менѣе охотно пустошные люди смирнаго общаго занимались просто воровствомъ и при удобныхъ случаяхъ не рѣдко до-чиста обворовывали гостей, которые за неимѣніемъ помѣщеній жили въ своихъ повозкахъ и подъ повозками. Мѣста вездѣ было мало и не всѣ повозки находили себѣ пріютъ подъ сараями постоялыхъ дворовъ,—другія же стояли обозомъ за городомъ, на открытыхъ выгонахъ. Тутъ шла жизнь еще болѣе разнообразная и интересная и при томъ еще болѣе полная отгѣнковъ священной и медицинской поэзіи и занима-

тельныхъ плутней. Темные промышленники шныряли повсемѣстно, но пріютомъ имъ былъ этотъ загородный, „бѣдный обозъ“, съ окружающими его оврагами и лачужками, гдѣ шло ожесточенное корчемство водкой, и въ двухъ, трехъ повозкахъ стояли румяныя солдатики, пріѣхавшія сюда вскладчину. Тутъ же фабриковались стружки отъ гроба, „печатная земля“, кусочки истлѣвшихъ ризъ и даже „частицы“. Иногда между промышленявшими этими дѣлами художниками попадались люди очень остроумные и выкидывали штуки интересныя и замѣчательныя по своей простотѣ и смѣлости. Таковъ былъ и тотъ, котораго замѣтило благочестивое орловское семейство. Проходимецъ подслушалъ ихъ сѣтованіе о невозможности приступить къ угоднику прежде чѣмъ отъ мощей истекутъ первыя струи цѣлебной благодати, и прямо подошелъ и заговорилъ на чистоту.

— Скорби-де ваши я слышалъ, и могу помочь, а вамъ меня избѣгать нечего. Безъ насъ вы здѣсь теперь желаемого себѣ удовольствія, при столь большомъ и именитомъ сѣздѣ не получите, а мы—въ такихъ размахъ бывали и средства знаемъ. Угодно вамъ быть у самыхъ первыхъ силъ угодника—не пожалѣйте за свое благополучіе сто рублей и я васъ поставлю

Купецъ посмотрѣлъ на субъекта и отвѣчалъ:

— Полно врать.

Но тотъ свое продолжалъ:

— Вы, говорить, вѣроятно такъ думаете, судя по моему ничтожеству; но ничтожное въ очахъ человѣческихъ можетъ быть совсѣмъ въ другомъ разчисленіи у Бога, и я за что берусь, то твердо могу исполнить. Вы вотъ смущаетесь на счетъ земнаго величія, что его много наѣхало, а мнѣ оно все прахъ, и будь тутъ хоть видимо-невидимо однихъ принцевъ и королей,—они ни мало намъ не могутъ препятствовать, а даже всѣ сами передъ нами разступятся. А потому, если вы желаете сквозь все пройти чистымъ и гладкимъ путемъ и самыхъ первыхъ лицъ увидать и другу Божію дать самыя первыя лобызанія, то не жалѣйте того что сказано. А если ста рублей жалко и не побрезгаете компаніей, то я живо подберу еще два человѣка коихъ на примѣтъ имѣю и тогда вамъ дешевле станетъ.

Что оставалось дѣлать благочестивымъ поклонникамъ? Конечно рискованно было вѣрить пустошному человѣку, но и случая упустить не хотѣлось, да и деньги требовались не большія, особенно если въ компаніи... Патріархъ рѣшился рискнуть и сказалъ:

— Ладь компанію.

Пустошный человѣкъ взялъ задатокъ и побѣжалъ, наказавъ семейству рано пообѣдать и за часъ передъ тѣмъ какъ ударить къ вечернѣ въ первый колоколъ—взять каждому съ собой по новому ручному полотенцу и идти за городъ, на указанное мѣсто „въ бѣдный обозъ“, и тамъ ожидать его. Оттуда немедленно же долженъ былъ

начинаться походъ, котораго, по увѣреніямъ антрепренера, не могли остановить никакіе принцы, ни короли.

Таковые „бѣдные обозы“ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ становились широкимъ станомъ при всѣхъ подобныхъ сборищахъ, и я самъ видалъ ихъ и помню въ Коренной подѣ Курскомъ, а о томъ, о которомъ наступаетъ повѣствованіе слышалъ рассказы отъ очевидцевъ и свидѣтелей тому, что сейчасъ будетъ описано.

IX.

Мѣсто, занятое бѣднымъ становищемъ было за городомъ, на обширномъ и привольномъ выгонѣ, между рѣкою и столбовою дорогою, а въ концѣ примыкало къ большому, извилистому оврагу, по которому бѣжалъ ручеекъ и росъ густой кустарникъ; сзади начинался могучій, сосновый лѣсъ, гдѣ клетали орлы.

На выгонѣ расположилось множество бѣдныхъ повозокъ и колымагъ, представлявшихъ однако во всей своей нищетѣ довольно пестрое разнообразіе національнаго генія и изобрѣтательности. Были обыкновенные рогожныя будки, полотнянныя шатры во всю телѣгу, „бесѣдки“ съ пушистымъ ковылемъ-травой и совершенно безобразныя лубковые окаты. Цѣлый большой лубъ съ вѣковой липы согнуть и приколоченъ къ телѣжнымъ грядкамъ, а подѣ нимъ лѣжка: лежатъ люди ногами къ ногамъ въ нутро экипажа, а головы къ вольному воздуху, на обѣ стороны вперед и назадъ. Надѣ возлежащими проходитъ вѣтерокъ и вентилируетъ, чтобы имъ можно было не задохнуться въ собственномъ духу. Тутъ же у взвязанныхъ къ оглоблямъ пихтерей съ сѣномъ и хрѣптуговъ стояли кони, большею частію топціе, всѣ въ хомутахъ и инныя у бережливыхъ людей подѣ рогожными „крышками“. При нѣкоторыхъ повозкахъ были и собачки, которыхъ хотя и не слѣдовало бы брать въ пономничество, но это были „усердныя“ собачки, которыя нагнали своихъ хозяевъ на второмъ, третьемъ покормѣ и ни при какомъ бойлѣ не хотѣли отъ нихъ отвязаться. Имъ здѣсь не было мѣста по настоящему положенію пономничества, но онѣ были терпимы, и чувствуя свое контрабандное положеніе держали себя очень смирно; онѣ жались гдѣ нибудь у телѣжнаго колеса подѣ дегтяркою, и хранили серьезное молчаніе. Одна скромность спасала ихъ отъ остракизма и отъ опаснаго для нихъ крещенаго цыгана, который въ одну минуту „снималъ съ нихъ шубы“. Здѣсь, въ бѣдномъ обозѣ, подѣ открытымъ небомъ жилось весело и хорошо какъ на ярмаркѣ. Всякаго разнообразія здѣсь было болѣе, чѣмъ въ гостинничныхъ номерахъ, доставшихся только особымъ избранныкамъ, или подѣ навѣсами постоялыхъ дворовъ, гдѣ въ вѣчномъ полумракѣ мѣстились въ повозкахъ люди второй руки. Правда, въ бѣдный обозъ не заходили тучныя иноки и иподіаконы, не видать было даже и настоящихъ, опытныхъ странниковъ, но зато

здѣсь были свои мастера на всѣ руки и шло обширное кустарное производство разныхъ „святостей“. Когда мнѣ довелось читать известное въ кіевскихъ хроникахъ дѣло о поддѣлкѣ мощей изъ бараньихъ костей, я былъ удивленъ младенчествомъ приѣма этихъ фабрикантовъ, въ сравненіи съ смѣлостію мастеровъ, о которыхъ слыхалъ ранѣе. Тутъ это было какое-то откровенное неглиже съ отвагой. Даже самый путь къ выгону по слободской улицѣ уже отличался ни чѣмъ не стѣсняемою свободою самой широкой предпріимчивости. Люди знали, что этакіе случаи не часто выпадаютъ и не теряли времени: у многихъ воротъ стояли столики, на которыхъ лежали иконки, крестики и бумажные сверточкі съ гнилою древесною пылью будто бы отъ стараго гроба и тутъ же лежали стружки отъ новаго. Весь этотъ матеріалъ былъ, по увѣренію продавцевъ, гораздо высшаго сорта, чѣмъ въ настоящихъ мѣстахъ, потому, что принесенъ сюда самими столарами, копачами и плотниками, производившими самыя важныя работы. У входа въ лагерь вертѣлись „носящіе и сидящіе“ съ образками новаго угодника, заклеенными пока бѣлою бумажкою съ крестикомъ. Образки эти продавались по самой дешевой цѣнѣ и покупать ихъ можно было сію же минуту, но открывать нельзя было до отслуженія перваго молебна. У многихъ недостойныхъ, купившихъ такія образки и открывшихъ ихъ раньше времени они оказались чистыми дощечками. Въ оврагѣ же за становищемъ, подъ саями, опрокинутыми къ верху полозьями жили у'ручья цыганъ съ цыганкою и цыганятами. Цыганъ и цыганка имѣли тутъ большую врачебную практику. У нихъ на одномъ полозѣ было привязанъ за ногу большой, безголосый „пѣтухъ“, изъ котораго выходили по утрамъ камни „двигавшіе постельную силу“, и цыганъ имѣлъ кошкину траву, которая тогда была весьма нужна къ „болячкамъ афедроновымъ“. Цыганъ этотъ былъ въ своемъ родѣ знаменитость. Слава о немъ шла такая, что онъ, когда въ невѣрной землѣ семь спящихъ дѣвъ отрывали, и тамъ онъ не лишній былъ: онъ старыхъ людей на молодыхъ передѣлывалъ, прутяныя сѣченья господскимъ людямъ лечилъ и военнымъ кавалерамъ заплечный бой изъ нутра черезъ водотокъ выводилъ. Цыганка же его кажется еще большія тайны природы знала: она двѣ воды мужьямъ давала: одну ко обличенію женъ, кои блудно грѣшатъ; той воды если женамъ дать, она въ нихъ не удержится, а на сквозь пройдетъ, а другая вода магнитная: отъ этой воды жена неохочая во снѣ страстно мужа обойметъ, а если усилится другого любить, съ постели станетъ падать.

Словомъ: дѣло здѣсь кипѣло и многообразныя нужды человѣчества находили тутъ полезныя пособниковъ.

Пустошный человѣкъ какъ завидѣлъ купцовъ не сталъ съ ними разговаривать, а началъ ихъ манить, чтобы сошли въ овражекъ, и самъ туда же впередъ юркнулъ.

Опять это показалось страшновато; можно было опасаться засады,

въ которой могли скрываться лихіе люди, способные обобрать богомольцевъ до гола, но благочестіе превозмогло страхъ и купецъ, послѣ небольшого раздумья, помолясь Богу и помянувъ угодника, рѣшился переступить шага три внизъ.

Сходилъ онъ осторожно, держась за кустики, а женѣ и дочери приказалъ въ случаѣ чего нибудь кричать изо всей мочи.

Засада здѣсь и въ самомъ дѣлѣ была, но не опасная: купецъ нашелъ въ оврагѣ двухъ такихъ же, какъ онъ благочестивыхъ людей въ купеческомъ одѣяніи, съ которыми надо было „сладиться“. Всѣ они должны были здѣсь заплатить пустошному уговорную плату за проводы ихъ къ угоднику, а тогда онъ имъ откроетъ свой планъ и сейчасъ ихъ поведетъ. Долго думать было нечего и упорство ни къ чему не вело: купцы сложили сумму и дали, а пустошный открылъ имъ свой планъ, простой, но по простотѣ своей чисто гениальный: онъ заключался въ томъ, что въ „бѣдномъ обозѣ“ есть извѣстный пустошному человѣку человѣкъ разслабленный, котораго надо только поднять и нести къ угоднику и никто ихъ не остановитъ и пути имъ не затруднитъ съ болящимъ. Надо только купить для слабаго болѣзненный одрець да покровецъ и поднявъ его нести всѣмъ шестерымъ, подвязавши подъ одръ полотенчики.

Мысль эта казалась въ первой своей части превосходною, съ разслабленнымъ носителей конечно пропустятъ, но каковы быть могутъ послѣдствія? Не было бы дальше конфуза? Однако и на этотъ счетъ все было успокоено: проводникъ сказалъ только, что это не стоитъ вниманія.

— Мы таковые разны, говорить, уже видали: вы въ ваше удовольствіе сподобитесь все видѣть и приложиться къ угоднику во время всеобщаго пѣнія, а въ разсужденіи болящаго, будь воля угодника;—пожелаетъ онъ его испѣлать—и исцѣлить, а не пожелаетъ—опять его воля. Теперь только скиньтесь скорѣе на одрець и на покровецъ, а у меня ужъ все это припасено въ близкомъ домѣ, только надо деньги отдать. Мало меня здѣсь повремените, и въ путь пойдѣмъ.

Взявъ поторговавшись еще на снасть по два рубля съ лица и побѣжалъ, а черезъ десять минутъ назадъ вернулся и говоритъ:

— Идемъ, братія, только не бойко выступайте, а попустите малость очи поблагомысленнѣе.

Купцы спустили очи и пошли съ благоговѣніемъ, и въ этомъ же „бѣдномъ обозѣ“ подошли къ одной повозкѣ, у которой стояла у хрѣпуга совсѣмъ дохлая клячонка, а на передкѣ сидѣлъ маленький золотушный мальчикъ и забавлялъ себя перекидывая съ руки на руку ощицанные плоднички желтыхъ пупавокъ. На этой повозкѣ подъ липовымъ лубкомъ лежалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ лицомъ самихъ пупавокъ желтѣе, и руки тоже желтыя, всѣ вытянутыя, и какъ мягкія плети валяются.

Женщины, завидѣвъ такую ужасную немощь стали креститься, а проводникъ ихъ обратился къ больному и говорить:

— Вотъ, дядя Фотей, добрые люди пришли помочь мнѣ тебя къ изцѣленью нести. Воли Божіей часть къ тебѣ близится.

Желтый человѣкъ сталъ поворачиваться къ незнакомымъ людямъ и благодарственно на нихъ смотреть, а перстомъ себѣ на языкъ показывать.

Тѣ догадались, что онъ нѣмой. „Ничего, говорятъ, ничего, рабъ божій, не благодари—Богу благодарствуй“, и стали его вытаскивать изъ повозки,—мужчины подъ плечи и подъ ноги, а женщины только его слабыя ручки поддерживали, и еще болѣе напугались страшнаго состоянія больного, потому что руки у него въ плечевыхъ составахъ совсѣмъ „перевалились“ и только волосяными веревками были кое-какъ перевязаны.

Одрикъ стоялъ тутъ же. Это была небольшая старая кроватка, плотно засыпанная по угламъ клоповыми ящиками; на кроваткѣ лежалъ снопъ соломы и кусокъ рѣдкаго миткала съ грубо выведеннымъ красками крестомъ, копіемъ и тростію. Проводникъ ловкою рукою распушил соломку, чтобы на всѣ стороны съ краевъ свѣшивалась, положили на нее желтаго разслабленнаго, покрыли миткалемъ и понесли.

Проводникъ шелъ впереди съ глиняной жаровенкой и крестообразно покуривалъ.

Еще они и изъ обоза не вышли, какъ на нихъ уже начали креститься, а когда пошли по улицамъ вниманіе къ нимъ становилось все серьезнѣе и серьезнѣе: всѣ, видя ихъ, понимали, что это къ чудотворцу несутъ болящаго и присоединялись. Купцы шли поспѣшаючи, потому что слышали благовѣсть ко всеобщей и пришли съ своею ношею какъ разъ во время, когда зашѣли: „хвалите имя Господне, раби Господа“.

Храмъ разумѣется, не виѣщаль и сотою доли собравшагося народа; видимо-невидимо людей сплошною массою стояло вокругъ церкви, но чуть увидали одръ и носящихъ, всѣ загудѣли: „разслабаго несутъ, чудо будетъ“, и вся толпа разступилась.

До самыхъ дверей стала живая улица и дальше все сдѣлалось какъ обѣщаль проводникъ. Даже и твердое упованіе вѣры его не осталось въ постыжденіи: разслабленный исцѣлѣлъ. Онъ всталъ, онъ самъ вышелъ на своихъ ногахъ „славяще и благодаряще“. Кто-то все это записалъ на записочку, въ которой со словъ проводника изцѣленный разслабленный былъ названъ „родственникомъ“ орловскаго купца, черезъ что ему многіе завидовали и изцѣленный за позднимъ временемъ не пошелъ уже въ свой бѣдный обозъ, а ночевалъ подъ сараемъ у своихъ новыхъ родственниковъ.

Все это было пріятно. Изцѣленный былъ интереснымъ лицомъ, на котораго многіе приходили взглянуть, и кидали ему „жертвен“.

Но онъ еще мало говорилъ и неясвенно,—очень шамкалъ съ непривычки и больше все на купцовъ изцѣленной рукою показывалъ: „ихъ-де спрашивайте, они родственники, они все знаютъ“. И тогда тѣ поневолѣ говорили, что онъ ихъ родственникъ; но вдругъ подѣ все это подкралась неожиданная непріятность: въ ночь, наставшую послѣ изцѣленія желтаго разслабленнаго, было замѣчено, что у бархатнаго намета надъ гробомъ чюдника пропалъ одинъ золотой шнуръ съ такою же золотою кистью.

Дознавали объ этомъ изъ подѣ руки и спросили орловскаго купца не замѣтилъ ли онъ близко подходя и что такое за люди помогали ему нести его больного родственника? Онъ по совѣсти сказалъ, что люди были незнакомые, изъ бѣднаго обоза, по усердію несли. Возили его туда узнавать мѣсто, людей, клячу и телѣжку съ золотушнымъ мальчикомъ, игравшимъ пупавками, но тутъ только одно мѣсто было на своемъ мѣстѣ, а ни людей, ни повозки, ни мальчика съ пупавками и слѣда не было.

Дознание бросили, „да не молва будетъ въ людяхъ„. Кисть повѣсили новую, а купцы послѣ такой непріятности скорѣе собрались домой. Но только тутъ изцѣленный родственникъ осчастливилъ ихъ новой радостью: онъ обязывалъ ихъ взять его съ собою и въ противномъ случаѣ угрожалъ жалобой, и про кисть напомнилъ.

И потому, когда пришелъ часъ къ отѣзду купцовъ восвояси, Фотей очутился на передкѣ, рядомъ съ кучеромъ, и скинуть его было невозможно до лежавшаго на ихъ пути села Крутого. Здѣсь былъ въ то время очень опасный спускъ съ одной горы и тяжелый подъемъ на другую, и по тому случались разныя происшествія съ путниками: падали лошади, переворачивались экипажи и прочее въ этомъ родѣ. Село Крутое непременно надо было прослѣдовать за-свѣтло, иначе надо заночевать, а въ сумерки никто не рисковалъ спускаться.

Наши купцы тоже здѣсь переночевали, и утромъ при восхожденіи на гору „растерялись“, то есть потеряли своего испѣленного родственника Фотея. Говорили будто съ вечера они „добре его угостили изъ фляги“, а утромъ не разбудили и съѣхали, но нашлись другіе добрые люди, которые поправили эту растерянность и прихвативъ Фотея съ собою, привезли его въ Орелъ.

Здѣсь онъ отыскалъ своихъ неблагодарныхъ родственниковъ, покинувшихъ его въ Крутомъ, но не встрѣтилъ у нихъ родственнаго пріема. Онъ сталъ нищенствовать по городу и рассказывать, будто купецъ ѣздитъ къ угоднику не для дочери, а молился чтобы хлѣбъ подорожалъ. Ни кому это точнѣе Фотей извѣстно не было.

Х.

Не въ долгихъ дняхъ послѣ появленія въ Орлѣ извѣстнаго и покинутаго Фотея, въ приходѣ Михаила Архангела у купца Агулова

были „бѣдные столы“. На дворѣ на доскахъ дымились большіе липовыя чаши съ лапшей и чугуны съ кашей, а съ хозяйскаго крыльца раздавали по рукамъ ватрушки съ лукомъ и пироги. Гостей набралось множество, каждый съ своей ложкой въ сапогѣ или за пазухой. Пирогами одѣлялъ Голованъ. Онъ часто былъ званъ къ такимъ „столамъ“ архитриклиномъ и хлѣбодаромъ, потому что былъ справедливъ, ничего не утаитъ себѣ и основательно зналъ, кто какого пирога стоитъ, съ горохомъ, съ морковью или съ печенкой.

Такъ и теперь онъ стоялъ и каждому подходящему „одѣлялъ“ большой пирогъ, а у кого зналъ въ домѣ немощныхъ тому два и болѣе „на недужную порцію“. И вотъ въ числѣ разныхъ подходящихъ подошелъ къ Головану и Фотей, человѣкъ новый, но какъ будто удивившій Голована. Увидавъ Фотея, Голованъ словно что то вспомнилъ и спросилъ:

— Ты чей и гдѣ живешь?

Фотей сморщился и проговорилъ:

— Я ни чей, а Божій, обшить рабѣй кожей, а живу подъ рогожей.

А другіе говорятъ Головану—„его купцы привезли отъ угодника... Это Фотей исцѣленный“.

Но Голованъ улыбнулся и заговорилъ было:

— Съ какой стати это Фотей!—но въ эту же самую минуту Фотей вырвалъ у него пирогъ, а другою рукою далъ ему оглушительную пощечину, и крикнулъ:

— Не брешь лишняго!—и съ этимъ сѣлъ за столы, а Голованъ стерпѣлъ и ни слова ему не сказалъ. Всѣ поняли, что вѣрно это такъ надобно, очевидно исцѣленный яродуетъ, а Голованъ, очевидно, самъ знаетъ что этого стоитъ! Но только „въ какомъ разчисленіи стоилъ Голованъ такого обращенія?“ Это была загадка, которая продолжалась многіе годы и установила только мнѣніе, что въ Голованѣ скрывается что нибудь очень бѣдовое, потому, что онъ Фотея боится.

И впрямь тутъ было что то загадочное. Фотей скоро павшій въ всеобщемъ мнѣніи до того, что вслѣдъ ему кричали: „у святаго кистъ укралъ и въ кабацѣ пропилъ“, съ Голованомъ обходился чрезвычайно дерзко.

Встрѣчая Голована гдѣ бы то ни было, Фотей заступалъ ему дорогу и кричалъ „долгъ подавай“. И Голованъ, ни мало ему не возражая лѣзъ за пазуху и доставалъ оттуда мѣдную гривну. Если же у него не случалось съ собою гривны, а было менѣе, то Фотей, котораго за пестроту его лохмотьевъ прозвали Горностаемъ, швырялъ Головану недостаточную дачу назадъ, плевалъ на него и даже билъ его, швыркалъ камнями, грязью, или снѣгомъ.

Я самъ помню какъ однажды въ сумерки, когда отецъ мой со священникомъ Петромъ сидѣли у окна въ кабинетѣ, а Голованъ стоялъ подъ окномъ и всѣ они втроемъ вели свой разговоръ, въ откры-

тня на этотъ случай ворота вбѣжалъ ободранный Горностаѣ и съ крикомъ: „забылъ подлецъ!“ при всѣхъ ударилъ Голована по лицу, а тотъ, тихонько его отстранивъ, далъ ему изъ за пазухи мѣдныхъ денегъ и повелъ его за ворота.

Такіе поступки были ни кому не въ рѣдкость и объясненіе, что Горностаѣ что нибудь за Голованомъ знаетъ, было, конечно, весьма естественно. Понятно, что это возбуждало у многихъ и любопытство, которое, какъ вскорѣ увидимъ, имѣло вѣрное основаніе.

XI.

Мнѣ было около семи лѣтъ, когда мы оставили Орелъ и перешли на постоянное житіе въ деревню. Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ Голована. Потомъ наступило время учиться и оригинальный мужикъ съ большой головою пропалъ у меня изъ вида. И слышалъ я объ немъ только разъ, во время „большаго пожара“. Тогда погибло не только много строей и движимости, но сгорѣло и много людей—въ числѣ послѣднихъ называли Голована. Рассказывали, что онъ упалъ въ какую-то яму, которой не видно было подъ пепломъ и „сварился“. О семейныхъ, которые его пережили, я не справлялся. Послѣ этого я вскорѣ уѣхалъ въ Кіевъ и побывалъ въ родимыя мѣста уже черезъ десять лѣтъ. Было новое царствованіе, начинались новыя порядки; вѣяло радостной свѣжестью,—ожидали освобожденія крестьянъ и даже поговаривали уже о гласномъ судопроизводствѣ. Все новое: сердца горѣли. Непримиримыя еще не было, но уже обозначались нетерпѣливцы и выжидатели.

На пути къ бабушкѣ, я остановился на нѣсколько дней въ Орлѣ, гдѣ тогда служилъ совѣстнымъ судьей мой дядя, который оставилъ по себѣ память честнаго человѣка. Онъ имѣлъ много прекрасныхъ сторонъ, внушавшихъ къ нему почтеніе даже въ тѣхъ людяхъ, которые не раздѣляли его взглядовъ и симпатій: онъ былъ въ молодости щеголь, гусаръ, потомъ садоводъ и художникъ—диллетантъ съ замѣчательными способностями; благородный, прямой, дворянинъ, и „дворянинъ au bout des ongles“. Понимая по своему обязательству этого званія, онъ, разумѣется, покорствовалъ новизнѣ, но желалъ критически относиться къ эмансипаціи, и представлялъ изъ себя охранителя. Эмансипаціи хотѣлъ только такой какъ въ Остзейскомъ краѣ. Молодыхъ людей онъ привѣчалъ и ласкалъ, но ихъ вѣра, что спасеніе находится въ правильномъ движеніи впередъ, а не назадъ—казалась ему ошибкой. Дядя любилъ меня и зналъ, что я его люблю и уважаю, но во мнѣніяхъ объ эмансипаціи и другихъ тогдашнихъ вопросахъ мы съ нимъ не сходились. Въ Орлѣ онъ дѣлалъ изъ меня по этому поводу очистительную жертву и хотя я тщательно старался избѣгать этихъ разговоровъ, однако онъ на нихъ направлялъ и очень любилъ меня „поражать“.

Дядѣ всего болѣе нравилось подводить меня къ казусамъ, въ которыхъ его сужейская практика обнаруживала „народную глупость“.

Помню роскошный, теплый вечеръ, который мы провели съ дядею въ орловскомъ „губернаторскомъ“ саду, занимаясь, признаться сказать, уже значительно утомившимъ меня споромъ о свойствахъ и качествахъ русскаго народа. Я несправедливо утверждалъ, что народъ очень уменъ, а дядя, можетъ быть, еще несправедливѣе настаивалъ, что народъ очень глупъ, что онъ совершенно не имѣетъ понятій о законѣ, о собственности, и, вообще, народъ азіатъ, который можетъ удивить кого угодно своею дикостью.

— И вотъ, говорить, тебѣ, милостивый государь, подтвержденіе: если память твоя сохранила ситуацію города, то ты долженъ помнить, что у насъ есть буераки, слободы и слободки, которыя, чортъ знаетъ, кто мѣжевалъ и кому отводилъ подъ постройки. Все это въ нѣсколько приѣмовъ убралъ огонь и на мѣстѣ старыхъ лачугъ построились такія же новыя, а теперь никто не можетъ узнать: кто здѣсь по какому праву сидитъ?

Дѣло было въ томъ, что когда отдохнувшій отъ пожаровъ городъ сталъ устраниваться и нѣкоторые люди стали покупать участки въ кварталахъ за церковью Василя Великаго, оказалось, что у продавцовъ не только не было никакихъ документовъ, но что и сами эти владѣльцы и ихъ предки считали всякіе документы совершенно лишними. Домики и мѣстишко до этой поры переходили изъ рукъ въ руки безъ всякаго заявленія властямъ, и безъ всякихъ даней и пошлинъ въ казну, а все это, говорятъ, писалось у нихъ въ какую-то „китратъ“, но „китратъ“ эта въ одинъ изъ безчисленныхъ пожаровъ сгорѣла и тотъ, кто велъ ее — умеръ, а съ тѣмъ и всѣ слѣды ихъ владѣнныхъ правъ покончились. Правда, что никакихъ споровъ по праву владѣнія не было, но все это не имѣло законной силы, а держалось на томъ, что если Протасовъ говорить, что его отецъ купилъ домишко отъ покойнаго дѣда Тарасовыхъ, то Тарасовы не оспаривали владѣнныхъ правъ Протасовыхъ; но какъ теперь требовались права, то правъ нѣтъ, и совѣстному судѣ во-очію предлежало рѣшать вопросъ: преступленіе ли вызвало законъ, или законъ создалъ преступленіе?

— А зачѣмъ все это они такъ дѣлали? говорилъ дядя. Потому-съ, что это не обыкновенный народъ, для котораго хороши и нужны обезпечивающіе право государственныя учрежденія, а это номады, орда, осѣвшая, но еще сама себя не сознающая.

Съ тѣмъ мы заснули, выспались, — рано утромъ я сходилъ на Орликъ, выкупался, посмотрѣлъ на старыя мѣста, вспомнилъ Головановъ домики и возвращаясь нахожу дядю въ бесѣдѣ съ тремя неизвестными мнѣ „милостивыми государями“. Всѣ они были купеческой конструкции, — двое сердовые въ сертукахъ съ крючками, а одинъ

совершенно бѣлый въ ситцевой рубахѣ на выпускъ, въ чуйкѣ и въ крестьянской шляпѣ „гречникомъ“.

Дядя показавъ мнѣ на нихъ рукою и говорить:

— Вотъ это детали ко вчерашнему сюжету. Эти господа рассказываютъ мнѣ свое дѣло: войди въ наше совѣщаніе.

Затѣмъ онъ обратился къ предстоящимъ съ очевидною для меня, но для нихъ, конечно, съ непонятною шуткою и добавилъ.

— Это мой родственникъ, молодой прокуроръ изъ Кіева, — къ министру въ Петербургъ ѣдетъ и можетъ ему объяснить ваше дѣло.

Тѣ поклонились.

— Изъ нихъ, видишь ли, продолжалъ дядя, вотъ этотъ, господинъ Протасовъ желаетъ купить домъ и мѣсто вотъ этого, Тарасова; но у Тарасова нѣтъ никакихъ бумагъ. Понимаешь: никакихъ! Онъ только помнитъ, что его отецъ купилъ домикъ у Власова, а вотъ этотъ, третій — есть сынъ господина Власова, ему, какъ видишь, тоже уже не мало лѣтъ.

— Семдесятъ, коротко замѣтилъ старикъ.

— Да, семдесятъ, и у него тоже нѣтъ и не было никакихъ бумагъ?

— Никогда не было, опять вставилъ старикъ.

— Онъ пришелъ удостовѣрить, что это такъ именно было, и что онъ ни въ какія права не вступается.

— Не вступаемся, — отцы продали.

— Да; но кто его „отцамъ“ продалъ, — тѣхъ уже нѣтъ.

— Нѣтъ; за вѣру на Кавказъ посланы.

— Ихъ можно разыскать, сказалъ я.

— Нечего искать, тамъ имъ вода не хороша, — воды не снесли, — всѣ покончили.

— Какъ же, вы, говорю, это такъ странно поступали?

— Поступали, какъ мощно было. Приказный былъ лютъ, даней съ малыхъ дворовъ давать было нечего, а была у Ивана Ивановича китратъ, въ нее и писали. А допрежъ его еще не за моей памяти Гапѣевъ купецъ былъ, у него была китратъ, а послѣ всѣхъ Головану китратъ дали, а онъ сварился и китраты сгорѣли.

— Это онъ, выходитъ, былъ у васъ что-то въ родѣ нотаріуса? спросилъ дядя (который не былъ орловскимъ старожиломъ).

Старикъ улыбнулся и тихо молвилъ:

— Изъ-за чего же нотаріусъ! онъ справедливый былъ человекъ.

— Какъ же ему всѣ такъ вѣрили?

— А какъ такому человеку не вѣрить: онъ свою плоть за людей съ живыхъ костей рѣзалъ.

— Вотъ и легенда! тихо молвилъ дядя, но старикъ вслушался и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, сударь, это не легенда, а правда источная и память его будь съ похвалою.

Дядя пошутилъ: и съ путаницей. И онъ не зналъ, какъ онъ этимъ вѣрно отвѣчалъ на всю массу воспрянувшихъ во мнѣ въ это время воспоминаній, къ которымъ при тогдашнемъ моемъ любопытствѣ мнѣ страстно хотѣлось подыскать ключъ.

А ключъ ждалъ меня, сохраняясь у жоей бабушки.

XII.

Два слова о бабушкѣ: она происходила изъ московскаго купческаго рода Колобовыхъ и была взята въ замужество въ дворянскій родъ „не за богатство, а за красоту“. Но лучшее ея свойство было — душевная красота и свѣтлый разумъ, въ которомъ всегда сохранялся простонародный складъ. Войдя въ дворянскій кругъ, она уступила многимъ его требованіямъ и даже позволяла звать себя Александрой Васильевной, тогда какъ ея настоящее имя было Акилина, но думала всегда простонародно и даже, безъ намѣренія конечно, удержала нѣкоторую простонародность въ рѣчи. Она говорила „эхтотъ“ вмѣсто этотъ, считала слово „мораль“ оскорбительнымъ и никакъ не могла выговорить „бухгалтеръ“. За то она не позволила никакимъ моднымъ давленіямъ поколебать въ себѣ вѣру въ народный смыслъ, и сама не разставалась съ этимъ смысломъ. Была хорошая женщина и настоящая русская барыня; превосходно вела домъ и умѣла принять всякаго, начиная съ императора Александра I до Ивана Ивановича Андросова. Читать ничего не читала, кромѣ дѣтскихъ писемъ, но любила обновленіе ума въ бесѣдахъ, и для того „требовала людей къ разговору“. Въ этомъ родѣ собесѣдникомъ ея былъ бурмистръ Михайло Лебедевъ, буфетчикъ Василій, старшій поваръ Климъ, или ключница Маланья. Разговоры всегда были не пустые, а къ дѣлу и къ пользѣ, разбиралось, отчего на дѣвку Оеклушку мораль пущена или зачѣмъ мальчикъ Гришка мачихой недоволенъ. Вслѣдъ за такимъ разговоромъ шли свои мѣры помочь Оеклушкѣ покрыть косу и чтобы мальчикъ Гришка не былъ мачихой недоволенъ.

Для нее все это было полно живого интереса, можетъ быть совершенно непонятнаго ея внучкамъ.

Въ Орлѣ, когда бабушка пріѣзжала къ намъ, дружбой ея пользовались соборный отецъ Петръ, купецъ Андросовъ и Голованъ, которыхъ для нее и „призывали къ разговору“.

Разговоры, надо полагать, и здѣсь были не пустые, не для одного препровожденія времени, а вѣроятно тоже про какія нибудь дѣла, въ родѣ падавшей на кого нибудь морали, или неудовольствій мальчика съ мачихой.

У нее по этому могли быть ключи отъ многихъ тайностей, для насъ пожалуй мелкихъ, но для своей среды весьма значительныхъ.

Теперь, въ это послѣднее мое свиданіе съ бабушкой, она была

уже очень стара, но сохраняла въ совершенной свѣжести свой умъ, память, и глаза. Она еще шила.

И въ этотъ разъ я засталъ ее у того же рабочаго столика съ верхней паркетной дощечкой, изображавшей арфу, поддерживаемую двумя амурами.

Бабушка спросила меня: заѣзжалъ ли я на отцову могилу, кого видѣлъ изъ родныхъ въ Орлѣ и что подѣлываетъ тамъ дядя? Я отвѣтилъ на всѣ ея вопросы и распространился о дядѣ, рассказавъ, какъ онъ разбирается съ старыми „лыгендами“.

Бабушка остановилась и подняла на лобъ очки. Слово „лыгенда“ ей очень понравилось: она услышала въ немъ наивную передѣлку въ народномъ духѣ и разсмѣялась.

— Это, говорить, старикъ чудесно сказалъ про лыгенду.

А я говорю: а мнѣ, бабушка, очень бы хотѣлось знать, какъ это все происходило на самомъ дѣлѣ, не по лыгендѣ.

— Про что же тебѣ именно хотѣлось бы знать?

— Да вотъ про все это: какой былъ этотъ Голованъ? Я его, вѣдь, чуть-чуть помню, и то все съ какими-то, какъ старикъ говорить, лыгендами, а, вѣдь, конечно же дѣло было просто...

— Ну, разумѣется просто. Да и что васъ это удивляетъ, что купчихъ крѣпостей избѣгали, а въ тетрадки писали? Этого, вѣдь, еще много откроется. Приказныхъ боялись, а своимъ людямъ вѣрили, и все тутъ.

— Но чѣмъ, говорю, Голованъ могъ заслужить такое довѣріе? Мнѣ онъ, по правдѣ сказать, иногда представляется какъ будто немножко... шарлатаномъ.

— Почему же это?

— А что такое, напимѣръ, я помню, говорили будто онъ какой-то волшебный камень имѣлъ и своею кровью или тѣломъ, которое въ рѣку бросилъ, чуму остановилъ? За что его „несмертельнымъ“ звали?

— Про волшебный камень — вздоръ. Это люди такъ присочинили и Голованъ тому не виноватъ, а „несмертельнымъ“ его прозвали потому, что въ такомъ ужасѣ, когда надъ землею смертныя фиміазмы стояли и всѣ оробѣли, онъ одинъ безстрашный былъ и его смерть не брала?

— А за чѣмъ же, говорю, онъ себя ногу рѣзалъ?

— Икру себя отрѣзалъ.

— Для чего?

— А для того, что у него тоже прыщъ чумной сѣлъ. Онъ зналъ, что отъ этого спасенья нѣтъ, взялъ поскорѣ косу, да всю икру и отрѣзалъ.

— Можетъ ли, говорю, это быть!

— Конечно, это такъ было.

— А что, говорю, надо думать о женщинѣ Павлѣ?

Бабушка на меня взглянула и отвѣчаетъ:

— Что же такое? Женщина Павла была Фрапошкина жена; была она очень горестная и Голованъ ее пріютилъ.

— А ее однако называли Головановымъ „грѣхомъ“.

— Всякъ по себѣ судить и называетъ; — не было у него такого грѣха.

— Но, бабушка, развѣ вы, милая, этому вѣрите?

— Не только вѣрю, но я это знаю.

— Но какъ можно это знать?

— Очень просто.

Бабушка обратилась къ работавшей съ нею дѣвочкѣ и послала ее въ садъ набрать малины, а когда та вышла, она значительно взглянула мнѣ въ глаза и проговорила:

— Голованъ былъ дѣвственникъ!

— Отъ кого вы это знаете?

— Отъ отца Петра.

И бабушка мнѣ рассказала, какъ отецъ Петръ не задолго передъ своею кончиною говорилъ ей, какіе люди на Руси бываютъ невозможны, и что покойный Голованъ былъ дѣвственникъ.

Коснувшись этой исторіи бабушка вошла въ маленькія подробности и припомнила свою бесѣду съ отцомъ Петромъ.

— Отецъ Петръ, говорить, сначала и самъ усумнился, и сталъ его подробнѣе спрашивать и даже намекнулъ на Павлу. „Не хорошо, говорить это: ты не каешься, а соблазняешь. Не достойно тебѣ держать у себя сію Павлу. Отпусти ее съ Богомъ. А Голованъ отвѣтилъ: „Напрасно это вы, батюшка, говорите: пусть лучше она живетъ у меня съ Богомъ,—нельзя, чтобы я ее отпустилъ“. „А почему?..“ „А потому, что ей головы приклонить не гдѣ“... „Ну, такъ говорить, женись на ней!“ „А это, отвѣчаетъ, невозможно“, а почему невозможно, не сказалъ и отецъ Петръ долго на счетъ этого сомнѣвался; но Павла вѣдь была чахоточная и не долго жила, и передъ смертью когда къ ней пришелъ отецъ Петръ, то она ему открыла всю причину.

— Какая же, бабушка, была это причина?

— Они жили по любви совершенной.

— То есть какъ это?

— Ангельски.

— Но позвольте, для чего же это? Вѣдь мужъ Павлы пропалъ, а есть законъ, что послѣ пяти лѣтъ, можно выйти замужъ. Неужто они это не знали?

— Нѣтъ, я думаю знали, но они кое что больше этого знали.

— Напримѣръ?

— А напримѣръ то, что мужъ Павлы всѣхъ ихъ пережилъ и никогда не пропадалъ.

— А гдѣ же онъ былъ?

— Въ Орлѣ.

— Милая, вы шутите.

— Ни крошечки.

— И кому же это было извѣстно?

— Имъ троицъ: Головану, да Павлѣ, да самому этому негодивцу. Ты можешь вспомнить Фотей?

— Изцѣленнаго?

— Да, какъ хочешь его называй, только теперь когда всѣ они перемерли я могу сказать, что онъ совсѣмъ былъ не Фотей, а бѣглый солдатъ Фрапошка.

— Павлинъ мужъ!

— Именно.

— Отчего же?.. началъ было я, но устыдился своей мысли и замолчалъ, но бабушка поняла меня и договорила.

— Вѣрно хочешь спросить: отчего его никто другой не узналъ, а Павла съ Голованомъ его не выдали? Такъ другіе его не узнали потому, что онъ былъ не городской, да постарѣлъ, волосами заросъ, а Павла его не выдала жалѣючи, а Голованъ ее любячи.

— Но, вѣдь, юридически, по закону, Фрапошка не существовалъ, и они могли ожениться:

— Могли,—по закону могли, да по совѣсти не могли.

— За что же Фрапошка Голована преслѣдовалъ?

— Негодай былъ покойникъ,—разумѣлъ о нихъ какъ прочіе.

— А они изъ за него все счастье у себѣ и отняли!

— Да вѣдь въ чемъ счастье полагать: есть счастье праведное, есть счастье грѣшное. Праведное ни черезъ кого не переступить, а грѣшное все перешагнетъ. Они же первое возлюбили паче послѣдняго.

— Бабушка, воскликнулъ я: вѣдь это удивительные люди!

— Праведные, мой другъ, отвѣчала старушка.

Но я все таки хочу добавить, и удивительные и даже невѣроятные. Они невѣроятны пока ихъ окружаетъ легендарный вымыселъ, и становятся еще болѣе невѣроятными, когда удастся снять съ нихъ этотъ налетъ и увидать ихъ во всей ихъ святой простотѣ. Одна одушевленная ихъ совершенная любовь поставляла ихъ выше всѣхъ страховъ и даже подчинила имъ природу, не побуждая ихъ ни закапываться въ землю, ни бороться съ видѣніями терзавшими св. Антонія.

Н. Лѣсковъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ. ¹⁾

VII.

Скитальческая жизнь.

МЫ НЕ ЗНАЕМЪ подробностей бесѣды царя съ поэтомъ при первой ихъ встрѣчѣ. Самъ Пушкинъ только записалъ, что государь принялъ его самымъ любезнымъ образомъ. Извѣстно, что императоръ Николай Павловичъ былъ большой любитель и цѣнитель искусства, всегда старался покровительствовать артистамъ и ласково къ нимъ относился; но, кромѣ того, Пушкинъ долженъ былъ обратить его вниманіе и своимъ умомъ, смѣлыми свободными словами, непринужденнымъ обращеніемъ. Зная характеръ Пушкина, мы можемъ сказать, что онъ не унизилъ своего достоинства. Съ этой бесѣды царь сталъ уважать поэта и вынесъ убѣжденіе, что онъ узналъ умнаго и честнаго человѣка, на слово котораго можно положиться. Вызывая его на новые поэтическіе труды, онъ хотѣлъ избавить его отъ непріятныхъ сношеній съ цензурою, о которой вѣроятно у нихъ была рѣчь, и самъ вызвался быть его цензоромъ. Пушкинъ посмотрѣлъ на это какъ на особенную для себя честь и соединилъ съ молодымъ царемъ лучшія надежды на будущее. Такимъ образомъ примиреніе между представителемъ верховной власти и поэтомъ, еще недавно ожесточеннымъ, было искреннее. И личныя ихъ отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи, никогда не измѣнялись.

Поэтъ ожидалъ красныхъ дней, и не предчувствовалъ, какая борьба еще ожидала его, не предвидѣлъ, что царское слово, спасая его отъ ссылки и давая большій просторъ его мысли, не спасло его отъ чувства неволи. Императоръ назначилъ посредникомъ между

¹⁾ Окончаніе. См. № 6, 7, 8, 10, „Историческаго Вѣстника“.

нимъ и поэтомъ лицо, приближенное къ себѣ, которому онъ вполне довѣрялъ, графа Бенкендорфа. Мы не имѣемъ никакого повода предполагать, что въ этомъ назначеніи была какая нибудь задняя мысль или желаніе поставить поэта подъ скрытый надзоръ тайной полиціи и стѣснить его дѣятельность, прикрывая особенной честью. Тутъ произошло просто недоразумѣніе, которое стоило поэту многихъ непріятностей и отравляло его жизнь. У насъ нѣтъ достаточно біографическихъ данныхъ, чтобъ сдѣлать рѣшительное заключеніе о графѣ Бенкендорфѣ. Нѣкоторые изъ современниковъ отзывались о немъ съ хорошей стороны. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ, по понятіямъ того общества, былъ хорошій человѣкъ; но онъ былъ царедворецъ и главный въ числѣ тѣхъ, которые явились тогда при дворѣ какъ лица съ возложенною на нихъ задачею искоренить либерализмъ, развитый царствованіемъ Александра I. Они приняли къ сердцу эту задачу, но отнеслись къ ней не какъ государственные люди, которые прежде всего выясняютъ причину явленія и уже дѣйствуютъ согласно съ нею, а какъ царедворцы, которые соединили ее съ личными своими выгодами, потому что собственно она и дала имъ высокое положеніе. У нихъ была своя логика и дѣлались свои силогизмы, въ родѣ слѣдующихъ: либерализмъ привелъ къ 14 декабря, слѣдовательно онъ пагубенъ для государства. Преслѣдованіе либерализма спасаетъ отъ пагубы государство, слѣдовательно выражаетъ настоящую службу престолу и отечеству; значить, выказать усердіе къ службѣ можно безпощаднымъ преслѣдованіемъ либерализма. Но что такое либерализмъ—выяснить это понятіе никто особенно не заботился: все, что не служило выгодамъ царедворцевъ, все, что обличало ихъ своекорыстные поступки, все, что было выше ихъ узкихъ и одностороннихъ понятій, всякая живая мысль, всякое свободное движеніе чувства, всякій стонъ подавляемой человѣческой природы, все это шло за либерализмъ и все это выставлялось за элементы, вредные для общественнаго спокойствія. Одни изъ этихъ царедворцевъ выходили изъ того общества благомыслящихъ гражданъ и порядочныхъ людей, на которыхъ, какъ мы видѣли, указывалъ Скобелевъ въ доказательство того, что большой еще перевѣсъ оставался на сторонѣ благочестія: они уже давно добирались до клочковъ шкуры либераловъ и безъ соболѣзнованія рѣшились бы удавить даже дѣтей¹⁾. Отечество и служба для нихъ были дороги по тому, что изъ нихъ они могли извлекать для себя и личныхъ обильныхъ выгоды. У другихъ съ именемъ Россіи не соединялось даже представленіе отечества. У нихъ былъ свой фатерландъ въ остзейскомъ краѣ, а съ Россіей не было никакой нравственной связи. Понятно, чего они должны были искать, прикрываясь службой царю и отечеству, и какъ они должны были относиться ко всему, что, по ихъ взгляду,

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1871, декабрь.

могло хотъ сколько нибудь поколебать ихъ положеніе. Помощниками и исполнителями своихъ распоряженій они выбирали по большей части своихъ одноземцевъ, у которыхъ наибольшія личныя выгоды отъ службы были также на первомъ планѣ. Но ужъ конечно никому изъ нихъ не было никакого дѣла ни до русской поэзіи; ни до успѣховъ русской литературы; для нихъ было бы лучше, если бы ея вѣкъ не существовало.

Бенкендорфъ считалъ своею обязанностью слѣдить за развитіемъ мысли въ обществѣ и въ литературѣ и направлять ее по своему усмотрѣнію. По этому на посредничество, возложенное на него императоромъ, онъ посмотрѣлъ по своему: онъ принялъ его за тайный полицейскій надзоръ, подъ который будто бы Пушкинъ отдавался ему, и сталъ считать своею обязанностью не спускать глазъ съ освобожденнаго поэта. Въ его глазахъ Пушкинъ долженъ былъ считаться за человѣка опаснаго, такъ какъ былъ на дурномъ счету у прежняго правительства и былъ способенъ возбуждать молодежь своими стихами. Это былъ не только его личный взглядъ, но взглядъ всего того чиновно-канцелярскаго общества, всѣхъ тѣхъ старыхъ служаекъ, которые получили особенную силу въ новомъ правительствѣ. Правда, Пушкинъ не былъ замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ, но это обстоятельство нисколько не спасало его отъ подозрѣнія царедворцевъ, считавшихъ своимъ призваніемъ спасать отечество. „Если онъ не попался, говорили они, то потому, что былъ умнѣе и осторожнѣе другихъ“. По крайней мѣрѣ такую фразу повторяли они, прикидывая ее къ людямъ, менѣе его вліятельнымъ ¹⁾. Пушкину сначала трудно было замѣтить, въ какомъ странномъ и исключительномъ положеніи очутился онъ передъ этимъ правительственнымъ классомъ, онъ, получившій свободный доступъ къ царю, и въ то же время по своему officialному положенію не больше, какъ уволенный отъ службы коллежскій секретарь. Онъ не думалъ, что у него будетъ особое начальство, не смотря на то, что онъ не состоитъ ни на какой государственной службѣ. Но ему скоро пришлось убѣдиться, что въ благоустроенномъ государствѣ и у поэта должно быть свое начальство, безъ позволенія котораго онъ не вправѣ сдѣлать ни одного свободного шага.

Вскорѣ послѣ перваго свиданія Пушкина съ императоромъ въ Москвѣ, Бенкендорфъ писалъ поэту въ изысканно-вѣжливыхъ выраженіяхъ: „Государь императоръ самъ будетъ и первымъ пѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ. Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше“. Зная послѣдующее отношеніе шефа жандармовъ къ нашему поэту, мы готовы принять за тонкую иронию это

¹⁾ См. соч. Вяземскаго, т. II. „Моя исповѣдь“.

приглашеніе передавать потомству славу отечества. Здѣсь невольно припоминается положеніе соловья въ когтяхъ у кошки. Пушкинъ конечно принялъ вызовъ императора быть его цензоромъ на тотъ только случай, если бы общая цензура затруднилась пропустить его произведеніе; но ни какъ не могъ предполагать, что этотъ милостивый, какъ онъ думалъ, вызовъ лишаетъ его права печатать свои произведенія на общемъ для всѣхъ основаніи. Но скоро выяснилось, что Бенкендорфъ по своему понималъ оказанную поэту милость. Ее онъ употреблялъ для того, чтобы поставить его въ полную отъ себя зависимость. Въ томъ же письмѣ Пушкину именемъ государя предлагался очень важный трудъ, который впрочемъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ поэтическимъ призваніемъ, на которое передъ этимъ ему указывалось: ему поручалось заняться „предметомъ о воспитаніи юношества“. Правда, такая тема была самою современною, такъ какъ вся вина политическихъ смутъ была взведена на воспитаніе, что было не совсѣмъ справедливо, но что безъ всякихъ изслѣдованій принято за очевидную истину. „Вамъ предоставляется, прибавилъ Бенкендорфъ при этомъ предложеніи, совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія. Предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширѣйшій кругъ, что вы на опытѣ видѣли всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія“. Въ этихъ словахъ уже слышится язвительный намекъ на прошедшее поэта, который дорого заплатилъ за него, и который въ правѣ былъ ожидать, что оно будетъ забыто, послѣ милости, оказанной ему царемъ, и послѣ честныхъ обѣщаній, данныхъ имъ новому правительству. Такое напоминаніе не могло обѣщать ничего хорошаго.

Пушкинъ, неопытный въ официальныхъ сношеніяхъ, не отозвался никакимъ отвѣтомъ на заявленіе Бенкендорфа. Это вызвало второе письмо шефа жандармовъ, которое удостовѣряло, что за нимъ очень внимательно слѣдили въ Москвѣ, гдѣ онъ принималъ участіе во всѣхъ увеселеніяхъ и празднествахъ по случаю коронаціи и гдѣ въ нѣкоторыхъ литературныхъ собраніяхъ читалъ своего Бориса Годунова. Въ письмѣ поэтъ прочиталъ не только выговоръ за то, что оставилъ безъ отвѣта первое письмо, но и обвиненіе въ ослушаніи волѣ государя: онъ позволилъ себѣ читать трагедію въ обществѣ, тогда какъ прежде долженъ былъ представить ее въ высочайшую цензуру. Это обвиненіе показывало, съ одной стороны, какіе исправные шпіоны были заведены шефомъ жандармовъ, а съ другой, въ какое незавидное положеніе ставили поэта, котораго приглашали въ тоже время славить отечество, и котораго еще недавно лично ободрялъ самъ царь, предлагая собственную и конечно разумную и снисходительную цензуру. Поэтъ увидѣлъ, что его лишаютъ даже права каждаго писателя—читать въ рукописи въ пріятельскомъ кругу свое произведеніе и воспользоваться совѣтами другихъ, прежде чѣмъ оно будетъ напеча-

тано. Слишкомъ своеобразно понималъ Бенкендорфъ милость, которую царь показывалъ поэту. Пушкину же ничего не оставалось, какъ признать обвинения и извиняться: „Я читалъ въ Москвѣ свою трагедію, описывался онъ, нѣкоторымъ лицамъ не изъ послушанія, но только потому, что худо понялъ волю государя... Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія“. Съ этимъ вмѣстѣ во избѣжаніе дальнѣйшихъ выговоровъ и обвиненій, поэтъ спѣшилъ сообщить, что онъ уже роздалъ нѣсколько мелкихъ своихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи по просьбѣ издателей. На это Бенкендорфъ поспѣшилъ написать поэту: „прошу васъ сообщить мнѣ для разсмотрѣнія государя всѣ и мелкіе труды блистательнаго вашего пера“. Какой ироніей отзываются эти льстивыя выраженія, которыми хотѣли прикрыть грубость и непристойность своихъ требованій. О всемъ этомъ Пушкинъ насмѣшливо писалъ своему пріятелю Соболевскому: „Освобожденный отъ цензуры, я долженъ однако-же прежде тѣмъ что нибудь напечатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно я въ точности исполню высшую волю и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашиковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ“.

Работа, заданная Пушкину, „заняться предметомъ о воспитаніи юношества“, не могла быть ему по душѣ: во-первыхъ, дорожа свободой своей мысли, онъ имѣлъ отвращеніе ко всѣмъ задаваемымъ темамъ, во-вторыхъ, онъ никогда не занимался этимъ предметомъ, не имѣлъ случая вдумываться въ него, не имѣлъ никакихъ и данныхъ для обстоятельной разработки темы. Въ самомъ дѣлѣ какія практическія мысли и соображенія объ этомъ предметѣ могъ представить онъ, шесть лѣтъ проведенный вдали отъ столичнаго общества, гдѣ еще можно было дѣлать какія нибудь наблюденія? Вѣроятно онъ не скоро принялся бы за эту тему, а можетъ быть, и совсѣмъ устранилъ бы ее въ надеждѣ, что о ней забудутъ, тѣмъ болѣе, что ему дана свобода, „когда и какъ представить свой трудъ“. Но нетерпѣливый шефъ жандармовъ забылъ только это послѣднее обстоятельство, и новымъ письмомъ торопилъ поэта скорѣе исполнить волю государя. Пушкинъ принужденъ былъ взяться за перо и написалъ небольшую статейку, видимо только для того, чтобы отлѣяться отъ заказной работы. Въ ней, какъ бы мимоходомъ, Пушкинъ указываетъ на свое ложное положеніе передъ навязаннымъ ему начальствомъ, которое судить о немъ, уже возмущавшемъ человѣка, по проступкамъ его неопытной юности¹⁾. Но этотъ упрекъ

¹⁾ „Наказывать юношу или взрослого человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и къ несчастію слишкомъ у насъ обыкновенное“. Деятнадцатый вѣкъ, Бартенева, т. II.

и намекъ, высказанный въ общей мысли, не привлекъ вниманія начальства, которое, воспользовавшись другою мыслью автора, также сказанною мимоходомъ, воспользовалось снова упрекнуть его прошедшимъ. Пушкинъ высказалъ вполне справедливую мысль, что просвѣщеніе и геній служатъ основаніемъ совершенству ¹⁾. Но эта-то мысль и не понравилась въ высшей сферѣ и вызвала замѣчаніе въ письмѣ Бенкендорфа, замѣчаніе, которое должно войти въ исторію русскаго воспитанія: „принятое ваше правило, будто-бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе — предпочтѣть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе“.

Употребляя слово „просвѣщеніе“, Пушкинъ конечно не предполагалъ, что у царедворцевъ съ нимъ соединяется совсѣмъ другое понятіе, не просвѣщеніе ума и сердца, не нравственный подъемъ человѣка, а что-то другое, съ чѣмъ можно соединять эпитеты „неопытный, безнравственный, бесполезный“. Самое понятіе о нравственности не было выяснено этими людьми, хотя они и старались соединить его съ евангельскимъ ученіемъ; но отсюда они извлекали нѣкоторые выраженія, выгодныя для нихъ, и ограничивали высокую христіанскую нравственность только прилежнымъ служеніемъ и усердіемъ, которое хотѣли обратить какъ бы въ догматъ, сдѣлавъ его основаніемъ воспитанія съ натянутымъ эпитетомъ благонаправленное. При такомъ смѣшеніи понятій нельзя было придумать лучшей системы для воспитанія человѣка-раба, котораго Пушкинъ потомъ идеализировалъ въ своемъ стихотвореніи „Анчаръ“, гдѣ единственную добродѣтель человѣка составляютъ прилежное служеніе и усердіе. Это стихотвореніе было настоящимъ отвѣтомъ поэта, котораго снова кольнули его мнимой безнравственностью, выказавъ въ тоже время свои неразвитыя понятія о нравственности и просвѣщеніи. Но официально Пушкину пришлось тогда же отвѣчать извиненіемъ въ томъ, что онъ не могъ глубже вникнуть въ предметъ, мало ему знакомый.

Удерживая за собою право при всякомъ случаѣ корить и колоть поэта его прежнимъ поведеніемъ, тоже самое начальство не сумѣло сохранить передъ нимъ своего нравственнаго достоинства. Пушкинъ просилъ его возстановить свое право на литературную собственность, нарушенное чиновникомъ, подчиненнымъ Бенкендорфу, Ольдекопомъ. Еще въ 1824 году Ольдекопъ перевелъ на нѣмецкій языкъ „Кавказъ

¹⁾ Этой мысли впрочемъ нѣтъ въ извѣстной намъ запискѣ, напечатанной г. Бартевнымъ. Тамъ сказано: „одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія“. Надо полагать, что записка была подана въ другомъ видѣ.

скаго плѣнника“ и напечаталъ его вмѣстѣ съ оригиналомъ безъ согласія автора, черезъ что лишилъ его на нѣкоторое время возможности сдѣлать второе изданіе своей поэмы. Пушкинъ потерпѣлъ большой убытокъ. Живя въ Одессѣ, онъ не могъ самъ вступить за свою собственность и поручилъ отцу хлопотать за себя. Сергѣй Львовичъ обратился съ жалобою куда слѣдуетъ, но не получилъ никакого удовлетворенія. Ольдекопа оригинально оправдывали тѣмъ, что онъ перепечаталъ „Кавказскаго плѣнника“ для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ и что въ Россіи будто-бы „не существуетъ закона противу перепечатанія книгъ“. Впрочемъ при этомъ было прибавлено, что если Пушкинъ хочетъ преслѣдовать Ольдекопа, то „только развѣ яко мошенника“. Черезъ три года Пушкинъ уже въ Петербургѣ вздумалъ снова поднять это дѣло и писалъ Бенкендорфу, что онъ не смѣлъ согласиться преслѣдовать Ольдекопа какъ мошенника изъ уваженія къ его званію, опасаясь заплатить за безчестіе; но что онъ проситъ хотя оградить его отъ подобныхъ покушеній на свою собственность. Для Пушкина это былъ насущный вопросъ, такъ какъ кромѣ литературныхъ трудовъ у него не было другихъ источниковъ существованія. Бенкендорфъ слишкомъ неловко взялъ на себя несправедливую защиту своего подчиненнаго. Онъ отвѣчалъ, что перепечатаніе послѣдовало съ дозволенія цензуры, которая имѣетъ на то свои правила, и что даже тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. На это Пушкинъ писалъ: „сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей, иначе не возможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушенія хищника“. Поэтъ просилъ составить постоянныя правила для обезпеченія литературной собственности. Но Бенкендорфъ почелъ за лучшее не отвѣчать на ту просьбу. Таково было положеніе Пушкина, освобожденнаго отъ опалы и доведеннаго почти до полнаго безправія. Онъ даже не посмѣлъ безъ позволенія переѣхать въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ проживалъ первые мѣсяцы по освобожденіи. На его просьбу отъ 24 апрѣля 1827 года, ему отвѣчали не безъ колкости: „Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано“.

Что же оставалось дѣлать поэту, явившемуся съ величавымъ образомъ Пророка, готоваго служить человѣчеству? Какое поприще, какую дѣятельность онъ могъ найти себѣ въ этой казенной атмосферѣ, подъ гнетомъ царедворческаго прилежнаго служенія и усердія? Конечно, только этотъ образъ и могъ удержать его на той нравственной высотѣ, гдѣ легче переживаютъ личныя оскорбленія въ виду сознанныя высокаго призванія пророка. Онъ понялъ, какая рѣчь должна выходить изъ устъ пророка тамъ, гдѣ оказалось столько падшихъ и пострадавшихъ. Его фантазія создаетъ идеалъ царя, связавъ

его съ тѣмъ образомъ, который былъ знакомъ каждому русскому человеку, знакомъ по тому, что съ нимъ связывалось представленіе народнаго просвѣщенія, неутомимаго труда на общую пользу, строгой справедливости, безкорыстнаго служенія государству и наконецъ царской милости. Этотъ образъ фантазія поэта не сочинила, а только воскресила или вызвала изъ прошедшаго, пережитаго русскимъ народомъ, образъ, принадлежащій русской исторіи, образъ народный, который можно поставить въ подражаніе царю, какъ высокій идеаль. И перо поэта написало:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни;
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой... и проч.

И послѣдній стихъ, выразившій желаніе поэта, чтобы новый царь былъ „памятью какъ онъ не зловивъ“, выражаетъ въ то же время и самую симпатичную черту царственнаго идеала. Это былъ и призывъ „милости къ падшимъ“, тотъ подвигъ, на который въ послѣдствіи нашъ поэтъ указалъ какъ на свое право жить долго въ памяти потомства. Скоро поэтъ достойнымъ образомъ отвѣтилъ тѣмъ мелкимъ умамъ, которые не хотѣли понять его высокихъ стремленій и думали нравственно уронить его, обозвавъ царскимъ льстецомъ:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю;
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю...

И тутъ же онъ отличаетъ себя отъ тѣхъ льстецовъ-царедворцевъ, которые уже показали свои качества въ своихъ сношеніяхъ съ поэтомъ:

Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя паклитъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.
Онъ скажетъ: презирай народъ,
Глети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ —
Страстей и воли духъ мятежный!

И затѣмъ печальная картина видѣлась пророку:

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небожъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потуля очи долу.

Это стихотвореніе въ высшей цензурѣ не было разрѣшено къ печати; но оно было прочитано тѣми, кого касалось. Пришло ли имъ на мысль, что ихъ запрещеніе не помѣшаетъ поэтическому, правди-

вому слову перейти въ потомство, которое суждетъ объяснить кѣмъ и чѣмъ оно вызвано?

Въ обществѣ, гдѣ пришлось вращаться Пушкину, уже не оказалось того круга, съ которымъ прежде онъ былъ единомысленъ, который ободрялъ его въ извѣстномъ направленіи, возбуждая въ немъ „недоступныя мечты“, который превозносилъ каждый его стихъ. Большинство изъ него было разсѣяно, все остальное замерло; замерли и тѣ силы, представителямъ которыхъ еще недавно считалъ себя нашъ поэтъ. Въ Москвѣ онъ сблизился съ небольшимъ кругомъ молодыхъ ученыхъ, съ Погодинымъ, Шевыревымъ, которые задумывали изданіе новаго журнала „Московский вѣстникъ“ съ дѣльной критикой въ противодѣйствіе петербургскимъ журналамъ Булгарина и Греча, которые считались продажными и нечестными. Хотя и много надеждъ было у нихъ на будущее, но въ то же время робко и запуганно смотрѣли они кругомъ ¹⁾. Пушкинъ общалъ имъ свое ревностное участіе въ журналѣ; но жизнь въ тѣсномъ кружкѣ не могла удовлетворить его: а въѣ этого кружка господствовали и геройствовали Фамусовы, Скалозубы и вся компанія Грибоѣдовской комедіи, которая уже начинала распространяться въ рукописяхъ по русской землѣ. Въ Петербургѣ Пушкинъ нашедъ нѣкоторыхъ изъ своихъ старыхъ друзей, Жуковского, князя Вяземскаго, Дельвига, Баратынскаго, Плетнева; но общество представилось ему чинною и вмѣстѣ чиновною толпою, съ которою у него не нашлось почти ничего общаго. Высшій или аристократическій кругъ, къ которому Пушкинъ принадлежалъ по своимъ родственнымъ связямъ, отличался невниманіемъ и холодною ко всему русскому. „Политика и литература для нихъ не существуютъ, писалъ Пушкинъ, остроуміе давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія; о чемъ же станутъ они говорить? О самихъ себѣ? Нѣтъ, для этого они слишкомъ хорошо воспитаны. Остается имъ разговоръ какой-то домашній, мелочной, понятный только для немногихъ, для избранныхъ. И человѣкъ, не принадлежащій къ этому малому кругу, принять какъ чужой, не только иностранецъ, но и свой. Между тѣмъ всѣ чувствуютъ необходимость разговора общаго, но гдѣ его взять. И кто захочетъ выступить первый на сцену?“ Понятно, что общаго разговора и быть не могло, когда были подавлены всѣ общіе или общественные интересы жизни. Не могло такое общество привлекать къ себѣ поэта и наполнять его душу. Не много нужно было ему времени, чтобъ приглядѣться къ этой мертвящей средѣ и почувствовать къ ней отвращеніе. Вскорѣ послѣ своего переселенія въ Петербургъ онъ уже писалъ къ Осиповой: „Поплость и глупость (l'insi-

¹⁾ Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, говоря о московскихъ литературныхъ вечерахъ конца 1826 и начала слѣдующаго года, на которыхъ присутствовалъ и Пушкинъ, прибавляетъ: „Горько мнѣ сознаться, что я пропустилъ нѣсколько изъ этихъ драгоценныхъ вечеровъ страхъ ради іудейска“.

pidité et la stupidité) нашихъ обѣихъ столицъ одна и таже, хотя и въ различномъ родѣ... Это житье довольно пошло и я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ... Шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти (въ Тригорскомъ). Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтический, не смотря на скверную прозу моего настоящаго существованія". Впечатлѣніе отъ этой жизни съ глубокой грустью высказалось и въ VIII главѣ Онѣгина, строфы которой поэтъ набрасывалъ въ это время:

Не сносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Смотрѣть на жизнь какъ на обрядъ
И въ слѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

Отсюда должно быть понятно, почему Пушкинъ не любилъ слыть въ такомъ обществѣ поэтомъ или сочинителемъ. Онъ зналъ, какъ мало способно оно понимать истинную поэзію и какъ склонно унижать поэта разными оскорбительными шутками и глупыми выходками. Онъ зналъ преданія о нашихъ старыхъ писателяхъ, которые должны были играть незавидную роль въ обществѣ вельможъ, считавшихъ себя образованными. Онъ дорожилъ тѣмъ высокимъ образомъ поэта, который развивался въ его фантазіи, и боялся, чтобы въ его лицѣ не былъ оскорбленъ этотъ образъ какимъ нибудь нахаломъ. Онъ не любилъ повѣрять свои творческія думы даже близкимъ пріятелямъ, тѣмъ болѣе несносны были ему любопытные вопросы постороннихъ людей, сопровождаемыя разными улыбками, не написалъ ли онъ чего нибудь новенькаго. „Публика, говорилъ Пушкинъ, смотритъ на поэта какъ на свою собственность, считаетъ себя вправе требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія и дышетъ для того только, чтобы подбирать рифмы“.

Такой взглядъ уже профанировалъ поэта въ глазахъ Пушкина, который не находилъ себѣ въ этомъ обществѣ даже настоящей оцѣнки ни нравственной, ни эстетической. Онъ не могъ не почувствовать себя одинокимъ въ этой толпѣ людей; а между тѣмъ его натура требовала широкой общественной жизни; общество же могло представить ему только пустую свѣтскую жизнь съ ея мелкими, низменными идеалами. Что же удивительнаго, если въ такой средѣ, по страстной впечатлительной натурѣ артиста, ему приходилось иногда отдаваться увлеченіямъ болѣе всякаго другого? И вотъ въ этомъ же обществѣ начинается злорадство; пошлые люди довольны, что могутъ указать пальцемъ на его увлеченія, поставить себя судьей его жизни, сложить нѣсколько фразъ не въ его пользу. Этотъ судъ доходитъ до слуха поэта, и онъ отвѣчаетъ своимъ судьямъ стихотвореніемъ „Поэтъ“:

попавъ въ толпу между ничтожными людьми, поэтъ можетъ показаться ничтожнѣе всѣхъ—такова его увлекающаяся натура; но онъ отличается отъ всѣхъ тѣмъ, что можетъ подниматься до такой высоты, на которой у него нѣтъ уже ничего общаго съ ихъ кумирами: тогда онъ бѣжитъ отъ ихъ сообщничества и въ уединеніи предается творчеству.

Все это объясняетъ намъ, почему Пушкинъ нѣсколько лѣтъ велъ скитальческую жизнь. Ему было душно среди этого пышнаго города, гдѣ „духъ неволи, скука, холодъ и гранитъ“; его артистическая потребность была оживлять себя другими, новыми впечатлѣніями, и вотъ онъ скитается по Россіи изъ мѣста въ мѣсто, и чѣмъ далѣе онъ отъ мертвящихъ столичныхъ впечатлѣній жизни, тѣмъ бодрѣе дѣлается духъ его, тѣмъ веселѣе работаетъ его фантазія. Но преобладающимъ чувствомъ его было томительное, тоскливое состояніе, которое онъ называлъ скукою. Это не та обыкновенная скука празднаго человѣка, не знающаго куда дѣвать свое время. Это совсѣмъ особенное чувство, являющееся отъ неудовлетворенныхъ требованій духовной жизни, не оставляющее человѣка и во время труда и въ минуты пріятныхъ впечатлѣній. Еще изъ Михайловскаго Пушкинъ писалъ къ Рылѣеву: „тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть?“ Слѣдовательно по его взгляду такое направленіе духа составляло какъ бы типическую черту современнаго образованнаго человѣка. Съ этимъ взглядомъ находится въ тѣсной связи небольшая сцена „Фаустъ и Мефистофель“, которая создалась у Пушкина вскорѣ послѣ того, какъ онъ снова вступилъ въ кругъ столичной жизни и отдаваясь ей удовольствіямъ, быстро дошелъ до мысли объ ея пошлости. Скука его лишь усилилась и подъ ея впечатлѣніемъ создакъ у него образъ Фауста съ неизбѣжнымъ его спутникомъ Мефистофелемъ. Критики справедливо не нашли ничего общаго между этимъ Фаустомъ и Фаустомъ Гете; но они не указали, что могло вызвать эту сцену и какаѧ еѧ связь съ творческой мыслью поэта. Г. Анненковъ видитъ въ ней какъ бы отзвѣвъ Пушкина на „Посланіе“ къ нему Веневитинова, который призывалъ пѣвца Байрона и Шенье воспѣть великаго германскаго старца Гете; Пушкинъ, прибавляетъ г. Анненковъ, измѣнилъ отчасти образъ германскаго поэта. Бѣлинскій находилъ, что Пушкинскій Мефистофель все тотъ же мелкій чертенокъ, котораго воспѣлъ поэтъ въ молодости подъ громкимъ именемъ „Демонъ“; это просто-напросто острякъ прошлаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ. Самъ же Фаустъ, по взгляду Бѣлинскаго,—не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ гордо неидетъ. Но эти Пушкинскіе образы представляются намъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, если мы приведемъ ихъ въ связь съ тѣми обра-

зами, которые вынашивались поэтомъ въ эти годы и съ тѣми впечатлѣніями, которыя довели его до мысли, что скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Пушкинскій Фаустъ съ родни Евгению Онѣгину, который въ свою очередь съ родни самому Пушкину. Это русскій Фаустъ т. е. современный Пушкину русскій образованный человѣкъ, развитый чтеніемъ, и не нашедшій себѣ въ общественной жизни дѣятельности по душѣ; какъ существо мыслящее, онъ осудилъ всѣ свои прежнія сердечныя увлеченія, свою пустую свѣтскую жизнь, для которой и былъ воспитанъ. Но напрасно онъ искалъ себѣ дѣятельности внѣ канцелярскаго міра, внѣ полковаго ученія и парадовъ, внѣ той механической службы, которую предлагала жизнь: онъ оставался только при напряженномъ состояніи ума размышляющаго, анализирующаго, резонерствующаго; но эти безцѣльныя упражненія ума не могли удовлетворять природной потребности человѣческаго духа—жить всѣми силами; а тутъ оказывалось силъ много, примѣнять же ихъ было не къ чему, и чѣмъ больше пріобрѣталось познаній, тѣмъ больше являлось пищи для размышленій, и тѣмъ яснѣе видѣлись жизненныя противорѣчія, при которыхъ невозможно было ихъ примѣненіе. При такихъ условіяхъ могла быть только одна дѣятельность—борьба; но для этого нужно было во-первыхъ проницнуться какимъ либо высокимъ идеаломъ, во имя котораго начать борьбу, и во-вторыхъ, сознать въ самомъ себѣ силы или характеръ, котораго не могло развить и образовать свѣтское воспитаніе. Оставалось только размышлять и скучать въ бездѣятельности, потому что въ безцѣльномъ размышленіи нѣтъ дѣятельности. Вотъ какого рода скука была знакома многимъ русскимъ людямъ изъ свѣтскаго общества, у которыхъ умъ былъ возбужденъ односторонно и которые равно извѣдали жизнь въ разныхъ юношескихъ увлеченіяхъ, ослабивъ ими энергію своей души. Это были люди раздвоенные: у нихъ не было дѣятельности, которая занимала бы одинаково ихъ умъ и сердце; оно было пусто и искало себѣ жизни; а между тѣмъ размышляющій умъ анализировалъ всякое чувство и увлеченіе, находилъ его пошлымъ, осуждалъ и подавлялъ въ самомъ началѣ, не давъ развиться тому наслажденію, которое отъ него ожидалось. Люди безъ идеаловъ и съ идеалами, но не примѣнимыми къ жизни, одинаково скучали и постоянно думали о томъ, чѣмъ бы подавить свою скуку. Если ихъ можно сблизить съ настоящимъ Фаустомъ, то развѣ противоположностями. Тотъ искалъ познаній, чтобы удовлетворить жаждѣ своего ума; эти, утомляясь одними размышленіями ума, искали жизни для сердца, которое не удовлетворялось тѣмъ, что давала жизнь. Пушкинскій Фаустъ нашелъ, что „въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ“ и „проклялъ знаній ложный свѣтъ“.

Отсюда ясно, что роль Мефистофеля при этомъ Фаустѣ должна быть иная. Онъ вызванъ развлекать и увеселять резонирующаго и скучающаго человѣка послѣ того, какъ тотъ извлекъ изъ „темной пу-

чины науки“ однѣ великодушныя мечты, не примѣнимыя къ дѣйствительной жизни. Послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ Мефистофель сознаетъ свое безсиліе сражаться съ человѣческой скукой и какъ бы идти противъ человѣческой природы:

Таковъ вамъ положень предѣлъ,
Его жъ никто не преступаетъ;
Вся тварь разумная скучаетъ.

Здѣсь подъ словами разумная тварь должно разумѣть не чело-вѣка вообще, а, согласно съ мыслью Пушкина, мыслящее суще-ство. Мефистофель глумится надъ этимъ разладомъ между умомъ и сердцемъ, надъ идеальными стремленіями и ихъ отрицаніемъ. Но въ сущности бѣсовскаго въ немъ нѣтъ ничего кромѣ развѣ способности исполнять всѣ прихоти и безцѣльныя задачи, которыя придумываетъ Фаустъ, чтобы на минуту развлечь себя. Какъ назвать этого бѣса, мы не знаемъ; но онъ не духъ отрицанья и сомнѣнья. Въ немъ отра-зилось само свѣтское общество, которое способно было глумиться надъ всѣмъ, не въ явѣ, такъ въ тайнѣ, и за неимѣніемъ дѣятельности, кото-рая бы заняла силы чело-вѣка и удовлетворила бы его, брало на себя доставлять развлечения, какія взбредутъ на умъ. Если Фаустъ назы-ваетъ его адскимъ твореніемъ, то по тому растлѣвающему дѣйствию, которому подвергался слабый чело-вѣкъ.

Та же самая скука преслѣдуетъ и Евгенія Онѣгина, скитающа-гося по Россіи и напрасно ищущаго развлечения. Смѣняющіяся впе-чатлѣнія наводятъ на разныя думы, въ которыхъ видится мылящее существо; но онѣ не наполняютъ его души, не занимаютъ всѣхъ его силъ. Отсюда у него являются желанія, самыя невозможныя для че-ловѣка съ здоровою душею:

И мыслить, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій застѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

Конечно подъ этотъ типъ мы не можемъ вполнѣ подвести нашего поэта, который находилъ себѣ исходъ въ своемъ творчествѣ и ясно сознавалъ задачу своей жизни; но тѣмъ не менѣе онъ переживалъ такое чувство въ виду тѣхъ противодѣйствій жизни, которыя мѣшали исполнять ему эту задачу. Что, какъ не исканіе новыхъ впечатлѣній и развлечения отъ тоски, заставило его въ апрѣлѣ 1828 года просить черезъ Бенкендорфа государя дозволить ему вступить въ армію,

направленную на Дунай противъ турокъ? Война, какъ мы видѣли, и прежде манила Пушкина своими особенными впечатлѣніями. Въ виду того, что еще недавно его приглашали воспѣвать отечественную славу, онъ могъ надѣяться, что просьба его будетъ уважена. Но вышло наоборотъ—Пушкину было отказано. Это довело его до болѣзненности, въ немъ сильно разлилась желчь. Въ такомъ состояніи духа онъ останавливается на другой мысли—проситься въ Парижъ. Можетъ быть, съ досады онъ думалъ совсѣмъ остаться тамъ, чтобы имѣть волю свободно распоряжаться своей личностью: чувство опеки всегда гнетущимъ образомъ дѣйствуетъ на нравственно-развитаго совершеннолѣтняго человѣка. Но Пушкина напугали дурными послѣдствіями отъ его прошенія и уговорили взять его назадъ. Въ утѣшеніе представляли ему, что отказъ императора принять его въ армию показываетъ только, что онъ расположенъ къ поэту и бережетъ его.

Въ слѣдъ за этимъ новый случай еще болѣе подбавилъ горечи въ сердце поэта и усилилъ непріятность зависимаго его положенія. Тотъ же самый генералъ Скобелевъ, который уже разъ сдѣлалъ доносъ на Пушкина, получившій теперь особенное значеніе своимъ доказаннымъ усердіемъ къ службѣ и употреблявшійся по секретнымъ дѣламъ, представилъ отрывокъ изъ извѣстнаго стихотворенія „Андрей Шенье“, ходившій въ рукописи, съ объясненіемъ, будто онъ написанъ по поводу 14 декабря. Лица, у которыхъ были найдены эти стихи, были отданы подъ судъ. На допросъ призывали и Пушкина. Его положеніе казалось ему опаснымъ; онъ ожидалъ очень дурныхъ послѣдствій, что и выразилось въ его стихотвореніи „Предчувствіе“:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливой бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ,

гдѣ вмѣстѣ съ опасеніемъ слышится и бодрость духа, которая всегда являлась у Пушкина лицомъ къ лицу съ бѣдою:

Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль на встрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду;
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...

Но поэтъ не совсѣмъ былъ спасенъ. Сенатъ, производившій судъ, призывалъ стихотвореніе „соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ не благонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ“. Пушкинъ былъ изъавленъ отъ слѣдствія и суда только потому, что преступленіе совершено имъ до манифеста 22 августа 1826 г., кото-

рымъ объявлялось прощеніе разнымъ преступникамъ. Но въ то же время Сенатъ рѣшилъ „обязать Пушкина подпискою, чтобы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія“. А государственный совѣтъ, до котораго доходило дѣло о молодыхъ людяхъ по доносу Скобелева, прибавилъ, чтобы „за Пушкинымъ по не приличному выраженію его въ отвѣтахъ на счетъ происшествія 14 декабря и по духу самаго сочиненія его имѣлся секретный надзоръ“¹⁾. Конечно, это послѣднее рѣшеніе не было сообщено Пушкину, но онъ имѣлъ основаніе считать свое прошедшее какимъ-то рокомъ, который неустанно тяготѣлъ надъ его дальнѣйшею жизнію. Съ этихъ же поръ Бенкендорфъ и помощникъ его Фонъ-Фоксъ стали смотрѣть на Пушкина окончательно какъ на опаснаго вольнодумца, и усилили свой надзоръ надъ нимъ.

Въ какомъ состояніи духа былъ въ это время Пушкинъ говорить намъ его стихотвореніе „Воспоминаніе“, гдѣ поэтъ съ горечью осуждаетъ свое прошедшее, котораго не хотѣли простить ему ограниченныя люди:

Въ бездѣйствіи nocturno живѣй горять во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенія;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И съ отвращеніемъ читаю жизнь мою.
Я трепещу и проклиная,
И горько жауюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

А въ день своего рожденія 26 мая, когда ему наступилъ тридцатый годъ, онъ отозвался на всѣ горечи жизни извѣстнымъ стихотвореніемъ, полнымъ отчаянія „Даръ напрасный, даръ случайный“.

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, праздненъ умъ
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Еще ни одно стихотвореніе Пушкина не оканчивалось такимъ безнадежнымъ взглядомъ на жизнь. Много нужно было переучувствовать и перестрадать поэту, чтобы наконецъ отвѣтить отрицательно на вопросъ о цѣли жизни. Но кто могъ понять это душевное его томленіе? За отчаяніе его же винили въ недостаткѣ религіи; даже московскій митрополитъ Филаретъ низшелъ къ нему съ обличительно-увѣщательнымъ стихотвореніемъ:

Самъ я своенравной властью
Зло изъ тайныхъ безднъ воззвалъ,
Душу самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ...

¹⁾ „Рус. Старина“ 1874 г., августъ.

Но поэтъ вдохновенной рѣчью отвѣчалъ на обвиненіе и показалъ, до какой высоты онъ можетъ возвышаться и какъ христіанскій поэтъ:

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ трепетѣ поэтъ ¹⁾).

Отчаяніе Пушкина было только минутное. Цѣль жизни на самомъ дѣлѣ не была потеряна. Она выяснилась въ его творческихъ произведеніяхъ, которыя должны были дѣйствовать на нравственный подъемъ и эстетическое развитіе новаго поколѣнія. Большинство стараго относилось къ нему подозрительно и враждебно. Почти никто не понималъ, что онъ быстро идетъ впередъ, что нравственный его идеалъ очищается и совершенствуется; что онъ уже пережилъ кипучій юношескій возрастъ и относится къ жизни какъ зрѣлый мужъ. Личное нравственное совершенствованіе входило въ задачу жизни Пушкина, и уже однимъ этимъ онъ становился много выше той свѣтской толпы, которая съ сомнѣніемъ продолжала смотрѣть на нравственность поэта. Жизнь каждой личности находится въ тѣсной связи съ жизнью общественной и національной, и потому нравственное ея совершенствованіе возможно только при ясномъ сознаніи этой связи. Но его-то и не доставало въ тогдашней русской жизни, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ оно было развито очень слабо; отсюда и нравственный уровень его былъ очень низокъ; эгоистическимъ и корыстнымъ стремленіемъ каждаго былъ широкій просторъ. Пушкинъ хорошо понималъ это и видѣлъ, какъ необходимо пробудить въ обществѣ стремленіе узнать свое историческое прошедшее, чтобы сознать наконецъ и свое историческое значеніе, а съ этимъ вмѣстѣ и свою связь съ прежними поколѣніями. Только черезъ это стремленіе можно было дойти до мысли о національности и до пониманія ея интересовъ. Вотъ почему онъ такъ высоко сталъ цѣнить „Исторію“ Карамзина, называя ее „не только созданіемъ великаго писателя, но и подвигомъ честнаго человека“. Отсюда являются желчныя его нападки на тѣхъ русскихъ людей, которые забыли о своей связи съ предками, въ свое время даже знаменитыми. „Прошедшее для насъ не существуетъ, писалъ онъ, жалкій народъ!.. Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи; дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздой двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторією своего дома т. е. исторією отечества. И это вы ставите ему въ достоинство“... „Мы такъ положительны, что прошедшее для насъ не существуетъ, насмѣшливо замѣчаетъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ: Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали ее.

¹⁾ Стихотвореніе „Въ часы забавъ и празднои скуки“.

Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Мы на колѣнахъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ, но очарованіе древности, благодарность къ прошедшему и уваженіе къ нравственнымъ качествомъ, у насъ... Замѣтите, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности⁴.

Изъ всѣхъ отрывочныхъ замѣтокъ, оставшихся въ бумагахъ Пушкина, г. Анненковъ выводитъ, что „уваженіе къ предкамъ Пушкинъ считаетъ нравственной силой, укрѣпляющей волю, создающей характеры, ставящей высокія жизненные цѣли, и что онъ возвышается до степени ядовитого сатирика и негодующаго патріота, когда принимается обличать слѣпоту и пустоту русскаго образованнаго общества, совершенно позабывшаго все свое прошлое для того, чтобы помнить только мелкіе и пошлые интересы дневнаго существованія, заниматься и питаться вопросами самаго низменнаго свойства и притомъ въ такихъ размѣрахъ, къ какимъ способны бываютъ единственно люди, живущіе безъ идеаловъ“¹⁾.

Поставивъ уваженіе предковъ въ тѣсную связь съ вопросомъ о нравственности, Пушкинъ связываетъ съ нимъ и вопросъ о личныхъ достоинствахъ. „Есть достоинства выше знатности, говоритъ онъ, достоинства личныя. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами“?.. „Безкорыстная мысль, пишетъ онъ въ другой замѣткѣ, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца“?

Таковы были убѣжденія Пушкина, изъ которыхъ вытекало его собственное нравственное развитіе. Его даже укоряли, что онъ придаетъ особенное значеніе знатности рода, осмѣянной въ баснѣ Крылова „Гуси“. Упреки въ самомъ дѣлѣ имѣли бы основаніе, еслибы онъ соединялъ съ знатностью какіе-либо эгоистическіе расчеты и на ней бы только основывалъ права на личный почетъ; но поставивъ выше знатности личныя заслуги, онъ тѣмъ самымъ ограждаетъ себя отъ упрековъ, приписывая ей только нравственную силу поддерживать человѣка на высотѣ общественнаго служенія. Уважать предковъ — достоинство; кичиться предками — смѣшной недостатокъ.

Такое отношеніе Пушкина къ историческому прошлому и къ современному ему русскому обществу, которое не интересовалось своимъ прошлымъ въ ущербъ своего нравственнаго развитія, объясняетъ намъ, почему наиболѣе капитальныя труды поэтической фантазіи Пушкина связываются съ русской исторіей. Занимаясь ею съ цѣлями не столько учеными, сколько съ нравственными и гражданскими, онъ тѣмъ самымъ уже давалъ матеріалы для работы своей фантазіи, которая, какъ

¹⁾ См. въ „Вѣстн. Европы“ 1880 г. іюнь: — „Общественные идеалы Пушкина“.

мы знаемъ, быстро перерабатывала все, чѣмъ была занята мысль поэта. Съ другой стороны приписывая историческимъ знаніямъ нравственное значеніе, Пушкинъ понималъ, что въ обществѣ мало развитомъ нравственно, поэтъ своими художественными образами изъ исторической сферы можетъ сдѣлать болѣе историка. Примѣромъ служилъ Карамзинъ, котораго мало читали въ этомъ обществѣ, потому что чтеніе его исторіи составляло тамъ непривычный умственный трудъ—страхъ большинства. Поэта же прочтаетъ каждый, даже не умѣющій цѣнить поэзіи. Здѣсь мы видимъ, что Пушкинъ, отказываясь отъ темъ, какія предлагало ему само общество для своего исправленія ¹⁾, въ то же время не отказывался соединить свою поэзію съ потребностями того общества. Онъ только сознавалъ лучше его тѣ высшія потребности, безъ которыхъ оно коченѣло въ нравственномъ и умственномъ застоѣ.

Особенно много работала фантазія Пушкина надъ образомъ Петра Великаго, который положилъ начало новой русской жизни въ связи съ европейскимъ просвѣщеніемъ и о которомъ въ самомъ народѣ сохранилось много преданій. Мы уже видѣли, какъ онъ воспользовался этимъ образомъ, чтобы представить идеалъ царя и черезъ него вызвать „милость къ падшимъ“.

Но и раньше того съ этимъ величественнымъ образомъ поэтическая его фантазія соединяла образъ своего прадѣда арапа Ибрагима. Такъ въ 1825 году онъ писалъ къ своему брату изъ Михайловскаго: „Присовѣтуй Рылееву въ новой его поэмѣ („Войнаровский“) помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арабская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы. Въ Михайловскомъ же онъ собиралъ матерьялы, изъ которыхъ въ 1827 г. у него выработался рассказъ „Арапъ Петра Великаго“, гдѣ образъ Петра является такимъ привлекательнымъ и въ простотѣ быденной домашней жизни. А въ слѣдующемъ году въ поэмѣ „Полтава“ представлена другая сторона жизни Петра, въ которомъ соединены всѣ героическія черты его характера какъ царя, основателя новой могущественной европейской державы. Здѣсь поэтъ идеализировалъ образъ Петра только на основаніи историческихъ данныхъ, и онъ вышелъ у него образомъ народнымъ т. е. согласнымъ съ преданіемъ, сохраннымъ въ народной памяти. Съ нимъ Пушкинъ соединилъ другую сильную историческую личность, Мазепу, образъ котораго также за долго до этого возникалъ въ его фантазіи. Мы уже видѣли; какъ онъ интересовался имъ, живя въ Бессарабіи и напрасно отыскивая въ Бендерахъ его могилу, выпытывая въ то же время у стариковъ, не сохранилось ли какихъ преданій о немъ и о товарищѣ его бѣгства съ Полтавскаго поля Карлъ XII. Первую мысль о поэмѣ далъ Пушкину рассказъ

¹⁾ См. стих. „Поэтъ и чернь“.

Рылеева „Войнаровский“, сколько можно догадаться по слѣдующей его замѣткѣ: „Прочитай въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь,¹⁾

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страннаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры и немудрено и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно“. Этимъ описаніемъ и увлеклась фантазія поэта, создавъ нѣсколько живыхъ и драматическихъ сценъ, представляющихъ исключительныя отношенія между старикомъ Мазепою, Марією, ея отцомъ и матерью. Но творческая его фантазія создала при этомъ такой образъ Мазепы, который уже не могъ вполне выразиться въ этихъ сценахъ: онъ, какъ образъ историческій, требовалъ уже широкаго изображенія своего характера, согласно съ исторіей. „Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь въ точь какъ и въ исторіи, замѣчаетъ Пушкинъ: рѣчи объясняютъ его историческій характеръ“. Такимъ образомъ Пушкинъ долженъ былъ выйти изъ тѣсныхъ рамокъ эпизода, взятаго изъ жизни исторической личности и ввести ее въ ту широкую историческую сферу, которая и даетъ ей все значеніе. Эта же сфера должна была выставить на сцену и самыхъ главныхъ историческихъ дѣятелей того времени, Петра и военнаго его противника Карла XII. Они также идеализировались въ фантазіи поэта на основаніи историческихъ данныхъ, но естественно связать ихъ съ тѣмъ же самымъ эпизодомъ было уже невозможно. Отсюда и является кажущаяся двойственность плана всей поэмы, въ чемъ критики упрекали Пушкина. И дѣйствительно безъ эпилога поэмы трудно было бы видѣть одну общую ея идею. А въ немъ-то и выражается взглядъ Пушкина на давно отжившія лица. Онъ хочетъ связать свое время съ прошедшимъ нравственною связью, спрашивая: что же черезъ сто лѣтъ осталось

Отъ сильныхъ гордыхъ сихъ мужей
Столь полныхъ волею страстей?

И оказывается, что завидные слѣды оставляютъ тѣ дѣятели, которые умѣли направлять свои страсти къ общему благу; отъ тѣхъ же,

¹⁾ Рѣчь идетъ о Мазепѣ:

То трепеща и цѣпня,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь
Въ страданьяхъ ихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ,
То громко плакалъ и рыдалъ,
То дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ какъ безумный хохоталъ.

которые отдавались только своимъ личнымъ интересамъ, какъ бы ни шумна была ихъ дѣятельность, остаются самые жалкіе слѣды. При такой идеѣ для поэта всѣ выставленныя личности имѣли одинаковое значеніе и каждою онъ долженъ былъ заняться съ одинаковымъ вниманіемъ. Мы указываемъ только идею, которую поэтъ думалъ соединить въ одно лица и сцены, созданныя его фантазіею, и которая была въ тѣсной связи съ его взглядомъ на историческую жизнь; но не беремся оправдывать этой идеи, какъ идеи творческой въ художественномъ произведеніи.

Прибавимъ ко всему этому замѣтку Пушкина, которая знакомить насъ съ характеромъ его творческаго духа. Говоря о Мазепѣ, онъ замѣчаетъ: „Однако же какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, молодухіе, свирѣпость!... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней ¹⁾, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все“.

Въ началѣ марта 1829 года Пушкинъ послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ снова почувствовалъ томительное состояніе духа „въ городѣ чопорномъ, уныломъ, гдѣ рѣчи — ледъ, сердца — гранитъ“. Неожиданно и не сказавшись никому, онъ уѣхалъ въ свою деревню, оттуда въ Москву и потомъ на Кавказъ. Цѣлью его поѣздки, по собственнымъ его словамъ, были минеральныя воды, гдѣ онъ думалъ лѣчиться. Но скорѣе всего этимъ онъ только официально прикрывалъ свою поѣздку, которая совпадала съ началомъ военныхъ дѣйствій Паскевича въ Азіатской Турціи. Желаніе сильныхъ впечатлѣній, которыя бы могли подавить тоску его души, давало ему надежду какъ нибудь пробраться съ русскимъ войскомъ въ мѣста военныхъ дѣйствій, не испрашивая предварительнаго позволенія въ Петербургѣ, гдѣ навѣрно онъ получилъ бы отказъ, а можетъ быть, даже и строгое замѣчаніе. Въ Тифлисѣ же Пушкинъ надѣялся свидѣться съ нѣкоторыми своими пріятелями и съ братомъ, служившимъ тогда въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку. Но армія выступила въ походъ до его пріѣзда, и въ Тифлисѣ онъ уже никого не нашелъ. „Желаніе видѣть войну и сторону малоизвѣстную, объясняетъ въ своихъ запискахъ Пушкинъ, побудило меня просить позволенія пріѣхать въ армію“. Но это прошеніе было послано не къ петербургскому опекуну Пушкина, а въ дѣйствующую армію къ главнокомандующему Паскевичу, нисколько не затрудняясь, разрѣшилъ ему прибыть въ свой лагерь. „Такимъ образомъ видѣлъ я блестящую войну, пишетъ Пушкинъ, конченную въ нѣсколько недѣль и увѣнчанную переходомъ черезъ Саганлу и взятіемъ Арзрума“. Между тѣмъ Бенкендорфъ, узнавъ,

¹⁾ Она была написана въ Петербургѣ въ октябрѣ 1828 года; первая пѣснь кончена 3 октября, вторая — 9, третья — 16. (См. „Матеріалы“, Анненкова).

что Пушкинъ явился на Кавказъ безъ его вѣдома, сильно встревожился. Благопріятели успокаивали его, злорадно набрасывая тѣнь на нравственность поэта; ручались, что это путешествіе устроено картежными игроками, у которыхъ онъ въ тискахъ, что они вѣрно обѣщали ему золотыя горы на Кавказѣ, и что потомъ сами обыграютъ его. Но Бенкендорфъ не успокоился, считая Пушкина способнымъ на всякую агитацію. По его распоряженію учрежденъ былъ особенный надзоръ за нимъ. Но вотъ получается извѣстіе, что онъ уже въ Арзерумѣ. Еще болѣе встревожился подозрительный шефъ жандармовъ съ своими помощниками. Былъ тотчасъ же посланъ запросъ о цѣли его путешествія. Пушкинъ отвѣчалъ, что на Кавказъ онъ попалъ для свиданія съ братомъ, а въ армию съ дозволенія фельдмаршала Паскевича, такъ какъ ему любопытно было взглянуть на театръ войны и на мѣста, которыя могутъ подать ему матеріалъ для сочиненій ¹⁾.

Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ досказали Пушкину все, чего не дописали въ Грузію.

Плодомъ этого странствованія были извѣстныя записки „Путешествіе въ Арзерумъ“ и нѣсколько небольшихъ стихотвореній, сложившихся подъ впечатлѣніемъ отъ кавказской природы. Въ стихотвореніи „Калмычкѣ“ ставя калмычку въ параллель съ свѣтскими барынями, поэтъ показываетъ въ нихъ много внѣшнихъ отличій и иронически дѣлаетъ такое заключеніе:

Друзья, не все ль одно и то же:
Забиться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

Вотъ какія мысли наводилъ на него модный свѣтъ, среди котораго приходилось ему возвращаться въ столицѣ. Но вообще кавказскій воздухъ подѣйствовалъ на его духъ живительно, хотя и не могъ совершенно подавить его унынія:

Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла...
Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

¹⁾ „Русская Старина“ 1874 г. Августъ. Въ июльской книжкѣ „Русской Старины“ 1880 г. разсказывается, что Пушкинъ былъ принятъ очень радушно Паскевичемъ, который приказалъ поставить ему палатку возлѣ своей ставки; но требовалъ, чтобъ онъ всегда находился при немъ, тогда какъ Пушкинъ любилъ рыскать по лагерю, а при всякой перестрѣлкѣ скакать впередъ подъ выстрѣлы. Все это не нравилось Паскевичу, особенно, когда онъ узналъ о частыхъ свиданіяхъ Пушкина съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, находившимися въ арміи рядовыми. Произошла открытая ссора поэта съ Паскевичемъ, который наконецъ объявилъ ему: „Господинъ Пушкинъ, мнѣ васъ жаль, жизнь ваша дорога для Россіи; вамъ здѣсь дѣлать нечего, а потому я совѣтую немедленно уѣхать изъ арміи обратно, и я уже велѣлъ приготовить для васъ благонадежный конвой“. Пушкинъ въ тотъ же день уѣхалъ.

Въ описаніи Терека въ стихотвореніи „Кавказъ“ видится изображеніе собственной его души:

Играетъ и воетъ какъ звѣрь молодой,
Завидѣвши пищу изъ кѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще!... Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады;
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады...

Другая картина „Монастырь на Казбекѣ“ вызываетъ изъ сердца поэта такое желаніе:

Далекій возжеланный берегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бѣ въ заоблачную келью
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ.

Совсѣмъ другими звуками зазвучала лира поэта, когда онъ опять явился среди столичной жизни: „Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“, глубоко элегическіе стансы „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, и другія, говорящія о тѣхъ скорбныхъ минутахъ, которыя овладѣвали душою поэта:

Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!

Теперь у поэта страданіе уже сдѣлалось какъ бы принадлежностью мыслящаго человѣка.

Кавказъ далъ Пушкину новый поэтический образъ, который стала вынашивать его фантазія. Въ немъ мы видимъ родство съ тѣми образами, надъ которыми уже трудилось его творчество, и въ которыхъ выражалась собственная его личность. Тазитъ явился какъ бы на смѣну Онѣгину, который въ это время уже вполне выработался въ фантазіи поэта. Онѣгинъ, пришедшій въ разладъ съ своимъ обществомъ вслѣдствіе того, что оно не могло дать ему никакой дѣятельности по душѣ, остался среди него существомъ пассивнымъ, способнымъ размышлять и растревлять свое сердце размышленіями, скучающимъ и празднымъ, даже безъ всякаго Мефистофеля. Онъ долженъ былъ признать надъ собой силу этой массы людей, которая назвала себя обществомъ: она дала почувствовать себя не какъ сила разумная, но какъ сила стихійная, какъ слѣпая, но гнетущая судьба, отъ которой не уйти человѣку, вздумавшему по несчастію не поладить съ нею. Разладъ не принесетъ ему счастья, и лишь только онъ отдѣлился отъ нея, участь его рѣшена, побѣдителемъ онъ не останется, а масса будетъ прозябать по своему, признавая силу, а съ нею и право на своей сторонѣ. Не та же ли судьба тяготѣетъ и надъ несчастною Татьяною, правда, подчинившеюся массѣ, но противъ воли, противъ

своего сердечнаго влеченія, и все же создавшей свой собственный міръ? Давленіе этой стоячей массы поэтъ конечно долженъ былъ чувствовать и на самомъ себѣ; онъ не могъ не сознавать, что ему пришлось дорого платиться за всѣ тѣ противорѣчія, въ которыя онъ ставилъ себя съ этою массою, не желая съ нею сливаться, не могъ не видѣть своего безсилія передъ нею, не могъ и примириться съ ея требованіями. Вотъ это-то впечатлѣніе отъ такой общественной силы выразилось и въ Онѣгинѣ, надъ которымъ съ такой любовью много лѣтъ работала фантазія Пушкина. Конечно, когда онъ начиналъ свой романъ, онъ еще не могъ чувствовать всего этого, или если чувствовалъ, то пока еще слишкомъ неопредѣленно и не ясно; только дальнѣйшая жизнь, какую испыталъ онъ, должна была дать ему болѣе ясныя впечатлѣнія. Поэтъ въ этомъ и признается, оканчивая романъ:

Даль свободнаго романа . . .
 Я сквозь магическій кристалъ . . .
 Еще не ясно различалъ . . .

Намъ пришлось бы исписать много страницъ, если бы мы вздумали указывать всѣ тѣ впечатлѣнія жизни поэта, которыя отразились въ его произведеніи. Не даромъ оно было спутникомъ многихъ лѣтъ его тревожной и скитальческой жизни. Мы только указали то главное и общее впечатлѣніе, какому невольно поддавалась его фантазія, выразивъ его въ образѣ Онѣгина. Для Тазита, сколько можно судить по его недоконченному и невыношенному образу, среда, въ которой родился онъ, также составляетъ его судьбу. Онъ не можетъ удовлетвориться ея низменными идеалами, ея стоячею жизнію, такъ какъ его собственные идеалы говорятъ ему о другомъ долгѣ, вызываютъ другія стремленія, ставятъ другія задачи жизни. Разладъ между нимъ и его народомъ начался съ собственной семьи, является самъ собою. Слѣдствіе отсюда ясно: какимъ бы онъ ни явился передъ этой самоувѣренной и самонадѣянной средой—врагомъ ли, другомъ ли, онъ не найдетъ себѣ покоя и счастья, судьба его рѣшена. Можетъ быть, его идеаль одушевитъ и еще нѣсколько личностей и отторгнетъ отъ своей среды, но и ихъ ждетъ та же участь.

Не смотря на то, что Пушкинъ съ самаго начала набросалъ въ общихъ чертахъ планъ ¹⁾ своей поэмы, но какъ видно, образъ Тазита вырабатывался у него медленно; въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ не разъ обращался къ своему труду, и поэма все же осталась неоконченной; не потому ли, что задуманный имъ образъ окончательно не выработался въ его фантазій?

Съ 1830 г. Пушкина стали отвлекать отъ его поэтическаго призванія журнальные замыслы, которые, къ сожалѣнію, вызывало тогдашнее положеніе нашей журналистики. Какъ мы видѣли, Пушкинъ еще въ 1824 г. былъ недоволенъ русскими журналами за то,

¹⁾ См. „Матерьялы“, Анненкова.

что имъ недоставало дѣльной критики, основанной на опредѣленныхъ разумныхъ принципахъ. По его взгляду только такая критика могла способствовать развитію эстетическаго вкуса въ публикѣ и образовать здоровое общественное мнѣніе. Вотъ почему онъ выказывалъ сочувствіе каждому новому журналу, въ которомъ видѣлось стремленіе разрабатывать какіе либо философскіе принципы для критики. Такъ онъ отнесся къ существовавшему недолго журналу князя Одоевскаго и Кюхельбекера „Мнемозина“ въ 1824 г., затѣмъ въ 1825 г. къ „Московскому Телеграфу“, съ которымъ выступилъ на литературное поприще Полевой при дѣятельномъ сотрудничествѣ князя Вяземскаго. Въ 1827 г. молодой ученый Погодинъ сталъ издавать „Московский вѣстникъ“, на который лучшія литературныя силы возлагали большія надежды, стараясь вмѣстѣ съ Пушкинымъ поддержать его ¹⁾. Но всѣмъ новымъ журналамъ приходилось вступать въ сильную конкуренцію съ тою журналисткой, которая въ лучшихъ литературныхъ кружкахъ называлась продажною и представителями которой были два пріятеля журналиста Гречъ и Булгаринъ. Въ ихъ рукахъ была газета „Сѣверная Пчела“ и журналъ „Сынъ Отечества“ съ монополіей помѣщать политическія извѣстія, чего не разрѣшалось ни какому другому частному періодическому изданію. Такая монополія привлекала значительное число подписчиковъ и давала значительные доходы. Отсюда естественно желаніе издателей употребить всѣ мѣры, чтобы удержать за собой монополію. Въ этомъ стремленіи не брезгали никакими мѣрами. Булгаринъ обратился въ литературнаго шпиона и умѣлъ снискать себѣ расположеніе Бенкендорфа, набрасывая тѣмъ на разныя опасныя для него литературныя личности. Изъ редакцій „Сѣверной Пчелы“ и „Сына Отечества“ выходили тайные доносы въ Третье отдѣленіе на тѣхъ, которые могли быть чѣмъ нибудь опасны издателямъ. Такъ, ими былъ оклеветанъ князь Вяземскій въ злонамѣренномъ будто бы направленіи „Телеграфа“. Оправдываясь, вообще въ либерализмъ, который на него возводила тайная полиція, князь указываетъ на „гнусное безпокойство нѣкоторыхъ журналистовъ, коихъ позорная дѣятельность безчеститъ русскую литературу и русское общество; они помнятъ мои прежніе эпиграммы, боятся новыхъ, боятся независимости моего прямодушія, когда предстоитъ мнѣ случай вывести на свѣжую воду ихъ тупость или безчестность, боятся нѣкоторыхъ правъ моихъ на вниманіе читающей публики, совмѣст-

¹⁾ Въ концѣ 1826 Веневитиновъ писалъ къ Соболевскому въ Москву: „Что дѣлаетъ нашъ журналъ (Москов. Вѣстн.), я надѣюсь, что ты изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, а именно: понукаешь Погодина впередъ, ругаешь Полевого, выжимаешь изъ Шевырева статьи и выкидываешь терніи и зеліе недостойныя изъ нашего цвѣтущаго сада. Попугай Пушкина, надобно чтобы въ каждомъ № было его имя, подписанное хоть подъ немногими строчками. Скажу тебѣ искренно, что здѣсь (въ Петербургѣ) отъ этого журнала много ожидаютъ; самъ Пушкинъ писалъ сюда о немъ. Скажи нашимъ, чтобы они не падали Булгарина, Воейкова и пр. Истинные литераторы за насъ...

ничества моего для нихъ опаснаго и въ безсиліи своемъ состязаться со мною при свѣтѣ дня, на литературномъ поприщѣ, они подкапываются подъ меня во мракѣ, свойственномъ ихъ природнымъ дарованіямъ и нажитому ремеслу“¹⁾).

Въ этомъ взглядѣ князя Вяземскаго выразился и взглядъ всѣхъ сколько нибудь независимыхъ писателей того времени. Но Булгаринъ не унывалъ, а Бенкендорфъ, найдя добровольнаго себѣ помощника, самъ помогалъ ему, сгибая въ бараній рогъ каждое изданіе, осмѣлившееся высказать какую либо живую мысль. Кромѣ этой скрытой силы у монополистовъ была и сила явная. Своими шарлатанскими критиками они дѣйствовали развращающимъ образомъ на начинающіе литературные таланты, извращали вкусъ читающей публики. Имъ ничего не стоило плыть по теченію и устраивать свои дѣла съ цензурою. А между тѣмъ силы равной и противодѣйствующей имъ не оказывалось. „Московскій телеграфъ“, тѣсный цензурою, не выдержалъ, сталъ дѣлать уступки, пѣть въ тонъ подкупной петербургской самонадѣянной журналистики и отвратилъ отъ себя лучшихъ писателей. „Московскій вѣстникъ“ не былъ поддержанъ неразвитой публикой и долженъ былъ прекратиться²⁾. Писателямъ, которые дорожили своими именами и не хотѣли имѣть дѣла съ людьми, торговавшими своею совѣстью, негдѣ было печатать своихъ произведеній. Имъ настояла крайняя необходимость начать новое изданіе, чтобы имѣть свой органъ и въ тоже время сколько возможно противодѣйствовать „Сѣверной пчелѣ“, „Сыну отечества“ и подобн. Соединились лучшія и наиболѣе уважаемыя имена—Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій, Крыловъ, Баратынскій, Дельвигъ, и положили издавать въ 1830 г. „Литературную газету“. Послѣдній былъ выбранъ редакторомъ. Пушкинъ, какъ нервный и страстный человекъ, ревностно взялся за дѣло и явился усерднымъ помощникомъ своего друга. Отличаясь рѣзкимъ и сжатымъ слогомъ, онъ мѣтко клеймилъ Булгарина, какъ нравственную личность, и показалъ свою силу.³⁾ Перо Пушкина узнавалось безъ подписи. Онъ воспользовался именемъ французскаго шпіона Видока, который передъ этимъ издалъ въ Парижѣ свои сочиненія, и характеризуя по нимъ автора, рисовалъ въ тоже время непривлекательный портретъ своего противника⁴⁾. Это

¹⁾ „Моя исповѣдь“ Соч. Вяземскаго, часть II.

²⁾ Въ неуспѣхѣ Погодина отчасти винить самого себя: „Я не хотѣлъ пускать богѣе четырехъ листовъ книжку, говорить онъ въ своихъ воспоминаніяхъ: Телеграфъ выдавалъ въ 10 и 11 листовъ; я не хотѣлъ прилагать картинокъ модъ, которыя, по общему тогдашнему повятію, служили первою поддержкою Телеграфа; я не употребилъ старанія, чтобъ привлечь и обезпечить участіе князя Вяземскаго, который перешелъ окончательно къ Телеграфу и на первыхъ порахъ своими остроумными статьями и любопытными матерьялами содѣйствовалъ больше всѣхъ его успѣху.

³⁾ Подъ этими статьями Пушкинъ иногда подписывался псевдонимомъ Косичкинъ.

⁴⁾ См. V часть сочиненій Пушкина издан. Исакова.

же имя переходить и въ злыя эпиграммы Пушкина на того же журналиста. Но полемика не успѣла развиться въ подробности, соединившись тотчасъ же съ неблаговидными доносами ¹⁾. Она не понравилась Бенкендорфу, показавшись опасною, и къ счастію Булгарина была прекращена, а вскорѣ затѣмъ придрались къ пустому промаху редакціи и совсѣмъ запретили газету.

Самымъ чувствительнымъ ударомъ для Пушкина было послѣдствіе этого запрещенія—смерть Дельвига ²⁾, на котораго такъ подѣйствовали незаслуженныя угрозы и оскорбленія отъ шефа жандармовъ, что не выдержалъ его организмъ такого нравственнаго потрясенія. Всѣ порядочные люди негодовали на такія незаконныя дѣйствія всесильнаго царедворца, но негодовали конечно въ тихомолку. „А каково вамъ кажется запрещеніе „Литературной газеты“, писалъ князь Вяземскій къ старцу Дмитріеву. По журнальному достоинству она подлежала выговору, но въ политическомъ отношеніи была совершенно невинна. И какая несообразность! Имѣтъ цензуру и вмѣстѣ съ нею налагать отвѣтственность на авторовъ. То вдругъ отрѣшить цензора, то отрѣшить газету! Есть ли послѣ того возможность писать, не имѣвъ духа быть Булгаринымъ, который рѣшительно казнить и милуетъ кого угодно? И какая польза отъ того, что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія Блудовъ, а не какой нибудь Фотій, когда ни тотъ, ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона или писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что государь уважилъ бы истину, еслибы кто раскрылъ ее предъ нимъ. Но всѣ молчатъ“. ³⁾ Въ этомъ общемъ безмолвіи конечно торжествовали люди, которымъ ни по чемъ былъ всякій публичный позоръ. Торжествующимъ, повидимому, остался и Булгаринъ. Но Пушкинъ, разгоряченный его безстыдствомъ и считая его участникомъ въ пораженіи Дельвига, не могъ оставить его безъ новыхъ позорныхъ ударовъ. Въ 1831 г. въ новомъ журналѣ Надеждина „Телескопъ“ онъ продолжалъ нападать на Булгарина, какъ на литературнаго торгаша, шарлатана и шпіона. „Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, пишетъ онъ, которые публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всенародно, говоря въ

¹⁾ См. статью Анненкова въ Вѣстникѣ Европы 1880, іюнь. „Общественные идеалы Пушкина“.

²⁾ „Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье, писалъ Пушкинъ Плетневу, и на другой день оно подтвердилось... Грустно, тоска. Вотъ первая смерть мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ, я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій; но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду, около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ и постараемся быть живы.“

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1868, № 4.

похвалѣбу себѣ и въ утѣшеніе: „вѣдь, кажется, у насъ по полной оплеухѣ“. Нѣтъ, разсердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, какъ истощивъ весь запасъ оскорбительныхъ примѣчаній, обиняковъ, заграничныхъ анекдотовъ и т. п.“.

Нужда заставила Пушкина вести такую полемику съ развратными журналистами: нужно было раскрыть глаза публикѣ и выставить въ настоящемъ свѣтѣ эти личности, которыя являлись ловить въ мутной водѣ рыбу. Въ этомъ отчасти Пушкинъ и успѣлъ, по крайней мѣрѣ въ кругу людей болѣе развитыхъ и образованныхъ. Но не весело было заниматься такимъ дѣломъ. Не могъ поэтъ не чувствовать себя одинокимъ, не только въ свѣтской сферѣ, но и въ литературной. Друзья его молчали, можетъ быть, изъ расчетовъ благоразумія, да не всѣ и понимали его стремленія ¹⁾. Журнальная критика судила о немъ и вкривь и вкосъ, съ намѣреніемъ досадить ему и уколоть его ²⁾. Къ этому времени относится его стихотвореніе „Поэтъ, не дорожи любовію народной“, гдѣ прорывается это тяжелое чувство одиночества поэта, который видитъ передъ собою только одну холодную толпу, не находя никакой связи съ нею. Подъ этими впечатлѣніями и создался у него образъ поэта, не признающаго надъ собою суда толпы, которая не можетъ понимать его.

Но Пушкинъ ошибся въ одномъ: онъ принялъ за народный голосъ журнальную брань и свѣтское равнодушіе къ его поэзіи. Ему была чувствительна и обидна такая перемѣна послѣ того, какъ онъ былъ приученъ къ громкимъ хваламъ за все, что ни выходило изъ-подъ его пера; а между тѣмъ онъ понималъ, что геній его мучаетъ, крѣпнеть, что его поэтическіе труды съ каждымъ годомъ все совершенствуются. Но Пушкинъ не замѣтилъ, что духъ той публики, которая недавно цѣнила его, былъ подавленъ, если не задушенъ; что теперь со своимъ голосомъ явилась другая публика, въ руководители которой поставленъ Булгаринъ съ братіей, а на смѣну первой только

¹⁾ Въ 1829 г. князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „По примѣру Карамзина увѣренъ, что привычка труда не только не уступаетъ при стеченіи непріятныхъ обстоятельствъ, но, напротивъ, служитъ подкрѣпительною союзницею для сохраненія бодрости и спасительнаго терпѣнія. Но не каждому готова служить эта союзница: надобно умѣть ее заслужить, а въ этомъ-то и затрудненіе. Надобно быть сложенія плотнаго, а мы свойства тщедушнаго и нервическаго, какъ наша эпоха. Мы всегда и вездѣ подъ вліяніемъ минуты: нѣтъ на жизни нашей отраженія единства дѣйствія полнаго и безпрерывнаго. Однимъ словомъ, мы — натуры романтической, а не классической: въ насъ нѣтъ запаса на Илиаду, сотканную цѣлымъ кускомъ; мы вытѣкаемъ поэмы полотнищами, въ строфахъ, и то еще съ точками, съ умолчаніями и бѣлыми промежутками въ основѣ“... Здѣсь видится намекъ на Пушкина.

²⁾ „Что касается до критическихъ статей, писалъ Пушкинъ, написанныхъ съ одною цѣлью оскорбить меня, какимъ бы то ни было образомъ, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты и что, слѣдовательно, сочинители оныхъ могутъ быть довольны, удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали“.

подростала другая цѣнительница его поэзіи; у нея еще не было голоса; но она воспитывала себя „сладкими звуками и молитвами“ поэта, среди казарменной атмосферы. Это были юноши, оканчивающіе курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, даровитыя натуры, которыхъ не успѣли подавить тупые педагоги; они тайкомъ учили наизусть лучшія произведенія нашего поэта, иные терпѣли за это наказаніе, но зато благодаря его поэзіи, сохраняли въ душѣ высшія человѣческія стремленія, выносили въ себѣ тотъ свѣтъ, который въ другихъ одолѣвался мракомъ. Этой публики Пушкинъ еще не зналъ, а въ ней-то и хранилась народная любовь. Узнай онъ о ней, и навѣрно изъ его измученной души не вырвался бы этотъ стихъ: не дорожи любовію народной. И какъ бы онъ своей любящей душой отозвался на эту молодую любовь, которая пряталась въ разныхъ студенческихъ кельяхъ и въ ученическихъ камерахъ, если уже одинъ анонимный задушевный привѣтливый голосъ извлекалъ изъ его страдающей души такіе сердечные звуки:

Вниманья слабого предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взпраетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, плъ порою
Неблагодарною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
„Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ:
„Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
„И намъ ихъ передастъ“. Но счастье поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

Душно и мрачно было поэту въ этой полицейской атмосферѣ. Точно левъ, запертый въ клѣткѣ, томился онъ. Душа его рвалась куда нибудь подальше отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній. Къ тому же присоединилось одно сердечное, еще не опредѣлившееся дѣло, о которомъ сейчасъ будемъ говорить. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ по возвращеніи его въ столицу послѣ закавказскаго путешествія, и онъ уже просится у Бенкендорфа во Францію и Италію; если же на это не будетъ разрѣшенія, то хоть въ Китай, куда въ это время отпиралась наша миссія. На это онъ получилъ только упрекъ, что противорѣчитъ волѣ того, кто осыпалъ его столькими благодѣяніями. Пришлось извиняться и замолчать. Но въ мартѣ того же года Пушкинъ внезапно уѣхалъ въ Москву. Вслѣдъ за нимъ посланъ былъ запросъ отъ шефа жандармовъ, почему онъ не предупредилъ его

о своемъ отъѣздѣ, и при этомъ ему выставлено было на видъ, что всѣ непріятности, которымъ можетъ онъ подвергнуться за свои своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести къ своему собственному поведенію. Тутъ поэту уже пришлось убѣдиться, что онъ находится дѣйствительно подъ надзоромъ полиціи. Если передъ этимъ онъ выслушалъ непріятное замѣчаніе за свою кавказскую поѣздку, то потому, что онъ безъ вѣдома государя, не будучи военнымъ челоѣкомъ, слѣдовалъ за нашими войсками въ Турціи. Теперь же ясно было, что онъ лишенъ свободы перемѣщенія, какъ послѣдній крестьянинъ. Пушкина крайне огорчило такое стѣсненіе. Онъ отвѣчалъ, что до этого времени онъ никогда не спрашивалъ предварительнаго разрѣшенія и не получалъ замѣчаній. При томъ онъ выразилъ горестъ, какую приносятъ ему незаслуженные, выговоры, жалуясь на гоненія, какія онъ безвинно терпитъ. Но смягчая свои жалобы, онъ прибавляетъ, что другіе еще болѣе зложелательствуютъ ему, и что въ Бенкендорфѣ онъ видитъ своего единственнаго зашитника. „Если завтра вы не будете министромъ, замѣтилъ онъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму“ ¹⁾. Особенно же жаловался онъ на Булгарина, который хвалился своей близостью къ Бенкендорфу.

Въ Москву Пушкинъ ѣздилъ свататься за дѣвицу Гончарову, которой красота поразила его за годъ до этого, когда онъ направлялся къ Кавказу. У насъ есть интересное письмо Пушкина, писанное по-французски къ будущей его тещѣ, весною 1830 г.: „Когда я увидалъ ее въ первый разъ, писалъ онъ, красоту ея только-что начинали замѣчать въ обществѣ; я ее полюбилъ, голова моя помутилась; я просилъ руки ея. Отвѣтъ вашъ, при всей его неопредѣленности, едва не свелъ меня съ ума. Въ ту же ночь я уѣхалъ въ армію. Спросите: зачѣмъ? Клянусь, самъ не умѣю сказать; но тоска произвольная гнала меня изъ Москвы; я бы не могъ въ ней вынести присутствія вашего и ея. Я къ вамъ писалъ, надѣялся, ждалъ отвѣта. Отвѣта не приходило. Заблужденія первоначальной моей юности представлялись моему воображенію. Они были слишкомъ рѣзки; клевета придавала имъ еще болѣе широкіе размѣры; по несчастію молва о нихъ сдѣлалась всеобщей. Вы могли ей повѣрить; я не смѣлъ жаловаться на то, но я былъ въ отчаяніи. Какія муки ожидали меня по моемъ возвращеніи? Ваше молчаніе, вашъ холодный видъ, пріемъ Наталіи столь легкой, столь невнимательный. У меня не достало духу объяснить. Я уѣхалъ въ Петербургъ съ адомъ въ душѣ. Я чувствовалъ всю неловкость моего положенія: я былъ робокъ въ первый разъ въ жизни, а робость въ челоѣкѣ моихъ лѣтъ, конечно, не можетъ поправиться молодой особѣ“...

Такимъ образомъ и здѣсь, въ этомъ сердечномъ вопросѣ, касающемся

¹⁾ „Русская Старина“. 1874 г. августъ.

выбора жены, поперегъ дороги Пушкина стала все та же упорная молва о дурнопроведенной юности, о безнравственномъ направленіи, о политической неблагонадежности. Здѣсь даже теряла свою силу всѣмъ извѣстная русская пословица, которую обыкновенно у насъ произносятъ для оправданія буйной молодости жениха: былъ молодцу не укоръ. И это злопамятство держалось въ томъ обществѣ, которое само не стояло на высотѣ нравственнаго развитія. Молва подтверждалась другою молвою: разглашали, что Пушкинъ подѣ надзоромъ тайной полиціи, такъ какъ государь недоволенъ имъ. Тогда Пушкинъ рѣшается просить Бенкендорфа извѣстить государя о своемъ намѣреніи жениться; но при этомъ случаѣ жалуется на свое тягостное положеніе: „Мать невѣсты, пишетъ онъ, страшится выдать дочь свою за человѣка, который имѣетъ несчастье быть подѣ гнѣвомъ государя“. Въ отвѣтъ на это Бенкендорфъ отвѣчалъ, что Пушкинъ „находится не подѣ гнѣвомъ, но подѣ отеческимъ попеченіемъ его величества“, что онъ доверенъ Бенкендорфу не какъ шефу жандармовъ, но какъ „человѣку, въ которомъ найдетъ себѣ друга и покровителя, который оберегаетъ его своими совѣтами и руководитъ имъ только къ его пользѣ“.

Какой ироніей звучатъ эти слова въ письмѣ Бенкендорфа въ виду его недавнихъ отношеній къ поэту! Нѣтъ сомнѣній, что онъ передавалъ на этотъ разъ слова государя и не замѣтилъ, что они не согласны съ собственными его поступками, обличая, какъ онъ самъ злоупотреблялъ порученіемъ государя.

Подѣйствовало ли это письмо или и безъ него, но предложеніе Пушкина наконецъ было принято. Онъ не измѣнилъ своей артистической натурѣ и въ вопросѣ о женитьбѣ. Онъ увлекся красотой юной Гончаровой, которою восхищались всѣ при первомъ ея появленіи въ свѣтѣ:

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей...

Этого достаточно было для артиста. Онъ не предлагалъ себѣ никакихъ другихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе въ соображеніяхъ о женатой жизни нравственнаго человѣка. Онъ даже не убѣдился, можетъ ли она полюбить его. Въ пылу страсти онъ дѣлаетъ предложеніе. „Привычка и продолжительное сближеніе одни могли бы доставить мнѣ расположеніе вашей дочери, писалъ онъ къ матери своей невѣсты. Я могу надѣяться, что современемъ она ко мнѣ привяжется, но во мнѣ нѣтъ ничего, что могло-бы ей нравиться. Если она будетъ согласна отдать мнѣ свою руку, я увижу въ этомъ лишь доказательство того, что сердце ея остается въ спокойномъ равнодушіи. Но это спокойствіе долго ли продлится среди восхищеній, поклоненій, соблазновъ? Ей станутъ говорить, что лишь несчастная судьба помѣшала ей заключить другой союзъ, болѣе соответствующій, болѣе блестятель-

ный, болѣе достойный ея. Такія внушенія, если-бы они даже и были не искренни, ей навѣрно покажутся искренними. Не станетъ ли она раскисаться? Не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на помѣху, какъ на обманщика и похитителя? Не почувствуетъ-ли она ко мнѣ отвращеніе? Богъ мнѣ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть, чтобы оставить ее блистательною вдовою, свободно въ выборѣ на завтра же другого мужа, мысль эта—адъ ¹⁾“...

Страстная натура Пушкина сказывается въ этихъ словахъ. Онъ говоритъ о желанномъ законномъ обладаніи любимой женщиною, и въ то же время волнуется сомнѣніями, опасеніями, ревнивыми думами. Онъ такъ привыкъ къ недоброжелательству свѣта, что боится и тутъ, какъ бы свѣтъ не вмѣшался въ его сердечныя отношенія къ женѣ, не нарушилъ бы покоя и счастья семейной его жизни. Зная дальнѣйшую судьбу Пушкина, связанную съ его женитьбой, мы слышимъ какое-то роковое предчувствіе въ этихъ словахъ поэта.

Согласіе со стороны невесты получено, свадьба отложена на нѣсколько мѣсяцевъ. Пушкинъ имѣлъ возможность успокоиться, обдумать свое положеніе и спокойно смотрѣть на предстоящую ему новую жизнь. За недѣлю до свадьбы (10 февраля 1831 г.) онъ писалъ къ другу своей юности Кривцову: „Я почти женатъ. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes (въ обычной колее нѣтъ счастья). Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю какъ люди и, вѣроятно, не буду въ томъ раскисаться. Къ тому же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: они входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью“ ²⁾.

Прежде всего Пушкину нужно было обдумать и устроить свое матеріальное положеніе. Онъ зналъ, что женится на дѣвушкѣ, воспитанной для свѣтской жизни, слѣдовательно эту жизнь и долженъ былъ имѣть въ своихъ соображеніяхъ. „Я ни за что на свѣтѣ не допущу, писалъ онъ, чтобы жена моя терпѣла лишенія, чтобы она не являлась тамъ, гдѣ ей предназначено блистать, веселиться. Она вправѣ требовать этого. Чтобы сдѣлать ей угодное, я готовъ пожертвовать всѣми вкусами, всею моею жизнью, вполне свободною и обильною случайностями“. Для всего этого нужно было имѣть значи-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1873, № 5.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1864 г., № 10.

тельные доходы. Пушкинъ не могъ много разсчитывать на отца, у котораго всѣ дѣла были крайне запутаны; не могъ разсчитывать и на большое приданое; оставалось положиться на собственные литературные труды. Онъ справедливо понадѣялся на свои силы и въ ту же осень доказалъ себѣ, какъ производительно можетъ онъ употреблять свое время. Но чтобы имѣть вѣрные доходы, теперь необходимо было сообразоваться съ цензурными требованіями и подчинить имъ свое творчество—вотъ что болѣе всего могло тяготить Пушкина. На виду у него былъ „Борисъ Годуновъ“, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ публикѣ только въ небольшихъ отрывочныхъ сценахъ. Мы видѣли, что еще въ 1826 году Бенкендорфъ потребовалъ это произведеніе къ себѣ для передачи его государю. Черезъ нѣсколько времени Пушкинъ получилъ его обратно съ припискою, что „государь замѣтилъ въ драмѣ лишь нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была бы болѣе выполнена, если-бы сочинитель передѣлалъ ее въ историческій романъ на подобіе Вальтеръ-Скотта“. На это Пушкинъ отвѣчалъ: „жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное“. Но печатать свой трудъ онъ не рѣшился изъ опасенія, что и публика не пойметъ красоты его, а ему было бы очень тяжело перенести равнодушный пріемъ произведенія, которымъ онъ такъ дорожилъ, соединивъ съ нимъ вопросъ о народной драмѣ. И только въ 1829 году онъ представилъ его во вторичную цензуру государю, съ перемѣною нѣкоторыхъ выраженій. Драма была снова возвращена съ тѣмъ, чтобы перемѣнить еще нѣкоторыя мѣста, показавшіяся тривіальными. Отправляясь въ закавказскую поѣздку, Пушкинъ поручилъ Жуковскому заняться ея печатаніемъ. Но и тутъ произошла помѣха. По возвращеніи въ Петербургъ, питая мечту о новомъ далекомъ путешествіи на западъ или на востокъ, Пушкинъ писалъ къ Бенкендорфу: „Въ мое отсутствіе г. Жуковский хотѣлъ напечатать мою трагедію; но не получилъ на то прямого разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ небогатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы тысячъ въ 15 руб., которые могла бы доставить моя трагедія, и мнѣ было бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ наиболѣе доволенъ“. Только въ октябрѣ мѣсяцѣ 1830 г. высочайше разрѣшено печатаніе „Бориса Годунова“, подъ собственною отвѣтственностію поэта. Но въ это время Пушкинъ былъ далеко отъ столицы, драма печаталась безъ него и вышла въ свѣтъ 1-го января 1831 года.

Пушкинъ получилъ отъ отца часть его нижегородскихъ помѣстій, село Болдино, куда онъ и отправился изъ Москвы на осень, чтобы выправить тамъ бумаги, необходимыя для залога имѣнія въ опекуновомъ совѣтѣ, такъ какъ ему нужны были деньги для свадьбы. Но тамъ захватила его холера, быстро шедшая съ юга на сѣверъ. Не имѣя возможности пробраться черезъ устроенныя карантинныя, поэтъ поне-

волѣ жасѣлъ въ одиночествѣ. Осень и тихая уединенная жизнь всегда приносили вдохновеніе нашему поэту. Въ Болдинѣ онъ приготовилъ къ печати двѣ послѣднія главы „Евгенія Онѣгина“, написалъ драматическія сцены „Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“, „Донъ-Жуанъ“, шуточную повѣсть „Домикъ въ Коломнѣ“, пять повѣстей Бѣлкина, около тридцати мелкихъ стихотвореній и началъ „Лѣтопись села Горохина“. Замѣчательно, что всѣ драматическія сцены и нѣкоторыя мелкія стихотворенія ¹⁾ вводятъ насъ въ кругъ европейской жизни, преимущественно средневѣковой, а нѣкоторыя даже навѣяны произведеніями европейскихъ поэтовъ. Здѣсь Пушкинъ расширяетъ сферу своей поэзіи, показавъ, что ему одинаково доступна какъ русская, такъ и иноземная жизнь, что его фантазія проникается даже духомъ этой послѣдней по однимъ впечатлѣніямъ отъ чтенія иностранныхъ сочиненій. Онъ, какъ гениальный поэтъ, отразилъ въ себѣ черту новаго русскаго человѣка, воспитаннаго подъ сильнымъ вліяніемъ общеевропейскаго просвѣщенія. Эта способность усваивать себѣ представленіе чужой жизни развивается у насъ съ дѣтства черезъ чтеніе чужеземныхъ сказовъ, разсказовъ, историческихъ сочиненій. Наше воображеніе на ряду съ образами, созданными русской фантазіей, наполняется и созданіями другихъ народовъ. Въ прежніе годы мы интересовались европейскою жизнію даже болѣе, чѣмъ своею, даже легко передѣлывались во французовъ, англичанъ, нѣмцевъ. И въ настоящее время исторія Европы со школы изучается нами во всей подробности. Отсюда ясно, что мы нисколько не затрудняемся понимать европейскую жизнь во всемъ ея историческомъ объемѣ, и интересуемся ею какъ жизнью намъ очень близкою, хотя историческое участіе принимаемъ въ ней еще недавно. Такое наше отношеніе къ чужой жизни сдѣлалось какъ-бы національною чертою русскаго человѣка, сознающаго свою связь съ Европою, какъ природнаго европейца. Въ Пушкинѣ отразилась эта черта какъ въ художникѣ, и его произведенія въ этомъ родѣ обогатили русскую поэзію. Съ другой стороны чужая сфера жизни давала ему болѣе цензурнаго матеріала для поэзіи, а о немъ онъ долженъ былъ теперь думать, такъ какъ разсчитывалъ на доходы отъ своихъ произведеній. Тѣми же соображеніями могли быть вызваны и повѣсти Бѣлкина, а можетъ быть и „Домикъ въ Коломнѣ“, „Лѣтопись же села Горохина“ была брошена на половинѣ, такъ какъ она видимо должна была коснуться такихъ порядковъ русской помѣщичьей жизни, которые тщательно оберегались цензурою.

Изъ мелкихъ стихотвореній большая часть представляетъ впечатлѣнія и думы поэта, которыя занимали его въ уединеніи. Въ нихъ преобладаетъ элегическій тонъ, который поддерживался самою окружающею природою и жизнію. Ими поэтъ хочетъ объяснить, отчего

¹⁾ „Пажъ“, „Пью за здравіе Мери“, „Романсъ“.

русская поэзія вообще склонна болѣе къ элегіи. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взять веселья, если вамъ представляются такія картины:

Избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины садъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея,
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки, онъ несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно бѣ ужъ схоронилъ...

Но отъ этихъ некрасивыхъ картинъ нашъ поэтъ тѣмъ охотнѣе углублялся въ свой внутренній міръ и тѣмъ страстнѣе предавался своему творчеству:

Въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ, то яркій свѣтъ лѣтъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю..
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.
И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ
Излиться наконецъ свободнымъ проявленіемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рифмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута... и стихи свободно потекутъ...

Но для такого свободного проявленія души поэту нужно было вдали отъ шумной свѣтской жизни и разныхъ гнетущихъ заботъ. Женатая жизнь должна будетъ измѣнить условія его жизни. Что-то она принесетъ ему?

Парки бабѣ лепетанье,
Спящей ночи трепетанье
Жизни мышья бѣготня —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепотъ?..
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?

Такіе тревожные вопросы являлись поэту въ безсонныя ночи....

VIII.

Женатая жизнь.

Женившись, Пушкинъ посѣщилъ переселиться въ Петербургъ, съ мыслию ввести молодую жену въ кругъ свѣтской жизни и дать ей возможность принимать участіе во всѣхъ свѣтскихъ удовольствіяхъ. Но онъ хорошо понималъ, что теперь ему, какъ человѣку семейному, не ловко быть въ высшемъ обществѣ безъ опредѣленнаго officialнаго положенія. Тамъ у всѣхъ есть какіе нибудь служебные титулы, а онъ между ними только сочинитель. Но это званіе ни въ officialномъ мірѣ, ни въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ не пользовалось особеннымъ почетомъ. Оно иногда произносилось тамъ съ ужимками и съ сомнительными улыбками. Самому Пушкину было всегда крайне неприятно, если къ его имени прибавляли это слово, когда хотѣли отличить его отъ другихъ Пушкиныхъ. Его пріатели и люди доброжелательные къ нему, во главѣ которыхъ стоялъ Жуковский, стали убѣждать его выбрать себѣ какое нибудь опредѣленное положеніе. Вступить въ службу чиновникомъ, съ его маленькимъ чиномъ, для него конечно было немыслимо, не потому, чтобъ не быть подвластнымъ человѣкомъ: онъ и безъ того хуже всякаго мелкаго чиновника чувствовалъ на себѣ тяжесть власти своего полицейскаго опекуна и покровителя. Пушкинъ дорожилъ свободою труда, которую онъ хотѣлъ отдать литературнымъ работамъ. Но пріатели нашли возможность устроить его къ ихъ общему удовольствію. Положили хлопотать ему позволеніе издавать политическую газету, которая отчасти бы замѣнила недавно запрещенную „Литературную газету“ Дельвига, и добиваться званія исторіографа, упраздненнаго со смертію Карамзина. Эти планы пришлись Пушкину по душѣ. Съ ними какъ нельзя лучше согласовались его гражданскія и патріотическія стремленія. Въ это время Пушкинъ жилъ на дачѣ въ Царскомъ селѣ, куда переселился и дворъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, а въ Польшѣ возстаніе въ полномъ разгарѣ; въ Европѣ разжигалась ненависть противъ Россіи. Эти обстоятельства и вызвали въ бесѣдѣ друзей мысль о необходимости дѣльной политической газеты. Г. Анненковъ такимъ образомъ излагаетъ все это дѣло ¹⁾:

„Втихомолку передавались печальныя новости съ театра войны: нерѣшительность дѣйствій русской арміи, возрастающія надежды инсurreкціи, сочувствіе къ ней со стороны народовъ Европы; за междоусобной войной проглядывала возможность большой европейской войны въ близкомъ будущемъ. Нравственная сторона польскаго вопроса особенно обращала вниманіе друзей въ Царскомъ селѣ, такъ какъ въ

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1880 г. іюнь: „Общественные идеалы Пушкина“.

ней то и заключалось все дѣло. Пока большинство русскаго общества негодовало просто на медленность вооруженной расправы съ непріятелемъ, Жуковский и Пушкинъ всего болѣе думали о принципѣ, который возстаніе положило въ свою основу и которымъ себя оправдывало... Подъ знаменемъ нарушеннаго принципа народной воли и національности, Франція, только что провозгласившая этотъ принципъ у себя, стала почти цѣликомъ въ ряды самыхъ ожесточенныхъ враговъ Россіи. Начавшаяся борьба двухъ славянскихъ племенъ вызвала тамъ въ печати и на трибунѣ бурю ненависти, угрозъ и всевозможныхъ обвиненій противъ русскаго народа и правительства, бурю, которая сообщилась и ближайшимъ сосѣдямъ Россіи. По секрету передавались слухи объ опасномъ положеніи правительствъ конституціонныхъ и абсолютныхъ, одинаково истощавшихся въ усиліяхъ сдерживать порывы своихъ народовъ, которые требовали почти въ одинъ голосъ передѣлки европейской исторіи и трактатовъ, во всемъ, что они сказали въ пользу и въ интересъ Россіи. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ, не одинъ онъ думалъ, что какъ бы ни велики были усилія нашей секретной дипломатической борьбы съ направленіемъ—одной этой борьбы еще не было достаточно, и слѣдовало бы вызвать на борьбу съ нимъ голосъ самаго общества. Какъ ни совѣтовали еще послѣднему покрывать всѣ яростныя нападки его враговъ однимъ горделивымъ молчаніемъ, но многимъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ казалось, что вмѣшательство общества въ полемику было еще нужнѣе ему самому для разрѣшенія болѣзненныхъ тревогъ его собственной совѣсти и сознанія, чѣмъ даже для отраженія не справедливыхъ обвиненій со стороны. Конечно, выразительныхъ словъ „бунтъ“, „мятежъ“, достаточно было для успокоенія чувства законности у большинства тогдашней русской публики, но вопросъ о нравственномъ правѣ употребить силу оружія противъ идеи о политической независимости у народа, котораго много лѣтъ приучали къ ней официально—этотъ вопросъ оставался и затѣмъ смутнымъ для значительной части русской интеллигенціи“...

Вотъ при такихъ условіяхъ и явилась мысль основать печатный органъ: „пускай позволяютъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападки иностранныхъ газетъ“. Эта мысль Пушкина вытекала прямо изъ чувства патріотическаго негодованія. Съ этимъ вмѣстѣ у него соединилась и мысль служить посредникомъ между правительствомъ и публикой, разясняя послѣдней политическія идеи въ духѣ тѣхъ принциповъ, которые исторически развивались въ русскомъ народѣ. Увлекала его и мысль заняться исторіей Петра Великаго въ качествѣ исторіографа. Съ этимъ вмѣстѣ связывался и вопросъ о чинѣ, о которомъ до сихъ поръ не приходилось задумываться поэту. Но теперь его нельзя было избѣжать, лишь только зашла рѣчь объ официальном положеніи, которое прежде всего опре-

дѣлялось чиномъ. И вотъ не долго думая, въ іюнѣ того же года Пушкинъ подалъ прошеніе Бенкендорфу. Здѣсь онъ заявляетъ, что ему всегда было тягостно его бездѣйствіе, и что теперь онъ готовъ служить по мѣрѣ своихъ способностей. „Мой настоящій чинъ къ несчастію будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 года. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не припоминалъ. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало“. Далѣе онъ предлагалъ свое перо для политическихъ статей, общая съ точностью и усердіемъ исполнять волю государя. „Съ радостью взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями и такимъ бы образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію“. Наконецъ Пушкинъ просилъ дозволенія заняться историческими изысканіями въ архивахъ и библіотекахъ съ цѣлью исполнить свое давнишнее желаніе—написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до Петра III.

Съ помощью связей и пріятельскихъ просьбъ Пушкинъ ни въ чемъ не получилъ отказа. Право посѣщать государственныя архивы (впрочемъ подъ руководствомъ статсъ-секретаря Блудова) было дано ему тогда же, а прочее обѣщано.

Въ своемъ прошеніи, сознательно или нѣтъ, Пушкинъ произнесъ справедливое и вѣское слово: онъ выразилъ, что у людей съ дарованіемъ и слѣдовательно полезныхъ, таится вражда къ правительству, и указалъ причины ея—непріязненное его отношеніе къ просвѣщенію, и затѣмъ средство, какъ оно можетъ доказать противное и приблизить къ себѣ всѣхъ этихъ людей: просвѣщеніе требуетъ работы мысли въ вопросахъ жизни. Вызвавъ на эту работу умственные силы просвѣщенныхъ людей, правительство тѣмъ самымъ доказало бы, что оно стоитъ на сторонѣ просвѣщенія. Обѣщаніе разрѣшить изданіе просимой газеты могло навести на мысль, что предложеніе услугъ со стороны лучшихъ литературныхъ силъ принято въ настоящемъ значеніи. Оставалось только съ пріятными надеждами и расчетами ждать исполненія обѣщанія. Но Пушкинъ-поэтъ предупредилъ Пушкина—журналиста. Поэтъ не ждетъ позволенія, а высказывается въ минуту, когда созрѣла его творческая дума. Въ августѣ мѣсяцъ онъ написалъ одно за другимъ два политическія стихотворенія „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“ ¹⁾ на одну и ту же тему, какъ от-

¹⁾ Оба эти стихотворенія вмѣстѣ со стихами Жуковскаго на ту же тему были напечатаны тогда же въ одной брошюрѣ, озаглавленной „На взятіе Варшавы“ 1831 г.

вѣтъ на клевету, брань и оскорбленія, вызванныя противъ Россіи. стремленіями, возбужденными за границую польскимъ возстаніемъ. Все это произносилось въ парламентахъ и палатахъ, печаталось въ иностранныхъ газетахъ. Патріотическое чувство русскаго поэта было сильно оскорблено; но не смотря на страстность своей рѣчи, онъ не смѣшиваетъ двухъ вопросовъ: вопроса о польской самостоятельности и вопроса о правѣ западныхъ народовъ подчинить Россію своей волѣ и своимъ требованіямъ. Въ вопросѣ о Польшѣ онъ противопоставляетъ теоретическому принципу національности, во имя котораго на западѣ такъ горячо вступались за Польшу, принципъ чисто историческій. По его взгляду, въ этой польско-русской борьбѣ вопросъ идетъ не о раздѣленіи національностей, а о сліяніи ихъ въ одно славянское тѣло, слѣдственно разрѣшается вопросъ славянской и вопросъ не новый; цѣлые вѣка считаются кровью эти два близкія родственныя племена, и семейная, а не національная вражда ихъ можетъ разрѣшиться только исторически, въ будущемъ. Что же касается второго вопроса, то онъ легко можетъ разрѣшиться только силою оружія. Здѣсь поэтъ, съ гордостью указывая на испытанную русскую силу и на недавнее значеніе русскаго народа въ дѣлѣ освобожденія Европы, вызываетъ грозныхъ оскорбителей рѣшить поднятый вопросъ въ открытомъ, честномъ бою. Въ бородинской годовщинѣ, написанной послѣ взятія Варшавы, торжествующій голосъ поэта относится все къ тѣмъ же „легоязычнымъ витіямъ“, а не къ падшему народу:

Въ бореньи падшіи невредимъ,
Враговъ мы въ прахѣ не топтали...
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Вотъ одно изъ добрыхъ чувствъ, которыя поэтъ пробуждалъ въ народѣ своей лирой.

При томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ находилось русское общество, стихотворенія Пушкина произвели сильное впечатлѣніе: они удовлетворяли оскорбленному патріотизму общества и въ то же время облегчали его, выясняя ему настоящее политическое отношеніе Россіи къ Польшѣ и западнымъ государствамъ. Не могли не понравиться они и правительству, которое, какъ они представляли, исполнило историческую задачу русскаго народа. Можетъ быть, это обстоятельство ускорило исполненіе просьбы Пушкина о чинѣ. Онъ былъ причисленъ къ тому же министерству, при которомъ состоялъ и прежде, не смотря на то, что начальственные лица въ этомъ вѣдомствѣ вѣроятно по злой памяти отписывались неимѣніемъ вакансій. Определенный сверхъ штата, онъ получилъ особенную милость—пять тысячъ рублей ежегоднаго жалованья, что уже было для него совершенно неожиданно и очень кстати при ограниченныхъ и не вѣрныхъ его средствахъ.

Такимъ образомъ вступая по немногу въ общую колею, виѣ которой, по собственному сознанію Пушкина, нѣтъ счастья, и предлагая

свой талантъ на службу правительству, онъ все же не столько изменился, сколько это могло казаться другимъ. Онъ только сдѣлался практичнѣе, убѣдившись, что одинъ въ полѣ не воинъ; онъ сталъ болѣе на историческую почву, отказавшись отъ прежнихъ теоретическихъ воззрѣній на жизнь. Но онъ остался при своихъ честныхъ гражданскихъ убѣжденіяхъ, которыя вызывали его служить дѣлу общенародному; а оно отождествлялось въ то время съ дѣломъ государственнымъ. Служить же узкимъ полицейскимъ выгодамъ, которыя тогда рѣзко выдавались впередъ передъ всѣми народно-государственными интересами, Пушкину никогда не могло придти въ голову. У насъ есть интересная статья его о Радищевѣ, написанная съ видимымъ намѣреніемъ высказать, въ какія отношенія онъ, какъ журналистъ, станеть къ правительству. Въ ней онъ осуждаетъ не убѣжденія Радищева, а его поступокъ (безцензурное изданіе книги „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“), который называетъ ничѣмъ не извиняемымъ преступленіемъ. Въ то же время онъ удивляется его необыкновенному духу, его самоотверженію и какой-то рыцарской совѣстливости. Здѣсь-же Пушкинъ отрекается отъ тѣхъ идей, которыя въ ранней юности увлекали его самого. Такъ, коснувшись книги французскаго философа XVIII столѣтія Гельвеція „О разумѣ“, которую изучалъ Радищевъ съ товарищами въ Лейпцигѣ, онъ прибавляетъ: „Теперь было бы для насъ не понятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если-бы мы по несчастію не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія; она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ и на вѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли столь же дѣтскія, другія мечты столь же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо... въ свою очередь онѣ замѣняются другими“. Здѣсь-же мы видимъ, что историческій взглядъ на прошедшее, усвоенный Пушкинымъ, изменилъ и взглядъ его на царствованіе Александра I. Заслугу его онъ видитъ въ томъ, что онъ умѣлъ уважать человѣчество, благодаря чему двадцатипятилѣтнимъ его царствованіемъ смягчилась прежняя строгость законовъ.

Но вотъ тѣ строки, по поводу которыхъ мы и обратились къ статьѣ о Радищевѣ: „Радищевъ, говоритъ Пушкинъ, какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію

состоянія крестьянъ? Онъ злится на цензуру: не лучше-ли было бы потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено, и мысль, священный даръ Божій не была бы рабой и жертвою безсмысленной и своенравной управы; а съ другой—чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной. Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна; ибо правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ, не пугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностью¹⁾.

Нельзя не видѣть настоящей цѣли, съ какой написаны эти строки. Изъ нихъ само собою вытекало слѣдующее заключеніе: правительство, которое поступаетъ иначе, даетъ оправданіе Радищевымъ въ ихъ противозаконныхъ поступкахъ. Изъ всего этого мы убѣждаемся, что Пушкинъ, отрекаясь отъ нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ взглядовъ, не отрекался отъ своей личности т. е. отъ свободы своей мысли. Какъ бы въ отвѣтъ людямъ, которые упрекали его въ измѣнѣ убѣжденіямъ, онъ говоритъ въ защиту Радищева, устраняя отъ него укоръ въ слабости и непостоянствѣ характера: „Время измѣняетъ человѣка какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ иль съ улыбкою отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лицо, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ“.

Такимъ образомъ Пушкинъ выяснялъ себѣ свое гражданское положеніе, не дѣлая никакихъ сдѣлокъ съ своей совѣстью. Въ этомъ случаѣ онъ чистъ отъ всякихъ упрековъ, которыми разные завистники и недоброжелатели хотѣли уронить его.

Съ помощью пріятелей онъ получилъ наконецъ опредѣленное общественное положеніе: его привязывали къ дѣлу, прикрѣпляли къ мѣсту. Другой вопросъ: выигралъ ли отъ этого поэтъ? Всѣ думали, не исключая и самого Пушкина, что онъ остался въ своей сферѣ, какъ литераторъ: онъ будетъ заниматься журналомъ, будетъ писать исторію; ни какая посторонняя служба не будетъ отвлекать его. Но дѣло въ томъ, что всѣ ошибались на словѣ, подводя поэзію вмѣстѣ съ исторіей и публицистикой подъ одно слово „литература“. Дѣлаясь присяжнымъ журналистомъ и историкомъ, Пушкинъ отвлекался отъ

¹⁾ „Нѣсколько благоразумныхъ мыслей, прибавляетъ Пушкинъ, нѣсколько благонамеренныхъ предположеній Радищева принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностью и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истинны, гдѣ нѣтъ любви“.

своего настоящаго призванія поэта-художника, хотя ему и казалось, что онъ остается себѣ вѣренъ. Друзья радовались за него и за русскую литературу, которой не доставало честнаго политическаго и критическаго журнала. Они возлагали на его будущій журналъ большую надежду ¹⁾. Но они считали Бенкендорфа лучше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Они представляли его государственнымъ челоуѣкомъ, способнымъ понимать истинныя нужды тогдашняго общества, тогда какъ онъ оказался не выше обыкновеннаго, склоннаго къ подозрѣніямъ жандарма, которому казалось опаснымъ соединять людей съ дарованіями да еще во имя вреднаго просвѣщенія; гораздо спокойнѣе для него было держать ихъ съ зажатými ртами и въ подозрѣніи. Онъ наконецъ разрѣшилъ Пушкину газету, вѣроятно, уступая давлению или просьбамъ разныхъ уважаемыхъ лицъ; но тотчасъ же далъ ему замѣтить, что онъ остается все въ тѣхъ же полицейскихъ тискахъ. Онъ придрался къ альманаху „Сѣверные цвѣты“ ²⁾ на 1832 годъ, изданному Пушкинымъ въ пользу семейства покойнаго Дельвига. Тамъ между прочимъ было напечатано стихотвореніе Пушкина „Древо яда“ ³⁾ (Анчаръ). О немъ-то и былъ сдѣланъ строгій запросъ отъ шефа жандармовъ—почему оно явилось въ печати безъ предварительнаго разрѣшенія государя, при чемъ поэта грубо и несправедливо упрекали въ томъ, что онъ измѣнилъ принятымъ на себя обязательствамъ, нарушилъ честное слово, обманулъ. Крайне оскорбило Пушкина такое жандармское обращеніе, и онъ рѣшился объяснить, во что полицейская власть для него обращаетъ милость государя. „Я всегда твердо былъ увѣренъ, писалъ онъ въ отвѣтъ, что высочайшая милость, коей нежданно я былъ удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ, печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ печатались съ вѣдома моего и безъ вѣдома мои стихотворенія безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ“.

¹⁾ Князь Вяземскій писалъ въ Москву къ Дмитріеву: „Молодой или будущій газетчикъ занять своею беременностію. Тяжелый подвигъ, особенно при недостаткѣ сотрудниковъ. Пришлите что нибудь новорожденному на зубокъ... Благословите его на новое поприще. Авось съ легкой руки вашей одержитъ онъ побѣду надъ врагами ада т. е. „Телеграфа“, зажметъ ротъ „Пчелѣ“, и прочиститъ стекла „Телескопу“. Новостей политическихъ и литературныхъ сообщать вамъ нечего, если и есть онѣ... Царь и Пушкинъ у васъ (въ сентябрѣ 1832 г.)—политика и литература воцаренныя“.

Князь Одоевскій также думалъ принять дѣятельное участіе въ журнальных трудахъ Пушкина.

²⁾ Дельвигъ нѣсколько лѣтъ издавалъ этотъ альманахъ, въ которомъ и Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе.

³⁾ Въ этой книжкѣ напечатаны слѣдующія произведенія Пушкина: „Моцартъ и Сальери“, антологическія эпиграммы:—(„Царскосельская статуя“, „Отрокъ“, „Рифма“, „Трудъ“) „Эхо“, „Делибашъ“, „Анчаръ“. „Бѣсы“, „Дорожныя жалобы“. Въ книжкѣ на 1831 годъ, изданной Дельвигомъ: „Поэту“, „Отвѣтъ анониму“, „Монастырь на Казбекѣ“, „На холмахъ Грузіи“, „Обвалъ“.

Послѣ такого столкновѣнія Пушкинъ упалъ духомъ. Онъ хорошо понималъ, что ему данъ косвенный намекъ, хотя и въ грубой формѣ, на неудовольствіе его полицейскаго начальства за мысль стихотворенія *Анчаръ*. Но въ такомъ случаѣ какихъ же современныхъ политическихъ вопросовъ можно было касаться въ газетѣ безъ риска натолкнуться на оскорбленія еще болѣе чувствительныя, а можетъ быть, и на запрещеніе газеты по первымъ же нумерамъ? Передъ глазами былъ примѣръ очень наглядный. Въ этомъ же году былъ запрещенъ на второмъ номерѣ новый ежемѣсячный журналъ „Европеецъ“, который началъ издавать въ Москвѣ возвратившійся изъ-за границы молодой ученый Кирѣевскій старшій. Бенкендорфу не понравились нѣсколько строкъ противъ нѣмцевъ, которыхъ онъ былъ конечно естественнымъ защитникомъ. Не помогли и всѣ хлопоты Жуковского ¹⁾. Въ виду всего этого Пушкину оставалось уступить безъ боя Булгарину и компаніи и отказаться отъ изданія къ общему огорченію своихъ пріятелей.

Переживъ холеру въ Царскомъ селѣ, Пушкинъ на зиму переселился въ Петербургъ. Здѣсь ему предстояла задача ввести свою молодую жену въ большой свѣтъ, сдѣлать ее участницею всѣхъ великосвѣтскихъ развлеченій и устроить свою жизнь, согласно съ обычаями и тономъ этого свѣта.

Наталя Николаевна, воспитанная помосковски, исключительно для свѣтской жизни, веселая, склонная къ развлеченіямъ, была замѣчена при дворѣ, какъ красавица, и вошла, по выраженію ея мужа, въ большую моду. Пушкинъ долженъ былъ ей сопутствовать на балы, рауты, собранія, вечера, спектакли и скучать среди шумнаго или чопорнаго многолюдства. Но онъ безропотно жертвовалъ собою для жены. Онъ тщеславился ея красотою, какъ артистъ, и былъ доволенъ, видя ее веселою, танцующею посреди толпы обожателей, возбуждающе зависть въ аристократическихъ дамахъ. Иногда онъ слегка упрекалъ ее въ кокетствѣ, но самъ же и поддерживалъ его, рассказывая ей о славѣ отъ ея красоты въ Москвѣ и въ провинціи. Онъ поощрялъ ея страсть къ свѣтскимъ удовольствіямъ, говоря: „будь молода, потому что ты молода и царствуй, потому что ты прекрасна“.

¹⁾ По этому поводу князь Вяземскій иронически писалъ въ Москву къ Дмитріеву „Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то-хотя не объявленное правительствующимъ сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни—люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочіе, кромѣ единаго Полеваго, злоумышленники. Вы вѣрно пожалѣли о прекращеніи „Европейца“, послѣдовавшемъ вѣроятно также въ силу вышеупомянутого узаконенія. Всѣ усилія благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ людей, желавшихъ доказать, что въ книжкѣ „Европейца“ нѣтъ ничего революціоннаго, остались безуспѣшны. Въ напечатанномъ конечно нѣтъ ничего возмутительнаго, говорили въ отвѣтъ, но тутъ надобно читать то, что не напечатано, и въ тогда ясно увидите злые умыслы и революцію какъ на ладони“. Прогнѣвъ такой логики спорить нечего“.

Но Пушкинъ не могъ не чувствовать, что положеніе его въ свѣтскомъ обществѣ было двусмысленно. Его ласкали государь и всѣ члены царской семьи, при всякомъ случаѣ выказывали ему особенное вниманіе, ему, не отличенному никакими знаками внѣшнихъ отличій, въ обыкновенномъ дворянскомъ мундирѣ или въ штатскомъ фракѣ. А между тѣмъ такихъ вниманій не удостоивались лица, украшенныя лентами, изъ блестящей толпы. Они не понимали заслугъ поэта и ставили свою службу выше какого бы ни было стихотворства. Зависть, злоба, недоброжелательство шипѣли вокругъ поэта. Все это онъ понималъ очень хорошо, видѣлъ, какъ зорко слѣдятъ за нимъ, чтобы уловить каждую его неосторожность, каждую неловкость или легкомысліе его жены, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ сплетенъ. Приходилось поэту стать на стражѣ своего добраго имени, семейной чести, покоя, и мысль его напрягается въ этомъ направленіи и постоянно тревожить его нервы. Изъ его писемъ къ женѣ мы видимъ, въ какомъ тревожномъ настроеніи онъ находился, когда оставлялъ ее одну въ этомъ обществѣ, склонномъ ко всякимъ сплетнямъ, какъ онъ дорожилъ своимъ семейнымъ покоемъ, въ которомъ только и думалъ найти себѣ счастье, какъ боялся, чтобы молодая женщина своею неопытностью и незнаніемъ людей не подала повода къ различнымъ свѣтскимъ пересудамъ. Иногда онъ строго и съ досадой относится къ ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько любви высказывается въ его совѣтахъ и предостереженіяхъ. „Хоть я въ тебѣ и увѣренъ писалъ онъ въ первую свою отлучку, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ...“ „Кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности, не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ тому, а къ чему то уже важнѣйшему“... „Кокетство не въ модѣ и почитается признаками дурнаго тона. Въ немъ толку мало... Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышнею, все, что не сошме *it faut*, все что *vulgar*... Если при моемъ возвращеніи я найду, что, твой милый простой аристократическій тонъ измѣнился, разведусь, вотъ те Христосъ и пойду въ солдаты съ горя... Кокетство ни къ чему доброму не ведетъ, и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ни что такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія.

„Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ стеной глуши ¹⁾, остапавливаюсь въ пакосной Москвѣ, которую не навизу—для чего? Для тебя, женка, чтобы ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта

¹⁾ 1833 г. осенью Пушкинъ ѣздилъ въ Оренбургъ съ цѣлью дополнить матерьялы для Исторіи Пугачевского бунта и Капитанской дочки.

истор. вѣстн., годъ I, томъ III.

и съ твоею красотою, Побереги же и ты меня! къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc“...

Всѣ эти увѣщанія и предостереженія вызывались откровенными письмами его жены, которая описывала свои выѣзды въ свѣтъ и свои встрѣчи съ разными лицами, и которая, какъ видно, любила трунить надъ мужемъ, выставляя свое кокетство. Но не ревность, какъ иные хотятъ видѣть, а боязнъ свѣтскихъ сплетенъ вызывала съ его стороны эти рѣчи. За то какъ болѣзненно отзывалось въ его сердцѣ, когда онъ въ 1834 г. узналъ, что тайна семейной его переписки нарушается почтою, которая распечатывала его письма, размѣется, по распоряженію заботливаго опекуна его ¹⁾. Почта „распечатала письмо мужа къ женѣ, писалъ онъ, тайна семейственныхъ сношеній проникнута сквернымъ и безчестнымъ образомъ... Никто не долженъ знать, что можетъ происходить между нами, никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни“... „Я не писалъ тебѣ, замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ, потому что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политическѣй свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше“... „Будь осторожна, вѣроятно и, твои письма распечатываютъ, этого требуетъ государственная безопасность“.

Не всякому легко переживать мысль, что люди нахально вторгаются въ его семейную бесѣду и насильно дѣлаются нежеланными свидѣтелями объясненій мужа съ женою. И все это нужно было молча переносить и только про себя проклипать жизнь при такихъ условіяхъ.

Одною изъ большихъ непріятностей для Пушкина было производство его въ камеръ-юнкера на новый 1834 годъ. Мы не знаемъ, врагу или другу пришла мысль связать его официально съ дворомъ

¹⁾ Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ „Русской старины“ 1880 г. разсказывается фактъ, относящійся къ этому времени. Письмо Пушкина къ женѣ приведенное дагѣ, гдѣ онъ рѣзко выражается о трехъ царяхъ, было перехвачено въ Москвѣ почтъ-директоромъ Булаковымъ и въ копіи отправлено въ III отдѣленіе къ графу Бенкендорфу. Шефъ шандармовъ передалъ его своему секретарю Миллеру, бывшему лиценсту, приказывая положить въ ящикъ въ тотъ отдѣлъ бумагъ, съ которыми онъ отправлялся съ докладомъ къ государю. Но Миллеръ узнавъ о бѣдѣ, грозящей Пушкину, переложилъ письмо изъ одного отдѣла въ другой, въ надеждѣ на забывчивость Бенкендорфа. Эта надежда оправдалась. Пушкину также сообщили о томъ, чтобы онъ принял свои мѣры. Но никакихъ дурныхъ послѣдствій ему не пришлось испытать. Только въ слѣдующемъ письмѣ къ женѣ онъ выбранилъ Булакова свойственными ему сильными выраженіями, предполагая, что почтъ-директоръ полюбопытствуетъ прочитатъ и это письмо. Онъ не обманулся: оказалось, что письмо не дошло по выписанному адресу, значить достигло цѣли; но въ III отдѣленіе не было переслано.

и сдѣлавъ обыкновеннымъ придворнымъ чиновникомъ, вывести его изъ этого исключительнаго, но почетнаго положенія, въ какомъ онъ до того являлся между паредворцами. По свидѣтельству графа Сологуба ¹⁾ кому-то нужно было, чтобы жена его приглашалась на придворные балы. Какъ бы то ни было, но Пушкинъ видѣлъ въ этомъ униженіе, хотя и долженъ былъ скрыть свое чувство. „Конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, писалъ онъ Нащокину ²⁾, государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ и вѣрно не думалъ ужъ меня кольнуть“. А по словамъ князя Вяземскаго, ему казалось неприличнымъ, что въ его лѣта посреди его поприща дѣлали его камеръ-юнкеромъ, словно какого то юношу и новичка въ общественномъ кругу. Когда великій князь Михаилъ Павловичъ поздравлялъ Пушкина, онъ отвѣтилъ: „вы, ваше высочество, одни меня поздравляете, а всѣ надо мной смѣются.“ Понятно, какъ поэтъ долженъ былъ относиться къ своей камеръ-юнкерской службѣ. „Третьяго дня, писалъ онъ въ тотъ же годъ на святой недѣлѣ къ женѣ ³⁾, возвратился я изъ Царскаго села, нашелъ на своемъ столѣ приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни (вѣроятно въ свѣтлое воскресенье). Въ самомъ дѣлѣ въ тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, и что онъ велѣлъ намъ это объявить... Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ“... Въ слѣдующемъ письмѣ Пушкинъ пишетъ: „репортуюсь больнымъ: боюсь царя встрѣтить. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди и мнѣ вѣроятно его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ ⁴⁾ и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловалъ. третій хотъ и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю; отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка (сынъ) будетъ ладить съ ⁵⁾ съ моимъ тезкой я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ—писать стихи да ссориться съ царями. Въ стихахъ онъ отца не

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1865 г.

²⁾ Москвичъ Павелъ Воиновичъ Нащокинъ былъ въ большой дружбѣ съ Пушкинымъ, который всегда останавливался въ его квартирѣ, когда прїѣзжалъ въ Москву и часто пользовался его совѣтами въ устройствѣ своихъ денежныхъ дѣлъ. Изъ ихъ переписки мы узнаемъ разныя подробности о петербургской жизни Пушкина.

³⁾ Онъ отправилъ на весну и на лѣто свое семейство къ роднымъ въ деревню въ Калужскую губернію.

⁴⁾ Императоръ Павелъ встрѣтилъ младенца Пушкина въ Юсуповомъ саду. Пушкинъ впоследствии говорилъ въ шутку, что сношенія его съ дворомъ начались при императорѣ Павлѣ.

⁵⁾ Пропускъ въ печати въ „Вѣст. Европы“ 1878 г.

перешеголяетъ, а плетью обука не перешибетъ...“ Въ насмѣшку Пушкинъ называлъ и свою жену камеръ-пажикой; а когда приходилось надѣвать ему камеръ-юнкерскій мундиръ, онъ чувствовалъ себя въ дурномъ расположеніи духа. Все это показываетъ, какъ несправедливы были къ нему нѣкоторые изъ его прежнихъ критиковъ и биографовъ, которые ставили ему въ укоръ, будто бы онъ изъ мелкаго честолюбія самъ добивался камеръ-юнкерства.

Чтобъ поддерживать достойнымъ образомъ придворную и великосвѣтскую жизнь, нужно было очень много денегъ, иначе приходилось бы выносить униженія и насмѣшки, чего не могъ допустить Пушкинъ. „Женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро“, писалъ онъ Нащокину еще въ первый годъ своей женатой жизни изъ Царскаго Села, гдѣ онъ хотѣлъ жить „потихоньку безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ“. Но петербургская жизнь потребовала еще большаго. „Кружусь въ свѣтѣ, писалъ онъ изъ Петербурга тому же лицу, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія“. Вотъ этого то уединенія и недоставало нашему поэту. „Нѣтъ у меня досуга, вольной холостой жизни, необходима для писателя!“ восклицалъ онъ въ заботахъ о добываніи денегъ. Все, что онъ получилъ отъ изданія своихъ прежнихъ трудовъ—Бориса Годунова, повѣстей Бѣлкина, собранія мелкихъ стихотвореній, Евгенія Онѣгина, суммы не маленькія, все это пошло на прожитіе и приходилось дѣлать долги десятками тысячъ. Понятно, что при такихъ заботахъ трудно было поэту отдаться свободному творчеству, не возможно было задумать какой нибудь большой поэтической трудъ, хотя гений его крѣпъ все болѣе и болѣе, что мы ясно видимъ въ его мелкихъ произведеніяхъ. Но перебирая и эти послѣднія за пять лѣтъ находимъ очень немного близкихъ къ жизни поэта или къ жизни русской; большая же часть переводъ или подражаніе иностраннымъ поэтамъ—древнимъ и новымъ. И между ними какъ болѣзненно звучитъ стихотвореніе „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“, свидѣтельствующее, какія тяжкія минуты переживалъ поэтъ и какой матеріалъ жизнь давала его фантазій. Не служить ли это доказательствомъ, какъ стѣснялась поэтическая его сфера и какой гнетъ чувствовалъ онъ отъ всякихъ надзоровъ и полицейскихъ подозрѣній? На эту же мысль наводитъ и множество пачатыхъ и тотчасъ же брошенныхъ повѣстей, рассказовъ, романовъ, изъ которыхъ иные должны были глубоко затрогивать жизнь русскаго общества. Пушкина съ первыхъ же страницъ не могла не охлаждать мысль, что не стоитъ тратить время на трудъ, который не допустить къ печати и который не дастъ ему ничего въ заботахъ объ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей жизни. Какъ было предаться свободному творчеству безъ расчета на производительность труда, когда мысль о большихъ текущихъ расходахъ,

о долгахъ, объ уплатѣ процентовъ не давала ему покоя. Правда, большой историческій трудъ, взятый имъ на себя, какъ исторія Петра Великаго, могъ ему обѣщать большіе доходы, но это не былъ трудъ поэтическій, не работа фантазіи, которая была потребностью творческой его души, и притомъ конецъ его былъ въ далекомъ будущемъ; а между тѣмъ настоящее представляло столько житейскихъ нуждъ, которыя необходимо было удовлетворять. Прилежно Пушкинъ посѣщалъ архивы, разбиралъ историческіе матерьялы, дѣлалъ выписки; это былъ по крайней мѣрѣ трудъ, который, можно было вести во всякомъ настроеніи духа. Но долго онъ не выдерживалъ такой работы. Онъ думалъ о вольной независимой жизни, вдали отъ столицы и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы хоть на короткое время оставить Петербургъ и отдаться творчеству. „Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически“, писалъ онъ Нащокину. „Нѣтъ ничего благоразумнѣе, читаемъ въ его письмѣ къ Осиповой, какъ жить въ своей деревнѣ и поливать свою капусту; это старая истина, которую я ежедневно повторяю среди свѣтской и безпорядочной жизни... Петербургъ не по мнѣ; ни мои наклонности, ни мое состояніе не соотвѣтствуютъ петербургской жизни“.

Въ своихъ архивныхъ розысканіяхъ Пушкинъ напалъ на матерьялы, относящіеся къ пугачевщинѣ. Обработка ихъ не требовала многого времени, а интересъ эпохи обѣщалъ хорошія деньги за трудъ. Съ этимъ вмѣстѣ его фантазія находить матерьялъ для историческаго романа, которому не могла грозить опасность остаться подъ запрещеніемъ. Но обрабатывать все это при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ приходилось вести жизнь въ Петербургѣ, онъ не находилъ возможности. И вотъ въ августѣ 1833 года онъ проситъ дозволенія съѣздить въ свое нижегородское имѣніе и посѣтить Оренбургъ и Казань, гдѣ, онъ надѣялся, еще сохранились въ народѣ преданія о пугачевщинѣ. „Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, писалъ онъ въ своемъ прошеніи, занимался я одними историческими розысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставить мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія; но они доставляютъ мнѣ способъ жить въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальства, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную“. Такимъ языкомъ вынужденъ былъ изъясняться поэтъ съ тѣми, отъ кого зависѣла его судьба и кому не было никакого интереса въ литературѣ. Но и въ путешествіи заботы о житейскихъ нуждахъ смущали усталый духъ Пушкина. „Какъ я глупо сдѣлалъ, писалъ онъ женѣ изъ Нижняго Новгорода, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребить за долги: Параша, поварь,

извозчикъ, аптекарь, m-me Sichler ¹⁾ etc., у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ ²⁾ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься, сердидься на меня, и подѣломъ. А это еще хорошая сторона картины—что если у тебя опять нарывы, что если Машка (дочь) больна? А другіе непредвидѣнные случаи? Пугачевъ не стоитъ этого, того и гляди, я на него плюну и явлюсь къ тебѣ“. Въ путешествіи по Россіи Пушкинъ могъ убѣдиться, что въ ней есть еще другая публика, кромѣ большого свѣта и завистливыхъ, своекорыстныхъ журналистовъ, публика, которая умѣетъ цѣнить его и гордиться имъ. Побывавъ въ Казани, Симбирскѣ, Оренбургѣ, гдѣ его принимали какъ отечественную славу, онъ пріѣхалъ въ Болдино съ цѣлью заняться обработкою накопившихся матерьяловъ; но и здѣсь ужъ такъ не работалось какъ прежде: „Не страшай меня, писалъ онъ женѣ, не говори, что ты искокетничалась; я пріѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать, а безъ денегъ сядемъ на мѣль. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужъ недѣлю какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволить мнѣ записки ³⁾, то у насъ будетъ тысячъ тридцать чистыхъ денегъ. Заплотимъ половину долговъ и заживемъ припѣваячи“. Черезъ двѣ недѣли Пушкинъ снова извѣщалъ жену: „О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ много, по ни къ чему нѣтъ охоты. Богъ знаетъ, что со мною дѣлается... Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться; взялся за гужъ, не скажу, что не доужъ. А ты не брани меня“.

Изъ Болдина Пушкинъ возвратился съ оконченной Исторіей Пугачевского бунта. Государь разрѣшилъ печатать ее въ казенной типографіи и далъ на изданіе двадцата тысячъ рублей. Авторъ ея не обманулся въ своемъ разсчетѣ и въ самомъ дѣлѣ получилъ большія деньги съ этого изданія. „Каково время? писалъ онъ Нащокину: Пугачевъ сдѣлался добрымъ исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то и ничего не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату“. Такимъ образомъ мысль Пушкина все же не освободилась отъ заботы о деньгахъ. „Мѣдный всадникъ“, привезенный Пушкинымъ также изъ Болдина, не былъ дозволенъ для печати. „Убытки и непріятности“, замѣтилъ онъ по этому случаю въ письмѣ къ Нащокину. Была у него на-готовѣ еще повѣсть о Дубровскомъ и Троекуровѣ, гдѣ ярко представлялось помѣщичье самовластіе; но ее онъ и не пытался отдавать въ цензуру,

¹⁾ Извѣстная модистка въ Петербургѣ.

²⁾ Книгопродавецъ, который купилъ у Пушкина право изданія его стихотвореній.

³⁾ Записки о Пугачевѣ.

предвидя, что и ее постигнетъ та же участь. Что же оставалось дѣлать поэту, какъ не обратиться опять къ тѣмъ же архивамъ для важнѣйшихъ занятій? Но эти занятія, по словамъ г. Анненкова, начинали вносить большое разстройство въ сознаніе Пушкина, ображеніемъ, что не вся правда цѣликомъ и при всякомъ случаѣ стояла на сторонѣ грознаго реформатора, а между тѣмъ мѣры, какія онъ принималъ для доставленія торжества своимъ ошибкамъ и погрѣшностямъ ничуть не уступали въ энергіи и безопасности мѣрамъ, съ помощью которыхъ онъ осуществлялъ свои великія предначертанія: люди гибли, положенія уничтожались, общество колебалось уже въ пользу явной исторической невозможности... Сквозь призму своего установившагося воззрѣнія на Петра Пушкинъ видѣлъ или думалъ что видитъ, двойное лицо—геніальнаго создателя государства и старый восточный типъ бича Божія. Рука Пушкина дрогнула... Онъ искалъ способа изобразить имя великаго государя, согласно со своимъ собственнымъ пониманіемъ его и не оскорбляя официального міра, ожидавшаго безусловной апофеозы преобразователя, для чего собственно и были ему открыты государственные архивы... Большинство публики и весь официальный міръ ждали отъ поэта просто лучезарнаго лика Петра и конечно возмутились бы всякимъ яркимъ пятномъ, которое бы на немъ примѣтили. Съ другой стороны даже и позволеніе на самый осторожный и необходимый, по существу дѣла, вводъ тѣней въ образъ монарха Пушкинъ принужденъ былъ бы покупать цѣною едва внятныхъ намековъ, полуоткровеній, недоговоренныхъ мыслей, что лишило бы его трудъ всякаго наукообразнаго значенія въ глазахъ свѣдущихъ и компетентныхъ судей ¹⁾...

Такимъ образомъ Пушкинъ оказался въ положеніи того бѣднаго захудалаго потомка знаменитыхъ предковъ Евгенія въ „Мѣдномъ всадникѣ“, который вздумалъ съ укоромъ поднять свой перстъ на образъ народнаго героя. Ему грозило общественное преслѣдованіе, если бы онъ рѣшился не оправдать того идеальнаго образа, передъ которымъ почти набожно преклонялось большинство русскаго общества, преслѣдованіе, поэтически выразившееся въ повѣсти въ образѣ грознаго Мѣднаго всадника.

Въ такомъ тяжеломъ положеніи находился не только поэтъ, но и историкъ посреди общества, которое въ сознаніи своей стихійной силы не допускало терпимости даже въ научной сферѣ: оно готово было раздавить дерзкаго, который вздумалъ бы не преклониться передъ его кумирами. Отсюда понятно, что охота къ труду не могла находить себѣ поддержки даже въ ожиданіи денежныхъ выгодъ.

Ко всѣмъ заботамъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ прибавились еще заботы о разстроенномъ состояніи его отца. „Обстоятельства мои затруднялись еще вотъ по какому случаю, писалъ Пушкинъ къ На-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“. 1880. Іюнь.

щюкину въ 1834 г.: на дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу—нахожу его въ слезахъ, мать въ постелѣ, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Что такое? — Имѣніе описываютъ. — Надо скорѣе заплатить долгъ.—Ужъ долгъ заплоченъ. Вотъ и письмо управителя.—Поѣзжайте въ деревню.—Не съ чѣмъ! Что дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно. Я желалъ бы и успокоить старость отца и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ художникъ... Эти слова обнаруживаютъ еще одну прекрасную черту въ характерѣ Пушкина. Любовь къ собственной семьѣ не развила въ немъ эгоизма и не охладила родственнаго чувства къ роднымъ. Не смотря на совѣты жены, Пушкинъ взялъ на свое попеченіе семью своего отца, хотя и не совсѣмъ былъ ею доволенъ. „Ужъ какъ меня терзали, писалъ онъ къ женѣ въ Калугу, вспомнилъ я тебя, мой ангелъ. А дѣлать нечего. Если не вѣзъ за имѣніе, то оно пропадетъ же даромъ. Ольга Сергѣевна и Левъ Сергѣевичъ останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ же на руки, тогда то заплачусь и заплачусь, а имъ и горя мало. Меня же будутъ цыганить. Охъ семья, семья!“.

Приходилось Пушкину переносить непріятности и отъ тещи, которая оскорбляла его еще женихомъ и потомъ старалась очернить его передъ женою и распространяла о немъ разныя сплетни по Москвѣ, называя презрѣннымъ ростовщикомъ и разными оскорбительными именами, и все изъ за денежныхъ счетовъ, которые она не хотѣла кончить миролюбиво. Можетъ быть, вслѣдствіе всѣхъ ея сплетенъ Нащокинъ, вращавшійся въ большомъ московскомъ свѣтѣ, писалъ Пушкину: „друзей у тебя въ Москвѣ нѣтъ, ибо любятъ тебя бранить“. При такихъ отношеніяхъ къ людямъ близкимъ Пушкинъ болѣе всего боялся нарушенія семейнаго покоя, и когда онъ узналъ, что жена его хочетъ привести изъ Калуги въ Петербургъ своихъ сестеръ, писалъ ей: „мое мнѣніе — семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти покамѣстъ малы; родители, когда уже престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься и семейственнаго спокойствія не будетъ“¹⁾. Понятно, въ какомъ постоянномъ напряженіи были нервы этой страстной натуры. Мученикомъ представляется онъ намъ въ своей жизни. Въ 1834 году онъ проводилъ весну и лѣто въ Петербургѣ одинъ, безъ семьи, въ которой еще находилъ нѣкоторое успоко-

¹⁾ Въ другомъ письмѣ Пушкинъ писалъ: „Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во первыхъ, вѣроятно откажутъ, а во вторыхъ коли и возьмутъ, то подумай, что за свѣрныя толки пойдутъ до свинскому Петербургу. Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. Погоди, овдовѣешь, постарѣешь—тогда пожалуй, будь салонницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ — тебѣ и сестрамъ быть подалѣ отъ двора. Вы же не богаты... Вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal...“

ніе. Теперь ему негдѣ было отдыхать и успокаиваться отъ разныхъ волненій и раздражающихъ впечатлѣній. Чувство зависимости и затрудненіе зарабатывать себѣ свободно честнымъ трудомъ необходимы для жизни деньги приводили его въ сильное волненіе, и у него стала развиваться мысль просить себѣ отставки, бросить Петербургъ и гдѣ нибудь въ тишинѣ и на свободѣ отдаться труду и творчеству. Въ письмахъ къ женѣ онъ подготовлялъ ее къ этому факту. Мы воспользуемся его выраженіями, чтобы живѣе и ярче представить состояніе его духа: „Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ, да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ. Непріятна зависимость; особенно. когда лѣтъ двадцать человекъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ. а ропотъ на самого себя... Хлопоты по имѣнію (отцовскому) меня бѣсятъ; съ твоего позволенія надобно будетъ, кажется, выйти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію и въ которомъ къ сожалѣнію не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства... Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадоѣ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами ...Желчь меня такъ и волнуетъ, да отъ желчи здѣсь не убережешься... У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя и не смѣтъ даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человека болѣе нравственнымъ ¹⁾. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата; а виновать я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни“... „Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости.

¹⁾ Къ этому присоединимъ выписку изъ письма Пушкина къ Нащокину, писанного уже въ 1835 г. „Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно; ему досадно видѣть новыхъ молодыхъ поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотреть безъ зависти на молодость его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились“.

И мои долги, и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насѣли; то то, то другое... Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться мнѣ богатымъ—а тамъ пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. ...Я деньги мало люблю, но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости“...

Въ нѣкоторыхъ письмахъ Пушкинъ пишетъ намеками, конечно изъ опасенія почтовой нескромности: „На того ¹⁾ я пересталъ сердиться, потому что, *toute reflexion faite*, не онъ виноватъ въ свинствѣ его окружающемъ... Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ. Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? Я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ-нибудь. Все тотъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня во свояси!.. Пожалуйста, не требуй отъ меня нѣжныхъ любовныхъ писемъ. Мысль, что мои письма распечатываются и прочитываются на почтѣ, въ полиціи и такъ далѣе, охлаждаетъ меня и я по неволѣ сухъ и скупенъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ“...

Когда Пушкинъ писалъ это письмо, мысль оставить службу у него уже приводилась въ исполненіе. Въ концѣ іюня онъ дѣйствительно подалъ прошеніе объ отставкѣ, высказавъ желаніе удержать за собою право посѣщать архивы. Ему сухо отвѣчали, что его величество не желаетъ никого удерживать противъ воли, но что на посѣщеніе архивовъ не изъясляетъ согласія, такъ какъ это право можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства. Поступокъ Пушкина при этомъ названъ безумною неблагодарностью къ тому, кто былъ его благодѣтелемъ, что крайне опечалило поэта. Онъ поспѣшилъ взять назадъ свое прошеніе и извинялся тѣмъ, что испрашивая отставку, онъ думалъ лишь о своихъ семейныхъ дѣлахъ тягостныхъ и затрудненныхъ, имѣя въ виду единственно неудобство часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ. „Императоръ осыпалъ меня милостями съ первой же минуты, въ которую царскал его мысль низошла на меня, писалъ онъ Бенкендорфу: онъ всегда былъ для меня провидѣніемъ, и если въ теченіе послѣднихъ восьми

¹⁾ Ясно, что подъ этимъ мѣстоименіемъ разумѣть онъ государя.

лѣтъ, мнѣ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я посвятилъ ему“...

Но Пушкинъ не вдругъ объявилъ женѣ о своей неудачѣ. Въ первомъ письмѣ онъ только намекнулъ какъ бы мимоходомъ: „на дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ; съ тѣмъ чуть было не побранился, и тухнулъ-то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь, другаго не наживу. А долго на него сердиться не умѣю, хоть и онъ не правъ“. Только въ слѣдующемъ письмѣ онъ высказался нѣсколько опредѣленнѣе: „На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку; но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидь, что я встухнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобъ мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ ли? Хорошо, коли проживу я еще лѣтъ 25, а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, и что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили какъ шута и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на аничковскихъ балахъ... Главное то, что я не хочу, чтобъ могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма“...

Такимъ образомъ всѣ порывы поэта къ вольной независимой жизни оставались безъ успѣха. Онъ мечталъ поправить свое состояніе и обезпечить семью своими трудами, сознавалъ въ себѣ много силъ, но въ то же время чувствовалъ себя въ сѣтяхъ и напрасно ждалъ вдохновенія. Даже въ деревнѣ, въ уединеніи, осенью, въ ту пору, когда въ прежніе годы оно не оставляло его, теперь другія мысли съ другими заботами тревожили его душу. Такъ онъ писалъ къ жевѣ изъ Болдина: „вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ я въ деревнѣ... Скучно, мой ангель, и стихи въ голову нейдутъ, и романъ не переписываю, читаю Вальтеръ-Скотта и Библію, а все объ васъ думаю... Много вещей, о которыхъ беспокоюсь... Подожду еще немножко, не распишусь ли; коли нѣтъ, такъ съ Богомъ и въ путь“.

Зиму, часть весны и лѣто 1835 г. Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ все съ тѣми же заботами о своихъ дѣлахъ. Наконецъ, чувствуя, что онъ все болѣе и болѣе запутывается и что одними своими силами ничего не сдѣлаетъ, онъ рѣшается предоставить свою судьбу на волю императора. Въ письмѣ къ Бенкендорфу онъ признается, что въ теченіе пятилѣтней петербургской жизни у него накопилось долгу шестьдесятъ тысячъ рублей, и что теперь единственными способами къ водворенію порядка въ его дѣлахъ остаются: или удаленіе въ деревню или заемъ значительной денежной суммы. „Послѣдній способъ почти невозможенъ въ Россіи, гдѣ законъ даетъ слишкомъ слабое ручательство займодавцу, и займы почти всегда суть долги между друзьями и на слово“¹⁾...

¹⁾ „Русская Старина“ 1879 г. май.

На это императоръ велѣлъ предложить Пушкину десять тысячъ рублей и шестимѣсячный отпускъ, послѣ котораго онъ можетъ увидѣть, подать ему въ отставку или нѣтъ. Но такое пособіе, хотя и щедрое, не выводило Пушкина изъ затруднительнаго положенія: онъ объявилъ, что половина его долговъ составляютъ долги чести, которые во что бы ни стало нужно уплатить немедленно; по этому онъ просилъ у императора заимообразно тридцать тысячъ, съ тѣмъ чтобы удерживать для погашенія этого долга его ежегодное жалованье—по пяти тысячъ. Прошеніе его было исполнено, и Пушкинъ отправился на осень въ свое любимое Михайловское и Тригорское, но и тамъ заботы о семьѣ смущали его уединеніе, и работа шла не попрежнему. „Я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ, писалъ онъ женѣ. Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія: онъ его уже съ половину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ гибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ видить Богъ не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго рахода тридцать тысячъ. ...Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покажѣсть грустно“...

Въ другомъ письмѣ: „Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все постарому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась во время моего отсутствія молодая сосновая семья ¹⁾, на которую досадно мнѣ смотрѣть... Все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю... Государь обѣщалъ мнѣ газету, а тамъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ Петербургѣ, а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ“... „Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ, да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю“...

На этотъ разъ Михайловское уединеніе внушило Пушкину дѣйствительно не много стихотвореній; но между ними кромѣ указаннаго есть одно, въ которомъ идеальный образъ Петра Великаго снова послужилъ къ тому, чтобы призывать милость къ падшимъ,—стихотвореніе „Ширь Петра Перваго“: Царь

Съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину
Отпуская, веселится,

¹⁾ Эту самую мысль на другой день Пушкинъ выразилъ въ известномъ стихотвореніи „Опять на родинѣ“.

Чарку пѣнать съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуешь,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

А 26 декабря онъ писалъ Осиповой: „Государь даровалъ помилованіе большей части заговорщиковъ 1825 года — между прочимъ и моему бѣдному Кюхельбекеру ¹⁾. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Край прекрасный, но мнѣ бы хотѣлось имѣть его поближе къ намъ: быть можетъ, ему позволять удалиться въ имѣніе его сестры — г-жи Глинки. Правительство всегда было къ нему милостиво и снисходительно. Когда я подумаю, что уже десять лѣтъ прошло со времени этихъ несчастныхъ смуть, мнѣ кажется, что я видѣлъ сонъ. Сколько событій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ идей, моей обстановки и проч. и проч.“ Мы уже видѣли, какія перемѣны въ идеяхъ произошли у Пушкина; но онѣ не касались тѣхъ нравственныхъ его убѣжденій, въ которыхъ онъ выросъ надъ толпою и отъ которыхъ глубоко страдалъ, встрѣчая безпрестанныя противорѣчія въ окружающей жизни. Они обращали его вниманіе даже на такія явленія, къ которымъ всѣ давно привыкли, но которыя, тѣмъ не менѣе, были безобразны, какъ напримѣръ въ стихотвореніи „Когда великое свершилось торжество“. Тутъ слышится ѣдкая сатира въ связи съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ:

Къ чему, скажите мнѣ хранительная стража?
Или распятіе казенная поклажа.
И вы бонитесь воровъ или мышей...
Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ адамовъ испунила?
Иль чтобъ не потѣснилъ гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

Обдумывая свое затруднительное положеніе, Пушкинъ, остановился на мысли поправить свое состояніе изданіемъ литературнаго журнала. Передъ его глазами былъ соблазнительный примѣръ въ успѣхѣхъ новаго журнала книгопродавца Смирдина и профессора Сеньковского, „Библіотека для чтенія“; онъ издавался съ 1834 года, привлекая вниманіе публики остроумными статьями, хотя и предосудительными, а слѣдовательно и вредными въ нравственномъ отношеніи. Пушкинъ, не зная еще, какое направленіе приметъ объявленный журналъ, согласился на предложеніе Смирдина — получать по червонцу за каждый стихъ напечатанный въ журналѣ. Для этого онъ просилъ дозволенія

¹⁾ Пушкинъ неоднократно добивался разрѣшенія властей вступитъ въ переписку съ Кюхельбекеромъ, во время его заточенія и ссылки, желая конечно поддержать въ немъ бодрость духа. Цѣня въ немъ талантъ критика, онъ хотѣлъ доставлять ему новыя книги съ тѣмъ, чтобы обсужденіе ихъ сдѣлать предметомъ ихъ переписки. Но ему всякій разъ въ этомъ отказывали. („Рус. Стар.“ 1875 г. іюнь).

печатать тамъ свои сочиненія на общемъ цензурномъ основаніи, не представляя въ особую цензуру государя, какъ это продолжалось до сихъ поръ. Боязнь часто утруждать государя, писалъ Пушкинъ, заставляетъ его обратиться съ такой просьбой. Хотя позволеніе и было получено, но Пушкинъ не могъ воспользоваться многими червонцами Смирдина: во-первыхъ, новаго создавалось у него, какъ мы видѣли, очень не много, да и изъ этого далеко не все могло благополучно пройти черезъ цензуру; во-вторыхъ, скоро оказалось невозможнымъ участвовать въ этомъ журналѣ писателю, который понималъ настоящее назначеніе литературы. Нѣкоторые даже находили, что Сеньковский равно какъ и Булгаринъ, оба поляка, намѣренно проводили въ своихъ изданіяхъ враждебное Россіи польское направленіе, на что особенно негодовалъ князь Одоевскій, нападая на „невѣжественное и вредное польское диктаторство въ нашей литературѣ и журналистикѣ¹⁾“. Въ 1834 г. былъ запрещенъ „Телеграфъ“ Полеваго, который еще могъ нѣсколько соперничать съ Библіотекой. „Невозможно, говорилъ князь Одоевскій, сколько было употреблено тонкости для уничтоженія „Телеграфа“. Одинъ глубокомысленный человѣкъ, и не безъ вѣса, громко говорилъ, что лучше монополія въ рукахъ людей, съ которыми нечего церемониться, чѣмъ распространеніе журналовъ“... Подобная мысль въ самомъ дѣлѣ могла быть въ головѣ Бенкендорфа.

Пушкинъ рѣшился противодѣйствовать такой журналистикѣ, отказавшись отъ политическаго отдѣла и обративъ особенное вниманіе на критику. При своихъ связяхъ и при особенномъ вниманіи императора, ему не затрудняли разрѣшеніе журнала. Лишь только распространилась вѣсть объ этомъ предпріятіи Пушкина въ литературномъ мірѣ, какъ весь онъ заволновался, въ особенности же тѣ журналисты, которые имѣли причины опасаться такого сильнаго противника. „Денежныя мои обстоятельства плохи, писалъ Пушкинъ Нащокину: я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15,000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился, и сталъ бы снова сотрудникомъ его „Библіотеки“. Но хотя это и было бы выгодно, но не могу на то согласиться. Сеньковский такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться не возможно“. Объявивъ объ изданіи „Современника“, Пушкинъ не приложилъ никакой программы своего журнала, полагая что слово литературный журналъ уже объясняютъ цѣль его. Редакція „Библіотеки для чтенія“ вздумала приписывать ему другую,

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1864 г. выпуски 7 и 8. „Поляки, говоритъ онъ, съ хвастливой заносчивостью захватили тогда въ руки почти всѣ журналы и пользовались особымъ покровительствомъ, не смотря на всеобщее негодованіе. Въ одной статьѣ „Библіотеки для чтенія“ прямо доказывалось, что козаки были ничто иное, какъ холопы польской шляхты, и это, при неимоверной строгости во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, спокойно пропускалось“.

недостойную цѣль — уронить журналъ Смирдина, а Булгаринъ въ „Сѣверной пчелѣ“ пошелъ еще дальше. Привычный къ доносамъ, онъ и тутъ не упустилъ случая набросить тѣнъ на благонамѣренность новаго журнала. „Современникъ“, объявилъ онъ, будетъ продолженіемъ Литературной газеты, издаваемой нѣкогда покойнымъ барономъ Дельвигомъ“. Вспомнимъ, что эта газета, въ которой Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе, была запрещена, потому что не нравился духъ ея. Булгаринъ ловко дѣлалъ: намекъ, что этотъ духъ перейдетъ и въ „Современникъ“. Пушкину пришлось отражать эти недостойные выходки: „Издатель „Современника“ принужденъ объявить, что онъ не имѣетъ чести быть въ сношеніи съ гг. журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что онъ никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя однако же отъ себя цѣль недостойную литератора и несправедливо ему приписанную въ „Библіотекѣ для чтенія“, онъ вполне признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ „Сѣверной пчелѣ“. Современникъ по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ Литературной газеты“. Лучшаго и болѣе благороднаго отвѣта нельзя было и придумать доносчикамъ, чтобы показать, что честнаго человѣка не могутъ запугать ихъ доносы.

Пушкинъ назначилъ издавать по четыре книжки въ годъ. Первая книжка вышла въ апрѣлѣ ¹⁾. Разумѣется петербургскіе журналисты не отозвались о ней благосклонно. Въ „Сѣверной пчелѣ“ напечатана была даже такая замѣтка: „Мечты и вдохновенія свои Пушкинъ погасилъ срочными статьями и журнальною полемикою; князь мысли сталъ работою толпы; орелъ спустился съ облаковъ для того, чтобы крыломъ своимъ ворожать тяжелыя колеса мельницы“. Всѣ эти недоброжелательныя нападки на Пушкина раздражили князя Одоевскаго, который написалъ горячую статью въ его защиту; но она осталась не напечатанною, такъ какъ не гдѣ было помѣстить ее: въ Современникѣ было не ловко по отношенію къ личности редактора, въ другихъ журналахъ не возможно, по враждебному къ нимъ отношенію самой статьи. Въ ней авторъ рѣзко изобразилъ положеніе поэта среди тогдашней продажной журналистики. Указавъ на періодъ юности поэта, когда всѣ литературные промышленники стояли на колѣнахъ передъ нимъ и когда онъ, беззаботный, безпечный, бросалъ свой драгоцѣнный бисеръ на всякомъ перекресткѣ, князь Одоевскій переходитъ къ зрѣлому его возрасту: „Пушкинъ возмужалъ, Пушкинъ понялъ свое значеніе въ русской литературѣ, понялъ вѣсь, который имъ

¹⁾ Въ ней помѣщены слѣдующія произведенія Пушкина. „Пиръ Петра Великаго“, „Скупой рыцарь“, „Путешествіе въ Арзерумъ“, „Изъ А. Шенье“, Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго. Жуковскій напечаталъ „Ночной смотръ“, Гоголь „Коляску“ и „Утро дѣловаго человѣка“. Тамъ же встречаемъ имя князя Виземскаго и друг.

его придавало изданіямъ; онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и былъ пораженъ печальною картиною нашей литературной расправы—ея площадною бранью, ея коммерческимъ направленіемъ, и имя Пушкина исчезло на многихъ, многихъ изданіяхъ. Что было дѣлать тогда литературнымъ негоціантамъ? Нѣкоторое время они продолжали свои похвалы, думая своимъ фиміамомъ умиловить поэта. Но все было тщетно. Пушкинъ не удостоивалъ ихъ ни крупицею съ роскошнаго стола своего и негоціанты, зная, что въ ихъ рукахъ находится исключительное право литературной жизни и смерти, рѣшились испытать, нельзя ли имъ обойтись безъ Пушкина. И замолкли похвалы поэту. Замолкли когда же? Когда Пушкинъ издалъ Полтаву и Бориса Годунова... Объ нихъ почти никто не сказалъ ни слова и это одно молчаніе говоритъ больше, нежели всѣ наши такъ называемые разборы и критики... Тяжелъ гнѣвъ поэта! Тяжело признаться передъ подписчиками, что Пушкинъ не участвуетъ въ томъ или другомъ изданіи, что онъ даже явно обнаруживаетъ свое негодованіе противъ людей, захватившихъ въ свои руки литературную монополію. Придумано другое: нельзя ли доказать, что Пушкинъ началъ ослабѣвать, т. е. именно съ той минуты, когда онъ пересталъ принимать участіе въ журналахъ этихъ господъ... Нельзя ли читателей приучить къ этой мысли, намекая объ ней стороною, съ видомъ участія, сожалѣнія? Надъ этимъ похвальнымъ дѣломъ трудились многіе, трудились прилежно и долго... Знаете ли, отчего Пушкинъ пересталъ быть поэтомъ?.. „Пушкинъ уже больше не поэтъ, потому что издаетъ журналъ!..“ Но скажите откровенно, кто виноватъ въ этомъ? Кто виноватъ, если Пушкинъ принужденъ былъ издать особою книгою свое собраніе отдѣльныхъ статей о разныхъ предметахъ? Не кажется ли это вамъ горькимъ упрекомъ? Если кто нибудь въ нашей литературѣ имѣетъ право на голосъ, то это безъ сомнѣнія Пушкинъ. Все даетъ ему это право и его поэтической талантъ, и проницательность его взгляда, и его начитанность, далеко превышающая лексиконныя познанія большей части изъ нашихъ журналистовъ; ибо Пушкинъ не останавливался на своемъ пути, господа, какъ то случается часто съ нашими литераторами; онъ какъ Гете и Шиллеръ умѣетъ читать, трудиться и думать; онъ, поэтъ въ стихахъ и бенедиктенецъ въ своемъ кабинетѣ; ни одно изъ таинствъ науки имъ не забыто и, счастливецъ! онъ умѣетъ обвѣщать обширную массу познаній своимъ поэтическимъ ясновидѣніемъ! Ему ли не имѣть голоса въ нашей литературѣ? Но гдѣ бы онъ нашолъ мѣсто для своего голоса? Укажите. Не тамъ ли, гдѣ каждая ошибка великаго человѣка принимается какъ подарокъ съ восхищеніемъ? Или тамъ, гдѣ посредственность, преклоняющаяся передъ литературными монополистами, возносится до небесъ, а имена Шеллинговъ, Шамполіоновъ и Гомеровъ произносятся лишь для насмѣшки ¹⁾... Или тамъ, гдѣ, кажется, существуетъ постоянный заго-

¹⁾ Намекъ на неприличные глумленія Сенковского въ „Библіотекѣ для чтенія“.

воръ противъ всякой безкорыстной мысли, противъ каждаго благодѣтельнаго открытія?.. Или тамъ, гдѣ пышныя похвалы суть слѣдствія домашней сдѣлки для продажи собственныхъ произведеній?.. Такое ли направленіе Пушкинъ долженъ поддерживать своимъ именемъ?.. Ни одна строка Пушкина не освятитъ страницъ, на которыхъ печатается во всеуслышаніе то, что противно его литературной и ученой совѣсти. Да что вамъ и нужды до этого... Книга Пушкина не отобьетъ у васъ читателей: онъ не искусенъ въ книжной торговлѣ, это не его дѣло; его дѣло: показать хоть потомству изданіемъ своего — даже дурнаго — журнала, что онъ не участвовалъ въ этой гнусной монополии, въ которой для многихъ заключается литература. Этотъ долгъ на него налагается его званіемъ поэта, его званіемъ перваго русскаго писателя ¹⁾“...

Такъ смотрѣли на Пушкина образованнѣйшіе и лучшіе русскіе люди; но, къ сожалѣнію, ихъ было не много въ томъ кругу, гдѣ вращался Пушкинъ, и ихъ голосъ заглушался множествомъ другихъ недоброжелательныхъ голосовъ. Нельзя не согласиться съ княземъ Одоевскимъ, что такимъ писателямъ, которые смотрятъ на литературу, какъ смотрѣлъ Пушкинъ, негдѣ въ то время было печатать свои произведенія, и что слѣдственно новый журналъ вызывался потребностью наиболѣе развитой публики, и если мы сказали, что Пушкинъ взялся за изданіе журнала изъ денежнаго разсчета, то это не значитъ, что онъ только и руководился такимъ разсчетомъ. Поднять литературу, возвысить ея нравственную силу, дать критикѣ надлежащее значеніе было его давнишнимъ стремленіемъ. Разсчеты на выгоды только толкнули его взяться самому за это дѣло, такъ какъ не находилось никого другаго, кто-бы рѣшился выступить впередъ. Къ сожалѣнію, 1836 годъ былъ самый тревожный и тяжелый для Пушкина, такъ что онъ не могъ спокойно посвятить себя журнальному труду. Когда готовилась первая книжка журнала, внезапная болѣзнь матери озаботила Пушкина и отвлекла его вниманіе отъ дѣла. Къ этому же свѣтскіе толки, касавшіеся его жены, еще болѣе огорчали и раздражали его. „Моя бѣдная Nathalie, пишетъ онъ Осиповой, служить цѣлью злыхъ нападокъ свѣта. Всюду говорятъ, какъ это ужасно, что она такъ наряжается, тогда какъ свекру и свекрови нечего ѣсть и свекровь умираетъ у чужихъ людей. Конечно, нельзя сказать, что человѣкъ, имѣющій 1200 душъ крестьянъ былъ бы въ ничетѣ. Мой отецъ все-таки имѣетъ что-нибудь, а я ничего. Во всякомъ случаѣ это до Nathalie не касается; я бы долженъ за все отвѣчать. Если-бы матушка поселилась у меня, Nathalie, конечно, приняла бы ее; но холодный, наполненный кучею дѣтей и посаженный гостями домъ не представляетъ удобствъ для больной... Батюшка

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1864 г., вып. 7.

«истор. вѣстн.», годъ I, томъ III.

въ очень жалкомъ положеніи; я же нахожусь въ желчномъ настроеніи духа и совершенно ошеломленъ...”

Старушка Пушкина умерла, и сынъ долженъ былъ сопровождать, ея гробъ на кладбище Святогорскаго монастыря близъ села Михайловскаго. Первая книжка „Современника“ вышла уже въ его отсутствіе. Но не долго пришлось ему пробывать въ Петербургѣ по возвращеніи. Какія-то дѣла, а можетъ быть и крайне тревожное состояніе духа заставили его просить новаго отпуска въ Москву подѣ предложемъ архивныхъ занятій. Въ концѣ мая онъ былъ снова въ Петербургѣ, откуда послалъ Нащокину увѣдомленіе о своемъ благополучномъ приѣздѣ съ интересной для насъ припиской: „Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра „Современника“. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей), и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Во вторыхъ, деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣза!“

Мы можемъ догадаться, отчего Пушкину нужно было выказать свое расположеніе къ Бѣлинскому тихонько отъ сотрудниковъ „Московского Наблюдателя“: между ними были его литературные пріатели, какъ Шевыревъ, Погодинъ, которые не дружески относились къ трудамъ начинающаго писателя, обратившаго на себя вниманіе публики своими смѣлыми и горячими статьями; въ ихъ глазахъ онъ былъ не болѣе, какъ недоучка. Въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ иногда печатали и Пушкинъ свои стихи. Такъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ за 1835 годъ всѣ прочитали его стихотвореніе „На выздоровленіе Лукулла“, чувствительно задѣвшее тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Уварова ¹⁾, который съ этого времени сдѣлался злымъ врагомъ Пушкина и старался дѣлать ему разныя officialныя непріятности. Едва-ли не тихонько и отъ своихъ петербургскихъ литературныхъ друзей, которыхъ Булгаринская партія называла аристократіею, нужно было Пушкину знакомиться съ Бѣлинскимъ. Рѣзкостью своего молодого пера, своими смѣлыми сужденіями о состарѣвшихся литературныхъ авторитетахъ, Бѣлинскій не понравился этимъ аристократамъ, въ то же время возбудивъ противъ себя негодованіе и петербургской журналистики. Тѣмъ выше въ нашихъ глазахъ становится Пушкинъ, умѣвшій сразу оцѣнить талантъ Бѣлинскаго, найдя много правды въ его критикѣ. Если мы

¹⁾ Въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1880 годъ рассказано, что Уваровъ вздумалъ дѣлать Пушкину выговоры съ угрозою за эпиграмму на вице-президента академіи наукъ князя Дондукова-Корсакова, эпиграмму, которая повторялась въ Петербургѣ всѣми. Въ отвѣтъ на такую выходку министра Пушкинъ напечаталъ, не скрывъ своего имени, сказанное стихотвореніе, посвятивъ его молодому князю Юсупову, извѣстному богачу и родственнику Уварова, который ожидалъ получить послѣ него наслѣдство. Пушкинъ совѣтуетъ Юсупову, возвращенному къ жизни, „вести въ свои чертоги жену-красавицу, а боги

Вашъ бракъ благословятъ“.

припомнимъ взгляды самаго Пушкина на старую русскую литературу и тѣ принципы, которыхъ держался онъ въ своихъ сужденіяхъ о поэзіи, то увидимъ, что иначе какъ съ сочувствіемъ Пушкинъ и не могъ встрѣтить статьи Бѣлинскаго. Въ замкнутомъ кругѣ критическихъ взглядовъ своихъ пріятелей ему было также тѣсно. Душа Пушкина лежала болѣе къ дѣятельности московскихъ литераторовъ. Въ нихъ онъ цѣнилъ то философское направленіе, которое выказывалось и въ московской журналистикѣ, начиная съ „Телеграфа“ Полеваго и кончая „Телескопомъ“ Надеждина, за что на нихъ и налагался запретъ отъ Бенкендорфа, не любившаго никакой философіи. Въ 1836 году былъ запрещенъ и „Телескопъ“ за извѣстную статью Чаадаева по доносу Вигеля и митрополита Серафима. Въ пользу московской литературы Пушкинъ писалъ: „Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургскіе по большей части не литераторы, но предприимчивые и смѣшленные литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты неоспоримо на сторонѣ Москвы. Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій... Московская критика съ честью отличается отъ петербургской... Петербургскіе журналы судятъ о литературѣ какъ о музыкѣ, о музыкѣ какъ о политической экономіи, т. е. на обумъ и какъ нибудь, иногда впопадъ и остроумно, но большею частью неосновательно и поверхностно. Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучший цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія“¹⁾. Изъ этого видно, что Пушкинъ зорко слѣдилъ за направленіемъ мысли въ обществѣ и съ сочувствіемъ относился къ молодому поколѣнію, которое искало себѣ твердой почвы для умственной дѣятельности.

Изъ письма Нащокина мы узнаемъ, что Пушкинъ черезъ него имѣлъ въ виду войти въ переговоры съ Бѣлинскимъ, чтобы привлечь его къ своему журналу. „Бѣлинскій получалъ отъ Надеждина, писалъ Нащокинъ, чей журналъ уже запрещенъ, 3 тысячи; „Наблюдатель“ предлагалъ ему 5. Теперь, коли хочешь, онъ къ твоимъ услугамъ; я его не видалъ, но его друзья, въ томъ числѣ и Щепкинъ, говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать. Ты мнѣ отпиши, и я его къ тебѣ пришлю“.

По всей вѣроятности, Пушкинъ дружески сошелся бы съ Бѣлинскимъ, если-бы не прервалась дѣятельность нашего поэта. Въ союзѣ

¹⁾ По взгляду тогдашней петербургской журналистики, московскіе журналы вносили въ русскую литературу духъ буйства и разврата.

между собою много бы они могли сдѣлать и имѣли бы другъ на друга благотворное вліяніе.

Вторая книжка „Современника“ вышла въ іюнь. Пушкинъ былъ ею доволенъ, хотя она состояла преимущественно изъ критическихъ статей ¹⁾. Правда, подписчиковъ было еще не много, но Пушкинъ не терялъ надежды на будущее, хотя и ожидалъ непріятностей отъ блюстителей полицейской нравственности. „Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 дохода, писалъ онъ женѣ изъ Москвы, и я ихъ буду имѣть. Не даромъ же пустился въ журнальную спекуляцію“. Затѣмъ не очень лестно отозвавшись о русской литературѣ, которую нужно было очищать и зависѣть отъ полиціи, онъ прибавляетъ: „Чортъ ихъ побери! у меня кровь въ желчь превращается“. А послѣднее свое письмо онъ заключаетъ такимъ образомъ: „У меня душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ уже полицейскіе выговоры и мнѣ говорили: *vous avez trop ré* и томъ подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ ²⁾ будетъ на меня смотрѣть, какъ на Оаддея Булгарина и Николая Полеваго, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!“

Третій томъ журнала Пушкинъ печаталъ уже подъ своимъ надзоромъ, живя на дачѣ на Каменномъ островѣ. Но духъ его былъ неспокоенъ: онъ крайне тяготился своею зависимостью, искалъ уединенія и въ то же время не хотѣлъ лишать свою жену свѣтскихъ удовольствій, къ которымъ она была пристрастна. Долги снова копились, а между тѣмъ онъ не получалъ и тѣхъ пяти тысячъ, которыя назначались ему въ видѣ жалованья: онѣ зачитались въ уплату его долга казнѣ. Онъ понялъ, что самая дорогая свобода для человѣка—свобода личная, которой ему не доставало и безъ которой онъ задыхался въ атмосферѣ недоброжелательствъ, сплетенъ, подозрѣній и доносовъ. Эта жажда свободы личной и выразилась въ стихотвореніи, которое, конечно, въ то время нельзя было напечатать:

¹⁾ Въ московскомъ журналѣ „Молва“ напечатаны отзывы Бѣлинскаго о двухъ первыхъ книжкахъ „Современника“. Весьма сочувственно отнесся онъ къ Пушкину и другимъ капитальнымъ статьямъ журнала; но въ то же время онъ опасался, что публика не поддержитъ этого изданія, что журналъ не будетъ имѣть на нее вліянія.

²⁾ Пушкинъ особенно уважалъ старца-Мордвинова, извѣстнаго государственнаго человѣка, и посвятилъ ему одно изъ своихъ стихотвореній:

Сіяя доблестью, и славой, и наукой
Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего
Стоишь ты, новый Долгорукій...
Одинъ на рамена поднявши мощный трудъ
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною!
Вдовицы бѣдный лептъ, и дань сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою.

Я не роню о томъ, что отказали боги
 Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
 Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать...
 Илья, лучшій мнѣ дороги права,
 Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
 Зависть отъ властей, зависть отъ народа —
 Не все ли намъ равно? Богъ съ ними! Никому
 Отчета не давать, себѣ лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливрен
 Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
 Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
 И предъ созданными искусствъ и вдохновенья
 Безомовно утонать въ восторгахъ умиленья!
 Вотъ счастье! вотъ права!

Артистическая натура рвалась на просторъ, искала своихъ правъ, но обстоятельства жизни давили ее. И никто не понималъ положенія поэта, и не могъ онъ ясно высказаться, чтобы по крайней мѣрѣ пощадили его отъ клеветъ и злословія, чтобы дали успокоиться его нервамъ. Онъ былъ сильно напряженъ, и надо удивляться, какъ Пушкинъ при своей страстной, неумичивой натурѣ еще умѣлъ себя сдерживать и подавлять въ себѣ волнующуюся желчь, которая, по его словамъ, постоянно кипѣла и разливалась въ немъ. Но наконецъ произошелъ сильный взрывъ, когда такъ нагло и явно покусились на его честное имя. Мы уже видѣли, какъ ревниво онъ оберегалъ и охранялъ это имя, которое какъ бы хотѣлъ противопоставить всѣмъ злобнымъ нападкамъ на его давнія юношескія увлеченія и заблужденія: оно, безупречное, было для него высшимъ сокровищемъ. При своемъ постоянномъ нервномъ возбужденіи онъ доходилъ до болѣзненного состоянія въ отношеніи къ лицамъ, которыя, казалось ему, затрогивали его честь. Тогда онъ самъ поддавался сплетнямъ, и расстройство его помрачался. Такъ въ началѣ 1836 г. онъ потребовалъ объясненія у князя Н. Г. Репнина, вслѣдствіе сплетни, что какой-то Боголюбовъ повторяетъ оскорбительныя для Пушкина слова, сказанныя гдѣ-то княземъ. „Будучи дворяниномъ и отцомъ семейства, писалъ онъ, я долженъ оберегать мою честь и то имя, которое перейдетъ къ моимъ дѣтямъ... Я лучше всѣхъ постигаю существующее между нами разстояніе; но вы не только большой баринъ, а еще и представитель нашего стариннаго и истиннаго дворянства, къ которому я также принадлежу...“ Въ этихъ словахъ слышится намекъ на удовлетвореніе, какимъ кончаются вопросы объ оскорбленіи чести между благородными людьми. Князь Репнинъ очень спокойно и съ достоинствомъ отвѣчалъ Пушкину упрекомъ, что тотъ повѣрилъ разсказамъ на его счетъ; но при этомъ и тонко намекнулъ на стихи Пушкина противъ Уварова, у котораго князь встрѣчался съ упомянутымъ Боголюбовымъ. „Вамъ же самому, м. г., скажу, писалъ онъ, что я искренно желаю, дабы вы гениальный талантъ вашъ употре-

бляли на пользу и славу отечества, а не въ оскорбленіе частныхъ людей“. Пушкинъ успокоился объясненіями князя и на со-
вѣтъ его отвѣчалъ сознаниємъ своей вины, указывая, впрочемъ, на
смягчающія обстоятельства: „Не могу не сознаться, что мнѣніе ва-
шего сіятельства касательно сочиненій оскорбительныхъ для чести
частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже
когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады.
Какъ забава суетнаго или развращеннаго ума они были бы непро-
стигаемы...“

Вскорѣ послѣ этой маленькой исторіи Пушкинъ снова взволно-
вался невѣрно переданнымъ ему невиннымъ разговоромъ графа Сол-
логуба съ его женою, къ которой будто бы Соллогубъ показалъ не-
уваженіе. Этого обстоятельства Пушкинъ не могъ перенести хладно-
кровно. Всякое невниманіе и неуваженіе къ своей женѣ онъ прини-
малъ за оскорбленіе своей чести ¹⁾.

Сгоряча Пушкинъ написалъ Соллогубу вызовъ на дуэль: „Имя
вами носимое и общество вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня
требовать у васъ сатисфакціи за непристойность вашего поведения“. Эти слова показываютъ, какъ боязливо Пушкинъ относился къ тол-
камъ свѣтскаго общества. Но онъ скоро самъ созналъ свою горяч-
ность и помирился съ графомъ Соллогубомъ на извинительномъ письмѣ,
которое тотъ согласился написать къ его женѣ.

Наконецъ произошло роковое столкновеніе Пушкина съ Дантесомъ.
Послѣдній прибылъ въ Петербургъ въ 1834 году изъ Франціи, выдавалъ
себя за потомка знатной ирландской фамиліи и за сына наполеонов-
скаго барона. По словамъ лицейскаго товарища Пушкина, Дансаса ²⁾,
онъ былъ довольно большого роста и пріятной наружности, человѣкъ
не глупый и хотя весьма скудно образованный, но имѣвшій какую-то
врожденную способность нравиться всѣмъ съ перваго взгляда. Съ по-
мощью рекомендательныхъ писемъ онъ вошелъ въ аристократическій
крутъ, обратилъ на себя вниманіе императрицы Александры Теодор-
овны, а затѣмъ и самого императора и безъ затрудненія вступилъ
въ русскую службу въ кавалергардскій полкъ прямо офицеромъ; го-
сударь во вниманіе къ его несостоятельности, назначилъ ему отъ себя
даже негласное ежегодное пособіе. Вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ
намъ обстоятельствъ, голландскій посланникъ при петербургскомъ
дворѣ, баронъ Гекеренъ, человѣкъ богатый и бездѣтный, усыновилъ
его. Пушкинъ объяснял это тѣмъ, что Дантесъ былъ его незаконный
сынъ.

¹⁾ „Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ не-
вниманіе и неуваженіе, писалъ Пушкинъ къ женѣ въ Москву еще въ 1834 году. Мо-
сковскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднимъ къ тѣмъ, ко-
горя на нихъ и не смотреть. Туда имъ и дорога“.

²⁾ Послѣдніе дни жизни и кончина Пушкина. 1863 г.

Принятый во всѣхъ домахъ высшаго круга, отличаясь на всѣхъ балахъ, Дантесъ облизился и съ семействомъ Пушкина, къ которому причислялись и двѣ его свояченицы, фрейлины Гончаровы. Одна изъ нихъ, Екатерина Николаевна, правила Дантесу. Такъ какъ жена Пушкина вездѣ являлась съ своими сестрами, то Дантесъ выказывалъ одинаковую любезность и ей, можетъ быть болѣе, чѣмъ другимъ дамамъ, которыя восхищались имъ. Этого имъ было достаточно, чтобъ заговорить, будто Дантесъ равнодушенъ къ Пушкиной и ухаживаетъ за ней. Такая сплетня довольно громко стала повторяться лѣтомъ, когда Пушкинъ жилъ на Каменномъ островѣ и вмѣстѣ съ женою и ея сестрами бывалъ на балахъ, которые давались на минеральныхъ водахъ. Когда Пушкинъ узналъ объ этихъ неприличныхъ толкахъ, то почелъ за лучшее не принимать болѣе Дантеса; но въ своей женѣ онъ былъ вполне увѣренъ, и отношенія его къ ней нисколько не перемѣнились. Обыкновенно указываютъ на африканскую ревность поэта, которая будто бы слѣпо повела его къ роковому концу. Но ревность связывается съ подозрѣніями, которыхъ не допускалъ Пушкинъ. Онъ видѣлъ только покушеніе недостойныхъ людей на честь его и жены и вотъ что могло возмущать его. Прервавъ всякое знакомство съ Дантесомъ, Пушкинъ былъ на столько спокоенъ, что могъ заняться составленіемъ четвертой книжки „Современника“¹⁾, печатая въ ней „Капитанскую дочь“ и стихотвореніе „19 октября 1836 года“, написанное на двадцать пятую лицейскую годовщину. Въ немъ звучитъ глубокое элегическое чувство:

Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ
И рѣже смѣхъ межъ насъ раздается,
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Но не успѣлъ онъ кончить своей срочной работы, какъ гнусная выходка какихъ-то развратныхъ господъ глубоко оскорбила поэта.

Возвратившись съ дачи въ Петербургъ въ началѣ октября, Пушкинъ съ своимъ семействомъ сталъ снова посѣщать свѣтскія собранія и балы, на которыхъ приходилось встрѣчаться съ Дантесомъ; но поэтъ относился къ нему колко, язвительно, а жена его избѣгала разговоровъ съ нимъ. За то начиналъ разговоры съ нею самъ баронъ Гекеренъ преимущественно о своемъ сынѣ, и тутъ по всей вѣроятности выходило недоразумѣніе; намеки, которые относились къ Гончаровой, принимались насчетъ Пушкиной, которая все передавала своему мужу. Онъ волновался; но можетъ быть, дѣло объяснилось бы въ скоромъ времени, еслибы оскорбительная шутка не подбавила горячаго матеріала. Въ это время во французскомъ посольствѣ показывали нѣ-

¹⁾ Третья книжка вышла въ сентябрѣ. Изъ стихотвореній Пушкина въ ней напечатаны „Родословіе моего героя“, „Полководецъ“, „Подражаніе испанскимъ сегедильямъ“ и нѣсколько прозаическихъ статей. Четвертая книжка вышла въ первой половинѣ ноября.

сколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разные нелѣпныя званія. Они были присланы изъ Вѣны, гдѣ свѣтское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Кому-то пришла жалкая мысль пошутить такимъ же образомъ и въ петербургскомъ обществѣ. Такъ какъ въ гостинныхъ уже ходила сплетня о Пушкинѣ, то его онъ и выбралъ предметомъ своей шутки, тѣмъ болѣе, что между образцами вѣнскихъ дипломовъ, одинъ былъ подходящій къ повторяемой сплетнѣ. И вотъ 4 ноября Пушкинъ получаетъ три экземпляра письма на французскомъ языкѣ, съ котораго мы представляемъ переводъ:

„Великіе кавалеры, командиры и рыцари свѣтлѣйшаго ордена Рогоносцевъ (socus), въ полномъ собраніи своемъ подъ председательствомъ великаго магистра ордена, его превосходительства Д. А. Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коадьюторомъ великаго ~~магистра~~ магистра ордена Рогоносцевъ и историографомъ ордена.

„Непремѣнный секретарь графъ І. Борхъ 1).

Въ тотъ же день Пушкинъ узналъ, что нѣсколько такихъ же экземпляровъ было разслано разнымъ лицамъ петербургскаго аристократическаго круга. Въ первое время онъ старался казаться спокойнымъ: „Безымяннымъ письмомъ я обижаться не могу, говорилъ онъ Солюгубу: если кто нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое; жена моя — ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ“. Конечно не такъ спокоенъ былъ Пушкинъ, какъ казался. Мы воспользуемся его письмомъ къ графу Бенкендорфу, отъ 21 ноября, которое знакомитъ насъ съ тѣмъ, что произошло въ этотъ промежутокъ времени. Объявивъ объ анонимномъ письмѣ, онъ продолжаетъ: „По бумагамъ, по слогу и по пріемамъ, я сейчасъ догадался, что оно было написано иностранцемъ, человѣкомъ высшаго общества — дипломатомъ. Я началъ поиски и узналъ, что въ тотъ же день семь или восемь лицъ также получили по экземпляру того же письма въ двойныхъ конвертахъ и адресованныя на мое имя. Почти всѣ, получившіе эти письма, подозрѣвая какой нибудь пасквиль, не отослали ихъ ко мнѣ. Всѣ пришли въ негодованіе отъ этой неосновательной и низкой обиды; но всѣ, повторяя, что поведеніе моей жены было безупречно, говорили, что поводомъ къ этой клеветѣ было настойчивое волокитство за нею Дантеса. Въ этомъ случаѣ я не потерплю, чтобы имя моей жены было связано клеветою съ именемъ кого бы то ни было и просилъ передать объ этомъ Дантесу. Баронъ Гекеренъ приходитъ ко мнѣ и за Дантеса принимаетъ вызовъ, прося отсрочки дуэли на 15 дней. Случилось, что въ продолженіи этого времени Дантесъ влюбился въ мою свояченицу Гончарову 2) и просилъ у ней руки. Молва меня предупре-

1) Въ лейпцигскомъ изданіи „Матеріаловъ для біографіи Пушкина“ 1875 г.

2) Такъ казалось Пушкину; но скорѣе можно полагать, что Дантесъ былъ влюб-

дила и я просилъ передать г. Аршіаку¹⁾, секунданту Дантеса, что я отказываюсь отъ своего вызова. Я убѣдился напередъ, что анонимное письмо было написано Геккереномъ, и я принимаю за долгъ объявить объ этомъ обществу и правительству. Будучи единственнымъ судьей и защитникомъ моей чести и моей жены, я не обращаюсь ни къ кому ни за справедливостію, ни за отомщеніемъ, не могу и не хочу приводить доказательства тому, бы то ни было въ томъ, что я утверждаю“...

Помолвка Дантеса съ сестрою Пушкиной должна бы была прекратить всѣ сплетни и объяснить возникшія недоразумѣнія; но всей вѣроятности, такъ бы оно и было, еслибы не пиквиль, въ составленіи котораго Пушкинъ подозрѣвалъ барона Геккерена. Онъ уже не вѣрилъ честности ни отца, ни сына, даже и тогда, когда свадьба дѣйствительно состоялась. Дантесъ не разъ протягивалъ ему руку примиренія, даже при участіи общихъ ихъ знакомыхъ; но Пушкинъ каждый разъ грубо и оскорбительно его отталкивалъ. Такія же попытки дѣлалъ и баронъ Геккеренъ; но встрѣчалъ то же самое. Намъ кажется, что всѣ обвиненія, которыя высказывались противъ голандскаго посланника, голословны и не выдерживаютъ безпристрастной критики. Пушкинъ былъ въ такомъ страстномъ настроеніи, до котораго его довело чувство оскорбленной чести, обратившееся въ упорную ненависть, что многое должно было ему представляться въ превратномъ видѣ. Очень можетъ быть, что Дантесъ и Геккеренъ, сами оскорбленные обращеніемъ Пушкина, позволяли себѣ разныя грубыя и насмѣшливыя выраженія, которыя Пушкинъ называлъ казарменными; но въ нихъ ему казались еще разныя непристойныя и оскорбительныя намеки, которые должны были еще болѣе разжигать его страсть. Жена Пушкина хорошо понимала, что самое лучшее было уѣхать ей съ мужемъ куда нибудь подальше отъ Петербурга, дать время успокоиться его страсти и выждать въ уединеніи, когда замолкнутъ всѣ свѣтскіе толки. Пушкинъ повидимому и самъ сознавалъ это, по крайней мѣрѣ онъ писалъ Нащокину, что ему надо достать пять тысячъ рублей, чтобы раздѣлаться съ Петербургомъ, увезти жену въ Псковскую деревню и зажить тамъ. Но Нащокину неизвѣстны были причины такого рѣшенія поэта, и онъ не позаботился доставить ему эти деньги. Какъ бы то ни было, но Пушкинъ оставался въ Петербургѣ. Страстная его натура, долго сдерживаемая, стала наконецъ брать свое и проявляться во всей силѣ. Великосвѣтское петербургское общество раздѣлилось на двѣ партіи:

лени въ нее еще прежде, и что изъ за этой любви и вышло прискорбное недоразумѣніе, благодаря которому сложилась свѣтская сплетня.

Въ скоромъ времени на судѣ Дантесъ говорилъ, что онъ посмалъ довольно часто г-жѣ Пушкиной книги и театральныя билеты при короткихъ запискахъ, и что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были выраженія, которыя онъ называлъ дурачествами; они-то, полагалъ Дантесъ, и могли возбудить щекотливость Пушкина, какъ мужа. (См. „Рус. Стар.“ 1880 г. октябрь. Сообщение В. В. Никольскаго).

¹⁾ Секретарь французскаго посольства. Посредникомъ въ переговорахъ со стороны Пушкина былъ графъ Соллогубъ, впослѣдствіи извѣстный писатель.

одни держали сторону Пушкина, другіе Дантеса и Гекерена. Къ послѣднимъ принадлежалъ и графъ Бенкендорфъ, который радъ былъ сдѣлать поэту лишнюю неприятность. Все, что до сихъ поръ шипѣло противъ поэта завистью, злобою, недоброжелательствомъ, все пристало къ этой партіи, мужчины и дамы; но эти великосвѣтскія дамы, по словамъ Дансаса, не отличались блистательною репутаціею и не могли служить примѣромъ нравственности. Онъ устраивалъ себѣ недостойное зрѣлище изъ неожиданныхъ встрѣчъ Пушкина съ явными его врагами, конечно, двусмысленно улыбались, переглядывались и ежедневно заставляли Пушкина чувствовать его неловкое положеніе. Онъ терпѣлъ весь этотъ скандалъ почти три мѣсяца. Наконецъ увидѣлъ, что нужно его покончить рѣзко и рѣшительно. Чтобъ удовлетворить общество, по его понятіямъ, нужна была чья нибудь кровь, а съ нею, можетъ быть, и жизнь. Дуэль между противниками сдѣлалась неизбежна. Пушкинъ выбираетъ барона Гекерена, котораго подозрѣвалъ въ недостойныхъ покушеніяхъ противъ своей чести, и пишетъ ему самое оскорбительное письмо съ видимымъ намѣреніемъ заставить его или его нарѣченного сына драться съ нимъ. Отвѣтъ не замедлилъ. Вызовъ на дуэль послѣдовалъ со стороны Дантеса съ согласія Гекерена. Противники не мѣшкали, и на другой день 27 января 1837 года въ пять часовъ вечера сошлись за Черной рѣчкой близъ комендантской дачи; секундантомъ у Пушкина былъ Дансасъ, у Дантеса—секретарь французскаго посольства Аршіакъ. Подробностей всего этого дѣла рассказывать мы теперь не будемъ: онъ болѣе или менѣе извѣстенъ всѣмъ по другимъ статьямъ; исходъ дуэли извѣстенъ также. Молва объ умирающемъ и затѣмъ умершемъ Пушкинѣ быстро разнеслась по городу. Все грамотное, все учащееся населеніе заговорило и заволновалось, не скрывая негодованія противъ иностранца, поднявшаго руку на русскаго народнаго поэта. Бенкендорфъ увидѣлъ, что мыслящая и чувствующая сила въ русскомъ человѣкѣ еще не совсѣмъ подавлена, о чемъ онъ такъ прилежно старался въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ. Повсюду были разсланы шпіоны, которые тотчасъ же сочинили громадный заговоръ. Увѣряли, говорить князь Вяземскій ¹⁾, будто въ толпѣ, приходившей поклониться тѣлу покойнаго поэта, разглашались намѣренія, противныя общественному порядку, будто въ день похоронъ предполагалось надѣлать шуму, устроить триумфальное шествіе, кидать камни въ домъ барона Гекерена. Возникли ребяческія и неблагородныя обвиненія, имѣвшія цѣлю исказить и опозорить изъясненіе возвышенныхъ чувствованій. Прикинулись, будто вѣрять слуху о томъ, что нѣкоторые друзья Пушкина намѣревались воспользоваться его кончиною для произведенія какого то заговорческаго дѣйствія и по своей наклонности къ смутѣ хотѣли устроить что то въ родѣ похо-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1879 г. № 3. Письмо кн. Вяземскаго къ велик. князю Михаилу Павловичу 1837 г.

ронъ генерала Ламарка ¹⁾). Говорили, что послучая кончины Пушкина имѣлось въ виду возбудить народныя страсти, устроить ему нѣчто въ родѣ политической апотеозы, и съ этою цѣлью придать похоронамъ чрезвычайную пышность. Говорили, что въ лицѣ Пушкина оплакивается не поэтъ и не другъ, а человѣкъ политическій, либераль, глава оппозиціи, какъ Бенкендорфъ всегда смотрѣлъ на Пушкина. Его друзьямъ приписывались отзывы враждебные, возмутительные. Даже обыкновеннымъ похороннымъ распоряженіямъ приписывались особенныя цѣли. Похороны принялъ на себя графъ Григорій Александровичъ Строгановъ въ качествѣ родственника Пушкиной и очень естественно, что не могъ допустить иначе, какъ пышныхъ похоронъ. Мѣстомъ для отпѣванія была назначена Исакиевская церковь по той простой причинѣ, что Пушкинъ жилъ въ этомъ приходѣ; но и тутъ нашли поводъ къ какимъ то подозрѣніямъ. Приглашенный на отпѣваніе митрополитъ отказался. Пушкинъ положенъ въ гробъ во фракѣ, а не въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, котораго онъ не любилъ. И въ этомъ хотѣли видѣть выраженіе какой то задней мысли—политической и мятежной. Понятно, какую дѣятельность долженъ былъ выказать Бенкендорфъ съ помощниками, слушая полицейскія сочиненія или самъ дѣлая выводы изъ донесеній шпионовъ. Тотчасъ же были приняты мѣры, чтобы оградить спокойствіе столицы. Въмѣсто Исакиевской церкви была назначена Конюшенная. Перенесеніе тѣла было совершено ночью. Домъ покойника наполнила военная сила; на улицѣ разставлены солдатскіе пикеты. Всѣ близкіе къ покойному поэту были глубоко оскорблены подобными дѣйствіями сильнаго человѣка, который не могъ понимать, кого лишилась Россія и который скорѣе былъ радъ, что избавился отъ хлопотъ въ надзорѣ за либераломъ. Говорятъ, что онъ даже зналъ о предстоящей дуэли, и послалъ жандармовъ предупредить ее, но только не на Черную рѣчку, а въ Екатерингофъ, будто бы по ошибкѣ. Но эти рассказы требуютъ подтвержденія. Огромная толпа, собравшаяся утромъ 31 января на площади передъ Конюшенной церковью не знала конечно о полицейскихъ мѣрахъ и опасеніяхъ, выражала глубокую скорбь и оставалась спокойною, безъ всякихъ порывовъ къ беспорядкамъ. Вѣроятно, это было, приписано дѣятельности и бдительности полиціи, а можетъ быть иныя ея агенты получили даже награды ²⁾). Но никакая полиція не могла задержать плачевной молвы, которая быстро разнеслась по всей Россіи и горько отозвалась въ сердцахъ русскихъ людей. Ненавистники и зложелатели поэта тайно радовались несчастію русской земли, не воображая, что изъ этого несчастія вырастетъ для нихъ въ потомствѣ. Молодое поколѣніе назвало Пушкина народнымъ поэтомъ, по-

¹⁾ Генералъ первой французской революціи, умершій въ 1832 г.; его похороны послужили поводомъ къ политической смутѣ и уличнымъ безпорядкамъ въ Парижѣ.

²⁾ Тѣло Пушкина было вывезено изъ Петербурга также ночью для погребенія въ Святоторскомъ монастырѣ близъ села Михайловскаго. Его сопровождалъ А. И. Тургеневъ, тотъ самый, который привезъ его, еще ребенка, изъ Москвы въ лицей.

тому что создало въ его поэзіи тѣ высокія идеальныя стремленія, которыя онъ соединялъ съ русскою жизнью.

Народамъ миль и дорогъ тотъ,

Кто спать ихъ мысли не даетъ.

И за то ненавистенъ тотъ, кто давить и мертвить эту мысль. Много еще лѣтъ произведенія Пушкина были запретными въ русской школѣ, какъ въ настоящее время произведенія Некрасова, изъ-за которыхъ заставляють въ хрестоматіяхъ перепечатывать цѣлые листы. Преподаватели, позволявшіе себѣ читать своимъ ученикамъ стихи Пушкина, рисковали прослыть опасными либералами и слѣдовательно неблагонадежными людьми. Но не смотря на все это, юное поколѣніе воспиталось на произведеніяхъ Пушкина и доказало воспитательное его значеніе. Пушкинъ наконецъ былъ завоеванъ для школы.

Въ заключеніе остановимся на предсмертныхъ словахъ Пушкина, сказанныхъ Жуковскому, въ порывѣ благодарности за милости, обѣщанныя государемъ его семейству: „Скажи государю, что мнѣ жалъ умереть; былъ бы весь его“. Здѣсь невольно приходитъ вопросъ: какимъ бы образомъ Пушкинъ, какъ поэтъ, а не какъ придворный чиновникъ, могъ исполнить это обѣщаніе, при тѣхъ стѣснительныхъ условіяхъ, въ которыхъ приходилось ему жить и работать? Что могъ еще сдѣлать гений-поэтъ подъ надзоромъ подозрительной полиціи? Для дѣятельности гения время было самое неблагоприятное, когда государственная жизнь выражалась только въ полицейской силѣ, которая со своими догматами господствовала надъ обществомъ и государствомъ. Мы уже видѣли, какъ было стѣснено творчество поэта, видѣли, какъ нѣсколько лѣтъ онъ задыхался въ той атмосферѣ, какъ желалъ вырваться изъ нея на волю; но слышалъ только несправедливые упреки въ неблагодарности, которые на него, какъ на честнаго человѣка, дѣйствовали сокрушительно, слышалъ угрозы отъ такой власти, которая въ самомъ дѣлѣ могла ихъ исполнить. Онъ не могъ выполнить своего пламеннаго желанія, не рѣшившись на разрывъ съ тѣмъ лицомъ, кто по его взгляду имѣлъ право на его благодарность. А сдѣлать это кромѣ страха ему не позволяла совѣсть. Онъ былъ опутанъ многими сѣтями. Намъ кажется, что въ будущемъ поэту не оставалось поприща для его вдохновенныхъ трудовъ. Стремясь вырваться изъ своихъ сѣтей, онъ все равно нашелъ бы себѣ гибель. Не могъ пѣть соловей въ когтяхъ у кошки ¹⁾.

В. Стоюнинъ.

¹⁾ При назначеніи суда надъ Геккереномъ императоръ Николай Павловичъ приказалъ, чтобъ судъ представилъ заключеніе и о томъ, какому наказанію подлежалъ бы камеръ-юнкеръ Пушкинъ, если бы остался живъ... Оба подсудимые были приговорены къ смертной казни, но нѣкоторые судьи-генералы предлагали различныя формы замѣны и смягченія этого наказанія. На основаніи ст. 139-й воинскихъ артикуловъ 1716 г. слѣдовало живыхъ просто повѣсить, а убитыхъ и по смерти за ноги повѣсить. По высочайшей конфирмаціи 18 марта Дантесъ-Геккеренъ былъ разжалованъ въ рядовые и высланъ за границу. (См. „Рус. Стар.“ 1880, октябрь, статья В. В. Никольскаго).

ИЗВРАЩЕНІЕ НАРОДНАГО ПѢСНОТВОРЧЕСТВА.

„Много погибло на нашей землѣ
родныхъ преданій, драгоцѣнныхъ
для исторіи“...

И. САХАРОВЪ.

I.

НЕЛЬЗЯ отрицать того грустнаго факта, что распространение цивилизации въ народѣ тѣмъ путемъ и тѣми способами, какими оно до сихъ поръ совершалось и совершается, сопровождается множествомъ крайне неблагоприятныхъ въ нравственно-бытовомъ отношеніи послѣдствій.

Цивилизація, уже сама по себѣ — сила обезличивающая и обезцвѣчивающая всякую яркую, самобытную индивидуальность. Она все и вся гнететъ къ одному знаменателю, втискиваетъ всѣхъ въ одноформенныя, такъ называемыя, „общеевропейскія“ лекала — отъ универсальнаго фрака и „цилиндра“, до универсальнаго метода мышленія. Говоря параболически, лощенный, столь обязательный для цивилизованнаго человѣка, „цилиндръ“, кажется, какъ будто бы обладаетъ, не смотря на свою легкость и мягкость, жестокими свойствами той варварской машины, посредствомъ которой извѣстные дикари сплющиваютъ себѣ головы по одной формѣ и фасону. Европейскій „цилиндръ“, точно также „оболванивая“, по выраженію скульпторовъ, всѣ головы по одному фасону, дѣлаетъ ихъ, какъ бы, одноформенными не только снаружи, но и изнутри, по складу и подборку мыслей, понятій, стремленій.

Можетъ быть, это такъ и нужно... Несомнѣнно, общечеловѣческая культура, идя путемъ естественно-историческаго подбора, всегда и вездѣ отправлялась отъ частнаго къ общему, и — въ этомъ ея ко-

нечная цѣль. Но поклонникамъ національной старины и самобытности въ характерѣ, обычаяхъ и правахъ своего народа, отъ этой мудрой истины не становится легче... Нельзя не видѣть безъ боли сердечной, какъ съ каждымъ днемъ, подъ могучимъ вѣяніемъ стремящейся на всѣхъ парахъ цивилизаціи, мало по малу исчезаютъ въ народѣ его племенные оригинальныя черты, измѣняется бытъ, выѣтриваясь отъ стародавней, проведенной рѣзцомъ исторіи складки, забываются преданія и чисто народныя пѣсни, коверкается языкъ и, взамѣнъ поэтической старины, съ ея яркимъ индивидуальнымъ колоритомъ, распространяется повсюду и во всемъ какое то досадливое, безхарактерное, нерѣдко каррикатурное обезьянничество, именуемое „образованностью“, которая идетъ неразлучно съ презрѣніемъ ко всему родному.

Мы говоримъ, именно, о той „образованности“, которая такъ непріятно поражаетъ наблюдателя, напримѣръ, въ нашихъ горожанъ низшихъ классовъ. Но такъ какъ нашъ горожанинъ этого слоя, особенно въ столицѣ, тотъ же крестьянинъ—выходецъ изъ „деревни“, съ которою онъ продолжаетъ имѣть частыя сношенія, то, понятно, что эта антипатичная „образованность“ широкой рѣкой разливается по всему лицу земли русской. Кромѣ того, развозить ее по всѣмъ направленіямъ и во всѣ захолусты современная „чугунка“; разносить ее по деревнямъ, всякіе виды на своемъ вѣку выдавшій, балагуръ—солдатъ, распространяетъ ее съ неменьшимъ успѣхомъ какой нибудь полуграматный фанфаронъ—волостной писарь или уѣздный чиновникъ, знакомить съ нею заѣзжіе мѣщанинъ торгашъ и—уже самымъ полнымъ, самымъ плодовитымъ органомъ ея является кабакъ, со своимъ прожженнымъ, „на тонкой политикѣ“ воспитаннымъ хозяиномъ—цѣловальникомъ.

Можетъ быть и это такъ нужно... Не знаемъ и разбирать этого не станемъ. Цѣль этой замѣтки—указать лишь на одно изъ наиболѣе обидныхъ, если хотите, проявленій этой „образованности“, именно—на извращеніе, подъ ея растлѣвающимъ вліяніемъ, нашего народнаго пѣснотворчества. Въ распоряженіи нашемъ имѣется, кромѣ наблюденій, собранныхъ другими изслѣдователями, нѣсколько фактовъ и образчиковъ новѣйшаго народнаго пѣснотворчества, лично нами подмѣченныхъ и записанныхъ.

Какъ извѣстно, любители и собиратели народныхъ былинъ, сказаній и пѣсенъ, давно жалуются на крайнее оскудѣніе этого драгоценнаго для изученія народной жизни матеріала, а, съ другой стороны, на порчу языка и эстетическаго вкуса, на отсутствіе типичности въ новѣйшей народной пѣснѣ. Теперь уже никто изъ нихъ не могъ бы, напримѣръ, повторить, даже съ натяжкой, патріотической тирады, сказанной лѣтъ сорокъ тому назадъ наивно-восторженнымъ Сахаровымъ:

„Если бы чужеземецъ, писалъ Сахаровъ, спросилъ: что вамъ осталось отъ вашей старой семейной жизни? Мы бы съ гордостью при-

гласили его на русскіе святки въ старинный боярскій домъ, и тамъ, указывая на разгулъ народныхъ фантазій, сказали бы ему: вотъ ея памятники! вотъ наша старая русская жизнь! Было время, когда всѣмъ этимъ дорожили, все это любили“...

Да, было время, но давно быльемъ поросло...

Нынче такого „боярскаго“ дома, въ которомъ справлялись бы русскія святки по старинѣ, со всѣмъ „разгуломъ“ народныхъ фантазій“, и днемъ съ огнемъ не сыскать. Нынче не только въ „боярскихъ“ домахъ, но и въ скромной хатѣ городского мѣщанина русскія „народныя фантазіи“ и обряды на святкахъ вытѣснила заѣзжая модница—нѣмецкая „елка“. Даже въ деревняхъ святочные и всякія другія праздничныя „народныя фантазіи“, игры, забавы и пѣсни сильно амальгамированы городской „образованностью“, а кое-гдѣ, ради нея, и вовсе выброшены изъ памяти и житейскаго обихода.

Можетъ быть самая антипатичная черта этого цивилизаторскаго превращенія въ массѣ заключается именно въ томъ, что оно сопровождается и идетъ параллельно съ развитіемъ въ той же массѣ отвращенія ко всему своему, родному и всего болѣе къ старинѣ. „Образованный“ престолюдинъ-горожанинъ, нарядившись въ „нѣмецкаго“ фасона „спинжакъ“ и „пальто“, уснастивъ свой словарь кудреватыми, книжными выраженіями и словечками, научившись чувствительнымъ романсамъ и веселымъ куплетамъ (все это, конечно, въ искаженно-карикатурномъ видѣ), смотритъ уже свысока на „деревенщину“, брезгаетъ ея сѣрымъ зипуномъ и лаптями, фыркаетъ на ея „простоту“ въ обычаяхъ и нравахъ, издѣвается надъ ея „мужицкѣй“ пѣснью.

Встрѣтивъ какъ-то одного молодого, развязнаго крестьянина изъ „образованныхъ“ и сблизившись съ нимъ настолько, что онъ, по моей просьбѣ, охотно пропѣлъ мнѣ нѣсколько „фабричныхъ“ пѣсень, я, между прочимъ, попросилъ его спѣть еще, какія онъ знаетъ, деревенскія пѣсни.

— Этта, мужицкія, значить? презрительно скосивъ глаза, возразилъ мнѣ „образованный“ собесѣдникъ.

— Да, мужицкія, говорю.

— Не поемъ и даже никакого, то есть, средоточія въ понятіи своемъ насчетъ этой рухляди не имѣемъ, сказалъ онъ, со свойственной у такихъ „любителей просвѣщенія“ пестротой и вычурностью бессмысленно нанизанныхъ словъ въ рѣчи.

— Почему-же? спрашиваю.

— Потому — какія-же у мужика необразованнаго пѣсни? Такъ, трень-брень, да, нѣшто, выть во все, то ись, горло... и весь тутъ сюжетъ: ни чувствія, ни обонанія... о великатности и говорить ужъ нечего... Вотъ, не угодно-ли?

И не дожидая моего согласія, обязательный пѣвецъ приложилъ руку къ щекѣ, скривилъ на бокъ ротъ и затынулъ гнусавымъ голосомъ, копируя, якобы, „мужицкое пѣніе“, такую белиберду:

„Онъ мочилъ, мочилъ, мочилъ,
А потомъ началъ онъ сушить.
Онъ сушилъ, сушилъ, сушилъ,
А потомъ началъ онъ мочить.
Онъ мочилъ, мочилъ“ и т. д.

— Антиресно? спросилъ, смѣясь, пѣвецъ, кончивъ пѣніе. Вотъ въ эдакомъ фасонѣ, добавилъ онъ, и всѣ мужицкія пѣсни...

Разувѣрять его конечно, было-бы напрасно.

Вспомнился мнѣ тутъ описанный Кулишемъ, въ его „Запискахъ о Южной Руси“, малорось—пѣвецъ, по образу и подобию Баяна (увы, одинъ изъ послѣднихъ!), который жаловался автору на это, именно, эпидемически распространяющееся въ массѣ презрѣніе къ чисто-народному пѣснотворчеству и къ эпической старинѣ.

„Теперь, батче, говорилъ онъ ему, малі старці настали—нічого не тямлять. Стань ёго вчить, то воно й слухать не хоче. „Се, каже, все брехня. Ваші панотці брехали и ви брешете“. А якъ коли, то, попавши нашего брата на шляху, и попобьють“... ¹⁾).

А въ какой степени эти „малі старці“, со своимъ пѣснопѣвческимъ безвкуснымъ новшествомъ, вытѣснили нынѣ старинную народную пѣсню и ея хранителей—пѣвцовъ былого, симпатичнаго типа, можно видѣть изъ того, во-первыхъ, что послѣдніе въ настоящее время почти совершенно вымерли уже и, во-вторыхъ, что для собиранія нерастерянныхъ еще пока и не искаженныхъ окончательно перловъ „народныхъ фантазій“ приходится странствовать въ непролазную глушь и дичь лѣсовъ и топей какого нибудь Заонежья, лежащаго за предѣлами цивилизаціи.

Дошло до того, что истинно-народныхъ „сказителей“ и пѣвцовъ, точно какое „чудо-юдо морское“, возятъ на показъ по столицамъ, да и какже иначе, если какой-нибудь Остапъ Вересай или Рябининъ являются послѣдними могиканами вымершаго цикла древне-русскихъ пѣвцовъ, если въ мелодическихъ звукахъ бандуры одного и въ пѣвучихъ, эпического строя пересказахъ другого, слышалась какъ-бы лебединая пѣсня всего нашего стариннаго народного пѣснотворчества!

Уже Рыбниковъ замѣтилъ, что даже въ глухомъ Заонежьи, куда городская „образованность“ не проторила еще себѣ широкой дороги, „у большинства сказителей (существовавшихъ еще въ бытность тамъ автора) врядъ-ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать, тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей поколѣнія пѣвцовъ, былинны и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія“...

¹⁾ Теперь, видите, маліе старцы (т. е. пѣвцы) настали—ничего не смыслятъ. Станешь его учить, а онъ и слушать не хочетъ. „Это, говоритъ, все вздоръ. Ваши отцы врани и вы врете“. А иной разъ, поймавши нашего брата на дорогѣ, и поколотятъ“.

Можетъ быть, все это такъ и нужно, и — безъ сомнѣнія, такъ нужно, потому что противъ распространенія цивилизаціи и ея нивелирующаго вліянія на народную индивидуальность прати нельзя, да и было-бы безсмысленно.

Между тѣмъ, благодаря только именно отсутствію вѣянія цивилизаціи въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ нашего обширнаго отечества, тамъ удержались пока въ памяти сельскаго люда старыя пѣсни и былины, а главное старинный, эпическій складъ народнаго творчества.

Гильфердингъ, посѣтившій Заонежье гораздо позднѣе Рыбникова, прямо говоритъ, что, только благодаря глуши и свободѣ (отъ былого крѣпостного права), мѣстный крестьянинъ остался до сихъ поръ „подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія“ и счумѣлъ сбечь въ чистотѣ кристаллы русской народной фантазіи.

„Свободный крестьянинъ Заонежья, говоритъ онъ, жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода, его едва коснулась и грамотность... Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи“...

Гильфердингъ указалъ при этомъ на замѣчательный въ своемъ родѣ фактъ: изъ семидесяти встрѣченныхъ имъ въ Заонежьи „сказителей“ былины только пять оказались грамотными! Затѣмъ, онъ дѣлаетъ печальный выводъ — что народная, эпическаго склада пѣсня можетъ еще удержаться въ данной мѣстности только при одномъ условіи, „если въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа“.

Понятно, что эта дилемма безусловно можетъ и должна получить одно лишь рѣшеніе — въ пользу „промышленнаго движенія и школы“, т. е. распространенія цивилизаціи; но это не отнимаетъ, однако, у насъ права поскорбѣть отъ всего сердца, что въ вопросѣ о цивилизаціи такая дилемма неизбежна и что, слѣдовательно, неизбежны искаженіе народнаго пѣснотворчества и забвеніе лучшихъ его перловъ, завѣщанныхъ стариною...

Скорбь эта объясняется и оправдывается, надѣмся, вполне при ближайшемъ знакомствѣ съ продуктами вдохновенія „малыхъ старцівъ“ — съ новой пѣснью въ устахъ народа, тронутаго культивирующимъ движеніемъ европейскаго прогресса.

II.

Искаженіе народнаго характера, исчезновеніе самобытности въ образѣ жизни, въ нравахъ и обычаяхъ крестьянина, порча его языка и его пѣсни, наряду съ забвеніемъ „старины“ и привнесеніемъ бросовыхъ объѣдковъ цивилизаціи въ его міросозерцаніе, распростра-

ются, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Гильфердингъ, по всѣмъ путямъ, пролагаемымъ „промышленнымъ движеніемъ“.

Промышленное движеніе, какъ всегда и вездѣ, служитъ лучшимъ и самымъ дѣятельнымъ проводникомъ цивилизації, со всѣми ея благами и изыянками, просвѣщеніемъ и растрѣпаніемъ, смягченіемъ нравовъ и развратомъ, обогащеніемъ однихъ и обѣднѣніемъ другихъ. На этомъ основаніи, размѣромъ и степенью распространенія промышленнаго движенія по территоріи нашего отечества вполне опредѣлится и районъ развитія того явленія въ области народной жизни, о которомъ идетъ рѣчь.

Оно идетъ преимущественно по главнымъ искусственнымъ путямъ сообщенія—по направленію желѣзныхъ дорогъ и большихъ судоходныхъ рѣкъ, сосредоточиваясь около важнѣйшихъ промышленныхъ центровъ, т. е. городовъ, и въ мѣстностяхъ, гдѣ фабричное производство приняло широкіе размѣры, мало по малу упраздняя въ средѣ населенія земледѣльческій бытъ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, если не совершенно уже исчезъ иррежній патриархальный типъ русскаго селянина, то, во всякомъ случаѣ, сильно исказился и сталъ вытѣсняться новымъ типомъ „фабричнаго крестьянина“, по удачной квалификаціи извѣстнаго этнографа г. Нефедова.

„Фабричный крестьянинъ“ въ интеллектуальномъ отношеніи не только не возвышается надъ крестьяниномъ—земледѣльцемъ, нетронутымъ цивилизаціей обитателемъ какой нибудь деревенской глуши, но во многомъ ему уступаетъ, не говоря уже о положительномъ превосходствѣ надъ нимъ послѣдняго въ отношеніи нравственномъ.

„Фабричный крестьянинъ“, не смотря на обладаніе грамотностью въ большинствѣ случаевъ, далеко еще не вышелъ изъ мрака застарѣлыхъ предразсудковъ и суевѣрій, присущихъ русскому простолюдину вообще. Онъ также невѣжественъ, въ сущности, какъ и крестьянинъ пахарь; ибо тотъ пестрый, поверхностный налетъ фальшивой „образованности“, который дала ему фабрика или городъ, заключаетъ въ себѣ гораздо больше отрицательныхъ, разлагающихъ пріобрѣтеній, чѣмъ положительныхъ и цѣнныхъ. Данная среда воспитываетъ, какъ говоритъ г. Е. Марковъ, „мужика цивилизованнаго питейнымъ заведеніемъ и кафе-шантанами уѣзднаго города, развитаго аблакатами, обогащеннаго мошенничествомъ подрядовъ и поставокъ, но оставшагося въ душѣ тѣмъ же средневѣковымъ дикаремъ, живущаго, пошрежнему, въ мірѣ „порчѣ“ и „глаза“, домовыхъ и „скотыихъ боговъ“.

За то, взамѣнъ внѣшней „образованности“, у фабричныхъ, по наблюденіямъ г. Нефедова, „отзывчивость къ поэтическому творчеству и поэтическая память слабѣютъ, да и народу становится не до нихъ“. Вся поэзія для нихъ, весь „идеаль времяпрепровожденія, какъ говоритъ тотъ же авторъ, есть питье чая и водки въ трактирѣ или кабацѣ“. Фабрика и городъ „изуродовали ихъ физически и нрав-

ственно“. Это-же подтверждаетъ и другой наблюдатель жизни великорусскихъ крестьянъ, г. Шарповъ.

Въ послѣдніе 18 лѣтъ, по его словамъ, „исчезли рѣшительно всѣ остатки прежнихъ увеселеній. Ни однѣхъ качель, ни одной балалайки, лишь изрѣдка послышится однообразный звукъ гармоник... Хороводы становятся все рѣже и скучнѣе, даже пѣсни съ ихъ чудесными мотивами начинаютъ вырождаться и переходить въ совершенно не музыкальное кричанье. Остается одна водка и водка, да развѣ при ней— праздничное галдѣнье“.

Правда, „фабричный крестьянинъ“ большой щеголь. Г. Нефедовъ наблюдалъ его по теченію Волги и ея притоковъ. „Фабричные ходятъ тамъ, по его словамъ, съ синими бумажными зонтиками подъ мышкой, у дѣвицъ въ платьяхъ замѣчаются зачатки панье“... Сбылись мечты гоголевскаго цивилизатора, полковника Кошкарева, желавшаго одѣть русскихъ мужиковъ во фраки, а бабъ въ корсеты!

Подобное франтовство и модничанье въ крестьянской средѣ, весьма обычные въ большихъ городахъ, проникаютъ повсюду, гдѣ только повѣяло цивилизирующимъ промышленнымъ движеніемъ. Г. Молчановъ, посѣтивъ недавно новгородскую губернію, встрѣчалъ тамъ въ деревняхъ парней не только въ кумачевыхъ, но и въ шелковыхъ рубахахъ. „Молодицы-же деревенскія носятъ городское платье, и что меня, говоритъ онъ, особенно поразило, такъ это то, что по всей слободѣ шли танцы, — дѣвушки танцовали французскую кадрили при чемъ сами и пѣли какія-то пѣсни новѣйшей формации“. (Дѣло происходило въ праздничный день). Г. Гусевъ, описывая въ „Тверскомъ вѣстникѣ“ (1879 г. № 20) „народное веселье“ въ деревняхъ тверскаго уѣзда, свидѣтельствуетъ, что „на посидѣлкахъ иногда бываетъ трудно отличить по одеждѣ крестьянскую дѣвушку отъ городской мѣщанки. Изъ молодцовъ же нѣкоторые являются въ сюртукахъ и жилетахъ съ часами“... Такихъ деревенскихъ щеголихъ и щеголей намъ лично приводилось встрѣчать очень часто въ окрестныхъ къ Петербургу селеніяхъ, а, напр., этнографъ г. Н. Камкинъ встрѣчалъ ихъ не мало даже въ корельскихъ деревняхъ архангельской губерніи.

Все это было бы вполне утѣшительно, если бы эти сюртучники, скидывая съ плечъ національные, прадѣдовскаго покроя, зипуны и сибирки, не скидывали съ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свой племенной обликъ, свою этнографическую индивидуальность въ образѣ жизни, въ нравахъ, понятіяхъ, эстетическихъ вкусахъ и т. д.

Къ сожалѣнію, въ развитіи образованности народной массы вторяется, въ основныхъ чертахъ, тотъ же процессъ „отсебятинъ“ и разрыва съ родной „почвой“, который пережили въ свое время верхушки русскаго общества, при воспріятіи западной цивилизации, и который такъ дорого намъ обошелся, цѣною отчужденія цѣлыхъ поколѣній отъ народа и его интересовъ.

Всѣ эти сюртуки, жилетки, „панье“ и т. п. предметы гардероба

ной и домашней рухляди, скроенной и сшитой по модѣ, на „нѣмецкій“ фасонъ, вносятся въ крестьянскій бытъ, наряду съ массой новыхъ, безъ разбору схваченныхъ на городской улицѣ, большею частью непонятыхъ или понятыхъ вкривь и вкосъ, идей, понятій, словъ, привычекъ, манеръ и предразсудковъ изъ сферы интеллигентной жизни. При отличающей нашъ національный характеръ переимчивости, все это жадно и безъ всякой критики воспринимается и усваивается невѣжественной массой и, въ результатѣ, уродуетъ ее до неузнаваемости.

Получается какая-то дикая, безобразная амальгама изувѣченныхъ обрывковъ и крупицъ европейской культуры съ обезличенными, разлагающимися остатками и чертами отживающаго стараго типа „мужика“, съ его примитивной грубостью и невѣжествомъ, которыя одни и сохраняются долѣе и неприкосновеннѣе изъ всего дѣдовскаго наслѣдія.

Благодаря этой страсти къ переимчивости, къ новинкамъ, народный языкъ коверкается и уснащается массой, большею частью, обезображенныхъ, ни къ селу ни къ городу нацѣпленныхъ иностранныхъ и техническихъ словъ и оборотовъ, выдернутыхъ изъ лексикона городской интеллигенціи. Одинъ компетентный знатокъ нашего мѣщанскаго быта давно подмѣтилъ эту слабость тронутыхъ цивилизаціей простолюдиновъ къ „подбору какихъ-бы то ни было нелѣпыхъ выраженій. Въ подобномъ подборѣ они находятъ, говорить онъ, какую-то поэтическую красоту“. Ниже мы увидимъ до какой, дѣйствительно, нелѣпости доходить нерѣдко эта тарабарщина.

Весь этотъ потокъ новыхъ словъ и понятій, естественно, проникаетъ и въ народное пѣснотворчество, вытѣсняя самобытность и чистоту поэтическихъ формъ старинной пѣсни, которая мало по малу совершенно забывается. Въмѣсто нея нарождается фальшивая и дикая сюрточно-трактирная поэзія, непріятно поражающая искусственностью и вычурностью своего склада, отсутствіемъ живости и красоты, которыми такъ плѣняетъ истинно-народная пѣсня, и, наконецъ, какой-то лоскутной пестротой языка и содержанія. Мы остановимся здѣсь на записанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, наиболѣе характеристическихъ образчикахъ этой новой, уродливой, сюрточно-трактирной поэзіи, и читатель увидитъ, правы-ли мы въ нашемъ приговорѣ.

Какъ всегда и вездѣ, на первомъ планѣ въ современной народной пѣснѣ любовь и ея герои—добръ-удалъ молодецъ и красная дѣвица. Посмотримъ же на идеалъ молодецкой красоты, пригожести и „талантливости“, какъ о нихъ поется нынче кое-гдѣ на дѣвишникахъ, на свадьбахъ и на деревенскихъ посидѣнкахъ!

Вотъ, напр., „во городѣ во Саратовѣ, во московской главной улицѣ“ разгуливаетъ добрый молодецъ Иванъ Степановичъ —

„Какъ на Ванюшкѣ, на Степанчѣ,
Сюртукъ бархатный,

Жилетъ розовый,
Галстухъ шелковый,
Платокъ въ рукѣ батистовый¹⁾.

Понятно, что на такого ослѣпительнаго щеголя и франта всѣ добрые люди „дивовались“,

„Да всѣ дѣвушки, да всѣ красныя
Засмотрѣлись“.

И какъ не засмотрѣться, если, кромѣ блистательнаго наряда, Ванюшка отличается еще и образцовой благовоспитанностью:

„Онъ шепетко ходитъ,
Манежно ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не мараетъ,
Ой, люшеньки, люли,
Чулокъ не мараетъ!“

Вкусы у него изысканные и деликатные. На приглашеніе откушать зелена вина, онъ отвѣчаетъ:

„Не пью вина я зеленого,
Я кушаю водку
И то для охотки“.

Во всемъ нашего красавца добрые люди и особенно красныя дѣвицы „одобрявали“:

„Какъ онъ скромный!
Какъ онъ вѣжливъ!“

говорятъ онъ о немъ между собой. Впрочемъ, и самъ предметъ этого удивленія и этихъ восторговъ отлично знаетъ себѣ цѣну и неотразимую плѣнительность своихъ жилетокъ и сюртуковъ. Пѣсня застаётъ его большею частью стоящимъ передъ „зеркаломъ хрустальнымъ“ или передъ „туалетомъ“ и прихорашивающимся. На деревенскихъ посидѣнкахъ въ тверскомъ уѣздѣ, по списку г. Гусева, поется, между прочимъ, такая „разводная“ пѣсня:

„Ваня въ зеркало глядѣлся,
Самъ собою смотрѣлся.
Какой я хорошій,
Какой я пригожій.
Рубашка французска,
Жилетка съ цвѣтами,
Шляпа со перами,
Голова съ кудрями.
Кудри вьются каждый часъ—
Цѣлуй молодца сейчасъ!“²⁾

¹⁾ Въ вариантахъ этой весьма распространенной пѣсни, записанныхъ въ другихъ мѣстностяхъ, сюртукъ на молодцѣ оказывается то „кармазиннымъ“, то „гармишелевымъ“; на головѣ молодца „шляпенка пуховая“, рубаха на немъ то „канетелевая“, то „французская“, на плечахъ „лайковыя помочи“, въ рукахъ его либо платокъ „фуларовой“, либо трость „серебрянная, со ленточками букетовыми“ и т. под.

²⁾ Эта пѣсня тоже весьма распространенная. Очень схожіе съ вышепредставленнымъ варианты ея мы нашли, между прочимъ, въ сборникѣ Терещенко, изд. 1848 г., и въ сборникѣ П. В. Шейна, 1870 г.

И по ходу игры, дѣвица, точно, цѣлуетъ франта немедленно, да и какъ не расцѣловать такую прелесть!

Не говоря ужъ о „французскихъ рубашкахъ“ и „жилеткахъ“, въ которыхъ, по смыслу этого рода пѣсенъ, вся краса и все достоинство добраго молодца, ибо о свойствахъ его личности въ нихъ нѣтъ ни слова, не говоря, наконецъ, о пошлости и нескладности самой, цитированной здѣсь, пѣсни, въ ней, и ей подобныхъ, особенно непріятно поражаетъ еще это глупое фанфаронство воспѣваемого героя. Это какой-то неуклюжій, накрахмаленный Адонисъ, отдающій букетомъ коровьяго масла и помады „амбре“, самодовольно восхищающійся въ зеркалѣ своей коленкоровой „пригожестью“ и „хорошестью“, точно городская кокетка-горничная. Подобный Адонисъ во „французской рубашкѣ“, совершенно невиданный и немислимый въ истинно-народной пѣснѣ, къ сожалѣнію, составляетъ излюбленный, господствующій типъ въ мужичьей пѣснѣ новѣйшей фабрично-городской формации (Замѣтимъ, что какъ здѣсь, такъ и дальше мы черпали подходящій матеріалъ изъ многихъ однохарактерныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ).

Этотъ франтъ и модникъ то красотѣ своей „дивится“, то, разгуливая вдоль по рѣчкамъ по Казанкамъ, „со кудрями своими разговариваетъ“, то, фланируя по Невскому „пришпехту“, „самъ съ перчаткой разсуждаетъ“, то катается въ каретѣ и „соболинымъ рукавомъ се отпираетъ“, то „манежничаютъ“ и „щеголяетъ“ передъ дѣвицами, „въ карманъ руки опускаетъ“ и даритъ ихъ конфетами. Въ патетическіе моменты объясненія въ любви, у него, какъ у салоннаго кавалера, „выпадаетъ трость изъ рукъ, сваливаются перчатки съ рукъ“. Когда идетъ въ хороводъ, въ кругъ дѣвицъ, на немъ —

„Сюртукъ тонкій со манишкой,
Штаны трековыя,
Трубочка пензовая,
Табакъ жуковъ подмоченъ,
Кисеть новый парчевой“...

Собрался свататься молодецъ —

„Модно нарядился.
Жилетъ надѣваетъ.
Галстухъ оправляетъ“ и т. д.

Сами свахи рекомендуютъ его, какъ первѣйшаго франта, и — прежде всего какъ франта, судя по слѣдующей пѣснѣ, записанной въ глухой и далекой Чердыни:

„Не иная молодая,
У насъ, вотъ, сюртукъ молодецкій!
Не иная молодая,
У насъ, вотъ, брюки молодецкія“ и т. д.

Въ соответствующихъ чертахъ, конечно, складывается въ этой сюртучно-бакалейной поэзіи, искажающей народную пѣсню, и идеаль

„дѣвѣй красы“. Дѣвица плѣняетъ уже молодыхъ людей не столько своей тѣлесной „пригожестью“ и „дородностью“, сколько тѣмъ, что она франтиха, модница и „манерница“. Величая дѣвицъ въ хороводѣ, парни называютъ ихъ дамами:

„Дамы, дамки, дамочки,
Наши дѣвки кралечки“!

Въ другой хороводной пѣснѣ, молодецъ спрашиваетъ приглашенную ему красавицу:

„Ужъ ты, Мама, модница,
Чисто ходишь, гдѣ берешь?“

На что она отвѣчаетъ, вычисливъ всѣ прелести своего моднаго туалета, что это все подарки родимаго батюшки, хотя, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ о ея нарядахъ позаботился кто нибудь и другой. Въ подобныхъ пѣсняхъ разсматриваемой формации, ужъ коль дѣвица „хороша“, то непремѣнно —

„По нѣмецкому разубрана“,
на ней „цвѣтно платьице“, „шуба шелковая“, „куцубеечка пальцевая“, не то — „ситинкюровая“, на шейкѣ „цѣпочка дорогая“, въ ушахъ „серьги брилліантовые“,

...„при помадѣ всегда
У дѣвицы голова очень мило убрана“,

лицо у ней набѣлено и нарумянено.

„Ой, роза, роза, роза,
Роза алая моя“!

привѣтствуетъ ее восхищенный при ея видѣ парень. Да что ужъ говорить о деревенскихъ парняхъ! Какъ-то разъ эдакую модницу

„Увидалъ генераль,
Изъ окошка озиралъ“.

Чуть увидѣлъ, сейчасъ и влюбился.

„Ахъ, кабы зналъ я это дѣло,
Не женился-бы во вѣкъ;
Кабы видѣлъ красоту,
Не взялъ барышню — жену,
Взялъ-бы крестьянку“,

исповѣдуется въ пѣснѣ его превосходительство.

Сама дѣвица сознаетъ, что она хороша на диво, между прочимъ, потому что она „въ городѣ родилася“ и

„Во Питерѣ жила,
Всѣ науки поняла“...

Родители, выдавая ее замужъ, предъувѣдомляютъ жениха, что

„Она въ насъ чаемъ и кофеемъ упоена
И сдобнымъ кренделемъ вскормлена“.

Въ довершеніе благовоспитанности, у нея —

...„походка дворянская
И рѣчи деликатныя“.

Ѣздитъ дѣвица въ каретѣ или въ коляскѣ съ кучерами (а по болѣе современному—молодецъ прокатываетъ ее „на машинкѣ“).

„Какъ и съ по-мосту, мосту
Тутъ бѣжала карета...

.....
Какъ во той во каретѣ
Сидѣла дѣвица:
Добро-жалобно плачетъ,
Заунывно причитаеъ“.

Плачетъ она и причитаеъ по своей „дѣвѣй красѣ“, которую она, отправляясь подѣ вѣнецъ, „забыла“ у родителей, „запомнила“

„Во столовой бѣлой горницѣ,
На ломберномъ столнѣ,
На фабричной на салфеточкѣ,
На фарфоровой тарелочкѣ“...

А и цѣна „дѣвѣй красѣ“ не маленькая! Оцѣнили ее добрый молодецъ въ слѣдующемъ отборномъ комплиментѣ:

„Ахъ, красная дѣвица,
Ваша бровь — сто рублей,
А вашъ взглядъ — пятьдесятъ,
Поцалуй — шестьдесятъ“!

Весьма естественно, что, высватавъ такую благовоспитанную и изящную дѣвицу—„питерскую умницу“, по словамъ одной хороводной пѣсни, счастливому молодцу ничего не остается, какъ благодарить Бога:

„Создалъ Богъ мнѣ невѣсту хорошу,
И хорошу и пригожу,
Да и школьную и манерную“...

Спознаванье парней и дѣвицъ, заигрыванье и любовь между ними точно также, утративъ въ новѣйшей пѣснѣ поэтическую простоту и эпическую образность уподобленій старинной пѣсни, приобрѣли вычурныя, крайне пошлыя формы бульварнаго ухаживанья, городской манерности и книжной сентиментальности. И тутъ средствами обольщенія и привораживанья являются скрутки, косметики, конфеты, всякаго рода галантерейности, а, сверхъ всего, деньги, танцы, карты и водка.

Даже заочныя сношенія между влюбленными происходятъ, какъ между лицами, познавшими всѣ тонкости цивилизаціи, по способамъ самой усовершенствованной почтовой корреспонденціи. Въ деревняхъ тверской губерніи дѣвушки на посидѣнкахъ поютъ:

„По большой дорогѣ
Бѣжитъ маленькій штафетъ,
Несетъ дѣвушкамъ газетъ.
Мы газеты получали,
Распечатали, читали:
Пишетъ, пишетъ милый другъ
Объ любви дорогой“ ..

Встрѣча личная между дѣвушками и молодцами изображается съ неменьшей витіеватостію.

„Я стояла вечерней порой,
Наша армія по улицѣ идетъ“...

„Арміей“, ради краснаго слова, названа компанія вышедшихъ на улицу парней.

Дѣлая выборъ между ними, дѣвицы стараются прежде всего опре-
дѣлить, который изъ нихъ дѣвушкамъ —

„Много денегъ дарить“.

На этотъ счетъ у нихъ имѣется вѣрная примѣта, а именно:

„У кого денегъ на малѣ,
У того руки въ карманѣ;
У кого денегъ поболѣ,
У того руки на волѣ“.

Впрочемъ, при нынѣшнемъ распространеніи просвѣщенія и мод-
наго франтовства — „не узнать кто бѣднякъ“, ибо каждый парень

„При сибиркѣ синей,
При манишкѣ бѣлой“.

Напримѣръ, какая-то „глазовская молодежь сапоги носить со скри-
помъ“, а дома у нея „гроша не найдешь, оброковъ не платятъ“...
Дѣвицы не стѣсняются, однако, нагляднымъ образомъ провѣрить кар-
манные ресурсы своихъ искателей. Онѣ безъ церемоній требуютъ
отъ нихъ подарковъ и денегъ.

„Ужъ ты, Ванюшка, пьянъ,
Не ходи безъ румянъ“!

предостерегаетъ пѣсня какого-то недогадливаго посѣтителя дѣвичьихъ
бесѣдъ. Въ другой пѣснѣ дѣвушки напрямикъ требуютъ у парней
денегъ—

„Намъ на бѣлыя бѣлилы,
На красныя румяны.
Мы набѣлимся, нарумянимся,
Добрымъ молодцамъ
Лучше приглянемся“!

Обиліе и изысканность подарковъ—кратчайшій и вѣрнѣйшій путь
къ сердцу дѣвицы. Молодцу, который тароватъ по этой части, одна
хороводная пѣсня предлагаетъ на выборъ:

„Размолочникъ молоденькій,
Бери дѣвушку хорошенькую“!

Благосклонность красавицы снискивается то за „петербургскій пря-
никъ“, то за „конфеты — для совѣта“, съ прибавкой „изюму — на
раздумю“, то за „банку розовой помады“, съ придачей „широкаго
коленкору“ либо „лександину“, а не то—„левантину“ на платье, за
„тальянскій платъ“, за „батистовую косынку“ и т. д. Если-же ко всему

этому искатель приложить еще „на шейку цѣпочку“, осласливленная дѣвица уже безъ колебаній цѣлуетъ его „въ щечку“, цѣлуетъ даже и тогда, когда онъ ей нелюбъ, какъ это откровенно говорить она въ одной пѣснѣ:

„Перстенечекъ-то хочется.
Цаловать его не хочется“,

т. е. подносящаго перстенечекъ парня; но, въ концѣ концовъ, подарокъ оказываетъ свое дѣйствіе и дѣвушка цѣлуетъ не симпатичнаго вздыхателя „милешенько“.

Имѣя въ виду такую стоворчивость и податливость дѣвицы на подарки, искатель, заручившись ими, прямо уже ломится къ ней въ „покой“, самоувѣренно „топааетъ правою ногою“ и изъясняется въ своихъ чувствахъ стилемъ апраксинскаго прикащика „красной“ лавки, зазывающаго попутательницу:

...„милая, ахти!
Гарнитуровой тафты,
Атласу голубова,
Гарнитуру дорогова,
Черный бархатъ на сапожки,
Бриллиантовы сережки“ и т. д.

Въ отвѣтъ на это краснорѣчивое вещественное выраженіе невещественнаго влеченія, безъ дальнихъ разговоровъ,

„Беретъ дѣвица молодца“.

Про ухаживанье и начало любви есть, въ числѣ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, одна необыкновенно поэтичная, съ яркимъ эпическимъ оттѣнкомъ, въ которой описывается, какъ удалъ молодець, разбивъ шатеръ въ чистомъ полѣ, встрѣтилъ тутъ дѣвицу, поставившую свой шатеръ противъ его шатра. Между ними начались сношенія съ того, что дѣвица прошла въ шатеръ молодца и стала

„Въ золоты гуселюшки играть“,

да неощутительно для себя и „проиграла“ ему свою дѣвичью красоту.

Что-же сдѣлала изъ этой прекрасной пѣсни новѣйшая фабрикація?

Разбивъ шатеръ, молодець, по современной редакціи,

„Разослалъ тутъ гранетуровый платокъ;
Разломилъ онъ бѣлъ крупнчатый калачъ,
Самъ поставилъ водки полуштофъ.
Не отколъ да взялась дѣвица:
Тебѣ богъ помощь удалой молодець!
И пришла къ тебѣ не пить, не ѣсть—кушать,
И пришла къ тебѣ во карты играть,
Что во карты, во шахматы,
И во всѣ игры нѣмецкія...“

Молодецъ сталъ играть, но дѣвицы не обыгралъ и она—

„Отошла сама разсѣялася“...

Эта замѣна „золотыхъ“ гуслей полштофомъ и картами весьма характеристична въ томъ отношеніи, что такимъ именно образомъ идетъ искаженіе и опошливанье нашей народной пѣсни повсемѣстно и въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Уже и теперь во многихъ мѣстностяхъ истинно-народная пѣсня смѣнилась такою, напр., дребеденью фабрично-лакейскаго сочинительства, вдохновеннаго разными „пѣсенниками“ московскаго изданія.

Рѣчь идетъ объ ухаживаньи и любви. Молодецъ „падаетъ на колѣнки“ передъ Машинькой и умоляетъ полюбить его.

Она сначала отказывается, говоря:

„Не хочу лукавыхъ любить,
Они не могутъ любви цѣнить“...

Молодецъ сулитъ ей всякія блага:

„Для Машуриньки такой
Есть у меня особый покой.
Ужъ и спальню твою
Всю цвѣтами уберу;
Я цвѣтами, зеркалами,
Да и разными красами
И подушечками.
Тесовая кровать („Красна дерева кровать“, по другому варианту)
На коврахъ будетъ стоять;
Разсчастливая Машура
Будетъ нѣжно почивать („На бархатномъ на диванѣ“. Др. вар).
Серебряны самовары
На столахъ будутъ кипѣть“, и т. д.

Въ другой подобной-же пѣснѣ дѣвица рассказываетъ, какъ „миленькій красавчикъ“ ее сердечко „распрекраснымъ своимъ взоромъ заразилъ“, а потомъ „танцевать съ собой просилъ“.

„Долго долго танцовали,
Появился жаръ въ лицѣ“,

и кончилось тѣмъ, что красавчикъ выманилъ дѣвицу на дворъ и поставилъ ее въ такое конфузливое положеніе, что ей ничего не осталось, „какъ скрыться отсель прочь“ ¹⁾.

А вотъ нѣкій ослѣпительный Александръ Яковлевичъ „по залу гуляетъ“, въ которомъ „два голуба на шкафѣ пьютъ и льютъ (?), и

¹⁾ По варианту, записанному у Шейна, дѣвица въ этой пѣснѣ, выйдя на крыльцо „простудить лицо“,

„Не слыхала какъ упала“.

Молодецъ, стоя надъ нею, спрашиваетъ:

„Если любишь, другъ, скажи,
А не любишь—откажи!“

Она отвѣчаетъ, въ тонѣ жеманства старосвѣтской барышни:

„Я любить не люблю,
Отказаться не могу“.

въ цимбалы бьютъ“, душу—Дунюшку „забавляютъ“. Александръ Яковлевичъ плѣняетъ дѣвицу тѣмъ, что у него „бѣлы рученьки унизаны“

„Золотыми перстнями,
Отсвѣчиваютъ они отъ Дуняши
Разными лучами.
Душа Дуняша! душа Дуняша!
Васъ татинька кричитъ“.

Дуняша отвѣчаетъ: „скажите, подруженьки, не слыхала“.

Точно также не слышитъ она и тогда, когда „маменька“ ее „кричитъ“, а закричалъ Александръ—она отвѣчаетъ:

„Подруженьки любезныя,
Скажите сейчасъ буду!“

Рядомъ съ неотразимо-плѣнительными молодцами въ золотыхъ перстняхъ и въ „бѣло-розовыхъ французскихъ рубашкахъ“, деревенскихъ красавицъ обольщаютъ въ новѣйшей пѣснѣ офицеры, юнкера, капитаны, майоры, штабъ-лѣкари, уланы, подъячіе, писаря, дворяне, графы и т. п. представители интеллигенціи.

Увлекаясь такими благородными и чиновными особами, дѣвушки имѣютъ въ виду почетъ, деньги и вальготную свѣтскую жизнь на господскую ногу. Въ одной пѣснѣ, напр. дѣвица сравнивая свою долю съ долей подружекъ, считаетъ себя „пресчастливой“, потому что она полюбила „щеголя писаря изъ конторы“. Въ другой, весьма распространенной пѣснѣ, имѣющей множество вариантовъ, дѣвица думаетъ гадаеть за кого ей замужъ идти, и останавливается на выборѣ то подъячаго, то боярина.

За подъячаго замужъ идти выгодно, разсуждаетъ дѣвица:

„Какъ подъячій-то писать,
А я денежки считать“.

За боярина—пріятно и лестно, потому что—

„Жизнь боярина, что твой рай,
То и дѣло, что гуляй,
Въ клубъ, на балъ, въ театръ катайся,
Или дома забавляйся“.

Съ высшими чинами военного сословія у дѣвицъ дѣло ограничивается большею частью романическими похищеніями легкаго, зазорнаго свойства. Какіе-то удалые „майоры“ лезутъ къ нимъ въ окпа; молодые „офицеріки“ приглашаются ими въ спальню въ такія минуты, когда „маменька спитъ“ и т. д. При этомъ, романъ завязывается въ чисто бульварномъ вкусѣ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей, записанной нами въ одной изъ близкихъ къ Петербургу деревень, пѣснѣ, носящей явные слѣды подражанія книжнымъ романсамъ:

„Долго я, какъ макъ цвѣла,
Веретенѡмъ крутила,
И отъ всей своей души
Прялку я любила.
Долго, долго такъ жила,
Злой тоски не знала,
Припѣваючи пряла,
Пѣла да играла.
Разъ, однажды вечеркомъ
Сижу за работой—
Ходить юнкеръ подъ окномъ
Въ ясной позолотѣ.
Онъ манилъ меня шутя—
Я не испугалась.
Вдругъ...

спустя немного, какъ и слѣдовало ожидать, у дѣвицы „нитка оборвалась“, и, вотъ, съ той поры, поетъ она—

„Часто, часто нитки рву,
А на сердцѣ грустно“.

Книжная сентиментальность въ изображеніи любви ярко сказывается въ новѣйшей простонародной пѣснѣ, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи, усвоиваемыхъ извнѣ и вновь складываемыхъ въ данной средѣ, распадѣ. Это особенно замѣтно въ тѣхъ пѣсняхъ, въ которыхъ описывается несчастная, „жестокая“ любовь, сердечная измѣна, отвергнутое чувство и пр. Неудачники и неудачницы въ любовныхъ дѣлахъ впадаютъ въ сентиментальную меланхолію, презираютъ постылой жизнью и, вопія къ „жестокости“ своихъ предметовъ, кончаютъ съ собою болѣе или менѣе скоропостижно. Кому неизвѣстна, весьма любимая „образованнымъ“ простонародьемъ, слезная пѣсня, въ которой покинутая любовница проситъ невѣрнаго дружка:

„Возьми въ руки пистолетикъ,
Заряди легкой зарядъ,
Разстрѣли мою грудь.
Я тѣмъ буду довольна—
Сократишь ты жизнь мою“.

Убийственный „пистолетикъ“ въ этихъ случаяхъ является на первомъ планѣ. Въ другой пѣснѣ „несчастной мальчюшечка“, обращаясь къ „дѣвченокѣ“, проситъ ее полюбить его, а, въ случаѣ отказа, грозить:

„Если ты не любишь меня,
Убью мальчикъ самъ себя,
Убьюсь мальчикъ, застрѣлюсь
И покроюсь на вѣкъ темнотой“.

Бываетъ, впрочемъ, когда чувство неудовлетворенной или обманутой любви ищетъ себѣ отмщенія болѣе практичнымъ путемъ, примѣняясь, напр., къ современному развитію сутяжничества. Одна обманутая дѣвица отправилась въ городъ:

„Гербовой она листъ
 Бумаженьки закупала,
 Молодого-то она писаря
 Къ себѣ въ гости зазывала,
 На милого дружка
 Просьбу составляла“.

Съ этой просьбой она идетъ къ „молодому губернатору“, кланяется ему въ ноги, проситъ „разсудить“ ее съ милымъ дружкомъ „по правдѣ“.

„Ты отдай моего дружка любезнаго,
 Ты отдай въ солдаты“!

Губернаторъ, однакожъ, не уважилъ просьбу дѣвицы и даже прогналъ ее „вонъ изъ каменной палаты“ за неосновательное ходатайство. Но въ иныхъ случаяхъ обманщики, привлеченные къ суду, дорого платятся, какъ поплатился, однажды, нѣкій молодецъ изъ села Кушалина за то, что

„У Натальи платочекъ заносилъ—
 За безчестье шестьдесятъ рублей платилъ“.

„Шестьдесятъ рублей—денежки. Изловили меня дѣвушки!“—жалуется, по дѣломъ наказанный, ловелась.

III.

Рядомъ съ этимъ сюртучнымъ франтовствомъ и бульварнымъ фанфаронствомъ въ романическихъ отношеніяхъ, ополченныхъ какой-то лакейской сентиментальностью, народная пѣсня разсматриваемой формации воспѣваетъ, съ не меньшей искренностью, кабакъ и трактиръ, какъ разсадники все той-же „образованности“ и какъ неизсякаемые, единственные въ своемъ родѣ источники наивысшихъ уладъ и развлеченій, приличныхъ по городски избалованнымъ бонвиванамъ.

Это—тоже одинъ изъ неразлучныхъ спутниковъ „промышленнаго движенія“, всюду разносящаго, одновременно съ дарами и благами цивилизаціи, величайшее распутство, разгулъ, пьянство и глубокую порчу нравовъ. Наивная въ своемъ творчествѣ народная пѣсня, какъ наивенъ и самъ пошавшій въ круговоротъ этого „движенія“ и искорверканный имъ сынъ „деревни“, воспроизводитъ передъ нами всю эту кабачно-трактирную поэзію безъ малѣйшаго намека на отрицательное къ ней отношеніе. Это-то и ужасно, что сынъ „деревни“, какъ ребенокъ, ослѣпленный дешевымъ блескомъ фальшивой „образованности“, плѣненный обманчивой прелестью безпутнаго трактирнаго эпикурейства, не умѣетъ и не можетъ различить золота цивилизаціи отъ ея шумихи, не въ состояніи отнестись къ послѣдней критически и уразумѣть всю ея фальшь и мерзость. И гдѣ ему взять такой критики?—Вѣру въ идеалы и нравственные устои „мужичьей“ дѣдовской „старины“ онъ утратилъ; нахлынувшее на него „промышленное дви-

женіе“ привезло къ нему по „чугункѣ“ или на пароходѣ обольстительные сюртуки и „французскія“ манишки, привезло городскія моды и привычки къ какой ни на есть грошовой роскоши, да утонченные вкусы къ трактирнымъ наслажденіямъ, привезло, наконецъ, общедоступную науку городского пройдошества, всяческой плутоватости и вороватости. Полная разнузданность, разжигаемая алчностью къ легкой наживѣ, къ щегольству и къ трактирно-пьянымъ усядамъ, а взамѣнъ — никакихъ нравственныхъ сдержекъ, никакихъ истинно-цивилизующихъ понятій и привычекъ гражданственности въ жизни частной и общинной:—вотъ въ какихъ чертахъ складывается характеръ простолюдина подъ вліяніемъ „промышленнаго движенія“ и городской „образованности“!

Извѣстно, что изъ всѣхъ нашихъ рѣкъ — Волга „кормилица“ послужила особенно широкой и удобной дорогой для „промышленнаго движенія“, съ его спутниками—цивилизацией и деморализацией. Извѣстно, что она привлекаетъ къ себѣ многія тысячи сельскаго народа со всѣхъ сторонъ, по своему огромному бассейну, — „кормиться“ отъ ея богатыхъ промысловъ. Какія-же впечатлѣнія выносить съ ея береговъ рабочій крестьянинъ? какъ и въ чемъ отражается на немъ цивилизующее вліяніе этой главной артеріи російской культуры?

Г. Мельниковъ записалъ очень интересную въ этомъ отношеніи пѣсню, сложенную на Волгѣ бурлаками и очень ими любимую. Пѣсня эта—своего рода географія нашей великой рѣки: въ ней, кратко и выразительно, описаны достопримѣчательности болѣе трехсотъ мѣстъ (городовъ и селеній), расположенныхъ на Волгѣ отъ Рыбинска до Бирючей Косы... Но какія-же это достопримѣчательности? какая это географія? А, вотъ, неудобно-ли нѣсколько ея образчиковъ въ выдержкахъ!

„Вотъ городъ Кострома—гульливая сторона,
А по ниже его Плесъ—чтобъ шайтанъ его унесъ!

Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ! чтобъ шайтанъ его унесъ!
За нимъ Кинешма, да Рѣшма—тамою дѣвушки не честны,
А вотъ городъ Юрьевецъ—что ни паренъ, то подлець.

Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.
Въ Городцѣ-то на дворѣ—по три дѣвки на дворѣ,
А вотъ городъ Балахна—стоитъ поды распахня!

Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.
А вотъ село Козино—много дѣвокъ свезено,
Еще Созиново село—соромники наголо;

Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.
А вотъ Нижний-городокъ—ходи гуляй въ погребокъ,
Вотъ Кунавино село—въ три дуги меня свело.

Ахъ, ну! охъ ты мнѣ и т. д.
А вотъ Кстово-то Христово—развеселое село,
Хоша чарочка маленька, да вино хорошо.

Ахъ, ну! охъ ты мнѣ и т. д.
Вотъ село великій Врагъ—въ каждомъ домѣ тамъ кабакъ,
За нимъ село Безводно—живутъ дѣвушки зазорно.

Ахъ, ну! охъ, тѣ мнѣ и т. д.

Рядомъ тутъ село Работки—покупай хозяинъ водки;
Вотъ Слонинецъ, да Титинецъ—всѣмъ мошенникамъ кормилецъ.
Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.

И въ такомъ родѣ идетъ живописаніе всей матушки-Волги, всѣхъ расположенныхъ на ней культурно-промышленныхъ центровъ! Кабаками, трактирами, „засорными“ дѣвками, мошенничествомъ и „озорничествомъ“—исчерпывается и замыкается весь кругъ наблюдений и сношеній рабочаго простолюдина, пришедшаго сюда обогащаться матеріально и духовно, посмотреть „свѣта“—„себя показать—людей поглядѣть“.

Что дѣлаетъ Волга съ захваченнымъ ея промышленно-разгульнымъ движеніемъ мужикомъ—это мы знаемъ по хорошо изученному нашими этнографами мрачному типу волжскаго „бурлака“, являющагося истымъ представителемъ злосчастной „кабацкой голи“ и „вольницы“ и пропивающаго на Волгѣ не только свой скудный заработокъ, но и здоровье, и честь, а нерѣдко и свою буйную, безталанную голову. Самъ народъ сложилъ о бурлацкѣ мнѣніе, какъ о пропащемъ человѣкѣ—забубенномъ голышѣ, пьяницѣ и плутѣ. Въ одной пѣснѣ бурлаки дѣвицу красную сманиваютъ, сулятъ ей золотыя горы; но дѣвица имъ не поддается—она хорошо знаетъ, что всѣ бурлацкія пожитки—„одна лямка да котомка“, и та дырявая... Сами бурлаки про свое житіе поютъ, что имъ —

„Постелюшка—мать сыра земля,
Одѣялышко—вѣтры буйные,
Умывальнице—частый дождичекъ,
Утиральнице—горючи слезы“;

что на Волгѣ-матушкѣ (по тексту другой пѣсни) всего ими испробовано:

„Въ кабакахъ было посижено,
Кусковъ и оглодокъ попрошено,
Потихоньку, безъ просу, потаскано,
Голиками глаза выбиты,
Ожогомъ плеча поранены“...

Что касается нелестной славы, сложившейся, какъ видно изъ вышеприведенной бурлацкой пѣсни, про дѣвицъ нѣкоторыхъ наиболѣе веселыхъ волжскихъ поселеній, то и въ этомъ случаѣ пѣсня не выдумываетъ и не преувеличиваетъ фактовъ. Къ сожалѣнію, всѣ пути, по которымъ съ особенной бойкостью идетъ торгово-промышленное движеніе, заражены развратомъ. Кто не знаетъ, напр., о буйныхъ оргіяхъ и невѣроятномъ вакханальномъ распутствѣ, имѣющихъ мѣсто на знаменитой макарьевской ярмаркѣ?!

„Какъ женила молодца
Чужа дальная сторона,
Чужа дальная сторонка—
Макарьевская ярмарка“,

въ ироническомъ тонѣ повѣствуетъ народная пѣсня про скоро-
преходящія „женитьбы“ захожихъ молодцовъ на этомъ торжищѣ, въ
числѣ товаровъ котораго „дѣвья краса“ всегда стоитъ въ хорошей
цѣнѣ и всегда находитъ себѣ покупателей. Про высокую цѣну на нее
можно заключить изъ другой пѣсни, воспѣвающей великую „пропажу“,
случившуюся на ярмаркѣ у одного купца.

„У Макарья на ярмаркѣ,
Близъ гостинаго двѣра,
У Сафронова купца
Солучилася бѣда,
Бѣда не маленькая:
Вотъ не сто рублей и не тысяча,
Какъ пропала у него
Дочка милая его“...

Стали искать пропажу:—гдѣ же?

„По баракамъ, по ярамъ,
По трактирамъ, кабакамъ,
По макарьевскимъ пескамъ“...

И искали не напрасно, потому что, по опыту, должно быть, знали—
куда именно запропащаются дѣвицы на веселой ярмаркѣ? Нашли, на
радость родителя, кушеческую дочь на какомъ-то „чердакѣ“, хотя и
въ весьма непрезентабельномъ видѣ:

„Ея русая коса—
Вся растрепанная;
Черепеховая гребеночка—
Расколонная;
Ея цвѣтно платице—
Изорванное;
Сантантюровый салопчикъ—
На гвоздикѣ виситъ“...

Нашли, при всемъ томъ, ее не одну, а въ компаніи съ какимъ-то
удалымъ „воромъ-разбойникомъ“, который привелъ въ безпорядокъ
туалетъ дѣвицы и, какъ ни въ чемъ не бывало, тутъ же

„Подъ окошечкомъ сидитъ,
Табакъ трубку куритъ“...

Эта зазорно-пикантная сторона ярмарочной и городской веселой
жизни, поскольку она коснулась „образованнаго“ простолюдина, во-
спѣта имъ во множествѣ нецензурныхъ пѣсень, отличающихся без-
шабашнымъ, истинно „бурлацкимъ“ цинизмомъ. Впрочемъ, значи-
тельная часть этого рода шансонетокъ позаимствована мужиками у
солдатиковъ, въ средѣ которыхъ всегда находились и находятся осо-
бенно изысканные мастера по этому жанру пѣснотворчества.

«истор. вѣстн.», годъ I, томъ III.

Развеселое житье-бытье городского крестьянина — рабочего, вкусившаго отъ плодовъ „образованности“, довольно живо и полно изображено, между прочимъ, въ весьма распространенной пѣснѣ: „Трактирщикъ“, которая положена даже на ноты и распѣвается кое-гдѣ подъ звуки шарманки. Намъ удалось записать ее со словъ одного петербургскаго фабричнаго. Содержаніе этой, довольно длинной и лишонной, конечно, всякой поэтичности, пѣсни заключается въ рассказѣ нѣкоего, выдавшаго всякіе виды, молодца про свои романическія и бонвиванскія похождения въ столицѣ. Это своего рода автобіографія. Герой начинаетъ съ личной рекомендаціи, что онъ-де человекъ бывалый: былъ онъ и „московскимъ трактирщикомъ“, и „на фабрикахъ живалъ“, гдѣ не безъ успѣха „разны ситцы набивалъ“ и, такимъ образомъ, получалъ „сотъ восемь рублей въ годъ“;

„Но изъ оныхъ не хртало
Двадцати послать въ оброкъ“.

Деньги находили у него приличное помѣщеніе для себя въ столицѣ — на предметъ болѣе интересный, чѣмъ оброки и деревенскія нужды. „Я, поетъ онъ, —

„Имѣлъ въ своихъ рукахъ,
Въ бѣломъ фартучкѣ красоту
И въ сафьянныхъ башмачкахъ.
Для красоты было нужно
Въ косу ленты и платокъ,
Во ушки серьги жемчужны
И на ножки башмачки.
Въ праздникъ выдти—душегрѣйку
И кафтанчикъ съ галуномъ:
Тутъ послѣдняя копѣйка
Вылетала вверхъ орломъ“.

А кромѣ этихъ гардеробныхъ расходовъ, нужно же было тѣшить еще себя и „красотку“ приличными „пирушками“, да такими, что „только дымъ столбомъ стоять“.

Въ дѣло вмѣшивается деревня, въ лицѣ отца и матери героя, въ намѣреніи навратить его на путь истины. Когда онъ пріѣхалъ къ нимъ „на побывку“, они его укоряютъ, что, вотъ, уже „лѣтъ пять больше“ не получаютъ отъ него ни копѣйки.

„Полно Ваня волочиться,
Съ длиннохвостыми гулять;
Не пора-ль тебѣ жениться —
Ты не будешь баловать!“

рѣшаютъ старики и, дѣйствительно, женятъ избалованнаго молодца; но что пользы, если тотчасъ же послѣ свадьбы — „опять въ Питеръ его пустили деньги наживать“? Правда, „въ первый годъ я поставился—поетъ герой:

„Сотъ пятокъ домой послалъ,
Тогда милъ въ дому остался—
Свою женушку ласкалъ“;

но, какъ и слѣдовало предвидѣть заранѣе:

„Вдругъ, случилось несчастье
Мнѣ по Невскому пройти!
Я по Невскому прошелъ
Свою прежнюю нашелъ..
Мы нечаянно сошлись,
Поздоровались“,

а дальше, естественнымъ порядкомъ, Ванюша увлекается своей „прежнею“ столичной зазнобою и снова у него съ нею начинается „дымъ идти столбомъ“, снова деревня шлетъ ему грозныя предостереженія и требованія денегъ на оброкъ, но онъ и ухомъ не ведетъ... „Заплутался“ малый въ конецъ, какъ выражается народъ о такихъ блудныхъ сынахъ деревни, попавшихъ въ столичный водоворотъ. И сколько „заплутываетъ“ такимъ-то порядкомъ городъ молодого деревенскаго народа!

Не удивительно послѣ этого, что къ такимъ „заплутавшимся“ въ Питерѣ Ванюшамъ, не смотря на всю ихъ столичную франтовитость и полированность, когда они наѣзжаютъ въ родную деревню свататься, мѣстныя дѣвушки-невѣсты относятся не съ особеннымъ довѣріемъ.

„Скажи-касъ ты мнѣ,
Каковъ ты человекъ?“

спрашиваетъ въ одной пѣснѣ (Калужской губ.) дѣвушка-невѣста этого заѣзжаго чужанина-щеголя, и—получаетъ предостерегающій отвѣтъ:

„Онъ пьяница, пропойца,
Пропилъ онъ самъ себя,
Пропилъ онъ самъ себя,—
Прощесть и тебя“.

Въ другой пѣснѣ такой-же „дѣтина-щеголецъ“ сватается къ дѣвицѣ, но она отказываетъ ему, и вотъ на какомъ резонномъ основаніи:

„Я слышала, мальчикъ, про тебя,
Что ты, малый, плутовать,
Часто ходишь во кабакъ,
Зеленое вино пьешь,
Жену понапрасну бьешь:
Ступай, жена, во кабакъ,
Выкунай мой синій халатъ!“

То есть, это въ томъ смыслѣ, что въ перспективѣ семейнаго счастья съ „щегольцемъ“ выкупъ его франтовскаго „синяго халата“ изъ кабака имѣетъ составить одну изъ главнѣйшихъ заботъ нѣжно любимой супруги... Такихъ пѣсень можно бы подобрать много.

Мы упомянули выше, что всѣ эти сыны народа, деморализированные городомъ или фабрикой, не въ состояніи критически разобратъ въ томъ хаосѣ коверкающихъ ихъ внѣшній и внутренній обликъ и, въ большинствѣ случаевъ, развращающихъ впечатлѣній, понятій и привычекъ, которыя ими такъ жадно усваиваются подъ видомъ „образованности“. На самомъ дѣлѣ, положеніе вещей представляется нерѣдко въ болѣе безотрадномъ видѣ. У городского простолюдина и такъ называемаго „фабричнаго крестьянина“ не только не является никакой протестующей критики, никакихъ моральныхъ сдержекъ противъ засасывающей его смрадной тины городского распутства, разгула и суетности; но онъ видитъ въ нихъ, какъ бы, верхъ блаженства и житейской удачи, выше которыхъ ничего не остается желать. Онъ тщеславится не однѣми фасонистыми жилетками и „французскими“ рубашками, но и тѣмъ, на примѣръ, что онъ здоровъ выпить „до чертиковъ“, что онъ имѣетъ возможность бражничать и дебоширствовать по кабакамъ и трактирамъ съ утра до поздней ночи. По крайней мѣрѣ, такого рода отчаяннымъ хвастовствомъ, а если хотите — хвастливымъ отчаяньемъ проникнуты многія забубенныя фабричныя пѣсни, представляющія, вообще, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, одно изъ самыхъ глубоко-безобразныхъ проявленій искаженія народнаго пѣснотворчества. Для образчика и для подтвержденія сказаннаго сейчасъ, приводимъ одну фабричную пѣсню, записанную въ промышленной приволжской части Костромской губерніи.

„Бѣжить рѣчка по песку,
 Ко фабричному двору.
 Фабриканты (т. е. фабричные) музыканты,
 Хоть голы, да удалы;
 На рукахъ-то кандалы,
 На ногахъ-то сапоги —
 Много мудреные.
 Они ткутъ салфетки,
 Все на разныя на клѣтки;
 Они сукна спотыкали,
 Всѣ кафтаны сношивали.
 Намъ не дороги кафтаны —
 У насъ денежки въ карманѣ.
 Цѣлковые по кошпамъ
 Не даютъ спать по ночамъ.
 Въ полночь денежки гремятъ,
 Во кабакъ идти велятъ.
 Мы подходимъ къ кабаку,
 Цѣловальникъ на боку.
 Цѣловальникъ-маркитантъ,
 Отворяя новый кабакъ,
 Пускай бравыхъ ребятъ!
 Наливай вина осьмуху,
 Наберемъ его духу;
 Мы ударимъ Сашу въ ухо,
 Цѣловальника прибьемъ,
 Домой пьяные пойдемъ“ и т. д.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы вся эта кабачно-трактирная цивилизація, всѣ эти городскія франтовства, моды и „манерничанье“, сопровождаемыя распутствомъ, вовсе ужъ не встрѣчали осужденія и отрицанія въ средѣ самого народа, въ лицѣ лучшихъ его представителей. Напротивъ—народъ своимъ здоровымъ умомъ отлично постигъ цѣну всей этой фальшивой, гнилой „образованности“, такъ глубоко растлѣвающей и обезличивающей попадающую въ ея струю значительную часть его молодого поколѣнія, всегда и вездѣ жадно бросающагося на новинки и всего легче поддающагося нравственной порчѣ. Въ протестующихъ голосахъ здѣсь нѣтъ недостатка; но бѣда въ томъ, что они отрицаютъ эту деморализацію и отщепенство отъ родной „старинны“ городского мужика, во имя закоренѣлаго обскурантизма, и отрицаютъ ужъ всю дочиста новизну, безъ изыятія и безъ различія ея добра и зла. Отрицаніе и протестъ идутъ, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ отъ представителей старшихъ поколѣній, прошедшихъ суровую школу и воспитавшихся при иныхъ порядкахъ, возвращеніе которыхъ и невозможно и нежелательно ни въ какомъ случаѣ. Такимъ образомъ, у темныхъ и невѣжественныхъ народныхъ Катановъ — порицателей современныхъ новшествъ—идеалы назади, во тмѣ отжившей свой вѣкъ эпохи крѣпостного гнета, безправія и умственной косности. Не ихъ вина, конечно, что другихъ, лучшихъ идеаловъ исторія имъ не дала; но нельзя не признать и того, что, вслѣдствіе такой ветхой подделки ихъ „учительная“, протестующая новизнѣ проповѣдь лишена всякой убѣдительности и всякаго права на чью бы ни было симпатію.

Съ однимъ изъ выразителей этого протеста современнымъ порядкамъ и новшествамъ, со стороны „отцовъ“ деревни, мнѣ удалось довольно близко сойтись нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это былъ полуслѣпой старикъ — крестьянинъ Богородскаго уѣзда (Савелій Яковлевъ), по профессіи нищій, нѣчто въ родѣ калики переходжаго, пріобрѣтшій извѣстность въ своемъ околоткѣ стихотворнымъ импровизаторствомъ. Граматы онъ не зналъ и передавалъ свои многочисленныя стихотворенія наизусть, благодаря необыкновенно обширной и твердой памяти. Кто-то на родинѣ надумилъ его отправиться въ Петербургъ — удивить сильныхъ міра сего своимъ самороднымъ талантомъ, въ чаяніи великія и богатая милости. Старика, какъ и слѣдовало ожидать, постигло жестокое разочарованіе. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ на первыхъ же шагахъ своего вдохновеннаго посланничества встрѣтилъ несчастное „пресѣченіе“ и.... очутился въ пересыльной тюрьмѣ, откуда его, раба Божія, недолгъ препроводили по этапу на мѣсто жительства. Тѣмъ не менѣе, тюремное начальство обратило на чудака вниманіе и, благодаря любезности одного изъ директоровъ тюремнаго комитета, познакомился съ нимъ и я. Старикъ отличался бойкостью и чрезвычайной общительностью, свидѣтельствовавшими, что онъ человѣкъ бывалый, какъ говорится—тертый калачъ, сталкивавшійся

со всевозможнымъ людямъ. По первому-же предложенію, онъ сталъ декламировать свои самодѣльные рапсодіи и, въ нѣсколько встрѣчъ, пересказалъ намъ ихъ невообразимое множество. Записывать ихъ всѣ не было ни какой возможности, да и не стоило: необыкновенная плодovitость нашего импровизатора далеко превосходила его искусство. Дарованія въ немъ не ощущалось ни искорки, какъ отсутствовало и слуховое чутье версификаціи. Стихи его, лишенные размѣра, только тѣмъ и смахивали на стихи, что заканчивались отлагольными рифмами, да и то черезъ пятое—десятое. Складъ и языкъ—порченные книжные, безъ всякой самобытности и силы, такъ что, въ совокупности, я имѣлъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ продуктовъ, давно выслѣживаемаго мною, современнаго искаженія народнаго пѣснотворчества, какъ увидимъ сейчасъ.

Характеристично было въ стихахъ Яковлева то, что всѣ они, съ претензіей на сатиру и дидактику, обличали разныя стороны современнаго быта и нравовъ крестьянства пореформенной эпохи. Наблюдая указанные здѣсь нами факты деморализаціи промышленнаго крестьянина, его страстишку къ франтовству и модничанью, къ трактиру, гульбѣ и пр., нашъ доморощенный Ювеналъ усмотрѣлъ корень всему злу въ волѣ.

„Какъ крестьяне волю получили,
То себя больше къ пьянству приучили;
Нынѣ крестьяне живутъ—не робѣютъ,
А себѣ добра не прочать, не радѣютъ,
Кто для себя добываетъ,
И то все на вино пропиваетъ“...

Отсюда бѣдность и, въ то время какъ женщины—крестьянки ходятъ по міру,—

„Всѣ трактиры, кабаки
Занимаютъ деревенски дураки“.

Да еще мало того, что „дураки“ сами пьянствуютъ—они и „женъ вино пить принуждаютъ“, а

„Если которая не хочетъ пить,
То ее начинаютъ кулаками бить;
А пная баба тому дѣлу рада,
Тутъ-же съ мужемъ напивается до пьяна...
Отъ этой воли
Стали крестьяне пить вина довольи;
Оттого получаютъ многія скорби и боли“ и т. д.

Авторъ, повторивъ свое умозаключеніе о результатахъ „воли“, кончаетъ дешевымъ морализированіемъ о душевредности пьянства, не говоря уже о томъ, что многіе „дураки“ въ пьяномъ видѣ руки и ноги себѣ отмораживаютъ, а случается — „и совсѣмъ замерзаютъ—помираютъ“...

Не избѣжало обличительныхъ стрѣлъ нашего рапсода и пристрастіе деревенской молодежи къ франтовству и модничанью. Эту сто-

рону современной порчи крестьянскихъ нравовъ, получившей начало отъ „воли“, онъ изобличилъ, между прочимъ, въ стихотвореніи, имъ самимъ названномъ: „Карнолинъ“ (т. е. кринолинъ).

„Новая мода
Для женскаго рода“

вышла, что дѣвка, вмѣсто чепца, носить чужія косы, а вмѣсто юбки—
желѣзные обручи; вслѣдствіе чего—

„Если кто къ ней доткнется,
То карнолинъ сомнется;
А сатана гордится,
Какъ магнитъ, къ себѣ желѣзо привлекаетъ“...

Слѣдуетъ довольно не складная аллегорія въ томъ смыслѣ, что женщина, одѣвшись въ желѣзный „карнолинъ“, тѣмъ самымъ какъ-бы намагничивается сатанинской „прелестью“ и втягивается во адъ— на муку вѣчную.

Въ другомъ стихотвореніи, которое Савелій особенно рекомендовалъ нашему вниманію, назвавъ его, почему-то, „духовнымъ“, онъ постарался обобщить свои наблюденія надъ современной суетой суетствій, въ сопоставленіи съ одушевляющимъ его религіозно-нравственнымъ идеаломъ. Онъ заставляетъ современнаго, разнузданнаго „волею“ крестьянина какъ-бы исповѣдаться въ своихъ прегрѣшеніяхъ и покаяться предъ Всевышнимъ Судією:

„Нынѣ я себя предать забавамъ,
Жизнь свою веду въ бесѣдахъ
И въ мірскихъ суетахъ.
Я всегда въ развратѣ пребываю,
А блаженство забываю...“

.....
Пьянствомъ тѣло свое наслаждаю,
Празднославіе творю
И неправду говорю,
Чѣмъ работаю грѣху
И лукавому врагу“...

Идетъ въ такомъ порядкѣ, съ повтореніями и усугубленіями, длинное исчисленіе различныхъ пороковъ и грѣховностей предавшагося „забавамъ“ и „суетамъ“ деревенскаго „вольнаго“ человѣка, пока, наконецъ, ему не приходитъ „вдругъ“ мысль въ голову о судѣ Божіемъ и о загробной жизни. Тутъ его душу начинаетъ удручать вопросъ—къ чему онъ долженъ себя готовить: „къ радости-ли вѣчной, или къ мукъ безконечной“? Конечно, вопросъ рѣшается въ интересѣ „радости вѣчной“, и навращающійся на путь истины грѣшникъ даетъ себѣ обѣтъ:

„Того ради, не мало тужить,
И горевати,
Крѣпко уповати,
Плакать и рыдати,
Въ печали пребывати,
Имя Божье призывать“,—

все это въ надеждѣ, что Господь, въ своемъ милосердіи, призритъ и проститъ покаявшагося и въ свои „небесныя чертоги водворитъ“...

Философія извѣстная, и какъ она, сама по себѣ, не безхитростна, но на ней крѣпко зиждется міровоззрѣніе деревенскихъ „стариковъ“. Другой у нихъ нѣтъ, да и ее, пожалуй, совершенно пока достаточно для аргументаціи того отрицанія тронувшихъ деревню „суеть“ и „забавъ“, которое вдохновило нашего пріятеля Савелія Яковлева. Въ этомъ-то отношеніи онъ представляетъ собою весьма характеристическое явленіе; ибо, несомнѣнно, въ его стихахъ, не смотря на всю ихъ нехудожественность и плоховатость, выразился, такъ или иначе, отрицательно—„охранительный“ взглядъ „отцовъ“ деревни на новые „порядки“ или, точнѣе сказать, на ихъ слабую сторону, на всю, сопровождающую ихъ примѣненіе, по фатальному ходу цивилизаціи, нравственную порчу, обезличеніе и отщепенство отъ своего родного, въ чемъ изобличается вновь формирующійся типъ „образованнаго“ мужика. Савелій Яковлевъ является вѣрнымъ отголоскомъ деревенскихъ консерваторовъ даже и въ основной точкѣ отправленія своихъ обличеній—именно, что всему злу корень—„воля“, т. е. освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Кто, сталкиваясь съ степенными „стариками“ деревни, не слышалъ такихъ-же жалобъ на „волю“, со времени полученія которой мужикъ-де „избаловался“, пропился и обѣднѣлъ въ конецъ? Это еще недавно былъ общій голосъ деревенскихъ консерваторовъ. И оно понятно—почему. Простой эмпирический умъ крестьянина не могъ разобраться въ хаосѣ той перетасовки отношеній и положеній, которая, естественнымъ порядкомъ, возникла повсюду на Руси съ момента великой крестьянской реформы, онъ не могъ добраться до отдаленныхъ коренныхъ причинъ общей застарѣлой неладицы, а потому и приурочилъ ея источникъ къ моменту ломки стараго, безобразнаго порядка. Моментомъ этимъ было дарованіе „воли“, съ представленіемъ о которой Савелій Яковлевъ и связали, не мудрствуя лукаво, начало всѣхъ довлѣющихъ днѣи крестьянскихъ „скорбей и болей“.

Я вдался въ эти нѣсколько общія соображенія, потому что предметъ моего бѣлаго и скромнаго изслѣдованія соприкасается съ самыми важными и глубокими измѣненіями всего народнаго быта, подѣ влияніемъ какъ благотворныхъ, такъ и отрицательныхъ наносовъ всего того, что принято называть цивилизаціей. Пѣсня народная, въ данномъ отношеніи,—зеркало народной фізіономіи, внѣшней и внутренней.

Искажается фізіономія—искажается и пѣсня, искажается, какъ мы видѣли, и само пѣснотворчество, какъ органъ—пока единственный—выраженія народнаго духа, народной думы. Изучая народныя пѣсни, сложившіяся за данную эпоху, мы изучаемъ этимъ самымъ и всю эпоху въ области народной жизни, въ ея сокровеннѣйшихъ деталяхъ, часто ускользающихъ отъ глаза историковъ... Впрочемъ, это нынѣ уже

„общее мѣсто“, хотя нельзя не сказать, что для научной разработки нашего народовѣдѣнія на этой богатой почвѣ сдѣлано у насъ пока еще не много.

Мнѣ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно формы разсмотрѣнныхъ продуктовъ новѣйшаго искаженнаго народнаго пѣснотворчества. Скажемъ коротко: она также не благозвучна, фальшива и искусственна, какъ и само содержаніе пѣсенъ,—да это иначе и не могло-бы быть. Особенно жалкими и несимпатичными кажутся всѣ эти новѣйшіе куплетики и рапсодіи, со стороны формы, по сравненію съ старинными русскими пѣснями и былинами, съ ихъ могучимъ, дивно-картиннымъ языкомъ и съ ихъ гармоничной текучестью тона.

Въ языкѣ новой пѣсни можно различать два оттѣнка: одинъ — топорная грубость, вульгарность и неуклюжесть въ выраженіяхъ и оборотахъ (языкъ, напр., фабричныхъ, бурлацкихъ и солдатскихъ пѣсенъ); другой—поддѣлка и заимствованіе книжныхъ формъ очень дурного выбора и, при этомъ, какая-то пошлая вычурность и слащавость въ словечкахъ и въ тонѣ. Таковы, по преимуществу, „романсы“, распространенные по Руси лакействомъ, у котораго въ барскихъ переднихъ всегда было слишкомъ достаточно и досуговъ и вдохновительныхъ высокихъ образцовъ, чтобы изъ среды его выдѣлялись самодѣльные пѣвцы и стиходѣи.

Въ пѣсняхъ послѣдней категоріи встрѣчаются нерѣдко цѣлыя стихи и строфы—разумѣется, искаженные, изъ разныхъ наиболѣ популярныя стихотвореній книжной поэзіи; бываетъ что такое стихотвореніе взято все цѣликомъ, но въ такомъ исковерканномъ видѣ, что въ немъ не сразу нащупаешь оригиналъ. Вотъ для примѣра, нѣсколько образчиковъ.

Въ Петербургѣ одинъ неграмотный подмастерье пропѣлъ намъ разъ пушкинскихъ „Братьевъ-разбойниковъ“ въ такой „вольной“ передѣлкѣ:

„Насъ было трое: братъ да я,
Да сабля вострая моя...
Съ младости вскормила насъ чуждая семья
И взяла насъ непомѣрная зависть.
Бросили мы хлѣбонашество“,

и т. д., все въ томъ же непринужденномъ родѣ. Оказалось, что оригиналъ стихотворенія пѣвецъ слыхомъ не слыхалъ, да и не зналъ даже, что это онъ Пушкина „своими словами“ пересказываетъ.

Въ Саратовской губерніи одинъ собиратель записалъ изъ устъ „народа“ въ такомъ же родѣ передѣлку другого общеизвѣстнаго стихотворенія:

„Ночною темнотою
Всѣ покрылись небеса.
Люди для покою
Всѣ сомкнули глаза.

Внезапно кто-то постучалъ
И сонъ пріятный перервалъ“ и т. д.

Весьма популярный въ свое время, старый романсъ: „Куда ты, ангелъ мой, стремишься на тотъ погибельный Кавказъ“, въ устахъ одной тверской крестьянки явился къ нашимъ услугамъ въ такомъ видѣ:

„Куда краса моя дѣвалась
На тотъ погибельный Кавказъ...
Оттирайте очи и тоску—
Оттуль назадъ ее не воротить“, и т. д.

Такихъ „заимствованій“ и „вольныхъ“ передѣлокъ въ народѣ ходитъ безчисленное множество, а частію попадаетъ и въ московскіе печатные пѣсенники.

Подобно тому, какъ городскіе „образованные“ простолюдины въ особенности, почему-то, кучера любятъ во время пѣнія, „для нѣжности“, самымъ неправдоподобнымъ манеромъ утончать свой голосъ до пронзительности комариной фистулы, точно также, ради „нѣжности“ и чувствительности, пѣсни разсматриваемой категоріи часто оснащаются разными затѣйливыми и слащаво-уменьшительными словечками, какъ то: „Машерочка“ или „Машеринька“ (очевидно, отъ французскаго: ma chère), „дѣвченочка“, „несчастненькая дѣвченочка“, „мальчикъ“, „бѣдненькой мальчишечка“, „пастушечекъ“, „купидончикъ“ и т. п. При этомъ, для большей выразительности, нерѣдко словечки эти въ пѣніи произносятся съ томнымъ пришепетываньемъ и присюсюкиваньемъ.

Бываетъ, впрочемъ, и наоборотъ: пѣвецъ, желая елико возможно возвеличить чествуемую особу, прибавляетъ къ ея полному имени какой нибудь звучный и мудреный придатокъ, напр.: фонъ или деръ—„деръ Елизавета Ивановна“, какъ это слышалъ одинъ наблюдатель въ мѣщанскихъ пѣсняхъ Приволжья.

„Фонъ“ и „деръ“ по крайней мѣрѣ, понятны для насъ и мы можемъ, такъ-сякъ, объяснить себѣ ихъ происхождение; но страсть къ хитрымъ, нерусскимъ словечкамъ у новѣйшихъ пѣснеслагателей изъ среды „образованнаго“ простонародья изобрѣтаетъ нерѣдко такіа слова и цѣлыя рѣченія, которыя и совершенно бессмысленны, и ни къ какому иностранному языку не могутъ быть приурочены.

Не далѣе, какъ по запрошлымъ лѣтомъ одна бойкая и шустрая вышневолоцкая торговка—кружевница позволила намъ записать съ ея словъ такого рода, напр., непостижимую белиберду:

....„Встрахнись пастушка, улыбнись,
Улыбнись, какъ радость...
Что сказалъ тебѣ аленгардъ?—
Брестъ какъ Парижъ дадутъ:
Брестики—татаринъ;
Онъ не нѣмецъ, не французъ,
А онъ англичанинъ...

Ерарфера мартъ апрѣль,
Ваерварчики мон...
Что ты Дуня мылась,
Звонко колотилась...
Ай люли, малинка моя!
Ай люли, калинка моя“!

Знакомка наша—замѣтимъ, баба вовсе не глупая, бывалая и разбитная, притомъ и пѣть большая охотница—сообщила намъ чуть не весь свой репертуаръ, и изъ ея пѣсенъ, за исключеніемъ только нѣсколькихъ общезвѣстныхъ, мы рѣшительно ни въ одной не могли добраться до какого нибудь человѣческаго смысла. Кромѣ вставки нелѣпныхъ словъ, въ родѣ вышеприведенныхъ, она перепутывала стихи и строфы разныхъ пѣсенъ, съ придачей импровизированныхъ варіацій, такимъ образомъ, что изъ всего этого выходило какое то ни съ чѣмъ несообразное кружѣво. Можно было бы подумать, что лукавая баба съ умысломъ дурачить насъ, издѣваясь надъ нашей любознательностью; но ничего похожаго на это не было, да, къ тому-жъ, она представляла собою далеко не единственный примѣръ такого вольнаго обращенія съ поэзіей и такой изобрѣтательности въ наборѣ нелѣпныхъ тарабарскихъ рѣченій и словъ.

Извѣстный знатокъ мѣщанскаго быта, П. А. Зарубинъ, засвидѣтельствовавъ, что подобное искаженіе языка и пѣснотворчества—вещь самая обыкновенная въ низшей полуобразованной средѣ народа и что употребленіе бессмысленныхъ словъ признается въ ней своего рода щегольствомъ и признакомъ высшаго тона, приводитъ слѣдующій, записанный имъ образчикъ этой новомодной поэзіи:

„Чинги дрынги мой фетонъ,
Чинги дрынги фарафонъ,
Потри гирди гирь гирде,
Вовторыныхъ, вошгирде,
При-да, при долиня, тахъ-тахъ-тинушкѣ,
На дорожкѣ, при долинушкѣ“.

Такія-же изысканно-кудреватая куплетики есть и въ сборникѣ Шейна. Конечно, все это продукты доведеннаго до пресыщенія обезьянничества, весьма аналогичнаго съ тѣмъ, которымъ еще не очень давно болѣла и наша интеллигенція, стыдившаяся всего родного, русскаго и коверкавшая свой языкъ парижскимъ бульварнымъ жаргономъ...

Вл. Михневичъ.

ПОГИБАЮЩАЯ РУССКАЯ СИЛА.

(Письмо къ №№) ¹⁾.

ВЫ ГОВОРИТЕ: „надо презирать нигилизмъ“. Вы ошибаетесь. Со всѣми своими недостатками и увлеченіями, нигилизмъ есть продуктъ русскаго общества и русской исторіи. Извѣстная часть отвѣтственности должна быть снята съ отдѣльных лицъ и возложена на тотъ разумный и одушевленный механизмъ, который называется государствомъ и обществомъ. Слѣдовательно—вы должны съ этимъ согласиться—презирать нигилизмъ, значило бы, въ лицѣ дѣтей, выказывать презрѣніе къ самому себѣ. И тотъ народъ, который по отношенію къ своимъ даже прочнымъ дѣтямъ находитъ въ себѣ не сожалѣніе о блудномъ сынѣ, не нравственную мощь для ихъ исправленія, не слезы о погибшихъ силахъ, а только чувство мести и презрѣнія... самъ заслуживалъ бы, по меньшей мѣрѣ, сожалѣнія.

Уже и теперъ нигилистическаго взгляда на вещи придерживается много людей непреклонной честности, сильнаго характера, не отступающихъ передъ самопожертвованіемъ (какъ бы оно ни было велико). Всего этого, можетъ быть, недостаточно для того чтобы искупить ошибки? Но развѣ наше безцвѣтное общество такъ богато этими свойствами, что мы можемъ равнодушно уступать людей, въ высшей степени ими одаренныхъ, всякому сумасбродному ученію, которое, благодаря невыгодной исторической обстановкѣ, заведется на Святой Руси?

¹⁾ Письмо г. Уманца затрогиваетъ весьма важный общественный вопросъ, на который у каждаго мыслящаго человѣка, безъ сомнѣнія, сложились свой взглядъ. Хотя нѣкоторые положенія г. Уманца и могутъ быть оспариваемы, но мы печатаемъ это письмо уже потому, что оно разсматриваетъ вопросъ съ нетронутой до сихъ поръ точки. При этомъ, мы просимъ у почтеннаго автора извиненія въ томъ, что, по необходимости, должны были сократить его письмо. Ред.

Вы смотрите на нигилизмъ, какъ на явленіе новѣйшей русской исторіи, не имѣющее прочныхъ корней въ обществѣ. Но замѣтили ли вы, что нигилизмъ не стоитъ одиноко на пространствѣ десяти вѣковъ нашей государственной жизни? Религіозный расколъ XVII, XVIII и XIX вѣка—родной братъ нигилизма. И здѣсь, и тамъ—непреклонная энергія воли и болѣзненное заблужденіе ума, безпощадное отношеніе къ дѣйствительности и неспособность выработать лучшую дѣйствительность; доходящая до героизма высота нравственныхъ побужденій и доходящее до невмѣняемости отрицаніе установленной нравственности; борьба изъ за правъ личности и поруганіе этой самой личности въ теоріи „устраненія“ всѣхъ опасныхъ людей, въ принудительномъ саможигательствѣ и насильственной голодной смерти.

Возведеніе родословной нигилизма къ протопопу Авакуму и Башкину можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Вы мнѣ возразите: „тамъ борьба за вѣру, здѣсь отрицаніе всякой вѣры“. Но не надобно смѣшивать вопросъ о религіи съ вопросомъ о томъ, кто какой держится вѣры. Безъ вѣры человекъ жить не можетъ, даже если бы онъ былъ болѣе іезуитъ, чѣмъ самъ Лойола и болѣе атеистъ, чѣмъ самъ Вольтеръ (если только Вольтеръ былъ атеистомъ?) Вѣра найдетъ себѣ уголокъ въ самомъ безвѣріи. Нигилизмъ есть также фанатическая борьба изъ за страстнаго желанія вѣрить во что нибудь, какъ и расколъ. Въ нигилизмѣ и расколѣ общая болѣзнь цѣлаго типа русскихъ людей принимаетъ только ту или другую форму, совершенно условіямъ времени и среды. Подобно тому, какъ нервное разстройство на одномъ субъектѣ отражается одышкой, а на другомъ пляской св. Витта, такъ и стѣсненіе земской жизни въ XVII и XVIII вѣкахъ вызвало религіозный расколъ, а въ XIX—расколъ социальный—нигилизмъ.

(Во избѣжаніе недоразумѣній, позвольте мнѣ сдѣлать слѣдующую оговорку. Подъ словомъ „расколъ“ въ настоящемъ письмѣ я подразумѣваю не тотъ здоровый церковный рационализмъ, который, въ сущности, составляетъ необходимую принадлежность православія, а тѣ фанатическія ученія, которыя не мирятся не только съ господствующею церковью, но и съ здравымъ смысломъ: хлысты, скопцы, бѣгуны, наполеоновщина и проч.).

Я продолжаю. Въ самомъ дѣлѣ, не исправленіе же церковныхъ книгъ Никономъ привело насъ къ расколу. Цѣлыя столѣтія работали надъ народнымъ умомъ для того, чтобы преобразовать свѣтлое настроеніе русскаго народа, создавшее эпоху „Пѣсни о полку Игоревѣ“, въ безотрадный обскурантизмъ, когда даже попытка исправить типографскія опечатки вызываетъ тупую, но непреклонную оппозицію. Цѣлая вереница историческихъ явленій (одно другого печальнѣй) предшествовала расколу и готовила народный умъ и чувство къ его принятію. Неразлучный съ величіемъ Москвы упадокъ образованія вообще, безнравственное царствованіе Ивана Грознаго, разрушившее

въ русскомъ обществѣ вѣру въ идеаль и сознаніе человѣческаго достоинства, приказное отношеніе государства къ народу, крѣпостная зависимость рабочаго класса и т. п.—вотъ предтечи раскола. На цинизмъ высшаго историческаго персонала, русское общество отвѣчало цинизмомъ передового народнаго слоя и примкнувшей къ нему интеллигенціи. Противъ „опричины“ заѣдавшей „земство“ русская исторія выдвинула „воровскихъ людей“, которые одинаково отрицали и „опричину“ и „земство“. Отсюда—первозданная эпоха русскаго нигилизма и раскола. Смотри потому, что было ближе: разбойничій атаманъ, или раскольникій начетчикъ, Дикое Поле или Бѣлое Море, приволье низовьевъ Волги, или унылая сѣверная природа—одни уходили въ казачество (свѣтская форма идеи раскола), другіе въ расколъ (религіозная форма древняго нигилизма). Часто оба теченія соединялись въ одинъ бурный и мутный потокъ.

Таковъ корень этой несчастной способности русскаго ума, которая однимъ крыломъ тянетъ его къ безграничной идеализаціи, а другимъ граничить съ отрицаніемъ „всего святаго“ и для которой, не такъ давно придумано слово „нигилизмъ“.

Вы говорите о какихъ то цѣляхъ современнаго нигилизма. Я ихъ отрицаю. Существуютъ болѣе или менѣе яркіе фокусы увлеченій, но сознательной цѣли нѣтъ. Нигилизмъ, какъ и расколъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть общей цѣли, органически развивающагося плана. Суть нигилизма, точно также, какъ и сущность раскола, заключается не въ случайныхъ теоріяхъ вырабатываемыхъ дѣятелями партіи, а въ общей манерѣ относиться къ жизненнымъ вопросамъ, въ исключительномъ „углѣ зрѣнія“, въ этомъ, если можно такъ выразиться, прирожденномъ нравственномъ косоглазій. Можно ли говорить о цѣляхъ тамъ, гдѣ часто самый здравый смыслъ „для краткости пропущенъ“ и гдѣ, во всякомъ случаѣ, отсутствуетъ многосторонній опытъ и спойное обсужденіе?

Да, намъ прежде всего не достаѣтъ опыта общественной дѣятельности.

Говорятъ, что способность узнавать разстоянія предметовъ, отличать близкіе отъ болѣе отдаленныхъ, соразмѣрять свои усилія со степенью достижимости, являются въ человѣкѣ не вдругъ, а приобретаются постепенно путемъ опыта. Лишите человѣка возможности дѣятельнаго отношенія къ жизни—онъ никогда не научится жить.

Нѣчто подобное случилось съ древнимъ и новымъ русскимъ чело-вѣкомъ. Исторія показываетъ, что у насъ всегда была сильна партія либеральныхъ инстинктовъ; она въ особенности усилилась послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Либеральныя идеи сразу пустили глубокие корни въ русскомъ обществѣ. Но самый честный либерализмъ, заключенный въ безвоздушное пространство—вещь опасная. Онъ опасенъ не для государства и общества (которые всегда имѣютъ довольно средствъ, чтобы отдѣлаться отъ досадныхъ людей), а для самаго

адепта либеральной идеи. Этот изолированный от практической жизни либерализм создает цѣлую массу односторонностей и увлеченій, которыхъ не было бы, если бы либерализмъ не только имѣлъ возможность предаваться безплоднымъ мечтамъ, но и былъ бы поставленъ въ необходимость непрерывно повѣрять свою абстрактную теорію практическими столкновениями съ жизнью.

И такъ, расколъ и нигилизмъ надо разсматривать не съ точки зрѣнія теоріи, но исключительно съ точки зрѣнія инстинктивного протеста, выработаннаго ненормальнымъ ходомъ историческаго развитія русскаго народа съ одной стороны, и ненормальнымъ состояніемъ современнаго общества—съ другой.

Вы полагаете, что если въ прежнее время было основаніе для грознаго, всеуничтожающаго протеста, то это время, слава Богу, давно миновало. „Теперь нѣтъ поводовъ становиться на дыбы“. Но не забывайте трехъ вещей. Первое—нравственное уродство, вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ условій пріобрѣтшее извѣстную степень устойчивости въ русской натурѣ, не можетъ исчезнуть при первыхъ признакахъ ослабленія этихъ условій; второе—всякая историческая неправда отражается не только на васъ, „но и на чадахъ вашихъ“ и, наконецъ, третье, по мѣрѣ приближенія къ цѣли вырастаетъ желаніе ее достигнуть.

Не только нельзя презирать нигилизмъ, какъ вы совѣтуете, но самое простое благоразуміе заставляетъ его бояться. Опасность заключается не въ социалистическихъ ученіяхъ и революціонной пропагандѣ (и то, и другое, только въ одной Россіи еще считается диковинкой), а въ томъ, что нигилизмъ, какъ нѣкогда расколъ, и подобно всѣмъ умственнымъ эпидеміямъ, поражающимъ человѣчество, захватываетъ молодыя силы общества, извращаетъ нравственное чутье народа, распространяется въ геометрической прогрессіи и, въ концѣ концовъ, можетъ отразиться подавляющимъ образомъ на будущихъ поколѣніяхъ и на всей русской исторіи.

Нигилисты сходятъ со сцены не опуская головы, съ вызывающимъ лицомъ. Между строками каждаго изъ ихъ заявленій, въ тонѣ каждаго слова читается глубокая увѣренность:

„На наше мѣсто люди будутъ“...

И дѣйствительно,—не успѣла сойти со сцены одна фаланга нигилистовъ, на смѣну является новый проступокъ, для того чтобы дать мѣсто новому политическому процессу. Сцена постоянно занята и драматическія роли разбираются на расхватъ. Уже и теперь нигилизмъ могъ бы сказать о себѣ словами Тертуліана: „Мы—люди новыя, но и теперь мы уже наполняемъ все—ваши города, острова, виллы, деревни, ваши совѣты, вашъ лагерь, ваши трибы, ваши куріи, и публичныя площади... Если бы природа покрыла человѣческое сердце прозрачнымъ покровомъ, можно бы прочесть въ сердцахъ римлянъ предметы ихъ сокровенныхъ желаній“...

Но развитіе нигилистической наклонности русскаго ума—еще не самое печальное въ исторіи цивилизаціи русскаго народа. Самая при- скорбная сторона вопроса въ томъ, что нигилистическое направленіе, усиливаясь и приобрьтая все болѣе и болѣе эпидемическій характеръ, мелѣетъ и опошляется, ничего однако не теряя черезъ это измель- чаніе изъ запаса своего вреднаго вліянія на общество. (Новый фактъ для паралели нигилизма съ расколомъ). Оно и понятно. Люди, впер- вые пришедшіе къ нигилистическому выводу въ религіи и политикѣ, должны были обладать извѣстной силой и оригинальностію ума; люди впослѣдствіи присоединившіеся къ этому направленію могли обладать только достаточнымъ количествомъ энтузіазма и увлеченія; тотъ, кто первый, рискуя всѣмъ, провозгласилъ безпощадный выводъ, не могъ обойтись безъ чувства долга и гражданскаго мужества, хотя бы и ложно направленнаго; тотъ, кто впослѣдствіи присталъ къ модному теченію, могъ обойтись одной только способностью повторять чужія слова; надобенъ основательный критическій талантъ для того, чтобы выработать отрицательную теорію; довольно простого отсутствія кри- тическаго взгляда для того, чтобы идти по битой дорогѣ; чтобы вскормить въ себѣ то титаническое ожесточеніе, которымъ отличается первый слой раскола и нигилизма, надобно было вынести много стра- даній; но простого тупоумія достаточно для того чтобы взять на про- катъ костюмъ Робеспьера или Марата; чтобы прійти къ блестящему софизму надобны блестящія умственныя способности; довольно одного только невѣжества для того, чтобы, не задумываясь долго, порѣшить установившіяся нравственныя понятія, государство и законъ, бракъ и собственность, Бога и искусства.

Поглотивъ массу общественной посредственности, нигилистическое направленіе само понизилось до уровня посредственности; измельчаніе нигилизма дошло, въ настоящее время, до того, что онъ чувствуетъ въ себѣ силу и умѣнье будить только обыденныя страсти, взывать только къ матеріальнымъ интересамъ большинства, увлекать толпу только кабацкой риторикой. Нигилизмъ—какъ нѣкогда расколъ—на- чавъ „во здравіе“, свелъ подъ конецъ „на упокой“.

Но, чѣмъ болѣе мелѣетъ нигилизмъ, чѣмъ болѣе онъ становится по плечу... „симъ людишкамъ, которые вмѣняютъ себѣ за стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія“,—тѣмъ онъ труднѣй для борьбы, тѣмъ онъ опаснѣй для общества. Родоначальники отрицательнаго на- правленія взвѣшивали всякій доводъ своей системы, но никогда не рѣшились бы приступить къ убійству людей; ихъ духовное потомство сначала составляетъ списки людей, которыхъ надо „устранить“, а потомъ уже предполагаетъ выбрать удобную минуту, чтобы заняться „разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя“; первые добивались ради- кальнѣйшей въ мірѣ конституціи; вторые понимаютъ только тероръ; если первые, въ лицѣ Базарова, напоминаютъ титановъ мысли, ста- вившихъ человѣчество на новую дорогу, то вторые, безсознательно

довольствуясь ролью agents provocateurs французской имперіи, заставляют испуганное русское общество идти въ объятія ретроградовъ, а сами просятъ подъ евангельскій текстъ: „прости имъ Господи, не вѣдаютъ бо что творятъ“...

Если умственное превосходство и жизненный опытъ „предковъ“ нигилизма ручались обществу въ томъ, что направленіе партіи будетъ удержано въ границахъ здраваго смысла и нравственности, то дюжинная натура и отчаянная молодость „внуковъ“, не дадутъ обществу гарантіи противъ какого бы то ни было сумасбродства. Современная нигилистическая среда, съ ея „фигурнымъ бракомъ“, „цѣлью оправдывающаго средства“ и виньеткой изъ револьвера и топора,—это такая почва, на которой не всегда можно отличить фанатическую посредственность отъ абсолютной глупости.

То же пониженіе умственнаго и нравственнаго уровня замѣчается и въ русскомъ расколѣ.

Трудно угадать, куда пойдетъ человѣческое заблужденіе послѣ идеализаціи Разина и Пугачева, отождествленія себя съ божествомъ и апостолами, и сравненія Шекспира съ сапогами... Вы полагаете, что все это—черты достойныя Аристофана. Но сатира не беретъ дитяти, больного и сумасшедшаго. Здѣсь огонь ироніи потушенъ слезой.

По нашему мнѣнію, не казнь и не всепрощеніе могутъ вызвать реакцію и возстановить въ обществѣ нормальное движеніе соковъ. Полиція не въ состояніи оградить общественные порядки тамъ, гдѣ въ заговоръ вступаютъ ходячія идеи и жгучіе интересы. Для борьбы съ общественною болѣзнью необходимо дѣятельное участіе общественныхъ силъ...

6. Уманецъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ІОАННА, БЫВШАГО ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО.

ИЗВѢСТНЫЙ ученый духовный писатель, епископъ смоленскій Іоаннъ Соколовъ, умершій въ 1869 году, былъ сперва бакалавромъ, потомъ инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи и цензоромъ сочиненій духовнаго содержания. Онъ занимался по преимуществу каноническимъ правомъ и за свое сочиненіе „Опытъ церковнаго законовѣдѣнія“ удостоенъ былъ св. синодомъ степени доктора богословія, что считалось великой рѣдкостью въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Затѣмъ онъ много напечаталъ статей по каноническому праву въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, изъ которыхъ можно бы составить нѣсколько томовъ. Отличаясь громадной начитанностью и ученой эрудиціей, онъ справедливо можетъ стоять наряду съ первоклассными русскими духовными писателями.

Личность Іоанна была въ высшей степени невзрачная; онъ напоминалъ своей фигурой тщедушнаго литовскаго еврея: человѣчекъ некрасивый и самаго малаго роста, съ рыжими, рѣдкими и короткими волосами, вѣчно всклооченными, и тощей бородой,—онъ сразу отталкивалъ отъ себя всякаго встрѣчнаго. Болѣзненный, раздражительный и жолчный, онъ всегда возбуждалъ чувство неудовольствія къ себѣ, и какъ будто добивался этого впечатлѣнія. Эти душевныя черты ярко написаны были на его желтомъ худощавомъ лицѣ, съ широкимъ, неправильнымъ, шишковатымъ лбомъ. Монашескій клобукъ онъ надѣвалъ высоко, оставляя лобъ открытымъ, какъ англичанинъ носить свою шляпу; чтобы казаться представительнымъ, онъ приказывалъ шить себѣ особаго рода сапоги, у которыхъ наружные каблучки доходили до двухъ вершковъ и такой же высоты дѣлались внутри сапогъ пробковыя подкладки подъ пятками. Когда о. Іоаннъ выходилъ официально въ этихъ знаменитыхъ сапогахъ, онъ неимоვნно стучалъ

каблуками, шелъ медленно и развалисто: очевидно, онъ прикасался къ полу только концами большихъ пальцевъ ногъ, какъ обыкновенно продѣлываютъ танцовщицы въ театрѣ безъ подкладокъ.

Смѣшными и забавными представлялись эти кокетливыя попользованія въ строго-ученомъ и аскетическомъ человѣкѣ, который презиралъ чуть ли не половину міра и злостно смѣялся надъ модными вертопрахами и франтихами.

Голосъ Іоанна былъ глухой и заявлялъ о слабости груди, но выговоръ его былъ энергическій и отчетливый, хотя медленный, съ постояннымъ оттѣнкомъ сарказма и презрѣнія. Этотъ оттѣнокъ слышался въ его тонѣ даже при богослуженіи, особенно когда онъ небрежно произносилъ слова: »Миръ всѣмъ!..“

О. Іоаннъ велъ строго аскетическую жизнь, поневолѣ или лучше сказать—по разстройству своего организма; но эта жизнь была очень оригинальна: молиться долго онъ не любилъ, даже въ церкви, и обѣдя при немъ должна была совершаться около часу; по крайней мѣрѣ, такъ поступалъ онъ до полученія сана епископскаго. Постовъ онъ никогда не соблюдалъ по болѣзни. Обрядовая внѣшняя сторона религіи имѣла въ его глазахъ вѣсь и значеніе только для людей неразвитыхъ, необразованныхъ научно.

Въ психическомъ складѣ о. Іоанна преобладало крѣпкое логическое направленіе, строгій критическій умъ и безпощадное, иногда тонкое, остроуміе. Поэтому и въ области религіозной онъ относился къ разнымъ вопросамъ со стороны разсудочной, анализируя ихъ со всѣхъ сторонъ; особенно любилъ историческій методъ для рѣшенія дѣла. Послѣ этого не покажется страннымъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ, разговорахъ и лекціяхъ, даже и въ религіозныхъ разсужденіяхъ у него всегда замѣтно было отсутствіе чувства и сердечности. Заключителнымъ врагомъ мистицизма онъ остался до конца дней. Несобщительный по натурѣ, онъ обыкновенно высказывался коротко, ясно и рѣзко, даже когда находился въ веселомъ расположеніи духа.

Какъ человѣкъ, постоянно занятый разработкой ученыхъ вопросовъ, Іоаннъ нуждался въ покоѣ—и бѣда наступала для лицъ, мѣшавшихъ его занятіямъ несвоевременнымъ приходомъ или шумомъ и стукомъ. Не всегда, впрочемъ онъ набрасывался на такихъ людей съ досадой и злобой,—случалось, что прибѣгалъ къ мѣрамъ хитрости, и сатирическимъ выходкамъ, чтобы добиться покоя. Такъ, когда онъ занялъ мѣсто ректора с.-петербургской духовной семинаріи, квартира его была во второмъ этажѣ, а внизу подъ ней помѣщался учитель К. Ів. Л—цкій, великій любитель музыки. Бывало Іоаннъ сидеть за ученую работу, а Л—цкій, начнетъ разводить на фортепьяно сентиментальныя пьесы и мѣшаетъ его занятіямъ. Недолго крѣпился ректоръ: онъ далъ денегъ слугѣ, чтобы тотъ приобрѣлъ ему самый большой мѣдный пастушескій рожокъ; разумѣется, рожокъ былъ купленъ отличный, выше роста самаго ректора и поставленъ у окна въ

его кабинетъ. Какъ только одолѣвъ чувствительность К. Ив. Л—цкаго и онъ начнетъ изливаться въ музыкѣ, Іоаннъ бѣжитъ на цыпочкахъ, отворяетъ форточку, выставляетъ туда конецъ рожка и начинаетъ неистово трубить. Продѣлавъ эту штуку, онъ ждетъ, что будетъ дальше... Артистъ, услыхавъ дикіе звуки, перестаетъ играть и вслушивается, стараясь отгадать, что это за явленіе; какъ только онъ успокоится и заиграетъ опять,—вдругъ снова раздается съ большей еще силой восточная музыка... Долго не могъ сообразить К—лъ Ив—чъ откуда идутъ странные звуки; наконецъ увидалъ конецъ мѣдной трубы въ форточкѣ ректора, отгадалъ фокусъ и пересталъ беспокоить своей музыкой начальника.

Гуляя въ саду, ректоръ встрѣтилъ учителя Л—цкаго и сталъ говорить:

— Вы, кажется, К. Ив., большой знатокъ и любитель музыки, я часто слышу ваши упражненія...

— Какой я знатокъ! Это я для собственного удовольствія иногда играю, сказалъ музыкантъ, да и вы, кажется, завели себѣ инструментъ, на которомъ нерѣдко играете, какъ мнѣ слышно изъ квартиры.

— Я играю тоже для собственного удовольствія!.. отвѣтилъ саркастически ректоръ.

Какъ къ музыкѣ, такъ и къ женщинамъ онъ чувствовалъ и выражалъ полное презрѣніе, доходившее нерѣдко до безразличности, или до дерзости и грубости.

Разъ ректоръ гулялъ въ саду с.-петербургской семинаріи и встрѣтилъ даму, прилично одѣтую, съ дѣтьми.

— Вы куда идете? Убирайтесь отсюда вонъ! рѣзко озадачилъ ее ректоръ.

Дама растерялась и замѣтила, что она полковница и желала бы лучшаго съ ней обращенія.

— Полковница!.. А почему знать, что полковница? На лбу-то ничего не написано. Мало ли тутъ сволочи таскается. Эй, служитель! Уведи ее отсюда!..

Съ великими слезами явилась полковница къ мужу и рассказала всю эту исторію. Ни слова не говоря, полковникъ одѣлся въ мундиръ со всѣми принадлежностями, чтобы проучить дерзкаго архимандрита за оскорбленіе супруги. Но, къ удивленію, послѣ рѣзкихъ объясненій, остались потомъ полковникъ съ ректоромъ великими друзьями. Такъ передавали мнѣ лица, заслуживающія полнаго довѣрія.

Въ 1856 году, въ чистый четвергъ на страстной недѣлѣ, когда студенты духовной академіи причащались, прибылъ вмѣсто Агафангела въ Казань ректоромъ Іоаннъ. Давно молодые люди получили свѣдѣнія изъ Петербурга о его суровомъ и строгомъ нравѣ—и страшно боялись его прибытія до пасхи. Для дня причастія приготовлено было полведра водки, царпануть передъ обѣдомъ; но пріѣздъ Іоанна смутилъ всѣхъ студентовъ и никто не дотронулся до чары зелена вина

(исключая одного нетерпѣливаго), въ полной увѣренности, что новый, строгій ректоръ придетъ въ столовую знакомиться съ студентами и можетъ замѣтить выпившихъ. Такъ и случилось. Подали пирогъ съ грибной начинкой и пожаловалъ о. Іоаннъ; обходя столы, онъ обращался съ разспросами къ студентамъ на счетъ пирога и говорилъ саркастически, что онъ походитъ на подошву, хотя это было совершенно несправедливо.

На основаніи сатирическаго отзыва новаго ректора о кушаньяхъ студентовъ, они вывели поспѣшное заключеніе, что при немъ несравненно лучше будетъ столъ, который и въ то время казался недурнымъ. Выпившій передъ обѣдомъ студентъ дѣйствительно попался: со страху ли или подъ вліяніемъ водки, онъ сильно раскраснѣлся, привлекая вниманіе ректора, который нарочно долго разговаривалъ съ нимъ. Разумѣется, потомъ заплатился онъ за свое нетерпѣніе, хотя въ столовой строгій начальникъ не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго намека, что понимаетъ отлично его состояніе.

— Зачѣмъ у васъ такіе большіе волосы? сказалъ онъ, — къ веснѣ вамъ будетъ тяжело съ этими космами возиться и голова станетъ пожалуй болѣть. Затѣмъ, обратясь ко всѣмъ быстро рѣшилъ: — къ пасхѣ всѣмъ остричься наголо!..

Послѣ этого, призвавъ Егора Власова, стригача и ламповщика академическаго, сдѣлалъ ему строгое внушеніе, до какого минимума должны быть доведены волосы на студенческихъ побѣдныхъ головахъ. Дѣйствительно, къ пасхальной заутренѣ студенты явились всѣ стриженные подъ гребенку и произвели всеобщій смѣхъ въ посѣтителяхъ церкви; смѣялся и самъ Іоаннъ, когда христосовался со студентами и отпускалъ разныя шуточныя замѣчанія насчетъ стрижки, видимо, довольный послушаніемъ. Впослѣдствіи, онъ уже не обращалъ никакого вниманія на стрижку волосъ: видно, это была съ его стороны проба характера студентовъ, которые съ большой скорбью разставались съ волосами.

Въ Казани проживала тогда баронесса Ж., которая вела постоянное знакомство съ ректорами и инспекторами духовной академіи въ прежнее время и посѣщала часто церковь этого заведенія. Рассказываютъ, что когда узнала она о пріѣздѣ архимандрита Іоанна, явилась къ нему съ визитомъ на другой день пасхи.

Служка доложилъ ректору, что его желаетъ видѣть баронесса Ж. Онъ вышелъ въ гостинную, нарочно съ расчетомъ, чтобы его слова слышала баронесса, дожидавшаяся въ залѣ, и сказалъ рѣзко и недовольно:

— Спроси ее, что ей надо?..

Служка отправился въ залу и возвратясь отвѣтилъ ректору, что она привезла въ подарокъ вашему высокопреподобію дорогую икону.

— Скажи ей, что у меня, слава Богу, своихъ много образовъ: есть на что молиться, была бы только охота!!! — нетерпѣливо и съ досадой закричалъ ректоръ.

Услыхавъ такую любезность, баронесса съ плачемъ едва добѣжала до своей кареты, и съ той поры ни ногой въ академическую церковь.

О. Іоаннъ не церемонился и съ высшими своими начальниками, да, кажется, находилъ особое удовольствіе обнаруживать передъ ними въ рѣзкихъ выходкахъ силу своего ума, характера и независимости. Однажды онъ сдѣлался сильно нездоровъ и пріѣхалъ навѣстить его больного архіепископъ казанскій Аѳонасій, извѣстный чудакъ, занимавшійся цѣлую жизнь естественными науками и добывшій изъ нихъ единственный выводъ, что огонь есть и во льду и что міръ сгоритъ передъ концемъ свѣта отъ собственного огня. Когда доложили ректору о пріѣздѣ высокопреосвященнаго, онъ велѣлъ сказать:

— Мнѣ и такъ одному тошно, а если придетъ еще архіепископъ, то вдвое будетъ тошно!..

Такъ и не принявъ владыку, своего непосредственнаго начальника, котораго, впрочемъ, считалъ мужикомъ—невѣждой и великой дубиной.

Разъ пріѣхалъ въ Казань бывший тогда оберъ-прокуроръ св. синода графъ Александръ Петровичъ Толстой, заходилъ на нѣкоторыя лекціи профессоровъ духовной академіи, и между прочимъ, долго слушалъ извѣстнаго архимандрита Ѳеодора Бухарева, который ранѣе былъ знакомъ съ Толстымъ и съ Гоголемъ. О. Ѳеодоръ состоялъ инспекторомъ академіи и читалъ при оберъ-прокурорѣ самое мистическое разсужденіе объ апокалипсисѣ съ великимъ паѳосомъ, но смѣшно и совершенно непонятно. О. Іоаннъ видимо потѣшался внутренне надъ этой заоблачной лекціей Бухарева и находился въ отличномъ расположеніи духа. Послѣ этого, графъ Толстой пошелъ осматривать помѣщенія заведенія, въ сопровожденіи всѣхъ профессоровъ академіи. Когда пришли въ залу, гдѣ хранятся рукописи Соловцевой библіотеки, оберъ-прокуроръ обратилъ вниманіе ректора на старинныя иконы и оклады евангелій и сталъ разсуждать:

— Вотъ лучшіе образцы для православной живописи, а то теперь вошла въ моду итальянская живопись; собственно ее, по моему понятію, не слѣдовало бы и допускать въ наши церкви. Какъ вы полагаете, о. ректоръ?

— Я не вижу причины, отвѣчалъ о. Іоаннъ, почему не позволять ставить иконы въ православныхъ храмахъ художественной живописи? Суздальскіе образа—плохой работы и неправильной, изображаютъ всѣхъ святыхъ тощими и сухими, а на самомъ дѣлѣ они не такими были. Надо и въ живописи соблюдать историческую правду.

— Помилуйте, продолжалъ графъ, художественная живопись слишкомъ человѣчна и святости въ ней никакой незамѣтно: только и видишь красивое, обыденное лице, смотришь и поневолѣ иногда соблазняешься...

— Ну это у всякаго свой вкусъ, отрѣзалъ ректоръ; вольно питать грѣшныя мысли и безъ всякаго повода; а я смотрю на всевозможныя св. иконы и никогда не соблазняюсь!..

Жаль, что графъ Толстой смотрѣлъ въ это время на шкафъ, гдѣ помѣщались рукописные сборники, а то онъ замѣтилъ бы какая ехидная насмѣшка играла на губахъ и въ глазахъ о. ректора, не смотря на его постную физіономію и серьезный разговоръ. Но и не глядя на о. Іоанна, онъ почувствовалъ всю силу рѣзкой колкости, взглянулъ на часы, ни слова не говоря направился къ выходу и уѣхалъ изъ академіи. Утощая злой выходкой сильнаго человѣка, онъ понималъ отлично его характеръ и свое положеніе, что оберъ-прокуроръ можетъ прихлопнуть его однимъ пальцемъ, а все-таки не утерпѣлъ, чтобы не кольнуть.

Разумѣется, такіа выходки не проходили даромъ для о. Іоанна и сильно вредили ему въ повышеніи по службѣ; безъ нихъ онъ давно былъ бы епископомъ, имѣя всѣ права на своей сторонѣ. Но его обходили замѣтно; онъ досадовалъ на униженіе и срывалъ сердце злыми замѣчаніями на счетъ возвышенія своихъ бездарныхъ сотоварищей:

— Вотъ теперь начали раздавать дары Св. Духа люди совсѣмъ бездушные!..

Съ большимъ толкомъ и искусствомъ онъ умѣлъ писать проповѣди и выбиралъ для рѣшенія всегда самые жизненные вопросы; не смотря на недостатокъ физическихъ средствъ, онъ произносилъ ихъ въ церкви, точно и отчетливо, возбуждая сильное впечатлѣніе. Въ поученіяхъ своихъ, когда былъ ректоромъ казанской академіи, онъ всегда касался разныхъ сторонъ современнаго состоянія Россіи, народнаго образованія, крѣпостного права и т. п. Освобожденіе крестьянъ имѣло тогда громадное значеніе и занимало всѣ крѣпкіе и свѣтлыя умы. О. Іоаннъ и самъ любилъ касаться этого вопроса и профессору А. П. Щапову внушилъ, чтобы онъ на академическій актъ приготовилъ рѣчь: „Голосъ русской церкви въ защиту несвободныхъ людей“. На эту тему между студентами ходилъ анекдотъ, будто ректоръ приглашенъ былъ на вечеръ, гдѣ большое было собраніе помѣщиковъ, разсуждавшихъ объ освобожденіи крестьянъ. Одинъ изъ нихъ началъ доказывать о. Іоанну, на основаніи Свящ. Писанія, что рабы должны существовать всегда, ибо Богъ создалъ три класса людей въ обществѣ—царей, господъ и рабовъ.

Тогда ректоръ обратился къ оратору и внушительно сказалъ ему:

— Вы мало, видно, изучали Свящ. Писаніе; тамъ сказано, что Господь Богъ сотворилъ не три класса людей, а только два—умныхъ и дураковъ...

Несомнѣнно, что въ Казани высказано было это публично передъ дворянами; но кѣмъ, Іоанномъ ли или другимъ лицомъ, — не знаю, по крайней мѣрѣ, въ духовной академіи приписывали ему эту выходку.

Проповѣди свои на самыя жизненные темы, очевидно, онъ долго обдумывалъ и излагалъ весьма тщательно. Главнымъ образомъ онъ и

содѣйствовалъ въ Россіи развитію реального направленія духовнаго проповѣдничества, когда былъ ректоромъ казанской духовной академіи и сталъ печатать ихъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“. Языкъ его всѣхъ словъ и сочиненій отличался краткой логичностью, точностью и необыкновенной простотой. Сила его слова вполнѣ выражала силу его характера.

Въ первый разъ онъ пришелъ на лекцію по исторіи русскаго раскола къ студентамъ старшаго курса казанской академіи, когда они приготовили о стоглавомъ соборѣ по учебнику преосв. Макарія. Спрашивая студента В. Орлова, ректоръ разбивалъ критически и самымъ основательнымъ образомъ одно положеніе учебника за другимъ и выказалъ массу точныхъ свѣдѣній по русской исторіи. Скоро отецъ Іоаннъ началъ читать догматическое богословіе; но почти не посѣщалъ лекцій, занятый изданіемъ „Православнаго Собесѣдника“ и приготовленіемъ своихъ статей по каноническому праву; иногда впрочемъ мѣшало ему выходить на лекціи плохое здоровье. Если же онъ читалъ лекцію, то она всегда отличалась у него глубиной мысли, неожиданной оригинальностью, простотой и необычайной ясностью.

При чтеніи лекцій по богословію, о. Іоаннъ всегда строго держался жизненнаго элемента, психологическихъ данныхъ или міровыхъ знаній естественнаго свѣдѣнія. Однажды онъ сдѣлалъ блистательный анализъ, какая вѣра бываетъ въ христіанахъ сообразно съ ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ: разбирая, что такое вѣра дѣтская и поверхностная, вѣра мертвая и слѣпая,—ректоръ выяснилъ черты вѣры разумной, сознательной и свободной, какъ высшаго проявленія религіозной силы человѣка.

Но особенно онъ озадачилъ студентовъ передъ окончаніемъ курса въ 1858 г. лекціей „о кончинѣ міра“. Приходить въ аудиторію и спрашиваетъ студента:

— Какъ вы полагаете, скоро ли будетъ кончина міра?

Тотъ отвѣчаетъ что на основаніи изреченій Свящ. Писанія неизвѣстно ни о днѣ, ни о часѣ второго пришествія Христова.

— А вотъ недавно, продолжалъ о. Іоаннъ, одинъ иностранный естествоиспытатель высчиталъ, что міръ не можетъ разрушиться раньше, какъ по истеченіи 30 милліоновъ лѣтъ. Какъ вы думаете, есть ли хотя малѣйшее основаніе вѣрить этому выводу?..

Студентъ замылся и ничего не отвѣчалъ; а ректоръ велѣлъ ему сѣсть и цѣлый часъ говорилъ вѣско и съ необычнымъ воодушевленіемъ, примѣрно въ такомъ родѣ:

— Господь Богъ сотворилъ міръ и далъ ему громадный запасъ жизненныхъ силъ, который не будетъ уничтожать по капризу, какъ строгій и правосудный; слѣдовательно, міръ можетъ уничтожиться, когда изживетъ данныя ему жизненные средства. Теперь можно судить о производительныхъ силахъ природы, что они не только не

уменьшаются, но значительно увеличиваются во всѣхъ отрасляхъ проявленія.

Затѣмъ подробно разобралъ по частямъ это развитіе жизни въ царствѣ животномъ, растительномъ и т. д.

Разбирая всѣ признаки кончины міра, указанные въ евангеліи, о. Іоаннъ обратилъ особое вниманіе на социальное развитіе человечества и коснулся вопроса, что предъ пришествіемъ Сына Человѣческаго будетъ проповѣдано евангеліе всей твари. Это обстоятельство дало ему поводъ высказать статистическими цифрами, сколько въ мірѣ язычниковъ, магометанъ и христіанъ и что пройдутъ тысячелѣтія, пока будетъ по евангелію проповѣдано христіанство всей твари.

Вообще о. Іоаннъ былъ весьма дѣльный и ученый человѣкъ, но эконоомъ и администраторъ былъ вездѣ плохой, исключая редактированія журнала. Тутъ онъ являлся великимъ мастеромъ и опытнымъ руководителемъ. Не мудрено, что съ перваго раза подъ его опытной редакціей „Православный Собесѣдникъ“ сдѣлался образцовымъ журналомъ и обратилъ на себя вниманіе духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ.

Мало этого: „Православный Собесѣдникъ“ далъ образецъ жизненно-научнаго направленія для цѣлаго ряда послѣдующихъ духовныхъ журналовъ наприм. „Духъ христіанина“, „Православное Обозрѣніе“ и проч.

Насчетъ ожидаемаго улучшенія стола, студенты жестоко ошиблись и скоро разочаровались въ своихъ надеждахъ: тотчасъ по пріѣздѣ, Іоаннъ купилъ для выѣзда карету, кажется, въ 4.000 р. на казенный счетъ, а хозяйство академическое до крайности было запутано тогдашнимъ эконоомомъ іеромонахомъ Филаретомъ—креатурой Агафангела. Чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже становилось содержаніе студентовъ при Іоаннѣ. Это обстоятельство постоянно возбуждало справедливое негодованіе студентовъ противъ эконома, а о. Іоаннъ принималъ его на свой счетъ. Обыкновенно снисходительный къ студентамъ, онъ не обращалъ вниманія на ихъ отступленія отъ правилъ, гдѣ дѣло не касалось его личности; въ противномъ случаѣ онъ обнаруживалъ страшное демонское самолюбіе и готовъ былъ все принести ему въ жертву.

Такъ по случаю недовольства содержаніемъ, рѣзко высказаннаго эконому студентами въ престольный праздникъ (8 ноября 1857 г.), ректоръ совсѣмъ было выгналъ изъ академіи двухъ лучшихъ студентовъ передъ окончаніемъ курса. Еще круче поступилъ онъ съ уважаемымъ профессоромъ математики Д. Θ. Гусевымъ: онъ просилъ его наблюдать за хозяйствомъ и развѣдать, отъ чего мало средствъ. Какъ энергическій и честнѣйшій человѣкъ, Димитрій Ѳедотовичъ съ жаромъ взялся за дѣло и скоро обнаружилъ плутни эконома и указалъ большія растраты казенныхъ денегъ за прежнее время. Сильно не понравилась эта откровенность о. Іоанну и онъ поставился скоро выжить профессора изъ академіи, представивъ его къ

пенсии, хотя онъ не дослужилъ до срока года два. Послѣ отставки Д. Ѳ. Гусевъ помѣшался и умеръ.

Между тѣмъ скоро обнаружилась растрата и незаконное употребленіе казенныхъ денегъ въ академіи; эконома Филарета сослали въ Соловецкій монастырь за разныя художества, а на его мѣсто поступилъ Я. Вас. Рудольфовъ изъ профессоровъ заведенія. Получивъ убогое казенное наслѣдство, онъ, бѣдный, жестоко поплатился: на него скоро сдѣлали большой начетъ и стали взыскивать по раскладкѣ изъ жалованья. Эта операція продолжалась нѣсколько лѣтъ сряду, когда невинный человѣкъ сильно бѣдствовалъ матеріально и сокрушался нравственно, признаваемый казнокрадомъ. Наконецъ пришло извѣстіе, что съ Рудольфова производился вычетъ неправильно и онъ оказался ни въ чемъ неповиннымъ; но это милое извѣстіе застало Якова Васильевича едва живымъ. Злая чахотка сразила его быстро.

У всѣхъ монаховъ есть странная наклонность преслѣдовать людей, неправящихся имъ по фізіономіи; такая черта особенно сильно развита была у Агафангела, да и проскальзывала нерѣдко у о. Іоанна, не смотря на его крѣпкій разумъ. По этому онъ прибѣгалъ къ хитростямъ и даже подлогамъ, чтобы выжить изъ академіи нѣкоторыхъ дѣльныхъ профессоровъ, которые ему не пришлись по вкусу.

Самодурство ректора иногда доходило до невѣроятности: говоря, что казанскіе студенты несравненно лучше, чѣмъ въ другихъ духовныхъ академіяхъ,—онъ ухитрился при выпускѣ 1858 г. дать степень магистра только шести человѣкамъ, а нѣкоторыхъ лишилъ и степени кандидата, за что получилъ выговоръ отъ Св. Синода. Чѣмъ онъ тутъ руководился, сказать мудрено.

Сначала онъ позволялъ студентамъ жить, какъ они хотѣли, весьма рѣдко посѣщалъ ихъ во время вечернихъ занятій и смотрѣлъ на все сквозъ пальцы. Бывало, идетъ студентъ, не желая сидѣть на лекціи, въ городской садъ—Швейцарію, напротивъ академіи, и вдругъ встрѣчаетъ на прогулкѣ ректора, раскланяется съ нимъ вѣжливо и тотъ никогда не скажетъ ни слова; но если онъ вздумаетъ скрыться отъ о. Іоанна въ сторону, тогда страшная бѣда грозила, если успѣвалъ онъ замѣтить бѣглеца и отбывателя лекцій. Наконецъ пришла невзгода на ректора съ той поры, когда профессоръ Щаповъ съ компаніей студентовъ отслужилъ панихиду на кладбищѣ по убитымъ крестьянамъ въ с. Безднѣ 1861 г. Тогда либерализмъ ректора уничтожился и онъ забралъ студентовъ въ ежовыя рукавицы, такъ что многіе воспитанники стали оставлять академію отъ сильнаго гнета.

Изъ Казани о. Іоаннъ переведенъ былъ ректоромъ въ с.-петербургскую духовную академію, хотя давно заслуживалъ епископской кафедрѣ. Здѣсь, говорятъ, онъ нѣсколько смирился и старался волей-

неволей поддаваться подѣ начальнической тонѣ; зато скоро достигъ цѣли своихъ стремленій. Изъ Петербурга, наконецъ, онъ поступилъ въ смоленскіе архіереи, на мѣсто переведеннаго въ Казань архіепископомъ Антонія, который находился въ отличныхъ отношеніяхъ съ семействомъ губернатора въ Смоленскѣ. Губернаторъ хотѣлъ поддержать хорошія отношенія съ новымъ епископомъ и поспѣшилъ сдѣлать ему первый визитъ, но не засталъ дома и оставилъ свою карточку. На другой день поѣхалъ отплатить визитъ Іоаннъ и исполнилъ эту формальность самымъ оригинальнымъ способомъ. Онъ вступилъ въ переднюю, гдѣ встрѣтили его губернаторъ съ супругой изъ особой любезности; но тотъ пошелъ далѣе въ залу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на хозяина и хозяйку, вошелъ въ гостинную, досталъ медленно изъ кармана карточку, загнулъ тщательно уголокъ и положилъ на столъ. Потомъ раскланялся съ губернаторомъ и его женой, ни слова не говоря, направился въ обратный путь—и уѣхалъ.

Смоленскій протопопъ, окончившій курсъ вмѣстѣ съ Іоанномъ въ московской духовной академіи, прослышавъ о назначеніи его епископомъ къ нимъ въ епархію, очень радъ былъ, что начальникомъ его будетъ товарищъ по высшему образованію, и уже заранѣе мечталъ имѣть при немъ силу и значеніе. Когда пріѣхалъ Іоаннъ въ Смоленскъ на архіерейскую кафедру, протоіерей поспѣшилъ къ нему съ визитомъ, пока еще не представлялось духовенство. Доложили епископу, что его желаетъ видѣть протопопъ такой-то; владыка велѣлъ спросить по обычаю, что ему нужно? Протопопъ отвѣчалъ, что онъ, какъ товарищъ съ преосвященнымъ по высшему духовному заведенію, счелъ долгомъ тотчасъ повидаться съ нимъ.

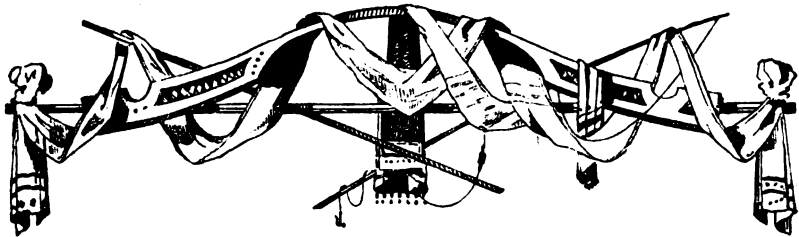
— Пускай онъ идетъ въ консисторію и подождетъ тамъ!.. отвѣтилъ епископъ и черезъ четверть часа написалъ официальную бумагу въ консисторію приблизительно такого содержанія:

„Оштрафовать протоіерея 25-ю рублями въ пользу сиротъ духовнаго званія за то, что понапрасну отнимаетъ время у духовнаго начальства, и обязать его подпиской, чтобы онъ впредь не беспокоилъ его по пустякамъ“.

Жарко было усердному почитателю товарищескихъ связей отъ этой суровой и неожиданной резолюціи преосвященнаго, когда она была ему торжественно прочитана въ засѣданіи членовъ консисторіи!

Говорятъ, управленіе о. Іоанна смоленской епархіей было въ высшей степени не практично и въ дѣлахъ произошла при немъ большая запутанность. Впрочемъ, онъ не долго и пробылъ епископомъ: разъ утромъ нашли его мертвымъ на полу среди спальни; одна нога его была босая, а другая — въ туфлѣ; какъ будто передъ неожиданной кончиной онъ побѣждалъ звать кого либо на помощь, но упалъ бездыханнымъ.

Н. Аристовъ.

КРЕСТЬЯНСКІЕ СУДЫ ВЪ СТАРИНУ.

ВОЛОСТНЫЕ суды составляютъ у насъ своего рода „злобу дня“. Какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ, у нихъ есть свои защитники и свои порицатели; повременная печать, въ свою очередь, представляетъ калейдоскопъ всякихъ обвинительныхъ и защитительныхъ статей съ разными оттѣнками въ направленіяхъ. Люди, привыкшіе къ канцелярскому однообразію, находятъ неумѣстнымъ существованіе въ государствѣ такихъ судебныхъ мѣстъ, въ которыхъ правовыя понятія отливаются въ самыя разнообразныя до неуловимости формы; въ ихъ глазахъ это—юридическій беспорядокъ, вредное многозаконіе, съ примѣсью дикихъ проявленій самосуда и самоуправства, воскрешающихъ давно минувшіе вѣка варварства. Другіе считаютъ волостные суды изобрѣтеніемъ новѣйшаго законодательства, искусственнымъ созданіемъ, которое по своему устройству и обстановкѣ не отвѣчаетъ желаніямъ и потребностямъ крестьянства. Третьи видятъ корень всѣхъ золъ въ плохомъ личномъ составѣ волостныхъ судовъ, въ сильной фактической зависимости ихъ отъ низшихъ и высшихъ полицейскихъ органовъ, наконецъ въ отсутствіи правильнаго, бдительнаго надзора надъ ними со стороны ближайшей судебной инстанціи. Сообразно такимъ взглядамъ, предлагаются тѣ или другія мѣры, клонящіяся то къ полному упраздненію волостныхъ судовъ вмѣстѣ съ господствующимъ въ нихъ обычнымъ правомъ и къ замѣнѣ ихъ общими мировыми судебными установленіями, то къ разнымъ преобразованіямъ и улучшеніямъ въ ихъ устройствѣ и предѣлахъ власти. Даже люди, исполнѣ сочувствующіе свободному развитію обычного права, легко склоняются въ пользу уничтоженія волостныхъ судовъ подъ условіемъ расширенія власти сельскихъ сходовъ, суда стариковъ и т. п. судебныхъ органовъ, вы-

работанныхъ самою народною жизнью и потому пользующихся большимъ довѣріемъ со стороны сельскаго населенія. Последнее воззрѣніе принадлежитъ къ числу тѣхъ готовыхъ объясненій, которыя слагаются въ обществѣ и наукѣ, когда нѣтъ на лицо достаточнаго количества положительныхъ историческихъ свѣдѣній. Восполнить этотъ важный пробѣлъ въ нашей историко-юридической наукѣ и разсѣять туманъ, покрывающій прошедшее нашей сельской юстиціи—вотъ благодарная, но отнюдь не легкая задача, за которую принялся глубокой знатокъ нашей правовой старины Н. В. Калачовъ. Трудъ его, собственно говоря, еще только начать, и мы успѣли ознакомиться съ нимъ лишь на публичной лекціи, читанной ученымъ авторомъ въ одномъ изъ засѣданій археологическаго института; но уже одно это начало, одна постановка такого важнаго вопроса, какъ наша волостная расправа, возбудила въ ученомъ мірѣ живѣйшій интересъ, и мы надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы ознакомимъ ихъ въ сжатомъ очеркѣ съ основными положеніями, отъ которыхъ исходитъ нашъ изслѣдователь.

Сочувствіе къ новому ученому предпріятію Н. В. Калачова оправдывается многими вѣскими соображеніями. Со времени учрежденія комиссіи сенатора Любоцинскаго, въ обществѣ и печати не прекращались толки о положеніи волостныхъ судовъ: обнародованные труды этой комиссіи вызвали цѣлый рядъ публицистическихъ и собственно ученыхъ статей и изслѣдованій; но судьба „трудовъ“ въ официальныхъ сферахъ остается никому невѣдомой. Можетъ быть, что съ легкой руки Н. В. Калачова дѣло получить желательное движеніе ¹⁾. Далѣе, для успѣшнаго научнаго рѣшенія вопроса весьма важнымъ условіемъ является общее историческое міросозерцаніе изслѣдователя. Въ этомъ отношеніи Н. В. Калачовъ занимаетъ совершенно особенное мѣсто: не принадлежа ни къ славянофиламъ, ни къ западникамъ, онъ совмѣщаетъ въ себѣ трезвое и спокойное наблюденіе съ стремленіемъ открыть положительную зиждительную силу прошедшаго. Прибавимъ къ этому, что его знакомство съ исторіей нашего права основано не на отрывочныхъ печатныхъ матеріалахъ, а на богатомъ запасѣ архивныхъ розысканій, произведенныхъ имъ въ теченіе своей долголѣтней ученой дѣятельности. Матеріалы, находящіеся въ его рукахъ, при окончательной обработкѣ, безспорно прольютъ на изслѣдуемый вопросъ такое обиліе свѣта, что древняя народная юстиція выяснится во всѣхъ подробностяхъ; лекція же, читанная имъ въ археологическомъ институтѣ, не болѣе какъ проспектъ, или предварительный обзоръ предмета въ его основныхъ чертахъ.

Главное положеніе, выставленное ученымъ авторомъ въ самомъ началѣ лекціи, заключается въ томъ, что ни одно судебное учреж-

¹⁾ Строки эти писаны до назначенія сенаторской ревизіи, которой, между прочимъ, подлежатъ и волостные суды изслѣдуемыхъ въ настоящее время 8-ми губерній.

деніе, какъ прежняго, такъ и новаго устройства, не имѣть за собою такихъ прочныхъ корней въ прошедшемъ, какъ наши суды волостные и сельскіе. Значеніе этихъ судовъ въ законодательствѣ подвергалось разнымъ колебаніямъ; измѣнялось оно и въ жизни, смотря по времени и мѣсту, но и въ самыя мрачныя времена крѣпостнаго права крестьяне не переставали пользоваться своими исконными судебными органами, вопреки всѣмъ правительственнымъ и помѣщичьимъ стѣсненіямъ. Утверждая непрерывность особаго крестьянскаго суда на протяженіи всей исторіи, г. Калачовъ хорошо предвидѣлъ, какія возраженія или ограниченія могутъ послѣдовать, какъ со стороны лицъ, участвовавшихъ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ и учрежденію особыхъ для нихъ судебныхъ органовъ, такъ и со стороны историческихъ изслѣдователей нашего судоустройства. Не входя въ разборъ всѣхъ предусмотрѣнныхъ возраженій, даже не отвергая ихъ всецѣло, г. Калачовъ все таки твердо стоитъ на избранной имъ точкѣ, опираясь на непререкаемыя свидѣтельства источниковъ, указывающихъ на то, что выборные судьи у крестьянъ никогда не переводились и всегда сохраняли извѣстную долю законной власти, которой не оспаривали у нихъ ни стоявшіе подлѣ нихъ правительственные чиновники, ни церковныя и монастырскія власти, ни накопецъ помѣщики ¹⁾. По отношенію къ XVI и XVII вѣкамъ сохранилось такъ много актовъ, совершенныхъ выборными судейками, какъ въ черныхъ и дворцовыхъ, такъ и монастырскихъ и боярскихъ селахъ и волостяхъ, что сомнѣнію нѣтъ мѣста ²⁾; гораздо скуднѣе свѣдѣнія о дѣятельности крестьянскихъ выборныхъ должностей въ послѣднія полтора столѣтія, что, по убѣжденію Н. В. Калачова, происходитъ частью отъ того, что это время еще мало обслѣдовано по архивнымъ источникамъ, но главнымъ образомъ отъ общихъ перемѣнъ въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, равно какъ отъ подчиненія волостей ближайшему завѣдыванію административныхъ и полицейскихъ органовъ. Послѣднія два обстоятельства, вынуждая крестьянъ къ болѣе скрытному образу

¹⁾ Любопытно, что къ такимъ же выводамъ пришелъ недавно другой изслѣдователь нашего крестьянскаго быта въ самыя мрачныя времена помѣщичьяго полновластія, въ вѣкъ Екатерины II: мы разумѣемъ здѣсь изслѣдованія В. И. Семевского по исторіи крѣпостнаго права (см. „Русскую Мысль“ нынѣшняго года, май, отдѣлъ: „Русская жизнь“, стран. 11 и слѣд.).

²⁾ Въ подтвержденіе этого положенія Н. В. Калачовъ не привелъ отдѣльных примѣровъ, не потому, конечно, чтобы ихъ у него не было, а потому, что у него слишкомъ много. Съ своей стороны, мы желаемъ привести здѣсь одинъ фактъ, добытый нами случайно во время нашихъ архивныхъ занятій въ Москвѣ. Въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича производилось дѣло по иску боярина И. В. Морозова съ окольничаго П. Траханиотова о бѣгломъ крестьянинѣ Филькѣ Кузьминѣ съ семействомъ. При этомъ Траханиотовъ предъявилъ встрѣчный искъ къ приказному человеку И. Селезеву и къ земскому дьячку И. Михайлову изъ села боярина Морозова (столбцы Владимірскаго стола, общій № 8893, частный № 62, въ московскомъ архивѣ мин. юст.). Такимъ образомъ, въ имѣніи Морозова былъ, съ одной стороны, его прикащикъ, а съ другой—выборныя крестьянскія власти.

дѣйствія, т. е. къ словеснымъ соглашеніямъ и разборамъ, взаи́мнѣ прежнихъ письменныхъ, естественно повелѣ къ ослабленію въ народѣ грамотности. Здѣсь профессоръ Калачовъ прямо подаетъ руку славянофиламъ, представляя законное объясненіе тому положенію которое славянофилы признали безъ достаточныхъ данныхъ, именно, что въ XVI и XVII вѣкахъ грамотность въ русскомъ народѣ была распространена болѣе, чѣмъ въ ближайшее къ намъ время. Уменьшеніе грамотности было важною утратою для общественнаго благоустройства крестьянъ; ибо, благодаря своей темнотѣ, крестьяне и находятся теперь въ кабалѣ у волостныхъ писарей, которые помыкають волостными судьями по своему усмотрѣнію.

Чтобы дать понятіе о томъ чисто синтетическомъ приѣмѣ, какой употребленъ нашимъ ученымъ для освѣщенія общаго хода развитія сельскихъ и волостныхъ судовъ, мы приведемъ здѣсь дословно то мѣсто лекціи, которое на одномъ частномъ примѣрѣ, не вымышленномъ, а выхваченномъ цѣликомъ изъ актовъ XIV, XV, XVI и XVII столѣтій, наглядно изображаетъ главнѣйшіе моменты въ исторіи крестьянскихъ судовъ съ древнѣйшаго времени до XVII вѣка включительно. Примѣръ этотъ объясняетъ намъ обычный естественный способъ образованія свободныхъ сельскихъ и волостныхъ обществъ съ ихъ общественными учрежденіями.

„Прочтемъ въ самыхъ актахъ подлинныя слова, съ одной стороны, самихъ засельниковъ пустопорожныхъ земель, собиравшихъ подъ свою руку людей гуляющихъ, т. е. вольныхъ и нетяглыхъ, а съ другой — слова князей великихъ и удѣльныхъ, а впослѣдствіи и царей, разрѣшавшихъ этимъ засельникамъ призывать къ себѣ и копить всякихъ людей, лишь бы не подвѣдомственныхъ самому князю или не бывшихъ въ царскомъ тягѣ, съ дарованіемъ имъ за то на опредѣленные года, разныхъ льготъ отъ податей и другихъ повинностей. Этотъ старикъ, испрашивающій своимъ родичамъ, которые садятся съ нимъ на новой лѣсной чищобѣ, и тѣмъ людямъ, которыхъ они будутъ къ себѣ призывать, и получающій свободу отъ князя или царя и ихъ властей; этотъ слободчикъ, какъ могу теперь я называть его, которому поручается государемъ главенство надъ набранной имъ колоніей, по крайней мѣрѣ до поры до времени, не есть-ли въ самомъ дѣлѣ патріархъ, ея руководящій и творящій надъ нею судъ и расправу, а эта колонія не есть ли крестьянскій міръ, скопленная слободчикомъ дружина, уже складывающаяся въ одну неразрывно связанную своими членами сельскую общину? Да оно и дѣйствительно было такъ. Вотъ прошли для этой общины ея льготные годы; вотъ царскіе писцы измѣрили и отмежевали ея пашни, покосы и лѣса, поверстали эти угодья наравнѣ съ другими въ казенные оклады и сборы; вотъ, наконецъ, царскіе намѣстники или воеводы съ волостелями и ихъ тиунами взяли этихъ засельниковъ подъ свою начальственную тяжелую руку. „Нѣтъ“ завопили слобожане, обра-

щаясь съ слезною мольбою къ князю или царю, „не дай намъ умереть голодною смертію отъ излишней истомы, отъ нестерпимыхъ поборовъ и взятокъ: мы готовы платить тебѣ оброки и доходы, какіе на насъ положишь, но дозвожь собирать ихъ намъ самимъ, окладываясь по нашимъ животамъ и промысламъ и дозвожь привозить ихъ нашимъ посыльщикамъ къ тебѣ“. И князь или царь, милуя крестьянъ, освобождаетъ ихъ вновь отъ своихъ намѣстниковъ, волостелей и тиуновъ, и разрѣшаетъ имъ управляться и вѣдаться ихъ выборными головами, старостами и другими излюбленными людьми. И творятъ эти излюбленные люди судъ и расправу по извѣчнымъ уставамъ, которые живутъ въ народной памяти, какъ пошло изъ старины“.

Прослушавъ это мѣсто лекціи, одинъ изъ присутствовавшихъ ученыхъ обратилъ вниманіе, что здѣсь смѣшаны такіа понятія, какъ родоначальникъ-патріархъ и предводитель дружины, или родъ, дружина и община. Замичаніе это выражаетъ, безъ сомнѣнія, господствующее воззрѣніе, по которому быть родовой, дружинный и сельскій или общинный, держится каждый на особомъ началѣ, именно: первый—на единствѣ крови, второй—на вольномъ соглашеніи, третій—на общемъ владѣніи землею. На самомъ-же дѣлѣ всѣ эти три формы общежитія отнюдь не исключаютъ одна другой, а напротивъ хорошо уживаются другъ подлѣ друга и переплетаются между собою. И напрасно станемъ мы искать оправданія господствующему взгляду въ источникахъ, гдѣ понятіе дружины очень хорошо уживается съ связями семейными и родственными; не говоря уже о словахъ: подруга и подружіе для обозначенія жены, припомнимъ значеніе задруги и другарей. Есть даже основаніе думать, что и само слово: „дружина“ употребляется въ „Русской Правдѣ“ въ смыслѣ родственникововъ, именно въ положеніи объ уплатѣ вервью пени за убитую голову (см. „Судебный Вѣстникъ“ 1876 г. № 154, фельетонъ: „О денежной пени за убійство по древне-русскому праву до монгольскаго періода“ ¹⁾). Да и княжеская дружина не чужда родовымъ началамъ, не смотря на то, что союзъ этотъ скрѣпляется не единствомъ крови, а вѣрностью и дружбою. Съ другой стороны, и мирное осѣдлое населеніе, живя, по выраженію лѣтописца, своими родами, на особыхъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ, по неволѣ превращалось время отъ времени въ вооруженную дружину, то отражая нападеніе вѣншихъ враговъ, то внося сами войну въ чужіе предѣлы по разнымъ поводамъ и причинамъ.

Не менѣе замичательно констатированное г. Калачовымъ единство началъ, на которыхъ держалось устройство всѣхъ старинныхъ судеб-

¹⁾ Мы очень рады, что взглядъ нашъ если не въ частностяхъ, то въ общемъ сходится съ мыслями объ этомъ предметѣ такого знатока нашей исторіи, какъ г. Ключевскій. См. въ журналѣ: „Русская Мысль“ 1880 г. кн. III изслѣдованіе его подъ заглавіемъ: „Боярская дума древней Руси“ стр. 47—49.

ныхъ установлений, не смотря на всю видимую пестроту и разнообразіе въ степени ихъ власти и кругѣ ихъ дѣятельности. Между прочимъ, ему удалось уловить соединительную нить, связующую между собою судъ слободской съ волостнымъ. По мѣрѣ того, какъ население слободъ увеличивалось, послѣднія выпускали изъ себя выходцевъ, которые и основывали по близости починки и деревни; новые поселки примыкали къ старымъ, образуя съ ними одну волость, при чемъ прежній слободской судъ естественно переходитъ въ волостной ¹⁾. Въ примѣръ совпаденія слободы и волости приведемъ одинъ случай, заимствуемый нами изъ „приказныхъ дѣлъ“, хранящихся въ главномъ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ Никольской слободкѣ произошелъ пожаръ. Потерпѣвшій крестьянинъ, имѣя подозрѣніе на крестьянъ той-же слободки Тепляковыхъ, позвалъ земскаго судейку на мѣсто пожара и просилъ при понятыхъ составить протоколъ („записку“). По распоряженію судейки „записка“ была составлена земскимъ дьячкомъ. Когда дѣло перешло въ одинъ изъ московскихъ приказовъ, то обвиняемые, отвергая значеніе протокола, слались „на всю волость, на Никольскую слободку, oprичъ его Гришкина (истца) рода и племени и заговора (св. 177, № 46)“. Единство началъ проявляется также въ устройствѣ апелляціонной инстанціи для крестьянскихъ судовъ различныхъ вѣдомствъ. Минутѣ исключительные, хотя и немалочисленные случаи, когда крестьяне, будь то черные или помѣщичьи, пользовались особыми льготами и стояли подъ апелляціей какого нибудь высшаго учрежденія въ Москвѣ, мы находимъ собственно двѣ инстанціи, стоявшія надъ крестьянскими судами. Въ черносошныхъ волостяхъ жалобы на земскихъ судеекъ подавались воеводѣ, который самъ стоялъ подъ апелляціей подлежащаго приказа ²⁾; въ имѣніяхъ церковныхъ апелляція на вы-

¹⁾ Названіе волостного суда въ старинныхъ актахъ не встрѣчается; но мѣстность, на которую простирается власть слободскихъ судей, какъ видно изъ приводимыхъ ниже въ текстѣ указаній, именуется волостью; поэтому и судъ можно назвать волостнымъ.

²⁾ Если мы не ошибаемся, русскіе источники, на которыхъ г. Калачовъ основывалъ свое заключеніе, относятся только къ XVII в.; но свидѣтельство англичанина Флетчера позволяетъ намъ положительно перенести тотъ-же порядокъ и въ XVI столѣтіе. Вотъ что пишетъ Флетчеръ: „Судебныя гражданскія мѣста по обязательствамъ и другимъ подобнымъ предметамъ суть трехъ родовъ, такъ что каждое изъ нихъ подчинено другому въ апелляціонномъ порядкѣ. Низшее судебное мѣсто, учрежденное, повидимому, для нѣкотораго облегченія подданныхъ, составляютъ губный староста, имѣющій тоже значеніе, что и алдерменъ и сотскій староста, или балифъ каждой сохи или сотни, о коихъ я говорилъ выше, въ главѣ объ управленіи областями. Они могутъ рѣшать дѣла между жителями своей сохи или каждой отдѣльной сотни, гдѣ находятся подъ вѣдѣніемъ областныхъ князей и дьяковъ, къ которымъ тяжущіяся стороны могутъ переносить свое дѣло, если губный или сотскій староста не успѣютъ помирить ихъ. Второе судебное мѣсто составляютъ въ главныхъ городахъ каждой области или княжества упомянутые выше князья и дьяки, подчиненные управляющимъ четырехъ четвертей (какъ было сказано выше). Послѣ ихъ

«истор. вѣстн.», годъ I, томъ III.

борныхъ судеекъ поступала къ посельскому, волостелю, или иному судѣ, поставленному надъ вотчинами подлежащею духовною властью, а высшую и послѣднюю инстанцію составляли или сами духовныя власти, или состоявшіе при нихъ домовые приказы, какъ напр. при патріархѣ, митрополитѣ, архіепископахъ и пр. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ первую апелляціонную инстанцію образовали приказаики или домовые судьи, а вторую—самъ владѣлецъ или домовый приказъ, состоявшій при немъ въ Москвѣ или въ другомъ городѣ.

Внутреннее устройство и составъ крестьянскихъ судовъ представляется намъ въ такихъ общихъ чертахъ. Судъ состоялъ: 1) изъ судей. Число ихъ не было постояннымъ и мѣнялось по мѣстамъ. Судьи выбирались на сельскомъ или волостномъ сходѣ и утверждались въ должности тѣмъ приказомъ, или четью, въ вѣдомствѣ которыхъ волость состояла. Вступая въ должность, судьи приводились къ присягѣ. 2) Исполнительными органами были цѣловальники, также выборные. Сверхъ того, 3) на судѣ сидѣли такъ называемые засѣдчики, добрые или приговорные мужи: они наблюдали за всѣмъ ходомъ дѣла и такали, т. е. удостовѣряли обстоятельства дѣла и утверждали приговоръ земскаго судейки. 4) Земскій дьячокъ. Иногда эта должность занималась церковнымъ дьячкомъ. На дьячкѣ лежало все писмоводство и счетоводство; въ немъ-же общество видѣло свою опору и противовѣсъ приказному чиновничеству. Мѣстомъ суда служила перѣдко, особенно на сѣверѣ, церковная трапеза ¹⁾. Согласно съ этимъ, и время суда совпадало преимущественно съ праздничными днями. Производство-же суда ничѣмъ существенно не разнилось отъ порядковъ, господствовавшихъ тогда въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Въ чемъ заключаются выгоды этого устройства крестьянскихъ судовъ предъ нынѣшнимъ, и какія, по этому, преобразованія желательны въ послѣднемъ, чтобы, съ одной стороны, связать самостоятельные крестьянскіе суды съ общими судебными установленіями, а съ другой—оставить неприкосновенными народныя юридическія возрѣнія,—это предметъ чисто практической законодательной важности, который, разумѣется, не подлежитъ обсужденію въ настоящемъ очеркѣ.

Д. Мейчикъ.

рѣшенія можно еще подавать на апелляцію и переносить дѣло въ высшій судъ, находящійся въ Москвѣ, гдѣ имѣютъ свое пребываніе лица, управляющіе четырьмя четвертями“. О государствѣ русскомъ или образѣ правленія русскаго царя (обыкновенно называемаго царемъ московскимъ) съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей страны. Сочиненіе Флетчера. Издано въ Лондонѣ 1867 г. Кн. М. Оболенскимъ. Гл. IV, стр. 48).—Хотя Флетчеръ говоритъ собственно о губныхъ старостахъ, т. е. всеобщихъ судебныхъ органахъ, но въ данномъ случаѣ онъ, очевидно, смѣшалъ ихъ съ земскими судейками, ибо губные старосты, какъ извѣстно, завѣдывали дѣлами о разбоѣ и кражѣ съ поличнымъ, тогда какъ въ приводимомъ отрывкѣ рѣчь идетъ о гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, подчиненныхъ четвертнымъ приказамъ.

¹⁾ Трапезникъ-же закликалъ народъ на сходку для выбора судей.

ГОСПОЖА РОЛАНЪ.

I.

Два слова о жирондистахъ.—Происхожденіе г-жи Роланъ.—Ея отецъ и воспитаніе.—Слишкомъ раннее развитіе.—Ночь въ монастырѣ.—Религіозная борьба.—Ея портретъ.

ВЪ 50-хъ ГОДАХЪ прошлаго столѣтія, родилась въ Парижѣ, въ скромной семьѣ гравера, женщина, которой суждено было играть не послѣднюю роль во время французской революціи и сдѣлаться центромъ политической партіи, выдвинувшей превосходныхъ ораторовъ и очень плохихъ государственныхъ людей. Мы говоримъ о жирондистахъ и о г-жѣ Роланъ.

Почти всѣ представители этой партіи, слишкомъ рано выступившіе съ своими идеями о федерализмѣ, котораго самодержавный Парижъ не признаетъ и теперь, сто лѣтъ спустя,—происходили изъ буржуазіи и начали свое поприще адвокатами или журналистами. Уже самая ихъ профессія достаточно указывала на роль, которую они должны были играть во время революціи: они стояли впереди, пока Парижу нужны были ораторы, пока нужно было объяснять народу его права, и отступили назадъ, когда народъ потребовалъ дѣятелей. Воспитанные на древнихъ классикахъ, выросшіе сами если не въ богатыхъ, то все же въ болѣе или менѣе зажиточныхъ семьяхъ, они обречены были на горькую участь двойного разочарованія: видѣть сначала закрытыми для себя двери высшей аристократіи и двора, куда, казалось бы, должны были имъ открытъ дорогу ихъ таланты, сломить затѣмъ силу этой власти, чтобы стать на ея мѣсто, и вдругъ съ ужасомъ увидать, что вмѣсто ожидаемаго торжества ихъ ждетъ эшафотъ. Люди несомнѣнно умные и талантливые, они не рассчитали силу удара и, подкапываясь подъ нѣкоторые, ненавистные имъ предрасудки, не ожидали, что

опрокинуть весь общественный строй и что подъ его развалинами погибнуть первые.

Но оставимъ пока жирондистовъ и вернемся къ той, которая воплощала въ себѣ всѣ ихъ идеалы.

Дочь простого ремесленника, котораго она однако съ свойственнымъ ей иногда увлеченіемъ и желаніемъ опозитизировать свое происхожденіе, называетъ артистомъ, Марія Жанна Филипонъ, въ замужествѣ Роланъ, родилась въ мартѣ 1754 г. Эта невинная ложь относительно происхожденія, которую мы съ первыхъ же страницъ встрѣчаемъ въ ея запискахъ, не лишена нѣкотораго интереса: она указываетъ на одну изъ слабостей ея партіи, которая при всемъ своемъ желаніи равенства и уничтоженія всевозможныхъ предразсудковъ, стыдилась иногда своего плебейскаго происхожденія. Какъ г-жа Роланъ хотѣла непремѣнно быть дочерью артиста, такъ и глава жирондистовъ Бриссо, сынъ партерскаго сапожника, краснѣлъ за свое имя и заимствовалъ одинъ изъ своихъ титуловъ у родовой аристократіи, противъ которой начиналъ войну. Недовольство своимъ положеніемъ было въ духѣ того времени. Недовольны были всѣ, начиная съ вельможи и кончая его послѣднимъ слугой. Странную смѣсь политическихъ утопій, жажды власти, славы и наживы, представлялъ конецъ этого вѣка! Самыя эти утопіи съ ихъ представленіями объ идеальномъ челоѣкѣ и идеальномъ государствѣ чаще всего возникали въ умахъ, пожиравшихся внутреннимъ огнемъ честолюбія и желаніемъ хоть чѣмъ нибудь прославить свое имя. Никто не хотѣлъ умерѣть незамѣченнымъ.

Отецъ будущей жирондистки, граверъ Филипонъ, хотя и чуждый политическихъ ученій, былъ однако тоже недоволенъ своей судьбой. Скромное ремесло гравера было ему не по душѣ. Желаніе разбогатѣть не давало ему покоя. Попытка заняться живописью не удалась и онъ пустился въ спекуляціи: сталъ покупать и перепродавать брилліанты, иногда вымѣнивать ихъ на вещи и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже! Начались азартныя игры и стремленіе выиграть въ лоттерей. Всѣ эти инстинкты съ особенной силой проявились послѣ смерти жены; онъ быстро пошелъ къ раззоренію и довѣлъ себя до того, что дочь потребовала отъ него отчета и заявила о своемъ желаніи выдѣлиться.

Челоѣкъ въ высшей степени легкомысленный и притомъ необразованный, онъ былъ плохимъ воспитателемъ и началъ воспитаніе своей дочери съ того, что раза два или три высѣкъ ее; но убѣдившись, что это только озлобляетъ ее и возбуждаетъ въ ней духъ непокорности, онъ скоро оставилъ это и изъ строгаго отца сдѣлался отцомъ баловникомъ. Чтобы заслужить ея расположеніе и удовлетворить развивавшейся въ ней страсти къ чтенію, онъ сталъ ей дарить разныя книжки и между прочимъ педагогическіе трактаты, видимо ошибаясь насчетъ ихъ назначенія и принося ребенку то, что слѣдовало читать отцу. Дѣвочка пожирала все безъ разбору. Какъ и когда

она научилась читать, никто не могъ сказать. Это случилось какъ-то незамѣтно. Но нельзя безъ ужаса видѣть перечисленіе всего того, что умѣстилось въ этой дѣтской головкѣ. Начиная съ библии, которая своимъ реализмомъ и наивнымъ повѣствованіемъ о нѣкоторыхъ житейскихъ явленіяхъ, слишкомъ рано просвѣтила ее, продолжая Плу-тархомъ, который, по собственному сознанію, сдѣлалъ изъ нея республиканку, и кончая Вольтеромъ, все оставило слѣдъ въ этой страстной душѣ. Телемакъ, Освобожденный Іерусалимъ, естественная исторія Бюффона, старые томы путешествій, міеологія, житія святыхъ, Паскаль и Монтескье, все это безъ разбору поглощалось будущей жирондисткой. Мать, почему-то опасавшаяся, чтобы изъ нея не вышла художница и рѣшительно воспротивившаяся ея серіознымъ занятіямъ живописью и музыкой, смотрѣла снисходительно на ея страсть къ чтенію. Бури артистической жизни видимо больше пугали ее, чѣмъ тотъ страшный вихрь, который должны были поднять въ душѣ ея дочери эти обрывки всевозможныхъ системъ и ученій.

Такое воспитаніе было впрочемъ въ духѣ вѣка: вѣкъ энциклопедіи и фейерверка мысли, онъ породилъ цѣлую плеяду людей, извѣстныхъ своимъ разностороннимъ, блестящимъ и поверхностнымъ образованіемъ. Привычка разбрасываться и заниматься всѣмъ по немножку, разъ сдѣланная въ дѣтствѣ, сохранялась на всю жизнь. Г-жа Роланъ, по ея же словамъ, никогда не могла читать одной какой нибудь книги, а всегда читала нѣсколько заразъ. Жажда знанія была такъ велика, что если ей попадалась подъ руку геральдика, она поглощала и ее, добросовѣстно заучивая родословную и гербы французскаго дворянства.

На каждомъ шагѣ чувствовалось отсутствіе руководителя. Мать, судя по ея запискамъ, была женщина замѣчательно выдержаннаго характера, но едва ли отличалась большими познаніями. Все ея участіе въ образованіи дочери ограничивалось тѣмъ, что она читала ей по вечерамъ книги историческаго содержанія, но и это скорѣй дѣлалось для того, чтобы убить время, которое должно было тянуться убійственно долго въ этомъ домѣ, гдѣ никакихъ знакомствъ не было, а отецъ большею частію отсутствовалъ. И если для дѣвочки это не прошло безслѣдно, то этимъ она обязана была исключительно себѣ и своей привычкѣ утромъ записывать то, что прочла наканунѣ. Критическое отношеніе къ себѣ и къ другимъ проснулось въ ней рано слишкомъ рано: дѣтства у нея не было. Она съ видимымъ удовольствіемъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ о томъ, что была умна не по лѣтамъ и давала отвѣты, поражавшіе своею мѣткостью. Всѣ ея учителя, по ея словамъ, должны были сложить оружіе и признаться, что имъ нечему больше учить ее. Десяти лѣтъ она говорила, какъ взрослая. Но что восхищаетъ бабушекъ и матерей, часто кажется естественнымъ челоуѣку постороннему.

Такое же впечатлѣніе дѣлаетъ и на насъ эта молодость безъ дѣтства, съ рано пробудившимися страстями и борьбою разсудка. Въ этой

дѣвочкѣ, вскакивавшей по ночамъ съ постели босыми ногами на холодный полъ и бросавшейся на колѣни, чтобы заглушить въ себѣ грѣшныя мысли, мы слишкомъ рано видимъ женщину...

Первой ея страстью, а ихъ было у нея не мало, была страсть къ религіи. Одиннадцати лѣтъ она кинулась къ ногамъ отца съ матерью и умоляла хоть на время отдать ее въ монастырь. Первая ночь, проведенная ею въ монастырѣ, оставила такое сильное впечатлѣніе въ ней, что тридцать лѣтъ спустя она не могла безъ волненія вспомнить о ней. Въ комнатѣ, гдѣ ее положили вмѣстѣ съ другими дѣвочками, былъ слабый свѣтъ. Она потихоньку встала и подошла къ окну. Окно выходило въ садъ; лунный свѣтъ довольно ясно обрисовывалъ всѣ предметы. Кругомъ царилъ глубочайшее молчаніе. „И къ этому молчанію, говоритъ она, я прислушивалась съ благоговѣйнымъ трепетомъ. Большія деревья бросали гигантскія тѣни... Я взглянула на небо: оно было ясно и глубоко... Чувствовалось присутствіе божества. Сладкія слезы потекли по щекамъ; душа трепетала отъ восторга... Я простояла такъ нѣсколько минутъ и потомъ заснула сномъ праведныхъ“...

Дѣйствуя на воображеніе, обстановка монастыря поддерживала въ ней мысль, что истинное призваніе ея — монашество. И будущая атеистка, или вѣрнѣе деистка, такъ какъ мысль о божествѣ всегда смутно жила въ ея душѣ, съ священнымъ трепетомъ шла на исповѣдь и зачитывалась житіями святыхъ, ожидая только совершеннолѣтія чтобы постричься въ монахини. Слишкомъ усердное размышленіе о догматахъ вѣры привело однако къ тому, что она стала въ нихъ сомнѣваться. Первое, что ее смутило — это вѣчныя мученія за гробомъ. Начитавшись исторіи, она не хотѣла вѣрить, чтобы столько народовъ, коснѣвшихъ въ невѣжествѣ, которое уже и въ этой жизни было для нихъ источникомъ многихъ страданій, было осуждено и тамъ на вѣчныя мученія. Разъ закрывшееся сомнѣніе на этомъ не остановилось. „Если одинъ догматъ несостоятеленъ, говорила она себѣ, посмотримъ, каковы другіе!“ А съ той минуты, какъ католикъ задалъ себѣ этотъ вопросъ, церковь можетъ навсегда считать его потеряннымъ для себя.

Первый, кому она повѣрила свои сомнѣнія, былъ ея духовникъ, посовѣтовавшій ей читать отцовъ церкви и вообще апологистовъ христіанства. „Но что замѣчательно, говоритъ она, такъ это то, что я именно изъ этихъ книгъ узнала о тѣхъ, которыя онъ опровергалъ — и стала ихъ читать“. Такимъ образомъ энциклопедисты, разные трактаты о вѣротерпимости и о системахъ міра, прошли черезъ ея руки. Дѣло было сдѣлано: Богъ Руссо вытѣснилъ христіанскаго Бога.

Но въ душѣ ея было слишкомъ много поэзіи, чтобы помириться съ этимъ отсутствіемъ вѣры. Даже и невѣрующая она съ удовольствіемъ бывала въ церкви, гдѣ вся отдавалась какому то безотчетному восторгу. Такое же ощущеніе вызывали въ ней картины природы; онѣ

уносили ее въ безконечную даль, навѣвая мысль о божествѣ... Въ обрядъ она не вѣрила, католическое духовенство ненавидѣла, но мысль о томъ, что должно-же быть что нибудь тамъ за гробомъ, не оставляла ее, особенно въ послѣдніе дни ея жизни, когда сознаніе людской несправедливости требовало, какъ непремѣннаго возмездія, лучшей жизни за гробомъ. „Какъ это будетъ,—не знаю! говорить она; но знаю, что это должно быть“.

Вообще религія ея была вполнѣ религіей XVIII вѣка, заставила ее сознаваться, что въ тиши кабинета и въ жару спора она готова согласиться съ атеистомъ, но среди природы сердце ея невольно взываетъ къ божеству.

Ночныя молитвы, вскакиванія съ постели и добровольныя епитеміи прекратились сами собой. Но если страхъ загробной жизни не сдерживалъ больше ея страстей, то борьба съ ними вошла въ привычку, и то, что вѣрующему запрещаетъ церковь, ей запрещало чувство долга и уваженіе къ себѣ.

Чувство долга легло съ этихъ поръ въ основу всей ея жизни; оно было ей тѣмъ нужнѣе, что, по ея же словамъ, буря страстей бушевала въ ней постоянно и нужно было силу атлета, чтобы подавить ихъ. „Никто больше меня, говорить она, не былъ созданъ для чувственныхъ наслажденій и никто меньше меня не пользовался ими. Современница Лафатера, она даже въ своей наружности находитъ нѣкоторыя характерныя черты страстнаго темперамента. Въ своихъ запискахъ она сама рисуешь свой портретъ съ тѣмъ наивнымъ восхищеніемъ, которое не разъ поражаетъ насъ въ ея мемуарахъ, гдѣ она говоритъ о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ. Вотъ какъ 39 лѣтняя г-жа Роланъ рисуешь портретъ 14 лѣтней Маріи Филипонъ:

„Тогда, какъ и теперь, я была довольно высока ростомъ. У меня была красивая нога, высокая, полная грудь и покатыя плечи. Всѣ движенія граціозны, походка быстра и легка. Въ моемъ лицѣ не было ничего особенно поразительнаго, кромѣ необыкновенной свѣжести, мягкости и выразительности. Если разобрать каждую черту въ отдельности, то ни одна не отличалась правильностью, а все вмѣстѣ правилось. Ротъ немножко великъ и могъ бы быть красивѣе, но зато нельзя было пожелать болѣе нѣжной и обольстительной улыбки. Глаза небольшие, сѣровато-каріе... Брови темныя, какъ и волосы, и ясно обрисованныя... Выраженіе взгляда быстро мѣняющееся, какъ и душевныя движенія; серьезный и строгій, онъ иногда удивлялъ, но чаще ласкалъ и еще чаще возбуждалъ. Носъ немножко огорчалъ меня, я находила его нѣсколько тупымъ, но вмѣстѣ взятый со всѣмъ другимъ, онъ не портилъ профиля. Лобъ большой, открытый, съ синими жилками, напрягавшимися при малѣйшемъ волненіи. Подбородокъ нѣсколько острый и вообще той характерной формы, которая обозначаетъ чувственную натуру. Цвѣтъ лица очень свѣжій, рука красивая, хотя и не маленькая, съ длинными, тонкими пальцами. Прибавьте

къ этому ослѣпительные зубы и дышащую здоровьемъ полноту молодости. Таковы были сокровища, данная мнѣ природою! Съ тѣхъ поръ я потеряла много, но и теперь безо всякаго труда могла бы скрыть пять-шесть лѣтъ и даже люди, которые видятъ меня каждый день, даютъ мнѣ не больше 32—33 лѣтъ ¹⁾. Моихъ портретовъ есть нѣсколько, рисованныхъ и гравированныхъ, но ни одинъ не даетъ понятія о моемъ лицѣ. Его трудно передать, потому что въ немъ слишкомъ много жизни и выраженія. Заурядный художникъ не могъ бы изобразить его, я даже сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ его понять“...

Нельзя не остановиться передъ этимъ описаніемъ, полнымъ такихъ наивныхъ и откровенныхъ подробностей. Ни одно свое душевное движеніе она не описываетъ съ такой любовью, какъ свою наружность. Смѣлость, съ какою она говоритъ о себѣ, истекаетъ изъ убѣжденія, что въ своихъ запискахъ надо быть откровеннымъ. Это откровенность Руссо, никогда, однако, не возвышавшаяся до его гениальнаго цинизма. Копія слабѣ оригинала и храбрость, позволявшая мужчинѣ быть откровеннымъ до цинизма, измѣнила женщинѣ. Все, что она пишетъ о себѣ, должно клониться только къ ея прославленію. Не умаляя ея достоинствъ, мы должны однако замѣтить, что образъ ея былъ бы несравненно выше и чище, еслибъ она поменьше говорила о себѣ. Она слишкомъ восхищается собой и слишкомъ часто становится на колѣни передъ своей особой, чтобъ можно было всегда вѣрить въ искренность ея порывовъ.

Безпристрастіе не было ея добродѣтелью. Ея пылкая натура не позволяла ей смотрѣть на вещи спокойно. Неумолимая къ своимъ врагамъ, она была безконечно снисходительна къ друзьямъ.

II.

Дружба съ Софіей Кане.—Письменные занятія.—Взглядъ г-жи Роланъ на призваніе женщины. — Ненависть къ аристократамъ. — Недовольство существующимъ порядкомъ вещей.—Обѣдъ у финансиста.—Нѣсколько дней въ Версаль.

Когда неумолкающая работа мысли пошатнула въ ней вѣру въ католическаго Бога и религіозный жаръ ея остылъ, пустота, открывшаяся въ ея сердцѣ должна была чѣмъ нибудь наполниться. На этотъ разъ ее наполнила дружба. Слабые проблески другого болѣе нѣжнаго чувства, которое внушилъ ей одинъ молодой художникъ, приходившій иногда въ мастерскую къ ея отцу, были непродолжительны. Монастырь отвлекъ ее отъ этого. Тамъ она нашла себѣ друга, Софію Кане, съ которою до самаго замужества; т. е. въ теченіи 15 лѣтъ поддерживала самую нѣжную переписку.

¹⁾ Тутъ г-жа Роланъ написала сначала 33—34, но, подумавши, зачеркнула. Такой важный вопросъ требовалъ размышленія.

Не смотря на бѣдность содержанія и на однообразіе своей дѣвической жизни, она находила о чемъ писать ей по два, по три раза въ недѣлю, удовлетворяя этимъ, какъ своему нѣжному чувству, такъ и еще болѣе своей страсти къ писанію. Писала она изумительно много и легко. Начиная съ писемъ своего отца и кончая циркулярами и докладными записками мужа, она за все бралась охотно. Роль домашняго секретаря давалась ей безъ труда. Когда некому и нечего было писать, она сочиняла стихи; разъ даже сочинила проповѣдь, задавшись мыслью не упоминать въ ней ни діавола, ни адскихъ мученій. Мистическій характеръ католическихъ проповѣдей не нравился ей и она избрала темой любовь къ ближнему.

Стихи и восторженные письма къ Софіи Кане замѣнились впоследствии перепиской съ друзьями, въ числѣ которыхъ женщинъ уже не было. Съ той минуты, какъ она выступила на политическое поприще, ея двери были закрыты для женщинъ. Кружокъ, собиравшійся у нея въ домѣ, былъ исключительно мужской. Она писала не только знакомымъ, но даже и не знакомымъ, поддерживая дѣятельную корреспонденцію съ однимъ господиномъ, котораго видѣла разъ въ жизни и встрѣтивши послѣ полуторагодовой переписки не узнала въ лицо и приняла, какъ посторонняго. Она тогда только поняла свою ошибку, когда тотъ ушелъ обиженный. Тутъ только, припоминая его черты, она вспомнила, что это именно и есть ея корреспондентъ.

Съ перомъ въ рукахъ она забывала всѣ свои невзгоды. Съ такой пылкой натурой какъ ея, и постоянно пожиравшей ее жаждой счастья и наслажденія, ей надо было наполнить каждую минуту своей жизни, чтобы не давать разыгрываться своему воображенію. Лучшимъ лекарствомъ, исцѣлявшимъ ее отъ всѣхъ недуговъ, былъ для нея трудъ.

Большую часть жизни она провела въ уединеніи, очень мало выѣзжая и никого почти не принимая у себя, и не смотря на то чувство скуки было ей не знакомо. Если она и жаловалась на что нибудь, такъ развѣ только на то, что день слишкомъ коротокъ и что еслибъ въ немъ было еще десять лишнихъ часовъ, то и для нихъ нашлось бы дѣло.

Не смотря на чисто мужской, дѣловой складъ своего ума, она свято исполняла обязанности женщины, ухаживая за больными и занимаясь хозяйствомъ. Хозяйство, по ея словамъ, отнимало у нея не больше двухъ часовъ въ день. „Когда умѣешь работать, говорить она, времени на все хватитъ; и только люди, которые ничего не дѣлаютъ, всегда жалуются на то, что у нихъ мало времени. Въ государственномъ управленіи бываетъ то же, что и въ домашнемъ: эти знаменитыя хозяйки, которыя всюду кричатъ о свихъ заботахъ, все дѣлаютъ кое-какъ, и эти государственные люди, всегда занятые и всюду болтающіе о своихъ дѣлахъ, въ большинствѣ случаевъ не способны ни къ чему“.

Взглядъ на женщину очень мало соответствовалъ той роли, которую она сама играла впоследствии. Женщина, по ея мнѣнію, должна всецѣло посвятить себя мужу и семьѣ. Она должна сама кормить своихъ дѣтей, держать въ порядкѣ бѣлье, покупать провизію и даже стирать. Если судьба надѣлила ее не дюжиннымъ умомъ, онъ не долженъ выходить за предѣлы ея дома. Съ той минуты, какъ имя ея дѣлается достояніемъ общества, она теряетъ больше, чѣмъ выигрываетъ. Заставить цѣнить и уважать себя въ кругу своихъ близкихъ и быть равнодушной къ тому, что говорятъ о ней посторонніе,—вотъ истинное призваніе ея.

Странно конечно слышать такое сужденіе со стороны женщины, которая кинулась въ водоворотъ политическихъ страстей и черезъ своего мужа управляла цѣлымъ министерствомъ. Но дѣло въ томъ, что когда эта теорія женскаго призванія развивалась ею, она была далека еще отъ мысли, что когда нибудь можетъ открыться передъ нею политическая арена. Ни ея происхожденіе, ни ея замужество, не давали ей права надѣяться на это. Въ ея разсужденіяхъ о скромности женскаго удѣла слышится столько же голосъ неудовлетвореннаго самолюбія, которое не можетъ разсчитывать на что нибудь лучшее, сколько вліяніе Руссо съ его семейной идилліей и возвращеніемъ къ первобытной простотѣ.

О ней говорили, что она представительница буржуазіи, что всѣ ея чувства, предразсудки, идеалы, чисто буржуазны и это совершенно справедливо. Ея ненависть къ существующему порядку вещей и кастовымъ различіямъ общества, имѣетъ въ основѣ не столько желаніе народнаго блага, сколько оскорбленное самолюбіе. Вотъ, что говоритъ Ламартинъ о людяхъ ея партіи. „Эту партію составляли люди съ громаднымъ честолюбіемъ и высокими талантами, люди, одушевленные пыломъ юности, нетерпѣливо желавшіе занять видное положеніе, жаждавшіе извѣстности, фортуны и власти. Они были большею частію люди бѣдные и неизвѣстные и стремились добыть себѣ то, чего имъ недоставало... Это была буржуазія торжествующая, завистливая, подвижная, аристократія таланта, которая хотѣла подчинить себѣ одной и эскупатировать свободу, власть и народъ“¹⁾).

Чтобы понять, что могло толкнуть эту пылкую женщину въ омутъ революціи, нужно принять въ соображеніе тѣ условія, въ которыхъ она жила и развивалась. Какъ она ни пыталась стать выше предразсудковъ, но мысль о томъ, что она дочь простого ремесленника заставляла ее съ ненавистью глядѣть на каждого аристократа. Когда бабушка еще ребенкомъ привела ее въ домъ одной важной барыни и она поняла тамъ разницу между своей бабушкой и этой барыней, въ ней впервые зажглась ненависть къ людямъ, которые считали

¹⁾ Исторія Жирондистовъ, Ламартина. Т. I. стр. 237.

себя выше ея. И каждое новое столкновение съ ними только усиливало въ ней тайную злобу противъ нихъ.

Ей случилось какъ то быть секретаремъ одной дѣвицы изъ старой дворянской фамиліи, писать для нея дѣловыя письма, прошенія и даже иногда сопровождать ее въ ея дѣловыхъ визитахъ. Почетъ, съ которымъ принимали вездѣ эту особу, не смотря на ея чопорность, невѣжество, старомодный нарядъ и смѣшныя манеры, и полное невниманіе къ ней—молодой, красивой, талантливой, но незнатной дѣвушкѣ, заронили въ ея душу тѣ сѣмена, которыя дали потомъ такую богатую жатву. „Я не могла не видѣть, говорила она, что была лучше этой старой дѣвы, которая не смотря на свои 40 лѣтъ и на свою длинную генеалогію не въ состояніи была написать грамотнаго письма, я находила, что общество очень несправедливо и что соціальныя учрежденія нелѣпы“.

И вотъ она читаетъ Монтескье и говоритъ о томъ, что если такой порядокъ вещей будетъ продолжаться, если хлѣбъ будетъ такъ же дорогъ и народъ такъ же бѣденъ, а въ высшихъ сословіяхъ будетъ та же роскошь и развратъ—кризисъ неизбеженъ: или измѣнится форма правленія, или наступитъ летаргія близкая къ смерти.

Новый ударъ ея самолюбію и новое размышленіе о недостаткахъ соціальнаго устройства! Одна изъ ея знакомыхъ служила экономкой въ домѣ финансиста Гадри. Бывая у нея, она познакомилась съ его семьей и даже получила отъ него приглашенія на обѣдъ. Но каково же было ея негодованіе, когда ее посадили за столъ не съ господами а съ прислугой: съ дворецкими, камердинерами и старшими горничными барыни. Этотъ обѣдъ конечно не былъ никогда забыть гордой дочерью гравера. Ея ненависть къ знати, родовой и финансовой, не имѣла предѣловъ. Покровительственный тонъ какого нибудь молодого дворянчика поднималъ въ ней желчь и вызывалъ суровое выраженіе на ея лицѣ. Когда одинъ изъ ея жениховъ, въ числѣ своихъ прочихъ достоинствъ выставилъ на видъ свое дворянское происхожденіе, ей, дочери простого буржуа,—это тотчасъ же возстановило ее противъ него.

Поѣздка въ Версаль довершила ея воспитаніе въ этомъ родѣ. Ее повезли туда къ знакомымъ, чтобы показать ей дворецъ. Жалкая комнатка, которую она занимала гдѣ-то на чердакѣ Версальскаго дворца, пышные выходы, гулянья, катанья и обѣды, въ которыхъ она не могла принять участія, надменная знать, едва удостоивавшая замѣтить ее, буржуазная простота и скромность ея наряда, вызывавшая только снисходительныя и невыносимыя для ея уха похвалы, все это вмѣстѣ не могло ей сдѣлать пріятнымъ пребываніе въ Версали. Она съ презрѣніемъ говоритъ о томъ, какъ разные герцоги и перы и даже самъ архіепископъ парижскій считали за честь занимать во дворцѣ такія конуры, которыхъ навѣрное у нихъ въ домѣ не

занимала даже ихъ прислуга. „Я ничего не имѣла противъ самой обстановки, говорить она, но мнѣ было невыносимо видѣть, что вся эта пышность служила только для того, чтобы выдвинуть ничтожныхъ людей и безъ того уже пользовавшихся слишкомъ большой властью.“

Когда мать спросила ее, довольна ли она поѣздкою:

— Очень! отвѣтила она съ негодованіемъ. Лишь бы только поскорѣе вонъ отсюда! Еще нѣсколько дней и я такъ стану ненавидѣть всѣхъ этихъ людей, что эта ненависть будетъ душить меня.

Уѣзжая, она со вздохомъ думала объ Аѳинахъ, гдѣ такъ же могла бы восхищаться произведеніями искусства, какъ и въ Версальскихъ садахъ, но безъ ежеминутныхъ терзаній, которыя причинялъ ей видъ раболопной и надменной знати. „Въ эти минуты говорить она, я забывала всѣ темныя стороны республики, я забывала смерть Сократа, изгнаніе Арситида“.

III.

Семейная жизнь.—Первая любовь.—Женихи.—Поклоненіе Руссо.—Смерть матери.

Жизнь въ родительскомъ домѣ шла довольно однообразно. Отецъ попробовалъ втянуть ее въ занятіе своимъ мастерствомъ и даже положилъ ей маленькое жалованье за ея работу; но она исполняла ее неохотно. „Мнѣ было гораздо пріятнѣе, говорить она, прочесть хорошую книгу, чѣмъ купить себѣ ленту на заработанныя деньги“. Книги, музыка, рисованіе, письма къ Софіи Кане, прогулки съ отцомъ, работа и чтеніе съ матерью наполняли ея дни. Иногда отправлялась на выставку картинъ, очень рѣдко въ театръ, куда попадала все какъ-то неудачно. Если приходили гости, которые были ей не по душѣ, она запиралась у себя въ комнатѣ, продолжая тамъ свои занятія.

Отецъ все меньше сидѣлъ дома, уходя всегда говорилъ, что идетъ на минуту и не возвращался даже къ ужину. Мать медленно угасала, безъ малѣйшей жалобы или упрека. Существо чрезвычайно сдержанное, она умѣла даже своей безграничной любви къ дочери придать видъ какой-то холодности, которой измѣнила только разъ въ жизни, когда дочь была больна.

Бѣдная внѣшними событіями, жизнь эта была однако очень полна для молодой дѣвушки, переноса ея то въ міръ древнихъ республикъ, то въ область социальныхъ вопросовъ, то наконецъ въ сферу чистой науки съ алгебраическими уравненіями, извлеченіемъ корней и построеніемъ треугольниковъ. Не одна, а тысяча жизней были прожиты въ скромномъ уголкѣ этого домика, цѣлыя государства созда-

вались и разрушались тутъ, цѣлая системы міра и ученія, добытыя трудомъ многихъ поколѣній, смѣнялись тутъ съ поразительной быстротой, отрицалось существованіе Бога, замышлялось новое государственное устройство!.. Г-жа Роланъ не читала, а переживала то, что было въ книгахъ. Она вмѣстѣ съ Гракхами предлагала аграрные законы Риму, вмѣстѣ съ народомъ удалялась на Авентинскую гору и подавала голосъ за трибуновъ.

Не обошлось дѣло и безъ сердечныхъ бурь, хотя истинную страсть ей суждено было испытать только на закатѣ своихъ дней. Первой любовью ея было существо совершенно ничтожное, неудавшійся литераторъ и педагогъ, маленькая, некрасивая, черноватая личность. Но вѣроятно въ томъ кружкѣ, который бывалъ у нихъ, онъ былъ все-таки умнѣе и развитѣе другихъ и остановилъ на себѣ вниманіе молодой дѣвушки. Конечно не таковъ былъ ея идеалъ мужа, который долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ выше ея. Но гдѣ же искать его? Кругомъ все было такъ мелко и ничтожно! Ла-Бланшери, таково было имя этого перваго претендента, оказавшагося впоследствии просто ловкимъ спекуляторомъ, искавшимъ богатыхъ невѣстъ,—скоро увидалъ, какъ легко подѣйствовать на воображеніе этой дѣвушки, почти невидавшей людей... Онъ принесъ ей какую-то книжонку своего сочиненія, какое-то пособие для отцовъ и матерей, показавшуюся ей тогда чрезвычайно умною. Въ письмѣ къ подругѣ она признается, что любовь къ нему могла бы дойти до безумія, если бъ она не приняла противъ нея мѣръ и не обуздывала воображенія серьезными занятіями. По счастью денежные расчеты отца спасли ее отъ этого брака. Онъ нашелъ, что Ла-Бланшери, какъ человекъ безъ всякихъ средствъ, не могъ быть мужемъ ея дочери, и предложилъ ему сначала найти себѣ мѣсто, а потомъ ужъ свататься. Марія Филипонъ только въ послѣдствіи узнала, каковы были истинныя намѣренія ея предмета. Этотъ ударъ, нанесенный ея первой любви, надолго отрезвилъ ее.

Между тѣмъ въ женихахъ недостатка не было, но все это были большею частію купцы, ювелиры, даже мясники. Отецъ ея былъ не прочь пристроить ее, но она рѣшительно возстала, такъ какъ среди купцовъ, по ея мнѣнію, не могло быть честныхъ людей. На бракъ она смотрѣла какъ на подвигъ и находила, что главной цѣлью его должно быть воспитаніе полезныхъ гражданъ для общества. Это заставляло ее искать не столько мужа, сколько воспитателя своихъ будущихъ дѣтей. Нельзя не видѣть въ этомъ опять вліяніе Руссо. Въ это время онъ былъ ея настольной книгой. Ея поклоненіе ему дошло до высшей точки. Она восхищалась сельской жизнью и отрицала искусство, которое по ея словамъ развиваетъ въ людяхъ дурныя инстинкты, заставляя ихъ выше всего ставить свой собственный интересъ и строить свое счастье на несчастіи и неспособности другихъ. Когда обожаніе Руссо перешло всѣ границы, она не выдержала и написала ему письмо и потомъ сама пошла за отвѣтомъ. Но Руссо ее не принималъ; ей от-

перла дверь его жена и сказала, что мужу ея нуженъ отдыхъ и онъ давно уже отказался отъ пріемовъ.

Настроенная его сочиненіями, она продолжала искать себѣ мужа-педагога. Въ числѣ жениховъ ея былъ одинъ докторъ. Эта профессія нравилась ей и хотя самъ женихъ былъ ей не по душѣ, она изъ принципа, потому что онъ былъ умный человѣкъ, съ которымъ умная женщина можетъ жить, дала ему согласіе. И опять свадьбу разстроилъ отецъ.

Около этого времени г-жу Роланъ ждала первая большая потеря въ ея жизни: она лишилась матери. Повторившійся параличъ унесъ ее въ нѣсколько часовъ. Потеря эта страшно поразила ее; она сама слегла и двѣ недѣли провела между жизнью и смертью.

IV.

Первое знакомство съ Роланомъ.—Его личность.—Сватовство.—Отказъ отца и монастырь.—Замужество.—Отношенія г-жи Роланъ къ мужу.—Внутренняя борьба.

Госпожѣ Роланъ было 20 лѣтъ, когда она познакомилась съ своимъ будущимъ мужемъ. Онъ нѣсколько лѣтъ бывалъ у нихъ въ домѣ прежде, чѣмъ она могла допустить мысль, что будетъ его женой. Дѣло въ томъ, что онъ былъ вдвое старше ее и годился ей въ отцы. Не смотря на всѣ диѳирамбы, которыя она расточаетъ ему въ своихъ запискахъ, выставляя его человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ, это былъ довольно сухой педантъ съ ограниченнымъ умомъ и неограниченнымъ эгоизмомъ. Старый холостякъ съ разбитымъ здоровьемъ, вѣчнымъ катарромъ желудка, съ необыкновенно высокимъ мнѣніемъ о себѣ, онъ прикрывалъ свое ничтожество суровымъ видомъ республиканца, свое упрямство—твердостью характера. Это была одна изъ тѣхъ ученыхъ бездарностей, которыя внушаютъ суевѣрное уваженіе толпѣ и заставляютъ предполагать неизмѣримую глубину тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ тупого самообожанія.

Своимъ первымъ знакомствомъ съ нимъ г-жа Роланъ обязана была своей подругѣ. Софія Кане прислала его къ ней съ письмомъ, увѣдомляя ее, что податель этого письма г. Роланъ Платьеръ и есть тотъ самый философъ, о которомъ она говорила ей прежде, человѣкъ строгихъ нравовъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и извѣстный своею ученостью. Какъ свѣтская дѣвушка, Софія Кане находила въ немъ только два недостатка: его слишкомъ неограниченное поклоненіе древности и презрѣніе къ современникамъ и его страстишку говорить о себѣ.

Это былъ человѣкъ 40 слишкомъ лѣтъ, высокій, желтый, худой, съ почтенной лысиной на головѣ и съ неподвижностью кабинетнаго ученаго, привыкшаго цѣлые дни проводить за письменнымъ столомъ.

Его сухой, отрывистый голосъ, какъ у людей, страдающихъ одышкой, былъ непріятенъ для уха, хотя онъ и говорилъ очень умныя вещи. Такъ по крайней мѣрѣ казалось 20-лѣтней дѣвушкѣ, давно уже томившейся ожиданіемъ умнаго и образованнаго человѣка, который рисовался въ ея воображеніи.

Послѣ смерти матери жизнь ея стала не весела. Отецъ завелъ себѣ любовницу, бросилъ дѣла, втянулся въ картежную игру и проживалъ не только свое, но и ея состояніе. Первое время онъ еще стѣснялся, старался иногда сидѣть дома и играть съ дочерью въ пикетъ; но такъ какъ обыгрывать дочь интереса не представляло, да она и сама видимо томилась этимъ, чувствуя непобѣдимое отвращеніе къ картамъ, то онъ освободилъ наконецъ и себя и ее отъ этихъ подвиговъ самопожертвованія.

Г. Роланъ продолжалъ бывать у нихъ; онъ любилъ поговорить, а Марія Филипонъ умѣла слушать. Между ними скоро установились дружескія отношенія. Уѣзжая въ Италію, Роланъ вручилъ ей на храненіе всѣ свои рукописи. Довѣріе его чрезвычайно польстило ей. Полтора года, проведенные имъ за границей, устроили его сердечныя дѣла лучше, чѣмъ онъ могъ бы устроить ихъ самъ. Его путевыя записки и философскія размышленія были читаны и перечитаны молодую Филипонъ. Судьба видимо хотѣла подшутить надъ ней, посылая ей въ молодости такихъ людей, какъ Роланъ и Ла-Бланшери и только въ зрѣлыхъ годахъ бросивъ ее въ кружокъ людей, дѣйствительно умныхъ и талантливыхъ и способныхъ зажечь въ ней позднюю и неудовлетворенную страсть. Нужно было всю ея неопытность, незнаніе людей и страстное желаніе вырваться изъ отцовскаго дома, чтобы повѣрить въ таланты Ролана и отдать ему свою судьбу.

Какъ истинный философъ, онъ употребилъ пять лѣтъ на то, чтобы объяснить ей свои чувства. Когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе, она была страшно удивлена. По ея словамъ, она привыкла смотрѣть на него, какъ на существо, неимѣющее пола. Но таково было вліяніе этого сухого моралиста на полную жизни и огня дѣвушку, что она считала себя недостойной его и откровенно объяснила ему, что не можетъ быть хорошей партіей для него; отецъ ея раззоренъ, а ея личное состояніе не превышаетъ 500 ливровъ годового дохода. Она серьезно совѣтовала ему подумать, но онъ настаивалъ и, тронутая этимъ, она согласилась.

Отецъ ея посмотрѣлъ на дѣло иначе. Чопорность Ролана была ему не по душѣ; онъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы дочь его, отказавшая выгоднымъ женихамъ, которые могли бы обезпечить ее на всю жизнь, могла выйти за эту высохшую мумію. Не посовѣтовавшись съ нею, онъ послалъ ему отказъ, и въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ. Дочь послѣ этого объявила ему, что не хочетъ больше жить съ нимъ въ одномъ домѣ, оставила ему кое-какія вещи свои и серебро на уплату его долговъ, себѣ взяла самое необходимое, наняла ком-

натку въ монастырѣ, гдѣ и прожила полгода, питаясь картофелемъ, бобами и рисомъ, во всемъ нуждаясь и изрѣдка только навѣщая отца, чтобы привести въ порядокъ его платье и бѣлье. Все это было сдѣлано сторяча, въ надеждѣ на то, что женихъ прилетитъ къ ней и вырветъ ее изъ этого добровольнаго заточенія.

Но время шло, а влюбленный философъ писалъ къ ней трогательныя письма, но этимъ и ограничивался. Въ 45 лѣтъ любовь глупостей не дѣлаетъ. Марія Филипонъ поняла это и это значительно отрезвило ее. Но гордость не позволяла ей измѣнить своему слову и вернуться къ отцу. Черезъ полгода Роланъ надумался и пришелъ навѣстить ее. Свиданіе это опять воспламенило ее и онъ тутъ же повторилъ свое предложеніе. На этотъ разъ она задумалась; но другого выхода не было и она дала свое согласіе. Безумный шагъ, который стоилъ ей потомъ долгой, непрерывной борьбы! Ей нужно было призвать на помощь всю свою философію, чтобы сдѣлать изъ себя сидѣлку, сестру милосердія и домашняго секретаря своего мужа; чтобы, удовлетворяя всѣмъ его старческимъ капризамъ, убѣдить себя, что она служитъ великому человѣку. Учиться у него алгебрѣ, которая отталкивала ее своею сухостью, составлять ему гербаріи, переписывать и держать корректуру его сочиненій, самой готовить ему тѣ кушанья, которые могъ переварить его ученый желудокъ и не смѣть даже противорѣчить ему, чтобы не вызвать тѣни неудовольствія на его лицѣ—вотъ что въ теченіи 12 лѣтъ наполняло жизнь этой умной и энергичной женщины.

Нужно было имѣть огромную силу воли, чтобы, обманывая другихъ, обмануть и себя, чтобы писать проекты своего мужа, управлять его именемъ, вдохнуть въ него душу, толкнуть его на политическую арену и каждую минуту повторять себѣ, что онъ все, а она только его орудіе. Это былъ подвигъ въ полномъ смыслѣ слова и она его совершила. Всѣ 400 страницъ ея мемуаровъ пересыпаны восклицаніями о томъ, что мужъ ея не умретъ въ потомствѣ, что справедливость Аристиды и строгость Катона были не единственными его добродѣтелями, что еслибъ ему немножко побольше знанія людей, то онъ былъ бы способенъ управлять не только министерствомъ, но цѣлымъ государствомъ. Изъ плохого чиновника и посредственнаго ученаго у нея выходитъ какой-то доблестный герой. Мы не стали бы распространяться объ этомъ, еслибъ вмѣстѣ съ своей женой „добродѣтельный Роланъ“ не дурачилъ другихъ и, завертываясь въ свою римскую тогу, не поднимался на неподобающую ему высоту. Всѣ его добродѣтели, о которыхъ столько трубили тогда, ограничивались честностью и надо признаться, мало дѣлали чести его времени, если человѣкъ, не набивавшій себѣ кармана чужими деньгами, могъ такъ сильно гордиться этимъ.

Что же дала г-жѣ Роланъ ея жизнь съ нимъ? „Были минуты, говоритъ она, когда я чувствовала, что мы не пара. Когда мы жили

въ уединеніи, мнѣ бывало подѣ часъ тяжело; когда мы бывали въ обществѣ, мнѣ встрѣчались люди, которые мнѣ нравились и къ которымъ и я не всегда могла остаться равнодушной“ При такихъ условіяхъ уединеніе все-таки было лучше: оно меньше представляло соблазновъ, съ тѣхъ поръ особенно, какъ у нея родился ребенокъ и можно было приложить къ дѣлу свои теоріи воспитанія.

Семейные подвиги г-жи Роланъ, были ни сколько не меньше ея политическихъ подвиговъ, и ея жизнь съ сварливой и капризной свекровью, этотъ добровольный искусь, которому она подвергала себя, столько же дѣлали честь ея мужеству, сколько и знаменитое вполнѣдствіи письмо къ королю. Чтобы понять политическаго дѣятеля въ г-жѣ Роланъ, нужно видѣть въ ней женщину и прослѣдить ту адскую работу воли, ту постоянную ломку, которой она подчинила себя и свои чувства. Слишкомъ самолюбивая, чтобы стоять на заднемъ планѣ, она не искала дороги въ высшій свѣтъ, гдѣ могло быть только одно приличное для нея мѣсто, но и то уже къ несчастію занятое,—мѣсто французской королевы, этой вѣтряной, дерзкой, самоувѣренной, преданной чувственнымъ наслажденіямъ австрійки, какъ она о ней отзывалась. Даже эшафотъ, уравнившій всѣхъ, не могъ примирить ее съ ней; она возмущалась тѣмъ, что ихъ участь одинакова. Вообще чувство снисходительности къ врагу было ей незнакомо: она не признавала въ другомъ лагерѣ не только добродѣтелей, но даже и талантовъ. Послѣ своего мужа она считала способными людьми только пять-шесть человѣкъ изъ его партіи; все остальное было на ея взглядъ или развратно или ниже посредственности. Франція представлялась ей какой-то пустыней, въ которой нельзя было набрать десяти человѣкъ, чтобы поставить во главѣ какого нибудь дѣла. Интересенъ между прочимъ ея отзывъ о Неккерѣ, котораго она называетъ жалкимъ ничтожествомъ съ раздутой славой и неимоверно высокимъ мнѣніемъ о себѣ, не подозревая, что этотъ отзывъ могъ быть всецѣло примѣненъ къ ея мужу и къ цѣлой плеядѣ подобныхъ ему государственныхъ людей, о которыхъ еще Монтескье сказалъ, что они поддерживаютъ государство такъ же, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго.

V.

Переломъ въ жизни г-жи Роланъ. — Начало революціи. — Отношеніе къ народу.—Ея идеаль. — Возникновеніе ея салона. — Разочарованіе въ людяхъ.— Знакомство съ Робеспьеромъ.—Роланъ сдѣланъ министромъ.

Жизнь г-жи Роланъ представляетъ собственно два періода: тридцать семь лѣтъ неизвѣстности и два года политической дѣятельности. Мы видѣли первый, перейдемъ теперь ко второму.

Начало революціи застало Ролана въ Ліонѣ, гдѣ онъ служилъ по городскимъ выборамъ и обличалъ злоупотребленія городской админи-

страціи. Финансы города представляли тогда сколокъ съ государственныхъ финансовъ и благодаря повальному грабежу были въ такомъ же безнадежномъ состояніи. Ліонъ имѣлъ 40 милліоновъ долгу. Фабрики остановились, 20 тысячъ рабочихъ сидѣли безъ хлѣба, нужно было довести объ этомъ до свѣдѣнія національнаго собранія и депутатомъ туда былъ отправленъ Роланъ. Въ февралѣ 1791 г. онъ пріѣхалъ съ женой въ Парижъ.

Въ жизни ея съ этой минуты наступаетъ страшный переломъ. Семья, привязанности, даже любовь къ дочери, все отступаетъ на задній планъ! Политика какъ вино ударила ей въ голову. Ходъ событий казался ей слишкомъ медленнымъ. Еслибъ это было въ ея власти, она сразу подвинула бы его на десять лѣтъ. Она испытываетъ адскія мученія, когда видитъ, что около нея медлятъ, идутъ на сдѣлки, чего-то выжидаютъ. Наносить удары врагу и наносить ихъ мѣтко, кажется ей единственнымъ полезнымъ дѣломъ. Она не вѣритъ въ возможность мирныхъ переворотовъ. Она ждетъ какого-то возрожденія, которое сразу осчастливитъ цѣлую массу народа. Но еще важнѣе, чѣмъ это народное благо, было для нея уничтоженіе нѣкоторыхъ ей лично непріятныхъ предрасудковъ и привилегій. Чтобы талантъ могъ занять подобающее ему мѣсто, нужно было сравнять почву.

Что народъ былъ тутъ на второмъ планѣ, а на первомъ стояло для нея торжество буржуазіи, въ этомъ насъ убѣждаютъ собственныя ея признанія, разбросанныя въ ея запискахъ. Посмотримъ, какъ она относилась къ этому народу, во имя котораго начиналась революція. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ есть, правда, слова о томъ, что она скорбѣла о его печальной участи. Но такъ ли это? Не было ли это чувство вымышленнымъ и не служило ли оно оправданіемъ къ тому, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ добывать себѣ право на извѣстность и на участіе въ государственномъ управленіи? Что такое былъ народъ въ ея глазахъ? Трусливая и невѣжественная масса, у которой эгоизмъ шелъ объ руку съ лѣнью! ¹⁾ Толпа глупцовъ, всегда готовая поклоняться тому, кто громче кричитъ. Удивить ее, ошеломить—значить въ тоже время и повелѣвать ею! Каждый фанатикъ, каждый ловкій плутъ, можетъ это сдѣлать. „О, какъ правъ былъ тотъ древній ораторъ, восклицаетъ она, который, услыхавъ, что народъ аплодируетъ ему, обратился къ своимъ друзьямъ и спросилъ, не сказалъ ли онъ какой нибудь глупости!

„Народъ несчастенъ и достоинъ сожалѣнія, потому что его обманываютъ и ведутъ на казнь въ лицѣ его лучшихъ представителей: (т. е. жирондистовъ).

„Народъ утопаетъ въ невѣжествѣ и упивается клеветой ²⁾. Всѣ по-

¹⁾ Mémoires de m-me Roland, стр. 45.

²⁾ Тамъ же, стр. 280.

пытки къ возрожденію его бесполезны; въ немъ слишкомъ много низкихъ инстинктовъ, онъ погрязъ въ порокахъ... Мы думали поднять его, говорить она, забывая, что низость и эгоизмъ лежатъ въ основѣ его характера ¹⁾).

„Свобода создана только для гордыхъ душъ, которыя презираютъ смерть и умѣютъ во время поразить врага, а не для этой развращенной націи, которая выходитъ изъ грязи и нищеты только для того, чтобы погрузиться въ развратъ и упиваться кровью эшафотовъ ²⁾).

Но довольно объ этомъ! Достаточно будетъ прибавить, что когда въ тюрьмѣ она столкнулась съ этимъ народомъ, она почувствовала такое отвращеніе къ нему, что избѣгала выходить изъ своей комнаты и нанимала женщину, которая носила ей воду, чтобы только не смѣшиваться съ толпой. Въ ея отношеніяхъ къ ней проглядывала та же смѣсь высокомернаго сожалѣнія и презрѣнія, котораго она не могла простить аристократамъ въ отношеніи себя. Она не прочь была сдѣлать и добро, она лечила, напримѣръ, крестьянъ въ деревнѣ, но точно то же могла сдѣлать и любая изъ ненавистныхъ ей аристократокъ. Воспитанная на древнихъ классикахъ, поставившая себѣ за идеаль греческія республики, гдѣ какой нибудь десятокъ тысячъ свободныхъ гражданъ процвѣтала, опираясь на рабство и на крѣпостной трудъ другихъ десятковъ тысячъ, она не могла стать выше своего вѣка и въ своемъ стремленіи пересадить афинскую республику на французскую почву должна была вмѣстѣ съ сотнями другихъ, подобно ей заблуждавшихся людей, потерѣть полнѣйшую неудачу.

Въ Парижѣ скромная квартирка ея сдѣлалась скоро центромъ цѣлаго кружка. Соединяющимъ звеномъ послужило въ началѣ то, что хозяйку всегда можно было застать дома и что она жила въ такой части города, куда каждому изъ членовъ кружка недалеко было идти. Четыре раза въ недѣлю по вечерамъ у нея собирались депутаты и обсуждались государственные вопросы. Не принимая участія въ преніяхъ, она сидѣла въ сторонѣ и, прислушиваясь къ разговорамъ, работала или писала. Иногда ей случалось написать до десяти писемъ въ вечеръ, не теряя ни одного слова изъ того, что говорили. Сама она еще не рѣшалась заговорить: 37 лѣтъ скромной жизни не дали ей увѣренности въ томъ, что она не глупѣе другихъ и что всѣ эти государственные дѣятели только съ виду такъ страшно умны, а на дѣлѣ очень часто пустѣйшіе люди.

У нея не было еще тогда сознанія, что людей въ Парижѣ нѣтъ, что посредственность царить вездѣ и превосходить всякое вѣроятіе, что начиная съ низшаго агента, отъ котораго требуется только здра-

¹⁾ Тамъ же, стр. 202.

²⁾ Тамъ же, стр. 392.

вый смысл и грамотность въ изложеніи своихъ мнѣній, и до генераловъ, командующихъ арміями, все это сплошь заражено той же эпидеміей ничтожества. „И не то, чтобы не было умныхъ людей, *l'esprit court les rues!* говоритъ она, но не было рѣшительно людей, способныхъ управлять, не было характеровъ и ширины взгляда.“ Всѣ эти горькія заключенія, къ которымъ она пришла, когда мужъ ея былъ министромъ, въ то время были еще чужды ей. Она была скромна, какъ институтка, и думала, что люди, которые говорятъ громче ея, непременно должны быть умнѣе ея. Она, читавшая Монтескье, Руссо, Вольтера и всѣхъ умнѣйшихъ авторовъ своего вѣка, долго не могла выйти изъ подъ обаянія этихъ ораторовъ и, слушая ихъ горячія рѣчи, не смѣла возвысить голоса.

Но слушая постоянно эту болтовню и легкость, съ какою эти господа болтали по три, по четыре часа, ни къ чему рѣшительно не приходя, она начала задумываться. „Возьмите каждого въ отдѣльности, говоритъ она, вы слышали превосходныя мысли, прекрасныя соображенія! Но все вмѣстѣ взятое совершенно лишено всякаго опредѣленнаго плана. Прекрасные ораторы и философы, умнѣйшіе политики на словахъ, они ничего не стоили, когда нужно было дѣйствовать; ни знанія людей, ни умѣнья управлять ими не было и тѣни!“

Все разговоры и разговоры! Ей это, наконецъ, такъ надоѣло, что у нея явилось неудержимое желаніе дать имъ всѣмъ пощечину, не смотря на несомнѣнную честность ихъ убѣжденій.

Къ этому времени относится и ея знакомство съ Робеспьеромъ, которому она долго за его благія намѣренія прощала ту скуку, какую онъ на нее наводилъ. Ея участіе къ нему доходило до того, что въ одинъ изъ бурныхъ дней революціи, когда онъ не могъ считать себя въ безопасности, она съ мужемъ отыскивала его по городу, чтобы предложить ему пріютъ у себя въ квартирѣ. Для нея, какъ и для нѣкоторыхъ изъ ея друзей онъ былъ тогда просто „несчастный молодой человѣкъ“.

На этотъ разъ они пробыли съ мужемъ въ Парижѣ семь мѣсяцевъ и уѣхали въ деревню, гдѣ и провели всю осень. Однимъ изъ послѣднихъ постановленій національнаго собранія уничтожалась должность правительственныхъ инспекторовъ мануфактуръ и Роланъ, занимавшій ее, рѣшилъ ѣхать опять въ Парижъ, чтобы хлопотать о пенсіи за сорокалѣтнюю службу. Они вернулись туда въ декабрѣ, когда былъ поднятъ вопросъ о новомъ министерствѣ и дворѣ, готовый на всѣ уступки, искалъ популярныхъ министровъ. Римская тога Ролана, на этотъ разъ пригодилась ему. Его республиканскія убѣжденія, его ничтожество и упрямство, имѣвшее видъ твердости, были именно тѣми добродѣтелями, которыя требовались тогда отъ популярнаго министра. Въ концѣ мѣсяца онъ получилъ назначеніе и вмѣстѣ съ Дюмурею пришелъ сообщить объ этомъ женѣ.

VI.

Дюмуре.—Мнѣніе г-жи Роланъ о немъ и о другихъ министрахъ.—Роланъ во дворцѣ.—Совѣтъ министровъ.—Салонъ сформировался.—Борьба съ Дюмуре.—
Письмо къ королю.—Отставка.

Первымъ чувствомъ г-жи Роланъ, когда она узнала объ этомъ, было опасеніе, что съ такимъ человѣкомъ какъ Дюмуре, ея мужъ не уживется. Инстинктъ говорилъ ей, что Дюмуре, эта умнѣйшая личность во всемъ министерствѣ, не постѣснится, когда ему нужно будетъ снять съ дороги какого нибудь Ролана. Умный и ловкій придворный, онъ могъ шутя столкнуть недалекаго республиканца. Его свободныя, непринужденныя манеры, его привычка вращаться въ высшемъ свѣтѣ и слишкомъ проникающій взглядъ не понравились ей съ перваго знакомства. Она поняла, что этого человѣка трудно будетъ закрѣпить за собою и что въ ихъ кружкѣ онъ пассивной роли играть не станетъ. Человѣкъ незнатнаго происхожденія, какъ и всѣ почти люди ихъ партіи, онъ могъ всего ожидать отъ революціи, но ловкость, съ какой онъ создавалъ себѣ друзей во всѣхъ кружкахъ, не позволяла ему принадлежать исключительно ни одному изъ нихъ. Генералъ, умѣвшій быть популярнымъ при дворѣ, въ арміи и среди якобинцевъ, былъ не надежнымъ другомъ въ глазахъ г-жи Роланъ. Нельзя было ожидать, чтобы 50-лѣтній мужчина, любившій весело пожить и проводить время съ актрисами, могъ находить особенное удовольствіе въ салонѣ хотя и красивой, но уже отцвѣтающей женщины и притомъ съ несомнѣннымъ притязаніемъ на политическую роль. Она видѣла въ немъ умнаго развратника, онъ въ ней — скучнаго фанатика. Дальше этого ихъ отношенія не шли.

Она саркастически замѣчаетъ, что онъ должно быть очень веселый собесѣдникъ въ обществѣ мужчинъ, когда они подвыпьютъ, и женщинъ сомнительнаго поведенія, но что съ порядочной женщиной онъ чувствуетъ себя неловко. Вообще, на ея взглядъ, его мѣсто было при дворѣ стараго режима; революція захватила его врасплохъ; онъ могъ служить ей смѣлостью и подчасъ геніальностью своихъ плановъ, но никогда ни одного изъ нихъ не въ состояніи былъ довести до конца. Чтобы стать во главѣ партіи, ему не доставало только одного—убѣжденія! Онъ никогда не вѣрилъ самъ тому дѣлу, которому служилъ. Онъ весь вылился въ двухъ словахъ:

— Если-бъ я былъ на мѣстѣ короля, говорилъ онъ, я провелъ бы всѣ партіи и самъ сталъ бы во главѣ революціи.

Изъ остальныхъ министровъ, никто по ея мнѣнію не стоялъ на высотѣ своего призванія. Она видѣляетъ только военнаго министра Сервана, человѣка безконечно ей преданнаго и служившаго орудіемъ въ ея рукахъ. Обо всѣхъ другихъ она отзывалась только мелькомъ и довольно жестко. Такъ морской министеръ Лакость, чиновникъ съ

ногъ до головы, не отличался ни дѣтельностью, ни шириной взгляда, необходимою въ такія времена. Министръ юстиціи казался ей старой бабой по своей трусости и страсти къ дразгамъ. Нѣсколько снисходительнѣе относится она къ министру финансовъ Клавьеру, человѣку ихъ партіи, котораго вмѣстѣ съ ея мужемъ выдвинули жирондисты; его она признаетъ хорошимъ работникомъ, но замѣчательно упрямымъ человѣкомъ, не уступавшимъ ни одной запятой въ своихъ проектахъ. Какъ истый кабинетный ученый, онъ не хотѣлъ знать ни жизни, ни чужихъ мнѣній, и находился въ вѣчной войнѣ съ ея мужемъ. При всемъ своемъ взаимномъ уваженіи эти люди другъ друга терпѣть не могли.

Такое разнокалиберное министерство изъ ученыхъ, чиновниковъ и республиканцевъ, съ ловкимъ придворнымъ во главѣ, уже само въ себѣ носило признаки разложенія, что и не замедлило вскорѣ обнаружиться. Предоставленное себѣ, оно тотчасъ же раздѣлилось на двѣ партіи: въ одной стоялъ Дюмуре и Лакостъ, въ другой три жирондиста — Роланъ, Клавьеръ и Серванъ; одинъ только министръ юстиціи сохранялъ нейтралитетъ.

Въ первое свое появленіе при дворѣ Роланъ вполне достигъ своей цѣли поразить и ужаснуть всѣхъ своей независимостью. Онъ пришелъ во дворецъ до того небрежно, даже грязно одѣтый, что произвелъ общій скандалъ. Главный церемоніймейстеръ подошелъ къ Дюмуре и, указывая съ безпокойствомъ на Ролана, шопотомъ сказалъ ему.

— Какъ, *monsieur!* даже и башмаки безъ пряжекъ?

— Да, *monsieur!* отвѣтилъ Дюмуре невозмутимо, все погибло!..

Г-жа Роланъ не безъ удовольствія рассказываетъ объ этомъ эпизодѣ, видимо полагая, что и онъ клонится къ прославленію ея мужа. А между тѣмъ онъ своею мелочностью въ проявленіи патріотизма и своей неряшливостью, которую выставялъ напоказъ, вызывалъ насмѣшки даже со стороны Марата, а Камиллъ Демуленъ, долго спустя послѣ его смерти писалъ: „Я не думаю, чтобы свобода обязывала кого нибудь ходить въ грязи, въ рваномъ платьѣ и съ продранными локтями, какъ я часто видалъ Ролана и Гаде, которые этимъ щеголяли“.

Но войти во дворецъ въ грязномъ платьѣ оказалось легче, чѣмъ сохранить тамъ свою независимость, и г-жа Роланъ скоро должна была убѣдиться въ этомъ. Въ совѣтѣ министровъ, по ея словамъ, больше вели салонные разговоры и рассказывали анекдоты, чѣмъ занимались государственными дѣлами. Король читалъ газеты, съ каждымъ изъ министровъ считалъ долгомъ поговорить о его личныхъ дѣлахъ и такъ очаровалъ Ролана, что тотъ снялъ на время свою римскую тогу и, постепенно размягчаясь, приходилъ изъ совѣта къ женѣ въ самомъ добродушномъ настроеніи. Та не могла простить ему этого и говорила, что всякій разъ, какъ она видитъ его въ такомъ настроеніи, она ждетъ, что онъ сдѣлаетъ какую нибудь глупость.

— Какую роль вы тамъ играете! говорила она. Вы всѣ въ пре-

красномъ расположеніи духа, потому что вамъ не дѣлають непріятностей, напротивъ за вами ухаживають. Каждый изъ васъ думаетъ, что можетъ дѣлать, что хочетъ, тогда какъ я увѣрена, что васъ всѣхъ тамъ дурачать.

Совѣтъ министровъ собирался четыре раза въ недѣлю. Въ эти дни министры обѣдали поочередно другъ у друга. У г-жи Роланъ приемный день была пятница. На этихъ то пятницахъ она впервые выступила въ роли политическаго дѣятеля. Ея салонъ, хотя она упорно утверждаетъ, что салона у нея не было, а былъ только кружокъ ея друзей, съ этихъ поръ носить исключительно политическій характеръ. Тутъ обсуждались всѣ мѣры, имѣющія цѣлью унижить или оскорбить дворъ; тутъ сходились министры и депутаты, сочинялись письма, воззванія, циркуляры; отсюда управлялось министерство внутреннихъ дѣлъ и контролировалось настроеніе умовъ въ провинціи. Здѣсь дѣлили карту Франціи и проводили черту, за которую не долженъ переступить монархизмъ; здѣсь изучали военныя позиціи и производительныя силы страны и открывали превосходное настроеніе Юга. Здѣсь же разыгрался эпизодъ, положившій начало не примиримой вражды Дюмуре и Ролана.

Въ городѣ разнесся слухъ о какой-то крупной взяткѣ, которую взялъ одинъ изъ чиновниковъ Дюмуре, директоръ департамента иностранныхъ дѣлъ, и подѣлился ею съ любовницей Дюмуре, m-me Воверь. Исторія эта была рассказана въ салонѣ г-жи Роланъ. Весь кружокъ возмущился этимъ и устроилъ что-то въ родѣ суда надъ Дюмуре, которому посовѣтовали быть впередъ осторожнѣе въ выборѣ своихъ агентовъ. Роланъ выступилъ при этомъ въ роли обвинителя. Дюмуре, смотрѣвшій по своему на вопросы нравственности и полагавшій, что на такіе пустяки не стоитъ обращать и вниманія, сначала отдѣливался шутками, но потомъ самъ рѣзко отиѣчалъ и прекратилъ свои посѣщенія. Г-жа Роланъ поняла, какого врага они нажили въ немъ и дала понять мужу, что если онъ не хочетъ, чтобы Дюмуре столкнулъ его, то пусть постарается столкнуть его первый.

Сдѣлать это было однако труднѣе, чѣмъ она думала. Этотъ гениальный интриганъ нашелъ комбинацію, которая сразу давала ему двѣ точки опоры: популярный во дворцѣ, сильный личнымъ расположеніемъ короля и королевы, онъ не побоялся войти на трибуну якобинцевъ и оттуда протянуть имъ руку, какъ друзьямъ. Оставляя такимъ образомъ за флагомъ жирондистовъ и г-жу Роланъ, онъ смотрѣлъ дальше и видѣлъ лучше ихъ.

Послѣ разрыва съ нимъ ей легче было овладѣть мужемъ, вырвать его изъ подъ вліянія короля и вдохнуть въ него ту энергію, которою она дышала сама. Черезъ свою креатуру Сервана ей удалось провести въ національномъ собраніи декретъ о 20-ти тысячной арміи, которую рѣшено было собрать въ провинціи и двинуть въ Парижъ, какъ охрану для національнаго собранія. Не трудно было догадаться, про-

тивъ кого именно предназначалась эта армія. Король отказался подписать декретъ. Все это время г-жа Роланъ находилась въ возбужденномъ состояніи. Съ такимъ орудіемъ, какимъ были въ ея рукахъ два министра — ея мужъ и Серванъ, она могла направлять удары далеко. Борьба при такихъ условіяхъ казалась ей не только возможною, но и желательною. Она знала, что за ней стоитъ цѣлая партія, достигшая высшей точки своего могущества. Дѣйствительно это было время торжества жирондистовъ. Горячая рѣчь ихъ гремѣла отовсюду; на всѣхъ трибунахъ царили ихъ ораторы; изъ другихъ кружковъ слышались только одиночные протесты, тотчасъ же подавленные обвиненіями въ измѣнѣ и мятежѣ. Они такъ же не скупились на эти обвиненія, какъ потомъ и ихъ враги.

Возраставшая популярность Дюмуре не давала покоя г-жѣ Роланъ. Съ той минуты, какъ онъ ушелъ изъ ихъ кружка, сошелся съ якобинцами и успѣлъ втереться въ довѣріе къ королевѣ, она считала невозможнымъ, чтобы мужъ ея продолжалъ служить съ нимъ. Надо было поставить вопросъ прямо: онъ или Дюмуре! Рѣшить это могъ только король, но и онъ въ ея глазахъ былъ такимъ же опаснымъ врагомъ. Его цѣлью было скомпрометировать министровъ и лишить ихъ популярности. Чтобы не допустить до этого, нужно было принять мѣры и уронить его во мнѣніи народа прежде, чѣмъ онъ успѣетъ уронить въ его мнѣніи министровъ.

Она убѣдила мужа, что ему остается только два выхода:—или вырвать у короля подпись ненавистнаго ему декрета, или подавать въ отставку. Но уйти молча, какъ могъ это сдѣлать всякій послѣдній чиновникъ, она считала недостойнымъ его. Нужно было разоблачить политику двора и написать родъ манифеста, который въ одно и то же время послужилъ бы оправданіемъ ея мужу и обвинительнымъ актомъ противъ короля. Нужно было, чтобы отставка Ролана явилась гражданскимъ подвигомъ и послужила къ его прославленію; и вотъ они вдвоемъ рѣшили написать письмо и убѣдить министровъ подать его королю, какъ коллективное заявленіе отъ всего министерства. Письмо было написано, министры приглашены на совѣщаніе, но рѣзкій тонъ посланія заставилъ ихъ призадуматься. Начались споры изъ за отдѣльныхъ фразъ, одинъ предлагалъ подождать, другой совсѣмъ отказывался подписать его. Было ясно, что соглашеніе не возможно. Тогда г-жа Роланъ убѣдила мужа дѣйствовать одного и подать заявленіе только отъ своего имени.

Знаменитое письмо это, имѣвшее скорѣе видъ доноса, такъ какъ цѣлью его было не убѣдить короля, а унижить его въ общественномъ мнѣніи, всецѣло принадлежало ея перу. По ея словамъ, оно было написано однимъ духомъ, какъ и все почти, что она писала въ этомъ родѣ. Предоставляемъ судить читателю о благоразуміи министра, прибѣгавшаго въ рѣшительныя минуты къ перу раздраженной женщины и выпускавшаго какъ манифестъ пространное, цвѣтистое и во всѣхъ

отношеніяхъ безтактное посланіе своей жены. Г-жа Роланъ не имѣла за собой даже того оправданія, что ея цѣлью было открыть глаза королю; угрожающій и оскорбительный тонъ письма не допускалъ этой мысли, а употребленіе, которое она сдѣлала изъ него въ послѣдствіи, еще яснѣе показало, въ чемъ именно заключалось ея намѣреніе. Она знала, что должно случиться одно изъ двухъ: или письмо напугаетъ короля и заставитъ его искать спасенія въ ихъ поддержкѣ; тогда они поставятъ ему условіемъ удалить Дюмуре и во главѣ министерства станетъ ея мужъ; или письмо оскорбитъ короля, тогда ея мужъ предастъ его гласности.

Все это такъ именно и случилось. Письмо возбудило негодованіе при дворѣ и король поручилъ Дюмуре составить новое министерство. Рѣшено было впрочемъ смѣнить не всѣхъ министровъ, а только тѣхъ, которые принадлежали къ партіи жирондистовъ. Серванъ первый пришелъ къ ней съ этимъ извѣстіемъ.

— Поздравьте меня! сказалъ онъ; меня прогнали.

— Мнѣ очень жаль, замѣтила она, что вы первый удостоились этой чести. Надѣюсь впрочемъ, что и мужъ мой не замедлитъ удостоиться ее.

Но этого ей было мало; ей нужно было увлечь за собою все министерство. Она не упускала изъ виду главнаго врага своего, Дюмуре, и надѣялась уговорить министровъ подать коллективный протестъ противъ него и заявить, что они не желаютъ сидѣть съ нимъ рядомъ въ совѣтѣ. Съ этой цѣлью, она послала за ними. Пришли только двое, но и тѣ видимо трусили. „Я никогда бы не повѣрила, говорить она, если бъ не была сама этому свидѣтельницей, до какой степени рѣдка въ людяхъ твердость воли и вѣрность сужденія и какъ мало людей, способныхъ управлять. Я понимаю теперь, отчего лица, стоящіе во главѣ какого нибудь дѣла доходятъ до полнѣйшаго презрѣнія къ людямъ; это неизбѣжный результатъ ихъ знанія жизни“.

Министры долго совѣтовались и отложили все до другого дня, а на другой день король потребовалъ одного изъ нихъ во дворецъ, откуда онъ вернулся съ вытянутымъ лицомъ и подалъ Ролану отставку.

— Ну вотъ, прогнали и меня, замѣтилъ тотъ улыбаясь.

Г-жа Роланъ только этого и ждала и сказала, что нужно не медля послать копію съ письма королю въ національное собраніе. „Я знала, какой эффектъ это должно произвести, говорить она, и не ошиблась въ этомъ. Мы достигали этимъ двойной цѣли: отставка мужа столько же послужила общему дѣлу, сколько и его личной славѣ. Я не гордилась его поступленіемъ въ министерство, но гордилась его выходомъ оттуда.“

VII.

Мяѣніе г-жи Роланъ о своей политической роли.—10-е августа.—Роланъ опять министръ. — Дантонъ. — Трескотня министерскихъ циркуляровъ. — Секретные фонды.—Темныя орудія революціи.—Ссоры министровъ.—Бездѣйствіе Ролана.— Непослѣдовательность жирондистовъ.

Она не ошиблась въ расчетѣ. Письмо надѣлало шума и вызвало въ собраніи демонстрацію въ пользу ея мужа и всѣхъ смѣненныхъ министровъ. По постановленію собранія оно было напечатано и разослано по всѣмъ департаментамъ.

По поводу этого она находить нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ свое оправданіе. Обвиненія, брошенныя въ нея Дантономъ и другими ея врагами въ томъ, что не Роланъ, а она управляла министерствомъ, встрѣчаютъ съ ея стороны самый горячій отпоръ.

Признать ничтожество своего мужа, ей, которая всегда говорила, что мужъ долженъ стоять во всѣхъ отношеніяхъ выше жены, было обиднѣе для ея самолюбія, чѣмъ признать себя орудіемъ въ его рукахъ. Она упорно отрицаетъ всякое участіе свое въ администраціи; если она и писала его бумаги, то просто потому, что у нея было больше времени. Она не видитъ, почему бы жена не могла исполнять должность секретаря своего мужа. Но убѣдить Парижъ въ томъ, что ея мужъ былъ все, а она ничто, было не такъ легко, какъ убѣдить въ этомъ самого Ролана, который, выдавая сочиненія жены за свои собственные, самъ наконецъ началъ вѣрить тому, что все это было написано имъ. Ей пришлось даже на судѣ отстаивать его самостоятельность, увѣряя, что мысль вездѣ принадлежить ему, а она только облакала ее въ форму живаго слова. Но все это ни къ чему не повело и злыя слова Дантона—„намъ нужны министры, которые смотрѣли бы на дѣло своими глазами, а не глазами своей жены“—сдѣлали свое дѣло. Г-жа Роланъ должна была убѣдиться, что ея слишкомъ явное участіе въ общественныхъ дѣлахъ убивало ея мужа вѣрнѣе, чѣмъ его собственное ничтожество!

Принужденная удалиться на время отъ дѣлъ, она съ нетерпѣніемъ слѣдила за успѣхами революціи, ожидая той минуты, когда событія опять призовутъ ее на политическое поприще.

10-е августа оправдало ея ожиданія. Этотъ день, опрокинувшій всѣ ненавистныя ей предразсудки, и составлявшій торжество ея партіи, которая привѣтствовала его какъ начало новой, лучшей эры, былъ въ то же время днемъ печальнаго для нихъ поворота. Никто изъ ликующихъ жирондистовъ не предвидѣлъ еще того, что близокъ конецъ ихъ царству и что сигналъ, поданный къ международной войнѣ, скоро увлечетъ и ихъ въ эту бездну, куда они покатались съ неудержимой силой, сами того не сознавая.

10-е августа выдвинуло опять Ролана и его друзей. Онъ былъ снова сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но на этотъ разъ со-

ставъ министерства былъ иной и на мѣстѣ ненавистнаго ему Дюмуре стояла грозная фигура Дантона.

Первое время ихъ отношенія были довольно дружескія. Дантонъ запросто приходилъ къ нимъ обѣдать и когда не заставлялъ мужа, то проводилъ время съ женой. Г-жа Роланъ говоритъ, однако, что даже и въ это время она не могла побѣдить какого то инстинктивнаго отвращенія къ нему. Читая ея записки, невольно думается, что этотъ человѣкъ, когда нибудь жестоко оскорбилъ ее и что есть что то недосказанное, чего она не прощаетъ ему. Забывая происхожденіе своихъ друзей, она ставитъ ему въ вину даже то, что до революціи онъ былъ ни кѣмъ неизвѣстнымъ адвокатомъ, что у него было больше долговъ, чѣмъ процессовъ и что его жена поддерживала свое скудное хозяйство только на тѣ 20 франковъ въ недѣлю, которые получала отъ отца. Она скорѣй готова протянуть руку Дюмуре, у котораго не отрицаетъ ни ума, ни таланта, чѣмъ этому мрачному трибуну, всѣмъ обязанному, какъ она думаетъ, своей наглости и силѣ своихъ легкихъ. Свой разрывъ съ нимъ она объясняетъ тѣмъ, что ея мужъ былъ для него слишкомъ честный человѣкъ, а она слишкомъ умная женщина, чтобы не разгадать его съ перваго же свиданія. Тутъ повторилась та же исторія, что и съ Дюмуре:—Дантонъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыми можно управлять изъ салона. Въ кружкѣ г-жи Роланъ ему мѣста не было, и онъ пересталъ бывать у нея.

Первой заботой Ролана, по вступленіи въ министерство, было обновленіе почти всего административнаго состава и это одно уже жена ставитъ ему въ большую заслугу. По ея мнѣнію, съ такими людьми, какими онъ окружилъ себя, даже и менѣе способный человѣкъ могъ бы легко управлять министерствомъ. На дѣлѣ этого однакожь не видно, ибо вся дѣятельность его съ этихъ поръ посвящена многорѣчивымъ циркулярамъ, которыми онъ буквально наводнялъ провинцію. Прославленіе 10-го августа и воззваніе къ благоразумію народа, чтобы избіеніе швейцарцевъ не послужило сигналомъ къ продолженію рѣзни, стремленіе доказать, что святое право возстанія перестаетъ быть святымъ съ той минуты, когда вмѣсто враговъ отечества обращается на его друзей — составляло въ значительной степени содержаніе этихъ манифестовъ. Однихъ этихъ документовъ было бы достаточно, чтобы сохранить для потомства во всемъ его ничтожествѣ образъ „добродѣтельнаго Ролана“. Въ своемъ опьяненіи властью онъ дошелъ до того, что самъ называлъ себя великимъ.

„Величіе моей задачи, пишетъ онъ въ своихъ циркулярахъ, не испугало меня. Не трудно быть великимъ, когда забываешь о себѣ, такъ же, какъ не трудно быть могущественнымъ, когда не боишься смерти“. На ряду съ такимъ самопрославленіемъ, на которое способенъ только французъ, и съ трескотней фразъ, лишенныхъ всякаго содержанія, идутъ наивныя воззванія къ народу, приглашавшія бо-

гатаго дѣлиться своимъ излишкомъ съ бѣднымъ, и всѣхъ вообще уважать законъ. Бывшій правительтвенный инспекторъ, философъ и политико-экономъ, думалъ упрочить благо Франціи и оживить ея промышленность такой трескотней фразъ: „Пусть всѣ жизненные припасы отнынѣ подвозятся свободно! пусть такъ же свободно развивается хлѣбная торговля, чтобы невѣжество, испуганное ложными слухами, не скрывало хлѣбныхъ запасовъ и жадность не спекулировала народными бѣдствиями!.. Пусть желѣзо переливается въ ядра и даже слабыя женщины посвящаютъ свой трудъ на пользу общую!.. Возстань, Франція! твой часъ пробилъ. Насталъ день битвы, пусть онъ же будетъ для тебя и днемъ побѣды!“

Наводнятъ Францію такими циркулярами значило по ихъ мнѣнію управлять странюю. Казалось, что эти люди дали себѣ слово столько же пролить чернилъ, сколько ихъ враги проливали крови. Но кромѣ чернилъ на это ушли не малыя суммы денегъ, изъ такъ-называемыхъ секретныхъ фондовъ. Употребленіе этихъ денегъ уже само по себѣ есть пятно въ дѣятельности республиканскихъ министровъ. Но г-жа Роланъ не только допускала своего мужа черпать изъ этого источника, она повидимому даже и не находила этого предосудительнымъ. Ея перо работало неутомимо; а секретныя фонды давали возможность печатать ея статьи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и разсылать по всей Франціи. Это она называла *éclairer la France*!

Еще въ первое свое министерство Роланъ на тѣ же фонды издавалъ журналъ, имѣвшій цѣлю подорвать значеніе двора. Представитель королевской власти велъ съ нею подпольную борьбу тѣмъ же оружіемъ, за которое его партія осуждала деспотизмъ. Г-жа Роланъ говорить, что революція разжигаетъ страсти и что трудно въ такое время сохранить необходимое спокойствіе; поэтому употребляются иногда довольно сомнительныя орудія и довольно темныя личности служатъ общему дѣлу. Одной изъ такихъ темныхъ личностей она считала, напр., герцога Орлеанскаго и находила совершенно естественнымъ, что его употребили въ извѣстныя минуты для поднятія народнаго духа, какъ употребляютъ дрожжи для поднятія хлѣба, и затѣмъ остранили его, когда онъ былъ не нуженъ. Допуская такія сдѣлки, она не замѣчала, какое оружіе она дастъ въ руки врагамъ и какъ этимъ оружіемъ со временемъ побьютъ ее. „Страсти разгоряются!“ Если этимъ путемъ она оправдывала 10-е августа, то другіе пошли дальше и тѣмъ же путемъ оправдали 2-е сентября.

Сто тысячъ франковъ, вотиrowанные собраніемъ и отданные въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ для распространенія въ народъ полезныхъ сочиненій, были костью, брошенной министрамъ. Какъ только Дантонъ и Фабръ узнали объ этомъ, они тотчасъ же явились къ Ролану съ предложеніемъ своихъ услугъ и брались до-ставить ему способныхъ журналистовъ. Роланъ отвѣчалъ уклончиво. Сто тысячъ были довольно крупной суммой! Узналъ о нихъ и Ма-

ратъ и, не долго думая, тотчасъ потребовалъ 15 тысячъ себѣ, за что бралъ на себя обязанность распространять наипользѣйшія книги. Роланъ попросилъ прислать ихъ въ рукописи и Маратъ прислалъ цѣлый возъ. Одинъ видъ ихъ, говоритъ г-жа Роланъ, наводилъ ужасъ; между ними были трактаты о цѣляхъ рабства и еще что-то въ этомъ родѣ... Собраніе между тѣмъ вотировало еще два милліона на секретные расходы и тутъ уже у министровъ началась настоящая война. Дантонъ требовалъ, чтобы ихъ раздѣлили по ровну; Роланъ доказывалъ, что надо отдать ихъ въ распоряженіе совѣта министровъ, который рѣшалъ бы по большинству голосовъ, на что ихъ употребить. Дантонъ взялъ верхъ, потому что всѣ товарищи держали его сторону.

Если въ первое министерство Ролана совѣтъ министровъ занимался болтовней и невинными анекдотами, то на этотъ разъ въ немъ происходили сцены иного рода и бурныя пренія часто оканчивались взаимными дерзостями. Роланъ, желая, чтобы каждое его слово дошло до потомства, хотѣлъ непременно, чтобы на засѣданіяхъ совѣта присутствовалъ секретарь, обязанный буквально записывать пренія. Но такъ какъ въ эти дни общаго возбужденія трудно было найти чловека, который согласился бы молчать, то и секретарь частенько вмѣшивался въ пренія. Роланъ сдѣлалъ ему разъ замѣчаніе.

— Да что же я по вашему, чернильница, что-ли? крикнулъ раздраженный секретарь.

Роланъ прочелъ ему нотацію, но въ словахъ секретаря отражалось только общее настроеніе: никто не хотѣлъ быть чернильницей.

Оправдывая бездѣйствіе своего мужа послѣ 2-го сентября, когда было перебито въ тюрьмахъ до тысячи чловековъ, г-жа Роланъ всю вину сваливаетъ на собраніе и на коммуну. Она не находитъ словъ, чтобы заклеить трусость собранія, которое оставило безнаказанными виновниковъ рѣзни. Но что дѣлали съ своей стороны министры? Что сдѣлалъ ея мужъ? Онъ писалъ и писалъ безъ конца! и въ коммуну, и къ военнымъ властямъ, и къ народу, приглашая заблудшихъ братьевъ прійти въ его объятія. *Si des frères égarés reconnaissent qu'ils se sont trompés*, говоритъ онъ, *qu'ils viennent! mes bras leur sont ouverts* ¹⁾! Онъ отдѣлывалъ свои фразы, когда нужно было дѣйствовать. „*J'ai admiré le 10 août, j'ai frémi sur les suites du 2 septembre* ²⁾!“ Такъ начинается онъ одно изъ своихъ изліяній. И въ то время, какъ Дантонъ устраивалъ свои дѣла, всюду набирая себѣ приверженцевъ и создавая себѣ друзей въ арміи, онъ сочинялъ посланія въ провинцію. Дантонъ запустилъ руку въ общественныя суммы и тратитъ ихъ безконтрольно, никому не давая отчета. Но почему же

¹⁾ Если заблудшіе братья сознаютъ свою ошибку, пусть придутъ ко мнѣ! мои объятія имъ открыты.

²⁾ Я преклонился передъ 10-мъ августа, и содрогнулся 2-го сентября.

Роланъ допустилъ это? почему онъ не вступилъ съ нимъ въ борьбу? Г-жа Роланъ объясняетъ это: министерство представляло для него слишкомъ сложный механизмъ; подробности поглощали его... Онъ писалъ циркуляры.

Испуганные новымъ движеніемъ, жирондисты провозгласили наконецъ то, что имъ слѣдовало провозгласить давно: что Парижъ не Франція, и что горсть бунтовщиковъ не составляетъ народа. Но то, что имѣло бы силу въ іюнѣ и въ августѣ, теряло всякое значеніе въ сентябрѣ. Пока народное возстаніе служило имъ, они признавали его божественнымъ правомъ народа. И кровь, пролитая 10-го августа, кровь защитниковъ тюлерійскаго дворца, была признана неизбѣжной и печальной жертвой народнаго возмездія. Но когда то же возмездіе пошло дальше и грозило ихъ собственнымъ идеямъ, они заговорили объ анархіи, о тиранніи демагоговъ, они зывали къ провинци, возбуждая ее противъ Парижа. Эта страшная непоследовательность подкосила въ корнѣ ихъ партію; если прибавить къ этому, что ея лучшіе представители, сильные на трибунѣ, были мало способны къ какой либо иной дѣятельности, что адвокаты и журналисты по профессіи, они таковыми же оставались и въ самыя критическія минуты революціи, полагая, что убили врага сарказмомъ или ловкой остротой, то станетъ понятно, почему дни ихъ партіи были сочтены и никакіе манифесты и циркуляры не могли ее спасти.

VIII.

Народная депутація въ министерство внутреннихъ дѣлъ.—Письмо Ролана въ законодательное собраніе.—Терроръ.—Воззваніе къ Парижу.—Роланъ-обвинитель коммуны.—Защитникъ г-жи Роланъ.—Вторичная отставка.—Обвиненіе въ измѣнѣ.—Père Duchesne и его нападки на г-жу Роланъ.—Жизнь ея въ опасности.

Въ знаменитое воскресенье 2 сентября, когда извѣстіе о неудачѣ французскихъ войскъ на границѣ подняло обезумѣвшій народъ, и кровь лилась во всѣхъ парижскихъ тюрьмахъ, депутація изъ 200 человекъ явилась въ министерство внутреннихъ дѣлъ и громко требовала министра. Ролана не было дома. Жена его, услыхавъ шумъ, выслала къ нимъ сказать, что если они желаютъ, то могутъ говорить съ ней. Нѣсколько человекъ поднялись къ ней наверхъ и объявили, что имъ нужно оружіе: они хотятъ идти на пруссаковъ. Она стала объяснять имъ, что у ея мужа нѣтъ оружія, что они могутъ обратиться за этимъ въ военное министерство. Ей отиѣчали непечатной бранью и потребовали самого Ролана. Тогда она, чтобъ убѣдить ихъ, что его нѣтъ дома, предложила имъ осмотрѣть всѣ комнаты и еще разъ посовѣтовала идти въ военное министерство или наконецъ идти въ коммуну съ жалобой; а кто хотѣлъ говорить съ ея мужемъ, тотъ

могъ найти его въ морскомъ министерствѣ, гдѣ въ эту минуту былъ въ сборѣ весь совѣтъ министровъ.

О рѣзнѣ, происходившей въ эту ночь, узнали только на другое утро. Первымъ дѣломъ Ролана было написать въ собраніе донесеніе обо всемъ случившемся. „Письмо это, столь же знаменитое, какъ и его письмо къ королю, говорить г-жа Роланъ, подняло такую же бурю восторговъ“. Хотя собственно трудно понять, къ чему могли относиться эта восторги? Неужели описаніе ужасовъ этой ночи было такъ картинно составлено, что могло возбудить восторгъ, и собраніе какъ Неронъ аплодировало зрѣлищу? Какъ бы то ни было, но оно ничего лучшаго не придумало, какъ напечатать и повсюду разослать рѣчи министра. Г-жа Роланъ видитъ въ этомъ весьма понятную дань удивленія слабымъ людямъ передъ мужествомъ человѣка, которымъ они восхищаются, но которому не смѣютъ подражать. И забывая, что ея мужъ не журналистъ, а государственный человѣкъ, она восхищается въ немъ тѣмъ, за что клеймятъ депутатовъ: его многословіемъ.

Рѣзня продолжалась; полиція оказалась безсильной; мирные граждане сидѣли по домамъ, не рѣшаясь выйти на улицу. И такъ продолжалось четыре дня! Нѣсколько сотъ человѣкъ навели терроръ на весь Парижъ. У Ролана разыгрались его катарры, разлилась желчь. 3-го числа онъ писалъ: „я требую отставки, если законы запрещаютъ мнѣ дѣйствовать“. Но 5-го числа рѣзня продолжалась, а онъ все оставался министромъ. 13-го, онъ обратился съ длиннымъ воззваніемъ къ Парижу, стараясь оправдать себя въ его глазахъ. Вообще задача была нелегкая: воздавая хвалу Парижу за рѣзню 10-го августа, произнести слово осужденія за рѣзню 2-го сентября! Нужно было, однимъ словомъ, подорвать силу коммуны, услугами которой можно было пользоваться, пока она была нужна, но которую слѣдовало немедленно уничтожить.

Г-жа Роланъ высказывается на этотъ счетъ очень рѣшительно. Это опять та же теорія о герцогѣ Орлеанскомъ. Такъ какъ самые энергичные дѣятели не всегда бываютъ самыми честными людьми, то нужно ими пользоваться, пока есть въ этомъ надобность и удалить ихъ, какъ только надобность въ нихъ миновала. Въ августѣ коммуна сослужила службу республикѣ, — это было хорошо; но въ сентябрѣ она ударила въ крайность, — это было дурно! нужно было обуздать ее и Роланъ явился ея обвинителемъ въ собраніи. Обвинять ее — значило обвинять Парижъ! Попытка довольно смѣлая со стороны человѣка, который за нѣсколько дней до этого увѣрялъ, что героизмъ столицы нанесъ послѣдній ударъ деспотизму.

На обвиненіе въ тиранніи, коммуна отвѣтила Ролану тѣмъ же. Среди монтаньяровъ пронеслось насмѣшливое прозвище короля Ролана или roi Coso, какъ называлъ его Эберъ въ своей газетѣ. За нимъ полетѣли другія, все болѣе и болѣе нелѣпыя обвиненія: въ воровствѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ пруссаками. Въ одномъ изъ шум-

ныхъ собраній за честь оскорбленнаго министра вступился другъ его жены, мрачный жирондистъ Бюзо, послѣдняя любовь г-жи Роланъ, человѣкъ, внушавшій ей такую же безумную страсть, какую чувствовалъ къ ней самъ.

— Никогда, гремѣлъ онъ, люди 10-го августа не могутъ сойтись съ убійцами 2-го сентября!

Въ собраніи поднялся шумъ.

— Не о васъ говорятъ! кричали ему со всѣхъ сторонъ.

Но постоянныя нападки на Ролана, въ которыхъ нерѣдко задѣвали и его жену, вывели его изъ себя и не было никакой возможности растолковать влюбленному, что не о немъ говорятъ.

Роланъ догадался, наконецъ, что надо уходить. Въ январѣ онъ подалъ въ отставку. На этотъ разъ никто его не удерживалъ; отставка его встрѣчена была общимъ молчаніемъ и онъ удалился въ глубокомъ уныніи съ однимъ только желаніемъ провести остатокъ своихъ дней въ тишинѣ и неизвѣстности! Желаніе мало исполнимое въ это время, когда судьба жирондистовъ была рѣшена и начались уже повальныя обвиненія ихъ въ измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ Дюмурье, въ намѣреніи отдѣлить Парижъ отъ провинціи... Каждая новая неудача въ арміи и новое волненіе въ провинціи, возбуждая умы парижанъ, только ускорило гибель людей, заподозрѣнныхъ въ томъ, что они хотятъ двинуть на Парижъ силы департаментовъ. Могъ ли простить самодержавный Парижъ такое посягательство на свое великое міровое значеніе и еслибъ жирондисты не были виновны ни въ чемъ другомъ, то и этого одного было достаточно, чтобы повести ихъ на эшафотъ.

Все время, пока Роланъ оставался министромъ, онъ былъ предметомъ насмѣшекъ разныхъ якобинскихъ газетъ, особенно знаменитаго *Père Duchesne*, этого органа парижской коммуны. Листокъ этотъ, выходившій иногда въ 80 тысячахъ экземпляровъ, всегда на дрянной, пропускной бумагѣ, со множествомъ грамматическихъ ошибокъ и безъ обозначенія мѣсяца и числа, съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ жену министра и говорилъ о ней, какъ о старой, раскрашенной бабѣ съ фальшивыми волосами. Никакая клевета не могла болѣе оскорбить г-жу Роланъ и она не въ силахъ была забыть ея. *Père Duchesne* представлялъ ее не иначе, какъ возлежащую на софѣ, comme la ci-devant reine, madame Coco, окруженною своими поклонниками, разными жирондистскими, beaux-esprits, и разсуждающею безъ конца о войнѣ, о политикѣ, о народномъ продовольствіи... Не могъ онъ также простить ей ея министерскихъ обѣдовъ, гдѣ собирались все тѣ же ненавистные ему умники и за хорошимъ обѣдомъ, поливая его хорошимъ виномъ, разсуждали о политикѣ. *Père Duchesne* рассказываетъ съ злой ироніей, какъ депутація санъ-кюлотовъ явилась разъ къ добродѣтельному Ролану въ то время, когда онъ обѣдалъ и какъ будто-бы двадцать поваровъ готовили ему разные фрикасе, а слу-

жившіе за столомъ лакеи бѣжали мимо нихъ съ блюдами и просили дать имъ поскорѣе дорогу, такъ какъ они несутъ соусы добродѣтельнаго Ролана. Рассказывалось далѣе, какъ одинъ изъ депутатовъ опрокинулъ въ потѣмахъ десертъ добродѣтельнаго Ролана и т. д. Рѣге Duchesne описывалъ не только обѣды министра, но и любовниковъ его жены.

Рядомъ съ этими безнаказанными нападками на Ролана въ газетахъ, даже и самая жизнь его не была въ безопасности. Какія-то подозрительныя личности бродили по вечерамъ около его дома. Каждую ночь можно было ждать, что эта ночь будетъ для него послѣднею; и онъ, и жена иначе не спали, какъ съ пистолетомъ подъ подушкой. Нужно было особенно любить власть, чтобы не имѣть силъ разстаться съ ней даже и при такихъ условіяхъ. Друзья нѣсколько разъ предостерегали ихъ и не совѣтовали оставаться ночью въ министерскомъ отелѣ. Г-жа Роланъ только разъ уступила этимъ совѣтамъ и уже переодѣлась въ крестьянское платье, чтобы уйти изъ дому незамѣченной, но досада на себя за свою минутную слабость заставила ее сбросить съ себя это платье и остаться на зло всѣмъ. Въ этомъ случаѣ ея руководили еще и другія соображенія: она справедливо разсуждала, что въ своемъ домѣ они болѣе безопасны, чѣмъ на улицѣ. Можно было убить министра изъ за угла, но чтобы напасть на него въ его собственномъ домѣ требовалось гораздо больше дерзости со стороны его враговъ и не могло остаться безнаказаннымъ. „Если бъ это даже и случилось, говорить она, тѣмъ лучше! министръ, погибшій на своемъ постѣ послужилъ бы своей смертью общему дѣлу и не былъ бы забытъ потомствомъ.“ Она сама не прочь была погибнуть со славой, чтобы это видѣлъ цѣлый народъ и не забыла объ этомъ исторія. Такая именно смерть и ожидала ее.

IX.

31 мая.—Попытка арестовать Ролана.—Г-жа Роланъ въ Конвентѣ.—Ея негодованіе.—Разговоръ съ сантъ-кюлотами.—Сцена ареста.—Тюрьма.—Душевное состояніе г-жи Роланъ.—Эпизоды въ тюрьмѣ.—Письмо къ Робеспьеру.—Скупость казны относительно заключенныхъ.

Послѣдній день мая былъ роковымъ днемъ для жирондистовъ. Дѣло шло для нихъ уже не о побѣдѣ, а просто о личной безопасности.

Коммуна не забыла Ролана и отмѣтила его въ числѣ своихъ жертвъ. 31 мая, когда во всѣхъ концахъ Парижа ударили въ набатъ и вооруженные толпы народа собирались на улицахъ, не зная еще, чтѣ случилось и кого надо бить, въ половинѣ шестого вечера шесть человѣкъ явились въ министерство съ приказомъ объ арестѣ Ролана. Приказъ былъ подписанъ революціоннымъ комитетомъ. Роланъ ска-

заль, что не признаетъ этой власти и добровольно не подчинится ей, но что они могутъ взять его силой. Представители коммуны на этотъ разъ были вѣжливы и объявили только, что доведутъ о его отвѣтѣ до свѣдѣнія комитета.

Г-жа Роланъ рѣшила прибѣгнуть опять къ тому средству, которое уже два раза было употреблено ею съ такимъ успѣхомъ: обратиться съ письмомъ въ собраніе представителей. Громадный успѣхъ ея двухъ первыхъ писемъ, съ доносомъ на короля въ іюнѣ и на парижскую чернь въ сентябрѣ, позволялъ ей надѣяться, что и на этотъ разъ результатъ будетъ тотъ же. „Написать письмо, показать его мужу и отправиться въ собраніе было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, говоритъ она. Я сѣла одна въ фіакръ и поѣхала въ Тюльери. На мнѣ былъ только утренній капотъ, сверхъ котораго я накинула шаль и закрыла лицо вуалью“. На дворѣ Тюльери была масса вооруженнаго народа. Она прошла черезъ эту толпу, но всѣ двери въ залу собранія нашла запертыми. Часовые не пропускали ее; никакія просьбы не помогали. Тогда она перемѣнила тонъ и заговорила языкомъ, котораго не постыдился бы любой сторонникъ Робеспьера.

— Развѣ вы не знаете, граждане, что въ такой день, когда отечество въ опасности, когда со всѣхъ сторонъ оно окружено измѣной, вы должны пропустить всякаго, кто имѣетъ сообщить собранію что нибудь важное! Почему вы знаете, какой громадной важности можетъ быть то письмо, которое я имѣю передать президенту!

Послѣ этихъ магическихъ словъ двери отворились и ее ввели въ залу просителей. Тамъ она нашла нѣкоего Роза и просила провести ее въ залу засѣданія или по крайней мѣрѣ похлопотать о томъ, чтобы письмо ея было прочитано въ этотъ же вечеръ. Онъ взялъ у нея письмо и ушелъ. Прошелъ цѣлый часъ. Она въ сильномъ волненіи ходила взадъ и впередъ, каждый разъ съ безпокойствомъ оглядываясь, когда дверь въ залу отворилась. Страшный гвалтъ слышался оттуда. Розъ вернулся наконецъ и объявилъ, что нѣтъ возможности добиться толку: въ собраніи шумъ невообразимый; у рѣшетки стоятъ съ прошеніями и требуютъ ареста двадцати двухъ.

— Кто предсѣдательствуетъ?

— Геро де-Сешень.

— А! значитъ мое письмо не будетъ прочитано. Приведите мнѣ кого нибудь изъ депутатовъ. Скажите Верньо, что мнѣ нужно говорить съ нимъ.

Прошло еще нѣсколько времени. Явился Верньо и ничего утѣшительнаго не сказалъ ей.

— Если васъ даже и допустить къ рѣшеткѣ, къ вамъ можетъ быть будутъ снисходительны, какъ къ женщинѣ, но едва ли вы чего нибудь добьетесь. Конвентъ самъ теперь безсиленъ.

— Какъ безсиленъ! Да онъ въ настоящую минуту все! воскликнула она съ негодованіемъ. Весь Парижъ ждетъ отъ него указанія,

какъ ему поступить. Если меня допустить, я скажу то, чего вы какъ депутатъ не можете сказать, не подвергаясь опасности. Я ничего на свѣтъ не боюсь и если не спасу мужа, то по крайней мѣрѣ заставлю ихъ выслушать всю правду.

Чувствуя какъ гнѣвъ и негодованіе овладѣваютъ ею и какъ краснорѣчива она можетъ быть въ эту минуту она рвалась въ собраніе, чтобы сказать ему рѣчь. вмѣстѣ со всѣми жирондистами она думала, что даръ слова такое оружіе, противъ котораго устоять невозможно, что ея грозная рѣчь заглушитъ набатъ и покроетъ шумъ мятежа.

Верньо постарался убѣдить ее, что раньше полутора часовъ ея письма не прочтутъ, что прежде будетъ обсуждаться какой-то декретъ, да кромѣ того масса петиціонеровъ стоитъ у рѣшетки. Тогда она рѣшилась съѣздить домой, узнать, что тамъ дѣлается и потомъ вернуться опять.

Дорогой ее остановили войска; ѣхать дальше не было возможности. Она выскочила изъ фіакра и пошла пѣшкомъ. Пока она отыскала мужа, который скрывался у знакомыхъ, переговорила съ нимъ и поѣхала назадъ, былъ уже одиннадцатый часъ. По пустыннымъ, хотя и освѣщеннымъ улицамъ добралась она до карусельской площади. Но тамъ все уже было тихо и на мѣстѣ вооруженной, шумѣвшей толпы, стояли только двѣ пушки и нѣсколько часовыхъ. Двери собранія были заперты, засѣданіе закрыто. Нельзя представить себѣ ея гнѣва и отчаянія.

„Какъ! говорить она; въ день возстанія, когда съ утра бьетъ набатъ, когда за два часа передъ этимъ 40 тысячная вооруженная толпа окружала конвентъ и депутаты отъ разныхъ кварталовъ ворвались силою въ залу засѣданія, они рѣшились закрыть засѣданіе!“

Очевидно, что конвентъ самъ былъ безсиленъ и власть перешла въ руки парижской коммуны. Не зная, что дѣлать, отъ кого узнать, что случилось, она искала глазами, съ кѣмъ бы ей заговорить. У пушки стояло на часахъ нѣсколько санъ-кюотовъ; она спросила ихъ, что тутъ произошло.

— О! отличная вещь! Они обнимались и пѣли марсельезу, вонъ тамъ, подъ деревомъ свободы.

Она вступила съ ними въ политическій разговоръ и замѣтила, что неизвѣстно еще, какъ посмотрятъ на это департаменты и что не мѣшало бы спросить сначала ихъ мнѣнія.

— Зачѣмъ? возразили они ей. Развѣ 10 августа спрашивали ихъ! Развѣ они не согласились со всѣмъ, что сдѣлалъ Парижъ? То же будетъ и теперь.

Отвѣтъ былъ жестокъ по своей справедливости. Слишкомъ поздно заговорили о департаментахъ! Если умѣли обходиться безъ нихъ прежде, къ чему было призывать ихъ теперь?

Въ ту же ночь г-жа Роланъ была арестована. Мужа ея не нашли;

онъ скрылся; а она, считая себя въ безопасности, вернулась домой. Даже арестъ не испугалъ ее; она была увѣрена, что никакихъ послѣдствій это имѣть не можетъ. Она еще надѣялась на торжество жирондистовъ и на то, что провинція придетъ къ нимъ на помощь. Она преувеличивала силы департаментовъ и безконечно умаляла значеніе Парижа. Что такое былъ Парижъ въ ея глазахъ? Одна восемьдесятъ третья часть Франціи. Ариѳметическій расчетъ говорилъ ей, что 82 департамента должны побѣдить 83-й. Расчетъ невѣрный! въ чемъ она сама должна была скоро убѣдиться.

Только что она вернулась домой въ эту ночь и сѣла за столъ, чтобы писать къ мужу, какъ кто-то постучалъ въ дверь. Было около 12 часовъ. Явилась цѣлая депутація отъ коммуны съ вопросомъ, гдѣ Роланъ. Узнавъ, что его нѣтъ, она очень недовольная удалилась, но у дверей оставила часового. Г-жа Роланъ поняла, что надо приготовиться къ всему, спросила себѣ поужинать, dokonчила письмо къ мужу и легла спать. Страшно утомленная, она моментально заснула; черезъ часъ ее разбудили и сказали, что ее желаютъ видѣть какіе-то господа. Она наскоро одѣлась и вышла къ нимъ. Ей объявили, что пришли арестовать ее и опечатать всѣ ея вещи; при этомъ показали ей не одинъ, а даже два приказа объ арестѣ. Она съ минуту колебалась, перебирая въ умѣ все, что могло бы ей служить оправданіемъ къ открытому сопротивленію. Ночные аресты, какъ ей было извѣстно, были запрещены закономъ. Въ случаѣ, если бы стали ссылаться на другой законъ, который давалъ право коммунѣ хватать подозрительныхъ лицъ, она могла оспаривать самую законность коммуны. Но это было опасно! власть эту признавалъ Парижъ и сопротивляться ей было бесполезно.

Она покорилась. Послали за судебными властями, опечатали всѣ ея вещи, шкафы, даже окна и даже фортепіано. Ей оставили только платья ея дочери и небольшой узелокъ съ бѣльемъ. Во время этой процедуры въ домъ набралось много постороннихъ зрителей и отъ пятидесяти до ста человѣкъ разгуливали по комнатамъ. Воздухъ сперся, духота была невыносимая, но никто не смѣлъ удалить толпу.

Въ 7 ч. утра она простилась съ дочерью и съ прислугой и спокойно вышла на улицу, гдѣ среди выстроившихся шпалерами солдатъ дошла до фіакра. На улицѣ толпился народъ и женщины кричали ей: „На гильотину!“ Она смѣло, не поднимая оконъ, проѣхала среди этой толпы, которая нѣсколько мѣсяцевъ спустя точно такъ же провожала ее на эшафотъ. Дорогой она нѣсколько папыщеннымъ, хотя и смѣлымъ языкомъ говорила съ провожавшими ее комиссарами и сама должна была сознаться, что они почти не поняли ее. Въ тюрьму она вошла спокойно. Тюрьма была для нея отдыхомъ послѣ политическихъ бурь и семейной жизни. Она давно уже не любила мужа и всей душой принадлежала другому. Быть наединѣ съ собой значило быть съ тѣмъ, къ кому постоянно стремилась ея мысль. Поддержи-

вать и утѣшать мужа, которому въ это время было за шестьдесятъ, становилось ей не подъ силу. Она вошла въ тюрьму, какъ другой вошелъ бы въ монастырь, чтобы отдохнуть душой. Пока мужъ ея былъ министромъ, служебныя интриги, борьба партій и жажда власти отодвигали родину на задній планъ. Запертая въ стѣнахъ Аббатства, она вспомнила о ней опять. Мысль объ этой погибающей родинѣ поддерживала ее въ послѣднія минуты жизни. Въ ней вновь проснулись чувства молодости, то чувство, съ какимъ она читала когда-то исторію Граковъ и древнихъ Аѳинъ. Она опять принялась за своего Плутарха и за свои любимыя книги.

Въ первый же день заключенія она написана въ конвентъ, тщетно взывая о справедливости. Ей хотѣлось, чтобы голосъ ея былъ услышанъ, если не для того, чтобы убѣдить конвентъ, который былъ уже совершенно безсиленъ, то хоть для того, чтобы ее услышала провинція. Прошло нѣсколько дней. Она ждала, что ее позовутъ къ допросу, но допроса не было. Приходили только разные господа изъ полиціи и еще откуда-то; всѣ они своимъ грязнымъ, растрепаннымъ видомъ внушали ей отвращеніе. Какая разница съ тѣми, кого она привыкла видѣть въ своихъ салонахъ! Революція выдвинула новыхъ дѣятелей. Одинъ изъ нихъ вступилъ съ ней въ разговоръ и спросилъ ее, довольна ли она своимъ помѣщеніемъ и не скучаетъ ли она.

— Скука, отвѣтила она ему, болѣзнь людей съ пустой головой и такой же пустой душой. Я не скучаю, но я протестую противъ несправедливости, съ какою меня заперли здѣсь и требую, чтобы меня выпустили.

— Да, но во время революціи столько дѣла, что нельзя за всѣмъ усмотрѣть.

— Подобный этому отвѣтъ далъ одинъ король женщинѣ, которая просила у него правосудія. На это она сказала ему: „Если у тебя нѣтъ времени оказать мнѣ правосудіе, у тебя нѣтъ времени быть королемъ“. Смотрите, чтобы и вамъ не сказали то же.

Время шло, допроса все не было. Г-жа Роланъ съ нетерпѣніемъ ждала, чѣмъ все это кончится. Когда она прочла декретъ объ арестѣ двадцати двухъ, газета выпала у нея изъ рукъ и она съ отчаяніемъ воскликнула:

— Моя родина погибла!

Съ арестомъ этихъ людей, этихъ лучшихъ представителей жирондизма, ея партія погибла. Вся надежда была на тѣхъ, которые успѣли бѣжать въ провинцію, чтобы посѣять въ ней идею о федеральной республикѣ. Но въ Парижѣ слово федералистъ было равносильно слову роялистъ: оно вело на эшафотъ.

Послѣ неудачной попытки обратиться съ письмомъ въ конвентъ (письма этого не стали читать), г-жа Роланъ писала къ министрамъ, напоминая имъ ихъ обязанность посѣщать тюрьмы и выпускать оттуда

всѣхъ невинно заключенныхъ, къ редактору одной газеты и наконецъ къ самому Робеспьеру ¹⁾:

„Вы хорошо поймете, такъ начинала она, что я пишу къ вамъ не для того, чтобы о чемъ-нибудь просить васъ. Я никогда никого не просила, а тѣмъ менѣе способна на это теперь. Просить могутъ только или виновные или рабы. А я... не хочу даже жаловаться. Но какимъ образомъ я, женщина, могу быть замѣшана въ политическія бури и какая судьба меня ожидаетъ?—вотъ два вопроса, которые я вамъ предлагаю! Они важны не по отношенію ко мнѣ лично. Что за дѣло до того, что погибнетъ одна лишняя песчинка, одно лишнее существо въ общей гармоніи міровъ. Вопросы эти важны по отношенію къ свободѣ и къ счастію моей родины“...

Въ такомъ духѣ было все письмо. Оно было очень естественно со стороны чловѣка, который, погибая самъ, думалъ, что съ нимъ вмѣстѣ погибаетъ весь міръ. Но въ немъ былъ между прочимъ намекъ на королеву, не дѣлавшій чести сердцу г-жи Роланъ. Мы уже упоминали какъ она возмущалась тѣмъ, что она, женщина строгихъ нравовъ, была поставлена на одну доску съ преступной и вѣтряной австрійкой. Духъ нетерпимости не оставлялъ ее даже и тутъ. Она не могла безъ негодованія говорить о своихъ товарищахъ по заключенію, среди которыхъ были и публичныя женщины и взятые съ улицы преступники. Аристократъ и санъ-кюлотъ были ей одинаково ненавистны.

Не смотря на ея заявленіе, что жаловаться она не будетъ, мы видимъ однако въ письмѣ жалобу на то, что она во всемъ нуждается и, не зная гдѣ достать денегъ, хотѣла продать пустыя бутылки изъ своего погреба; но это подняло цѣлую исторію, домъ окружили и арестовали хозяина. Въ тюрьмѣ ей пришлось испытать на себѣ послѣдствія одного изъ неудачныхъ распоряженій своего мужа. Въ бытность свою министромъ онъ уменьшилъ съ пяти франковъ на два сумму, отпускавшуюся ежедневно на содержаніе заключенныхъ. За вычетомъ 20 су въ пользу консьержа, на остальные 20 су нужно было не только пить, ѣсть и одѣваться, но и платить за отопленіе да еще при тогдашней дороговизнѣ, когда цѣны на все поднялись втрое. Сначала не платили по крайней мѣрѣ за стѣны, но потомъ и за комнату въ тюрьмѣ надо было платить, какъ за номеръ въ гостинницѣ отъ 15 до 30 франковъ въ мѣсяцъ, смотря по тому, была ли въ ней одна или двѣ постели. За то стали отпускать по 1½ фунта хлѣба и по одной порціи бобовъ на чловѣка.

Г-жа Роланъ, хотя и сильная духомъ, не могла однако переносить физическихъ лишеній и платила отдѣльно за обѣдъ. Обѣдъ былъ скромный, но все же масса заключенныхъ не имѣла даже и того, и это подало поводъ впослѣдствіи обвинять ее въ томъ, что она пировала, когда другіе голодали. Кромѣ отдѣльнаго стола, она пользова-

¹⁾ Письмо это не было послано.

лась и другими удобствами: такъ, одна изъ заключенныхъ за деньги убирала ей комнату, а потомъ консьержъ помѣстилъ ее у себя, гдѣ она была окружена нѣкоторымъ комфортомъ и имѣла подъ рукой не только книги, но даже и фортепiano. Изъ ея словъ не видно, чтобы ей когда-нибудь пришло на мысль, что ея привилегированное положеніе можетъ возбудить такую же зависть и негодованіе въ другихъ, какое когда-то внушали ей аристократы съ ихъ ненавистными привилегіями. Было ли этому причиной сознание, что она страдаетъ невинно, когда другіе несутъ заслуженную кару, или просто извѣстный взглядъ на вещи, но она не считала своимъ долгомъ ѣсть съ общаго стола и нести на себѣ общую тягость.

Х.

Допросъ.—Освобожденіе и вторичный арестъ.—Новая тюрьма и ея нравы.—Послѣдняя любовь г-жи Роланъ.—Ея переписка съ Бюзо.—Ея отзывы о политикѣ.—Несбывшіяся надежды.—Послѣдняя борьба.—Мысль о самоубійствѣ.—Судъ и казнь.

Нужно однако сознаться, что она до послѣднихъ минутъ сохранила замѣчательное присутствіе духа. Она жила въ тюрьмѣ, какъ можно было жить гдѣ-нибудь у себя въ имѣніи, такъ же читала Плутарха и Тацита, занималась музыкой и писала къ друзьямъ. Она осталась вѣрна себѣ во всемъ, даже въ своемъ желаніи нравиться, не покидавшемъ ее до послѣднихъ минутъ. И въ тѣ дни, когда никто не былъ увѣренъ, что доживетъ до вечера, она находила время заниматься своимъ туалетомъ, всегда быть изящно причесанной и красиво одѣтой: бѣлое кисейное платье съ кружевами и съ чернымъ бархатомъ и кокетливый чепчикъ на распушенныхъ волосахъ были ея обычнымъ нарядомъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ ее арестовали, она была приведена къ допросу. Но это была пустая формальность, совершенно лишняя для людей, которые говорятъ, что заговорщики никогда не оставляютъ вещественныхъ доказательствъ своего преступленія и что потому отсутствіе такихъ доказательствъ уже само по себѣ есть важная улика противъ нихъ, когда Эберъ въ своей газетѣ приглашалъ поторопиться и не терять много времени на то, чтобы укоротить на цѣлую голову подлецовъ, измѣнившихъ своему отечеству! На допросахъ г-жа Роланъ держала себя съ достоинствомъ, но своими пространными отвѣтами выводила изъ терпѣнія демократовъ, любившихъ во всемъ краткость и быстроту.

Въ концѣ іюня ей пришли объявить, что она свободна. Она имѣла несчастье повѣрить этому и поѣхала домой. Но не успѣла она подняться на лѣстницу, какъ къ ней подошли двое какихъ-то людей и объявили ей, что она снова арестована. Къ чему сыграли съ ней эту

жестокую комедию, она не могла узнать. Впослѣдствіи, ей стало только извѣстно, что почти въ ту же минуту, какъ ее выпустили изъ тюрьмы, на ея мѣсто привели туда Бриссо и что можетъ быть нежеланіе, чтобъ онѣ встрѣтились и заставило такъ поспѣшно удалить ее оттуда. Нѣсколько позднѣе та же комната была занята знаменитой Шарлотой Корде.

Новая тюрьма, въ которую ее заперли, Сентъ-Пелажи, находилась въ самомъ бѣдномъ и самомъ буйномъ кварталѣ Парижа. Нравы ея обитателей, большею частію вышедшихъ изъ народа, отличались дикостью и не представляли ничего утѣшительнаго для нея. Вотъ тутъ то она и прибѣгла къ покровительству консьержа, чтобы укрыться тамъ среди цвѣтовъ и книгъ отъ близости съ этимъ народомъ, который когда-то представлялся ей такимъ несчастнымъ и задавленнымъ. Чтобы не дать отчаянію овладѣть собой, она старалась не сидѣть безъ дѣла. Въ этой тюрьмѣ были написаны ея мемуары. Отсюда же она продолжала свою переписку съ Бюзю, этой послѣдней любовью своей.

Бюзю уѣхалъ въ провинцію въ надеждѣ поднять ее, собрать тамъ армію и двинуть ее противъ Парижа. Г-жа Роланъ изъ тюрьмы благословляла его на это, старалась поднять его духъ и дать ему надежды, которыми жила сама. Всѣ ея письма дышатъ энергіей и всѣ ея усилія направлены къ тому, чтобы отговорить его отъ безумной попытки освободить ее. „Я боюсь только одного, говорить она, чтобы ты не вздумалъ спасать меня. Спасая Францію, ты спасешь и меня!“ Она старается убѣдить его, что могла бы это сдѣлать и безъ него, что уйдти вовсе не такъ трудно, но она сама не хочетъ этого, чтобы не погубить другихъ и не подзодить подъ отвѣтственность тюремныхъ сторожей. „Могу ли я бѣжать, когда я знаю, что это будетъ торжествомъ моихъ враговъ. Бѣжать, значитъ скрываться и каждую минуту дрожать за свою жизнь. Не лучше ли остаться и ждать, чтобы самый ходъ событій привелъ къ моему освобожденію? Это иначе и не можетъ быть. Это вопросъ времени, не больше... Если даже и поведутъ меня на судъ, что за бѣда! Я это предвидѣла и съумѣю обратить это на пользу общую... Не думаю, чтобы имъ удалось погубить меня!“

Она рисуется ему свою жизнь въ тюрьмѣ гораздо лучше, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Никакія рѣшетки и задвижки не могутъ заковать ея мысли. Мысль ея свободна и такъ часто летитъ къ нему! Но спокойствіе и равнодушіе къ своей судьбѣ смѣняется гнѣвомъ всякій разъ, какъ она заговоритъ о политикѣ. Она не можетъ равнодушно говорить о конвентѣ, за которымъ не признаетъ никакихъ правъ. „Въ Парижѣ теперь нѣтъ властей! говоритъ она. То, что называется еще конвентомъ, представляетъ шайку разбойниковъ, которые ругаются, какъ извозчики, проповѣдуютъ убійство и сами подають сигналъ къ грабежу...“ „На развалинахъ стараго порядка воз-

никъ новый во сто разъ ужаснѣе прежняго...“ „Платонъ былъ правъ, сравнивая демократію съ аукціономъ, на которомъ продаются всевозможныя формы правленія“.

Убѣждая его щадить себя, она ставитъ ему на видъ, какъ мало людей, способныхъ стоять во главѣ движенія и какъ они должны беречь себя. Сражаться въ рядахъ простыхъ солдатъ кажется ей преступленіемъ со стороны того, кто долженъ руководить движеніемъ. Пусть каждый остается тамъ, гдѣ онъ можетъ принести наибольшую пользу! Она ждетъ той минуты, когда двинется провинція, когда федеральныя войска пойдутъ освобождать Парижъ и народъ выйдетъ къ нимъ съ распростертыми объятіями. Та же легкость и пылкость воображенія, съ какою она дѣлила когда то карту Франціи у себя въ салонѣ, рисовала ей и теперь положеніе вещей въ какомъ то фантастическомъ свѣтѣ. „Нѣтъ ничего легче, какъ поднять народъ. Югъ отлично настроенъ. Прежде довольно было бы шести тысячъ чело-вѣкъ, чтобы перемѣнить правительство въ Парижѣ. Теперь нужно больше...“ Она подаетъ совѣты Бюзо, что нужно сдѣлать: захватить въ свои руки почту, распространять въ народѣ полезныя брошюры и обезпечить его продовольствіе. Она боится только одного, чтобы опять въ ихъ партіи не взяли верхъ люди, которые мечтаютъ, когда надо дѣйствовать. „*Réver le bien public!*“¹⁾—горькая фраза эта невольно срывается у нея съ языка, когда она заговоритъ о своихъ. Она начинаетъ понимать, что дѣятелей нѣтъ среди нихъ; что роль ихъ сыграна: они ударили въ набатъ и ушли, а на звуки этого набата сбѣжались другіе...

Въ письмахъ къ Бюзо она упоминаетъ о своей дочери, тогда уже 12 лѣтней дѣвочкѣ, которую взяло на свое попеченіе одно хорошее семейство, и о своемъ мужѣ. Въ отзывѣхъ о мужѣ слышится какая то смѣсь жалости и презрѣнія. Что иное могъ ей внушить этотъ чело-вѣкъ, бѣжавшій отъ опасности и влачившій гдѣ-то въ провинціи свою жалкую жизнь! Свобода уже потому не манитъ ее, что быть свободной для нея значило опять жить съ этимъ чело-вѣкомъ. Въ тюрьмѣ она ближе къ Бюзо, чѣмъ была бы на свободѣ, „Многіе удив-ляются моему спокойствію, пишетъ она ему: но никто не знаетъ моихъ наслажденій. Ты одинъ долженъ понимать ихъ“.

Чѣмъ ближе къ развязкѣ, тѣмъ тревожнѣе дѣлается тонъ ея пи-семъ. Жажда личнаго счастья то уступаетъ порывамъ патріотизма, то опять беретъ надъ ними верхъ. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ Бюзо: „Стоитъ ли думать о томъ, что ждетъ меня! Думай прежде всего о твоей родинѣ. Все остальное придетъ впоследствии. „Но по-томъ страсть беретъ верхъ и она съ отчаяніемъ признается, что если дѣла пойдутъ все такъ же дурно и никакой надежды не будетъ, она готова согласиться на его планы бѣгства. Она проситъ только объ

¹⁾ Мечтать объ общественномъ благѣ.

одномъ—разсчитать всѣ планы и какъ можно спокойнѣе дѣйствовать. Этимъ послѣднимъ воплемъ отчаянія оканчивается дошедшая до насъ переписка ихъ. Въ іюлѣ она написала ему это письмо, въ ноябрѣ она взшла на эшафотъ.

Въ этотъ промежутокъ времени у нея была минута страшной борьбы. Ждать ли казни или покончить съ собой раньше? Пока она надѣялась, что ея процессъ надѣлаетъ шуму въ Парижѣ и послужитъ столько же къ ея славѣ, сколько и общему дѣлу, она съ нетерпѣніемъ ждала его. Но когда она убѣдилась, что никакого процесса не будетъ, а будетъ одна формальность, чтобы придать видъ законности уже заранѣе составленному приговору, мысль о самоубійствѣ стала все чаще мелькать у нея. „Два мѣсяца тому назадъ я добивалась чести взойти на эшафотъ; тогда могли еще оцѣнить мой подвигъ, могли говорить о немъ. Теперь все потеряно“...

Она пишетъ даже, что-то въ родѣ исповѣди, гдѣ обращается къ близкимъ, къ мужу, дочери, друзьямъ и проситъ простить ее... Не называя по имени Бюзо, она обращается и къ нему и тутъ высказываетъ положительную надежду на то, что они должны встрѣтиться въ другомъ, лучшемъ мірѣ. Эта вновь вспыхнувшая въ ней вѣра въ загробную жизнь переходитъ у нея въ какой-то экстазъ. Она проситъ своего возлюбленнаго не допускать, чтобы чужая рука посягнула на него и самому прекратить свое существованіе, если другого исхода нѣтъ.

Въ день казни Бриссо ее перевели въ третью и самую страшную тюрьму Консьержери, гдѣ никто долго не засиживался. Это была послѣдняя станція передъ эшафотомъ. Семь-восемь дней и все было кончено! Судъ и гильотина ждали въ одинъ день.

Послѣднія слова ея, написанныя за нѣсколько дней до ея смерти, обращены къ ея судьямъ. Но въ нихъ есть одна фраза, обращенная къ иному судьѣ:

„Боже праведный, просвѣти этотъ несчастный народъ, которому я такъ желала свободы!“

Судъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ пустой комедіей. Подсудимой не дали говорить, устроили для виду пренія, гдѣ единственный свидѣтель, дававшій показанія въ ея пользу, заплатился за это жизнью, и тутъ же прочли ей смертный приговоръ.

Въ день казни она была спокойна и даже весела. Она шла какъ на праздникъ, вся въ бѣломъ, съ распущенными волосами. Въ пятомъ часу вечера ее вывели изъ тюрьмы. Какъ и въ день ея ареста народъ всю дорогу кричалъ: „на гильотину!“ Особенно неистовствовали женщины, грозившія ей кулакомъ. Она ѣхала стоя и съ печальной улыбкой смотрѣла на толпу; глаза ея горѣли, лицо тоже. Даже видъ эшафота не заставилъ ее поблѣднѣть. Телѣжка остановилась у самой лѣстницы, короткой и крутой, которая вела на платформу. Когда ее ввели на эшафотъ и стали привязывать къ доскѣ, глаза ея случайно

упали на громадную статую свободы, воздвигнутую во время празднествъ 10-го августа, и тутъ-то она сказала свои знаменитыя слова:

— Свобода! сколько преступленій совершается твоимъ именемъ!

Любители зрѣлищъ, присутствовавшіе при этой казни, должны были сознаться, что жирондисты умѣли умирать.

Но героизмъ на эшафотѣ не былъ рѣдкостью въ то время. Исторія указываетъ на удивительные примѣры того, какую притягательную силу имѣла гильотина и какъ манія самоубійства овладѣвала людьми, которые каждый день приходили смотрѣть на нее. Были такіе любители зрѣлищъ, которые не пропускали ни одного и кончали тѣмъ, что сами клали голову подъ ножъ гильотины. Видъ смерти ошънялъ ихъ, съ ними дѣлалось головокруженіе, что-то въ родѣ того, что испытываетъ человѣкъ, когда съ вышины смотреть внизъ. Умереть въ такую минуту не трудно, но умереть красиво умѣлъ не всякій. А жирондисты умѣли это дѣлать и знали, что сказать на прощанье жадному до фразы Парижу. Умирала и Шарлота Корде, и Людовикъ XVI, и всѣ съ одинаковымъ мужествомъ. Мужество никого не удивляло! Но сказать съ эшафота народу: „Революція какъ Сатурнъ пожираетъ своихъ дѣтей!“ или что нибудь подобное, на это былъ способенъ только жирондистъ.

С. С.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

АНГЛІЯ ¹⁾.

НОВОЕ сочиненіе указаніемъ на которое мы закончили прошлую статью, посвященное изслѣдованію жизни Елисаветы англійской до восшествія на престолъ, написано Визенеромъ ²⁾. Авторъ уже не въ первый разъ избираетъ сюжетъ для историческаго сочиненія изъ исторіи Англій XVI вѣка. Заслуженной извѣстностью пользуется его книга о „Маріи Стюартъ и Ботвелъ“, трудъ, составленный по источникамъ вполне добросовѣстно, хотя съ главными выводами автора не всегда можно согласиться. И послѣднее сочиненіе Визенера „Молодость королевы Елисаветы Англійской“, читается съ большимъ интересомъ; оно написано на основаніи тщательнаго изслѣдованія какъ печатныхъ, такъ и не изданныхъ документовъ, какіе авторъ могъ собрать относительно своего предмета и въ духѣ строго-научнаго безпристрастія, особенно похвальнаго въ вопросѣ, въ которомъ не легко остаться безпристрастнымъ.

Благодаря изданію государственныхъ документовъ (Calendars of State Papers), печатаемыхъ лондонской архивной комиссіей, за послѣдніе годы явилась возможность проникнуть гораздо глубже въ интимную исторію Англій XVI вѣка, представляющую безъ сомнѣнія самую трагическую эпоху въ ней по внезапнымъ переворотамъ и кровавымъ катастрофамъ, встрѣчающимся здѣсь на каждомъ шагѣ. Возникшая тогда борьба продолжается и по сіе время живо и настойчиво на поприщѣ исторіографіи между защитниками Тюдоровъ и протестантизма и приверженцами церкви и Маріи Стюартъ. Изъ груды неизданныхъ документовъ, почерпнутыхъ въ архивахъ, каждый бралъ то, что подходило къ его предвзятымъ идеямъ; и знаменитый

¹⁾ Окончаніе. См. № 11 „Историческаго Вѣстника“.

²⁾ La jeunesse d'Elisabeth d'Angleterre, par L. Wiesener. Paris. 1878.

историкъ протестантской королевы, Фраудъ, и католическій защитникъ Маріи Стюартъ, Готье, въ наше время также далеки другъ отъ друга, какъ ихъ предшественники въ XVI вѣкѣ, Мельвилъ и Букананъ. Визенеръ же не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей-систематиковъ, которые заранѣе знаютъ, что хотятъ найти въ источникахъ. Располагая совершенно новыми документами, какъ наприм. корреспонденція посланника Карла V при дворѣ Маріи Тюдоръ, Симона Ренаръ, и бумаги Ноалья, авторъ ими воспользовался для того, чтобы изобразить первую пору жизни Елисаветы, исполненной волненій, зачатки столь продолжительнаго и столь бурнаго царствованія, котораго онъ уже коснулся въ своемъ прежнемъ трудѣ. Онъ принялся за дѣло осторожно и осмотрительно, стараясь отдѣлить исторію отъ легенды, и почти всегда съ успѣхомъ. Безъ тѣни раздраженія онъ отвергъ многое, что было прибавлено къ дѣйствительнымъ фактамъ благочестивымъ усердіемъ Елисаветинскихъ лѣтописцевъ, и его портретъ юной принцессы не совсѣмъ согласенъ съ изображеніями Гейвуда и Фокса. Мы не находимъ у Визенера въ осторожной узницѣ Вудстока и Гатфильда той смѣлой исповѣдницы протестантской вѣры, какою ее представляютъ вышеупомянутые историки и вмѣстѣ гордой Елисаветы, отвергавшей всѣ уступки и ни за что не хотѣвшей отречься ни отъ своихъ вѣрваній, ни отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ,—мы видимъ другую Елисавету, болѣе гибкую и менѣе искреннюю, но тѣмъ самымъ предохраняющую себя отъ опасностей, носившихся надъ ея головой.

Мы не станемъ входить въ подробности многочисленныхъ главъ, посвященныхъ дѣтству и юности Елисаветы. Родившись въ 1533 г., черезъ семь мѣсяцевъ послѣ брака Генриха VIII съ Анной Боленъ, она была трехъ лѣтъ, когда ея мать погибла на эшафотѣ и когда родной отецъ объявилъ ее передъ всѣмъ народомъ незаконнорожденной. Ея жалкое положеніе нѣсколько улучшилось лишь по вступленіи на престолъ ея брата; но и тутъ мы видимъ, какъ плохо ее воспитывали и какъ дурно она была окружена; живость ея темперамента увлекала ее въ такое кокетство, которое подвергало ее самой жестокой клеветѣ и сдѣлало ее причастной въ уголовномъ процессѣ генераль-адмирала, лорда Сеймура. Положеніе Елисаветы стало гораздо хуже по смерти Эдуарда VI, въ 1553; арестованная послѣ паденія Іоанны Грей, она избѣгла опасности лишь посредствомъ неискренняго обращенія въ католицизмъ; въ слѣдующемъ году возмущеніе Ваята снова подвергло ея жизнь опасности; въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ она была заключена въ Тауэръ, этой государственной тюрьмѣ, которая рѣдко возвращала свободѣ своихъ жертвъ. Заключенная въ Вудстокскомъ замкѣ цѣлый годъ, снова призванная ко двору, она опять впадаетъ въ немилость за то, что отвергла руку герцога Савойскаго; и только 17 ноября 1558 г. она вздохнула легко, когда смерть Маріи Тюдоръ возвратила ей наконецъ дѣйствительную свободу въ то же время, какъ предоставила ей корону.

И такъ, жизнь Елисаветы до 25 лѣтъ была самая печальная какъ ясно видно изъ мелкихъ подробностей въ разсказѣ автора, которыхъ мы не касаемся. Живя почти постоянно подъ угрозой, оскорбляемая въ самыхъ сокровенныхъ своихъ чувствахъ, предоставленная на произволъ своихъ враговъ при дворѣ или любого заговорщика, выставлявшего ея имя знаменемъ для возмущенія, обязанная своей необезпеченной свободой Филиппу II, — Елисавета съ горечью сознавала, что юность ея гибнетъ въ строгомъ заключеніи или въ мнимой свободѣ. Плохо подавляя порывы пылкой натуры размышленіями, наукой и наблюденіемъ надъ людьми, въ которыхъ она все болѣе разочаровывалась, — она съ особеннымъ вниманіемъ слѣдила за колебаніями чувства къ ней ея сестры и соперницы, хорошо зная по многимъ примѣрамъ въ своей семьѣ, что въ Англіи одинъ капризъ монарха могъ предать голову хотя-бы близкаго къ престолу лица въ руки палача.

Биографъ очевидно не имѣетъ симпатіи къ Елисаветѣ, онъ даже не цѣнитъ ее, какъ женщину; но онъ ее понимаетъ, объясняетъ и это все, чего можно требовать отъ автора въ данномъ случаѣ; кокетливая и скрытная, вспыльчивая и гнѣвная, чувственная, какъ должна была быть дочь Генриха VIII и Анны Боленъ, — великая королева англійская не имѣла откровенности въ страсти, она не знала тѣхъ непосредственныхъ порывовъ соперницы своей Маріи Стюартъ, которые увлекаютъ насъ невольно. Это все справедливо; но авторъ можетъ быть недостаточно выставилъ на видъ, что ужасныя испытанія, какимъ подверглась Елисавета въ юности, должны были придать ея характеру именно тѣ выдающіяся черты, за которыя ее упрекаютъ; не слѣдуетъ забывать, что юность Маріи Стюартъ развернулась въ жаркой атмосферѣ увлеченій и удовольствій французскаго двора; періодъ жестокой борьбы и испытаній начался для королевы шотландской уже послѣ того, какъ закончилось ея физическое развитіе и вполнѣ сложилось ея нравственное существо.

Какъ могла свободно развиваться душа Елисаветы, когда съ самыхъ раннихъ лѣтъ сосредоточенная въ себѣ самой, она терпѣла равнодушіе, пренебреженіе и оскорбленія всякаго рода? Какъ могла она сохранить свѣжесть дѣвственнаго чувства, когда въ 15 лѣтъ ей пришлось имѣть дѣло съ членами тайнаго совѣта, явившимися къ ней, чтобъ убѣдиться, не беременна-ли она ¹⁾? Какъ возможно было ей не сдѣлаться подозрительной и фальшивой, когда послѣ такой безотрадной юности и столькохъ отвратительныхъ интригъ ей приходилось видѣть вокругъ себя такихъ приближенныхъ, о которыхъ испанскій

¹⁾ Это случилось во время процесса лорда Сеймура, на которомъ было доказано свидѣтелями, что онъ приходилъ къ Елисаветѣ въ халатѣ, когда она еще не вставала съ постели и вообще обращался съ нею очень фамиллярно, трепалъ ее по спинѣ и т. п.

посланникъ имѣлъ право писать Филиппу II, что „большинство членовъ совѣта и другихъ лордовъ, готовы продать себя тому, кто больше заплотить“. Елисавета вступила на престолъ, познавши дѣйствительность людской жизни съ самой невзрачной и непріятной ея стороны; женщина конечно отъ этого много потеряла, но за то государыня выиграла. И самъ авторъ приходитъ къ подобному заключенію: если онъ не любитъ Елисавету какъ женщину, то онъ очень цѣнитъ въ ней, какъ-бы противъ своего желанія, королеву англійскую. Онъ признаетъ ея высокія правительственныя способности, ея умѣнье повелѣвать, ея изумительную проницательность, осторожность и энергію, ея хладнокровіе въ критическія минуты; онъ удивляется силѣ ея ума и воли, никогда не поддававшейся ни событіямъ, ни лицамъ. Эти похвалы, впрочемъ вполне заслуженныя, имѣютъ особенную цѣну въ устахъ страстнаго поклонника Маріи Стюартъ. Авторъ справедливо говоритъ, что одушевленная самымъ пылкимъ патріотизмомъ, Елисавета страстно любила славу своей страны, поэтому нельзя удивляться, если сердце ея народа билось любовью къ ней и если эта королева, которую часто представляютъ малодушной и коварной женщиной, до сихъ поръ еще служитъ предметомъ благодарнаго энтузіазма для всѣхъ англійскихъ патріотовъ.

Главный упрекъ, который можно сдѣлать автору, заключается въ томъ, что онъ злоупотребляетъ тѣмъ психологическимъ методомъ, съ помощью котораго многіе современные писатели имѣютъ претензію читать, словно по какому-то откровенію, въ сердцѣ историческихъ лицъ и заставляютъ ихъ разоблачать передъ читателемъ самыя сокровенныя мысли и чувства. У добросовѣстнаго писателя, каковъ Визенеръ, это не очень вредитъ дѣлу, но все-же нельзя сказать чтобъ это былъ хорошій приемъ.

Другое сочиненіе, о которомъ намъ приходится здѣсь говорить, нѣмецкаго автора, Гедеке, о Маріи Стюартъ ¹⁾, о предметѣ, который до сихъ поръ еще не потерялъ своей прелести,—нужно признать истинной заслугой передъ публикой, хотя читателямъ, знакомымъ съ исторической литературой, можетъ показаться страннымъ, что новая разработка всѣмъ извѣстной темы, не только восполняетъ важный пробѣлъ въ этомъ вопросѣ, но и удовлетворяетъ настоятельной потребности. Дѣло въ томъ, что за послѣднее время историческую литературу наводнила цѣлая масса изданій, основанныхъ на болѣе или менѣе новыхъ документахъ, но съ полнымъ отсутствіемъ критики и метода и съ очень пристрастнымъ и одностороннимъ отношеніемъ къ дѣлу. Множество появившихся сочиненій о Маріи Стюартъ во Франціи и Англии, вмѣсто того, чтобъ разъяснить, сдѣлали еще болѣе смутнымъ образъ несчастной шотландской королевы, которую съ одина-

¹⁾ Maria Stuart, v. Arnold von Gaedeke, Heidelberg. 1879.

новымъ увлеченіемъ одни защищали и превозносили выше всякой мѣры, другіе обвиняли съ ожесточеніемъ, такъ-что читатель не удомѣваетъ, къ которой сторонѣ ему примкнуть. За выдающимся исключеніемъ „Шотландской исторіи“ Бёртона, и вышедшихъ въ 1875 г. документальныхъ изслѣдованій датчанина Скіерна о „Заключеніи графа Ботвеля въ Норвегіи и Даніи“, дѣлающихъ честь исторической наукѣ,—религіозныя и національныя страсти англійскихъ, шотландскихъ, американскихъ и французскихъ писателей о Маріи Стюартъ, ея характеръ и судьбѣ, и въ наше время продолжали сталкиваться съ не меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ и при ея жизни, какъ мы уже имѣли случай замѣтить по поводу Елисаветы. Противъ преобладающаго большинства защитниковъ Маріи Стюартъ съ клерикальной или съ юридической точки зрѣнія, стоитъ одиноко Фраудъ, извѣстный историкъ Англіи XVI в., который относится пуритански сурово и враждебно къ шотландской королевѣ. Хотя Фраудъ имѣетъ за собою ту заслугу, что первый воспользовался почти не тронутыми до него документами въ англійскомъ государственномъ архивѣ и испанскими донесеніями въ Симанкъ,—но все же онъ не далеко ушелъ отъ своихъ противниковъ по неспособности тщательно изслѣдовать и взвѣшивать значеніе своихъ источниковъ, въ которой его обвиняетъ нѣмецкій специалистъ по англійской исторіи, добросовѣстный ученый, Паули. Чрезвычайно поверхностный въ передачѣ и толкованіи своего богатаго матеріала, онъ страдаетъ, по мнѣнію Паули, склонностью къ преувеличеніямъ для достиженія романическаго эффекта и мало заботится объ относительной достовѣрности или правдоподобности своихъ источниковъ.

Въ виду вреднаго вліянія тенденціозныхъ сочиненій, породившихъ чуть не новыя легенды о несчастной королевѣ¹⁾,—особенно была желательна новая біографія Маріи Стюартъ, изложенная просто, безпристрастно, и этому требованію вполне удовлетворяетъ книга Гедеке. Въ научномъ отношеніи это сочиненіе не имѣетъ самостоятельнаго значенія; въ основу его взята точка зрѣнія Ранке, такъ мастерски изобразившаго на немногихъ сжатыхъ страницахъ своей исторіи Англіи въ XVI в. главные моменты жизни Маріи Стюартъ. Гедеке вполне раздѣляетъ мѣткое сужденіе Ранке о виновности королевы шотландской, но согласно съ нимъ сохраняетъ гуманно-объективную точку зрѣнія, возмущаясь позорнымъ обманомъ, съ помощью котораго плѣнницу систематически вовлекали въ пагубныя для нея поступки и негодую на нарушеніе законныхъ формъ и жестокое обращеніе съ ней во время процесса и казни, на грубое злорадство, отъ котораго и Фраудъ не могъ отдѣлаться при описаніи смерти Маріи Стюартъ.

¹⁾ Между ними нужно указать, какъ на особенно опасное по своему пристрастному отношенію обширное англійское сочиненіе Гозака „Марія, королева шотландская и ея обвинители“, вышедшая въ 1874 г.

Кромѣ отсутствія самостоятельной разработки предмета историческая критика можетъ сдѣлать автору другой, болѣе важный упрекъ: сочиненіе страдаетъ нѣкоторой неполнотой и неясностью, отчасти оттого, что самый интересный матеріалъ и собственныя спеціальныя изслѣдованія автора, имѣющія большое значеніе, не приведены имъ въ текстъ, а находятся въ приложеніяхъ; отчасти оттого, что Гедехе не воспользовался всѣми документами по этому вопросу. Что же касается его жалобъ, будто перепиской враговъ и обвинителей Маріи Стюартъ до сихъ поръ трудно пользоваться потому, что потомки знатныхъ, скомпрометированныхъ въ то время фамилій неохотно допускаютъ въ свои фамиліи архивы,—то въ настоящую минуту эти жалобы не совсѣмъ основательны, послѣ того, какъ во многихъ годовыхъ отчетахъ королевской комиссіи историческихъ рукописей напечатанъ былъ цѣлый рядъ такихъ документовъ изъ частныхъ архивовъ, а при нѣкоторой рекомендаціи они могли сдѣлаться бы доступны и въ оригиналѣ; съ помощью же этихъ документовъ Гедехе могъ бы рѣшить много частныхъ вопросовъ и гораздо опредѣленнѣе мотивировать свои выводы.

Относительно внѣшней формы нужно сказать, что авторъ разбираемаго сочиненія отличается большими достоинствами, обладая обширнымъ знакомствомъ съ источниками, строгою наблюдательностью въ изслѣдованіи и сжатымъ, яснымъ изложеніемъ, оставляющимъ въ сторонѣ все не существенное, и не пускаясь въ опроверженія разныхъ тенденціозныхъ мнѣній, такъ что читатель имѣетъ возможность прослѣдить въ небольшомъ томѣ съ непрерывнымъ интересомъ за драматическимъ развитіемъ этого біографическаго очерка.

Мы не станемъ пересказывать хода отдѣльныхъ событій, изложенныхъ въ 8 главахъ одинаково привлекательно и безпристрастно; мы остановимся лишь на самомъ существенномъ спорномъ вопросѣ и отношеніи къ нему автора.

Вслѣдствіе разрыва Маріи съ мужемъ, Генрихомъ Дарнлеемъ, возвышеннымъ ею въ короли, возникли не только всѣ потрясающія катастрофы ея послѣдующей жизни и кровавый конецъ почти всѣхъ участниковъ дѣла, но и самыя способности и дарованія королевы получили опасное и пагубное для нея самое развитіе. Ея политическая страсть, разжигаемая поборниками католическаго фанатизма, роковымъ образомъ сплелась въ ея жизни съ другою дикою и слѣпой страстью къ графу Ботвелю, сопернику Рицію, убійцѣ Дарнлея, врагу ея своднаго брата, умнаго политика Меррей. Ботвель, считавшійся протестантомъ, воспользовался именно этимъ обстоятельствомъ, чтобы избавиться отъ своей жены, изъ католической семьи Гордоновъ съ цѣлью жениться на королевѣ Маріи, которая еще до убійства Дарнлея находилась съ нимъ въ преступной связи. Этотъ энергическій, но неразборчивый въ средствахъ, коварный человѣкъ совершенно завладѣлъ ея волей, хотя она скоро должна была убѣдиться, что онъ желалъ получить ея руку

для того только, чтобъ самому захватить власть надъ анархически разнузданной страной. Гедеке справедливо замѣчаетъ, что въ убійствѣ Дарнлея шумный и открытый характеръ этого преступленія и вся неловкая обстановка, вѣроятно, умышленно были устроены Ботвелемъ для того, чтобы окончательно подчинить себя Марію: онъ былъ сильно заинтересованъ въ томъ, чтобы сдѣлать всему свѣту явнымъ, что тутъ былъ не какой нибудь несчастный случай, а дѣйствительно было совершено предумышленное убійство; такъ какъ въ его рукахъ были письма Маріи, которыя свидѣтельствовали по крайней мѣрѣ о ея пассивномъ соучастіи, то королева была лишена всякой возможности допустить слѣдствіе въ этомъ дѣлѣ и не могла болѣе отказать никакому требованію Ботвеля; съ этой минуты судьба ихъ обоихъ была неразрывно связана до ихъ окончательнаго паденія; они должны были стоять за одно или вмѣстѣ погибнуть.

Не прошло и пяти мѣсяцевъ со смерти Дарнлея, какъ въ стычкѣ при Карберри-Гиль Ботвель былъ разбитъ, а Марія попала въ руки своихъ враговъ. Ея заключеніе въ замкѣ Лохленъ и вынужденное здѣсь отреченіе отъ престола, ея бѣгство, послѣднее сопротивленіе при Лангъ-Сайдѣ, наконецъ ея переходъ въ Англію, все это быстро совершилось менѣе, чѣмъ въ годъ. Въ 1568 году начались сначала въ Іоркѣ, потомъ въ Вестминстерѣ переговоры между комиссарами обѣихъ націй, между обвинителями и защитниками Маріи, находившимися подъ сильнымъ давленіемъ реформатскихъ и католическихъ тенденцій туземныхъ и заграничныхъ. Фальшивое положеніе, которое королева Елисавета приняла вслѣдствіе этихъ вліяній съ самаго начала, относительно всѣхъ, касающихся этого дѣла вопросовъ, вовлекло ее въ важную по своимъ послѣдствіямъ ошибку, а именно, что она не рѣшилась, послѣ неудачи международнаго суда надъ Маріей—выпустить ее изъ заключенія, которое 19 лѣтъ спустя кончилось для нея на эшафотѣ. При этихъ переговорахъ самой важной уликой противъ Маріи Стюартъ служили ея письма къ Ботвелю, подлинность которыхъ старались опровергнуть, какъ современные приверженцы королевы шотландской, такъ и нынѣшніе фанатическіе ея защитники, всевозможными ухищреніями и тонкостями, съ желательной для нихъ цѣлью, устранить вмѣстѣ съ этими документами разныя темныя пятна изъ жизни своей героини, или по крайней мѣрѣ искусно скрыть ихъ. Но доказательства въ пользу того, что эти письма дѣйствительно существовали, и по содержанію своему до сихъ поръ сохранились — слишкомъ вѣски. Не только Фраудъ, вмѣстѣ со всѣми значительными прежними историками, стоитъ за подлинность ихъ, но Минье, авторъ лучшей изъ прежнихъ біографій Маріи Стюартъ, Бертонъ, самый дѣльный современный историкъ Шотландіи, и наконецъ—знаменитый нѣмецкій историкъ, Ранке, всѣ убѣждены въ ихъ подлинности; по этому приложеніе къ книгѣ Гедеке, заключающее въ себѣ изслѣдованіе объ этихъ письмахъ, имѣетъ особенное значеніе,

такъ какъ онъ самъ вновь пересматриваетъ всѣ источники и свидѣтельства за и противъ подлинности писемъ, спокойно взвѣшиваетъ и тѣ и другіе и доказываетъ несомнѣнный перевѣсъ неопровержимыхъ доказательствъ виновности Маріи Стюартъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность вопроса объ этихъ, столь извѣстныхъ и спорныхъ письмахъ: черезъ нѣсколько дней послѣ стычки при Карбери-Гиль, 20 іюня 1567 г., попала въ руки побѣдителей драгоценная шкатулка, выложенная серебромъ, съ шифромъ Франциска II, перваго супруга Маріи, въ которой Ботвелъ хранилъ съ эгоистическими видами всѣ письма королевы къ нему, даже такія, которыя она настоятельно просила его сжечь по прочтеніи. Кромѣ писемъ тутъ находился ихъ брачный договоръ, подписанный Маріей еще раньше ея мнимаго похищенія Ботвелемъ. Въ этихъ бумагахъ, правда, нѣтъ прямого доказательства участія Маріи въ убійствѣ Дарилея, какъ то хотѣли доказать ея враги на конференціи, но изъ нихъ очевидно, что вполне преданная Ботвелю, она нарушила вѣрность мужу. Прежніе и новые защитники Маріи, признающіе письма, найденныя въ шкатулкѣ подложными, не берутъ во вниманіе того, что уже 25 іюля Елисаветъ донесли о существованіи тяжко обличающихъ Марію документовъ. Если Мёррей, бывшій регентомъ, ими не воспользовался, то такая осторожность съ его стороны, пока Марія находилась въ Шотландіи, совершенно естественна. Но уже въ декабрѣ этого года письма эти въ оригиналѣ были предъявлены шотландскому парламенту, при чемъ приверженцы Маріи не сдѣлали никакого заявленія противъ ихъ подлинности. Затѣмъ шотландскій статсъ-секретарь Летингтонъ, привезъ съ собою въ 1568 году копіи съ писемъ въ Іоркъ; но Марія, которая слишкомъ хорошо ихъ знала, настоятельно упростила его и другихъ сторонниковъ своихъ помѣшать ихъ предъявленію.

Однако не смотря на всѣ хитрыя уловки во время конференціи англійскіе комиссары, къ которымъ принадлежалъ герцогъ Норфолькъ, тогда еще не впутанный въ интригу съ королевой Маріей, — вынесли убѣжденіе, что обвиненіе противъ Маріи со стороны Мёррей основано достаточными доказательствами и уликами. Относительно дальнѣйшей судьбы подлинныхъ писемъ, которыя Букананъ перевелъ по латыни въ приложеніяхъ къ своему сочиненію *Detectio Mariae Reginae* (1572), извѣстно только, что послѣ насильственной смерти Мёррей они перешли сначала въ руки графа Ленокса, потомъ графа Мортонъ, а въ 1582 г. принадлежали графу Гаури, у котораго королева Елисавета тщетно старалась ихъ пріобрѣсти; и наконецъ послѣ казни Гаури они были уничтожены Яковомъ VI, чтобы скрыть позоръ матери. Въ настоящее время мы имѣемъ только упомянутый латинскій переводъ Буканана и два современныхъ перевода съ латинскаго 8 писемъ и 12 сонетовъ, перепечатанныхъ Гедке въ приложеніяхъ по изданію Тэле (Teulet, *Lettres de Marie Stuart*). Если въ этихъ перево-

дахъ искаженъ языкъ подлинниковъ и встрѣчаются ошибки въ числахъ, то это нисколько не удивительно; нужно принять въ расчетъ, какимъ образомъ въ то время переписывались или передавались на другомъ языкѣ историческіе документы. Содержаніе-же ихъ вполне подтверждается всѣми современными свидѣтельствами, доказательность которыхъ никакое адвокатское искусство не въ состояніи опровергнуть. Въ поддѣлѣ этихъ писемъ обвиняли историка Буканана, но при этомъ совершенно упускали изъ виду огромное различіе въ стилистическомъ и психологическомъ отношеніи между его сочиненіемъ о „Заключеніи королевы Маріи“ и Приложеніями къ нему, гдѣ впервые появились эти письма. Рѣзкій риторическій обвинительный актъ литературно образованнаго политика совершенно пренебрегаетъ подробностями, заключающимися въ письмахъ, наивныя и непосредственныя изліянія которыхъ не могли быть сочинены имъ.

Едва-ли когда-либо можетъ вполне разсѣяться туманъ, окружающій эти письма; но то обстоятельство, что какъ друзья, такъ и враги Маріи Стюартъ одинаково вѣрили въ дѣйствительное существованіе опасныхъ для нея документовъ, что самые документы исчезли и уже послѣ ихъ исчезновенія начались нападки на ихъ подлинность, все это сильно подтверждаетъ мнѣніе Гедеке, согласнаго въ этомъ съ Бертонемъ. Мелкія техническія возраженія совершенно исчезаютъ передъ внутренней правдой этихъ писемъ, содержаніе которыхъ такъ существенно для освѣщенія трагической судьбы Маріи Стюартъ. Не слѣдуетъ забывать, какъ указываетъ Бертонъ, что въ жилахъ Маріи Стюартъ текла кровь Якова IV, Тюдоровъ и Гизовъ и что она выросла при дворѣ, гдѣ господствовали политическіе принципы Екатерины Медичи и та легкая мораль, которая нашла себѣ выраженіе въ „*Vie des dames galantes*“ Брантома и въ Новеллахъ королевы Маргариты Новарской. Гедеке справедливо выставляетъ на видъ несчастную склонность къ притворству, которая рано развилась въ юной Маріи подъ вліяніемъ ея обстановки: какъ она уже при вступленіи въ бракъ съ Францискомъ II съ чисто іезуитской логикой общалась шотландцамъ независимость своего королевства, которое она въ тоже самое время въ случаѣ, если умретъ бездѣтной, завѣщала королю французскому. Рядомъ съ этимъ притворствомъ въ ней сживалось какое-то слѣпое, ничѣмъ не смущавшееся своеволіе и гордость, въ чемъ она имѣла много схожаго съ своимъ несчастнымъ внукомъ, подобно ей погибшимъ на эшафотѣ.

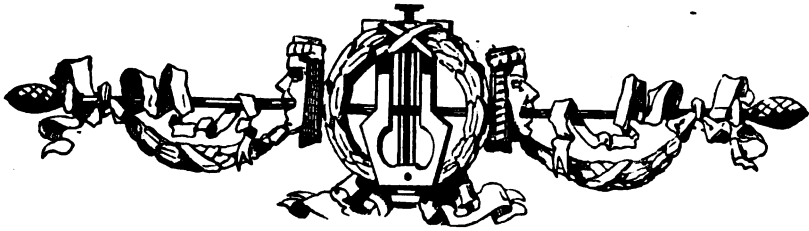
Что касается заключенія Маріи въ Англіи, то Гедеке указываетъ яснѣе прежнихъ историковъ на ошибки въ этомъ случаѣ англійской политики. Дальновидный Сесиль (Берлей) высказывалъ въ самомъ началѣ заключенія, что всего опаснѣе будетъ для Англіи, если Маріи Стюартъ удастся бѣжать во Францію; менѣе опасно, если она останется въ Англіи и наконецъ безопаснѣе всего, если она возвратится въ Шотландію. Съ теченіемъ времени оказалось даже, что самую

большую опасность для Англіи представляло ея пребываніе въ англійскомъ плѣну и правительству положительно слѣдовало дѣйствовать такъ, чтобы удалить ее изъ королевства и при первомъ удобномъ случаѣ отправить назадъ въ Шотландію. Правда, англичане нѣсколько разъ пытались сбыть ее, но всегда неудачно, впрочемъ не по собственной волѣ, а вслѣдствіе внезапныхъ перемѣнъ въ политическихъ обстоятельствахъ. Не смотря на это, однако, можно съ основаніемъ сдѣлать англійской политикѣ упрекъ въ томъ, что она была недостаточно ясна и энергична въ этомъ отношеніи, особенно вслѣдствіе враждебнаго вмѣшательства самой королевы Елисаветы. Опасности, которымъ Елисавета подвергалась въ теченіи многихъ лѣтъ со стороны убійцъ и дурная память, какую она навлекла на себя казнью своей дворовой сестры, являются какъ бы заслуженной карой за тяжкую вину, которой она легко могла избѣжать.

Чрезвычайно удачный и привлекательный портретъ Маріи Стюартъ изъ того времени, когда она была французской дофиной, украшаетъ книгу Гедеке и много содѣйствуетъ интересу ея для публики.

Иф....ль.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Вылое. Стихотворенія В. Вуренина. С.-Петербургъ, 1880.

ВМѢСТѢ съ покойнымъ Грибоѣдовымъ мы можемъ сказать, что если сравнить нынѣшнее время съ недавно минувшимъ, то хотя и свѣжѣе преданіе, а многому вѣрится съ трудомъ. Не вдаваясь въ разностороннее опредѣленіе этой истины, довольно указать на то, какъ различно отражались военные триумфы и гражданскія торжества въ произведеніяхъ нашей поэзіи. Давно ли громъ побѣдъ и официальные праздники вызывали величавые гимны на лирахъ восторженныхъ пѣвцовъ? Не говоримъ уже о томъ добромъ старомъ времени, когда занятіе какого-нибудь Хотина порождало торжественно-хвалебную оду Ломоносова, когда Державинъ настраивалъ свою лиру на громко-возвышенный тонъ при извѣстіи о взятіи Варшавы, а указъ о дозволеніи не называться рабомъ или слухъ объ устройствѣ придворнаго каруселя одушевлялъ пѣтическій полетъ Петрова. Все это дѣла давно минувшихъ дней, также какъ и искусственно препарированный патріотизмъ гг. Жанъ-Батистовъ Руссо и Гинтеровъ, нашихъ образцовъ и наставниковъ въ этомъ родѣ хвалебныхъ пѣснопѣній. Но вспомните время болѣе къ намъ близкое. Давно ли Жуковскій, въ качествѣ менестреля, пѣлъ въ станѣ русскихъ воиновъ побѣды нашихъ генераловъ надъ двенадцатью языками, приведенными Наполеономъ? Давно ли Пушкинъ славилъ бородинскую годовщину и вспоминалъ, какъ русская рать пришла къ Стамбулу и остановилась передъ шитомъ воинственнаго варяга, пригвожденнымъ къ цареградскимъ воротамъ? Давно ли Майковъ видѣлъ въ крымской войнѣ крестовый походъ и потомъ привѣтствовалъ сѣмена просвѣщенія, проворно распустившія ростки на русской общественной нивѣ? Отцы наши, а отчасти и сами мы помнимъ это время восторженной поэзіи.

И какъ же все измѣнилось! О торжественно-настроенныхъ лирахъ теперь нѣтъ и слуха, возвышенныя оды и хвалебныя пѣсни совсѣмъ замолкли. И это не отъ того, чтобы въ наше время не было предметовъ для такихъ высокихъ пѣснопѣній, чтобы теперь не слышать было грома побѣдъ, не видать славныхъ триумфовъ и великихъ людей: напротивъ, на нашихъ глазахъ совершались недавно такіа событія, какихъ не знали прошлые вѣка, такъ любившіе славословить себя въ преувеличенно-восторженныхъ гимнахъ. Мы видѣли объединеніе нѣмцевъ подъ эгидой прусскаго орла и плѣнь французскаго сфинкса-

императора со всеми его армиями, видѣли борьбу турецкихъ славянъ за свою независимость, наконецъ, послѣднія событія на Балканскомъ полуостровѣ, и передъ нами проходили величественные образы Бисмарка, Мольтке, Биконсфильда... И какъ же отзывалась поэзія на эти міровыя событія? Какими пѣснями привѣтствовала она этихъ гигантовъ нашего времени? Мы не знаемъ никакихъ замѣчательно-художественныхъ произведеній по этому предмету въ хвалебномъ родѣ, но въ то же время видимъ, что поэзія не осталась равнодушною къ пережитымъ нами событіямъ. Дѣло въ томъ только, что въ наше время событія эти вызвали не восторженные пѣсни, не пышно-хвалебные гимны, а сатирическое, или точнѣе насмѣшливо-ироническое отношеніе къ той оборотной сторонѣ медали, какую можно найти во всякомъ дѣлѣ, какъ бы оно ни было блестяще.

Мы не думаемъ затрогивать вопроса, хорошо это или дурно, а указываемъ на самый фактъ, предоставляя читателямъ обсуживать, насколько общество выиграло или проиграло отъ того, что лирическіе панегиристы смѣнились въ наше время стихотворцами-сатириками и пародистами. Мы хотимъ только указать, что на лирахъ, недавно еще воспѣвавшихъ военные лавры и гражданскіе мѣрты, теперь всѣ струны порваны, да никто и не думаетъ навязать ихъ. Былой восторгъ совсѣмъ заглушенъ ироническимъ смѣхомъ. Нетрудно назвать цѣлый рядъ произведеній нашихъ современныхъ поэтовъ въ такомъ родѣ; но мы остановимся теперь только на вышедшемъ недавно томѣ сочиненій г. В. Буренина, которымъ авторъ далъ общее названіе „Былое“. Кромѣ переводовъ изъ Байрона, В. Гюго, Барбье, Альфреда де-Мюссе и оригинальныхъ пѣсней разнаго содержанія, тутъ особенно замѣчателенъ отдѣлъ, названный „военно-политическими отголосками“ и „пѣснями дня“. Въ этихъ-то стихотвореніяхъ, наиболѣе свойственныхъ дарованію автора, и выразились тѣ пережитые имъ историческіе моменты, которые вѣроятно подали поводъ озаглавить весь сборникъ, какъ сводъ бывшихъ впечатлѣній. Какъ же отразилось это былое въ сознаніи поэта? Какими пѣснями отзывался онъ на великія историческія событія недавняго времени, очевидно интересовавшія его, какъ человѣка мыслящаго и чуткаго ко всему живому?

Всѣ эти европейскія событія, которыя въ былое время породили бы цѣлыя массы торжественныхъ одъ и хвалебныхъ пѣсней, вызвали у г. Буренина только одну сатиру. Но это не та сатира, какую въ старые годы, съ неменьшею тѣмъ въ одѣхъ торжественностью, послѣдователи ювеналовскаго гнѣва и гораціанскаго эпикуреизма карали пороку и деспотизму во имя добродѣтели и свободы: это сатира шутивно-презрительная, болѣею частію въ видѣ пародіи на мотивы изъ извѣстныхъ произведеній прежнихъ поэтовъ, часто съ сохраненіемъ ихъ характерныхъ особенностей въ образахъ и краскахъ, въ складѣ и размѣрѣ, причемъ въ одно и то же время осмѣливается взятое событіе или лицо и косвенно пародируется прежнее поэтическое воззрѣніе. Возьмите, на примѣръ, стихотвореніе „На полученіе его сіятельствомъ графомъ Бисмаркомъ генераль-лейтенантскаго чина и на побѣды прусскія“. Въ одномъ уже этомъ заглавіи вы видите отношеніе автора къ германскимъ побѣдамъ и къ великому канцлеру, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ Державинскому стихотворенію „Гимнъ лироэпическій на изгнаніе французовъ изъ отечества“, служившему темой для пародіи. Изъ сравненія этихъ пѣсней можно ясно понять указанную нами разницу въ поэтическомъ воззрѣніи прошлой и современной эпохи, а вмѣстѣ опредѣлить и характеръ дарованія г. Буренина, которое особенно обнаруживается въ стихотвореніяхъ подобнаго рода.

У кого достанетъ терпѣнія прочесть лиро-эпическій гимнъ Державина, писанный уже въ пору упадка его великаго таланта, тотъ съ трудомъ повѣритъ, чтобы современники поэта могли серьезно относиться къ этому набору трескучихъ словъ и напыщенныхъ выраженій. Въ наше время надобно замѣча-

тельное усиліе, чтобы понять, какъ можно было читать безъ улыбки хотя, на-
примѣръ, такое изображеніе французской революціи и Наполеона:

Открылась тайнѣ священныхъ дверь!
И шель изъ безднѣ огромный звѣрь,
Драконъ иль демонъ змѣевидный:
Вокругъ его ехидны
Со крыльевъ смерть и смрадъ трясуть,
Ногами солнце пруть;
Отенетя вокругъ всю ошибками сферу,
Горящу въ воздухъ прыщутъ стѣру,
Холмятъ дыханьемъ понть,
Льютъ ночь на горизонтъ
И движутъ ось вся вселенны...
Иль галлѣ творецъ то злыхъ чудесь,
Похитившій у вѣтра крылы,
У доблести, у вѣры силы,
Скиптръ у царей, громъ у небесъ?..
Такъ онъ, то галлѣ съ своимъ вождемъ
Навергнувъ на царей яремъ,
И всю почти плѣня Европу,
Далъ страшному Атропу
Не разъ ея же кровью пиръ;
Прервалъ звукъ нѣжныхъ лиръ,
Пресѣкъ спокойствіе, торги, трудъ мирный,
И, въ блескъ разбойника порфирный
Одѣвъ, возвелъ на тронъ,—
То былъ Наполеонъ.

Г. Буренинъ взялъ мотивъ и тонъ этой, въ нашихъ глазахъ совершенно комической оды, для ироническаго прославленія побѣды графа Бисмарка. Остроумно пародируя изысканно пышныя выраженія Державина, онъ представляетъ въ каррикатурѣ этотъ надутый реторизмъ, который когда-то принимали за поэзію, и въ то же время пишетъ бойкую сатиру на пошлый шовинизмъ, сумѣвшій придать смѣшной оттѣнокъ самымъ серьезнымъ событіямъ и лицамъ. Размѣры нашей рецензіи не позволяютъ выписать всей сатиры г. Буренина, и мы приведемъ изъ нея только отрывокъ, соответствующій взятымъ стихамъ Державина и достаточный для опредѣленія характера всей пародіи. Вотъ какъ пѣвецъ Бисмарка представляетъ Парижъ послѣ плѣна Наполеона III.

Не гидра ль то шипитъ стоглава,
Огнемъ пыхнувъ изъ ста носовъ?
Не Этны-ль клокочаща лава
Струится горныхъ внизъ хребтовъ?
Нѣтъ, это чернь непросвѣщенна,
Смутяся отъ Бонапарта плѣна,
Шумить въ Лутеціи стѣнахъ;
Круша имперіи основу,
Республику изводитъ нову
Изъ адскихъ нѣдръ народамъ въ страхъ.
Содрогся я: ужель ехидна
Главу надменно вознесетъ
И солнце трона свѣтовидно
Рогами буйными соплетъ?
Ужели злобы вновь тристаты
Дантоны встанутъ и Мараты?
И злая чернь безъ панталонъ
Начнетъ вельможамъ и дворянамъ
Срывать главы въ восторгѣ ряномъ,
Порядка свергнувши препонтъ?
О страхъ! О скорбь! Но свѣтъ съ Эмпира

Блеснулъ—и ужасы обгуть!
 Се зрю: въ сѣяніи мундира
 Къ столицѣ Франціи грядутъ
 Полки Боруссіи велики:
 Во дланяхъ ихъ штыки и пики,
 Имъ указываетъ путь гигантъ,
 Кой, либераловъ прекословью
 Не внемля, сталею и кровью
 Сопрягъ германскій фатерландъ!

Съ такимъ же остроуміемъ осмѣиваетъ г. Буренинъ въ своихъ пародіяхъ всякую политическую фальшь, напускной патріотизмъ, драпированье въ поддѣльную гуманность, игру въ либерализмъ и искусственныя слезы при минимыхъ страданіяхъ за меньшихъ братій. Все это выражается въ формѣ пародій на какія-нибудь стихотворенія нашихъ извѣстныхъ поэтовъ. Такъ его „Графъ Шенгаузенскій“—пародія на балладу Жуковскаго „Графъ Габсбургскій“, „Дары прогресса“—на пьесу Лермонтова „Дары Терека“, „Шмидтъ и его сыновья, или сила канкана“—передѣлка баллады Пушкина „Будрысъ и его сыновья“ и пр. Можно замѣтить мимоходомъ, что канканъ часто вдохновляетъ г. Буренина, но это уже его маленькая слабость, также какъ и слабость къ пруссакамъ, которыхъ онъ больше чѣмъ кого-нибудь воспѣваетъ въ своихъ пародіяхъ. И надобно отдать справедливость автору, что это выходитъ у него очень удачно, такъ что его можно назвать въ нѣкоторомъ смыслѣ пѣвцомъ Бисмарка. Мольке и ихъ касконосныхъ дружинъ. Особенно удалось г. Буренину „Торжество побѣдителей“, въ которомъ онъ искусно подражаетъ Жуковскому:

Паль канкана градъ вселенскій,
 Буйства вреднаго очагъ;
 И на выси Валерьевской
 Водрузивъ побѣдный стягъ,
 Рати прусскія возсѣли
 И гороховый экстрактъ,
 Распустивъ бульономъ, ѣли,
 „Wacht am Rhein“ горлана въ тактъ.

Воспѣвая нѣмцевъ г. Буренинъ не забываетъ однакожъ турокъ и англичанъ. Пьесы „Конституція въ Константинополѣ“, „Талисманъ Мидхада“, „Турецкая дипломатія“, „Обѣдъ у султана“—все это бойкія сатиры на тѣ розовыя надежды, какія возлагались во время оно на великія реформы въ Турціи, или на ту канитель, какую тинула европейская дипломатія изъ ненависти къ Россіи и въ надеждѣ на выздоровленіе „больного человѣка“. Также злы и жѣткія стихотворенія, которыя г. Буренинъ посвящаетъ бывшимъ англійскимъ министрамъ: „Дума маркиза Салисбюри“, „Рѣчь лорда Биконсфильда на банкетѣ въ честь лорда мѣра“. Последняя пьеса отличается уже характеромъ болѣе серьезной сатиры, нежели другія пародіи. Мы позволимъ себѣ выписать часть этого стихотворенія, такъ какъ взятый въ немъ мотивъ и въ настоящее время не утратилъ значенія въ виду того, что совершается въ Турціи.

Ужинъ былъ удивительный. Мясо и дичь
 И приправы съ продуктомъ Кайены,
 Крѣпкій-портеръ и вина и пуншъ проглотивъ,
 Оживились весьма джентельмены.

Время сна приближилось. Лордъ Биконсфильдъ
 Поднялся и, въ заздравномъ бокалѣ
 Краснорѣчіе черпая, сталъ говорить,
 И ему всѣ съ восторгомъ внимали.

„Мы стремимся къ политикѣ мира—вѣшалъ
 Благородный премьеръ—слово это жъ
 Годъ назадъ я изрекъ, и теперь говорю...
 Намъ трактаты не пыльная ветошь.“

И согласно трактатамъ мы будемъ хранить
Независимость милыхъ намъ турокъ;
Въ этомъ дѣлѣ священномъ британскій народъ
И упоренъ и вмѣстѣ съ тѣмъ юрокъ.

„Мы славянамъ турецкимъ сочувствуемъ: въ насъ
Христіанскія то же вѣды души,
Мы скорбимъ, что болгаръ распинаютъ, что имъ
Турки рубятъ носы, рубятъ уши.

„Мы согласны: подобный порядокъ суровъ,
Прогрессивныя нужно реформы
Непремѣнно ввести, измѣнивъ навсегда
Дикихъ варварствъ ужасныя формы.

„Для чего распинать тѣхъ, кто туркамъ даетъ.
Средства жизнь наслажденіями тѣшить?
Трудъ рабовъ принимая въ расчетъ, можно ихъ
Благородно, но англійски вѣшать.

„Если жъ нужно порой дать острастку рабамъ—
Уши рѣжь, только рѣжь осторожно,
И по буквѣ трактатовъ священныхъ, а носъ...
Носъ оставить. я думаю можно...

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній г. Буренинъ заявляетъ, будто никогда не признавалъ себя поэтомъ и что другіе называютъ его „пересмѣшникомъ“. Намъ кажется, приговоръ этотъ слишкомъ скромнъ и далеко не справедливъ. Согласно съ характеромъ „Историч. Вѣстника“, мы въ настоящей замѣткѣ коснулись только того отдѣла стихотвореній г. Буренина, въ которомъ есть сторона историческая, и обошли его переводы и серьезныя оригинальныя пьесы. При болѣе полномъ обзорѣ мы указали бы, что если ему не совсѣмъ удастся переводъ своеобразнаго стиха Огюста Барбье, за то онъ очень удачно переводитъ Томаса Гуда, Альфреда де-Мюссе и даже трудно передаваемые на другой языкъ эпизоды изъ *Châtiments* Виктора Гюго. Что касается собственныхъ поэмъ г. Буренина, то онѣ теряютъ нѣсколько отъ невыдержанности и длиноты, хотя въ нихъ не мало прекрасныхъ поэтическихъ картинъ и живыхъ образовъ, не говоря уже о легкости и граціозномъ строѣ стиха. Инымъ можетъ быть не понравятся нѣкоторыя, слишкомъ пикантныя его сцены, но г. Буренинъ можетъ указать на то, что пуристы отворачивались и отъ нѣкоторыхъ главъ Байронова „Донъ Жуана“. Если же г. Буренина называютъ „пересмѣшникомъ“, то нельзя не замѣтить, что въ его пересмѣшкахъ не одно только балагурство: въ нихъ есть живая мысль и поэтический смыслъ. Не увлекался особенно этимъ родомъ поэзіи, мы однакожъ не относимся къ нему съ пренебреженіемъ сухихъ пуристовъ, а г. Буренинъ въ этомъ жанрѣ имѣетъ не много соперниковъ. Напомнимъ читателямъ старую истину, что въ искусствѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго. Что „военно-поэтическіе отголоски“ г. Буренина, показывающіе оборотную сторону исторической медали недавнихъ событій, читаются безъ скуки, даже заставляютъ смѣяться и въ то же время наводятъ на мысли серьезныя—въ этомъ никто, конечно, ему не откажетъ. Если позволено будетъ для характеристики его поэзіи привести не совсѣмъ новое сравненіе, мы скажемъ, что муза его похожа не на античныя статуи, дѣйствительныя при своей наготѣ, а на картинку, какія выставляются въ окнахъ магазинововъ, притомъ сдѣланную художественно и прекрасно палюминированную.

А. М.—вѣ.

Посланіе Многословное. Сочиненіе инокъ Зиновія, по рукописи XVI вѣка (съ приложеніемъ двухъ снимковъ). Трудъ Андрея Попова. М. 1880.

Конецъ XV вѣка и XVI вѣкъ ознаменованы въ исторіи русской церкви цѣлымъ рядомъ ересей. Первою изъ нихъ была ересь жидовствующихъ, принесенная въ 1470 году изъ Литвы въ Новгородъ жидомъ Схаріей и состоявшая въ томъ, что ея послѣдователи отвергали триничность Бога, божественность и мессіанство Иисуса Христа, таинства, посты, праздники, монашество, всю христіанскую обрядность. Сильные своимъ обширнымъ знакомствомъ съ священнымъ писаніемъ и твореніями св. отцовъ, искусною діалектикою и рационализмомъ, жидовствующие приобрѣли себѣ множество сторонниковъ въ лучшей части сперва новгородскаго, а потомъ московскаго духовенства, и въ то же время ихъ ученіе распространилось въ вологодскихъ и бѣлозерскихъ пустыняхъ и скитахъ, гдѣ напло себѣ уже подготовленную почву въ реформаторскихъ стремленіяхъ тамошнихъ монаховъ. Въ 50-хъ годахъ XVI вѣка, на смѣну ереси жидовствующихъ, почти уничтоженной и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ, явился въ Россію чрезъ Польшу протестантизмъ и прежде всего выразился въ ереси Башкина или Башкина. „Латынники“ (надо понимать: послѣдователи одной изъ протестантскихъ сектъ) аптекаръ Матвій Литвинъ и Андрей Хотѣвъ были его „развратителями“; вологодскіе и бѣлозерскіе монахи, или, какъ ихъ тогда называли, заволжскіе старцы, съ которыми Башкинъ былъ въ сношеніяхъ, не только „не хулили его злобы“, но еще „утверждали его въ томъ“. Башкинъ не отвергалъ ни триничности Бога, ни божественности Христа, но не признавалъ Бога Сына равнымъ Богу Отцу; онъ отвергалъ храмы, иконы, посты, молитвы. Произведенное надъ нимъ слѣдствіе обнаружило его единомышленниковъ въ сѣверныхъ монастыряхъ, и поэтому было сдѣлано распоряженіе объ арестѣ нѣкоторыхъ изъ заволжскихъ старцевъ и доставленіи ихъ въ Москву. Одинъ изъ нихъ, Ѳеодосій Косой, былъ судимъ въ Москвѣ соборомъ (въ 1554 или 1555 году) и, вѣроятно, осужденъ (соборнаго дѣянія о немъ не сохранилось, но оно значится въ описи царскаго архива), но успѣлъ бѣжать изъ подъ стражи въ Литву.

Въ чемъ заключалось ученіе Косого? Заволжскіе старцы, къ которымъ онъ принадлежалъ, какъ мы видѣли, были знакомы, и съ ересью жидовствующихъ, и съ ученіемъ протестанта Башкина; къ жидовствующимъ ли, или къ Башкину склонялся Косой? Объ его ученіи мы до сихъ поръ знали, преимущественно изъ трехъ источниковъ: 1) изъ сочиненій кн. Курбскаго (главнымъ образомъ изъ Эпистоліи его къ Кадіану Чаплию), 2) изъ сочиненія польскаго писателя XVII вѣка, протестанта Андрея Венгерскаго *Systema historiae chronologicum* (изъ него выписка у Костомарова, „Историч. монографіи“ I, 425) и 3) изъ „Истинъ Показанія“ монаха Новгородскаго Отенскаго монастыря Зиновія. Кн. Курбскій считаетъ Косого и его ученика Игнатія протестантами; точно также и у Венгерскаго Косой является однимъ изъ распространителей въ Литвѣ протестантскаго ученія; но Зиновій въ „Истинъ Показаніи“ представляетъ его послѣдователемъ жидовствующихъ; такъ, по Зиновію, онъ отвергалъ, подобно жидовствующимъ, триничность Бога, божественность и мессіанство Иисуса Христа, признавалъ авторитетъ лишь книгъ ветхаго завіта, преимущественно Моисеевыхъ, и старался „отвращать людей отъ евангелія Христова“. Только что изданное „Посланіе Многословное“ разрѣшаетъ это несогласіе относительно Косого въ пользу Курбскаго и Венгерскаго; въ немъ ученіе Косого излагается, какъ не имѣющее въ своемъ основаніи ничего общаго съ ученіемъ жидовствующихъ и близкое къ протестантскому: Косой отвергалъ таинства, храмы, иконы, посты, церковныя пѣснопѣнія, но, подобно Башкину, не касался ни

троичности Бога, ни божественности Христа, признает авторитетъ евангелія. Г. Поповъ объясняетъ такое различіе между двумя сочиненіями, что „Истины Показаніе“ изображаетъ ученіе Θεодосія въ томъ видѣ, какъ оно было усвоено его великорусскими послѣдователями, а „Посланіе Многословное“ изображаетъ то же ученіе въ его дальнѣйшемъ развитіи, послѣ того какъ виновникъ его бѣжалъ въ Литву и здѣсь на свободѣ вступилъ въ ближайшее общеніе съ однородными ему представителями протестантскихъ ученій (предисловіе, 1). Но это объясненіе не можетъ насъ удовлетворить: общеніе съ дѣйствовавшими въ Литвѣ протестантскими проповѣдниками могло измѣнить воззрѣнія Косого на нѣкоторыя второстепенныя положенія религіи, но не могло повліять на его взглядъ на такіе предметы, которые составляютъ краеугольный камень вѣрующаго, именно на троичность Бога, божественность Христа, значеніе книгъ ветхаго и новаго завета; иначе говоря, оно не могло сдѣлать Косого изъ жидовствующаго христіаниномъ. Сверхъ того мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, подобно г. Попову, что „Посланіе Многословное“ изображаетъ ученіе Косого, послѣ того какъ онъ сблизился съ литовскими протестантами, а „Истины Показаніе“ представляетъ его въ томъ видѣ, какъ оно было усвоено великорусскими послѣдователями Косого. „Истины Показаніе“ написано Зиновіемъ въ 1566 году, слѣдовательно, 10 лѣтъ спустя послѣ бѣства Косого въ Литву (въ 1555 или въ 1556 году), когда антихристъ уже успѣлъ „развратить Литву Косымъ“ и когда его ученіе могло проникнуть и въ пограничныя съ Литвою русскія области. Изъ „Истинъ Показанія“ видно, что монахи Старо-русскаго Спасскаго монастыря узнали новое ученіе лишь незадолго до своего прихода къ Зиновію на собесѣдованіе, во всякомъ случаѣ много послѣ 1556 года; слѣдовательно, они узнали его отъ Косого не изъ далекихъ бѣлозерскихъ монастырей, какъ думаетъ г. Поповъ, а изъ близкой Литвы, и это ученіе есть одно и то же съ тѣмъ, которое около того же времени изложили православные литовцы въ письмѣ къ автору „Посланія Многословнаго“.

Несогласіе „Истинъ Показанія“ съ Посланіемъ Многословнымъ“ всего скорѣе объясняется тѣмъ, что Зиновій въ „Истины Показанія“ представилъ ученіе Косого не въ истинномъ свѣтѣ и приписалъ ему такія воззрѣнія, какихъ у него никогда и не было, слѣдующаго принятому въ церкви обычаю, не стѣсняясь ничѣмъ въ обвиненіяхъ еретиковъ. Припомнимъ, что митрополитъ Даниилъ говорилъ Максиму Греку: „еллинскими и жидовскими мудрованіи и черно-книжными ихъ хитростями волшебными, отреченными отъ христіанскаго закона и житія хвалилися и возносилися и многое христіанство губиши“ (Чтенія Общ. Ист. и Др. 1847 г. № 7, стр. 6), хотя обвинять Максима въ жидовствѣ, Даниилъ конечно, не имѣлъ никакихъ основаній. Припомнимъ также, въ чемъ обвиняли православные католиковъ и богомиловъ.

Г. Поповъ считаетъ „Посланіе Многословное“ принадлежащимъ Зиновію; мы несогласны съ нимъ въ этомъ, хотя и признаемъ вмѣстѣ съ нимъ много общаго въ складѣ и слогѣ „Посланія“ и „Истинъ Показанія“. Нельзя, кажется, сомнѣваться, что одинъ изъ современниковъ Зиновія писалъ слогомъ, замѣчательно сходнымъ съ слогомъ Зиновія; этому неизвѣстному современнику принадлежитъ одно изъ житій Іосифа Волоцкаго (такъ называемое „Житіе, написанное неизвѣстнымъ“), которое также отличается вычурностію изложенія и которое нельзя считать твореніемъ Зиновія¹⁾; ему же можетъ принадлежать и „Посланіе Многословное“. Считать послѣднее произведеніе принадлежащимъ Зиновію, препятствуютъ довольно крупныя разногласія между нимъ и „Истины Показаніемъ“. Одно изъ нихъ—относительно религіозныхъ воззрѣній Косого—мы уже указали; другое заключается въ томъ, что по „Истинъ Показанію“

¹⁾ Замѣчательно, что это житіе дошло до насъ только въ одномъ спискѣ, точно также какъ и „Посланіе Многословное“.

Косой съ товарищами были схвачены въ монастырѣ, привезены въ Москву для соборнаго суда и уже оттуда бѣжали въ Литву, что согласно и съ другими источниками (Высокопр. Макарія „Исторія р. церкви“, VI, 269, прим.); тогда какъ „Посланіе Многословное“ рассказываетъ, что они собрались въ Ново-озерѣ и, когда соборъ началъ розыскъ объ ихъ ереси, то они бѣжали съ Ново-озера: Игнатій на Двину, Косой и Вассіанъ съ прочими въ Литву. Наше мнѣніе о непринадлежности Зиновію „Посланія Многословнаго“ подтверждается различіемъ въ почеркѣ главной рукописи „Истины Показанія“ и единственной рукописи „Посланія Многословнаго“, которыя обѣ трудно не признать за автографы авторовъ. Что касается до изданія „Посланія Многословнаго“, то мы должны сказать, что оно сдѣлано г. Поповымъ съ тою точностью и аккуратностью, которая отличаетъ всѣ его изданія.

А. С—скій.

Le Marquis Wielopolskii, sa vie et son temps. 1803—1877. Par M. Henry Lisicki. Wienne. 1880.

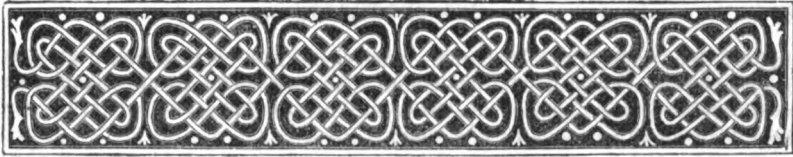
Два тома французскаго изданія біографіи маркиза Велепольскаго (вышедшей въ свѣтъ прежде на польскомъ языкѣ въ четырехъ томахъ) возбуждаютъ живой интересъ не только въ той долѣ читателей, которая принимаетъ близко къ сердцу различныя перипетіи такъ называемаго „польскаго вопроса“, какъ живого, затрогивающаго одну изъ современныхъ злобъ дня, но и среди тѣхъ, которые смотрятъ на вѣковую ходъ польскихъ смутъ съ исторической, болѣе спокойной точки зрѣнія. Цѣль автора дать матеріалъ для изученія дѣятельности такой, во всякомъ случаѣ, выдающейся исторической личности, какъ маркизъ Александръ Велепольскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовать, въ сжатомъ видѣ, тѣ обстоятельства, которыми подготовлены были цѣлесообразность этой дѣятельности, и причины, ее непосредственно вызвавшія. Авторъ начинаетъ свое дѣло издалека: съ возрожденія Польши подъ управленіемъ императора Александра I, рисуетъ тогдашнія неурядицы въ польскихъ сеймахъ, ходъ формированія тайныхъ обществъ въ странѣ, и въ живомъ, хорошо читающемся изложеніи подготавливаетъ читателя къ картинѣ революціи 1831 года, въ которомъ маркизу Велепольскому впервые пришлось выступить на серьезное служеніе польскому отечеству въ качествѣ дипломатическаго агента отъ имени временнаго польскаго правительства. Дѣятельность польской эмиграціи, принимавшей на себя нѣкоторый поэтический и даже мистическій характеръ, рассказана Лисицкимъ крайне интересно и подъ часъ даже забавно. Рядомъ съ историческимъ очеркомъ событій особыя главы посвящены собственно біографическимъ подробностямъ о самомъ маркизѣ. Эта двойственность не мало вредитъ сочиненію. При всей живости изложенія книги, историческія главы не представляютъ много новаго для людей, знакомыхъ съ имѣющимися уже въ распоряженіи исторической науки матеріалами за описываемое время. Какъ матеріалъ для журнальныхъ статей и извлеченій, эти очерки имѣютъ свой интересъ, и мы привели въ прошлой книжкѣ „Ист. Вѣстн.“ одинъ изъ очерковъ, въ которомъ рассказаны польскія смуты передъ возстаніемъ тридцатыхъ годовъ.

Главный интересъ сочиненія сосредоточивается на той эпохѣ, когда Велепольскій всталъ во главѣ управленія дѣлами своего края вначалѣ шестидесятыхъ годовъ. Эта эпоха обрисована авторомъ съ особенною любовью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ такою односторонностью, которая мѣстами заставляетъ вообще не довѣрять автору. Товъ горячаго поклонника героя книги и панегириста его дѣлъ,—усвоенный г. Лисицкимъ, значительно уменьшаетъ цѣну, какую для исторической науки могъ бы имѣть этотъ трудъ. Во всякомъ случаѣ,

цѣннаго для будущихъ историковъ матеріала тутъ много, такъ какъ авторъ руководствовался въ своемъ изложеніи бумагами и записками покойнаго маркиза. Самые слабыя мѣста сочиненія тѣ, въ которыхъ г. Лисицкій трактуетъ о Россіи, о ея внутреннемъ положеніи и главныхъ дѣятеляхъ въ разсматриваемую эпоху. У автора не только нѣтъ нужныхъ познаній по этой части, но даже мало и того безпристрастія, какое мы находимъ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ трудахъ западноевропейскихъ ученыхъ. Г. Лисицкій, очевидно, задался мыслью восхвалять только тѣ проявленія тогдашней политической мысли и дѣятельности, которыя не идутъ въ разрѣзъ съ принципами его героя. (Такъ, въ крестьянскомъ вопросѣ онъ безусловный противникъ системы Милюткина). Тоже, и еще въ большей степени, должно сказать и объ отношеніи автора къ польской революціонной партіи, среди которой даже ея противники не могутъ отрицать присутствія людей выдающихся и талантливыхъ. Въ обрисовкѣ же г. Лисицкаго даже такая несомнѣнно-замѣтная личность, какъ Челевель, выходитъ чуть не идиотомъ, или по крайней мѣрѣ—какимъ-то злокозненнымъ противъ собственнаго отечества и умственно поврежденнымъ человекомъ. Затѣмъ, что касается главной цѣли сочиненія, то въ этомъ отношеніи книга Лисицкаго, какъ мы сказали, составляетъ явленіе, во всякомъ случаѣ, почтенное: на государственную дѣятельность маркиза Велепольскаго, его внутреннюю жизнь и умственный складъ пролить нѣкоторый свѣтъ; этимъ и можно пока удовольствоваться, по крайней мѣрѣ до появленія новыхъ записокъ и изслѣдованій, которыя бы вполне разъяснили эпоху, слишкомъ еще близкую къ намъ и ожидающую безпристрастнаго историка.

Н. С. К.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Дѣло о нашествіи антикваріевъ.

(Къ исторіи частныхъ археологическихъ экскурсій).

АЩЕ и чаще приходится встрѣчать въ нашей литературѣ интересныя разоблаченія частной, интимной, домашней дѣятельности нашихъ археологовъ и антикваріевъ прошлаго времени,—объ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ и отношеніяхъ, о тѣхъ способахъ, какими они составляли для себя коллекціи старинныхъ книгъ и рукописей и проч. По поводу вышедшей недавно книги г. Барсукова „Жизнь и труды Строева“—особенно изъ вызванной ею полемики и апологетики—мы много узнали характерныхъ чертъ изъ старой археологической практики... Много также проливаетъ на нее свѣта „археологическая переписка“, напечатанная недавно на страницахъ „Древней и Новой Россіи“ тѣмъ же неутомимымъ изслѣдователемъ старины г. Барсуковымъ. Выступаютъ между нашими „палеологами“ личности свѣтлыя, безкорыстныя, работавшіе и тратившіеся единственно для науки и отечественнаго просвѣщенія, крѣпко и упорно державшіе научное знамя, не преклоняясь передъ гнетомъ невѣжества и нужды,—таковы напр. Бодянский, Ундольскій и др... Но были „палеологи“ и себѣ на умѣ,—для которыхъ напр. собираніе старыхъ книгъ и рукописей было лишь любимой спекуляціей, источникомъ для наживы... Приобрѣтая часто за безцѣнокъ, чтобы послѣ продать въ три-дорога, они, если вѣрить заявленнымъ свидѣтельствамъ людей компетентныхъ и не связанныхъ съ ними узами родства,—не совѣстились употребить иногда даже чисто Пихлеровскіе способы при составленіи своихъ древнехранилищъ... Въ концѣ концовъ они соглашались отчуждать отъ себя свои любимыя приобретенія за большіе кушны... Въ этомъ отношеніи, т. е. въ хорошемъ обдѣлываніи своихъ дѣлишекъ,—эти практики-палеологи затыкали за поясъ своихъ собратьевъ-идеалистовъ археологич... Эти послѣдніе поступали весьма наивно: они или жертвовали еще при жизни свои приобретения и находки общественнымъ книгохранилищамъ, или же хранили ихъ у себя до смерти, какъ зѣницу ока, какъ любимое сокровище, въ которомъ жило ихъ сердце, не рѣшаясь отчуждать ихъ отъ себя, хотя бы за миліоны, и только послѣ ихъ смерти можно было отнять у нихъ ихъ драгоценности—хорошо еще если для общества и за приличное вознагражденіе семейству идеалиста-археолога, какъ это случилось съ библіотекой Ундольскаго, а

то просто отнять и предоставить за безцѣнокъ букинистамъ, какъ это случилось недавно съ бібліотекой Бодянского, которой ниже друзья покойника не сумѣли сохранить и пристроить какъ слѣдуетъ, а допустили расхитить за безцѣнокъ рыночнымъ воронамъ книжнаго дѣла...

Отъ археологовъ-практиковъ, подобныхъ дѣйствовавшимъ на сѣверѣ Руси, не изъята была и Русь южная, и особенно юго-западная... И здѣсь въ старыя годы, особенно сороковые и пятидесятые, странствовали вездѣ по церквамъ и монастырямъ собиратели книжныхъ и рукописныхъ рѣдкостей. Бывали между ними идеалисты, дѣйствовавшіе ради пользы науки и края; но, по особенному положенію этого края, оказывалось между ними больше практиковъ и при томъ своеобразныхъ, такихъ, какихъ сѣверъ Россіи, къ счастью, не видѣлъ, по крайней мѣрѣ нарочито. Къ числу подобныхъ практиковъ принадлежали большею частію археологи-собратели изъ поляковъ. Рѣдко преслѣдовались ими чисто научныя цѣли. Самое положеніе польскаго дѣла въ краѣ было таково, что не позволяло польскимъ патріотамъ относиться къ памятникамъ старины вполне объективно, научно, безпристрастно, а всегда внушало имъ заднія мысли, какъ во взглядѣ на эти памятники, такъ и въ пользованіи ими. Не личная корысть руководила при этомъ ими. Это было еще ничего для самыхъ памятниковъ. Нѣтъ, тутъ дѣйствовали дурно понятыя обще-польскіе національныя виды... И вотъ въ этихъ видахъ практиковались иногда способы и приемы въ отношеніи къ собиравшимся памятникамъ просто невѣроятныя, прямо граничившіе съ вандализмомъ. Памятники разыскивали съ тѣмъ, чтобы навсегда погубить ихъ для края, сдѣлать ихъ для него какъ бы не существующими... Исторію одного изъ такихъ антикваріевъ-поляковъ 50-хъ годовъ разсказалъ уважаемый нашъ южно-русскій историкъ В. Б. Антоновичъ еще въ покойной „Основѣ“. Имя этому археологу было Маріанъ Горжковский. „Нѣсколько лѣтъ назадъ,—разсказываетъ г. Антоновичъ,—г. Горжковский былъ учителемъ въ черниговской гимназіи. Заявивъ о желаніи своемъ научно разработать исторію Малороссіи, онъ успѣлъ выхлопотать право заниматься во всѣхъ монастырскихъ бібліотекахъ кievской митрополіи и пересматривать всѣ находящіяся въ ея предѣлахъ церковныя архивы. Изъ собственныхъ словъ г. Горжковского, мы знаемъ, какъ онъ воспользовался этимъ позволеніемъ: то по довѣрію иноковъ, то подъ видомъ лица, будто бы присланнаго митрополитомъ Филаретомъ, частнымъ образомъ, для повѣрки состоянія монастырей, онъ присвоивалъ себѣ все, что относилось къ исторіи края и къ его сношеніямъ съ Польшею. Мы видѣли у него огромное собраніе древнихъ актовъ, изданій кievской академіи, церковныхъ книгъ и т. п. Спрашивается, съ какою цѣлю была сдѣлана вся эта коллекція? Г. Горжковский не издалъ изъ нея никакихъ извлеченій, не сдѣлалъ ее доступною публикѣ и даже частнымъ знакомымъ не позволялъ заниматься собранными имъ матеріалами,—онъ ее упряталъ такъ, что и слѣдъ простылъ... Такого добросовѣстнаго дѣйствія, вѣдь, не постыдился бы любой фанаріотъ, безчинствующій въ Болгаріи, съ цѣлю уничтожить всѣ древніе памятники исторіи и литературы края. Въ заключеніе г. Горжковский ухажалъ за границю, и въ Римѣ въ прошломъ (1860) году поступилъ въ іезуитскій монастырь“¹⁾...

Вотъ какого рода археологи рыскали иногда на югѣ Россіи! Нашествіе ихъ равнялось иногда варварскому опустошенію страны... Что дѣйствія Маріана Горжковского, по собиранію памятниковъ старины въ юго-западномъ краѣ не были единичнымъ, исключительнымъ явленіемъ, это мы хотимъ подтвердить слѣдующимъ сообщеніемъ:

Въ архивѣ кишиневской духовной консисторіи есть любопытное дѣло, указывающее на слѣды дѣйствій какого-то неизвѣстнаго антикварія подольской

¹⁾ „Основа“, 1661 г. іюль, письмо въ редакцію В. Антоновича, изъ Кіева, подъ заглавіемъ: „Что объ этомъ думать?“ въ оглѣдѣ Вісті, стр. 10-я.

губерніи въ 40-хъ годахъ. Какъ увидимъ ниже, этотъ дѣятель предупредилъ Горшковскаго и во времени своей дѣятельности и въ приѣмахъ ея; о дѣлахъ ея ничего сказать не можемъ. Дѣло это относится къ 1843 году и носить такое названіе: „Дѣло о предохраненіи Городищскаго монастыря отъ нашествія антикваріевъ. Начато 25 мая 1843 года. Кончено 30 мая того же года“¹⁾. Сущность его въ слѣдующемъ:

Кишиневскій военный губернаторъ Федоровъ получилъ изъ Каменца-Подольскаго слѣдующее письмо, писанное 30-го марта 1843 года:

„Ваше превосходительство.

„По милости своей, надѣюсь, вы не прогнѣваетесь на меня, если я осмѣлился довести до вашего свѣденія слѣдующее покушеніе.

„На сихъ дняхъ мнѣ рассказали, что на чертѣ, отдѣляющей Бессарабію отъ нашей губерніи (должно полагать въ Сорокскомъ уѣздѣ), противъ пограничнаго нашего селенія Попенки, лежащаго въ Балтскомъ уѣздѣ, находится монастырь, котораго назвать не умѣли, заброшенный, да богатый древностями, цѣны конны монахи не знаютъ. Татарскіе набѣги на здѣшнія и бессарабскія мѣста давно кончились; вмѣсто ихъ явились антикварскіе, если не силою, то хитростію. И такъ одинъ антикварій нашей губерніи хочетъ сдѣлать набѣгъ на этотъ монастырь и выманить отъ монаховъ все любопытное; для чего уже послалъ передовыхъ соглядатаевъ.

„Монастырь этотъ вашему превосходительству извѣстенъ и молва о древностяхъ его, легко статьса можетъ, несправедлива: за всѣмъ тѣмъ, сдѣлавшись ревнителемъ старины и убѣжденный по опытамъ, что ее находятъ тамъ, гдѣ иногда совсѣмъ не предполагають,—не могъ я терпѣливо выслушать неблагонамѣреннаго покушенія и въ умѣ своемъ воскликнулъ: напишу о семъ покровителю бессарабскихъ древностей, его превосходительству, да отвратить онъ монашескій ковь: за что наше возмутъ чужіе, когда въ Одессѣ есть и свое общество, и свои антикваріи?

„Простите великодушно моей рѣшимости, которая нисколько не измѣняетъ чувствъ особеннѣйшаго уваженія и преданности, съ коними имѣю честь всегда быть, вашего превосходительства, покорнѣйшій слуга, А. Ключаревъ“²⁾.

Сдѣлавши помѣтку на этомъ письмѣ: „отвѣтъ посланъ,—нужно наблюсти“, бессарабскій губернаторъ отослалъ его тогдашнему архіепископу кишиневскому Димитрію (Сулижѣ). Преосвященный Димитрій препроводилъ письмо въ консисторію, написавши предвѣстительно на немъ слѣдующую резолюцію: „25 мая 1843 г. По сему велѣть старшему оргѣвскому благочинному, чтобы онъ съѣхавъ немедленно въ городишскій монастырь, строжайше подтвердилъ и находящемуся тамъ іеромонаху Никифору съ монахами, и управляющему симъ монастыремъ сахарянскому игумену Товіи, дабы а) никто не смѣлъ никому, кто бы то ни былъ, выдавать какихъ-либо вещей, или книгъ, или иконъ, находящихся какъ въ высѣченномъ въ каменной тамошней горѣ, древнемъ монастырѣ,—такъ и въ новой церкви и монастырѣ, б) ежели кто-либо пріѣдетъ туда съ требованіемъ отпустить ему что-либо изъ того монастыря, то отказавъ ему въ томъ, немедленно съ нарочнымъ донести мнѣ, съ поясненіемъ, кто именно для сего туда пріѣзжалъ. Димитрій архіепископъ кишиневскій и хотинскій.“

На основаніи этой резолюціи, консисторія послала указъ старшему оргѣвскаго уѣзда благочинному протоіерею Симеону Бактагѣ; сей послѣдній, получивши указъ,—представилъ преосвященному Димитрію репортъ, что исполнилъ архипастырскую резолюцію въ точности:—этимъ и оканчивается

¹⁾ № 106-й. На восьми листахъ.

²⁾ Статскій совѣтникъ Ключаревъ былъ въ то время предсѣдателемъ казенной палаты въ Каменцѣ-Подольскомъ. Послѣ онъ перешелъ на службу въ Кіевъ. О немъ упоминаетъ г. Лѣсковъ въ своемъ разсказѣ „Владичній Судъ“.

«истор. вѣстн.», годъ I, томъ III.

„дѣло о предохраненіи Городищскаго монастыря отъ нашествія антикваріевъ“, находящееся въ кишиневской консисторіи... Приѣзжалъ ли кто-нибудь въ Городищскій монастырь выманивать у монаховъ его древности, это остается неизвѣстнымъ: объ этомъ въ дѣлѣ ничего нѣтъ. Все же это „дѣло“, кишиневская духовная консисторія сдала въ архивъ подъ заглавіемъ, можно бы сказать курьезнымъ и вызывающимъ улыбку, если бы дѣятельность антикваріевъ, въ родѣ Маріана Горжковскаго, не имѣла въ себѣ признаковъ дѣйствительнаго варварскаго нашествія,—все же, говоримъ, это дѣло раскрываетъ передъ нами нѣкоторыя черты прошлой археологической практики на юго-западѣ и югѣ Россіи и можетъ поэтому доставить нѣкоторый матеріалъ для соображеній и выводовъ по исторіи частныхъ археологическихъ экскурсій.

Сообщено Л. С. Мацѣвичемъ.

Новгородская депутація въ 1831 году.

Ко дню празднованія тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича Старшаго изъ Новгорода ежегодно отправляется къ высочайшему двору депутація съ вѣрноподанническимъ поведеніемъ. Депутація эта была въ первый разъ принята, по высочайшему соизволенію, въ день крещенія его высочества въ 1831 году. Вотъ что сообщилъ тогда объ этомъ высочайшемъ приѣмѣ бывшій новгородскій уѣздный предводитель дворянства г. Тырковъ въ письмѣ къ графу Аракчееву:

„Наконецъ депутація наша совершилась. Сегодня крестили великаго князя Николая Николаевича и мы удостоены были находиться при крещеніи. Восприемниками были ихъ высочества наслѣдникъ цесаревичъ и великая княгиня Марія Николаевна. Новорожденнаго держала графиня Кочубей, а по сторонамъ ея, подлѣ подушки, стояли графъ Кочубей и князь Волконскій. Насъ помѣстили на лѣвой сторонѣ, подлѣ ширмъ, противъ мѣста занятаго государемъ императоромъ во время обѣдин. По окончаніи обѣдинъ гоф-фурьеръ позвалъ насъ въ собственныя комнаты государя. (Императорская фамилія живетъ въ новомъ дворцѣ, что прежде назывался Александровскимъ). Его величество принялъ насъ однихъ, такъ, что придворныхъ никого въ комнатахъ не было. Говорилъ съ нами, какъ отецъ среди дѣтей. Благодарилъ дворянство за доброе обхожденіе съ крестьянами, тишину и спокойствіе ими сохраненныя во время бунта, приписывалъ это ихъ довольству и попеченію объ нихъ помѣщиковъ, увѣрялъ, что примутся такія мѣры, которыми безопасность наша упрочится и что за неблагодарность военныхъ поселанъ воздастся достойное наказаніе. „Покойный императоръ брать мой употреблялъ всѣ средства сдѣлать ихъ счастливыми, я зналъ его мысли и продолжалъ устраивать ихъ благополучіе, они заплатили неблагодарностію, теперь буду умѣть наказывать ихъ“. Вотъ слова буквально государемъ сказанныя. Объявилъ намъ свое ожиданіе, что дѣла варшавскія скоро кончатся. Если они ведутся не съ такимъ успѣхомъ, какъ бы желалось, то много враговъ тайныхъ, посящихъ личину нашихъ пріятелей, мѣшаютъ въ томъ. Предварялъ насъ быть осторожными. Повсемѣстные разрушители порядка завидуютъ величію Россіи, она еще одна противустояла ихъ соблазнамъ и потому они тайно употребляютъ всѣ способы поколебать ее. Давалъ совѣты воспитывать дѣтей иначе, чтобы исправить ошибки прошлаго, обѣщалъ въ скоромъ времени открыть корпусъ, (что назначался въ Медвѣдѣ) для дѣтей нашихъ, куда они будутъ приниматься безпрепятственно, и заключилъ благодарностію за посѣщеніе, повторилъ ее за доброе обращеніе съ крестьянами, чему къ прискорбію видѣть въ другихъ мѣстахъ примѣры противные, присоединяя и то, чтобы дворянство старалось избирать на мѣста людей достойныхъ, которые могли бы быть ему надежными помощниками, тогда только могутъ ожидать честнаго и

прямого правосудія. Лишь только мы откланялись, какъ въ корридорѣ графъ Мерденъ объявилъ намъ, что императрицѣ угодно насъ видѣть. Мы приняты были въ ея спальнѣ. Она подошла къ намъ съ новорожденнымъ на рукахъ, допустила каждого къ рукѣ и удостоила насъ тѣмъ привѣтствіемъ, что она благополучно разрѣшилась въ тотъ день и чрезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи отъ насъ императора и что праздновать будутъ тезоименитство его высочества въ день памяти новгородскаго угодника. Потомъ приглашены мы были къ обѣду, чѣмъ и кончилось наше представительство.

„Слова государя, отечески съ нами бесѣдовавшаго и открывшаго намъ собственное положеніе Россіи и отношенія къ ней другихъ, трогали насъ каждымъ до глубины сердца, а милостивый и умильный приемъ императрицы поразилъ насъ. Истинно, ваше сіятельство, не могу вспомнить безъ слезъ, онъ глубоко врѣзался въ чувствахъ каждого изъ насъ. Изъ С.-Петербурга были приглашены только прусскій посолъ, Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, графъ Кочубей, князь Волконскій, князь Голицынъ, графы Несельроде и Бенкендорфъ. Графиня Кочубей получила браслетъ съ портретомъ государя, богато брилліантами осыпанный. Новгородскій кунецъ голова получилъ золотую медаль съ брилліантами на андреевской лентѣ. Объ другихъ подаркахъ не слыхалъ.

„Пожелавъ отъ души вашему сіятельству добраго здоровья, съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ и душевною преданностію, имѣю честь быть и проч. А. Тырковъ“.

„Царское Село, 22-го августа 1831 года“.

Изъ этого письма видно, что первая новгородская депутація состояла изъ дворянъ съ предводителемъ во главѣ; отъ купечества же находился только городской голова. Въ настоящее же время дворяне не участвуютъ въ депутаціи и она составляется исключительно изъ однихъ лишь купцовъ.

Сообщено Н. Г. Вогословскимъ.

Письмо Н. В. Сушкова къ И. М. Снегиреву.

Конфиденціально.

„Перечитавъ прилагаемый отрывокъ съ глубокимъ вниманіемъ и обсуждая его со всѣхъ сторонъ, какъ самый строгій критикъ, какъ самый неумолимый цензоръ, скажу вамъ, по совѣсти: не вижу что бы тутъ могло навлечь отвѣтственность автору и, какъ авторъ, рѣшительно ничего не боюсь.

„Дѣло то все въ томъ, что П. Н. Араповъ ¹⁾ жалѣеть лишнихъ расходовъ на бумагу! Покуда онъ не имѣлъ ни одной статьи для своего „Альбома“ и вся надежда его была на меня, онъ самъ просилъ, чтобы я помѣстилъ „Теньера“ ²⁾ и отрывки въ стихахъ. Теперь онъ привезъ кой-что изъ Петербурга и ему хотѣлось бы не выйти изъ извѣстнаго числа листовъ. Вотъ онъ и сталъ хитрить, находя что-то страшное въ отрывкѣ изъ пьесы игранной на театрѣ! По самолюбію мнѣ бы должно взять этотъ отрывокъ и отказаться ужъ отъ всякаго участія въ его „Альбомѣ“; да потому же самолюбію мнѣ не хочется сознаться самому передъ собой, что Пинень провель Николая. При томъ я надѣялся возобновить эту комедію на сценѣ и для этого мнѣ нужно напомнить объ ней

¹⁾ Издатель „Драматическаго альбома“ (1850 г.) авторъ „Лѣтописи русскаго театра“ (1862) и нѣсколькихъ мелодрамъ, комедій и водевилей.

²⁾ „Давидъ Теньеръ, живописецъ“. Анекдотъ въ лицахъ въ 1 дѣйствіи съ куплетами; Н. В. Сушкова и П. А. Карсакова. Напечатанъ въ „Драматическомъ альбомѣ“ изд. Араповымъ.

публикѣ, хоть отрывками. Полагаясь, не говорю ужъ на дружбу вашу ко мнѣ, а собственно на вашу опытность въ дѣлѣ цензуры, я увѣренъ, что вы какъ въ рукописи, такъ и въ корректурныхъ листахъ, не найдете ничего не позволительнаго, особенно обративъ вниманіе на предисловіе, которое всегда ограждаетъ насъ отъ всякихъ нападковъ.

„Впрочемъ, вы довольно ужъ знаете мою сговорчивость, знаете и осторожность мою и направленіе мое въ моихъ посильныхъ трудахъ—думаю, что неблагонамѣренной цѣли мнѣ никто не припишетъ, чтобы я и ни напечаталъ. Наконецъ, я предпочту все сжечь, что ни написалъ, лучше, чѣмъ навлечь непріятность цензору, хотя бы вовсе незнакомому, не только вамъ.

„Если и запрещена какая нибудь повѣсть подъ названіемъ „Дуелисты“ все же не запрещено осмѣивать дуелей, которыя впрочемъ даже частно терпимы по Своду Законовъ. Та повѣсть могла быть не въ духѣ правительства, противна религіи, нравственности и мало ли что... а это комедія—„преданье старины глубокой“ и ужъ, конечно, не опасная вещь, если одобрена драматической цензурой.

„Если вы будете дома въ 12 часовъ завтра, то, послѣ обѣдни, я заѣду къ вамъ, чтобы узнать ваше рѣшеніе.

„Грустно встрѣчать на каждомъ шагѣ въ людяхъ непризнательность и лицемеріе, когда самъ говоришь и поступаешь простодушно!.. Вотъ я цѣлый мѣсяцъ хлопоталъ съ типографіей, переправлялъ чужіе прозу и стихи, слѣпилъ глаза надъ корректурой, пожертвовалъ двумя драгоценными рукописями Екатерины—а Араповъ хитритъ со мною!!!

„Не знаю разберете ли вы мой экспромтъ? запечаталъ не перечитывал его. Можетъ быть и разыгралось черезъ чуръ мое авторское самолюбіе. Вы посмѣетесь, пожмете плечами и скажете: бѣдные люди, стихотворцы!..

„И такъ до свиданья!

„Душевно преданный вашъ

Н. Сушковъ.

1850, 7 ноября.

Суббота.

Сообщено П. Я. Дашковичъ.

С М Ъ С Ъ.

ПУШКИНСКАЯ выставка въ Петербургѣ. 19-е октября, день липецкой годовщины, съ которымъ обыкновенно связывается воспоминаніе о великомъ нашемъ поэтѣ А. С. Пушкинѣ, ознаменовался скромнымъ торжествомъ, устроеннымъ въ Петербургѣ, по почину литературнаго фонда,—открытіемъ выставки портретовъ Пушкина, его семейства, товарищей, друзей и современниковъ, скульптурныхъ изображеній поэта и нѣкоторыхъ друзей-поэтовъ, изображеній сценъ изъ его жизни, рисунковъ къ его сочиненіямъ, музыкальныхъ произведеній на его слова, изданій его сочиненій, альманаховъ, сборниковъ и книгъ, въ которыхъ помѣщены сочиненія Пушкина или о Пушкинѣ; вещи ему принадлежавшія; автографы поэта и пр. Въ числѣ портретовъ масляными красками обращалъ на себя особенное вниманіе портретъ Пушкина съ подписью „О. Кр. 1827“; онъ замѣчательнъ своимъ сходствомъ и большею выразительностью, чѣмъ портретъ, сохранившійся въ семействѣ поэта. Портретъ этотъ принадлежалъ прежде г. Арсеньеву, а нынѣ составляетъ собственность князя П. П. Вяземскаго. Тѣмъ же лицомъ была выставлена картина, изображающая субботнее вечернее собраніе въ 1834 г. въ кабинетѣ Жуковскаго въ Зимнемъ дворцѣ. Слѣва представленъ Жуковский и Плетневъ, по другой сторонѣ письменнаго стола Кольцовъ, у дивана Гоголь; на диванѣ Пушкинъ, Одоевскій и Крыловъ, около дивана помѣщенъ Перовскій, бесѣдующій съ М. Ю. Вельгурскимъ, который расположился у камина. Надъво отъ камина изображены Ф. Ф. Вигель и А. Н. Карамзинъ. Изъ портретовъ Н. Н. Гончаровой, жены Пушкина, особенно любопытенъ, сдѣланный акварелью моднымъ портретистомъ того времени Гау. Тутъ же были помѣщены извѣстная гравюра и самый оригиналъ ея, писанный масляными красками Чернецовымъ въ 1832 году, съ изображеніемъ Крылова, Пушкина, Гнѣдича и Жуковскаго. Изъ портретовъ друзей Пушкина слѣдуетъ упомянуть о портретѣ поэта П. А. Вяземскаго, литографированномъ съ рисунка чернымъ карандашомъ Крюгера, около 1835 г. Далѣе, въ одной рамкѣ были поставлены портреты графа Бенкендорфа, С. С. Уварова, княгини Е. П. Бѣлосельской-Бѣлосерской, Геккерена и тутъ же помѣщено объявленіе о „напиткѣ въ честь Пушкина завода Гревемюль въ Москвѣ“. Въ ряду литографированныхъ портретовъ заслуживало вниманія изображеніе Д. В. Давыдова, представленнаго въ одно и тоже время писателемъ и рубакой. За портретами слѣдуютъ разнаго рода виды, сюжеты которыхъ заимствованы изъ произведеній Пушкина, рисунки къ его сочиненіямъ, иллюстраціи изъ альманаховъ—„Невскаго Альманаха“, „Полярной звѣзды“; лубочныя картины, гравюры моделей памятниковъ, въ томъ

числѣ нельзя не отмѣтить планъ памятника Пушкина (1862 г.), составленный Лаврецькимъ и Бахманомъ. Самая модель находится въ Александровскомъ лицѣ. Сверхъ того, были выставлены изображенія домовъ, гдѣ проживалъ Пушкинъ, и мѣстностей, наиболѣе имъ любимыхъ. Въ числѣ выставленныхъ бюстовъ находился, между прочимъ, гипсовый бюстъ князя П. А. Вяземскаго, сдѣланный ея высочествомъ принцессой Терезой Ольденбургской въ 1856 году, бюсты Баратынскаго, Жуковскаго и Языкова.

Довольновидное мѣсто на выставкѣ занимали автографы поэта, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательнъ автографъ историческихъ набросковъ, писанныхъ Пушкинымъ въ періодъ пребыванія его въ Кишиневѣ въ 1822 году; рисунки карандашемъ, имъ самимъ сдѣланные, разновременныя изданія его сочиненій въ полномъ видѣ, въ переводахъ на многіе языки, отдѣльными произведеніями и брошюрами. Коллекція музыкальныхъ произведеній на слова Пушкина довольно обширна. Нельзя не упомянуть также о коллекціи вещей, принадлежащихъ поэту, а именно: черный, суконный, двубортный жилетъ Пушкина, бывшій на немъ во время дуэли, при немъ собственноручная замѣтка князя П. А. Вяземскаго, папка поэта, толстая, съ набалдашникомъ, похожимъ на аметистъ; клочокъ волосъ съ помѣткой И. С. Тургенева, что этотъ клочекъ былъ срѣзанъ въ присутствіи маститаго беллетриста съ головы покойника его камердинеромъ 30-го января 1837 года, на другой день послѣ кончины поэта. Далѣе въ той же витринѣ были помѣщены: изданный въ Парижѣ въ 1814 г. экземпляръ *Виргилія*, маленькій, на сѣрой бумагѣ, по которому Пушкинъ въ лицѣ готовилъ латинскіе уроки; перстень, полученный поэтомъ отъ княгини Воронцовой и подавшій ему поводъ написать стихотвореніе „Талисманъ“. Въ настоящее время перстень этотъ, имѣющій видъ крѣпи съ сердолковымъ камнемъ, принадлежитъ И. С. Тургеневу. Изъ видовъ небезынтересно изображеніе Жуковскаго у окна на берегу Женева-скаго озера, а изъ картинъ достойна вниманія писанная г. Айвазовскимъ и изображающая Пушкина на южномъ берегу Крыма въ 1820 году. Полотно значительныхъ размѣровъ представляетъ Юрзуфъ раннимъ вечеромъ. Луна уже взошла, но гдѣ-то, внѣ картины, еще догораетъ заря, и послѣдніе лучи заката чуть тронули обросшія зеленью скалы. Предъ скалами тихое, едва плещущее море, посеребренное пѣной прибой. Скалы уходятъ въ прозрачныя лѣтнія сумерки; отраженіе потухающей зари кое-гдѣ вызвало на нихъ тѣ удивительныя свѣтлѣющія краски, которыми такъ владѣетъ знаменитый маринистъ. У самаго берега моря, на мшистомъ камнѣ лежитъ Пушкинъ; онъ сбросилъ свою соломенную шляпу, приподнялся на локтяхъ и глядитъ въ темнѣющую даль. Косые желто-розовые лучи заката слегка освѣщаютъ его плечи и голову. Лицо поэта, написанное въ профиль, въ общей композиціи картины составляетъ конечно только аксессуаръ, но оно не лишено ни сходства, ни выразительности. Больше невозможно и требовать по задачамъ картины, всю силу которой составляетъ конечно пейзажъ — этотъ столь извѣстный Южнобережскій пейзажъ г. Айвазовскаго, съ прозрачнымъ воздухомъ, прозрачною черноморскою волной и нарядно освѣщенными скалами.

Раскопка кургановъ близъ станціи Бутова въ Подольскомъ уѣздѣ. Съ легкой руки нашихъ ученыхъ, обратившихъ вниманіе на важность раскопокъ и удѣляющихъ имъ свободныя минуты отъ своихъ трудовъ, доисторическая археологія начинаетъ интересоваться не только столичныхъ жителей, которымъ доступны засѣданія разныхъ обществъ и открыты кабинеты и музеи, съ хранящимися въ нихъ древностями, но и провинціальныхъ дѣятелей, посвящающихъ себя мирнымъ сельскимъ занятіямъ.

Такъ въ августѣ нынѣшняго года была произведена раскопка семи кургановъ въ лѣсной пустоши Кіовѣ, находящейся въ 12 1/2 верстахъ отъ города Подольска, при селѣ Бутовѣ (въ 1 1/2 верстѣ отъ него). Объ этой раскопкѣ „Московскія Вѣдомости“ сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія. По просьбѣ почет-

наго члена Археологическаго Института, А. А. Орлова, владѣлица этихъ кургановъ предоставила ихъ въ распоряженіе упомянутого учрежденія. Директоръ Института Н. В. Калачевъ и дѣйствительный членъ Н. Н. Оглобинъ посѣщали присоединиться къ г. Орлову, и въ теченіе трехъ дней (17, 19 и 21 августа) были разрыты, съ соблюденіемъ научныхъ приѣмовъ, всѣ выше-означенные курганы, одни послойною съемкой насыпи, другіе посредствомъ углубленій въ срединѣ кургановъ въ формѣ воронки, съ расширеніемъ ихъ въ тѣ стороны, гдѣ оказывались или предполагались какіе-либо остатки похоронныхъ принадлежностей и костяковъ. Но между тѣмъ какъ археологи тщательно раскапывали и перебирали землю со встрѣчавшимися въ ней предметами, семья владѣльца съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слѣдила за работами, въ которыхъ принимали также участіе пришедшіе изъ окрестныхъ селеній крестьяне и крестьянки. Не касаясь подробностей и техническихъ приѣмовъ настоящихъ раскопокъ, которыя будутъ сообщены въ издаваемомъ Археологическимъ Институтомъ Сборникѣ, упомянемъ здѣсь лишь о нанесеніи г. Орловымъ мѣстности, въ которой производились эти раскопки, на планъ, и о найденныхъ въ курганахъ предметахъ, имѣющихъ значеніе для науки.

Составленіе топографической карты мѣстности разрываемыхъ кургановъ—дѣло весьма важное и потому обращаемъ вниманіе на эту работу, какой до сихъ поръ не представлялось въ печати, между тѣмъ какъ подготовленіе такимъ образомъ общей карты всѣхъ кургановъ, находящихся въ предѣлахъ Россіи, рѣшительно необходимо для лучшаго изученія разныхъ народностей, населявшихъ ее въ доисторическое время. Что же касается предметовъ найденныхъ въ курганахъ близъ Бутова, то, къ сожалѣнію, остатки череповъ, оказавшіеся въ однихъ курганахъ вмѣстѣ съ остатками прочихъ костей, а въ другихъ и безъ этихъ послѣднихъ, и наконецъ нѣкоторыя отдѣльныя кости до того немногочисленны, неполны и хрупки, что на основаніи ихъ трудно сказать, принадлежали ли похороненные здѣсь къ длинноголовымъ или короткоголовымъ, и когда именно они могли быть погребены. Тѣмъ не менѣе самая незначительность этихъ остатковъ, плотность лежащаго на материкахъ песчанника, въ которомъ они найдены, а также известковаго пласта, встрѣчающагося вершковъ на 10 и болѣе ниже поверхности насыпи; форма кургановъ, представляющихъ сплюснутую возвышенность, доходящую отъ одного съ небольшимъ аршина до сажени отъ материка, а въ окрестности имѣющую отъ 10 до 17 сажень; особенно же вырытыя вмѣстѣ съ костями вещи, въ коихъ не оказалось никакихъ слѣдовъ желѣза, указываютъ на весьма глубокую древность этихъ могилъ. Предметы здѣсь найденные суть: два глиняные горшка, лежавшіе одинъ у ногъ разрушеннаго костяка, изъ желтой глины, а другой, покрытый глиняною тарелкой, въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи, изъ черной глины; оба сдѣланы на станкахъ (а не ручной работы) и обожжены; три витые мѣдные браслета съ неспаянными концами; мѣдное кольцо и женскій головной гребень изъ низкопробнаго серебра; кольцо и гребень съ вырѣзанными, или, правильнѣе сказать, выпарапанными украшениями въ видѣ черточекъ, расположенныхъ въ однихъ мѣстахъ крестообразно, а въ другихъ параллельными линіями; изъ нихъ гребень особенно замѣчателенъ по своей формѣ: онъ имѣетъ видъ короны, державшейся на головѣ зубьями, не сохранившимися, но оставшимися по себѣ слѣды съ приставшими взаимно крайнихъ изъ нихъ волосами темнаго цвѣта. Изъ этихъ предметовъ, кромѣ одного браслета, всѣ остальные переданы для храненія въ музей Археологическаго Института.

Эпизодъ на годовщину смерти С. М. Соловьева. Во время годовщины смерти нашего знаменитаго историка С. М. Соловьева произошелъ пріентересный эпизодъ, о которомъ „Русскія Вѣдомости“ рассказываютъ слѣдующее:

Когда многочисленные почитатели памяти покойнаго собрались вокругъ его могилы, то вниманіе всѣхъ привлекъ къ себѣ металлическій вѣнокъ, поло-

женный, какъ передавали, наканунѣ двумя неизвѣстными лицами, прѣхавшими изъ Петербурга. Вънокъ этотъ обращалъ на себя вниманіе своею оригинальностью: по срединѣ его, на дощечкѣ, значилась слѣдующая загадочная надпись— „12-го декабря 1777. 197“. Въ первую минуту не могли постичь ея значенія, но затѣмъ припомнилось, что 12 декабря 1777 г. родился Александръ I и что имѣется сочиненіе Соловьева, изданное по случаю столѣтняго юбилея рожденія Александра I.

Послѣ этого оставалось только развернуть книгу Соловьева и отыскать сто девяносто седьмую страницу, гдѣ покойный историкъ характеризовалъ систему Меттерниха и дѣлалъ свои собственные выводы. Меттернихъ очень заботился о спокойствіи простаго рабочаго народа, „настоящаго“ народа, по его выраженію, и, считая средніе классы врагами этого народа, рекомендовалъ правительствамъ составить противъ среднихъ классовъ союзъ.

„Но, продолжаетъ С. М. Соловьевъ, благодѣтель настоящаго народа бывалъ о достоинствѣ и обязанностяхъ настоящаго правительства. Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненные силы, постоянно кропить его живою водой, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гніенія; не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушенія, дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относится къ каждому явленію; народу нужно либеральное, широкое воспитаніе, чтобъ ему не колебаться, не снестись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стекло, какъ дѣти, которыхъ долго держали въ заперти и вдругъ выпустили на свободу. Но либеральное правительство должно быть сильно, и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ. Правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно; оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которыя называются революціями, ибо, возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направлять ее. Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они приобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить очень легкое дѣло, особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку—и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломастъ! Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе приемы, потрудитѣ и посложитѣ, требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи жизни“.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1880 года *).

А.

Абади, докторъ, т. III, 339.
Абаза, Никол. Сав., главноуполномоченный Общества „Краснаго Креста“, т. III, 177—180.
Абанумовъ, Андрей Ив., сенаторъ, т. I, 481.
Абдъ-Эль-Надеръ, эмиръ, т. III, 549.
Аванумъ, юрьевскій протопопъ, расколотчикъ, т. II, 549; т. III, 567.
Августинъ I, мексиканскій императоръ (генералъ Итурбиде), т. I, 832.
Августъ:
— Голштейнъ-Ольденбургскій принцъ, т. I, 502.
— Пруссскій принцъ, т. I, 634.
Авекси, Федоръ, румынскій писатель, т. I, 658.
Агаангелъ, архіепископъ, т. II, 398.
Адамовичъ, надворный совѣтъ, т. I, 480.
фонъ-Адернасъ, Псковскій губернаторъ, т. III, 247, 280.
Аксановы:
— Иванъ Серг., т. I, 237—239, 241; т. II, 564, 572; т. III, 404.
— Констант. Серг., т. I, 237, 239, 241, 248.
— Серг. Тимоф., т. I, 242.
Алабинъ, т. III, 431.
Аландскій, П. И., профессоръ, т. I, 892.
Алдатовъ, ротмистръ, т. II, 47, 51, 52,

59, 67, 70, 72, 73, 75, 77, 79—82, 88, 89, 91.
Алебертусъ, Фридрихъ, самозванный Бѣлорусскій царевичъ, т. III, 435, 451.
Алениандра Федоровна, императрица, т. II, 342—344, 347, 348; т. III, 742.
Алениандреску, румынскій писатель, т. I, 657, 658.
Алениандри, Базиль: румынскій писатель, т. I, 655, 656, 657.
Алениандръ VII, папа римскій, т. II, 159, 160.
Алениандръ Николаевичъ, императоръ. Посѣщеніе липецкихъ минеральныхъ водъ, т. III, 203—204. Упомянутъ. т. I, 125; т. II, 112.
Алениандръ Павловичъ, императоръ. Портретъ его, писанный Меттернихомъ въ 1829 г., т. I, 62, 168—180, 230. Пребываніе его въ Ижевскомъ заводѣ въ 1824 г., т. I, 557—566. Предположеніе о постановкѣ памятника въ Мещовскѣ, т. I, 875—877. Анекдоты о немъ, т. II, 205—208, 556, 557. Упомянутъ. т. I, 377, 387, 390, 391, 449, 536, 719, 879; т. II, 223, 451, 665; т. III, 271, 312, 316, 317, 550, 578, 581, 586.
Алениановъ, Алексѣй Аленианд., уѣздный судья, т. III, 320.
Аленискій Михайловичъ, Московскій царь, т. I, 6, 69; т. II, 549; т. III, 433—436, 438—442, 450, 451.

*) Въ „Указатель“ не вошли имена, упоминаемыя въ статьяхъ беллетристическихъ и въ историческихъ романахъ, помѣщенныхъ въ приложеніи.

Алексій Петровичъ, царевичъ, т. I, 215, 216, 445; т. II, 426; т. III, 146—158.

Али, мавръ, шкиперъ, пріятель Пушкина, т. II, 657, 659.

Альба, герцога, испанскій полководецъ, т. II, 410.

Альмивистъ, докторъ, т. II, 276, 286.

Ананьевъ, вѣстовой унтеръ-офицеръ перваго кадет. корпуса, т. I, 115, 116, 122.

Ангальтъ, гр. О. Е., т. II, 108.

Ангелы, греческая династія, т. II, 5, 6.

Андреевскій. Е. К., штабс-кап. Ст. его: отъ Эрзерума до Тифлиса въ 1878 году, т. II, 46—91.

Андреевъ, Кирсановскій застѣдатель, т. III, 823.

Андріенко, Лукьянъ, запорожецъ, т. I, 9.

Андросовъ, Ив. Ив., орловскій купецъ, т. III, 652.

Амичовъ, полиціймейстеръ, т. I, 265.

Анна Іоанновна, императрица, т. I, 460, 461, 472, 548, 555.

Анна Леопольдовна, правительница, т. I, 556.

Анна Федоровна, великая княгиня (Юліана, принцесса Кобургская), т. I, 622, 623.

Анненковъ, П. В., т. II, 572; т. III, 689, 695, 713.

Антонинъ, архимандритъ. Запѣтка о поѣздкѣ его въ Румелію, т. I, 884.

Антоній, Казанскій архіепископъ, т. III, 795.

Антоновичъ, В. Б., профессоръ Кіевскаго университета. Запѣтки о его ученыхъ трудахъ, т. II, 178—186; т. III, 864. Упомян. т. I, 662, 664.

Антонъ, орловскій мѣдникъ, астрономъ-самоучка, т. III, 659.

Аполинарій, Кіевскій викарный епископъ, т. III, 208.

Апостоль, Даниилъ Павл., малороссійскій гетманъ, т. II, 712, 722.

Апраксинъ, графъ, Владимірскій губернаторъ, т. I, 772.

Аранчеевъ, гр. Алексій Андреев., генералъ-отъ-артиллеріи. Письма къ нему: игуменъ Максимиллы Шинкиной, т. I, 647, 648; архимандрита Фотія, т. II, 204, 205. Анекдотъ, т. III, 249, 430. Упомян. т. I, 114, 477, 502, 565, 566; т. II, 111, 437; т. III, 866, 867.

Араповъ, П. Н., драматическій писатель, т. III, 867, 868.

Арбуа-де-Жюбенвилъ, французскій ученый, т. II, 152, 153.

Ардаліонъ, санакарскій іеромонахъ, т. III, 123.

Ардашевъ, Вас. Зах., пономарь, т. I, 558.

Д'Армансонъ, французскій военный министръ, т. II, 165, 166, 530, 535, 542, 759, 761.

Ариссія, румынскій ученый, т. I, 656.

Аристовъ, Н. Я., профессоръ. Ст. его: Разработка русской исторіи въ послѣдніи 25 лѣтъ (1855—1880 г.), т. I, 666—680. Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, т. III, 5—24. Симбирскіе юродивые, т. III, 566—575. Характеристика преосвященнаго Іоанна, епископа Смоленскаго, т. III, 786—795. Упомян. т. III, 432.

Арифельдъ, Александръ Осипов., стат. совѣт., т. I, 237.

Ариды:

— Н. О., т. I, 686.

— Эрн. Мор., германскій поэтъ-патріотъ, т. I, 346.

Арсеній, Кіевскій митрополитъ, т. III, 626—630.

Арсеньевъ, дѣйств. стат. совѣт., т. I, 279, 280.

Д'Артуа, графъ, т. III, 371.

Аршіанъ, секретарь французскаго посольства въ Петербургъ, т. III, 745, 746.

Асмоль, антикварій XVII вѣка, т. I, 68.

Аспелинъ, т. III, 431.

Аеоносіи, архіепископъ Казанскій, т. III, 790.

В.

Баговугъ, адъютантъ главнаго директора всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, т. I, 120, 121.

Багратионы, князья:

— Петръ Ив., генералъ, т. I, 281, 282, 292.

— П. Р., т. II, 402.

Бада-Дудинъ, моравскій ученый, т. I, 664.

Базень, французскій генералъ, т. I, 831, 832.

Байеръ, президентъ біологическаго общества, т. III, 336.

Балтага, Симеонъ, протоіерей, т. III, 865.

Балашовъ, Александръ Дмитр., министръ полиціи, т. I, 479, 481, 482, 492, 495, 497, 499, 500, т. III, 638.

Баратынскіе:

— А. А., генералъ-лейтенантъ, тамбов. губерня. предводитель дворянства, т. III, 142.

— Евгений Абрам., поэтъ, т. III, 703.

Барловъ, артистъ нѣмецкаго театра въ Петербургъ, т. III, 392.

Барлук, Мих. Савичъ, содержатель пансіона, т. I, 28.

Барсуковъ, Н. П. т. III, 863.

Бартоновъ, П. И., редакторъ „Русскаго Архива“, т. II, 572; т. III, 404, 405, 616.

Баттл, Иосифъ, декораторъ англійскаго театра, т. III, 520.

Батюшковъ, Констант. Никол., поэтъ, т. II, 437, 447, 616.

Бауертъ, Каролина (графиня Броэль-Платеръ), актриса. Записки ея, т. I, 619—635; т. III, 372—398.

Бахметевъ, Тамбовскій губернаторъ, т. I, 218.

Бачиои, Элиза, принцесса, т. III, 381.

Башкинъ, сектантъ, т. III, 859.

Башуцкій, Петербургскій комендантъ, т. I, 293.

Безбородно, Александръ Андр., свѣтлѣйшій князь, государственный канцлеръ, т. I, 437.

Бенлемишевъ, С. И., Тамбовскій губернский предводитель дворянства, т. III, 142.

Бенлешовъ, генералъ отъ-инфантерій, т. I, 289.

Бенмаевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Белѣцкій-Носенко, Пав. Пав., малоросійскій писатель, т. II, 551, 597—614.

Белзенсъ, французскій прелатъ, т. II, 525.

Бельгрэвъ. См. Вестминстеръ.

Бенда, Амалия, Гейдельбергская актриса, т. I, 622.

Бениами Елисъ, отставной пранпорщикъ, т. I, 357.

Бенигсенъ, генералъ отъ-кавалерій, корпусный командиръ, т. I, 477.

Бенкендорфъ, гр. Александръ Христоф., генералъ-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ, т. III, 680—685, 693, 698, 699, 702—704, 706—708, 715, 719, 720, 722, 731, 734, 739, 746, 747, 867.

Бергъ, Н. В., Ст. его: Къ біографіи графа А. Замойскаго, т. III, 97—109. Эмиръ Тадъ-Уль-Фехръ Абдъ-Эль-Нисшанъ, т. III, 547—565.

Беренгаръ - Гурскій, философъ - схоластикъ, т. III, 607, 610.

Берни, французскій кардиналъ, т. II, 160—170.

Беррюз, иезуитъ, т. II, 529.

Бертильонъ, профессоръ высшей школы антропологии въ Парижѣ, т. III, 336.

Бѣртонъ, англійскій историкъ, т. III, 850, 852.

Бертъе, принцъ Невшателъскій, т. II, 358.

Беръ:

— Михайлъ, драматургъ, т. III, 382.

— Яковъ, т. III, 382.

Бестумевы:

— Алексѣй, декабристъ, т. III, 253, 254, 274, 584.

— Петръ Александр., декабристъ. Записка о немъ, т. I, 222—225.

— Серг. Мих., штабсъ-ротмистръ, т. I, 237.

Бестумевы-Рюмины:

— Алексѣй Петр., графъ, государственный канцлеръ, т. III, 311.

— Мих. Петр., русскій резидентъ въ Стокгольмѣ, т. II, 433.

— К. Н., профессоръ. Предисловіе и примѣчанія къ разсказу Московскій бунтъ 1648 г., т. I, 69—73. Библиографическія замѣтки его, т. I, 215, 216, 456; т. III, 399—403.

Бибиковъ, Александръ Ильичъ, генералъ-аншефъ, т. III, 348.

Бигловы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Бидерманъ, историкъ и публицистъ, т. I, 567.

Бидло, Никол. Готфрид., лейбъ-медикъ, т. I, 464, 465, 466.

Биронъ, Іоганъ Эрнстъ, герцогъ курляндскій, т. I, 548—550, 552, 555, 556.

Бируновъ, цензоръ, т. III, 257, 258.

Бирхъ, Христіанъ, шведъ, докторъ, т. III, 376.

фонъ-Бисмаркъ, гр. Фридрихъ, генералъ, военный писатель, т. I, 627, 628.

фонъ-Бишовъ-Эйлертъ, графиня, т. I, 632.

Бленкеръ, генералъ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 808—812.

Блохинъ, поручикъ, т. III, 136.

Блудовъ, гр. Дм. Никол., статсъ-секретарь, министръ внутр. дѣлъ, т. III, 715.

Блюмеръ, генералъ, т. III, 591.

Бобржинскій, Михайлъ, профессоръ, т. II, 388, 389.

Бобровъ, Андрей Петров., бригадиръ, экономя Первый Кадетскаго Корпуса, т. I, 123—129.

Богинъ, Павелъ, т. III, 433, 441, 443, 444.

Богомоловъ, И. С. архитекторъ, т. II, 395.

Богословскій, Н. Г. Сообщ. замѣтку: Новгородская депутация въ 1831 году, т. III, 866, 867.

Боданскій, О. М., т. II, 385, 386; т. III, 863, 864.

фонъ-Бокъ, нѣмцескій помѣщикъ, т. I, 631, 632.

Болень, Анна, вторая супруга англійскаго короля Генриха VIII, т. III, 845.

Болячъ, Цезарь, румынскій писатель, т. I, 658.

де-Бомонъ, Парижскій архіепископъ, т. II, 528.

Бонапарты:

— Принцъ-кардиналъ, т. III, 335.

— См. Наполеонъ и Юсифъ.

Бонулеско (Бодани). См. Гавриилъ.

Бордье, профессоръ высшей школы антропологии въ Парижѣ, т. III, 336.

Борисовъ. См. Иннокентій.

Боровиковскій, А., писатель. Библиографическая замѣтка о его очеркѣ изъ мало-россійской поэзіи, т. I, 435, 436.

Боровскій, Левъ, профессоръ Виленскаго университета, т. I, 718.

Бородинъ, помѣщикъ, т. III, 137.

Бороздинъ, Порховскій исправникъ, т. III, 417, 420.

Ботвель, англійскій графъ, т. III, 849—851.

Ботта, Софія, таинственная личность, т. I, 626.

де-Брантонъ, Генрихъ, юристъ, т. III, 611—614.

Браницкая, графиня, т. I, 489, 490.

Бранонъ, генералъ Сѣверо-Американск. Соедин. Штатовъ, т. I, 817.

Бредфордъ, т. III, 618.

де-Брианъ. См. Ольди.

Бриниеръ, А. Г., профессоръ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: *Der Zarzewitsch Alexei*, т. I, 215, 216. Ст. его: Россія и Европа при Петрѣ Великомъ, т. II, 409—434. Царевичъ Алексій Петровичъ въ произведеніяхъ иностранной печати, т. III, 146—158.

Бриссо, глава жирондистовъ, т. III, 804.

Бродскій, Викторъ, художникъ, т. II, 40.

Брона, Павелъ-Андрей, докторъ, вице-президентъ парижской медицинск. академіи. Біографическій очеркъ. Т. III, 331—342.

Броль, Шарль, графъ, т. II, 171—177.

Бронниковъ, тамбовскій недоросль-канцеляристъ, т. III, 138.

Брозль-Платеръ, графиня. См. Бауеръ Каролина.

Брунновъ, баронъ Эрнстъ-Филиппъ, русскій дипломатъ, т. II, 658.

Бруховецкій, Гетманъ, Запорожской Сѣчи, т. I, 3.

Буассье, Гастонъ, археологъ, т. III, 284—287, 294, 295, 298, 305.

Будбергъ, баронъ, генералъ отъ инфантеріи, Петербургскій военный губернаторъ, т. I, 273, 274.

Будри, учитель французскаго языка Александровскаго лицея, т. II, 226.

Булатовъ, Я., засѣдатель Тамбовскаго уѣзднаго суда, т. III, 321.

Булгаковы:

— Андр. Терент., Пермскій бергъ-инспекторъ, т. III, 430.

— Михаилъ. См. Макарій.

— Ал. Як., т. III, 722.

— О. И. Ст. его: Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ, т. III, 58—69. Герасимъ Степ. Лебедевъ, путешественникъ - музыкантъ, т. III, 515—524.

Булгаринъ, Оад. Венедиктовъ, т. I, 524, 525; т. II, 648; т. III, 687, 702, 703, 707, 720, 734, 735.

Булунтеану, румынскій писатель, т. I, 658.

Булушвы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Бурбоны, династія, т. II, 527, 530.

Буренинъ, В. П., писатель, т. III, 854—858.

Буславъ, О. И., профессоръ, т. III, 211.

Бутаринъ, французскій ученый, т. II, 170, 171.

Бухаревъ, См. Оедоръ.

Буше, скрипачъ, т. III, 379, 380.

Буэтгенъ, французскій прелатъ, т. II, 528.

Бычковъ, Афанасій Оедоровъ, академикъ, т. I, 231, 453, 455, 884.

Бѣлецкій, Алексій, запорожскій полковникъ, т. I, 11.

Бѣликъ, Оедоръ, запорожскій войсковой товарищъ, т. I, 7, 8.

Бѣлинскій, Виссар. Григор., критикъ, т. III, 689, 739, 740.

Бѣловъ, Евг. Алекс., Библиографическія замѣтки его, т. I, 644, 645. Ст. его: Одинъ изъ русскихъ государственныхъ вопросовъ въ началѣ XIX вѣка, т. III, 306—319.

Бѣлозерская, Н. А. Библиографическая замѣтка, т. I, 437—441.

Бѣлоруссовъ, И., писатель, т. III, 188, 189.

Бѣлый, Степанъ, запорожскій судья, т. I, 10.

Бѣлавскій, началн. граждан. экспедиціи канц. твер. ген.-губ., т. I, 490, 491.

Бюзо, жирондистъ, т. III, 832, 840—842.

Бюлеръ, баронъ, т. I, 228.

В.

Варшавскій, Ив. Пав., коллеж. асес., т. I, 499.

Ванареску, румынскій стихотворецъ, т. I, 656, 658.

Валентинъ, графъ, т. I, 809, 810.

Валицкій, польскій патриотъ, т. III, 602.

Вальнеръ, В. В., т. I, 649.

Вальроме, французскій исторіографъ, т. II, 152, 153.

Вальтровичъ, Мих., инженеръ, т. II, 404.

Васильевы:

— Графъ, дѣйств. ст. сов., Тульскій вице-губернаторъ, т. I, 259; т. II, 799.

— Дорофей, дьячекъ тамбовской епархіи, т. III, 121.

— Иосифъ, протоіерей, т. II, 397, 398.

Васильчиковъ, князь Иларіонъ Вас., председатель государственнаго совѣта, т. III, 867.

Веденинъ, Изъ дневника его: Студенческіе годы Гейне, т. II, 508—521.

Ведель-Ярльсбергъ, графъ, т. II, 334, 335.

Веденяпинъ, Шацкій помѣщикъ, т. III, 136.

Вейзенбахъ, Яганъ (Іоганъ), т. I, 445, 446.

Вененштедтъ, этнографъ, т. I, 889, 890.

Велопольскій, Александръ, графъ, маркизъ, т. III, 108, 576, 602, 861, 862.

Велмарій, византійскій полководецъ VI вѣка. Легенда о немъ, т. III, 343—352.

Вельмеръ, Арнольдъ, издатель записокъ Каролины Бауеръ, т. I, 620, 621.

Вельминовъ, Тамбовскій помѣщикъ, т. III, 137.

Венюковъ, т. II, 546.

Веневитиновы:

— А. В., т. I, 692.

— Дмит. Владим., поэтъ, т. I, 510, 513—515, 692, 693; т. III, 689, 702.

Вердереvскій, генералъ лейтенантъ, т. I, 295.

Верещана, Николай, школьный товарищъ Мицкевича, т. I, 729.

Верниковскій, т. I, 721.

Верно, Пьеръ-Викторинъ, начальникъ партіи жирондистовъ, т. III, 834, 835.

Веселовскій, А. Н., академикъ, т. I, 455; т. III, 432.

Вестенгардтъ, Мете, иностранка, т. I, 549—555.

Вестминстеръ:

— Маркиза. Дневникъ ея. Т. II, 331—349.

— Ричардъ, маркизъ, виконтъ Бельгревъ, т. II, 332, 334, 336, 342—344, 347, 349.

Вечерункинъ, гласный Петербургской городской думы, т. I, 263.

Вигель, Ф. Ф., авторъ воспоминаній, т. II, 669, 670, 671, 672.

Визенеръ, писатель, т. III, 844—847.

Викторія, королева Великобританіи и императрица Індіи, т. I, 623.

Вильгельмъ:

— Король англійскій, герцогъ нормандскій, т. III, 604, 605, 608.

— Король виртембергскій, т. III, 550.

Вильдъ, Львовскій книгопродавецъ и издатель, т. III, 227.

Вильмотъ, миссъ, т. III, 617, 618.

Винтеръ, стат. сов., начальн. отд. военнаго департамента, т. I, 477.

Винцентъ, Генри, чартистъ, т. I, 402, 403.

Вирховъ, Рудольфъ, физиологъ. Статья его: Развалины Трои, т. I, 415—430.

Висковатый, П. А., профессоръ, т. I, 879—882.

Виссаріонъ, архимандритъ Трегудлевскаго монастыря, т. III, 124.

Витановскій, Петръ, Пружанскій предводитель дворянства, славянскій патріотъ, т. III, 634.

Витгенштейнъ, князь, прусскій оберъ-камергеръ, т. III, 382, 388.

Витче, французскій историкъ, т. II, 154.

Воверъ, любовница французскаго министра Дюмурье, т. III, 823.

de-Vogué, французскій писатель. Библиографическая замѣтка о его статьѣ: De Byzance à Moscou. Les voyages d'un patriarche, т. I, 442, 443.

Войновъ, Петръ, гвардіи капитанъ, т. I, 458.

Войниковъ, болгарскій драматургъ, т. III, 205.

Волковы:

— Кирсановскій капитанъ-исправникъ, т. III, 135, 136.

— Писатель, т. III, 348.

— Полковникъ, слѣдователь по дѣлу о скопцахъ, т. I, 755, 760, 761.

Волонскіе:

— Княгиня Зинаида, т. II, 26.

— Кн. Петръ Мих., министръ двора, т. I, 143 — 147; т. III, 392, 393, 866, 867.

— Декабристъ, т. III, 585.

Волосновъ, Терентій Ів., механикъ-самоучка, т. II, 402.

Вольмаръ, адъютантъ графа П. А. Толстаго, т. I, 284, 285, 296.

Вольнисъ, актриса французскаго театра въ Петербургѣ, т. I, 186.

Вольтеръ, французскій писатель и ученый, т. III, 346, 347, 355, 357.

Вольфъ, Маврик. Осип., петербургскій книгопродавецъ-издатель, т. I, 230.

Воронцовы:

— Гр. Р. И., Тамбовскій генералъ-губернаторъ, т. II, 202.

— Гр. Сем. Роман., т. III, 307, 308, 313—319, 523, 617, 618.

— Кн. Мих. Семен., фельдмаршалъ, т. I, 295; т. II, 655—657, 662, 663.

Вульфъ-Осипова, Прасков. Александр., владѣтельница с. Трыгорскаго, т. III, 269, 271, 274.

Вѣрунскій, Эмиль, докторъ, т. II, 405.

Вяземскіе, князья:

— Петръ Андр., поэтъ и критикъ. Письмо

къ нему Скобелевца, т. II, 391. Библиографическая замѣтка о его сочиненіяхъ, т. I, 218—219, 636, 637. Упомян. т. I, 244, 248, 249, 523; т. II, 25, 27, 249, 390, 445, 648, 650—653, 661, 663, 671, 681, 783, 784, 786, 787; т. III, 256, 257, 274, 411, 515, 702—705, 719, 746.

— П. П. Сообщ. письма Пушкина къ Скобелевцу и Скобелевца къ Вяземскому, т. II, 390, 391, 789.

Вязмитиновъ, Сергѣй Козмичъ, генералъ отъ инфантеріи, т. I, 473, 474, 476, 477, 481, 495, 496, 500, 501.

Г.

Габсбурги, династія, т. I, 580—582, 590.

Гавриловъ, А. В., т. II, 883.

Гавриль, епископъ Тверской, т. III, 350.

Гавриль Бонулеско (Бодани), въ мирѣ Григорій, митрополитъ Кишиневскій, Экзархъ Молдо-Влахійскій, т. I, 356, 357.

Гагарины:

— Кн. Алексій Матв., т. I, 462, 463.

— Кн. Анна Петр., рожденная Шафировъ, т. I, 462, 465, 468, 471.

Гадри, французскій финансистъ, т. III, 811.

Гайдатель, инженеръ, т. I, 721.

Галаганъ, полковникъ, т. II, 717.

Галичъ, профессоръ Александровскаго лицея, т. II, 233.

Гальтонъ, Джемсъ, англійскій психологъ и социологъ, т. I, 359.

Гамалти, малороссійскіе помѣщики, т. I, 32, 44, 45.

Гаммеръ, ориенталистъ, т. III, 552.

Гане, румынскій писатель—новеллистъ, т. I, 658.

Гарбинскій, В., секретарь гр. А. Замоискаго, т. III, 108.

Гарденбергъ, Карлъ-Августъ, прусскій государственный канцлеръ, т. I, 175, 587.

Гарнави, библиотечаръ импер. публичн. библиотеки, т. I, 231.

Гарновскій, Иванъ Антонъ, майоръ т. I, 493, 494.

Гартунгъ, Марья Александр., рожденная Пушкина, т. II, 563.

Гауеншельдъ, учитель нѣмецкаго языка Александровскаго лицея, т. II, 226.

Гауно, генералъ, польскій министръ, т. III, 591.

Гауфъ, нѣмецкій писатель, т. III, 375.

Геддонъ, Иванъ, резидентъ, т. III, 433, 434, 442, 446, 447.

Гедене, нѣмецкій писатель, т. III, 847—853.

Гедеоновъ, Александр. Мих., дѣйств. тайн. сов., директоръ императ. театровъ, т. I, 185—187.

Гедеоновъ-Святополкъ (кн. Четвертинскій), Киевскій митрополитъ, т. II, 719.

Гейне:

— Генрихъ, поэтъ. Студенческіе годы его, т. II, 508—521.

— Саломонъ, дядя поэта, т. II, 519, 521.

Гекеренъ, баронъ, голландскій посланникъ въ Петербургъ, т. III, 742—746, 748.

Гельмерсенъ, директоръ нѣмецкаго театра въ Петербургъ, т. III, 392.

Гельнери, лордъ, т. III, 617, 618.

Геммузъ, режиссеръ нѣмецкой труппы въ Петербургъ, т. I, 187.

Неніп, князь, т. III, 361, 362.

Геннади, Григ. Никол., библиографъ. Некрологъ; т. I, 884, 885.

Геннадій, патриархъ Константинопольскій, т. I, 442.

Геннегоферъ, майоръ баденскаго герцогства, т. I, 629.

Генрихъ VIII, англійскій король, т. III, 845.

Георгеску, румынскій писатель, т. I, 658.

Георгій (Конисскій), архіепископъ, т. II, 580, 581.

Георгъ:

— Голштейнъ-Ольденбургскій принцъ, т. I, 483—491, 501.

— I-й, англійскій король, т. II, 426, 428.

— IV, англійскій король, т. I, 174.

Геленцій, Емельянъ, священникъ, учитель Кишиневской дух. семинаріи, т. I, 352.

Герасимовъ, Илья, крестьянинъ с. Арской-слободы, юродивый, т. III, 570.

Герингъ, Вильгельмъ, писатель (псевдонимъ: Вильгельмъ Алексисъ), т. III, 374, 375.

Германъ, Б. А., Пермскій губернаторъ, т. III, 637.

Гёррьесъ, издатель и журналистъ, т. I, 589, 590.

Герье, В. И. Статьи его: Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, т. I, 74—111. Национальная исторіографія въ Германіи, т. I, 567—593. Письмо его къ редактору, т. I, 664.

Гётте, Иоганъ-Волфгангъ, поэтъ, т. II, 349.

Геттунъ:

— Вас. Никиф., дѣйствит. ст. сов. Записки его 1771—1815 г., т. I, 26—67, 253—296, 478—504.

— Васса Степанъ, рожденная Копасева, т. I, 36.

— Никиф. Ив., чиновникъ XIV класса, т. I, 27.

— Семень Никиф., т. I, 52, 53.

— О. В., инж.-подполковникъ. Сообщ.

записки В. Н. Геттуна, т. I, 26 — 67, 253—296, 473—504.

— Оедоръ Максимов., т. I, 47, 253, 254, 275, 476, 487, 491, 499, 500.

Гибертъ, концессионеръ, т. III, 104, 106. Гилленбургъ, Карлъ, шведскій посланникъ въ Лондонъ, т. II, 427, 428.

Гильза, баронъ, бригадный генералъ Сѣверо-Американ. Соедин. Штатовъ, т. I, 810, 813.

Гильфердингъ, Александ. Оедор., ученый, т. III, 753.

Гимнарснй, тамбов. лѣсничій, т. III, 139.

Гирцель, лейпцигская издательская фирма, т. I, 567, 568.

Гладстонъ, англійскій государственный челоуѣкъ, т. I, 594.

Глинна:

— Авдотья Павлов., рожденная Голенничева-Кутузова, т. II, 476.

— Оедоръ Никол., писатель. Биографія его, т. II, 472—481. Биографическія свѣдѣнія. т. I, 658, 659. Упомян. т. II, 453, 651.

Гнейзенау, графъ Нейдгардтъ, прусскій генералъ-фельдмаршалъ, т. I, 572.

Гнѣдичъ, Ник. Ив. Письмо Пушкина къ нему, т. II, 392, 393. Отношенія къ нему М. Е. Лобанова, т. II, 667—709. Упомян., т. II, 447.

Гоге, балерина, т. I, 633; т. III, 384.

Гогенцоллерны, прусская династія, т. I, 567, 572, 574.

Гоголь, Никол. Вас., писатель. Памятникъ въ Нѣжинѣ, т. III, 429. Упомян. т. II, 572; т. III, 50.

Гоголь, Вас. Афан., малороссійскій писатель, т. II, 581, 597; т. III, 50—54.

Гозамъ, англійскій писатель, т. III, 848.

Голенничевъ-Кутузовъ, Мих. Ларіон., фельдмаршалъ, т. I, 255, 256.

Голицины:

— Кн. Александръ, декабристъ, т. II, 99.

— Кн. Александр. Никол., министръ народнаго просвѣщенія, т. I, 449, 767, 768.

— Кн. Валеріанъ, декабристъ, т. II, 99.

— Кн. Дмит. Влад., московскій генералъ-губернаторъ, т. II, 346, 347.

— Кн. Дмит. Алексѣев., полномочный министръ въ Гагъ, т. III, 412.

— Кн. Мих. Мих., генералъ-фельдмаршалъ, т. II, 413.

— Княгиня Настасья Петр., дворцовая боярыня, т. I, 547.

— Кн. Сергій Оедор., генералъ-аншефъ, т. I, 348.

Голованъ, орловскій мѣщанинъ, т. III, 641—678.

Головины:

— Гр. Александр. Оедор., т. I, 462.

— Гр. Наталья Петр., рожденная Шафирова, т. I, 462.

Головинны:

— Графиня, т. III, 424, 425.

— Гр. Гавр. Ив. государственный канцлеръ и сенаторъ, т. II, 714.

— Гр. Юрій Александр., сенаторъ, т. I, 45.

— Василій, бѣглый солдатъ, т. III, 629, 630.

Голубинскій, Е., профессоръ московской духовной академіи, т. III, 620—623.

Голь, Ярославъ, докторъ, т. II, 405.

Гольцъ, графъ, т. III, 384.

Гончаровы, фрейляны, свояченицы А. С. Пушкина, т. III, 743.

Горголи, Ив., сенаторъ, т. I, 774.

Горжиовскій, Маріанъ, бывшій учитель Черниговской гимназіи, археологъ-хищникъ, т. III, 864.

Гороховскій, совѣтникъ Тамбовской казенной палаты, т. III, 323.

Горчановы:

— Кн. Мих. Дм., генералъ-адъютантъ, намѣстникъ Царства Польскаго, т. III, 103—105.

— Тамбовская помѣщица, т. III, 135.

Гоусъ, англійскій дипломатъ, т. II, 423.

Гоффъ, тамбовскій лекарь, т. III, 130, 131.

Грабаръ, ногарскій домовладѣлецъ, т. I, 30.

Граббе, кавказскій генералъ, т. I, 881, 882.

Градовскій, Г. К., т. II, 574.

Грановскій, Т. Н., профессоръ, т. I, 84—86.

Грандъ, американск. генералъ, т. I, 816.

Грей, Джонъ, ирландскій агитаторъ, т. I, 602.

Грелле, квакеръ, т. II, 438, 439.

Грентъ, Тамбовскій городничій, т. III, 637.

Гречъ, Никол. Ив., писатель, т. I, 188; т. III, 687, 702.

Грибовичъ, Павелъ, запорожецъ, т. I, 16.

Григорій:

— IV, патриархъ Константинопольскій, т. I, 443.

— VII, папа римскій, т. III, 609.

Григоровичи:

— Козма Ильичъ, секретарь Новгородъ-Сѣверскаго губернскаго правленія, т. I, 31, 32, 34.

— Н. И., писатель, т. I, 437.

— Профессоръ, т. I, 653.

Григоровы:

— С. Сообщ. замѣтку: Непокорные колокола, т. II, 796, 797.

— Тамбовскій помѣщикъ, освободившій своихъ крестьянъ, т. III, 134.

Григорьевъ, генераль-маіоръ, Тамбовскій комендантъ, т. II, 798.

Гриниъ. См. Самойловъ.

Гринвальдъ, Устинья Петров., т. I, 547, 548.

Гринъ (Green), Христофоръ, т. III, 518.

Грицко, запорожскій посланецъ, т. I, 8.

Гродденъ, Эрнестъ, профессоръ Виленскаго университета, т. I, 717, 718.

Гротъ, Я. К., академикъ, т. I, 455; т. II, 561, 565, 568.

Грудзинская, Іоанна. См. Ловичъ, княгиня.

Губской, генераль, т. II, 52.

Гудина, коллеж. асес., т. I, 257, 268, 270, 272.

Гудовичъ, гр. И. В., Тамбовскій генералъ губернаторъ, т. II, 204, 598; т. III, 142.

Гукъ, писатель, т. III, 606.

Гулякъ-Артемовскій, П. П., малороссійскій писатель, т. II, 581, 597; т. III, 25—46.

Гумбольдтъ, Александръ, баронъ, натуралистъ, т. I, 857, 858.

Гуровскій, Адамъ, польскій графъ, т. III, 633.

Гурьевъ, графъ, министръ финансовъ, т. I, 495.

Гусевы:

— Дм. Ѳеодоров., профессоръ Казанской духовной академіи, т. III, 793, 794.

— Петербургскій купецъ, т. I, 287, 288.

— Этнографъ, т. III, 755.

Гуссейнъ-бей, командиръ турецкихъ жандармовъ, т. II, 48, 49, 53—55, 59.

Густавъ III, шведскій король, т. III, 160, 161, 163, 164, 368, 369.

Гэй, (Hay), т. III, 518.

Гейдъ, (Hyde), т. III, 518.

Д.

Давъ, портретистъ, т. II, 673, 674.

Давыдовы:

— Иванъ, дьякъ, посланный въ Англію въ 1662 г., т. III, 433—453.

— Ив. Ив., профессоръ, т. I, 509.

Далии, профессоръ высшей школы антропологии въ Парижѣ, т. III, 336.

Дальманъ, историкъ, т. I, 591.

Данзасы:

— Александръ Логин., генераль отъ инфантерій, предсѣдатель главнаго военнаго суда. Некрологъ, т. I, 885—888.

— Логинъ Ив., гофмейстеръ пажескаго корпуса, т. I, 885.

— С. Б., племянникъ секунданта Пушкина, т. II, 574, 575.

— Секундантъ А. С. Пушкина, т. III, 746.

Даниловичъ, юристъ, т. I, 721, 893.

Даниловъ, И. Г., т. II, 882.

Даниль, митрополитъ Московскій, т. I, 304.

Дантесъ-Генеронъ, кавалергардскій офицеръ, убившій Пушкина на дуэли, т. III, 742—746, 748.

Дантонъ, французскій министръ, т. III, 826—829.

Дарилой, Генрихъ, мужъ Маріи Стюартъ, т. III, 849—851.

Дашковы:

— Д. В., т. II, 670, 671.

— Княгиня Екат. Роман., т. III, 617, 618.

— П. Я. Сообщ. письма: Пушкина къ Гнѣдичу, т. II, 392, 393. Гр. Сегюра къ Потемкину, т. III, 193—198. Н. Д. Сушкова къ И. М. Снегиреву, т. III, 867, 868.

— Стольникъ, посолъ въ Англію, т. III, 452.

Девриенты:

— Карлъ, трагикъ, т. I, 630.

— Лудвикъ, актеръ, т. III, 375, 377.

Дежневъ, путешественникъ, т. II, 280.

Дельвигъ, баронъ Антонъ Антон., поэтъ, т. III, 270, 278, 703, 704, 719.

Демейно, Игнатій, ректоръ университета Сантъ-Яго въ Чили, т. I, 721.

Демидовъ, Николай Иван., генераль-адъютантъ, главный директоръ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, т. I, 120—122, 135—138.

Дени, Эрнестъ, французскій ученый, т. II, 405.

Денисовъ, дьяконъ Тамбовской губерніи, т. III, 121.

Державинъ, Гавр. Роман., поэтъ и министръ юстиціи, т. I, 257; т. III, 133, 141, 142, 255, 318.

Деринеръ, Вас. Вас., писатель и врачъ гомеопатъ, т. I, 152, 156.

Дерингъ, поручикъ, т. I, 631.

Дѣчи, Людв., венгерскій писатель и дипломатъ, т. I, 891.

Джонстонъ, генераль южно-американской службы, т. I, 811.

Джура, Михайло, чиновникъ Погарскаго уѣзднаго суда, т. I, 30, 31, 32.

Дзѣдуицкій, польскій графъ, т. III, 235, 240.

Дибичъ-Забалканскій, Ив. Ив., фельд-маршалъ, т. I, 562—564; т. III, 602.

Дивовъ, дѣйств. ст. сов., директоръ министерства полиціи, т. I, 498.

Дивовы, тамбовскіе дворяне, т. III, 13.

Дидро, Дени, энциклопедистъ. Прощаніе его съ Екатериной II. Т. III, 411, 415, 616.

Диксонъ, шотландскій купецъ, т. II, 833.

Діастъ, Порфирій, генералъ мексиканской республики, т. I, 833, 835, 836.

Дмитріевъ, Ив. Ив., министръ юстиціи и писатель, т. I, 500, т. II, 452; т. III, 256, 257, 704, 719.

Дмитріевъ - Мамоновъ, Эмануилъ Александр., т. I, 238.

Дмитрій (Сулима), архіепископъ Кишиневскій, т. III, 865.

Дмитрій Ивановичъ Донской, великій князь. Запѣтки по поводу 500-лѣтія Куликовской битвы, т. III, 422—424, 427—429.

Добрянскій, городской секретарь, т. I, 45.

Добровольскій, смотритель Ковенскаго училища, т. I, 728.

Добролюбовъ, И. В. Сообщ. запѣтку: Семинарское торжество 1797 г., т. I, 646, 647.

Документы:

— Прапорщикъ, т. II, 201.

— Уѣздный судья, т. II, 201.

Долгорукіе, князья:

— Алексій Григ., т. I, 457

— Вас. Лук., русскій резидентъ въ Да-
ніи, т. II, 420, 430.

— Ив. Алекс., т. I, 472.

— Марья Ив., рожденная княжна Голи-
цына, въ вѣнчествѣ Маргарита, т. I, 457—
459, 469, 472.

— Марья Петр., рожденная Шафирова,
т. I, 457, 462—468.

— Настасья Серг. т. I, 466.

— Никол. Серг., т. I, 466.

— Петръ Петр., генералъ-адъютантъ,
т. I, 289.

— Серг. Григ. Статья о немъ т. I,
457—472.

— Управляющій французскимъ теат-
ромъ въ Петербургѣ, т. III, 392.

Дороговъ, капитанъ, т. III, 419.

Дорошенко, украинскій гетманъ, т. I, 13.

Досной, румынскій митрополитъ, т. I,
556.

Достоевскій, Ф. М., романистъ, т. II,
670—572; т. III, 263, 264.

Драшусова, Елизавет. Алекс., супруга
адъюкта моск. универ., т. I, 238.

Дребушъ, Тверской губерн. прокуроръ,
т. I, 490, 501.

Дриновъ, профессоръ, т. II, 404.

Дробышове:

— Петръ, духоворецъ, т. I, 446, 447.

— Филиппъ, духоворецъ, т. I, 447.

Дроздовъ. См. Филаретъ.

Друговъ, тамбовскій врачъ, т. I, 447.

Дубасовъ, И. И. Сообщ. запѣтки: О быв-
шихъ городничихъ, т. I, 218. Къ исторіи
тамбовскихъ духоворецъ, т. I, 446, 447.
О фельдмаршалѣ графѣ Каменскомъ, т. II,
199—204. Два тамбовскихъ дѣлателя прош-
лаго вѣка, т. II, 797, 798. Изъ тамбов-
скихъ лѣтописей, т. III, 120—145, 320—
330. Деревенскій лѣтописецъ, т. III, 626—
631.

Дубельтъ, Леонтій Вас., т. I, 248.

Дубовицкій, Федоръ Птеров., экспеди-
торъ канцеляріи генералъ-прокурора, т. I,
47, 49.

Дудинъ, Бѣда, моравскій историографъ,
т. II, 405.

Думитрашювъ, К. Д., малороссійскій
писатель, т. II, 581, 597; т. III, 43—49.

Дунса, румынскій романистъ, т. I, 658.

Дуриновъ, М. В., рожденная кн. Кочу-
бей, т. III, 453.

Дуровъ, городничій, отецъ дѣвочки—
кавалериста, т. I, 566.

Дуффи, Чарльзъ Гэвэнь, ирландскій
патріотъ, т. I, 602, 610, 617.

Духовскій, генералъ, начальникъ штаба
Московского военнаго округа, т. II, 50;
т. III, 422, 424.

Дуа, аббатъ, французскій ученый, т. II,
154, 155.

Дюбуа, аббатъ, т. II, 525.

Дюмюръ, французскій министръ, т. III,
821—825, 827.

Дютасси, полковникъ сѣверо-американ-
ской службы, т. I, 810.

Е.

Евгеній:

— Принцъ Савойскій, т. II, 417.

— Псковскій архіепископъ, т. III, 125—
129, 132.

Евсюновъ, майоръ, т. III, 135.

Егоровскій, Степанъ, пономарь с. Его-
ровки, Моршанскаго уѣзда, т. III, 129.

Егоровъ, Леонтій, священникъ с. Мор-
дова, Тамбовской губерніи, т. III, 131.

Емевскій, Іосифъ, учитель, т. I, 721.

Езерскій, полякъ-заговорщикъ, т. III, 600.

Екатерина:

— I, императрица, т. I, 547, 548, 550;
т. II, 433; т. III, 152—155, 631, 632.

— II, императрица. Собственноручная
записка ея, т. I, 217. Прощаніе съ нею
энциклопедиста Дидро, т. III, 411—415.
Упомян. т. I, 262, 564, 622, 755, 781;
т. II, 105—107, 109, 175; т. III, 347—
350, 367—371, 616, 617.

Екатерина Павловна, великая княгиня, т. I, 175, 483—485, 488—491, 501, 502; т. III, 550, 551.

Елагинъ, Ив. Перфильевъ, директоръ театровъ, т. III, 348.

Елена Павловна, великая княгиня, т. I, 528, 529, 687, 695; т. II, 344.

Елизавета:

— Англійская королева, т. II, 409; т. III, 844—847, 850, 851, 853.

— Румынская княгиня, т. I, 658.

Елизавета Петровна, императрица. Именные указы ея, т. I, 217, 444; т. II, 555, 556; т. III, 410, 411. Упомян. т. I, 548—550, 556, 874, 875; т. III, 309, 310, 311.

Елизаровъ, Андрей, стольникъ, т. I, 22.

Елышевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Еммантовскій, Степ. Ив., дворянинъ, т. I, 499, 500.

Енгальчевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Енактевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Ермоловы:

— **Александр. Ив.**, археологъ и нумизматъ, т. II, 674.

— **Алексѣй Петр.**, генералъ отъ инфантеріи, т. I, 348, 349; т. III, 647.

Есиповъ, Г. В. Сообщилъ: собственноручную записку императрицы Екатерины II, т. I, 217. Замѣтки: Поблажка нѣмцамъ, т. I, 445, 446; Яганна Петрова, т. I, 547—556. Предположеніе мешковского дворянства о памятникѣ Александру I, т. I, 875—877. Докладная записка о скопцѣ Селівановѣ, т. II, 198. Упом. т. II, 386, 387.

Ефремовы:

— **Александр. Павл.**, надв. совѣт., т. I, 237.

— **П. А.**, т. II, 789, 790.

Ешевскій, С. В., профессоръ, т. I, 678.

Ж.

Жакоизъ, вантскій епископъ, т. II, 398.

Ждановъ, Ив. Н. Статья его: Церковно-вещскій соборъ 1551 года, т. I, 297—310.

Желтухинъ, Петръ Фед., предсѣдатель дивановъ Молдавіи и Валахіи, т. I, 877, 878.

Жильветра, Каспаръ, адвокатъ, т. II, 40, 41.

Желбужскій, Ив. Аеокас., дворянинъ. Посольство его въ Англію въ 1662 г., т. III, 433—453.

Жорини, Людвигъ, художникъ, т. III, 426, 427.

Жуковский, Вас. Андреев., поэтъ, т. II,

444, 445, 449, 451, 452, 669—671, 676; т. III, 204, 703, 713, 714, 720, 723, 731.

З.

Забѣлннъ, Ив. Егор. Библиографическая замѣтка о его Исторіи Русской жизни, т. I, 210—213.

Забѣло, скульпторъ, т. II, 395.

Завадовскіе:

— **Гр. Петръ Вас.**, министръ народнаго просвѣщенія, т. I, 45, 448.

— **Яковъ Вас.**, Новгородъ - Сѣверскій гражданскій губернаторъ, т. I, 36.

Завалишинъ, Дж. Ирин. Замѣтки и статьи его: Декабристъ М. С. Лунинъ, т. I, 139—149. О рукописной литературѣ 20-хъ годовъ, т. I, 218—220. Графиня Орлова-Чесменская и Фотій, т. I, 857—879. Анекдотъ объ императорѣ Александрѣ I, т. I, 879. Къ характеристикѣ С. С. Ланскаго, т. I, 883. Воспоминаніе о графѣ А. И. Остерманѣ-Толстомъ, т. II, 92—99. Отношенія Китая къ Россіи, т. III, 110—119.

Загосиннъ, М. Н., писатель. Отношенія въ нему. М. Е. Лобанова, т. II, 667—709.

Замойскіе, графы:

— **Андрей**, великій коронный канцлеръ, т. III, 98.

— **Андрей**, біографія его, т. III, 97—109.

— **Владиславъ**, генералъ, т. III, 592—596, 598.

— **Константинъ**, ординатъ, т. III, 98.

— **Роза**, рожденная гр. Потоцкая, т. III, 98, 103.

— **Софья**, рожденная Чарторыская, т. III, 98.

— **Станиславъ**, ординатъ, т. III, 98.

— **Янъ**, канцлеръ и великій коронный гетманъ, т. III, 97.

— **Юма**, великій коронный канцлеръ, т. III, 98.

Замысловскій, Е. Е., профес., т. III, 402.

Занъ, Юма, геологъ и минералогъ, т. I, 721, 722, 724, 728, 730.

Зарубинъ, П. А., этнографъ, т. III, 779.

Зеленскій, докторъ Перваго Кадетскаго Корпуса, т. 128—134.

Зеттингеръ, прапорщикъ, тамбовскій дворянинъ, т. III, 139.

Зигура-Стилевичъ, приближенный Мазепы, т. II, 727.

Зиновій, монахъ новгородскаго Отенскаго монастыря, т. III, 859—861.

Зихлеану, румынскій писатель, т. I, 658.

Злобинъ, вольскій гражданинъ, т. I, 277, 278, 281, 282, 283, 482, 483.

Зонтагъ:

— Генриетта. См. гр. Россия.
— Инна, въ иночествѣ Юліана, т. III, 388, 390.

Зубъ, посланецъ гетмана Самойловича, т. I, 5, 6.

Зуевъ, капитанъ, приставъ км. С. Г. Долгорукова, т. I, 472.

И.**Ивановы:**

— Андр. Ив., застѣдатель Тамбовской уголовной палаты, т. III, 320.

— Издатель Пушкинскаго юбилейнаго альбома, т. II, 779, 788.

— Н. А., профессоръ, т. I, 678.

— Пермскій кузнецъ, т. III, 637.

— Петръ, тамбовскій священникъ, т. III, 122.

Иванъ Васильевичъ Грозный, царь Московскій. Народныя преданія о немъ, т. III, 15, 16. Упомин. т. I, 297—302, 305, 310; т. III, 432.

Иванъ (Михайловичъ), игуменъ Даниловскаго монастыря, т. III, 530, 542.

Иванюкъ, запорожецъ, т. I, 9.

Ивашинъ, Яковъ Оумъ, начальн. отдѣл. канцеляріи главнокомандующаго войсками въ Ц. П., т. I, 541, 543, 545.

Игнатьевы:

— Никол. Павл., генералъ-адъютантъ, русскій дипломатъ, т. II, 47.

— Яковъ, духовный отецъ царевича Алексѣя Петровича, т. III, 151.

Иконниковъ, В. С., профессоръ, т. I, 661, 892.

Иларіоновъ, священникъ Тамбовской епархіи, т. III, 191.

Иловайскіе:

— Д. И., профессоръ, т. II, 799; т. III, 399—401, 408, 422.

— Тамбовскій священникъ, т. III, 631.

Ильгертъ, прусскій министръ, т. II, 423, 424.

Илья Ивановичъ, кучеръ императора Александра I, т. I, 560.

Изовъ, генералъ, т. II, 615, 616, 619, 655.

Инокентій:

— (Иванъ Борисовъ), архіепископъ Херсонскій и Таврическій, т. I, 230; т. II, 397.

— Соликамскій игуменъ, т. III, 638.

Иречень:

— Герменегильдъ, докторъ, т. III, 190, 191.

— К., пражскій профессоръ, т. II, 403, 405, 407, 408.

Исидоръ, Петербургскій митрополитъ.

Его литературные интересы; т. II, 396—402.

Итомъ, англійскій историкъ, т. III, 603—605.

Итурбиде. См. Августинъ I.

І.**Іаковъ:**

— III. претендентъ англійскаго престола, т. II, 428, 429.

— VI, англійскій король, т. III, 851.

— Владимірскій епископъ, т. III, 208.
Іеремія 2-й, патріархъ Константинопольскій, т. I, 442, 443.

Іеронимъ, іеромонахъ, учитель Тамбовской семинаріи, т. III, 630, 631.

Іоакимъ:

— Архимандритъ Спасо-Евфиміевскаго монастыря, т. I, 776, 777.

— Московскій патріархъ, т. I, 21.

Іоаннъ (Соколовъ), епископъ Смоленскій, ученый духовный писатель. Характеристика его, т. III, 786—795.

Іоаннъ, архимандритъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, т. III, 124.

Іосафъ:

— Бонапарть, король Неаполя и Сициліи, т. II, 350, 351.

— Митрополитъ, т. I, 309.

— Московскій патріархъ, т. I, 22.

Іустинъ, Пермскій архіерей, т. III, 638.

Іс.

Іакобъ, К. Д., ученый, т. III, 307.

Іаверинъ, Липецкій уѣздный стряпчий, т. III, 326.

Іазанскій, Тамбовскій чиновникъ, т. III, 328, 329.

Іазначеева, Варв. Дмитр., рожденная княж. Волконская, т. II, 658.

Іайдановъ, учитель исторіи и географіи Александровскаго лицея, т. II, 226.

Іалачовъ, Н. В., сенаторъ, пристъ, т. II, 138, 139, 381—383, 572; т. III, 797—799, 801, 871.

Іалениковичъ, Никифоръ, черниговскій полковой есаулъ, т. II, 710, 711.

Іалиновскій, коллеж. ассес., т. I, 292.

Іамбасаресъ, французскій канцлеръ, т. II, 357.

Іамонацій, Осипъ Кирил., лейбъ-медикъ, т. I, 500.

- Наменское, графы:**
 — Мих. Федот., генераль-фельдмаршалъ. Замѣтка къ биографіи его, т. II, 199—204. Упомян. т. I, 256—273, 476.
 — Никол. Мих., генераль, т. I, 263, 351, 357.
 — С. М., т. III, 404.
- Наминъ, Н., этнографъ, т. III, 755.**
- Намалъ, іезуитъ, т. III, 358.**
- Нане, Софія, другъ жирондистки Роланъ, т. III, 808, 809, 814.**
- Наищевъ, Демидъ, служитель кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 471, 472.**
- Напоенно, коронскій сотникъ, т. II, 716.**
- Наптимірь Деметръ, румынскій писатель, т. I, 656.**
- Начурины, Тамбовск. дворяне, т. III, 133.**
- Наравеловъ, болгарскій писатель, т. III, 206.**
- Нараевъ, Кадомскій секретарь, т. III, 137, 138.**
- Наразинъ, В. Н., статскій совѣтникъ, т. I, 229, 230; т. III, 35, 36.**
- Наразинъ, Никол. Михайл., исторіографъ, т. I, 78, 91, 92, 94; т. II, 245, 445, 447, 451, 452, 786; т. III, 34, 306, 312, 313, 399, 400.**
- Наратыгины:**
 — Петръ Андр., актеръ, т. III, 182—184.
 — П. П., сынъ актера, т. III, 182—184, 198, 199.
- Карлейль, графъ, англійскій посолъ, т. III, 452.**
- Карль:**
 — I, англійскій король, т. III, 439.
 — II, англійскій король, т. III, 433—436, 438, 439, 447—451.
 — VI, германскій императоръ, т. II, 426, 432.
 — XII, шведскій король, т. II, 412, 417, 418, 425, 427, 428, 430.
 — XIV, (Бернадотъ), шведскій король, т. II, 338, 339.
 — Альбертъ, король Сардинскій, т. III, 389.
 — Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, т. I, 634.
- Карль-Эммануилъ IV, сардинскій король, т. I, 438, 441.**
- Карітеевъ, Егоръ Вас., тайн. сов., т. I, 477.**
- Карповъ, профессоръ, т. II, 386.**
- Карцевъ, учитель математики Александровскаго лицея, т. II, 226.**
- де-Кастелла, Рудольфъ, начальникъ швейцарцевъ, т. III, 359.**
- Катарреа, Чарльсъ, „ближній королевскій человекъ“, т. III, 447.**
- Катковъ, Мих. Никиф., редакторъ Московскихъ Вѣдомостей, т. II, 564, 565.**
- Катовъ, борисоглебскій помѣщикъ, т. III, 121.**
- Катрановъ, малороссійскій писатель, т. II, 588, 590.**
- фонъ-Науфманъ, К. П., туркестанскій генераль-губернаторъ, т. III, 88.**
- Мохановъ, генераль, т. II, 53.**
- Нашаевы, Тамбовскіе дворяне, т. III, 133.**
- Мавтиа (Оснотьяненко), Григор. Федор., писатель, т. II, 581; т. III, 40, 41.**
- Мейдъ (Kud), Александръ, т. III, 518.**
- Мельсievъ, писатель, т. III, 77.**
- Менигсмартъ, графъ, т. I, 629.**
- Менигъ, полковникъ, т. III, 382—384.**
- Мербедъ, архитекторъ и инженеръ, т. I, 721.**
- Меръ, Анна Петровна, т. III, 271—273, 277.**
- Нибальчичъ, Т. В., объ археологическихъ находкахъ его, т. II, 215, 216, 381, 382.**
- Импренскій, Орестъ Адамов., профессоръ живописи, т. II, 674.**
- Иртевские:**
 — Ив. Вас., писатель, т. I, 237, 241.
 — Петръ Вас., ученый, т. III, 720.
- Ишминъ-Жгерскій, Викентій, польскій литераторъ, т. I, 448—450.**
- Кіевскій, Александръ, служитель кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 471, 472.**
- Клавьеръ, французскій министръ финансовъ, т. III, 822.**
- Кланвильямъ, лордъ, т. III, 387.**
- Клауренъ, нѣмецкій писатель, т. III, 375.**
- Клеелендъ, герцогъ, т. III, 448, 449.**
- Клейнигхель, гр. П. А., т. I, 221.**
- Клементьевъ, городничій, т. III, 326.**
- Клиновостремъ, французскій писатель, т. III, 165, 167.**
- Ключко, Федоръ, запорожскій посланецъ, т. I, 8.**
- Клюгины, московскіе купцы, т. III, 424.**
- Ключаревъ, А., стат. совѣт., предсѣдатель Подольской казенной палаты, т. III, 865.**
- Ключевскій, В. О., профессоръ, т. II, 564.**
- Кнезебенъ, Карлъ-Фридр., прусскій генераль-фельдмаршалъ, т. I, 576.**
- Кобургскіе:**
 — Антуанета, принцесса, т. I, 622, 623.
 — Викторія, принцесса, т. I, 623.
 — Леопольдъ, герцогъ, см. Леопольдъ I.
 — Софія, принцесса, т. I, 622, 623.
 — Юліана, принцес. См. Анна Федорвна.
- Кобылецкая, Марья Емельян., рожденная Чебоксина, т. I, 475, 476.**
- Новачевичъ, Любоміръ, бѣлградскій профессоръ, т. II, 404.**

Мовалевскій, Іосифъ, профессоръ Казанскаго и Варшавскаго университетовъ, т. I, 721; т. II, 33.

Могальничану, румынскій государственный человѣкъ и писатель, т. I, 658.

Мозодавлевъ, Осипъ Петр., сенаторъ, т. I, 253, 254.

Мозицкій, Григ. Вас., статсъ-секретарь, т. III, 348.

Мозловскій, Павелъ, батуринскій козакъ, т. II, 726, 727.

Мозловъ, Ив. Ив., поэтъ, т. II, 37.

Мозыминъ, литераторъ, т. III, 348.

Молиньскій, т. III, 432.

Молобовы:

— Липецкій дворянскій засѣдатель, т. III, 138.

— Москов. купеческій родъ, т. III, 675.

— Тамбовская помѣщица, т. III, 627.

Молозовскій, т. III, 425, 426.

Молосовъ, В., Сообщ. замѣтку о канонизаціи патрiарха Никона. Т. II, 793—796.

Молычевъ, управляющій имѣніемъ кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 460, 468.

Мольцовъ, Алексій Вас., поэтъ, т. III, 624.

Мольцовъ-Мосальскій, князь, сенаторъ, т. I, 289.

Молобанинъ, Никол. Петр., сенаторъ, т. I, 707.

Момавовскій, графъ, генералъ-адъютантъ, т. I, 256.

Момини, греческая династія, т. II, 5, 6.

Моморицкій, плебанъ, т. III, 564.

Мондаковъ, актеръ, т. III, 184.

Мондратьевы:

— Братья, тамбовскіе помѣщики, т. III, 138.

— Священникъ с. Лисня-Горы, Тамбовской губерніи, т. III, 121.

Мондэ, принцъ, т. III, 370.

Моисеи. См. Георгій.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, т. I, 686, 687.

Константинъ Павловичъ, великій князь, т. I, 128, 129, 139, 141, 148, 294, 439, 564, 565, 622, 623; т. II, 111; т. III, 551, 578, 581—583, 590—593, 595—598.

Монти, Люи-Франсуа, принцъ, т. II, 171, 172, 174.

Монтримъ. Казимиръ, издатель юмористической газеты въ Вильнѣ, т. I, 718.

Моньковъ, петербургскій купецъ, т. I, 481.

Морелинъ, М. С. Ст. его: Новые мемуары о революціонной эпохѣ XVIII вѣка, т. III, 353—371.

Морнеа, румынскій поэтъ-лирикъ, т. I, 658.

Морниловъ, Ѳ. П., т. II, 563.

Мориневскій, В. И. Ст. его: Легенда о Велизаріи, т. III, 343—352.

Моретинцы:

— Екатор. Ив., т. I, 563.

— Мих. Мата, капитанъ, инвалидный начальникъ, т. I, 562—566.

Морсановъ, Д. А. Ст. его: Кн. С. Г. Долгорукой и его семья въ ссылкѣ, т. I, 457—472.

Морфъ, Модестъ Андреевичъ, баронъ, членъ государста. совѣта, т. I, 687.

Морышъ, В. Ѳ., писатель, т. III, 185, 186.

Мосачъ, Зах. Григ., т. I, 500.

Мосой, Θεодосій, сектантъ, т. III, 859—861.

Моста, Генри, маркизъ, т. I, 437, 438, 440.

Мостеноцкій, артиллерійскій генералъ, т. II, 95.

Мостомаровъ, Никол. Иван., историкъ. Ст. его: Самозванецъ же-царевичъ Симеонъ, т. I, 1—25. Критическая замѣтка, т. II, 178—186, 585, 586. Письмо къ нему Ф. К. Неслуховскаго, т. III, 217, Упомин. т. III, 25, 28, 33, 37, 54, 427.

Мостум, Миронъ, первый румынскій стихотворецъ, т. I, 656.

Мотляревскіе:

— А. А., профес., т. I, 662, 663, 892,

— Ив. Петр., писатель, т. II, 581—597; т. III, 28, 31, 44, 52.

Мохановскій, сенаторъ-кастелянъ, т. III, 593.

Мочубей:

— Кн. Вас. Викент., гофмейст., т. III, 453.

— Графиня, т. III, 866, 867.

— Гр. Викт. Павл., мин. внутрен. дѣлъ, т. I, 276, 278, 289—291, 294, 763, 764; т. III, 315, 316, 318, 866, 867.

— Кн. Елена Павл., рожденная Биби-кова, т. III, 453.

Мочуевъ, мѣщанинъ, проливной, т. III, 567, 568.

Мошанскій, профессоръ русскаго языка, Александровскаго лицея, т. II, 226, 250.

Мошелевы:

— Александр. Ив., т. I, 237, 243.

— Капитанъ, приставъ кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 472.

— Тамбовскій губернаторъ, т. III, 142.

Мошеевъ, Авраамъ, дьякъ, т. I, 22.

Моляковъ. Мих. Осип., профес. Петербургской духов. академіи, т. II, 195, 196. Кравченко, генералъ, т. II, 50.

Кравецъ, Константинъ. Дмитр., математикъ, т. III, 659.

Кравевскій, Александръ, т. III, 108.

Крамортъ, Анна, дворцовая дѣвица, т. I, 547.

Красицкій, Игнатій, католическій епископъ, польскій поэтъ и писатель, т. III, 31, 32.

Красно-Милашевичъ, Вас. Пав., тайн. сов., председательствующій въ диванахъ Молдавіи и Валахія, т. I, 352, 353, 356, 357.

Красовскіе:

— Мих., ученый, т. I, 668.

— Александръ Ивановичъ, цензоръ, потомъ председатель комитета иностранной цензуры, т. III, 257, 258.

Крафтъ, Вилимъ (Вилиамъ) „ближній человекъ“ англійскаго короля, т. III, 448.

Крашевскій, Іосифъ, польскій писатель, т. III, 242.

Кремлянский, Алексій Павлов., т. I, 275.

Кредеану, румынскій поэтъ, т. I, 658.

Кривинскій, польскій писатель, т. III, 633.

Кривенцовъ, тамбовскій засѣдатель, т. III, 629.

Кривцовы:

— Тульскій губернаторъ, т. II, 391.

— Другъ А. С. Пушкина, т. III, 709.

Криче, губернаторъ въ Галиціи, т. III, 223.

де-Кроза, писатель, т. III, 606, 607, 609, 610.

Кромвель, Оливеръ, протекторъ соединенныхъ республикъ: Англіи, Шотландіи и Ирландіи, т. III, 439, 440.

Круглый, А. О. Ст. его: М. Е. Лобановъ и его отношенія къ Гвидичу и Загоскину, т. II, 667—709.

Кружиковскій, Леонъ, директоръ висянскаго пароходства, т. III, 106.

Крупениковъ, коллежск. совѣтн., т. I, 257, 258, 268—270, 274.

Крыжановскій, офицеръ польской арміи, заговорщикъ, т. III, 584—587, 590, 591.

Крыловъ, Пав. Андр., баснописецъ, т. III, 703.

Кудрявцевъ, служилый дворянинъ Тамбовской губерніи, т. III, 138, 139.

Кузнецовы:

— Е. А., стат. сов., т. I, 685.

— Этнографъ, т. III, 94.

Кулановскій, т. I, 721.

Кулишъ, Пантелейм. Александр., писатель, т. II, 586—588, 592—594, 596; т. III, 30, 33, 35, 44, 54.

Кульбергъ, путешественникъ, т. III, 84.

Куницыны:

— Н. И. Замѣтка его: Близко ли паденіе Англіи? т. I, 159—167.

— Профессоръ нравственныхъ наукъ Александровскаго лицея, т. II, 227, 228, 250—252.

Кунстъ, Вильгельмъ, трагикъ, т. I, 630.

Куницевъ, повѣтчикъ погарскаго уѣзднаго суда, т. I, 29.

Куперъ, Томасъ, англійскій поэтъ, т. I, 402, 404, 405.

Купріяновъ, налв. сов., т. I, 256, 257, 270.

Куракинъ, кн. Алексій Борисовичъ, д. тайн. сов., генераль-прокуроръ, т. I, 45.

Курбскій, кн. Андрей Михайл., эмигрантъ, т. I, 303, 305.

Курочкинъ, Н. С., писатель, т. II, 573, 574.

Кусовниковы:

— Надворн. совѣтн., т. I, 277.

— Откупщики, т. I, 482.

Кустодіевъ, дяконъ с. Никольскаго, Тамбовской губ., т. III, 130, 131.

Кутлинскій, студентъ богословія, т. III, 121.

Кухаренко, Я. Г., малороссійскій писатель, т. II, 581, 597; т. III, 54—57.

Кушелевъ, С. Е. Сообщилъ замѣтку о новѣйшихъ археологическихъ открытіяхъ въ Египтѣ и Ассиріи, т. II, 800—804.

Кэстельри, лордъ, англійскій дипломатъ, т. I, 175.

Кюстнеръ, прусскій генераль-адъютантъ, т. I, 850, 853.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ, поэтъ, декабристъ, т. I, 523, 526; т. III, 733.

Л.

Ла-Бланшери, т. III, 813.

Лавровъ, дѣйств. ст. сов., директоръ министерства полиціи, т. I, 498.

Ла-Гарпъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспитатель императора Александра I, т. I, 170; т. III, 361.

Лаго, австрійскій посолъ въ Мексикѣ, т. I, 841.

Лазаревскій, А. М. Ст. его: Люди старой Малороссіи. Т. II, 710—730. Упомян. т. II, 547.

Лазаръ, румынскій учитель, т. I, 656.

Ланость, французскій морской министръ, т. III, 821, 822.

Лалаевъ, генераль-маіоръ, т. II, 100, 118.

Ламанскій, В. Н. Ст. его: Могущество турокъ османовъ въ Европѣ, т. II, 5—23.

Ламартинъ, Альфонсъ, французскій поэтъ и государственный человекъ, т. I, 611.

Ланской, гр. С. С., министръ внутрен. дѣлъ; къ характеристикѣ его; т. I, 883; т. II, 384.

Ланфранкъ, архіепископъ Кантерберійскій, т. III, 605—610.

Лапедать, румынскій писатель, т. I, 658.

Лаптевы:

— Помѣщица Тамбовской губерніи, т. III, 122.

— Путешественникъ, т. II, 270.

— Тайный совѣт., Тамбовскій губернаторъ, т. III, 323, 324.

Ларионовъ, Петръ, священникъ, т. III, 120.

Ласицкій, священникъ с. Новобоголюбленскаго, Козловскаго у., т. III, 122.

Лафиттъ, французскій банкиръ, т. I, 145.

Лактинъ, Никол. Андр., начальн. отдѣленія канцеляріи главнокомандующаго войсками въ Ц. П., т. I, 537—540, 542, 543.

Лебедевъ, Герасимъ Степан., русскій путешественникъ-музыкантъ въ Индію въ концѣ XVIII вѣка. Біографія, т. III, 515—524.

Лежерь, французскій делегатъ на Пущинскомъ праздникѣ 1880 года, т. II, 566, 567, 570.

Лейбницъ, баронъ Готфридъ Вильгельмъ, философъ, т. II, 410, 412, 418, 423.

Лейка, Максимъ, т. I, 445, 446.

Ленсъ, М. И., т. III, 199.

Лелюевъ, Іоакимъ, профессоръ Виленскаго университета, т. I, 718; т. III, 588—590, 596, 601, 602, 862.

Лемъеръ, балерина, т. I, 633.

Леонидъ, архимандритъ, т. II, 399.

Леонова, Д. М., пѣвица, т. II, 575.

Леонтьевы:

— Кипріяны, священникъ с. Махровка, Борисоглѣбскаго уѣзда, т. III, 122.

— Сенаторъ, т. II, 797.

Леонъ, полковникъ мексиканской республики, т. I, 834.

Леопольды:

— I, Георгъ-Христіанъ-Фридрихъ, король бельгійцевъ (герцогъ Кобургскій), т. I, 621, 623, 624; т. III, 393—397.

— II, нѣмецкій императоръ, т. III, 368, 369.

Лермонтовъ, Мих. Юр., поэтъ. Къ біографіи его, т. I, 879—882.

Лерхъ, т. III, 431.

Летингтонъ, шотландскій статсъ-секретарь, т. III, 851.

Летушевичъ, З., протоіерей, т. I, 558.

Лигицъ, графиня, т. III, 388, 389.

Лизаветъ, камеръ-фрау императрицы Елизаветы Петровны, т. I, 549—554.

Лизогубъ, каневскій полковникъ, т. I, 16.

Лилленротъ, шведскій резидентъ, т. II, 413.

Линкольнъ, Абрагамъ, президентъ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 811, 816, 819—823.

де-Линъ, принцъ, т. I, 625; т. III, 361.

Лисицкій, Генрихъ, писатель, т. III, 576, 861, 862.

Литвинъ, Матвѣй, аптекарь, сектанта, т. III, 859.

Лобановъ, Мих. Евстаф., писатель. От-

ношенія его къ Гнѣдичу и Загоскину, т. II, 667—709.

Лобановы-Ростовскіе:

— Кн. Дмит. Ів., генералъ огъ инфантерій, министръ юстиціи, т. I, 477—482.

— Кн. І. Н., малороссійскій генералъ-губернаторъ, т. II, 583.

Лобьсовичъ, малороссійскій писатель, т. II, 580.

Ловичъ, княгиня, Жанета Антоновна (Іоанна Грудзинская), супруга цесаревича Константина Павловича, т. III, 591, 595.

Ледеръ, Фридрихъ Христіан., анатомъ и хирургъ, т. I, 515.

Лодыженскій, А. Статья его: Русское посольство въ Англію, т. III, 433—453.

Лозертъ, профессоръ, т. II, 405.

Ломени-де-Бриенъ, французск. министръ, т. III, 363, 364.

Ломоносовъ, Михайло Вас., академикъ, натуралистъ и филологъ, т. III, 255, 624.

Лопухинъ, Калужскій гражданскій губернаторъ, т. I, 876, 877.

Лорисъ-Меликовъ, Мих. Таріелов., генералъ-адъютантъ, министръ внутрен. дѣлъ, т. II, 50—54, 57, 60.

Лубяновскій, Оеодоръ Петръ, статсъ-секретарь, т. I, 483, 484.

Лудольфъ, совѣтникъ юстиціи въ Берлинѣ, т. III, 374.

Луна, запорожець, т. I, 8, 9.

Лунасинскій, майоръ польской арміи, заговорщикъ, т. III, 581, 582.

Лукины:

— Прапорщикъ, т. II, 201.

— Тамбовскій помѣщикъ, т. III, 185.

Лунчиони, Бранда, партизанъ, т. I, 438, 439.

Луньяновъ, Алексѣй Тимоѣ., Погарскій уѣздный судья, т. I, 30.

Лунинъ, Мих. Серг., декабристъ. Записка о немъ, т. I, 139—149.

Лушевъ, А. М., художникъ, т. III, 453.

Лысогорскій, Тимоѣй, священникъ Тамбовской епархіи, т. III, 626—631.

Львовъ, кн. Владим. Владим., цензоръ, т. I, 237.

Любецкій, польскій министръ финансовъ, т. III, 592—596, 598, 599.

Любичъ, Симеонъ, директоръ аграмскаго музея, т. II, 403, 404.

Любошинскій, сенаторъ, т. III, 797.

Людвинъ:

— Герцогъ Баденскій, т. I, 629.

— XIV, французскій король, т. II, 158, 159, 420.

— XV, французскій король, т. II, 160, 163—174, 176, 527, 530, 531, 533, 534, 540.

— XVI, французскій король, т. III, 160, 161, 368—370.

Лонсбургская, герцогня, т. III, 360, 361.

Лонбергъ, шведскій профессоръ, т. III, 214, 215.

Льсковы:

— Александра (Акилина) Вас., рожденная Колобова, т. III, 642, 675—678.

— Никол. Семен., писатель. Статьи его: **Кадетскій монастырь**, т. I, 112—138. **Русскій демократъ въ Польшѣ**, т. I, 533—546. **Несмертельный Голованъ**, т. III, 641—678. **Замѣтки: Изъ мелочей архіерейской жизни**, т. II, 255—267. **Митрополитъ Исидоръ въ его литературныхъ интересахъ**, т. II, 396—402. **Анекдотъ объ Александрѣ I**, т. II, 556, 557. **Биографическая замѣтка**, т. I, 431—434. **Упомян.** т. II, 383—385.

— Сем. Дмитр., совѣтникъ Орловскаго губерн. правл., т. III, 642.

— Орловскій совѣстный судья, т. III, 673—675.

Лалингъ, В. А., т. II, 381.

М.

Маасъ, Вильгельмина, актриса, т. I, 629.

Магденно, П. И., помѣщикъ, т. I, 879, 880, 882.

Магнусъ, боронъ, прусскій посолъ въ Мексикѣ, т. I, 839, 840.

Магометь:

— I-й, т. II, 7.

— II-й, т. II, 9.

Маевскій, полякъ-заговорщикъ, основатель „храмовниковъ“, т. III, 587.

Мазарини, Жюль, кардиналъ и французскій министръ, т. II, 158, 159.

Мазепа, Иванъ, гетманъ малороссійскій, т. II, 711, 713, 721, 722.

Майковы:

— А. Н., поэтъ, т. II, 566, 574.

— Аппол. Александр., директоръ Московскаго театра, т. III, 184.

— Л. Н., членъ географическаго общества. **Замѣтка** его: **Прощаніе Дидро съ императрицей Екатериной II**, т. III, 411—415. **Упомян.** т. III, 95.

Майновъ, В. Н. Статьи его: **Русскій ученый въ Новой Гвинее**, т. I, 358—373. **Скопцескій ересархъ Кондратій Селивановъ**, т. I, 755—778. **Норденшельдъ и его послѣднее путешествіе**, т. II, 268—292. **Успѣхи географическихъ знаній въ Россіи**, т. III, 70—96. **Поль-Брока—основатель антропологій**, т. III, 331—342. **Мерт-**

вый городокъ, путевыя замѣтки, т. III, 525—546.

Майореску, Титу, румынскій эстетикъ, т. I, 658.

Макарий:

— (Михаилъ Булгаковъ), митрополитъ московскій, т. I, 431—434, 454; т. II, 562.

— Митрополитъ Московскій (1542—1564 г.), т. I, 299, 301.

Мамовъ, Левъ Саввичъ, статсъ-секр., министръ внутр. дѣлъ, потомъ почтъ и телеграфовъ, т. I, 230.

Максимиліанъ:

— Герцогъ лейхтенбергскій, т. I, 682, 684, 686.

— Мексиканскій императоръ, т. I, 289, 831—848.

Максимілла (Шпшкіна), игуменья Духова монастыря. **Письма** ея къ гр. Аракчееву, т. I, 647, 648.

Максимовичъ, Мих. Александр., профессоръ Кіевскаго университета, т. III, 189, 190.

Максимовы:

— Дьячекъ Тамбов. епархіи, т. III, 131.

— Этнографъ, т. III, 94.

Макушевъ, профессоръ, т. III, 633.

Манъ-Ги, Томасъ Дарси, ирландскій агитаторъ т. I, 617.

Манъ-Дугалъ, американскій сенаторъ, т. I, 817.

Манъ-Дуэль, генералъ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 806.

Манъ-Марти, членъ англійскаго парламента. **Извлеченіе** изъ его сочиненій, т. I, 393—414.

Манъ-Клеанъ, генералъ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 806, 811.

Малаховскій, Густавъ, полякъ-заговорщикъ, т. III, 589, 597, 601.

Малаховъ, М. В. Ст. его: **На золотомъ пріискѣ**, т. II, 731—749.

Малиновскій, директоръ Александровскаго лицея, т. II, 232.

Малышовъ, Усманскій дворянскій депутатъ, т. III, 141.

Мальшинъ, откупщикъ, т. I, 482.

Мамановичъ, М. Ф., директоръ липецкихъ минеральныхъ водъ, т. III, 203, 204.

Маматишвили, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Мамотовы:

— Князь, спасскій исправн., т. II, 201.

— Тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Маратъ, французскій министръ, т. III, 828, 829.

Маріа-Антуанета, королева французская, т. III, 159—163, 165—167, 362.

Маріа Ильминина, супруга царя Алексѣя Михайловича, т. I, 14, 18.

Маріа Николаевна, великая княгиня, въ

супружествѣ герцогиня лейхтенбергская, т. III, 866.

Марія Павловна, герцогиня веймарская, т. II, 349.

Марія Стюартъ, королева шотландская, т. III, 846—853.

Марія Тереза, королева Венгрии и Богемии, т. II, 163, 164, 167.

Марія Федоровна, императрица, т. I, 287; т. II, 245, 343, 668; т. III, 516.

Маркевичъ, Н. А., малороссійскій писатель, т. II, 599.

Марицеъ, максиканскій генералъ, т. I, 832, 833, 837.

Марковичи:

— Дворяне, т. I, 499, 500.

— Полковникъ, т. II, 717, 723, 724.

Марковы:

— А. К., нумизматъ, т. II, 214.

— Е., этнографъ, т. III, 754.

Марьборо, герцогъ, т. II, 417.

Мармонтель, писатель, т. III, 346—351.

Мартенъ, Генри, французскій исторіографъ, т. II, 151, 152, 161.

Мартинъ, Джонъ, англійскій государственный человѣкъ, т. I, 617, 618.

Мартыновы:

— А. А. археологъ, т. II, 553; т. III, 424, 425.

— И. Г. Сообщ. замѣтку: Судьба декабриста Петра Бестужева, т. I, 222—225.

— Капитанъ, т. II, 200.

Мартыновъ, П. К. Сообщ. замѣтку: Къ біографіи М. Ю. Лермонтова, т. I, 879—882.

Масловы:

— Моршанскій капитанъ-исправникъ, т. II, 201.

— Степ. Алекс., т. I, 237.

Массонъ, французскій историкъ, т. II, 160, 161, 170.

Матѣевъ, гр. Андрей Артамоновичъ, посолъ въ Вѣнѣ, т. II, 413, 415, 416; т. III, 149.

Матюковъ, Петръ, славянскій ученый, т. II, 403, 404.

Маторинъ, Федоръ, крестьянинъ с. Мамонтова, Моршанскаго уѣзда, т. III, 120.

Матье, эльзасецъ, т. I, 577.

Мацѣевичъ, Левъ С. Статья его: Сынъ Суворова, т. I, 346—357. Замѣтка, т. III, 863—866.

Мачинскій, Дмитрій, священникъ, т. II, 804, 805.

Мегденъ, графъ, т. III, 867.

Мемъ, Фр., французскій писатель, т. III, 172—175.

Мейчинъ, Д. М. Ст. его: Крестьянскіе суды въ старину, т. III, 796—802. Упомян., т. II, 382.

Мелентіевъ, діаконъ, т. III, 130.

Мельниковъ, этнографъ, т. III, 767.

Мендельсонъ-Бартольдъ, Феликсъ, композиторъ, т. III, 382.

фонъ-Менинъ, Тамбовскій засѣдатель, т. I, 447.

Менна, Василій, чукотскій староста, т. II, 288—290.

Меншиковъ, кн. Александръ Даниловъ, генералисимусъ, т. II, 430, 713; т. III, 309.

Меньшой, Иванъ, т. III, 416.

Мережиа, запорожець, т. I, 8, 9.

Меренбергъ, гр. Наталья Александр., рожденная Пушкина, т. II, 563.

Мерзляновъ, Алексѣй Федор., профессоръ, т. I, 508—513.

Меррей, шотландскій регентъ, т. III, 851.

Ле-Меръ, французскій священникъ, т. II, 529.

Месиминъ, козловскій купецъ, т. III, 326.

Меттернихи, князья:

— Клеменсъ-Венцель-Непомукъ-Лотаръ, герцогъ Портелла, австрійскій государственный человѣкъ. Изъ записокъ его, т. I, 168—180, 374—392. Упомян. т. I, 581, 582; т. III, 99, 100, 282, 872.

— Рихардъ, австрійскій дипломатъ, т. I, 376, 379, 380.

Мецишевскій, начальникъ штаба польскихъ войскъ, т. III, 591.

Мещеринновъ, елатомскій дворянскій депутатъ, т. III, 140, 141.

Мещерскіе, князья:

— Петръ Сергѣевъ, оберъ-прокуроръ свѣтѣйшаго синода, т. I, 773, 774.

— Семень, т. III, 348.

Мигеръ, Томасъ Френсисъ, ирландскій агитаторъ, т. I, 610, 611, 613, 617.

Миддендорфъ, академикъ, т. II, 270.

Минлуха-Манлай, Н. Н., путешественникъ. Его изслѣдованія въ Новой Гвинее, т. I, 358—373.

Микошевскій, польскій писатель, т. III, 633.

Минулинъ, русскій посолъ, т. III, 453.

Миллеры:

— Ор. О., профессоръ. Библиографическія замѣтки его, т. I, 210—213, 435, 436, 869, 870; т. II, 789, 790, 806—808; т. III, 185—188. Упомян. т. II, 574.

— Секретарь шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа, т. III, 722.

Миллисино, П. И., педагогъ, т. II, 109.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, т. II, 4473, 75, 717, 718.

Милославскіе:

— Илья Давидовъ, бояринъ, т. I, 14.

— П., писатель, т. I, 869, 870.

Милоновъ, А. П. Изъ воспоминаній его: Знакомство съ Сенковскимъ, т. I, 150—

158. Библиографическія замѣтки его, т. I, 213—215, 636—640, 872, 873; т. II, 193—195, 383—385. Біографія О. Н. Глинка, т. II, 472—481.

Милотинъ, Никол. Алексѣев., русскій государственный человѣкъ, т. I, 707, 708.

Мининъ, лейтенантъ, т. II, 270.

Минихъ, гр. Бурхардъ Христіанов., генералъ-фельдмаршалъ, т. I, 552, 868.

Минутали:

— Гофмаршалъ герцога Мейнингенскаго, т. III, 375.

— Посланникъ въ Персію, т. III, 375.

Мироновъ, Тамбовскій губернаторъ, т. III, 130.

Митусовъ, Г. П., сенаторъ, т. I, 248.

Митчелъ, Джонъ, ирландскій патріотъ, т. I, 610—614, 616—618.

Михайловскій, болгарскій писатель, т. III, 205.

Михайловы:

— Данилъ, шацкій протопопъ, миссіонеръ, т. II, 203, 204.

— Дьячекъ г. Шацка, т. III, 129.

— Задонскій врачъ, т. II, 200.

Михамъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, т. I, 765, 766.

Михамъ Павловичъ, великій князь, т. II, 112; т. III, 723.

Михельсонъ, Ив. Иван., генералъ отъ кавалеріи, т. I, 262.

Михневичъ, В. О. Ст. его: Извращеніе народнаго піснотворчества, т. III, 749—779. Замѣтка: Непреклонный мѣсоръ, т. III, 415—421.

Мицковичи:

— Адамъ, поэтъ. О пребываніи его въ Россію, т. I, 713—731; т. II, 24—45. Упомян. т. III, 236.

— Александръ, профессоръ Харьковскаго университета, т. I, 714.

— Целина, супруга поэта, рожденная Шимановская, т. II, 35—37, 42—45.

Мишле, французскій исторіографъ, т. I, 75, 76.

Миусскій, запорожецъ, т. I, 2, 4, 5, 9, 19.

Мітоичъ, Чedomилъ, сербскій ученый, т. II, 403, 404.

де-Мо, виконтъ, французскій историкъ, т. II, 156, 157.

Модестовъ, В. И., профессоръ Спб. духов. академіи. Ст. его: Прогулка по развалинамъ Рима и Помпей, т. III, 282—305, 491—514. Упомян. т. II, 378—380.

Можаровъ, кирсановскій помѣщикъ, т. III, 135.

Молчановы:

— Статсъ-секретарь, т. I, 448.

— Публицистъ, т. III, 755.

Мольенъ, французскій государственный казначей, т. II, 363.

Монбарри, князь, французскій военный министръ, т. III, 363.

Монжела, графъ, первый министръ Баваріи, т. I, 582.

Мордавиновъ, Н. С., графъ, чл. госуд. сов., т. III, 740.

Мордовцевъ, Д. А., писатель Библиографическаго замѣтка, т. II, 386, 387.

Морисъ, писатель, т. III, 606, 610.

Морозовы:

Борисъ Ив., дядька царя Алексѣя Михайловича, т. I, 69—73.

Т. С., московскій комерсантъ, т. II, 386.

Мортилье, профессоръ высшей школы антропологии въ Парижѣ, т. III, 336.

Морфиль, У. Р., англійскій ученый, т. I, 68; т. III, 624.

Мостовскій, графъ, польскій министръ, т. III, 580.

Мохначій, Морицъ, польскій литераторъ, заговорщикъ, т. III, 587, 597, 599, 601.

Мошоева, тамбовская помѣщица, т. III, 136.

Мукоствень, Зотъ, крестьянинъ-духоборецъ, т. I, 446, 447.

Муравьевъ, декабристъ, т. III, 584.

Мусинъ-Пушкинъ, М. Н., попечитель Петербургскаго учебнаго округа, т. I, 248.

Мустьевы, Тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Мутовининъ, Тамбовскій помѣщикъ, т. III, 325.

Мухановъ, Павелъ Александр., главный директоръ внутреннихъ дѣлъ въ Ц. П., т. III, 104—108.

Мышецкіе, князья:

— Андрей Денисов., т. II, 527, 528, 536, 538, 539.

— Жандармскій офицеръ, т. III, 534.

Семень Денисов., т. III, 528, 532.

— Мякининъ, Александр. Деомид., т. I, 501.

Мяновскій, профессоръ, т. I, 721.

Мясновъ, капитанъ воронежскаго гарнизона, т. I, 459, 461, 462, 464, 470—472.

Мянь, писатель, т. III, 612, 613.

Н.

Надхинъ, Г. П. Сообщ. четыре анекдота объ императорѣ Александрѣ I, т. II, 205—208.

Назминовъ, Владим. Иван., попечитель Московскаго учебнаго округа, т. I, 243, 244, 247.

Найтъ (Knight), Робертъ Чемберсъ, т. III, 521.

Наполеонъ:

— I, Бонапартъ, императоръ французъ. Характеристика его, т. II, 350—373. Его программа исторіи, т. III, 214, т. I, 168, 171, 177, 295, 296, 378, 382—391, 576, 577, 581, 586.

— III, императоръ французъ, т. I, 382; т. III, 549.

Нарышкинъ, Семенъ Кирил., генералъ-аѣшефъ, т. III, 348.

Нассау-Зигенъ, принцъ, т. III, 193, 370.

Науменко, В. II., т. I, 662.

Нацъусъ, лютеранскій пасторъ, т. I, 553.

Нащонинъ, Пав. Вонновичъ, другъ А. С. Пушкина, т. III, 723, 728, 739.

Неваховичъ, чиновникъ театральной дирекціи, т. I, 187.

Негри, румынскій министр и писатель, т. I, 657.

Негруцци, румынскій писатель, т. I, 656, 657.

Незеленовъ, А. II., профессоръ, т. II, 573, 574.

Нейманъ, Амалія, актриса, т. I, 627, 629.

Неккеръ, французскій министръ, т. III, 363, 364.

Неклюдовъ, Тамбовскій губернаторъ, т. II, 797, 798, т. III, 326.

Нелсонъ, англійскій полководецъ, т. I, 160.

Немировичи-Данченко:

— В. II., писатель и этнографъ, т. III, 77, 191, 192.

— Канцеляристъ, т. I, 50, 51.

Немоновскій, Винцентъ, полякъ-заговорщикъ, т. III, 578, 579, 601, 602.

Неплюевъ, И. II., сенаторъ, бывшій начальникъ Оренбургскаго края, т. II, 110.

Нероновъ, подмосковный помѣщикъ, т. II, 197, 198.

Неслуховскій, Ф. К. Ст. его: Адамъ Мицкевичъ въ Россіи, т. I, 713—731; т. II, 24—45. Біографія польскаго историка Карла Шайнхци, т. III, 217—244.

Нессельроде, Гр. Карлъ Васильев., русскій дипломатъ, т. I, 176; т. II, 665; т. III, 867.

Нефедовъ, этнографъ, т. III, 754, 755.

Нибуръ, прусскій кабинетъ-совѣтникъ, т. I, 857.

Никитины:

— Архитекторъ, т. III, 640.

— В. II., писатель, т. II, 374—377.

— Дипломатъ, т. II, 411, 412.

— Иванъ Савичъ, поэтъ, т. III, 624.

Никифоровъ, Юрій, подъячій, гонецъ въ Англію, т. III, 433.

Никифоръ, іеромонахъ городищенскаго монастыря, т. III, 865.

Никодимъ, Орловскій архіерей, т. III, 655.

Николай, епископъ Тамбовскій, т. III, 630.

Николай Николаевичъ, великій князь, т. II, 47, 48; т. III, 866, 867.

Николай Павловичъ, императоръ, т. I, 119, 182—184, 187—189, 221, 222, 250, 859; т. II, 31, 342, 343, 347, 384, 399, т. III, 132, 133, 330, 389, 586, 587, 600, 601, 679, 748, 866, 867.

Николаеану, румынскій писатель, т. I, 658.

Николеско, Дмитрій, румынскій исправникъ, т. I, 352—354.

Никольскіе:

— Григ. Борис., Казанскій профессоръ, т. I, 651.

— П. II., профессоръ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, т. III, 429.

— П. Ф., т. III, 627.

Никонъ, патріархъ всероссійскій. Замятка о канонизаціи его, т. II, 793—796.

Нилова, Е. К., Тамбовская помѣщица, сотрудница поэта Державина, т. III, 133.

Ниль, архіепископъ Ярославскій, т. II, 397.

Новиковичъ, Стоянъ, профессоръ, т. II, 403, 404.

Новиковы:

— Вас. Григ., экспедиторъ Новгородъ-Сѣверск. губ. правл., т. I, 34.

— Никол. Ив., русскій писатель и журналистъ, т. II, 193, 194, 436.

Новицкіе:

— Генералъ польскихъ войскъ, т. III, 591.

— Никол. Никит., секретарь министра внутрен. дѣлъ гр. Кочубея, т. I, 289—291.

Новосильцевъ, гр. Никол. Никол., предсѣдатель Государств. Совѣта и Комитета Министровъ, т. I, 730, 731.

Норденшельды:

— Адольфъ-Эрикъ, путешественникъ. Статья о его послѣднемъ путешествіи, т. II, 268—292.

— Маргарита-Софія, т. II, 273.

— Нильсъ-Густавъ, т. II, 273.

Нордвистъ, лейтенантъ, т. II, 276, 282, 286, 290, 291.

Норовъ, Авраамъ Серг., министръ народн. просвѣщ., т. I, 243, 244, 248.

Норрисъ, англійскій адмиралъ, т. II, 426, 429.

Норфолькъ, герцогъ, т. III, 851.

Нѣтшечичъ, Юліанъ-Урсонъ, адъютантъ Костюшки, т. III, 580, 593, 600, 602.

О.

Обертанъ, французскій писатель, т. II, 757—763, 775.

О-Бриены:

— **Вильямъ Смитъ**, ирландскій агитаторъ, т. I, 609—617.

— **Полковникъ Сѣверо-Американскихъ Соедин. Штатовъ**, т. I, 824.

Оселанъ, профессоръ высшей школы антропологии въ Парижѣ, т. III, 336, 337.

Оглоблинъ, Н. Н., членъ археологическаго института, т. II, 383; т. III, 871.

Оглобя, Игнатъ, запорожецъ, т. I, 9.

Огородниковъ, Андрей, симбирскій мѣшанинъ, породившій, т. III, 571—574.

Одобеску, румынскій писатель - новелистъ, т. I, 658.

Одоевскіе, князья:

— **Владим. Ѳеодор.**, сенаторъ и литераторъ. Литературно-биографическій очеркъ о немъ, т. I, 505—532, 681—712. Упомян. т. III, 719, 734, 735.

— **Ольга Степан.**, т. I, 707.

— **Петръ Ив.**, т. I, 527.

Одынецъ, А. Ѳ., поэтъ, т. I, 713, т. II, 34—37, 39, 40, 42, 43, 45.

Ожаровскій, графъ, генералъ-адъютантъ, т. I, 176.

Ознобищинъ, Тамбовскій губернский предводитель дворянства, т. III, 139.

О'Коннелъ:

— **Даніель**, ирландскій патріотъ, т. I, 594—618.

— **Джонъ**, ирландск. агитаторъ, т. I, 602.

О'Конноръ, Фергусъ, чартистъ, т. I, 401—403, 407, 409, 410.

Олеарій, Адамъ, писатель XVII вѣка, т. I, 68—70.

Оленины:

— **Алексѣй Никол.**, директоръ публичной библіотеки и президентъ академіи художествъ, т. II, 669, 675, 676, 799.

— **Елизавет. Марк.**, рожденная Полторацкая, т. II, 675.

Олешневичъ, Іосифъ, живописецъ, т. II, 38—40, 44.

Ольдекопъ, чиновникъ шефа жандармовъ, т. III, 684, 685.

Ольди, Фанни (де-Брианъ), пѣвица, т. I, 859, 860.

Опенушинъ, А. М., скульпторъ, т. II, 395.

Опочининъ, полковникъ, т. I, 265.

Оппенъ-Риттеръ, камердинеръ гр. Н. И. Панина, т. I, 875.

Оре, Анна, шведка, кухарка императрицы Елизаветы Петровны, т. I, 875.

Ореусъ, ротный командиръ Перваго Кадетскаго Корпуса, т. I, 116, 120.

Орлеанскій, герцогъ Людовикъ-Филиппъ-Іосифъ (citoyen Egalité), т. III, 365.

Орлова-Чесменская, гр. Анна Алексѣевна. Замѣтка объ отношеніяхъ ея къ Фотію, т. I, 877—879. Упом. т. II, 397.

Орловскій, Александръ Осип., живописецъ, т. II, 40, 41.

Орловы:

— **А. А.**, членъ археологическаго института, т. III, 871.

— **Кн. Алексѣй Ѳеодор.**, дипломатъ, т. I, 142, 143.

— **В.**, студентъ Казанской духовной академіи, т. III, 792.

— **Гр. Владиміръ**, т. III, 348.

— **Гр. Григ. Григ.**, генералъ-фельдцейгмейстеръ, т. III, 348.

— **М. Ф.**, генералъ, т. II, 442.

Оскаръ, шведскій король, т. II, 339.

Оссонинъ, Гавр. Ив., т. I, 649—651.

Остерманъ, гр. Андрей Ив., вице-канцлеръ, впоследствии дѣйств. тайн. сов. и кабинетъ-министръ, т. III, 309.

Остерманъ-Толстые, графы:

— **Александръ Ив.**, генералъ. Воспоминаніе о немъ, т. II, 92—99.

— **Елизавет. Алексѣев.**, рожденная княжна Голицына, т. II, 93, 97, 98.

Островскіе:

— **А. Н.**, писатель, т. II, 570.

— **Подскій патріотъ**, т. III, 596.

Острогорскій, В., т. II, 779, 782, 783.

Отъе, французъ, т. I, 276.

Офросимовъ, Московскій военный генералъ-губернаторъ, т. I, 219.

II.

Павель, породившій, т. III, 568, 569, 570, 571.

Павель-Петровичъ, императоръ, т. I, 43, 62, 113, 347, 564, 565, 646, 647, т. III, 216, 311, 312, 516, 517, 723.

Павлицева, О. С., рожденная Пушкина, т. II, 787.

Павловъ, М. Г., профессоръ, т. I, 509.

Паганини, Николо, скрипачъ, т. III, 330—382.

Павсій, Александрійскій патріархъ, т. I, 6, 22.

Палачіосъ, полковникъ, тюремный смотритель въ Мексикѣ, т. I, 841—844.

фонъ-деръ-Паленъ, гр. Петръ Алексѣев., т. I, 57, 59, 253, 254.

Палеологи, греческая династія, т. II, 6, 8.

Палицынъ, Тамбовскій губернаторъ, т. I, 446, 447.

- Пальмерстонъ**, лордъ, т. II, 387.
- Панаевъ**, Владим. Ив., писатель, т. I, 649, 650.
- Панама**, Полина, фаворитка герцога Эреста III, т. I, 623—625.
- Панингъ**, гр. Никита Ивановичъ, т. I, 874, 875.
- Пановъ**, А. Г., Тамбовскій губернский предводитель дворянства, т. III, 141.
- Паренний**, архимандритъ, настоятель Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, т. I, 763, 765, 767, 768, 770, 772, 773, 775.
- Пасковъ**, Петербургскій гражд. губернаторъ, т. I, 280.
- Паскевичи**:
— Ив. Ѳеодоръ, свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій, генераль-фельд-маршалъ, т. I, 533, 535, 536, 542—545; т. III, 100, 101, 699.
— С. Ф., Тамбов. губернаторъ, т. III, 125.
- Патановъ**, К. П., профессоръ С.-Петербургскаго университета, т. III, 206—208.
- Паткуль**, Иоганъ-Рейнгольдъ, т. II, 414, 416, 417.
- Паули**, нѣмецкій профессоръ, т. III, 606, 848.
- Паулуччи**, маркизъ, начальникъ западнаго края, т. III, 247.
- Паутовъ**, бухгалтеръ перваго кадетскаго корпуса, т. I, 130.
- Пацъ**, польскій графъ, т. III, 593, 594.
- Пашенно**, секретарь Новгородъ-Сѣверскаго губернатора, т. I, 32.
- Пелехъ**, запорожецъ, т. I, 5.
- Пельгровъ**, историкъ, т. III, 606.
- Пермяковъ**, Шацкій расправный судья, т. II, 201.
- Персий**, Мих. Степ., директоръ перваго кадетскаго корпуса, т. I, 114—123, 133.
- Пестель**, П. И., декабристъ, т. III, 585.
- Петрашевскіе**:
— Мелкопомѣстный шляхтичъ изъ Литвы, т. III, 633—637.
— Ученый, т. I, 721,
- Петровы**:
— Андрей, юродивый, же-Христось, т. III, 567.
— Михаилъ, приказчикъ кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 459.
— Н. И., профессоръ Кіевской духовной академіи. Ст. его: Очерки изъ украинской литературы, т. II, 577—614; т. III, 25—57.
— Терентій, пономарь Тамбовской епархіи, т. III, 121.
- Петръ**:
— I (Великій), императоръ. Россія и Европа въ его время. т. II, 409—434. Упомян. т. I, 216, 453, 547, 548, 555, 567; т. II, 20, 100—102, 713, 717, 796, 797; т. III, 89, 146, 147, 151—153, 155—157, 213, 308, 631,
— П. императоръ, т. I, 464.
— (Шныпанковъ), саровскій монахъ, т. III, 123.
- Пещуровъ**, предводитель дворянства Опочецкаго уѣзда, т. III, 247.
- Пименовъ**, Н. С., профессоръ скульптуры, т. II, 394, 395.
- Пироговъ**, Н. И., хирургъ. Статья о немъ, т. III, 58—69. Упомян. т. I, 686.
- Писемскій**, А. Ѳ., романистъ, т. II, 569.
- Платень**, графъ, т. II, 333.
- Платонъ**, Костромской архіепископъ, т. III, 627.
- Плещеевы**:
— А. Н., поэтъ, т. II, 572.
— Леонтій Степ., судья земскаго приказа, т. I, 70—72.
- Побѣдоносцевъ**, К. П., членъ государственнаго совѣта, т. I, 696.
- Погодинъ**, Мих. Петр., профессоръ, т. I, 215, 243, 508, 696, 712; т. II, 397; т. III, 400, 687, 702.
- Погожевъ**, Е. А., т. II, 574.
- Покоевъ**, Аеоносіе Петр., секретарь Петербургскаго военнаго губернатора, т. I, 56, 59, 60, 255, 256.
- Покорскіе-Жоравини**:
— Ив. Ив., подполковникъ, т. I, 54—57, 475.
— Ѳеодоръ Ив., маіоръ, т. I, 54.
- Покровский**, Н. В., профессоръ, т. II, 213.
- Полевые**:
— Никол. Алексѣевъ, публицистъ, т. I, 523; т. II, 701.
— П. Н., писатель, т. III, 400—403, 702.
- Полежаевъ**, П., писатель, т. I, 642—644.
- Поликарповъ**, сенаторъ, т. I, 45.
- Полинтеану**, румынскій писатель, т. I, 658.
- Полиньякъ**, графиня, т. III, 362.
- Политковскій**, директоръ министерства полиціи, т. I, 497.
- Полонскій**, Я. П., поэтъ, т. II, 567, 574.
- Полтева**, Ирина, старица, т. III, 537.
- Полуботокъ**, Павелъ Леонтьевъ, наказной гетманъ, т. II, 547, 712, 714, 722.
- Полунчукъ**, грекъ, т. I, 492.
- Поль**, польскій поэтъ, т. III, 226.
- Поляковъ**, путешественникъ, т. III, 85.
- Помпадуръ**, Жанна-Антуанета, фаворитка Людовика XV, т. I, 160, 161, 163—169; т. II, 544.
- Пonomаревы**:
— П. А. Сообщ. замѣтку: С.-Петербургское вольное общество любителей прогулки и общество друзей признательности, т. I, 649—652.

— С. И., т. II, 790—792.
Помятовскій, кн. Досифъ-Антоній, польскій генералъ, т. I, 349.
Поповы:
 — Андрей, ученый, т. III, 859—861.
 — Архитекторъ, т. III, 640.
 — Дѣйств. тайн. совѣтн., членъ госуд. сов. и комитета министровъ, т. I, 480.
 — Н. Л., пермскій купецъ, т. III, 637, 638.
Порошинъ, воспитатель цесаревича Павла Петровича, т. III, 139.
Потаповичъ, тамбовскій чиновникъ, т. III, 329.
Потемкинъ-Таврическій, кн. Григорій Александровичъ. Писма къ нему гр. Сегюра, т. III, 193—198.
Потюринскій, М. А., священникъ, преподаватель Кіевской духовной семинаріи, т. I, 640—642.
Потоцкіе, графы:
 — Станиславъ, т. III, 590, 591.
 — Юма, т. III, 108.
Потуловъ, липецкій дворянскій застѣдатель, т. III, 139.
Потѣхинъ, А. А., писатель, т. II, 572.
Прентисъ, генералъ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 811.
Преображенскіе:
 — В. В., алатырскій докторъ, т. III, 570.
 — Владимірскій частный приставъ, т. I, 766.
 — С. Е., т. II, 779, 780.
Премевальскій, Н. М., ученый путешественникъ, т. II, 215, 402; т. III, 79, 80, 638—640.
Придансъ, Уильямъ, англійскій посланникъ въ Москвѣ, т. III, 440.
Прованскій, графъ, т. III, 370.
Прозоровскій, князь Петръ Семенов., стольникъ. Посольство его въ Англію въ 1662 г., т. III, 433—453.
Прокоповичи:
 — А. А., директоръ Московскаго университетскаго пансіона, т. I, 508.
 — Теофанъ. См. это слово.
Прончицевъ, путешественникъ, т. II, 270.
Прохоровъ, В. А., археологъ, т. II, 382.
Процикъ Золотаръ, запорожецъ, т. I, 17.
Пршецлавскій, Осниъ Антон., дѣйств. ст. сов., т. I, 248.
Прядильщиковъ, О. А., т. III, 637.
Пугачевъ, Емельянъ, (лже-Петръ III). Народныя преданія о немъ, т. III, 23—81.
де-Пуле, М. Ф., т. III, 26, 33.
Пульскій, венгерскій писатель, т. I, 588.
Путвинскій, слѣдственный приставъ, т. I, 763, 766.

Путятинъ, кн. П. А., т. II, 214.
Пуццилло, секретарь коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, 661.
Пушкины:
 — Александръ Александр., т. II, 563.
 — Александръ Серг., поэтъ. Біографія его, т. II, 217—254, 435—453, 615—666; т. III, 245—281, 679—748. Письмо его къ Снегиреву, т. II, 205. Отношенія его къ Скобелевцу, т. II, 390, 391. Письмо его къ Скобелевцу, т. II, 391. Письмо его къ Гнѣдичу, с. II, 392, 393. Памятникъ ему въ Москвѣ, т. II, 394—396, 560—576. Памятникъ въ Одессѣ, т. III, 426, 427. Юбилейная литература, т. II, 779—790. Последнее слово о мѣсторожденіи, т. III, 424—426. Выставка въ Петербургѣ, т. III, 869, 870. Упомян. т. I, 219; т. II, 27—32, 709; т. III, 188, 189, 198, 199, 619.
 — Вас. Льв., дядя поэта, т. II, 222, 246; т. III, 280.
 — Григорій Александр., т. II, 563.
 — Левъ Сергѣев., братъ поэта, т. III, 728.
 — Наталья Никол., рожденная Гончарова, супруга поэта, т. III, 707, 708, 720, 737, 743, 745.
 — Серг. Львов., отецъ поэта, т. II, 222, 246; т. III, 247—249, 685, 728.
Пфейферъ, актриса, т. III, 376.
Пчелна, Василій, поволжскій родивый, т. III, 567.
Пшеничный, директоръ министерства полиціи, т. I, 497.
Пэнъ, убійца американскаго министра Сьюарда, т. I, 821.
Писецкіе:
 — П. Я., путешественникъ, т. III, 176, 177, 200—203.
 — Юристъ, т. I, 722.
Пятковскій, Ал. Петр. Статья его: Князь В. Ф. Одоевскій, т. I, 505—532, 681—712. Библиографическая замѣтка, т. II, 374—377.

Р.

Рагозинъ, Викторъ, т. III, 624, 625.
Радзивиллъ, князь, польскій генералъ, т. III, 593, 602.
Радомежскій, А. Замѣтка о его книгѣ для чтенія, т. II, 549—551.
Раевскіе:
 — Александръ Никол., декабристъ, т. II, 617, 658.
 — В. Ф., майоръ, т. II, 625, 626.

— М. О., православный священник въ Вѣнѣ, т. II, 398, 399.

— Никол. Ник., генералъ, т. II, 616, 617.

Разинъ, Стенька, самозванецъ. Народныя преданія о немъ, т. III, 17, 18. Упомян. т. I, 6, 14, 22.

Разумовскій, кн. Андр. Кирил., т. I, 50, 51; т. III, 516.

Рачиъ, Сем. Егор., т. I, 523.

Раночи, Евген., венгерскій писатель и директоръ народнаго театра, т. I, 891.

Рамизъ-Паша, турецкій адмиралъ, т. III, 549, 550.

Ранне, Леоп. Ф., нѣмецкій историографъ, т. I, 75; т. III, 848, 850.

Рассадинъ, Ив., т. II, 779, 780.

Раупахъ, Эрнстъ, драматургъ, т. III, 376—378.

Раухъ:

— Генералъ, прусскій военный агентъ въ Россіи, т. I, 188.

— Скульпторъ, т. III, 382.

Рахманиновъ, И. Г., Козловскій помѣщикъ, переводчикъ сочиненій Вольтера, т. III, 133.

Рачин, Францъ, докторъ, президентъ юго-славянской академіи, т. II, 403.

Рашель, актриса, т. I, 858, 859.

Редернъ графъ, директоръ берлинскаго театра, т. III, 377.

Ремень, Ант., докторъ, т. II, 405.

Рельштабъ, Людвигъ, музыкальный и театральнй рецензентъ, т. III, 374, 387.

Рено-де-ля-Мануэль, Пьеръ, французскій священникъ, т. III, 167—170.

фонъ-Ремъ, генералъ, т. II, 716, 717.

Реутскій, секретарь Погарскаго земскаго суда, т. I, 50, 51.

Рецъ, французскій кардиналъ, т. III, 158—160.

Риевусіе:

— Вацлавъ, т. III, 549.

— Гр. Вацлавъ-Северинъ (эмвиръ Тадз-Уль-Фехръ Абдъ-Эль-Нисанъ). Біографія, т. III, 547—565.

— Констанція, рожден. княгиня Любомирская, т. III, 549.

— Михаилъ-Флоріанъ, коронный подскарбій, т. III, 549.

— Польскій дворянскій домъ, т. III, 549.

— Розалія, рожденная княгиня Любомирская, т. III, 560.

— Розалія, рожденная Ходкевичъ, т. III, 560.

Станиславъ-Матвѣй, гетманъ, т. III, 549.

Рива, кавалеръ, итальянскій посолъ въ Требизондѣ, т. II, 48, 49.

Римскій-Морсановъ, Ив. Никол., генералъ-майоръ, т. I, 44, 45.

Риттеръ, ученый, т. I, 86.

Риттихъ, географъ, т. III, 91, 92.

Рихтеръ, Александръ Борисов., дѣйств. ст. сов., т. I, 248, 249.

Ришелье, Жерменъ Эммануэль, герцогъ, французскій эмигрантъ, одесскій генералъ-губернаторъ, т. III, 370.

Робертсонъ, англійскій историкъ, т. I, 161.

Робеспьеръ, Максимилианъ - Франсуа - Исидоръ, французскій революціонеръ, т. III, 820, 836.

Ровандъ (Ривантъ), Яковъ Яковл., англійскій купецъ въ Москвѣ, т. III, 425, 426.

Родионовъ, Мартынъ, скопецъ, т. I, 759, 760.

Романскій, Борисоглѣбскій городничій, т. III, 325.

Розень, баронъ, Готенбургскій губернаторъ, т. II, 333.

Розетти, румынскій писатель, т. I, 658.

Розлачь, Ив. Степ., секретарь Петербургскаго военнаго губернатора, т. I, 57—60.

Ронзъ, Феликсъ. Ст. его: Характеристика Наполеона I, т. II, 350—373. Упомян. т. II, 522—528, 530, 537, 542—544, 755—771, 775.

Роланъ:

— Марія Жанна, рожденная Филиппъ. Біографія, т. III, 803—843.

— Платьеръ, французскій министръ, т. III, 814—818, 820, 822, 823, 826, 828—833, 836.

Романовъ, Иванъ, толмачъ аптекарскаго приказа, т. III, 442.

Ромодановскій, кн. Феоdorf Юрьев., князь-кесарь, т. I, 16, 17, 20, 445, 446.

Россель, Джонъ, лордъ, т. I, 399.

Росси, графы:

— Генриетта, рожденная Зонтагъ, т. I, 850; т. III, 378, 379, 385—390.

— Сардинскій посланникъ въ Парижѣ, а потомъ въ Петербургѣ, т. III, 389, 390.

Ростовцевъ, Ив. Ив., дѣйств. ст. сов., директоръ училищъ, т. I, 290.

Ростопчинъ, гр. Феоdorf Васил., Московскій генералъ-губернаторъ, т. II, 35.

Рубинштейнъ, Никол. Григор., т. II, 566 567.

Руварачъ, Иларіонъ, архивариусъ сербскаго патриархата въ Карловицѣ, т. II, 404.

Рудановъ, т. III, 431.

Рудзини, венеціанскій посланникъ, т. II, 411.

Рудниковъ, Борисоглѣбскій городничій, т. I, 218.

Рудольфовъ, Як. Вас., экономъ и профессоръ Казанской духовной академіи, т. III, 794.

Румянцовы:

— В. Е., секретарь археологическаго общества, т. III, 640.

— Гр. Никол. Петр., русский дипломатъ, т. I, 390.

— Петръ, гвардія поруч., т. I, 458, 459.
Румицовъ-Задунайскій, гр. Петръ Александровичъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, т. I, 35; т. III, 370.

Русановъ, Ив. Ив., генералъ-маіоръ, т. I, 481, 482.

Руссо, Жанъ-Жакъ, энциклопедистъ, т. III, 357, 358, 813.

Рыбниковъ, Павелъ Никол., Калишскій вице-губернаторъ, этнографъ, т. III, 752.

Рыдзевскій, генералъ, т. II, 53.

Рыжовъ, Александръ Аван., солигалнчскій квартальный надзиратель, т. II, 384.

Рылѣевъ, декабристъ, т. I, 127, 132; т. III, 255.

Рѣдъкинъ, приказчикъ, истребитель разбойниковъ, т. II, 557—559.

Рѣпинъ, кн. Н. Г., т. III, 741.

Рѣпинъ-Волконскій, кн. Николай Григ., правитель Саксоніи и малороссійскій генералъ-губерн., т. I, 879.

Рюминъ, откупщикъ, т. I, 482.

С.

Савастьяновъ, стряпцій, т. I, 14, 18.

Савельевъ, А. И. Библиографическая записка о его историческомъ очеркѣ инженернаго управленія въ Россіи, т. I, 867—869.

Савновъ, усманскій дворянскій засѣдатель, т. III, 138.

Савринскій, священникъ г. Бурнака, Борисоглѣбскаго уѣзда, т. III, 124, 125.

Салаевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 138.

Салтыковы:

— Марья Петр., рожденная Шафирова, т. I, 462, 463, 465, 466.

— Михаилъ Мих., т. I, 462, 463, 467.

— С. А., т. I, 471.

Салымирскій, практикантъ горнаго корпуса, т. III, 430.

Сальтъ-Сальтъ:

— Принцесса. Записки ея; т. I, 805—848.

— Феликсъ, принцъ, т. I, 807, 808, 813, 822, 827—829, 837, 839, 847.

Самаринъ, Юрій Ѳед., т. II, 551, 552, 806—808; т. III, 404.

Самбурскіе:

— Андрей Аван., священникъ, т. III, 515, 519, 520, 522, 523.

— Ив. Ѳом., директоръ канцеляріи главнокомандующаго войсками въ Ц. П., т. I, 533—546.

Самойловичъ, гетманъ Запорожской Сѣчи, т. I, 6, 7, 17, 23.

Сампалаевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Самойловъ, Александръ (Гриммъ), графъ-самозванецъ, т. III, 384, 385.

Самсоновъ, А. Н., актеръ т. I, 637—640.

Сандельсъ, графъ, норвежскій вице-король, т. II, 334.

Санинъ, Іосифъ, т. I, 304.

Салта, литовскій гетманъ, т. II, 411.

Сарій, Флоріанъ, (Sagunz Florian), родоначальникъ фамиліи гр. Замойскихъ, т. III, 97.

Саріотти, М. И., т. I, 694.

Сафиръ, юмористъ, т. III, 378, 387.

Свербеевъ, Дмитр. Никол., надворный советникъ, т. I, 287.

Свищовъ, тамбовскій помѣщикъ, т. III, 324.

Свѣчинъ, Никол. Серг., генералъ отъ инфантеріи, т. I, 59.

Сегюръ-д'Агессо, гр. Луи Филиппъ, французскій посланникъ въ Петербургъ. Письма его къ Потемкину-Таврическому, т. III, 193—198.

Сеймуръ, лордъ, генералъ-адмиралъ, т. III, 845.

Селъзановъ, Кондратій, скопцескій ересиархъ. Ссылка его въ Спасо-Евѣмкіевъ монастырь, т. I, 755—778. Упом. т. II, 198; т. III, 567.

Селимъ II, турецкій султанъ, т. II, 18, 19.

Семевскіе:

— В. И., т. III, 798.

— М. И., редакторъ-издатель „Русской Старины“, т. II, 387.

Семеновы:

— Вице-предсѣдатель географическаго общества, т. III, 87.

— Ек. Семен., актриса, т. II, 672, 680, 681; т. III, 184.

Сементовскій, генералъ, т. III, 591.

Семигорская, Любовь Григорьев., рожд. Шалонская, т. I, 872, 873.

Семинскій, Луціанъ, польскій поэтъ, т. III, 547, 564.

Сениковскій, Осипъ Иванов., писатель. Знакомство съ нимъ А. П. Милюкова, т. I, 150—158. Упомянутъ т. III, 734.

Сенъ-Шермень, графъ, французскій военный министръ, т. III, 363.

Сенъ-Жозефъ, (Антуанъ), баронъ, т. III, 195.

де-Сенъ-Крузъ, графъ, т. III, 195.

Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, т. I, 773.

Сербанеску, румынскій писатель, т. I, 658.

Сербиновичъ, К. С., т. I, 248.

Сервант, французскій военный министр, т. III, 821—825.

Сергій, архимандритъ, ректоръ Подольской семинаріи, т. III, 123.

Серебряновъ, Дмит. Сем., стат. сов., т. I, 290, 484.

Сигизмундъ II Августъ, король польскій, т. II, 409, 417.

Сидоровъ, изслѣдователь Печорскаго края, т. III, 76, 77.

Сидонгъ, Уильямъ, градоначальникъ Мадраса (town major), т. III, 517.

Сильвестръ, священникъ, наставникъ царя Ивана Грознаго, т. I, 309, 310.

Симеонъ, жез-царевичъ, т. I, 1—25.

Семёнъ Алексѣевичъ, царевичъ, т. I, 6, 22.

Симонъ, архіепископъ Рязанскій, т. I, 646, 647.

Симонниковъ, председатель Тамбовскаго губернскаго магистрата, т. II, 201.

Синицкій, Климъ, чиновникъ погарскаго уѣзднаго суда, т. I, 30.

Ситовскій, повитчикъ козловскаго духовнаго правленія, т. III, 125.

Славронская, гр. Екатерина Вас., рожденная Энгельгардтъ, т. III, 194.

Скворцовъ, Ив. Вас., титулярн. совѣтн., т. III, 424—426.

Скобелевъ, И. Н. генералъ-маіоръ, военный генералъ-полиціймейстеръ I арміи, т. II, 663—665.

Скобелъцинь, Фёдоръ Аванас., тамбовскій помѣщикъ. Знакомство его съ Пушкинымъ и письма его къ Пушкину и Вяземскому, т. II, 390, 391.

Скоропадскіе:

— Вас. Ильичъ, т. II, 710, 719, 723, 726.

— Ив. Ильичъ, гетманъ малороссійскій, т. II, 710—730.

— Ив. Мих., т. II, 726.

— Илья Федор., украинскій генеральный референдарій, т. II, 710—730.

— Константинъ Тимоф., т. II, 730.

— Марфа Степан., рожденная Ширай, т. II, 725.

— Мих. Вас., т. II, 719, 722—726.

— Настасья Марков., рожденная Голубъ, т. II, 711, 713, 717—719.

— Пав. Ильичъ, т. II, 710, 726, 727, 730.

— Пелагея Никифор., рожденная Колениковичъ, т. II, 710.

— Петръ Мих., т. II, 726.

— Прасковья Данил., рожденная Апостоль, т. II, 722.

— Тимоф. Павл., т. II, 730.

— Ульяна Юрьевна, рожденная Четвертиская, т. II, 719, 722.

— Фёдоръ, казакъ, т. II, 710.

— Яковъ Мих., т. II, 726.

Сирипицынь, Валерій Валеріев., тайн. совѣтн., т. I, 248.

Скударный. См. Слѣпушкинъ.

Славейновъ, болгарскій писатель, т. III, 205.

Славіу, Иванъ, румынскій писатель-новелистъ, т. I, 658.

Словацкій, Юлій, польскій поэтъ, т. III, 565.

Словскій, Н. Г. Сообщ. письма: игуменъ Максимиланъ Шишкиной къ гр. Аракчееву, т. I, 647, 648; архимандрита Фотія къ гр. Аракчееву, т. II, 204, 205.

Слѣпушкинъ (Скударный), Фёдоръ Никиф., поэтъ-самоучка, т. III, 624.

Смагинъ, Спасскій дворянинъ, т. III, 141.

Смирдинъ, книгопродавецъ и издатель, т. III, 733, 734.

Смирновъ, Яковъ Ив., священникъ при посольствѣ въ Лондонѣ, т. III, 522, 524.

Смитъ, Георгъ, т. II, 801—804.

Снегиревъ, И. М. Письмо къ нему Н. Д. Сушкова, т. III, 867, 868. Упомян. т. II, 205.

Снорбенъ, гр. Фридрихъ, главный директоръ юстиціи въ Ц. П., т. III, 106, 107.

Снядецкіе:

— Андрей, профессоръ, т. I, 718, 722.

— Иванъ, профессоръ, т. I, 718, 722.

Соболевскіе:

— Польскій графъ, т. III, 592.

— С. А., т. I, 707; т. III, 683.

Соболевъ, надворн. совѣтн., т. I, 255, 256, 257.

Сомоловскій, членъ управы благочинія, т. I, 261.

Соловьевъ:

— Иванъ, т. II, 186—192.

— Коллеж. совѣт., т. I, 487.

— Смоленскій епископъ. См. Іоаннъ.

Соллогубъ, графъ, т. I, 701; т. III, 742.

Соловьевы:

— М. М., профессоръ Владимірской семинаріи, т. III, 208.

— Подполковникъ, военный надзиратель, т. I, 562.

— Сергій Мих., историкъ. Статья о немъ В. И. Герье, т. I, 74—111. Упом. т. I, 237, 455, 644, 645, 670, 671; т. II, 805; т. III, 211, 306, 307, 310, 399, 400, 871, 872.

Солтынь, польскій графъ, т. III, 601, 602.

Соронинъ, Н. В. Статья его: Въ пескахъ Кара-Кумъ, т. II, 454—471.

Сосновскій, полковникъ, путешественникъ, т. III, 80, 81.

Софія Алексѣевна, царевна, т. II, 413.

Сперанскій, гр. Мих. Мих., пребываніе его въ Перми, т. III, 637, 638. Упомян. т. III, 317.

Срезневскій, Изм. Ив., профессоръ.

Некрологъ, т. I, 659—661. Биографическая замѣтка, т. I, 892—896. Упомянут. т. I, 455.

Станицинскій, Спасскій городничій, т. III, 330.

Стантонъ, военный министръ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 811.

Стасовъ, В. В., т. II, 383.

Стебсъ, англійскій историкъ, т. III, 606, 609.

Стемполь, Эсенръ, графиня, т. III, 556—562.

Стенька Разинъ. См. Разинъ.

Степановъ, Пав. Вас., дворянскій засѣдатель, т. III, 320.

Стерлиговъ, лейтенантъ, т. II, 270.

Стефанъ (Семенъ Яворскій), митрополитъ, т. II, 551, 552, 807; т. III, 156, 157.

Стеций, Т., т. I, 664.

Стогъ, директоръ министерства полиціи, т. I, 498.

Столыпинъ, двоюродный братъ поэта Лермонтова, т. I, 879—882.

Стороженко, Н. А., профессоръ, т. II, 564.

Стоюнинъ, В. Я. Биографія А. С. Пушкина, т. II, 217—254, 435—453, 615—666; т. III, 245—281, 679—748. Упомянут. т. III, 187, 188.

Страффордъ, англійскій дипломатъ, т. II, 422.

Страховъ, подполковникъ, Борисоглебскій городничій, т. II, 200.

Строгановъ, гр. Григор. Александр., т. III, 747.

Струве, журналистъ и ученый, т. I, 809.

Стройсъ, голландецъ, т. II, 547.

Стунсбергъ, путешественникъ, т. II, 276, 283.

Субботинъ. Замѣтка о книгѣ его: Городъ Владиміръ въ 1877 году, т. I, 451—453.

Суворовы-Рыминскіе:

— Гр. Александр. Вас., князь Италійскій, генералиссимусъ, т. I, 262, 263, 346—350, 438—441.

— Гр. Аркад. Александр., генералъ-лейтенантъ. Статья о немъ, т. I, 346—357.

— Гр. Елена Александр., рожденная Нарышкина, т. I, 355.

— Гр. Варвара Ив., рожденная княгиня Прозоровская, т. I, 355, 356.

Сулима. Смотри Дмитрій.

Султановъ, преподаватель строительнаго училища въ Петербургѣ, т. III, 640.

Суриновъ, поэтъ, т. III, 624.

Сусловъ, Ив. Тимоѣ., еретикъ, т. I, 757, 758.

Сухомлиновъ, М. И., статья его: Изъ литературы пятидесятихъ годовъ, т. I, 233—252. Замѣтка его: Высочайшія по-

велѣнія о буквѣ „ѣ“, т. I, 447—450. Упомянут. т. I, 454; т. II, 567.

Сушиновъ, Н. Д. Письмо его къ И. М. Снегиреву, т. III, 867, 868.

Сьюардъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Сѣверо-Американ. Штатовъ, т. I, 821.

Сѣверцевъ, путешественникъ, т. III, 87.

Стрно, Иванъ, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи, т. I, 2—7, 10—18, 20, 22, 23.

Стровский, польскій генералъ, т. III, 596.

Т.

Тадъ-Уль - Фехръ - Абдъ - Эль - Нишанъ, эмиръ. См. Ржевускій Вацлавъ-Северинъ.

Талейранъ, т. I, 577, 578, 582.

Танскіе:

— Антонъ, полковникъ, т. II, 717.

— Василій, полковникъ, т. II, 717.

Тарасевичъ, Осипъ, вѣжинскій есаулъ, т. II, 716, 717.

Тархановъ, князь, подполковникъ, т. II, 52—54, 61.

Татищевъ, посланникъ въ Вѣнѣ, т. II, 99.

Тепферъ, берлинскій актеръ, т. III, 378.

Тиммъ, тайный совѣтникъ, т. III, 392.

Титовы:

— А. А., председатель Ростовской земской управы, т. II, 216, 388.

— Секретарь Тамбовской казенной палаты, т. II, 201.

Тихонравовы:

— Н. С., профессоръ, т. II, 548, 549, 561, 563, 567.

— К. Н., т. II, 553; т. III, 354.

Тиша-Тишинскій, т. II, 214, 215.

Товій, сахарнянскій игуменъ, т. III, 865.

Товьянскій, (Towiański), Андрей, мистикъ, т. III, 236, 237.

Тонимановъ, бібліотекаръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, т. I, 228.

Толди, Степ., венгерскій писатель, т. I, 891.

Толстые:

— Анясья, дворцовая боярышня, т. I, 547.

— Графъ, А. И. корпусный командиръ всей гвардіи, т. I, 481.

— Гр. А. П., оберъ-прокуроръ свят. синода, т. II, 398; т. III, 790, 791.

— Гр. Д. А., оберъ-прокуроръ свят. синода и быв. министръ народнаго просвѣщенія, т. II, 398.

— Ив. Матв., т. II, 96.

— Гр. Петръ Александр., т. I, 266—270, 273, 274, 276, 278—296.

— Гр. Фед. Петр., скульпторъ, т. II, 474.

Томка, В., профессоръ, т. II, 405.

Томъ, англійскій революціонеръ, т. I, 394.

Топинаръ, профессоръ высшей школы антропологии въ Парижѣ, т. III, 336, 337, 339, 340.

Торговановъ, мѣщанинъ - инженеръ, т. I, 284.

Тордасіу, Михалу, сѣмьградскій епископъ, т. I, 656.

Тормасовъ, гр. Александр. Петровичъ, главнокомандующій въ Москвѣ, т. I, 275.

Тоть, Эдуардъ, венгерскій писатель, т. I, 891.

Траскинъ, полковникъ, флигель-адъютантъ, т. I, 881, 882.

Траутфетеръ, подполковникъ, т. I, 549.

Траханіотовъ, Петръ Тихонов., начальникъ артиллеріи въ Москвѣ, т. I, 70—72.

Трейчке (Treitschke), нѣмецкій исторіографъ, т. I, 567—593.

Трембицкій, польскій генералъ, т. III, 591.

Трефоловъ, Л. Н. Сообщ. анекдотъ: Прогулка маленькаго нѣмца по Невскому проспекту, т. I, 221, 222.

Троицкій, тамбов. иподіаконъ, т. III, 126.

Трофимовъ, Иванъ, священникъ с. Терноваго, Козловскаго у., т. III, 121, 122.

Троцій, Трофимъ, запорожецъ, т. I, 17.

Троцкискій, Дмитр. Прокофьев., статсъ-секретарь, сенаторъ, т. II, 198; т. III, 50, 51, 313.

Тругартъ, Антонъ, писатель, т. I, 448.

Туганъ-Барановскій, т. II, 382.

Тургеновы:

— Алек. Ив., государственный чело-вѣкъ и писатель, т. II, 655, 787; т. III, 747.

— Ив. Серг., писатель, т. I, 708; т. II, 563, 566, 568, 569.

Турчаниновъ, заводчикъ, т. I, 48.

Туръ, Евгенія, писательница, т. I, 872, 873.

де-ла-Туръ, домашній учитель, т. II, 200.

Тымовскій, статсъ-секретарь Царства Польскаго, т. III, 106.

Тырковъ, А., Новгородскій уѣздный предводитель дворянства, т. III, 866, 867.

Тюменевы, Тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Тюргеймъ, гр. А., т. III, 353—357, 365.

У.

Уваровы:

— Гр. А. С., археологъ, т. II, 213.

— Гр. Серг. Семен., министръ народн. просвѣщенія, т. I, 149, 357; т. III, 738.

— Екат. Семен., рожденная Лунина, т. I, 139, 149.

Удомъ, генералъ-маіоръ, т. I, 351, 353.

Уйфальви, Карлъ, преподаватель па-рижской школы восточныхъ языковъ, т. I, 226—228.

Улановъ, подканцеляристъ, т. III, 121.

Уманоць, Ф. М. Замѣтка его: Погибаю-щая русская сила, т. III, 780—785.

Урехіа, румынскій историческій писа-тель, т. I, 658.

Усовъ, копистъ, т. I, 47, 48.

Утробинъ, Григорій, протоіерей Сара-пульскаго собора. Отрывки изъ его вос-поминаній. Т. I, 557—566.

Уцмѣвъ, князь, прапорщикъ, ханъ ка-рабахскій, т. II, 47.

Ушановы:

— Андрей Алексѣев., елатомскій помѣ-щикъ, т. III, 133, 134.

— Андрей Ив., начальникъ тайной кан-целяріи, т. I, 465, 548—556.

Ф.

Фабръ, французскій министръ, т. III, 828.

Фанъ-дербъ-Флаасъ, медикъ, т. I, 685.

Федерманъ, маіоръ, правитель Тамбов-скихъ и Козловскихъ ямовъ, т. III, 136.

Федоровичъ, Козловскій исправникъ, т. III, 326.

фонъ-Ферзенъ, Іоаннъ-Аксель, шведскій графъ, т. III, 159—167.

Филаретъ:

— (Дроздовъ), Московскій митрополитъ, т. II, 254—264, 399, 400; т. III, 693.

— Геромонахъ, экономъ Казанской ду-ховной академіи, т. III, 793, 794.

Филатовъ, тамбовскій помѣщикъ, т. III, 140.

Филипповичъ, Данила, еретикъ, т. I, 757, 758, 759.

Филипонъ, французскій граверъ, т. III, 804.

Филоновъ, А., т. II, 779, 780.

Фіалковскій, Варшавскій архіепископъ, т. III, 107.

Фюрелла, французскій генералъ, ко-мендантъ Туринской цитадели, т. I, 439.

Флери, кардиналъ, воспитатель Людо-вика XV, т. II, 525—527.

Флетчеръ, англійскій писатель, т. III, 801.

фонъ-Фонсъ, помощникъ шефа жандар-мовъ гр. Бенкендорфа, т. III, 693.

Фотій, архимандритъ. Отношенія его къ гр. А. А. Орловой-Чесменской, т. I, 877—879. Письмо его къ гр. Аракчееву, т. II, 204, 205, 397, 398, 439.

Францисц, Иванъ, словацкій патріотъ, т. III, 210, 211.

Францъ:

— I, австрійскій императоръ, т. I, 171, 172, 174, 175, 581, 582.

— II, австрійскій императоръ, т. I, 377, 385.

— II, германскій императоръ, т. I, 581, 582.

Фраудъ, англійскій историкъ XVI вѣка, т. III, 848, 850.

Фрейнъ, гофмейстеръ владѣтельнаго дома Эрбахъ-Эрбахъ, т. III, 357, 358.

Фридрихъ I (Вильгельмъ-Карлъ), король Вюртембергскій, т. I, 577, 578.

Фридрихъ-Вильгельмъ:

— I, германскій императоръ, т. I, 175, 587, 632, 848, 863; т. III, 378.

— I, прусскій король, т. II, 420, 423—426, 434.

— II, прусскій король, т. II, 161, 167; т. III, 358, 359.

— IV, прусскій король, т. I, 850, 856—858.

Фриманъ, англійскій историкъ, т. III, 606.

Фримонъ, генералъ Сѣверо-Американскихъ Соедин. Штатовъ, т. I, 810, 812.

Фростъ, чартистъ, т. I, 403, 404.

Фунсъ, К. Ѳ., казанскій профессоръ, т. I, 651.

Х.

Хайденъ, румынскій историческій писатель, т. I, 658.

Ханенко, Ив. Никол., подполковникъ, Погарскій уѣздн. предвод. дворян., т. I, 28.

Ханыковъ, Н. В., ученный, т. III, 338.

Хвоцкинский, Тамбовскій губернскій стрѣльчій, т. III, 326.

Хеймъ, Вилымъ, прапорщикъ, т. III, 442.

Хеладъ-Радулеску, румынскій писатель, т. I, 658.

Хиздео, чиновникъ, т. III, 330.

Хитрово, Серг. Петр., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, т. I, 259, 271.

Хитровъ, Павелъ, ученикъ Тамбовской семинаріи, т. III, 180.

Хлопцкій, генералъ польскихъ войскъ, т. III, 590, 593, 594, 596—602.

Хмыровъ, М. Д., писатель. Сообщ. Указы императрицы Елизаветы Петровны,

т. I, 217, 444, 454; т. II, 555, 556; т. III, 410, 411. Замѣтки: о шведской кухаркѣ императрицы Елизаветы Петровны, т. I, 874, 875. Тетеревиная чучела, т. II, 197, 198. Стихотворное прошеніе Екатерины I, т. III, 631, 632.

Хованскіе, князья:

— Васил. Петр., т. I, 462, 463.

— Екатер. Петр., рожденная Шафпрова, т. I, 462, 467.

Ходзьмо:

— Игнатій, польскій писатель. Очерки его: Домикъ моего дѣдушки, т. I, 191—209. Записки квестара, т. III, 119—149, 293—330.

— Іосифъ, т. I, 721.

Хомутковъ, крестьяннинъ с. Разсказова, Тамбовскаго уѣзда, пропагандистъ молотканской секты, т. III, 124.

Хоминковъ, Алексій Степан., писатель, т. I, 159, 237—239, 241, 248, 721.

Хотынецкій, Константиновъ, докторъ, т. III, 551.

Хотѣевъ, Андрей, сектантъ, т. III, 859.

Христиани, Рудольфъ, докторъ, т. II, 519, 521.

Христофоръ, Вологодскій архіерей, т. II, 397.

Хрущовъ, секретарь тайной канцеляріи, т. I, 555.

Хуаресъ, Бенито, президентъ Мексиканской Республики, т. I, 836, 838, 845—847.

Ц.

Цастровъ, прусскій генералъ, т. III, 375.

Цвѣднинъ-Зюденгорстъ, профессоръ, т. II, 408.

Цецещъ, Іоаннъ, византійскій монахъ XII вѣка, т. III, 344, 351.

Цзо Цзунъ-Танъ, генералъ-губернаторъ китайскій, т. III, 200—203.

Циллакусъ, майоръ, командиръ псковскаго гарнизоннаго баталіона, т. III, 418—420.

Цимбалистовъ, Герас. Алексѣевъ, генералъ-провіантмейстеръ, т. I, 272, 273.

Циціановъ, князь, т. I, 878, 879.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковл., т. I, 237.

Чадуевъ, Василій, стрѣлецкій сотникъ. посланецъ въ Малороссію по дѣлу лже-царевича Симеона, т. I, 6, 9—12, 15, 17, 20.

- Чаевъ, Н. А., т. II, 570.
 Чалышове, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.
 Чарторижскій, князь Адамъ, министр иностран. дѣлъ, т. III, 313 — 315, 588, 592, 593, 596, 597, 600—602.
 Чебловы:
 — Аграфена Федор., т. I, 475.
 — Емельянъ Андр., надв. совѣт., откупщикъ, т. I, 475, 476, 482, 483.
 — Надежда Емельян., т. I, 476.
 Чекановскій, путешественникъ, т. III, 85.
 Челосиниъ, лейтенантъ, т. II, 270.
 Черкасовы:
 — Ив. Ант., баронъ, кабинетъ-министръ, т. I, 874, 875.
 — Ротный командиръ перваго кадетскаго корпуса, т. I, 120.
 Черкасскій, кн. Владим. Александровичъ, т. I, 239, 241, 546; т. III, 191, 192, 618, 619.
 Чернышевъ, гр. Зах. Григ., т. III, 348.
 Чернышъ, полковникъ, т. II, 717.
 Чернявскій, профессоръ Виленскаго университета, т. I, 723.
 Черняченко, Алексѣй, генеральный подъесаулъ, т. I, 9, 14, 18.
 Чертовъ, Ив., дворовый челоуѣкъ кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 460.
 Честеръ, Ёома, герцогъ, т. III, 449.
 Четвертинскіе:
 — Гедеонъ-Святополкъ. См. это слово.
 — Юрій Гедеонов., т. II, 719, 720, 721, 722.
 — Янушъ Гедеонов., т. II, 719, 720, 721.
 Чечотъ, Иванъ, этнографъ, т. I, 722, 723.
 Чика, Григ., венгерскій писатель, т. I, 890.
 Чистовъ, Назаръ Ив., дьякъ, т. I, 70.
 Чубинскій, этнографъ, т. III, 94.
- ### III.
- Шайноха (Шхейнога), Карлъ, польскій историкъ. Біографія его, т. III, 217—244.
 Шалауровъ, путешественникъ, т. II, 280, 281.
 Шалонскіе:
 — Григорій, поручикъ, т. I, 872.
 — Любовь Григорьевна; см. Семигорская.
 — Семейство, т. I, 872, 873.
 Шантелозъ, Р., французскій историкъ, т. II, 158—160.
 Шантъръ, Эрнестъ, хранитель Лионскаго музея, т. I, 661, 662.
 Шараровъ, этнографъ, т. III, 755.
 Шарлотта, супруга царевича Алексѣя Петровича, т. III, 153—155.
 Шаригорскъ, путешественникъ, т. III, 84.
 Шафировы:
 — Исаія Петр., т. I, 462, 464, 465.
 — Петръ Пав., баронъ, дѣйств. тайн. сов., т. I, 469, 470, 472; т. II, 714.
 Шахеръ-Мазохъ, директоръ полиціи въ Галиціи, т. III, 223.
 Шаховскіе, князья:
 — Алексѣй Алексѣев., драматическій писатель, т. II, 670.
 — Яковъ Петровичъ, т. III, 310.
 — Петръ, управлявшій Псковскою губерніею, т. III, 417—420.
 Шашоль, запорожецъ, т. I, 9.
 Шварценбергъ, австрійскій фельдмаршалъ, т. I, 174; т. II, 97.
 Шевченко, Тарасъ Григорьев., поэтъ, т. III, 54, 55, 624.
 Шевыревъ, Стен. Петр., профессоръ, т. III, 687, 702.
 Шегаровъ, помѣщикъ, т. III, 136.
 Шембекъ, польскій генералъ, заговорщикъ, т. III, 598.
 Шемичъ, Василій, сѣверскій князь, т. I, 304.
 Шерудъ, архитекторъ историческаго музея въ Москвѣ, т. III, 211, 213.
 Шереметевы, графы:
 — Борисъ Петр., фельдмаршалъ, т. I, 436, 437.
 — Мх. Борис., т. II, 714, 715.
 — С. Д., т. I, 215.
 Шерюзель, француз. историкъ, т. II, 157.
 Шеферъ, бонскій профессоръ, т. II, 161.
 Шматовъ, Александръ Ив., еретикъ, т. I, 776.
 Шимановскія:
 — Елена, т. II, 35—38.
 — Піаниска, т. II, 35, 36, 42, 43.
 Шиттъ, докторъ, квартирмейстеръ Сѣверо-Американскихъ Соедин. Штатовъ, т. I, 809.
 Шинкина. См. Максимила.
 Шинковы:
 — Александръ Семен., президентъ российской академіи, т. I, 234, 249; т. II, 24, 37; т. III, 187, 188.
 — Тамбовскій помѣщикъ, т. III, 135.
 Шлегель, Августъ-Вильгельмъ, поэтъ, т. III, 375, 376.
 Шлиманнъ, ученый. Исслѣдованія его развалинъ Трои, т. I, 415, 419, 424, 426—428. Упомян. т. I, 888, 889.
 Шмидтъ:
 — Историкъ, т. II, 155.
 — Полковникъ, баталіонный командиръ перваго кадетскаго корпуса, т. I, 120.

— 2-й, ротный командиръ перваго кадетскаго корпуса, т. I, 120.

Шнейдеръ, Луи, (Леонтій Абрамовичъ), писатель. Записки его, т. I, 181—190, 849—866.

Шликуловъ, Борисоглѣбскій помѣщикъ, т. III, 134, 135.

Шпилевскій, С. М., археологъ, т. II, 381, 567.

Шредеръ:

— Вильгельмина, актриса, т. I, 630—632.

— Софія, актриса, т. I, 630.

Шречковичъ, профессоръ, т. II, 404.

Шри - Голокх - Натъ - Динъ, бенгалецъ, т. III, 518.

Шталины:

— Борисоглѣбскій расправный судья, т. II, 201.

— Тамбовскій помѣщикъ, т. III, 134.

Штарембергъ, австрійскій посланникъ въ Парижъ, т. II, 163, 164, 166.

Штокмаръ:

— Кобургская фамилія, т. I, 621, 622.

— Христіанъ, врачъ и довѣренный другъ герцога Леопольда Кобургскаго, т. I, 625; т. III, 393—397.

Штуръ, Людевигъ, словакъ, т. III, 633.

Шуазель-Амбоазъ, Огъень-Франсуа, французскій министръ, т. II, 160, 167—169, 172, 174—176; т. III, 360, 361.

Шубинъ, прапорщикъ, любимецъ Елизаветы Петровны, т. I, 548.

Шуваловы, графы:

— Андрей Петръ, дѣйств. тайн. сов., т. III, 348, 350.

— Генералъ-фельдцейхмейстеръ, т. I, 868.

— Мавра Егоровна, т. I, 874, 875.

— Петръ Иванъ, ген.-фельдм., т. II, 104; т. III, 309, 310.

Шугуровъ, М. Ѳ., т. III, 411, 617, 618.

Шульгинъ, Яковъ Степ., Архангельскій купецъ, т. I, 54—56, 276—278.

Шульманъ, генералъ-лейтенантъ, бывший интендантъ кавказской арміи 1876—1878 г., т. III, 619, 620.

Шульцъ, Степанъ, сенатскій курьеръ, т. I, 459, 460.

Шхейнога-Вглинскій, Вацлавъ, областной судья въ Галиціи, т. III, 219, 220.

Щ.

Щаповъ, А. Н., профессоръ Казанской духовной академіи, т. III, 791, 794.

Щеголевъ, Семенъ, подъячій, посланецъ въ Малоросію по дѣлу лже-царевича Симеона, т. I, 6, 9, 11, 17.

Щербанъ, Макс., запорожецъ, т. I, 7, 8.

Э.

д'Эгильонъ, герцогъ, т. II, 176.

Эзарну, Румынскій историческій писатель, т. I, 658.

Эллерманъ, ротный командиръ перваго кадетскаго корпуса, т. I, 120.

Эмлеръ, Иос., докторъ, т. II, 405.

Энгальчевъ, князь, тамбовскій помѣщикъ, т. III, 136.

Энгельгардтъ:

— Анна Андреев., т. I, 40, 67.

— Директоръ Александровскаго лицея, т. II, 240—243, 251, 252.

— Евфросинья Гаврил., надворн. совѣтница, рожд. Витковичъ, т. I, 39, 40, 43, 50—52, 60—67.

— Илья Андреев., т. I, 39, 45.

— Надежда Андреев., т. I, 39, 40, 43, 65, 67.

д'Эонъ, Карлъ-Женевьева-Люи-Огюст. Андре-Тимошеи (д'Эонъ де-Бомонъ), тайный дипломатическій агентъ, т. II, 174, 175.

Эрбахъ-Эрбахъ, принцъ, т. III, 357.

Эрнестъ:

— Джонъ, чартистъ, т. I, 402, 413.

— III-й, герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, т. I, 623—625.

Эртель, Ѳед. Ѳед., генералъ-маіоръ, т. I, 256, 257, 263, 264, 276, 285, 286, 478, 479.

Эснобедо, генералъ Мексиканской Республики, т. I, 835—837, 840, 844, 845, 847.

Эстергази, гр. Валентинъ-Владиславъ, т. III, 353, 359—371.

Эстеръ, актриса французскаго театра въ Петербургъ, т. I, 186, 187.

Ю.

Юзефовичъ, Алексій Астафьевъ, Волынскій гражд. губернаторъ, т. I, 34, 35.

Юрьевъ, С. А., т. II, 566, 567, 570.

Я.

Яблоновскій, Антонъ, польскій князь, заговорщикъ, т. III, 584—586.

Яворскій, Семенъ. См. Стефанъ.

Ягання Петрова, камеръ-медхень Ека-терины I. Очеркъ; т. I, 547—556.

Ягичъ, В. В., профессоръ, т. III, 204—206.

Языковъ, Дмитр. Ив., писатель, т. I, 448.

Яковенко, Андрей, запорожскій писарь, т. I, 10.

Яковлевъ, Савелій, крестьянинъ Богородскаго уѣзда, стихотворный импровизаторъ, т. III, 773—776.

Якушкины:

— Декабристъ, т. II, 625.

— И. Д., т. II, 474.

Янмулъ, П. И., т. III, 406, 407.

Ястребцовъ, Ив., докторъ медицины, т. I, 649—652.

Ө.

Өедоровы:

— Алекс. Өед., судья Тамбовскаго совѣстнаго суда, т. III, 320.

— Иванъ, дьячекъ с. Пашатова, Темниковскаго уѣзда, т. III, 129.

— Кишиневскій военный губернаторъ, т. III, 865.

— Никол. Вас., дворянскій засѣдатель, т. III, 320.

— Романъ, священникъ с. Контева, т. III, 122.

Өедоръ:

— (Бухаревъ), Казанскій архимандритъ, т. III, 790.

— Крестьянинъ с. Стемаса, юродивый, т. III, 569.

Өедюхинъ, Моршанскій засѣдатель, т. III, 323.

Өеодосій, епископъ Тамбовскій, т. III, 630.

Өеодотій, архіепископъ Симбирскій, т. III, 570—572.

Өеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ Новгородскій, т. II, 551, 552.

Өеофиластовъ, Евдокимъ, Печкинскій благочинный, т. I, 558.

Өеофилантъ, Тамбовскій епископъ, т. III, 627, 630.

Өеофилъ, Тамбовскій епископъ, т. III, 630.

Өоиминъ 1-й, священникъ с. Кулябовки, Борисоглѣбскаго уѣзда, т. III, 123.

Өоротъ, Андрей, полковникъ, переводчикъ при русскомъ посольствѣ въ Англію въ 1662 г., т. III, 442, 443, 445, 453.

щины относилась къ коварному возлюбленному, и ее раздражилъ неуѣдѣнный намекъ. Мы всѣ, разумеется, вскочили съ своихъ мѣстъ и поспѣшили прекратить непріятную сцену. Аテナисъ при этомъ лишилась чувствъ и упала на полъ въ страшнѣйшихъ судорогахъ. Пріятельницы увезли ее домой, а я поспѣшилъ къ вамъ за помощью.

Въ этомъ разсказѣ не было ничего новаго для Бурдона, если только Цамбелли не скрылъ самаго главнаго. Бурдонъ давно лечилъ знаменитую пѣвицу, зналъ насколько она раздражительна и капризна и объяснялъ это дурнымъ состояніемъ ея здоровья, разстроеннаго долгимъ пребываніемъ на сценѣ. Не могло удивить его и то обстоятельство, что неловкій намекъ на прошлое Аテナисъ произвелъ такое потрясающее дѣйствіе на ея нервы. Вѣроятно не мало было у ней, какъ хорошихъ, такъ и горькихъ воспоминаній, которыхъ она не могла забыть, не смотря на годы и рядъ новыхъ впечатлѣній.

Карета остановилась. Шевалье поспѣшно отворилъ дверцы и очутившись на улицѣ вздохнулъ свободно, какъ будто вырвался изъ душной темницы. Онъ оглядѣлся и поднялъ голову. Надъ нимъ было ясное небо усыпанное звѣздами; кругомъ тишина зимней безвѣтренной ночи. Но онъ не былъ астрологомъ и не могъ вывести никакихъ заключеній, глядя на эту массу блестящихъ точекъ и созвѣздій. Онъ не зналъ долженъ ли онъ радоваться, что избавился отъ опасности или упрекать себя, что не воспользовался случаемъ, и не покончилъ съ своими врагами. „Ты могъ бы положить ихъ на мѣстѣ двумя ловкими ударами кинжала, сказалъ онъ себѣ. Но развѣ это спасетъ тебя? Ты только тогда можешь считать себя внѣ опасности, если ты окончательно избавишься отъ той, которая можетъ все выболтать. Я не знаю способны ли мертвые чувствовать и думать, но говорить они не могутъ“...

Съ этими мыслями Цамбелли вошелъ въ домъ въ сопровожденіи своихъ слугъ.

Аテナисъ лежала на коврѣ своей комнаты въ нарядномъ платьѣ, которе было на ней во время обѣда; правая рука ея судорожно сжимала изорванную шаль; густая коса упала съ головы и растрепалась въ длинныя пряди. Припадокъ еще продолжался. Судороги смѣнялись слезами и порывами безсильной ярости. Лицо несчастной было искажено болью и гнѣвомъ; время и страсти положили на немъ свой неизгладимый отпечатокъ. Эгбертъ съ удивленіемъ спрашивалъ себя: неужели это та самая красивая женщина съ наружностью Юноны, которую онъ видѣлъ въ Тюльерійскомъ саду при солнечномъ свѣтѣ? Это былъ тотъ же мраморъ, но поврежденный временемъ и земною пылью.

Изъ всѣхъ пріятельницъ Аテナисъ, только одна Зефирина не покинула ее и осталась ухаживать за нею вмѣстѣ съ горничной. Но обѣ дѣвушки были такъ безпомощны, что не могли ничего сдѣлать для успокоенія больной и только пріѣздъ доктора нѣсколько ободрилъ ихъ.

Эгбертъ и Цамбелли удалились въ сосѣдную комнату, между тѣмъ какъ Бурдонъ приказалъ раздѣть больную и уложить въ постель. Голосъ и присутствіе Бурдона всегда успокоительно дѣйствовали на Атенаисъ, она узнала его и послушно повиновалась его приказаніямъ.

— Я больше не нуженъ, сказалъ шевалье Эгберту, когда Зефирина выбѣжала къ нимъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что больной лучше. Передайте мой поклонъ и благодарность г-ну Бурдону. Завтра мы опять увидимся съ нимъ.

Нѣсколько минутъ спустя Эгберта позвали въ спальню. Больная наконецъ заснула тревожнымъ сномъ, который безпрестанно прерывался бредомъ.

Бурдонъ попросилъ Эгберта посидѣть у постели, пока онъ дастъ необходимыя наставленія обѣимъ дѣвушкамъ и пропишетъ лекарство.

Не смотря на участіе Эгберта къ несчастной женщинѣ, онъ почти не прислушивался къ ея бреду, который становился то громче, то переходилъ въ неясное бормотаніе. Онъ видѣлъ Атенаисъ во второй разъ въ своей жизни: какой интересъ могло имѣть для него прошлое пѣвицы и все то, что могла подсказать ей разгоряченная фантазія. Его занималъ вопросъ — какія послѣдствія будетъ имѣть для него и Бурдона встрѣча съ Цамбелли, и чѣмъ больше думалъ онъ объ этомъ, тѣмъ сильнѣе было безпокойство, охватывавшее его душу.

Хотя больная по прежнему металась на постели, но бредъ сдѣлался слабѣе и она только изрѣдка вскрикивала и стонала. Наконецъ, мало по малу, сила припадка уступила; черты лица сгладились и сдѣлались опять красивыми и моложавыми. Это лицо поразило Эгберта, когда онъ взглянулъ на него пробудившись изъ своего раздумья. Оно живо напомнило ему дорогое для него существо. Зависѣло ли это отъ матоваго освѣщенія лампы, или сходство было вызвано игрой его фантазій, которая обманчиво представляла ему милый образъ, но впечатлѣніе осталось, какъ ни старался Эгбертъ отдѣлаться отъ него. Онъ не рѣшался произнести имя той, которая была для него олицетвореніемъ всего лучшаго и святого. Даже воспоминаніе о ней въ комнатѣ парижской пѣвицы казалось ему святотатствомъ.

Въ это время подошелъ Бурдонъ и, постоявъ нѣсколько минутъ у постели больной, сказалъ Эгберту:

— Ей лучше, но припадокъ можетъ возобновиться. Я проведу здѣсь ночь. Сдѣлайте одолженіе, вернитесь къ моимъ пріятелямъ и скажите, чтобы не ждали меня.

Хотя Атенаисъ лежала съ закрытыми глазами, но услыхавъ послѣднюю фразу Бурдона, сказала:

— Пусть онъ останется; у него такое доброе лицо.

Эгбертъ опять сѣлъ у постели.

Атенаисъ открыла глаза и, протянувъ ему обѣ руки, проговорила съ рыданіемъ:

— Магдалена! Отдайте мнѣ ее!

— Уѣзжайте скорѣе! торопилъ Бурдонъ. — Она начинаетъ бредить.

— Позвольте мнѣ вернуться сюда, сказалъ Эгбертъ взволнованнымъ голосомъ.

— Развѣ для того, чтобы составить мнѣ кампанію, возразилъ Бурдонъ, потому что ваша помощь не нужна здѣсь. Но если вы непременно хотите этого, то привезите съ собой шахматы. Вы еще не знаете, какъ длинна и утомительна ночь у постели больного и какія невеселыя мысли приходятъ въ это время въ голову.

Цамбелли, простившись съ Эгбертомъ, безъ всякой опредѣленной цѣли бродилъ по улицамъ Парижа. Въ одиннадцатъ часовъ его ожидалъ императоръ въ Тюльери; въ его распоряженіи было больше часу времени. При томъ безпокойномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, ему всего пріятнѣе было видѣть вокругъ себя людей, слышать говоръ и шумъ.

Откуда могъ явиться страхъ, который онъ испытывалъ въ каретѣ? Развѣ Бурдонъ и Эгбертъ походили на убійцъ? Но тѣмъ не менѣе, оставшись съ ними наединѣ, онъ чувствовалъ такой смертельный ужасъ, что кровь какъ будто застыла въ его жилахъ. Не проснулось ли въ немъ то, что священники и судьи называютъ совѣстью.

— Они застали меня врасплохъ! оправдывалъ себя Цамбелли. Ихъ было двое противъ одного. Я знаю, о какомъ камнѣ толковали гости Бурдона, когда я стоялъ у него въ прихожей, ожидая возвращенія слуги. Одна выгода во всемъ этомъ, что мнѣ теперь все извѣстно и я буду на готовѣ.

Припоминая все, что случилось съ нимъ въ этотъ день, Цамбелли могъ только благословить судьбу за счастливое стеченіе обстоятельствъ. Онъ зналъ теперь въ чьихъ рукахъ опалъ, и кромѣ того, онъ провѣдалъ тайну, которую графъ Вольфсеггъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ, даже отъ своихъ близкихъ.

Цамбелли не погрѣшилъ противъ истины, рассказывая Бурдону сцену въ Пале-Роялѣ, но не придавалъ ей никакой окраски и умалчалъ о подробностяхъ.

Обѣдъ въ Пале-Роялѣ, имѣвшій такой печальный конецъ, устроился случайно, по инициативѣ небольшого кружка офицеровъ и нѣсколькихъ господъ изъ дипломатическаго міра въ честь Дешанъ и другихъ оперныхъ пѣвицъ. Цамбелли былъ изъ числа приглашенныхъ, такъ какъ помимо личнаго знакомства, многіе изъ устроителей праздника надѣялись, что вино развяжетъ ему языкъ и имъ удастся вывѣдать отъ него тайну его отношеній къ императору. Другіе прямо желали его присутствія, какъ умнаго собесѣдника, который всегда умѣлъ во время поддержать разговоръ.

Сначала ничто не мѣшало общему веселью, даже толки о предстоящей войнѣ съ Австріей, потому что французы до того привыкли къ битвамъ въ послѣдніе годы, что смотрѣли на нихъ, какъ на обы-

денное явленіе. Зашла рѣчь и о войнѣ 1805 года. Оказалось, что одинъ изъ присутствующихъ офицеровъ, Арманъ Луазель, участвовалъ въ этомъ походѣ, дрался при Ульмѣ и Аустерлицѣ и квартировалъ въ Вѣнѣ во время занятія столицы французскими войсками. Неизвѣстно, подѣйствовало ли на него значительное количество выпитаго вина или заговорило въ немъ тщеславіе побѣдителя, только вслѣдъ за воинственными разсказами онъ перешелъ къ своимъ любовнымъ приключеніямъ. Атенаисъ Дешанъ болѣе другихъ подзадоривала разсказчика и смѣялась надъ нимъ. Луазель, распространяясь о своей жизни въ Вѣнѣ, началъ описывать домъ; гдѣ ему была отведена квартира съ двумя товарищами. Цамбелли слушалъ его съ удвоеннымъ вниманіемъ и чтобы вполне удостовѣриться въ своемъ предположеніи сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ. Луазель не только подробно описалъ знакомый ему сѣрый домъ на уединенной улицѣ, но даже назвалъ имя Эгберта Геймвальда и молодой дѣвушки, живущей у него въ домѣ. Цамбелли видѣлъ, что Дешанъ измѣнилась въ лицѣ, услыхавъ имя Магдалены Армгартъ, хотя старалась казаться спокойной.

Луазель наконецъ сообразилъ, что говорить о лицахъ, которые знакомы нѣкоторымъ изъ присутствующихъ и началъ путаться въ отвѣтахъ. Это еще больше возбудило гнѣвъ и волненіе пѣвицы. Никто не могъ понять причину этого, кромѣ Цамбелли, который сталъ догадываться въ чемъ сущность дѣла. Разговоръ становился все горячѣе и громче; остальные гости напрасно старались успокоить разгнѣванныхъ собесѣдниковъ. Луазель между прочимъ сдѣлалъ намекъ, что между имъ и молодой дѣвушкой завязались нѣжныя отношенія; но „разумѣется невиннаго свойства“ поспѣшилъ онъ добавить.

— Вы лжете самымъ наглýmъ образомъ! воскликнула Атенаисъ, бросая въ него ножъ, который на счастье Луазеля, пролетѣлъ мимо и упалъ на полъ.

Всѣ при этомъ поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Милостивая государыня, сказалъ съ усмѣшкой Луазель — вы не въ своемъ умѣ! Такія вещи прощаются только женщинамъ.

— Очень жалѣю, что я не мужчина, и не могу убить тебя, негодный лжецъ. Ты можешь быть видѣлъ въ этомъ домѣ и графа Вольфсегга?—крикнула еще громче Атенаисъ, не помня себя отъ бѣшенства и падая на полъ въ страшнѣйшихъ судорогахъ.

Послѣ этой фразы все стало понятно Цамбелли. То, что онъ не могъ сообразить въ первую минуту, вслѣдствіе общей суматохи, окончательно выяснилось для него во время странствованія по парижскимъ улицамъ.

Въ молодости Атенаисъ была любовницей графа Вольфсегга, Магдалена его дочь. Страхъ ли революціи, пресыщеніе или измѣна со стороны Атенаисъ, побудили графа разстаться съ нею. Онъ увезъ съ собой ребенка противъ воли матери, судя по тону, съ которымъ она произнесла его имя. Армгартъ, сопровождавшій графа въ его путе-

шествиі, помогъ ему въ этомъ. По прїѣздѣ въ Вѣну секретарь женился и принялъ мѣры, чтобы всѣ считали Магдалену его дочерью. Деньги графа сгладили затрудненія, которыя могли встрѣтиться при устройствѣ этого дѣла. Атенаисъ вѣроятно не знала даже о существованіи своего ребенка до сцены въ Пале-Роялѣ; теперь она должна довольствоваться увѣренностью, что Магдалена жива и окружена порядочными людьми, потому что графъ не рѣшится отдать молодую дѣвушку на руки подобной матери.

Для шевалье вся эта исторія имѣла значеніе только въ смыслѣ открытія, которое могло служить для него орудіемъ противъ графа Вольфсегга. Его отношенія къ Атенаисъ не могли быть легкой, мимо-летней связью; иначе онъ не сталъ бы такъ заботиться объ ея дочери и въ теченіи столькихъ лѣтъ!

— Сама судьба отдаетъ твоихъ враговъ тебѣ въ руки! подумалъ Витторіо съ радостнымъ замираніемъ сердца. Вооружись только спокойствіемъ и хладнокровіемъ и ты справишься съ ними. Антуанета влюблена въ своего дядю;—посмотримъ какъ подѣйствуетъ эта новость на ея гордое сердце. Вдобавокъ, это будетъ удобный предлогъ чтобы явиться къ ней. Она сама обратилась къ императору въ качествѣ просительницы и не посмѣетъ упрекнуть меня въ измѣнѣ. Еще вопросъ, можно-ли вообще называть меня измѣнникомъ, вслѣдствіе того, что я оставилъ неблагодарное государство, не цѣнившее мои заслуги и отыскалъ себѣ другого господина, который лучше умѣетъ отличить мякину отъ пшеницы. Что мѣшаетъ мнѣ добиваться руки Антуанеты. При дворѣ Наполеона не существуетъ разницы положеній! Не сегодня завтра я могу получить титулъ маркиза или герцога и сдѣлаться однимъ изъ первыхъ сановниковъ государства.

Разница состояній также исчезла между имъ и Антуанетой. Цамбелли зналъ, что послѣ смерти своего отца Бурдонъ сдѣлался законнымъ владѣльцемъ помѣстій Гондревиллей въ Лотарингіи. Между тѣмъ къ его услугамъ была казна Наполеона, который вообще не былъ скупъ и умѣлъ награждать своихъ вѣрныхъ слугъ. Если его щедрость была въ ущербъ побѣжденнымъ народамъ, то это нисколько не заботило тѣхъ лицъ, которыхъ узурпаторъ осыпалъ своими милостями. До сихъ поръ шевалье упорно отказывался отъ всякихъ крупныхъ подарковъ и выказывалъ такое презрѣніе къ деньгамъ, что Наполеонъ вполне увѣровалъ въ его безкорыстіе. Цамбелли дѣйствовалъ такимъ образомъ изъ прямого разсчета. По окончаніи австрійской войны онъ хотѣлъ заявить притязанія на свои родовыя ломбардскія и венеціанскія владѣнія, которыя сдѣлались собственностью государства и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся получить титулъ маркиза Цамбелли. Самая опасная и трудная часть пути была пройдена; онъ вышелъ изъ мрака неизвѣстности; теперь ему оставалось идти торной дорогой для достиженія цѣли. Нужно было только удалить тѣхъ, которые прямо или косвенно были связаны съ его прошлымъ и лишить ихъ

возможности вредить ему. Но какъ достигнуть этого? Гдѣ найти средства, чтобы принудить къ молчанію Эгберта и Бурдона, вырвать изъ рукъ ихъ вещественное доказательство преступленія?

Цамбелли зналъ, что ему не удастся, ни напугать Бурдона, ни возбудить его жалости, и что противъ него необходимо принять рѣшительныя мѣры. Онъ посмотрѣлъ на часы и ускорилъ шагъ, чтобы не заставить императора ждать себя.

— Наполеонъ вѣрить тебѣ, сказалъ онъ самому себѣ. Что тебѣ стоитъ возбудить его гнѣвъ противъ Бурдона! Опиши ему черными красками все, что ты видѣлъ и слышалъ въ замкѣ Вольфсегга и придай этому видъ опаснаго заговора, въ которомъ Венъяминъ Бурдонъ играетъ главную роль. Зачѣмъ ты служишь Наполеону, если не можешь воспользоваться хотя одинъ разъ тѣмъ вліяніемъ, которое ты имѣешь на него?...

Съ этой мыслью Цамбелли, укутавшись въ свой плащъ, проскользнулъ въ боковую калитку Тюльерійскаго сада, гдѣ стоялъ часовой.

Это была та самая калитка, за каштановыми деревьями, черезъ которую когда-то въ полночь—какъ гласила народная молва—прошелъ сѣрый человѣчекъ, посѣщавшій императора передъ рѣшительными минутами его жизни.

ГЛАВА IV.

Изъ всѣхъ дамъ высшаго парижскаго общества въ послѣднія три недѣли молодая маркиза Гондревиль играла самую видную роль при дворѣ и вслѣдствіе этого возбуждала противъ себя наибольшую зависть. Насколько удивлялись ея мужеству, которое она высказала въ Malmaison, обратившись съ просьбой къ разгнѣванному императору, настолько-же втихомолку многіе осуждали ее за то предпочтеніе, которое ей оказывалъ Наполеонъ. Ея приглашали на всѣ празднества въ Тюльери и St.-Cloud и она не рѣшалась отказываться отъ нихъ изъ боязни,—какъ она писала графу Вольфсеггу въ свое оправданіе—навлечь на себя неудовольствіе императора и черезъ это замедлить помилованіе своего брата. Антуанета знала, что послѣдній будетъ избавленъ отъ галеръ и тюремнаго заключенія, но чѣмъ разрѣшится его дальнѣйшая судьба, оставалось пока тайной.

Сначала Антуанета тяготилась ролью, которую она играла при дворѣ узурпатора. Что могло имѣть привлекательнаго Тюльери для дочери одного изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ Бурбоновъ, которую съ дѣтства воспитывали въ непримиримой ненависти къ Наполеону? Послѣ ея колѣнопреклоненія передъ нимъ и его обѣщанія по-

миловать молодого Гондревилля, ея отношенія ко двору должны были кончиться сами собою. Съ этого времени честь запрещала которому либо изъ Гондревиллей поднять оружіе противъ Бонапарта, или участвовать въ заговорѣ противъ него, но ничто не мѣшало Антуанетѣ остаться вѣрной своимъ убѣжденіямъ и вернуться къ своему уединенному образу жизни. Она сама сознавала это и не разъ выражала желаніе уѣхать изъ Парижа, но оба Мартиньи и ихъ хорошенькая дочь постоянно отговаривали ее, доказывая, что она этимъ поступкомъ можетъ оскорбить Наполеона и повредить своему брату. Когда она высказывала свое презрѣніе къ революціи и ссылалась на своихъ родныхъ, которымъ можетъ не понравиться ея присутствіе при дворѣ узурпатора, то ей отвѣчали, что Наполеонъ властелинъ Франціи. „Всѣ короли, добавлялъ при этомъ старый Мартиньи, признали его равнымъ себѣ, папа миропомазалъ его, не смѣшно ли, что какой нибудь французскій маркизъ и нѣмецкій графъ относятся къ нему съ презрѣніемъ, упорно игнорируя факты?“

Антуанета должна была скоро убѣдиться, что этотъ взглядъ раздѣляло большинство представителей старинныхъ дворянскихъ фамилій Франціи. Въ роскошныхъ гостинныхъ С. Жерменскаго предмѣстья подымали на смѣхъ тюльерійскій дворъ, вновь пожалованныхъ герцоговъ и графовъ и даже втихомолку пили за здоровье Людовика XVIII и составляли заговоры о низверженіи узурпатора. Но въ присутствіи Наполеона смолкали самые ярые крикуны и наперерывъ старались удостоиться его высокаго вниманія. Ни одному изъ этихъ приверженцевъ монархизма не приходило въ голову отказаться отъ мѣста или отклонить почетъ, которымъ они пользовались, благодаря милости того же узурпатора. Жены и дочери ихъ соперничали другъ передъ другомъ, кому изъ нихъ въ торжественныхъ случаяхъ нести шлейфъ Жозефины.

Почему Антуанетѣ не поступать такимъ же образомъ? Молодая графиня Мартиньи не даромъ обѣщала исправить ее отъ нѣмецкаго резонерства и сентиментальности. Исправленіе пошло быстрыми шагами, потому что Антуанета сама желала остаться въ Парижѣ и, выказывая стремленіе вернуться къ своимъ роднымъ, обманывала и себя, и другихъ. Ей не хотѣлось такъ скоро лишиться случайно добытой свободы. Какой скучной и пустой казалась ей жизнь, которую она вела въ Вѣнѣ, сравнительно съ ея теперешнимъ существованіемъ. Здѣсь среди круговорота воинственныхъ предпріятій и политическихъ дѣлъ, открывалось широкое поле для удовлетворенія женскаго тщеславія и для игры въ любовь. Общество, въ которомъ вращалась Антуанета, состояло изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, представлявшихъ смѣсь стараго и новаго съ полнымъ отсутствіемъ нѣмецкой чопорности и формализма. Эксцентричность молодой дѣвушки и любовь къ приключеніямъ, которыя нерѣдко навлекали на нее неудовольствіе ея родныхъ, казались здѣсь особенно привлекательными.

При этомъ всѣ считали ее необыкновенно ученой, такъ какъ она много читала и получила лучшее образованіе, чѣмъ большинство парижанокъ. „Это настоящая Аспазія“, говорилъ о ней императоръ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Антуанеттѣ трудно было отказаться отъ всего этого при ея честолюбіи и тщеславіи. Сверхъ всякаго ожиданія, на ея долю выпала честь блестяще уметь и красотой при французскомъ дворѣ! Развѣ могъ замѣнить все это домъ ея дяди въ Hengengasse или одинокій замокъ на озерѣ Траунъ. Одно время она не представляла себѣ болѣе завидной участи, какъ сдѣлаться женою графа Вольфсеггъ, такъ какъ не знала ни одного человѣка, который могъ сравниться съ нимъ по силѣ воли и нравственной высотѣ. Съ его личностью невольно сливались для нея образы поэтическихъ героевъ. Такимъ представлялся ей графъ Эгмонтъ; она хотѣла сдѣлаться его Кларой. Но это была мечта не занятой дѣвической фантазіи, которая могла осуществиться при спокойномъ ходѣ событій. Теперь передъ ея ослѣпленнымъ взоромъ явился другой идеалъ, а прежній исчезъ какъ туманъ при солнцѣ.

Ульрихъ Вольфсеггъ вполне заслуживалъ уваженія, какъ безукоризненно честная и цѣльная личность, но развѣ онъ могъ сравниться съ прославленнымъ героемъ столѣтія! Одинъ былъ полубогъ, другой — простой смертный.

Чѣмъ болѣе увлекалась Антуанета, тѣмъ обаятельнѣе дѣйствовалъ на нее блескъ, окружавшій узурпатора. Все, что касалось его, было для нея полно значенія и недостижимаго величія. Все преклонялось передъ нимъ и обоготворяло его. Даже враги считали его необыкновеннымъ человѣкомъ и удивлялись его счастью. Антуанета подчинилась ему съ перваго момента ихъ встрѣчи и готова была поклонить передъ нимъ колѣни, какъ передъ высшимъ существомъ. Это впечатлѣніе несомнѣнно изгладилось бы въ самомъ непродолжительномъ времени, еслибы онъ промелькнулъ передъ нею какъ блестящій метеоръ и исчезъ изъ ея глазъ. Но съ тѣхъ поръ она постоянно видѣла его и чуть ли не ежедневно говорила съ нимъ. Ея присутствіе дѣйствовало на него смягчающимъ образомъ. Чаше чѣмъ въ послѣдніе годы бывалъ онъ теперь на вечернихъ собраніяхъ у Жозефины и стоя у камина, у котораго сидѣли дамы, рассказывалъ имъ о смѣлыхъ походахъ, совершенныхъ имъ въ юности, о своемъ пребываніи въ Египтѣ и Сиріи.

— Еслибы я немедленно овладѣлъ St.-Jean d'Acre, сказалъ онъ однажды, взглянувъ на Антуанету, я сдѣлался бы индійскимъ царемъ и вторымъ Александромъ Македонскимъ; Англія была бы не въ силахъ сопротивляться мнѣ.

Догадывался ли онъ о томъ, какое впечатлѣніе производили эти рассказы на душу молодой дѣвушки? Видѣлъ ли онъ яркій румянецъ, который при этомъ распространялся по ея лицу? Никогда еще со-

блзнь не являлся женщинѣ въ болѣе опасномъ и горделивомъ образѣ. Здѣсь не было и тѣни льстивыхъ словъ и нѣжныхъ объясненій, которыми обыкновенно подкупаютъ женское сердце. Не къ лицу были суровому императору пріемы, напоминавшіе Ринальдо въ волшебномъ саду Армиды. Не романическаго героя, а настоящаго цесаря видѣла передъ собою Антуанета.

Она не была настолько молода и неопытна относительно своего сердца, чтобы не спросить себя въ минуты раздумья къ чему можетъ привести ее это увлеченіе. Она утѣшала себя мыслью, что чувство не участвуетъ въ страсти охватившей ее душу и что эта страсть пройдетъ, какъ опьяненіе послѣ ошума. Ее пугала только пустота, которую она будетъ чувствовать въ своей жизни съ возвращеніемъ на родину.

Иногда пробуждалось въ ней честолюбіе и желаніе нравиться всемогущему властелину. Развѣ римскій цесарь не увлекался Клеопатрой! Развѣ втайнѣ не рассказывались исторіи любви Наполеона къ красивымъ женщинамъ, хотя никто не рѣшался произнести ихъ имена. Въ этомъ отношеніи императоръ велъ себя вполне порядочнымъ человекомъ: у него никогда не вырывалось ни одно слово или жестъ, которые могли бы привести въ смущеніе женщину или подать поводъ къ злословію. Но тайна, которую онъ свято хранилъ не была обязательна для другихъ. Соблазнительные рассказы развращающимъ образомъ дѣйствовали на разгоряченное воображеніе молодой дѣвушки; вѣяніе страсти сносило мало по малу цвѣточную пыль съ ее цѣломудренной души. Все рѣже и рѣже являлось въ ней сознаніе своего нравственнаго паденія; и она съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидала перемѣны въ своей жизни, которая давала себя чувствовать какъ весенній поворотъ солнца.

Занятая собою и своими мыслями она откладывала со дня на день переговоры, которая должна была вести съ Веняминомъ Бурдономъ относительно лотарингскихъ помѣстій. Какое значеніе могло имѣть для нея обладаніе замкомъ въ отдаленной провинціи при томъ блестящемъ положеніи, которое ожидало ее?

Она сильно смутилась когда ей доложили о приходѣ Бурдона и едва не отказалась принять его; но графъ Мартини успѣлъ остановить ее во время, говоря, что она не имѣетъ никакого права бросать дѣло, которое ей поручили вести, тѣмъ болѣе, что отъ этого зависитъ благосостояніе ея родителей.

Вражда между Антуанетой и Веняминомъ началась еще съ дѣтства. Избалованная дѣвочка ненавидѣла неуклюжаго кривобокаго мальчика; онъ оскорблялся предпочтеніемъ, которое даже его отецъ оказывалъ красивой барышнѣ, которая съ дѣтскою жестокостью преслѣдовала его. Это впечатлѣніе осталось неизгладимымъ, несмотря на годы и разницу общественнаго положенія, раздѣлявшую ихъ. Теперь къ этому присоединились еще новыя причины неприязни.

Бурдонъ приписывалъ смерть отца Гондревиллямъ. Антуанета презирала его какъ якобинца и непочтительнаго сына и даже втайнѣ обвиняла его въ присвоеніи чужой собственности. Она не могла логически опровергнуть взглядъ своего дяди, что Веньяминъ имѣетъ полное право оставить за собой имѣнія полученныя имъ по наслѣдству отъ отца, но была нравственно убѣждена, что онъ тѣмъ не менѣе обязанъ возвратить ихъ ея родителямъ и что въ этомъ случаѣ онъ только исполнилъ-бы свой долгъ.

Вскорѣ по прїѣздѣ въ Парижъ, Эгбертъ сообщилъ ей, что по завѣщанію Жана Бурдона, составленному въ 1801 году, сынъ его назначенъ единственнымъ наслѣдникомъ по мимо другихъ родственниковъ. Адвокатъ графа Мартини съ своей стороны подтвердилъ справедливость словъ Эгберта, добавивъ, что считаетъ невозможнымъ оспаривать наслѣдство. Да и какъ могли эмигранты, живущіе за-границей, начать заочно процессъ о владѣніяхъ, которыя были признаны официально національнымъ имуществомъ? Если Бурдонъ не хотѣлъ признавать тайной сдѣлки, заключенной между его отцомъ и Гондревиллями, то никто не имѣлъ права принудить его къ этому.

При такомъ положеніи дѣлъ Антуанета не рѣшилась коснуться щекотливаго вопроса о наслѣдствѣ во время перваго визита, который ей сдѣлалъ Бурдонъ по настоянію Эгберта, такъ какъ это привело бы ихъ къ непріятнымъ объясненіямъ. Теперь Бурдонъ явился вторично и по собственной инициативѣ;—ничто не мѣшало ей узнать отъ него, какъ онъ намѣренъ распорядиться съ лотарингскими по мѣстами.

Хотя Антуанета вообще мало обращала вниманія на расположеніе духа людей, къ которомъ она была равнодушна или чувствовала непріязнь, но тѣмъ не менѣе мрачное лицо Бурдона поразило ее когда онъ вошелъ къ ней въ гостиную.

Это было пять дней спустя послѣ несчастнаго случая съ пѣвицей. При полной безсодержательности газетъ, которымъ императоръ запретилъ выражать какія-бы то ни было политическія убѣжденія и даже касаться фактовъ почему либо непріятныхъ ему, „происшествіе“ въ Пале-Рояль послужило удобнымъ сюжетомъ для безконечной газетной болтовни. Благодаря этому Антуанета могла начать разговоръ съ Бурдономъ вопросомъ о здоровьѣ его больной.

Веньяминъ отвѣтилъ на это въ короткихъ словахъ, выразилъ надежду на скорое выздоровленіе м-ль Дешанъ и хвалилъ Эгберта за то участіе, которое онъ принималъ въ незнакомой ему женщинѣ.

— Я давно не видѣла моего милаго соотечественника, сказала Антуанета;—едва-ли не съ того воскресенья въ Malmaison.

— Мнѣ самому скоро прійдется проститься съ нимъ. На дняхъ я уѣзжаю изъ Парижа, да и онъ вѣроятно недолго останется здѣсь.

— Въ первый разъ слышу объ этомъ, сказала краснѣя Антуанета. Развѣ г-нъ Геймвальдъ говорилъ вамъ, что намѣренъ вернуться въ Вѣну?

— Нѣтъ, маркиза, но онъ долженъ будетъ уѣхать отсюда, когда Франціи объявить войну его отечеству.

Антуанета отвернулась и стала разглядывать цвѣты, стоявшіе на столѣ.

— Эти вещи не касаются женщинъ, сказала она съ принужденной улыбкой. Вы должно быть также ѣдете на войну мосье Бурдонъ и пришли со мной проститься?

— Да, почти такъ. Бонапартъ по своему капризу можетъ послать каждого изъ насъ въ изгнаніе и на смерть. Мы должны скорѣе устраивать свои дѣла, пока еще можемъ располагать собой. Меня сильно беспокоитъ одно дѣло. Могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Какъ должна я понимать ваши слова, мосье Бурдонъ? Развѣ вамъ грозитъ опасность...

Бурдонъ презрительно приподнялъ свое уродливое плечо.

„Кажется эта тщеславная аристократка воображаетъ что я пришелъ просить ея милости“, подумалъ онъ съ досадой и добавилъ вслухъ:

— Я не думалъ занимать васъ своей особой, маркиза! Вамъ вѣроятно извѣстно о чемъ совѣщался вашъ дядя съ моимъ отцомъ въ октябрѣ прошлаго года.

Она измѣнилась въ лицѣ. Заговоръ противъ Наполеона казался ей теперь вошюющимъ преступленіемъ, достойнымъ небесной кары.

— Вы молчите. Разумѣется вы не знаете и не можете знать этого! замѣтилъ насмѣшливо Бурдонъ. Вѣдь эти вещи касаются только мужчинъ! Во всякомъ случаѣ, кто нибудь долженъ передать графу Вольфсеггъ, что всѣ нити извѣстнаго дѣла въ однихъ рукахъ. Если начнется война съ Австріей и Наполеонъ опять займетъ Вѣну своими войсками, графу не сдобровать. Лучше умереть на полѣ битвы, чѣмъ сдѣлаться плѣнникомъ при этихъ условіяхъ.

— Вы пугаете меня своими предостереженіями. Отчего вы не сообщите вашихъ опасеній г-ну Геймвальду, хотя я увѣрена, что они преувеличены.

— Вы хотите пожертвовать невиннымъ человекомъ, какъ это сдѣлали ваши родные съ моимъ отцомъ. Не лучше ли вамъ самимъ написать въ Вѣну? Ваши письма никто не откроетъ и на ваши слова больше обратятъ вниманія, чѣмъ на чьи либо другія. Общайте исполнить мою просьбу. Вы видите дѣло идетъ не о моихъ интересахъ.

— Я даю вамъ слово предупредить графа Вольфсегга, хотя все, что вы мнѣ сказали кажется какимъ-то сномъ.

— Съ моей стороны приняты всѣ предосторожности. У меня ничего не найдутъ кромѣ непа...

— Значитъ и вы заговорщикъ!..—воскликнула она испуганнымъ голосомъ, отодвинувшись отъ него.

— Да, я такой же заговорщикъ, какъ вашъ отецъ и графъ Вольфсеггъ...

Антуанета охотно прервала бы разговоръ, который дѣлался для нея все непріятнѣе, но она настолько же боялась, насколько ненавидѣла Бурдона. Въ его взглядѣ и тонѣ было что то вызывающее, она ежеминутно ожидала, что онъ скажетъ ей:— „измѣнница! раба Наполеона“!

Но ея опасеніе не оправдалось. Онъ продолжалъ:

— У меня еще другая просьба къ вамъ маркиза. Передайте это письмо Геймвальду. Не беспокойтесь, въ немъ нѣтъ ничего политическаго. Я слишкомъ дорожу свободой и жизнью этого человѣка чтобы вовлечь его въ опасное дѣло. Къ несчастью онъ больше замѣшанъ, нежели онъ подозрѣваетъ это.

— Слушая васъ, мосье Бурдонъ, можно подумать, что мы живемъ во времена Тиверія или Калигулы, сказала съ горячностью Антуанета. Вы развѣ не слышали какъ милостивъ былъ Наполеонъ къ Геймвальду?

— Все это можетъ быть. Но вы забываете маркиза, что благодаря вашему семейству мы оба съ Эгбертомъ, помимо нашей воли, попали въ сѣти, изъ которыхъ намъ врядъ ли удастся выпутаться. Положимъ Наполеонъ не римскій тиранъ. Онъ слишкомъ холоденъ и хладнокровенъ для этого. Тѣмъ не менѣе избави васъ Богъ довѣрять вашу судьбу сердцу этого человѣка.

— Я лучшаго мнѣнія о немъ, такъ какъ имѣла случай убѣдиться въ его великодушіи. Вы не можете быть безпристрастными, потому что вы ненавидите его.

— Если я ненавижу его, то потому что знаю какъ относится онъ ко всему человѣчеству. Даже червь подымается противъ того, кто давить его мимоходомъ.

— Васъ не раздавили, а возвысили.

— Онъ возвысилъ меня, чтобы доказать, что онъ пренебрегаетъ ненавистью такихъ мелкихъ тварей, какъ я. Мы познакомились съ нимъ при Эйлау. Тамъ, въ открытомъ снѣжномъ полѣ, въ морозную ночь, увидѣлъ онъ меня у лагернаго огня, среди груды умирающихъ и мертвыхъ. Я былъ одинъ съ помощникомъ. Онъ ѣхалъ по полю битвы на бѣломъ конѣ. Меня поразило его каменное не человѣческое лицо. Вы никогда не увидите его такимъ, маркиза. Всюду, со всѣхъ сторонъ, на сколько можно было обнять глазомъ лежали мертвые и раненные. Ужасающая картина, которая всякаго привела бы въ трепетъ! А онъ, главный виновникъ всего этого, былъ спокоенъ, ясенъ и веселъ, какъ будто взиралъ на все это съ недосыгаемой высоты. Онъ осадилъ свою лошадь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Благородное животное содрогнулось, почуя мертвыхъ передъ собою. Но его лицо осталось неподвижнымъ. Съ тѣмъ же безстрастіемъ принимали нѣкогда боги жертвенный огонь!

— Тяжелая работа, Бурдонъ! сказалъ онъ мнѣ.

Я отвѣтилъ ему: когда же кончится эта человѣческая бойня...

— Остановитесь! воскликнула Антуанета взволнованнымъ голосомъ. Дайте мнѣ письмо, я передамъ его г-ну Геймвальду.

— Благодарю васъ. Теперь позвольте мнѣ перейти къ дѣлу, которое лично меня касается. Послѣ смерти моего отца между домами Гондревилль и Бурдонъ возникло спорное дѣло. Ни одинъ судъ не можетъ разрѣшить его, такъ какъ это вопросъ совѣсти. Скажите мнѣ маркиза, кому принадлежитъ наслѣдство моего отца?

— Мосье Бурдонъ, сказала она, побавровѣвъ отъ смущенія. Вы должны отдать мнѣ справедливость...

— Вы лично никогда не сдѣлали мнѣ на это ни малѣйшаго намека. Я увѣренъ также, что не вы поручали Эгберту переговорить со мной, а вашъ отецъ, или графъ Вольфсеггъ...

— Надѣюсь, что вы не нашли въ этомъ ничего оскорбительнаго для себя.

— Они не могли найти лучшаго посредника, но и при худшемъ результатъ былъ бы одинаковый. Вопросъ былъ давно рѣшенъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ, кажется, Гондревилли давно могли убѣдиться въ безкорыстїи Бурдоновъ. Мой отецъ завѣщалъ мнѣ лотарингскія помѣстья Гондревиллей, предполагая, что я возвращу ихъ вамъ при первой возможности. Онъ надѣялся на скорое воцареніе Людовика XVIII; но у насъ Наполеонъ, императоръ Франціи, Гондревилли до сихъ поръ эмигранты. Послѣ смерти отца я былъ въ большомъ затрудненіи, что мнѣ дѣлать съ завѣщанными имѣніями. Я не имѣю никакого понятія въ сельскомъ хозяйствѣ, мнѣ оставалось или отдать имѣнія въ аренду, или продать ихъ. Я не рѣшился ни на то, ни на другое; и, наконецъ, придумалъ третье средство, но...

— Я ничего не понимаю въ юридическихъ вопросахъ, мосье Бурдонъ, сказала Антуанета, взволнованнымъ голосомъ, дѣлая надъ собой усиліе, чтобы казаться равнодушной.

Онъ бросилъ на нее неумовимый взглядъ.

— Это вопросъ не юридическій и касается только насъ обоихъ. Антуанета нахмурила брови, но не рѣшилась прервать его рѣчи неумѣстнымъ замѣчаніемъ.

— Я осмѣлился, маркиза, сдѣлать на ваше имя дарственную записъ на имѣнія Гондревиллей.

— Милостивый государь, это...

— Не считайте это для себя оскорбленіемъ, маркиза. Я не могъ придумать иного способа для передачи Гондревиллямъ ихъ собственности. Но если вы вспомните, что мой отецъ рисковалъ жизнью и будущностью своего сына, чтобы сохранить Гондревиллямъ ихъ замокъ, что онъ изъ-за нихъ умеръ отъ руки убійцы, то можетъ быть иначе отнесетесь къ моему поступку...

Антуанета въ смущеніи опустила голову.

— Вы не внесены въ списокъ эмигрантовъ, продолжалъ Бурдонъ, а съ вашимъ вступленіемъ на почву Франціи вы опять приобрѣли права

французскаго гражданства. Теперь я могу, не нарушая закона, возвратить вамъ официальнымъ образомъ вашу собственность.

Въ душѣ Антуанеты происходила борьба самыхъ разнородныхъ чувствъ. Съ одной стороны гордость ея возмущалась насильственнымъ подаркомъ; съ другой—она боялась оскорбить отказомъ чловѣка, къ которому чувствовала невольно уваженіе и благодарность.

Бурдонъ поднялся съ мѣста. Онъ видѣлъ по лицу Антуанеты, что она примирилась съ его предложеніемъ.

— Дѣло мое кончено маркиза! сказалъ онъ съ своей обычной саркастической усмѣшкой. Мы поняли другъ друга, на сколько возможно пониманіе между маркизой Антуанетой Гондревиль и Веняминомъ Бурдонъ.

— Вы знаете, что этотъ вопросъ,—она указала рукой на дарственную запись, которую онъ положилъ передъ нею столъ,—можетъ быть, окончательно рѣшенъ только моимъ отцомъ. Я поблагодарила бы васъ отъ его имени, но знаю, что вы съ презрѣніемъ отнесетесь къ нашей благодарности. Что же касается нашихъ обязанностей относительно васъ...

Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой.

— Это лишнее. Я не нуждаюсь въ деньгахъ, и вдобавокъ всегда могу прокормить себя.

Онъ вѣжливо поклонился ей. Она подала ему руку.

— Надѣюсь, что это не послѣднее наше свиданіе? спросила Антуанета.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Бурдонъ, слегка прикоснувшись губами до ея руки.

— Я уѣзжаю на время, только не могу опредѣлить срока моего возвращенія. Вѣроятно, въ мое отсутствіе многое измѣнится здѣсь. Императоръ чуть ли не ежегодно ставитъ *en banque* свою корону и Францію противъ остальнаго міра. Еще большая опасность грозитъ отъ него отдѣльнымъ личностямъ. Семела должна остерегаться огня Юпитера!

— Дерзкій плебей! проговорила ему вслѣдъ Антуанета, но Бурдонъ не слышалъ этого восклицанія, онъ уже вышелъ изъ комнаты.

Въ то время, какъ Бурдонъ сходилъ съ широкой лѣстницы стариннаго великолѣпнаго дома, Цамбелли подымался по ней.

Они встрѣтились на площадкѣ лѣстницы и любезно раскланявшись другъ съ другомъ обмѣнялись нѣсколькими незначительными словами.

Бурдонъ вышелъ на улицу, но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ кто-то положилъ ему руку на плечо.

— Какъ ты поживаешь, Веняминъ. Я думалъ ты уже въ Египтѣ. Это былъ Дероне.

— Нѣтъ еще. Ты сердился, что я не обратилъ вниманія на твои предостереженія и не уѣхалъ отсюда? Но ты знаешь, я докторъ и не имѣю права бросить сразу своихъ больныхъ.

— Ну теперь я надѣюсь, что ты можешь отправиться въ дорогу. Совѣтую тебѣ поспѣшить. Въ твоёмъ распоряженіи всего одни сутки. Завтра Дюбуа прикажетъ арестовать тебя.

— Ты говоришь серьезно?

— Разумѣется. Наполеонъ сильно разгнѣванъ. Кто-то наговорилъ ему на тебя. Еслибы ты слышалъ, какъ онъ отдѣлалъ Фуше, называлъ его измѣнникомъ и террористомъ. По словамъ Наполеона „республиканцы и идеологи проникли въ его домъ, а полиція ни за чѣмъ не смотритъ. Но ему нѣтъ дѣла до ихъ угрозъ и шашней. Онъ обязанъ доставить спокойствіе Франціи и избавить ее отъ шарлатановъ, которые выдаютъ себя за республиканцевъ и магнетизеровъ“. Надѣюсь, что намекъ на тебя былъ достаточно ясенъ.

Бурдонъ пожалъ ему руку.

— Спасибо тебѣ мой вѣрный другъ. Относительно меня будь спокоенъ. Въ моемъ домѣ не найдутъ ни одного клочка бумаги, къ которому можно было бы придаться. Я все уничтожилъ.

— Все ли? спросилъ съ недовѣріемъ Дероне. Ну, а я все-таки совѣтовалъ бы тебѣ бѣжать отсюда.

— Я считаю бѣгство бесполезнымъ. Буду ждать, что будетъ.

— Вѣдь это глупо! Если онъ не разстрѣляетъ тебя, то по меньшей мѣрѣ засадитъ въ тюрьму.

— Если я обращусь въ бѣгство, продолжалъ Бурдонъ, то это будетъ лучшимъ доказательствомъ моей виновности. Учредить слѣдствіе и тогда попадутся многіе изъ моихъ пріятелей. Его клеветы будутъ гнаться за мной, какъ за дичью. Богъ знаетъ, найду ли я пріютъ въ Петербургѣ. Вдобавокъ, я не чувствую никакой склонности къ путешествіямъ и опаснымъ приключеніямъ. Пусть лучше засады меня въ тюрьму.

— Ты кажется считаешь тюремный воздухъ очень полезнымъ для себя?

— Сколько людей доживали до старости въ заключеніи. Меня будетъ поддерживать сознаніе, что я не уступилъ ему и онъ не будетъ считать меня трусомъ.

— Каковъ стоишь! проговорилъ съ досадой Дероне. Ну дѣлать нечего! Если ты хочешь поставить на своемъ, то вооружись терпѣніемъ. Я похлопочу о тебѣ. Въ случаѣ крайности, мы поможемъ тебѣ бѣжать изъ тюрьмы.

— Ты лучше позаботься о молодомъ нѣмцѣ и уговори его поскорѣе уѣхать отсюда.

— Постараюсь. Я долженъ еще одного человѣка взять на свое попеченіе.

— Шевалье Цамбелли?

— Да, я буду слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ. Будь я проклятъ, если не онъ заварилъ всю эту кашу, чтобы погубить тебя.

— Вѣроятно. Но онъ не ожидаетъ, какъ я буду спокойно расхлебывать ее.

— Онъ еще меньше ожидаетъ тѣхъ счетовъ, которые ему придется сводить со мной. Прощай.

— До свиданія.

Пріятели пожали другъ другу руки и разстались на перекресткѣ двухъ улицъ.

Антуанета еще не успѣла прійти въ себя отъ смущенія, въ которое привелъ ее визитъ Бурдона, какъ услышала въ сосѣдней комнатѣ голосъ Цамбелли, который изъ вѣжливости приказалъ сперва доложить о себѣ графу и графинѣ Мартиньи. Это было очень кстати, такъ какъ иначе онъ бы засталъ ее врасплохъ и совершенно растерянною.

На дняхъ Антуанета въ первый разъ встрѣтила его въ Тюльери, на большомъ праздникѣ и сдѣлала видъ, что не узнала его, но онъ такъ упорно становился ей на дорогѣ, что она по неволѣ должна была обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами. Она обошлась съ нимъ очень холодно и старалась держать его отъ себя въ почтительномъ отдаленіи. Ей было стыдно передъ нимъ: она помнила, какъ увѣряла его въ Вѣнѣ, что никогда не будетъ играть роли въ Тюльери и не желаетъ этого! Какъ ни таинственно было появленіе шеваляе при дворѣ Наполеона, но на его сторонѣ было то преимущество, что онъ открыто высказывалъ свой взглядъ на узурпатора. Она не имѣла права упрекнуть его въ измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ, тѣмъ болѣе, что сама была близка къ худшей измѣнѣ, нежели та, которую могъ когда либо задумать или совершить Цамбелли.

Съ краской на лицѣ вышла она въ сосѣднюю комнату, гдѣ шеваляе велъ оживленную бесѣду съ ея родными. Онъ поклонился ей какъ старый знакомый, но воздержался отъ улыбки изъ боязни оскорбить ее. Ему было достаточно, что гордая красавица смущается въ его присутствіи. Опытъ показалъ ему, что нѣжныя объясненія не дѣйствуютъ на сердце Антуанеты. Чтобы сдѣлать его доступнымъ любви онъ долженъ удалить соперника. Онъ не подозрѣвалъ, что въ этомъ тщеславномъ сердцѣ другая тѣнь, еще болѣе величественная, уже затмила ненавистный для него образъ Вольфсегга.

Оба одинаково желали остаться наединѣ. Тяжелѣ всякаго объясненія было для нихъ молчаливое наблюденіе другъ за другомъ и обмѣнъ незначительныхъ фразъ, гдѣ каждое слово имѣло свой затаенный смыслъ. Антуанета, потерявъ терпѣніе, дала понять своимъ роднымъ, что желаетъ остаться наединѣ съ гостемъ. Графъ и графиня Мартиньи тотчасъ же удалились подъ предлогомъ визита.

— Наконецъ то! сказалъ Цамбелли. Благодарю васъ, что вы избавили меня отъ присутствія постороннихъ людей. Принужденіе было слишкомъ тяжело. Я не въ состояніи былъ болѣе скрывать своихъ чувствъ. Мнѣ оставалось только удалиться и потерять случай, который бытъ можетъ не возобновится болѣе.

— При нашей дружбѣ, шевалье, это опасеніе кажется мнѣ совершенно напраснымъ. Вы можете видѣть меня, когда вамъ угодно.

— Развѣ вы не знаете, что во всѣхъ салонахъ и на улицахъ толкуютъ о предстоящей войнѣ съ Австріей? Мысль, что уже сочтены часы вашего пребыванія въ Парижѣ, приводитъ меня въ отчаяніе.

— Я еще не думаю объ отъѣздѣ, отвѣтила уклончиво Антуанета. Нашъ посланникъ графъ Меттернихъ надѣется на возстановленіе мира.

— Онъ только обманываетъ другихъ. Можетъ ли онъ думать, что императоръ позволить усыпить себя и будетъ спокойно ожидать, пока нападутъ на него?

— Что бы ни случилось, но меня привязываетъ къ Парижу святая обязанность спасти моего брата. Я не уѣду отсюда, пока не узнаю, что онъ на свободѣ.

— Всякій пойметъ и одобритъ это намѣреніе, даже ваши родители, такъ какъ вы возвратите имъ потеряннаго сына. Вы представляете собой рѣдкій примѣръ сестринской любви. Если бы вы слышали съ какимъ восхищеніемъ говорить о васъ императоръ.

— Его величество слишкомъ милостивъ ко мнѣ, придавая такое значеніе моему поступку.

— Его великодушное сердце всегда было способно понимать высокія дѣла и помыслы. Какъ ошибается міръ относительно этого человека!

— Вы восхищаетесь имъ, и онъ съ своей стороны вѣроятно также цѣнитъ ваши достоинства...

— Я никогда не скрывалъ своего уваженія къ нему, даже въ Вѣнѣ, гдѣ не безопасно было хвалить его.

— Опасно! Только не для шевалье Цамбелли!

— Именно мнѣ, потому что вы постоянно нападали на него.

— Теперь вы можете вполне торжествовать. Я сложила оружіе и сознаюсь, что благодаря предразсудкамъ воспитанія и моимъ роднымъ, у меня составилось крайне невыгодное понятіе о Бонапартѣ. Я ожидала встрѣтить тирана, узурпатора и взамѣнъ этого увидѣла человека, который совмѣстилъ въ себѣ Цесаря и Августа.

— Вы уже не станете больше сердиться на меня за желаніе видѣть васъ при дворѣ великаго Наполеона? замѣтилъ съ улыбкой Цамбелли,—гдѣ вы заняли положеніе достойное вашей красоты и ума.

— Я не могу играть здѣсь никакой роли; вы забываете что я иностранка.

— Развѣ Франція не настоящее ваше отечество? Мы оба — прости такое сопоставленіе—не можемъ считать себя дѣтьми холодной и мрачной Германіи, мы нѣмцы только по нашимъ матерямъ. Здѣсь свободно развивается страсть, гений не стѣсненъ никакими ограниченіями, нѣтъ предѣловъ желаніямъ. Примѣръ императора на лицо. Его маршалы мечтаютъ о герцогствахъ и королевствахъ. Благодаря ему, я наконецъ почувствовалъ, что начинаю жить.

Цамбелли выразилъ то, въ чемъ Антуанета еще не рѣшалась сознаться самой себѣ.

— Если я поняла васъ, сказала она, то вы связали вашу судьбу съ Наполеономъ.

— Я добровольно и сознательно сдѣлался его слугой. Обязательства, которыя мы сами принимаемъ на себя, не могутъ тяготить насъ. Къ тому же я на половину итальянецъ и считаю себя его подданнымъ.

— Не мечтаете ли вы, какъ его маршалы, сдѣлаться королемъ или герцогомъ?

— Главная цѣль моихъ стремленій внѣ власти императора, отвѣтилъ Цамбелли. Она въ вашихъ рукахъ. Я скорѣе ишу около него удовлетворенія той жажды дѣятельности, которая составляетъ основу моего существованія, нежели чего либо другого. Я принадлежу къ ненасытнымъ людямъ. Иногда мнѣ кажется, что даже королевская корона не могла бы осчастливить меня. Я никому не рѣшился бы говорить объ этомъ кромѣ васъ. Вы заглянули въ самую глубь моего сердца. Мое счастье...

— Мнѣ кажется, шевалье, холодно замѣтила Антуанета, прерывая его, что есть вещи, о которыхъ не слѣдуетъ возобновлять разговора.

— Я не хотѣлъ напоминать вамъ самага печальнаго момента моей жизни, когда я долженъ былъ навсегда отказаться отъ счастья и спокойствія. Мнѣ осталась одна надежда, что шумъ битвъ и волненія политическихъ дѣлъ пополняютъ пустоту моего существованія; но мнѣ вѣчно будетъ недоставать того, чѣмъ я никогда не наслаждался и мое горе никогда не затихнетъ...

Голосъ Цамбелли дрожалъ. Онъ говорилъ съ театральнымъ пафосомъ, которому умѣлъ придать видъ непритворнаго страданія. Гордая аристократка вторично отталкивала его.

„Опять этотъ Вольфсеггъ!“ — подумалъ Цамбелли, внѣ себя отъ ярости.

Но на этотъ разъ онъ не былъ такъ обезоруженъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда она бросилась отъ него въ объятія своего дяди. Если онъ не могъ заслужить ея любовь, то хотѣлъ доставить себѣ зрѣлище ея смущенія.

— И война, и политическія дѣла могутъ увлечь васъ и сдѣлаться главной цѣлью жизни, отвѣтила Антуанета равнодушнымъ голосомъ. — Какъ часто человекъ ищетъ своего счастья тамъ, гдѣ онъ не можетъ найти его!

— Вы правы, отвѣтилъ поспѣшно Цамбелли. — Самые умные люди сбиваются съ дороги и попадають въ болото, гоняясь за блудящимъ огнемъ или красивымъ растеніемъ. Также многое оправдываетъ мы страстью и увлеченіемъ молодости. Но фактъ на лицо, ничто не измѣнить его. Вотъ напримѣръ графъ Вольфсеггъ...

— Что случилось съ дядей? спросила съ безпокойствомъ Антуанета.

Съ замираніемъ сердца вспомнила она слова Веньямина. Если заговоръ сдѣлался извѣстнымъ, то что могло помѣшать Наполеону употребить насиліе и приказать своимъ клевретамъ захватить обманомъ графа Вольфсегга и привести въ Парижъ?...

— Простите меня, сказалъ Цамбелли, — я кажется напрасно встревожилъ васъ. Я только хотѣлъ привести въ подтвержденіе моихъ словъ давнишнюю исторію, которая собственно касается друзей и родныхъ графа. Я былъ убѣжденъ, что она давно извѣстна вамъ.

Возбудивъ такимъ образомъ любопытство Антуанеты, Цамбелли послѣ долгаго колебанія уступилъ ея просьбамъ и разсказамъ исторію сношеній графа съ Атенаисъ Дешанъ.

— Мнѣ интересно было бы знать ваше мнѣніе, относительно всего этого, сказала Антуанета, выслушавъ его съ притворнымъ спокойствіемъ.

— Еслибы рѣчь шла не о графѣ Вольфсеггѣ, то я не нашелъ бы въ этомъ ничего необыкновеннаго. Развѣ можно удивляться тому, что молодой иностранецъ во время своего пребыванія въ Парижѣ вступилъ въ связь съ дѣвушкой и обѣщалъ на ней жениться, но не сдержалъ своего обѣщанія. Такія исторіи случаются чуть ли не изо дня въ день. Но признаюсь, что подобнаго поступка трудно было ожидать отъ такого строгаго философа, какъ графъ Вольфсеггъ, который повидимому служилъ примѣромъ самоотреченія и неуклоннаго исполненія долга.

Антуанета казалась блѣдною и взволнованною. Цамбелли, прощаясь съ нею, чувствовалъ, какъ ея рука дрожала въ его рукѣ.

Если мечь можетъ доставить наслажденіе, то шевалье испытывалъ его въ эту минуту, не подозревая, что всѣ его старанія не приносятъ ему никакой пользы и что другой воспользуется ими.

Долго послѣ того сидѣла Антуанета неподвижно въ своемъ креслѣ съ глазами, устремленными въ пространство. Она чувствовала гнѣвъ и презрѣніе ко всему человѣчеству.

Цамбелли былъ правъ. Это была самая обыкновенная исторія. Молодой человѣкъ имѣлъ любовницу, бросилъ ее, отнялъ у ней ребенка и воспитывалъ его подъ чужимъ именемъ. Но могла ли она ожидать такого поступка отъ своего дяди, котораго она привыкла считать выше простыхъ смертныхъ? Значить, онъ не лучше и не достойнѣе другихъ! Какъ могла она сравнивать его, хотя одну минуту съ Бонапартомъ? Не ему ли хотѣла она пожертвовать надеждами на блестящую будущность и отказаться отъ свѣта! Кто поручится ей, что онъ будетъ любить ее и не броситъ, какъ эту несчастную Атенаисъ.

Вся гордость ея возмущилась отъ этой мысли. Желаніе остаться въ Парижѣ и насладиться свободой еще болѣе усиливало ея неудовольствіе противъ графа Вольфсегга. Чтобы оправдать себя въ собственныхъ глазахъ, она увеличивала его вину относительно другой женщины.

Она была такъ занята своими мыслями, что не слышала какъ за нею отворилась дверь и опомнилась только тогда, когда увидѣла передъ собою молодую графиню Мартини, которая съ таинственной улыбкой положила передъ ней небольшой свертокъ, посланный изъ Тюльери. Антуанета поспѣшно развернула его.

Въ красивомъ футлярѣ лежало письмо, перевитое ниткой жемчуга. Прочитавъ первыя строки, Антуанета съ громкимъ крикомъ бросилась на шею своей кузины.

Это было письмо ея брата. Онъ былъ свободенъ.

ГЛАВА V.

— Уѣзжайте при первой возможности, сказалъ Меттернихъ Эгберту нѣсколько дней тому назадъ. — Мы должны пользоваться вѣтромъ, который гонить насъ обратно на родину.

Едва вышелъ онъ изъ дома австрійскаго посольства, какъ подошелъ къ нему незнакомый человѣкъ и шепнулъ ему на ухо:

— Не ходите къ Бурдону, онъ арестованъ часа два тому назадъ. Подробности узнаете изъ письма.

Извѣстіе это глубоко опечалило Эгберта. Теперь ему стало понятно странное поведеніе Венъямина въ послѣдніе дни. Онъ избѣгалъ показываться съ нимъ въ публикѣ и казался раздражительнѣе, чѣмъ когда либо.

Вернувшись домой, Эгбертъ засталъ письмо безъ подписи, въ которомъ объяснена была причина ареста: напали на слѣдъ заговора, который будто бы былъ извѣстенъ Бурдону. Ясный намекъ на опаль съ орломъ указывалъ, чей доносъ, по мнѣнію писавшаго, послужилъ поводомъ къ аресту.

Давно накопившаяся ненависть Эгберта къ Цамбелли перешла всѣ границы. Въ порывѣ негодованія онъ хотѣлъ отправиться къ шевадье и потребовать отъ него удовлетворенія. Онъ горько упрекалъ себя, что не воспользовался удобной минутой въ гостинницѣ „Kugel“ въ Вѣнѣ и не остановилъ этого опаснаго человѣка. Неужели онъ и теперь останется спокойнымъ зрителемъ, пока месть итальянца не постигнетъ его самого или графа Вольфсегга? Не лучше ли вступить съ нимъ немедленно въ борьбу на жизнь или смерть?

Оставаясь почти безотлучно у постели больной Атенаясъ и выслушивая ея бредъ и полупризнанія, Эгбертъ узналъ всю исторію ея отношеній къ графу Вольфсеггу, и не сомнѣвался, что она была также извѣстна Цамбелли послѣ происшествія въ Пале-Рояль. Такимъ образомъ спокойствіе дорогаго для него человѣка и счастье Магдалены были въ рукахъ итальянца.

Эта мысль не давала ему покою и тѣмъ дальше останавливался онъ на ней, тѣмъ безсильнѣе чувствовалъ онъ себя относительно своего врага.

Шевалье могъ отказаться отъ дуэли, точно также какъ отказался отвѣчать на его вопросъ въ гостинницѣ „Kugel“. Преслѣдовать его, легальнымъ путемъ, какъ убійцу! Но гдѣ же доказательства противъ него! Кто рѣшится выслушать обвиненія какого нибудь иностранца противъ всемогущаго любимца Наполеона.

Бросивъ письмо въ огонь, Эгбертъ невольно задумался надъ своей странной судьбой, которая неудержимо влекла его куда-то. Едва-ли не противъ своей воли попалъ онъ изъ тишины своего уютнаго жилища и уединенный улицы въ шумъ и суету новаго Рима и круговоротъ міровыхъ событій. Онъ былъ чуждъ политическихъ интересовъ, почти враждебно относился къ нимъ, а теперь готовъ былъ посвятить имъ свою жизнь. Онъ высказалъ свой взглядъ республиканцамъ и отчасти самому императору, не сегодня завтра быть можетъ ему придется защищать свои убѣжденія съ оружіемъ въ рукѣ. Онъ хотѣлъ мимоходомъ познакомиться съ политическимъ устройствомъ и отношеніями великой націи, но мало по малу они всецѣло поглотили его вниманіе.

Ожиданія его не оправдались. Въмѣсто безусловнаго поклоненія Бонапарту онъ услышалъ жалобы, увидѣлъ общее неудовольствіе. Парижане хвастались и восхищались побѣдами, но ненавидѣли виновника войны. Конскрипціи приводили въ ужасъ сельское населеніе. Высокомѣріе передъ низшими и подобострастіе передъ высшими сдѣлались отличительными свойствами французовъ. Бонапартъ сравнивалъ себя съ римскимъ цесаремъ; его приближенные и народъ представляли полное подобіе римскихъ вольноотпущенниковъ и рабовъ. Лучшіе люди Франціи недаромъ жаловались на упадокъ своего отечества. Если республика парализовала духовное развитіе и міръ искусствъ, то въ замѣнъ этого она дала политическую жизнь французскому народу, которая въ далекомъ будущемъ могла привести его къ достиженію высшихъ благъ человѣчества, свободы, равенства и общаго благосостоянія. Но вскорѣ безчинства и злодѣянія черни привели къ нескончаемымъ смутамъ и Франція пожелала имѣть Вашингтона. Но вмѣсто Вашингтона явился Цесарь; раскрылись врата храма Януса—бога войны, замолкли музы, исчезли книги, политическое ораторство; умерло стереотипное французское общество съ своими знаменитыми салонами; а заря возникающей свободы скрылась за облаками порохового дыма и заревомъ пылающихъ городовъ и деревень.

Эгбертъ долженъ былъ убѣдиться въ справедливости словъ графа Вольфсегга. Всемирное государство Бонапарта, которое издали представлялось какимъ то гигантскимъ сооруженіемъ съ незбылемымъ фундаментомъ и верхушкой достигающей до облаковъ, оказывалось вблизи обманчивымъ миражемъ, который долженъ былъ исчезнуть безслѣдно.

Ничто не удерживало болѣе Эгберта въ Парижѣ и онъ рѣшился немедленно вернуться на родину по совѣту Меттерниха и графа Вольфсегга, который написалъ ему по этому поводу длинное убѣдительное письмо. Но тутъ неожиданно пришелъ приказъ отъ императора, по которому онъ долженъ былъ явиться въ Тюльери на слѣдующее утро, въ половинѣ десятаго.

— Онъ завтракаетъ въ это время! говорили Эгберту его знакомые. Это большая честь!

Но честь эта не радовала Эгберта. Хотя все кончилось для него благополучно, но онъ не могъ безъ ужаса вспомнить свой разговоръ съ Наполеономъ въ Malmaison. Онъ представлялъ себя карликомъ, который неожиданно долженъ встрѣтиться съ великаномъ, такъ какъ не могъ вообразить иной картины, выражавшей болѣе наглядно то тяжелое сознаніе безсилія и униженія, которое охватило его душу.

Въ назначенный часъ явился онъ во дворецъ. Камергеръ съ удивленіемъ разглядывалъ юношу, такъ какъ Наполеонъ во время завтрака допускалъ къ себѣ только самыхъ близкихъ людей, знаменитыхъ ученыхъ и художниковъ или своихъ любимцевъ.

— Императору угодно говорить съ вами наединѣ, мосье Геймвальдъ—сказалъ камергеръ. Я сейчасъ доложу о васъ.

Но едва скрылся онъ за красной бархатной портьерой, усаженной золотыми пчелами, какъ изъ противоположныхъ дверей вышелъ камердинеръ, которому всѣ обязаны были докладывать свои имена и подойдя къ Эгберту поспѣшно всунулъ ему въ руки небольшую записку.

Эгбертъ прочелъ слѣдующія слова:

„Не теряйте хладнокровія. Ни слова о Бурдонѣ. Rue de Moineaux № 3. Иосифъ изъ Египта“.

Онъ только что успѣлъ спрятать записку, какъ вернулся камергеръ и знакомъ пригласилъ его слѣдовать за нимъ. Камердинеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ; но Эгбертъ былъ такъ озадаченъ, что не догадался взглянуть ему въ лицо.

Онъ долженъ былъ пройти двѣ залы прежде чѣмъ очутился въ комнатѣ императора. На него нашло какое-то полусознательное состояніе, и онъ опомнился только тогда, когда камергеръ громко произнесъ его имя.

Сдѣлавъ обычные поклоны, Эгбертъ вытянулся во весь ростъ и застылъ въ этой позѣ.

Наполеонъ стоялъ къ нему спиною, съ руками скрещенными на груди, передъ столомъ, на которомъ лежала карта. Голова его была опущена какъ бы въ раздумьи.

У камина, на маленькомъ столикѣ изъ краснаго дерева, покрытомъ бѣлою скатертью былъ сервированъ завтракъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора стоялъ дворцовый префектъ Боссе въ придворномъ платьѣ съ треугольной шляпой подъ мышкой, ожидая приказаній его величества.

Обои, обивка мебели, драпри были зеленые. Всюду надъ окнами, дверями, на часахъ, надъ мраморнымъ каминомъ въ видѣ украшенія виднѣлись орлы съ распростертыми крыльями съ лавровыми вѣнками въ клювъ, обвивавшими императорскій вензель N. На всѣхъ столахъ лежали карты, книги, бумаги. Наполеонъ занимался дѣлами даже во время своего короткаго завтрака.

Занятый своими соображеніями, онъ не обращалъ никакого вниманія на Эгберта. Префектъ также не двигался.

Наконецъ Бонапартъ поднялъ голову и медленно обернулся.

Онъ былъ какъ всегда въ мундирѣ, но безъ шпаги и орденской ленты.

— А! вы тутъ, мосье Геймвальдъ!

Эгбертъ поклонился.

— Я недавно былъ въ вашихъ странахъ на Дунаѣ, сказалъ онъ, садясь въ кресло и положивъ руку на карту. Австрійцы думаютъ застать меня врасплохъ; но мы сами явимся къ нимъ съ быстротою молніи. Моя главная квартира будетъ въ Вѣнѣ. Вы вѣроятно хорошо знаете ея окрестности. Вы уроженецъ Вѣны?

— Точно такъ, ваше величество.

— Подойдите сюда. Какъ вы находите, правильно-ли нарисована эта карта.

На столѣ лежала большая карта теченія Дуная отъ баварской граница близъ Пассау до Пресбурга.

— Насколько я могу судить, карта совершенно вѣрна, ваше величество.

— Тутъ подъ Вѣной нѣсколько острововъ на Дунаѣ. Какъ называется самый большой изъ нихъ?

— Лобау, ваше величество.

— Крѣпкій грунтъ или болото?

— Все лѣсъ и кустарникъ. На сколько мнѣ извѣстно островъ почти необитаемъ.

— Вы имѣете домъ въ Вѣнѣ?

— Въ предмѣстьѣ Landstrasse и небольшое имѣніе около Шенбрунна.

— Мы скоро будемъ въ вашемъ сосѣдствѣ, замѣтилъ императоръ съ свойственной ему холодной улыбкой,—я слышалъ вы уѣзжаете изъ Парижа?

— Да, ваше величество.

— Довольны ли вы своимъ пребываніемъ въ нашей столицѣ? Какъ шли ваши занятія? Нѣмцы прилежный, трудолюбивый народъ. Ваша молодежь не проводитъ время въ однихъ удовольствіяхъ, пустой болтовнѣ, и не увлекается политическими бреднями, какъ наши юноши. Она учится и живетъ среди книги. Я уважаю ее за это. Осмотрѣли-ли вы музеи и библіотеки?

— Далеко не такъ основательно, какъ я желалъ этого. Нужны

года, чтобы изучить сокровища наукъ и искусствъ, которые собраны здѣсь вашимъ величествомъ. Наполеоновскій Парижъ представляетъ полное подобіе Рима временъ Траяна.

— Только Траянъ былъ счастливѣе меня. Когда онъ одерживалъ на границахъ имперіи легкія побѣды надъ варварами ему отдавали въ Римѣ божескія почести. Никто не помышлялъ дѣлать ему затрудненій внутри государства. Даже вѣчно недовольный римскій сенатъ не вмѣшивался въ его дѣйствія. Замолкли софисты, политическіе болтуны и пустомели. Желчный Тацитъ съ похвалой отзывался о немъ. Я сдѣлалъ больше для Франціи, нежели Траянъ для Рима. Но чѣмъ отблагодарили они меня за это? Якобинцы до сихъ поръ не могутъ успокоиться; они не хотятъ видѣть Францію могущественной и счастливой. Ихъ слѣдовало бы посадить въ тюрьму подъ замокъ. Домъ сумашедшихъ былъ бы для нихъ еще лучше. Но къ несчастью врачи принадлежатъ къ числу ихъ. Кстати, вы кажется знакомы съ Веньяминомъ Бурдономъ?

— Точно такъ, ваше величество, я передалъ ему поклонъ отъ его умирающаго отца.

Говоря это Эгбертъ смѣло смотрѣлъ въ лицо императору. Такъ дѣлаютъ съ львами, когда хотятъ избѣжать неожиданнаго прыжка. Императоръ показался Эгберту еще меньше ростомъ и шире въ плечахъ, чѣмъ въ Malmaison.

— Отъ умирающаго отца? Это что за исторія?

Эгбертъ разсказалъ въ короткихъ словахъ исторію насильственной смерти Жана Бурдона.

На строгомъ лицѣ Наполеона не измѣнилась ни одна черта, не дрогнула ни одна жилка. Глаза смотрѣли также спокойно и пристально, лобъ оставался такимъ-же высокимъ и гладкимъ, какъ всегда.

— Да, помню,—сказалъ онъ. Это происшествіе было напечатано въ газетахъ. Австрія не можетъ похвастаться своей полиціей. Какъ не найти виновныхъ! Такъ вотъ что сблизило васъ съ Бурдономъ! Это въ порядкѣ вещей. Развѣ могъ онъ привлечь васъ къ себѣ своими политическими бреднями? Нѣмцы не республиканцы, они преданы своимъ монархамъ. Если бы я царствовалъ въ Германіи, то считалъ бы себя счастливымъ человекомъ. Вы никогда не носили оружіе?

— Никогда, ваше величество, но я могу въ случаѣ необходимости владѣть имъ.

— Противъ меня, вѣроятно! замѣтилъ съ улыбкой императоръ, нюхая табакъ изъ маленькой табакерки. Въ Австріи организуютъ народное ополченіе изъ гражданъ и солдатъ. Все это вздоръ! Такое войско не выдерживаетъ строя. Примѣръ Испаніи могъ убѣдить въ бесполезности народнаго вооруженія! Они даже не сумѣли удержать прохода Сомо-Сьерра, противъ атаки кавалеріи. Всякій бандитъ не можетъ вести войну. Война—искусство!

Онъ остановился. Эгбертъ счетъ нужнымъ сказать что нибудь.

— Вы это не разъ доказывали на дѣлѣ ваше величество.

— Я не понимаю, чего хотите вашъ государь! Не думаетъ ли онъ застращать меня? Народное ополченіе, возстаніе тирольскихъ крестьянъ, о которыхъ пишетъ мнѣ баварскій король,—все это призраки! Мои полки разсѣютъ ихъ! Ссылаются на примѣръ Франціи во время революціи. Войска, выставленныя комитетомъ общественной безопасности, генералы, республика, спасеніе отечества—все это бессмыслица, басня, придуманная якобинцами, чтобы заставить міръ забыть гильотину и до извѣстной степени оправдать ее. Я создалъ французскую армію и сдѣлалъ ее непобѣдимой, я одинъ! Императоръ Францъ, выступая противъ меня можетъ лишиться и государства и короны.

Наполеонъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Эти старинныя европейскія династіи воображаютъ, что имъ дана привилегія на вѣчное существованіе! Но развѣ они также не вышли изъ народа и не обязаны своимъ возвышеніемъ какому нибудь великому предку! Графъ Рудольфъ Габсбургскій былъ незначительнымъ нѣмецкимъ рыцаремъ, а его потомки воображаютъ, что въ ихъ жилахъ течетъ лучшая кровь, нежели моя. Только тотъ можетъ вполнѣ назвать себя человѣкомъ, кто самъ создаетъ свое счастье! Какого вы мнѣнія на счетъ всего этого?

При этихъ словахъ Наполеонъ пристально посмотрѣлъ на Эгберта.

— Я простой бюргеръ, ваше величество...

— И потому не можете иначе думать, нежели я. Вы мнѣ нравитесь г-нъ Геймвальдъ. У васъ открытое и честное лицо. Я охотно принялъ бы васъ къ себѣ на службу. Не теперь, разумѣется. Я не люблю измѣнниковъ. Но война не продолжается постоянно. Опять наступитъ миръ и надѣюсь на долгіе годы. Я желаю этого; и поэтому намѣренъ дѣйствовать быстро и рѣшительно.

— Если ваше величество желаете мира, то дайте его, вмѣсто сокрушающихъ ударовъ, которыми вы грозите намъ. Пощадите мое бѣдное отечество!

Префектъ поблѣднѣлъ и съ ужасомъ взглянулъ на смѣлаго оратора.

— Я не австрійскій императоръ! сказалъ Наполеонъ, возвысивъ голосъ и топнувъ ногой.

— Вы могущественнѣе его! Судьба и вашъ гений сдѣлали васъ повелителемъ вселенной! продолжалъ Эгбертъ, вооружившись мужествомъ. Вы выиграли больше битвъ, чѣмъ Александръ Македонскій и Фридрихъ Великій. Большая слава возможна для васъ только въ томъ случаѣ, если вы дадите миръ человѣчеству. Тогда оправдается надежда, которая явилась у насъ въ Германіи, когда вы заняли престолъ Франціи и Италіи. Мы были увѣрены, что явился новый Карлъ Великій...

Эгбертъ остановился. Префектъ пожималъ плечами и дѣлалъ ему знаки, чтобы онъ замолчалъ.

— Не мѣшайте ему, Боссе, воскликнулъ Наполеонъ. Развѣ я не долженъ знать, что думаетъ обо мнѣ молодежь въ Германіи?

— Образъ великаго государя возсталъ передъ нами, продолжалъ Эгбертъ. Послѣ долгой войны, Европа наслаждалась при немъ многолѣтнимъ миромъ. Какъ тогда, такъ и теперь, разрѣшеніе вопроса зависитъ отъ воли побѣдителя. Семнадцать лѣтъ война свирѣпствуетъ въ Европѣ! Прекратите ее и побѣжденные вами народы съ радостью будутъ привѣтствовать васъ, какъ своего верховнаго владыку. Я отвѣчаю вамъ за свое отечество. Только оставьте намъ наши границы и нашу національность; мы нѣмцы и желаемъ остаться ими, и никогда не сдѣлаемся подданными Франціи.

Боссе ожидалъ взрыва императорскаго гнѣва и заблаговременно удалился къ дверямъ.

Но противъ своего обыкновенія Бонапартъ сохранилъ хладнокровіе. Сдерживалъ ли онъ свой гнѣвъ или дѣйствительно не былъ раздраженъ рѣчью Эгберта, только онъ также спокойно смотрѣлъ на него своими гордыми глазами.

— Все это я слышу въ первый разъ, сказалъ Наполеонъ. Благодарю васъ за откровенность. Французскіе республиканцы хотѣли бы прогнать меня за море или умертвить; нѣмецкіе мечтатели желали бы обезоружить меня. Но вы упускаете изъ виду, что я всѣмъ обязанъ своей шпагѣ. Развѣ я веду войну для своего удовольствія?

Послѣднюю фразу онъ произнесъ рѣзкимъ, раздраженнымъ голосомъ и, поднявъ руку, подошелъ къ Эгберту, но тотчасъ же сдержалъ себя. Молодой нѣмецъ показался ему слишкомъ ничтожнымъ для того трагизма, который онъ любилъ придавать вспышкамъ своего гнѣва.

— Побѣды и завоеванія мое ремесло и мое искусство, продолжалъ Наполеонъ, какъ для васъ, быть можетъ, писаніе стиховъ. Всякому свое. Вездѣ и всегда сильный давилъ слабого. Судьба предназначила мнѣ пересоздать міръ. Если вы австрійцы не захотите подчиниться мнѣ, то я счумѣю принудить васъ къ тому. Какое мнѣ дѣло до національныхъ различій и вашей народности! Какое у насъ число сегодня?

— Середа, двадцать второе февраля.

Императоръ нѣсколько секундъ стоялъ молча передъ картой, занятый своими соображеніями.

— Три мѣсяца! Въ маѣ я надѣюсь быть въ Вѣнѣ. Мы можемъ продолжать тогда нашъ разговоръ въ Шенбрунскомъ саду. Теперь вы можете идти. Совѣтую вамъ для вашей собственной безопасности скорѣе уѣхать отсюда.

Онъ поднялъ слегка свою маленькую бѣлую руку. Эгбертъ удалился.

Дворцовая передняя была переполнена просителями и разными

служащими; тутъ были министры, сенаторы, члены государственнаго совѣта. Аудіенція тянулась долѣе обыкновеннаго. Всѣ съ любопытствомъ разглядывали молодого иностранца; одни завидовали ему, другіе старались прочесть на его лицѣ въ какомъ расположеніи духа находится императоръ.

Лицо Эгберта горѣло. Проходя мимо толпы, онъ едва замѣтилъ ее и только спускаясь по лѣстницѣ, ведущей на широкій дворъ, гдѣ стоялъ длинный рядъ экипажей, онъ вздохнулъ свободнѣе и пришелъ въ себя.

Садясь въ наемную карету, онъ вспомнилъ о запискѣ переданной ему дворцовымъ камердинеромъ. Кто другой могъ написать ее, кромѣ Дероне, который уже не разъ оказывалъ ему услуги и постоянно относился къ нему съ самымъ сердечнымъ участіемъ?

Эгбертъ рѣшился немедленно отправиться на таинственное свиданіе, такъ какъ думалъ выѣхать изъ Парижа на слѣдующій день. Онъ надѣялся узнать что нибудь отъ Дероне о судьбѣ Веньямина.

Rue des Moineaux была одна изъ многихъ переплетающихся между собою улицъ на тѣсномъ пространствѣ между Вандомской площадью и Пале-Роялемъ.

Приѣхавъ на мѣсто, Эгбертъ безъ труда отыскалъ домъ № 3. Это было большое пяти-этажное зданіе, съ множествомъ квартиръ, переполненное жильцами. Но какъ отыскать Дероне? Если онъ не называлъ себя въ запискѣ, то, вѣроятно, у него были на это основательныя причины. Послѣ нѣкотораго колебанія Эгбертъ вошелъ въ домъ и обратился къ привратнику съ просьбой указать ему квартиру „Іосифа изъ Египта“.

Привратникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на красиваго юношу, одѣтаго въ богатый придворный костюмъ.

— Я не знаю никакого Іосифа, отвѣтилъ онъ. Вы, вѣроятно, отыскиваете Пентефрія! Въ третьемъ этажѣ, первая дверь налѣво.

Эгбертъ, занятый своими мыслями, не обратилъ никакого вниманія на насмѣшливый тонъ привратника. Онъ понялъ только куда онъ долженъ идти и сталъ подыматься по узкой крутой лѣстницѣ. Благодаря этому, онъ почувствовалъ еще большую досаду, когда передъ нимъ отворилась дверь и онъ очутился лицомъ къ лицу съ хорошенькой Зефириной. Первою мыслью Эгберта было обратиться въ бѣгство. Онъ не принадлежалъ къ числу поклонниковъ Зефирины, которая окончательно оттолкнула его своимъ двусмысленнымъ обращеніемъ съ нимъ. Встрѣчаясь чуть ли не ежедневно съ Эгбертомъ у постели больной Атенаисъ, Зефирина такъ явно выказывала ему свое расположеніе взглядами и намеками, что онъ не разъ терялъ терпѣніе и съ трудомъ удерживался, чтобы не сказать ей какой нибудь грубости. Во избѣжаніе этого, онъ разыгрывалъ роль недоступнаго и непонимающаго, а теперь помимо своей воли очутился въ ея квартирѣ. „Что можетъ подумать Зефирина объ этомъ визитѣ? спрашивалъ

себя Эгбертъ. Предупредилъ ли ее Дероне, что ему пришла фантазія назначить мнѣ свиданіе въ ея квартирѣ, чтобы перехитрить своихъ враговъ?”

Все это еще болѣе усиливало смущеніе Эгберта.

— Извините меня! пробормоталъ онъ краснѣя. — Я кажется явился къ вамъ слишкомъ рано.

— Напротивъ, я давно встала съ постели и на столько прилично одѣта, что могу принять васъ господинъ философъ, сказала со смѣхомъ Зефирина, показывая рядъ жемчужныхъ зубовъ. — Вы, можетъ быть, не согласны съ этимъ? Да удостойте же взглянуть на меня.

Эгбертъ нехотя посмотрѣлъ на привлекательное, шаловливое существо съ хитрыми глазками, въ бѣломъ утреннемъ платьѣ изъ тонкой шерстяной матеріи съ розовыми шелковыми разводами.

— Вы обворожительны, м-ль! сказалъ Эгбертъ. — Дероне должно быть предупредилъ ее, мысленно утѣшалъ онъ себя. Вѣроятно мнѣ не долго прійдется оставаться съ нею наединѣ.

Зефирина усадила его рядомъ съ собою на маленькомъ диванѣ.

— Вы изъ Тюльери? Отъ императора?

— Да, м-ль. Меня пригласили туда самымъ неожиданнымъ образомъ.

— Надѣюсь, онъ былъ милостивъ съ вами. Говорятъ, онъ любитъ австрійцевъ и особенно австрійскихъ женщинъ.

— Это было бы очень странно въ настоящее время, когда онъ думаетъ объявить намъ войну.

— Сперва у него были въ большой милости польки. Онъ не настоящій французъ и потому ему нравится все иностранное.

— Я не замѣтилъ этого и не знаю также, откуда вывели вы заключение, что онъ любитъ австрійцевъ?

— Доказательствомъ этого можетъ служить одна ваша знакомая. Ее называютъ у насъ „la belle Allemande“ или она французенка?

— Молодая маркиза Гондревиль?

— Да. Это первая побѣда Наполеона надъ Австріей...

— М-ль! прервалъ ее Эгбертъ, который чувствовалъ себя какъ на горячихъ угляхъ.

Зефирина засмѣялась своимъ звонкимъ нахальнымъ смѣхомъ.

— Вы краснѣете какъ робкій пастушечъ. Но вѣдь у насъ за кулисами знаютъ все, что дѣлается въ Тюльери. Говорятъ, эта красавица совсѣмъ очаровала Наполеона. Амуръ оказывается сильнѣе его. Разумѣется она ужъ не вернется въ вашу скучную Германію; родители ея могутъ распроститься съ нею навѣки. Аテナисъ отъ души хохотала, когда я рассказала ей эту исторію. Она знаетъ ея родныхъ и называетъ ихъ гордыми аристократами. Одинъ изъ нихъ, я забыла фамилію, вѣроломно бросилъ Аテナисъ, а эта...

Эгбертъ соскочилъ съ своего мѣста.

— Ахъ не убивайте меня! воскликнула Зефирина театральнымъ тономъ. Вы не женихъ ли молодой маркизы?

— Я и маркиза Гондревиллы! Вотъ былъ бы подходящий бракъ! Развѣ вы не знаете, что у насъ въ Австріи бюргеръ не можетъ жениться на аристократѣ?

Эгбертъ не хотѣлъ вѣрить и не вѣрилъ ни одному слову Зефирины, но онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, что имя его идеала оскверняется устами такого ничтожнаго существа. Ему хотѣлось скорѣе вырваться изъ этой камнаты, гдѣ самый воздухъ казался ему тяжелымъ и сдавливалъ ему грудь. Ахъ, если бы Дероне скорѣе пришелъ! — думалъ онъ съ нетерпѣніемъ. Что могло задержать его такимъ образомъ.

— Вотъ ужасная страна! — воскликнула Зефирина, всплеснувъ руками. Значить у васъ въ Австріи я не могла бы выйти замужъ за графа или сенатора! Вѣдь это варварство. И вы еще хотите вернуться туда! Можетъ быть васъ испугала какая нибудь вспышка Наполеона. Но въ моихъ глазахъ вы нисколько не потеряли отъ того, что лишились его милости, напротивъ...

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ, м-ль.

— Но вы вовсе не заслуживаете этого и очень дурно обращаетесь со мной. вмѣсто того, чтобы глядѣть на меня, вы постоянно посматриваете на дверь. Противная дверь. Кто смѣетъ войти сюда? Или вы хотите обратиться въ бѣгство. Ну такъ я заранѣе приму мѣры предосторожности.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ удержать ее, она подбѣжала къ двери заперла ее и вынула ключъ изъ замка.

— Прекрасный Адонисъ! воскликнула она, ты плѣнникъ!

— Это ужъ слишкомъ! Я желалъ бы знать: шутка-ли это съ вашей стороны или вы говорите серьезно?

— Господинъ философъ, я хочу вамъ дать хорошій совѣтъ. Вы попали въ скверную исторію.

— Что это за исторія? спросилъ Эгбертъ, взявъ ее за обѣ руки въ надеждѣ овладѣть ключомъ, который она держала въ правой рукѣ.

— Этотъ Веньяминъ Бурдонъ опасный заговорщикъ. Я всегда боялась его и ни за что не пригласила бы его лечить себя. Теперь съ нимъ случилось большое несчастье. Но онъ самъ виноватъ. Какое ему было дѣло до государства! Лучше бы хлопоталъ съ своими больными.

— Онъ въ тюрьмѣ. Имѣете ли вы о немъ извѣстія? Вѣроятно его вышлютъ отсюда.

— Ну, у насъ не любятъ шутить съ заговорщиками, сказала Зефирина, нахмутивъ брови. Онъ поплатится за это головой.

У Эгберта замерло сердце.

— Неужели императоръ рѣшится на такую жестокость! Невозможно!

— Что дѣлать! *Sauve qui peut*. Вы первый должны сдѣлать это.

Вы были неразлучны съ этимъ Бурдономъ и знали о заговорѣ. Цѣль его всѣмъ извѣстна.—Она сдѣлала движеніе примадоны, которая закалываетъ кого-то кинжаломъ.—Доказательство вашего участія въ заговорѣ на лицо; вы постоянно носите съ собой опаль съ орломъ.

Эгбертъ былъ внѣ себя отъ удивленія. Какъ могла она знать о существованіи опала? Неужели Дероне имѣлъ неосторожность рассказать ей исторію убійства?

— Вы не можете отрицать этого, продолжала Зефирина; этотъ камень служить знакомъ для заговорщиковъ, по которому они узнаютъ другъ друга. Если при арестѣ его найдутъ у васъ...

— Имъ не за что арестовать меня.

— Васъ могутъ задержать въ минуту отъѣзда и произвести обыскъ подъ какимъ нибудь предлогомъ...

— Этотъ камень не имѣетъ никакого значенія. Это простая бездѣлушка.

— Если такъ, то подарите мнѣ его на память. У меня онъ будетъ въ безопасности, а вамъ это можетъ стоить жизни.

У Эгберта вкратчѣсь подозрѣнія, что Цамбелли подкупилъ ее, чтобы завладѣть камнемъ, который можетъ служить уликой противъ него.

— Жизни! повторилъ Эгбертъ. Ну, это мое дѣло. Я не ожидалъ отъ васъ, что вы способны на гнусную измѣну! Вы кажется не подозреваете какому человѣку вы служите!

— Я хочу спасти васъ, а вы меня обвиняете! Изъ-за васъ я подвергаю и себя и своихъ друзей величайшей опасности, и въ благодарность вы называете меня измѣнницей! Какъ эти мужчины не понимаютъ женскаго сердца.

Въ тонѣ ея голоса слышалась правда. Шевалье могъ воспользоваться ея привязанностью къ Эгберту и быть можетъ увѣрилъ ее, что она должна выманить камень у любимаго человѣка для его спасенія.

— Простите если я огорчилъ васъ, сказалъ Эгбертъ. Но объясните мнѣ отъ кого вы получили всѣ эти свѣдѣнія?

— Вамъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Послушайтесь моего совѣта, отдайте мнѣ камень.

— Я не могу и не долженъ исполнить вашей просьбы. Назовите мнѣ его имя...

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ.

— Измѣна! воскликнула съ рыданіемъ Зефирина, ломая руки. Но краска выступившая на ея лицѣ еще болѣе усилила подозрѣнія Эгберта. Онъ былъ увѣренъ, что попалъ въ ловушку.

Зефирина бросилась къ двери.

— Вы не уйдете отсюда, сказалъ рѣшительно Эгбертъ, удержавъ ее за руку. Я заставлю васъ признаться мнѣ во всемъ.

— Неблагодарный! Вотъ награда за мою любовь, за то что я хотѣла спасти васъ отъ вашихъ враговъ.

Въ этотъ моментъ слышались три удара въ дверь.

— Отворите во имя закона!

Зефирина бросила на Эгберта взглядъ, въ которомъ выразилась вся ея любовь къ нему, вмѣстѣ съ заботой объ его участи и торжествомъ оскорбленной невинности.

— Теперь ты узнаешь, воскликнула она, что я тебѣ говорила правду.

— Откройте дверь, сказалъ съ нетерпѣніемъ Эгбертъ, который хотѣлъ во что бы то ни стало выйти изъ своего траги-комическаго положенія.

Зефирина отворила дверь.

— Моё почтеніе! сказалъ со смѣхомъ Дероне, входя въ комнату.

Зефирина тотчасъ узнала его, потому что полицейскій чиновникъ часто прохаживался по заламъ Пале-Рояля, у Фраскати и въ новомодномъ „Турецкомъ саду“.

— Вотъ странный способъ являться къ дамамъ! сказала Зефирина съ недовольной миной. Развѣ я государственная преступница!

— Пока нѣтъ, мое сокровище! Но можешь легко навлечь на себя подозрѣніе, если будешь такъ горланить. Каждое слово, которое ты говорила съ этимъ господиномъ было слышно въ корридорѣ. А домъ этотъ такъ построенъ, что и стѣны имѣютъ уши. Дай-ка взглянуть...

Зефирина схватила его за руку, съ видомъ добродѣтельнаго негодованія, потому что онъ направился къ ея спальнѣ.

Дероне оттолкнулъ ее и войдя въ комнату тщательно осмотрѣлъ ее. Но здѣсь никого не было.

— Тутъ былъ кто-то! пробормоталъ онъ сквозь зубы, возвращаясь въ первую комнату.

— Теперь, сударыня, позвольте васъ спросить, сказалъ онъ, обращаясь къ Зефиринѣ, какую это вы оперу разыграли здѣсь? Не собственнаго ли сочиненія?

Зефирина смутилась, но не рѣшилась солгать, зная, что Эгбертъ можетъ выдать ее.

— Я узнала вчера, отвѣтила она краснѣя, что большая опасность грозитъ г-ну Геймвальду, вслѣдствіе того, что онъ носитъ съ собою извѣстный камень и рѣшилась выпросить у него эту вещь. Если бы я просто написала ему, то онъ не пришелъ бы ко мнѣ, потому что нѣмцы добродѣтельны до отчаянія. Вотъ я и рѣшилась послать ему таинственную записку во дворецъ, которая и была передана ему передъ его аудіенціей у императора.

— Ты славная дѣвочка и этотъ господинъ обязанъ поцѣловать тебя, рѣшилъ Дероне. Правосудіе слѣпо, но не полиція, мое сокровище. Скажи мнѣ, кто сообщилъ тебѣ такія подробныя свѣдѣнія о г-нѣ Геймвальдѣ?

— Онъ уже допрашивалъ меня объ этомъ, но напрасно, вы также ничего не узнаете отъ меня, мое сокровище Дероне, не смотря на мое уваженіе къ полиціи.

— Мнѣ пришло въ голову, не citoyen ли Фуше опять ошибся т. е. герцогъ Отрантскій плѣнился твоей мордочкой и...

— Что вы это выдумали? отвѣтила съ негодованіемъ Зефирина.

— Ну, если Фуше ничего не сообщалъ тебѣ, то это сдѣлалъ одинъ итальянецъ. Его зовутъ шевалье Витторіо Цамбелли. Что ты такъ покраснѣла!

— Божусь вамъ!...

— Вѣрю мое сокровище. Мосье Геймвальдъ помирится съ этой дамой. Я отвернусь. Поцѣлуйте ее на прощанье. Вотъ такъ, отлично. Однако намъ пора!

Дероне взялъ Эгберта за руку и быстро спустившись внизъ, сѣлъ съ нимъ въ карету.

— Уѣзжайте скорѣе отсюда! сказалъ Дероне. Попытка вырвать опалъ изъ вашихъ рукъ мирнымъ путемъ не удалась ему; теперь онъ употребитъ насиліе. Странно, что ему не пришло въ голову, что онъ самъ выдастъ себя! Изъ того, что онъ такъ хлопочетъ объ этомъ камнѣ, можно смѣло заключить, что онъ убійца Жана Бурдона.

— Онъ убійца! повторилъ Эгбертъ.

— Несомнѣнно, но васъ онъ не боится, а только этого камня, свидѣтеля его преступленія. Онъ придумалъ ловкую штуку съ этой Зефириной! Сегодня, по счастью, одинъ изъ моихъ людей слѣдилъ за вами и сообщилъ мнѣ, гдѣ вы. Но я не могу ежеминутно охранять васъ. Чѣмъ скорѣе вы уѣдете изъ этого города, тѣмъ лучше. Какъ кончилась ваша аудіенція у императора?

Эгбертъ разсказалъ на сколько возможно точно свое свиданіе съ Наполеономъ.

— Вы говорили какъ честный человѣкъ, но все таки берегитесь встрѣтиться съ нимъ. То обстоятельство, что онъ сдержалъ свой гнѣвъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

— Я уѣду завтра. Не можете ли вы сообщить мнѣ что нибудь о Веняминѣ?

— Онъ изучаетъ философію стоиковъ и примѣняетъ ее на практикѣ въ башнѣ Vincennes. Послѣ первой побѣды на Дунаѣ, Наполеонъ возвратилъ ему свободу. Негодай! сегодня онъ бросаетъ въ тюрьму честнаго человѣка по своему капризу, а завтра выпускаетъ его... Но вотъ мы доѣхали до вашего отеля. Выходите одни. Я отправлюсь дальше. Слуги слишкомъ любопытный народъ. Завтра я увижу васъ у почты. Я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не узнаю что вы уже за Страсбургомъ.

Едва ли нужно было такъ уговаривать Эгберта, чтобы побудить его вернуться на родину. Онъ самъ отъ всей души желалъ этого. Почва Парижа жгла ему ноги. Сильнѣе писемъ графа Вольфсегга, сильнѣе даже желанія видѣть Магдалену, образъ которой все яснѣе выступалъ изъ тяжелаго тумана послѣднихъ дней, понуждала его къ возвращенію забота о родинѣ. Какъ ни слаба была его рука въ

гигантской борьбѣ, которая должна была начаться черезъ нѣсколько недѣль, но Австрія не должна быть лишена этой руки. Въ городѣ, которому непріятель грозитъ истребленіемъ, не мало работы для каждаго безъ различія пола, званія и состоянія.

Какъ давно не получалъ онъ писемъ изъ Вѣны! Эта переписка сначала доставлявшая ему большое удовольствіе постепенно сдѣлалась для него источникомъ нескончаемыхъ мученій. Съ тоской по родицѣ соединялась боязнь за участь графъ Вольфсеггъ и Магдалены. Ему казалось что онъ своимъ присутствіемъ оградилъ бы свою возлюбленную отъ козней шевалье, отъ всего, что могло нарушить ея спокойствіе и безопасность.

Нетерпѣніе Эгберта уѣхать изъ Парижа усиливалось съ каждой минутой. Ему предстояла еще тяжелая обязанность проститься съ Антуанетой. Какъ странно сложились ихъ отношенія въ послѣднее время! Въ противоположность всему тому, что рисовала его фантазія и даже быть можетъ желаніямъ графа Вольфсегга, чужбина не только не сблизила, но навсегда разлучила ихъ. Въ городѣ равенства и свободы разниа ихъ рожденія и положенія въ свѣтѣ сказалась еще сильнѣе, нежели въ Вѣнѣ и въ замкѣ графа Вольфсеггъ. Несмотря на революцію, Мартиньи сохранили въ своемъ обращеніи высокомѣріе стариннаго французскаго дворянства. При австрійскомъ дворѣ присутствіе маркизы Гондревиль, графини Вольфсеггъ, среди многихъ еще болѣе знатныхъ и богатыхъ женщинъ, было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, между тѣмъ какъ въ Тюльери, гдѣ цвѣтъ дворянства составлялъ рѣдкость, Антуанета сразу заняла самую видную роль. Непосредственная близость къ ихъ величествамъ окружила ея лучезарнымъ блескомъ и поставила ее въ заколдованный кругъ, недоступный для Эгберта.

Въ первое время своего пребыванія въ Парижѣ Антуанета была поглощена заботой о братѣ; теперь ее занимали только празднества, которыя слѣдовали одно за другимъ нескончаемой вереницей. Каждое изъ нихъ доставляло ей хлопоты, огорченія и блаженство.

Эгбертъ чувствовалъ, хотя между ними не было произнесено относительно этого ни одного слова, что тѣмъ ближе становится Наполеонъ ея душѣ, тѣмъ больше она удаляется отъ него. Онъ былъ убѣжденъ, что въ словахъ Зефирины не было ни тѣни правды, но не могъ отрицать, что въ чувствахъ и понятіяхъ Антуанеты совершился полный переворотъ.

— Неужели и ты, прекрасная звѣзда, навсегда померкнешь для меня? спрашивалъ себя Эгбертъ подходя къ дому Мартиньи.

Вечеръ еще не наступилъ. Сумерки только что начали стучаться надъ городомъ. Ни одна звѣзда еще не зажглась на однообразномъ фонѣ неба. Никогда желанія Эгберта не простирались до надежды получить руку Антуанеты, но никогда также возможность потерять ее не представлялась ему съ такою ясностью, какъ теперь.

Холодная безопадна дѣйствительность возстала передъ нимъ во всей своей наготѣ. Неужели онъ навсегда долженъ разстаться съ существомъ, бывшимъ такъ долго его идеаломъ, и передъ вѣчной разлукой выслушать избитую фразу: счастливаго пути! Неужели онъ не сдѣлаетъ никакой попытки удержать милый образъ. Но что могъ онъ сказать ей? Если бы даже онъ фактически имѣлъ власть вырвать ее изъ заколдованнаго круга, въ которомъ она находилась, то и тогда онъ бы не посмѣлъ примѣнить эту власть къ гордой и упрямой дѣвушкѣ.

Въ домѣ графа Мартиньи слуги затруднялись впустить его; и только благодаря его настоятельному требованію и нѣсколькимъ золотымъ, они рѣшились доложить о немъ.

Но и послѣ этого ему пришлось ждать довольно долго.

Молодая маркиза была занята своимъ туалетомъ. Она совершенно забыла о письмѣ Эгберта, въ которомъ онъ предупреждалъ ее о своемъ приходѣ и просилъ принять его въ послѣдній разъ.

Одинъ изъ первыхъ сановниковъ имперіи, канцлеръ Камбасаресъ, давалъ блестящій праздникъ, на которомъ ожидали присутствія императора. Могла ли она не быть на этомъ праздникѣ!

Окончивъ свой туалетъ, она вышла къ Эгберту. Какъ хороша была она въ своемъ бѣломъ роскошномъ платьѣ, съ ниткой жемчуга на шеѣ, и блестящей діадемой въ волосахъ. Съ Эгбертомъ сдѣлалась нервная дрожь. Но взглянувъ въ ея лицо, онъ увидѣлъ въ немъ новое выраженіе, которое онъ не замѣчалъ прежде и это нѣсколько охладило его.

— Я заставила васъ ждать, мосье Геймвальдъ—сказала она, дружески подавая ему руку. Простите меня. Вы уѣзжаете завтра. Что заставляетъ васъ такъ спѣшить отсюда?

Эгбертъ сослался на свои домашнія дѣла и мимоходомъ коснулся предстоящей войны.

— Вѣроятно и графъ писалъ вамъ объ этомъ, добавилъ онъ. Въ Вѣнѣ считаютъ войну неизбежною.

— Да, въ Вѣнѣ! Мой дядя забываетъ, что я на половину французенка и что Франція для меня та же родина. Желая вамъ счастливаго пути, мосье Геймвальдъ. Я должна еще поблагодарить васъ за ваши старанія помирить насъ съ Бурдономъ.

— Я слышалъ, что Венъминъ вторично былъ у васъ съ визитомъ?

— Да, онъ честный человекъ. Я искренно сожалѣю объ его арестѣ. Но его политическій фанатизмъ превышаетъ всякую мѣру. Императоръ осыпалъ его почестями и наградами, а онъ вступилъ въ заговоръ противъ своего благодѣтеля! Впрочемъ, не даромъ говорятъ, что благодарность добродѣтель аристократовъ. Вы были дружны съ Бурдономъ. Надѣюсь, что вы не участвуете въ этихъ темныхъ дѣлахъ?

— Нѣтъ, графиня. Это извѣстно даже самому императору.

— Вы были у него на аудіенціи? Онъ вѣроятно былъ милостивъ къ вамъ?

Говоря это, Антуанета оживилась. Принужденность, которая была замѣтна на ея лицѣ и въ манерахъ, исчезла. Она надѣялась встрѣтить въ Эгбертѣ прежняго поклонника Бонапарта.

— Теперь вы лично познакомились съ нимъ—продолжала она и можете сказать дядѣ, что свѣтъ еще не видѣлъ подобнаго человѣка. Только тѣ могутъ ненавидѣть его, которые изъ зависти или предубѣжденія не хотятъ видѣть въ немъ высшее существо.

— Напротивъ! Тѣ, которые признаютъ его гениальность, должны вдвойнѣ ненавидѣть его!

— И вы въ томъ числѣ?

— Несомнѣнно! Наполеонъ непримиримый врагъ моего отечества.

— Вы говорите и чувствуете какъ австріецъ, сказала Антуанета съ принужденной улыбкой. Но развѣ французъ или нѣмецъ не долженъ считать за счастье служить ему?

— Если бы графъ Вольфсеггъ слышалъ ваши слова...

— Вы можете передать ихъ моему дядѣ, если желаете, отвѣтила онъ рѣзкимъ тономъ. Однако я чуть не забыла... Бурдонъ поручилъ мнѣ передать вамъ письмо, которое онъ почему-то не хотѣлъ довѣрить почтѣ. Я разумѣется не читала и не желаю знать, что пишетъ вамъ Бурдонъ.

Она поспѣшно вынула письмо изъ серебряннаго ящичка и подала его Эгберту.

— Благодарю васъ графиня. Я съ своей стороны былъ бы очень счастливъ, если бы вы удостоили дать мнѣ какое нибудь порученіе къ графу или къ вашимъ родителямъ.

— Я недавно писала отцу. Ему вѣроятно будетъ очень пріятно услышать отъ васъ, что я счастлива здѣсь и пользуюсь большимъ почетомъ. Моему брату возвращена свобода.

— Это извѣстіе искренно порадовало меня.

— Черезъ нѣсколько дней я надѣюсь увидѣть его. Императоръ приметъ его милостиво. Теперь Францъ Гондревилль можетъ обнажить свою шпагу только для него и на защиту Франціи! Передайте мой поклонъ дядѣ. Можетъ быть, вамъ удастся объяснить ему мое положеніе, потому что мы, къ сожалѣнію, перестали понимать другъ друга. Себѣ онъ предоставляет самую широкую свободу, но до мелочности стѣсняетъ другихъ. Онъ не долженъ забывать, что Гондревилли—родомъ французы.

— Такія жесткія выраженія могутъ огорчить его.

— Предоставляю вамъ смягчить ихъ, если сочтете нужнымъ. Графъ Вольфсеггъ можетъ упорствовать въ свой слѣпой ненависти къ Наполеону. Какое мнѣ дѣло до этого! Я убѣждена, что онъ будетъ очень доволенъ, что вы наконецъ раздѣляете его взгляды, и даже не вспомнить обо мнѣ. Относительно женщинъ у него плохая память,

какъ у большинства мужчинъ. Вы составляете исключеніе, такъ какъ все еще думаете о хорошенькой Магдаленѣ. Дядя очень любитъ ее и въ лицѣ ея хочетъ загладить свой грѣхъ. Поклонитесь ей отъ меня. Я была бы очень счастлива, если бы по окончанію войны могла поздравить обоихъ васъ.

Антуанета говорила не останавливаясь, съ видимымъ нетерпѣніемъ. Мысли ея были заняты предстоящимъ празднествомъ. Она нѣсколько разъ смотрѣла на часы и наконецъ подошла къ зеркалу, чтобы поправить свою діадему.

Молча стоялъ передъ ней Эгбертъ. Онъ не узнавалъ свой прежней богини въ тщеславномъ существѣ, преданномъ одному наслажденію и заботѣ о своей красотѣ. Горькое чувство разочарованія овладѣло имъ. Когда она замолчала и взглянула на него въ ожиданіи, что онъ простится съ ней, Эгбертъ настолько забылся, что воскликнулъ:

— Антуанета!

Въ этомъ возгласѣ слышалась жалоба, упрекъ, вся горечь наболѣвшаго сердца.

Антуанета отошла отъ зеркала. Глаза ея искрились отъ гнѣва; на щекахъ выступилъ яркій румянецъ.

— Мосье Геймвальдъ, сказала она, гордо закинувъ голову, надѣюсь вы не станете читать мнѣ наставленія отъ имени моего дяди. У васъ для этого слишкомъ много такта. Я желала бы разстаться съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ.

Эгбертъ молча поклонился ей и вышелъ изъ комнаты.

Она не подозрѣвала, какъ она глубоко огорчила его, но у ней сжалось сердце когда онъ скрылся за дверью. Слезы подступили къ ея глазамъ; она опустилась въ кресло и закрыла лицо обѣими руками.

Она чувствовала, что безнаказанно нельзя отрѣшиться отъ впечатлѣній и воспоминаній юности. Они еще разъ предстали передъ ней въ лицѣ Эгберта; теперь она навсегда простила съ ними. Мрачная будущность безъ почвы открылась передъ ней.

Вошла молодая графиня Мартиньи.

— Наконецъ-то онъ ушелъ! Давно пора! Посмотри какой прелестный букетъ фіалокъ послалъ тебя Камбасаресъ. Онъ хочетъ сдѣлать честь своему прозвищу герцога Пармскаго. Какъ смѣшны эти вновь пожалованные дворяне съ своими титулами. Да не гляди-же такъ печально. Вѣрно этотъ Геймвальдъ опять омрачилъ передъ тобою небо своимъ нѣмецкимъ туманомъ. Твой пріятель не дуренъ собой, но имѣетъ видъ школьнаго учителя.

Антуанета сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы улыбнуться.

— Ты права, отвѣтила она—Эгбертъ и Вольфсеггъ сухіе педанты безъ фантазій и страстей. Я не намѣрена испортить себѣ жизнь въ угоду ихъ причудамъ.

Въ это время Эгбертъ шелъ по улицѣ къ своему отелю.

Погода была холодная и сырая. Шелъ мелкій пронизывающій дождь. Мрачное нависшее небо согласовалась съ его внутреннимъ настроеніемъ. Теперь все кончено для него. Развязка наступила неожиданно. Онъ чувствовалъ личную ненависть къ Бонапарту. Дѣло отечества слилось съ его собственнымъ дѣломъ. Императоръ осыпалъ милостями его смертельнаго врага, бросилъ въ тюрьму его друга; демоническая сила этого человѣка погубила Антуанету.

Наполеонъ отнималъ у монарховъ короны, свободу у народовъ, у него онъ отнялъ и разрушилъ идеалъ.

— Я возвращаюсь на родину съ чистой совѣстью и свободнымъ сердцемъ, сказалъ себѣ Эгбертъ, но я во многомъ обѣднѣлъ. Поблѣкъ на всегда цвѣтущій вѣнокъ моихъ вѣрованій и надеждъ!

Чувство глубокаго спокойствія наполнило его сердце. Событія, связанныя съ его пребываніемъ въ Парижѣ, казались ему образами далекаго прошлаго. Въмѣсто прежнихъ неясныхъ мечтаній и стремленій передъ нимъ возстала грозная дѣйствительность. Воображенію его представлялась война со всѣми ея ужасами, быть можетъ съ уничтоженіемъ нѣмецкой національности и послѣднихъ остатковъ священной Германской имперіи.

Въ сосѣдней улицѣ послышался бой барабановъ.

— Это полкъ изъ Испаніи, говорили прохожіе — онъ идетъ въ Страсбургъ!

У Эгберта дрогнуло сердце.

Войдя въ свою комнату, онъ вспомнилъ о письмѣ Венямина, которое ему передала Антуанета. Онъ надѣялся, что Бурдонъ подробно сообщитъ ему о причинахъ, вызвавшихъ его арестъ и о средствахъ къ своему освобожденію. Но письмо состояло изъ нѣсколькихъ прощальныхъ словъ и вложенной въ него копии съ метрическаго свидѣтельства, подписанной священникомъ и пономаремъ церкви St.-Sulpice.

Эгбертъ поспѣшно прочиталъ ее:

„Марія Магдалена, дочь Атенаисъ Дешанъ, родилась 13 ноября 1790 года въ Парижѣ, въ приходѣ St.-Sulpice...“ Въ числѣ свидѣтелей при крещеніи подписался Армгартъ, секретарь графа Вольфсегга.

— Теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Магдалена дочь графа Вольфсегга! сказалъ про себя Эгбертъ. Но кажется и Антуанета знаетъ эту тайну. Повидимому эта одна изъ причинъ ея досады противъ графа Вольфсегга. Неужели она завидуетъ привязанности отца къ дочери!

— Магдалена, моя дорогая! невольно произнесъ Эгбертъ, мысленно простирая къ ней руки.

Конецъ третьей части.

ЧАСТЬ IV.

ГЛАВА I.

А ЛѢВОМЪ берегу голубого Дуная, подъ яснымъ безоблачнымъ небомъ, растилается на далекомъ пространствѣ равнина Маркфельдъ, съ своими живописными деревнями, городками, садами, лугами и полями. Она окаймляетъ широкую полноводную рѣку съ многочисленными рукавами, островами и мелями и цѣпь холмиковъ на востокѣ, которая тянется къ югу отъ Вейкендорфа. Вдали, на свѣтломъ фонѣ вечерняго неба, слегка окрашеннаго красноватыми лучами заходящаго солнца, возвышается башня св. Стефана, окруженная куполами и остроконечными крышами.

Красивая, нарядная столица Австрійской имперіи опять занята непріателемъ.

Въ полдень 13 мая, 1809 года, французы подъ звуки музыки, съ распущенными знаменами вступили, въ городъ. Наполеонъ расположилъ свою главную квартиру въ Шенбруннѣ.

Война продолжалась менѣе, чѣмъ полтора мѣсяца. Наполеонъ окончилъ ее нѣсколькими рѣшительными ударами.

Вмѣсто перваго марта, какъ предполагалъ графъ Стадіонъ, главная австрійская армія, собравшаяся въ Богеміи подъ предводительствомъ эрцгерцога Карла, выступила въ походъ только въ первыхъ числахъ апрѣля. Извѣстіе, что Наполеонъ самъ поведетъ свои войска въ Австрію подѣйствовало деморализующимъ образомъ на эрцгерцога. Онъ чувствовалъ себя равносильнымъ съ маршалами французской имперіи, но признавалъ свое ничтожество передъ гениемъ Наполеона.

Австрійцы были убѣждены, что Бонапарту не легко будетъ справиться съ испанскимъ возстаніемъ и что преслѣдованіе англичанъ

увлечетъ его на берега Атлантическаго океана, въ Лиссабонъ и даже на Гибралтаръ. Но противъ всякаго ожиданія императоръ, не окончивъ испанскаго похода, внезапно вернулся въ Парижъ и сталъ готовить свои войска, чтобы вести ихъ на Дунай. Между тѣмъ у австрійцевъ, подъ вліяніемъ страха и новыхъ наполеоновскихъ побѣдъ, составилось слишкомъ преувеличенное понятіе о военной силѣ противника, — въ войскѣ начался ропотъ: осуждали легкомысліе графа Стадіона, самоувѣренность дворянъ и героическихъ стремленій императрицы Маріи Беатриче.

Еще большому нареканію со стороны приближенныхъ эрцгерцога подверглись ярые противники Наполеона: Генцъ, Шлегель, Горнмайеръ, иностранные агенты, прусскій и англійскій посланники, принимавшіе дѣятельное участіе въ составленіи тайнаго антинаполеонскаго союза, который въ это время растянулъ свои сѣти по всей Европѣ. Любимецъ эрцгерцога, графъ Филиппъ Грюнне, не стѣсняясь, толковалъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что безумно ожидать чудесъ отъ народнаго ополченія.

— Неужели, говорилъ онъ, кто нибудь можетъ серьезно думать о томъ чтобы вывести въ бой противъ гренадеръ и конницы Наполеона какихъ нибудь ремесленниковъ, крестьянъ и горныхъ стрѣлковъ? Подобныя фантазіи хороши на сценѣ въ драмахъ и трагедіяхъ, (это былъ намекъ на императрицу, которая своей горячей ненавистью къ Бонапарту напоминала Медею или Клитемнестру), но такое войско будетъ плохо защищаться на полѣ брани.

Къ недоброжелательству и апатіи лицъ, которые должны были нести знамя и мечъ Австріи въ этой рѣшительной борьбѣ, присоединились еще несогласія военачальниковъ относительно плана дѣйствій. Сформированы были три арміи: одна изъ нихъ подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда въ Галиціи, должна была двинуться къ Варшавѣ для обороны противъ русскихъ, которые были союзниками Франціи по Тильзитскому миру; другая — внутри Австріи подъ начальствомъ эрцгерцога Іоанна была направлена противъ Италіи и въ случаѣ надобности могла поддержать возстаніе въ Тироли; третья, самая значительная армія, подъ предводительствомъ эрцгерцога Карла, находилась въ Богеміи. Съ нею Германія связывала свои надежды на побѣду.

Австрія еще не оставила своихъ притязаній на германскую корону. Австрійское войско, далеко растянутое на западъ и сѣверъ, обязано было защищать на всѣхъ пунктахъ остатки нѣкогда могущественной имперіи. Судьба хотѣла еще разъ доставить внуку Рудольфа Габсбургскаго удобный случай для пріобрѣтенія священной короны и восстановленія нѣмецкаго владычества надъ міромъ.

Въ главномъ штабѣ эрцгерцога Карла началось разногласіе въ самый моментъ выступленія его арміи.

Одни предлагали оставить въ сторонѣ Дунайскую линію, высту-

пять къ Байрейту и, вытѣснивъ маршала Даву изъ Францена, идти вдоль Майна. Они надѣялись съ одной стороны на возстаніе въ Гессенѣ и Ганноверѣ, а съ другой, что внезапное отступленіе Даву дастъ возможность пруссакамъ привести свою армію въ боевой поря-докъ.

Другіе, болѣе осторожные, возставали противъ этого смѣлаго плана, доказывая всю его несостоятельность. Война велась противъ Наполеона, человѣка неистощимаго по своей находчивости въ стратегическомъ отношеніи и не имѣвшаго равнаго себѣ по быстротѣ и ловкости исполненія. Какъ рѣшиться оставить безъ защиты теченіе Дуная и отнять у себя возможность отступленія! Такимъ образомъ будетъ открытъ свободный путь наступающему непріятелю въ столицу имперіи. Развѣ защита Дуная не должна быть первой задачей главнокомандующаго при всякой войнѣ Австріи съ Франціей?

Каждая сторона упорно отстаивала свое мнѣніе, теряя дорогое время въ безплодныхъ спорахъ и препирательствахъ, которыя со дня на день становились ожесточеннѣе. Къ этому скоро присоединилась личная неприязнь и раздоры между начальствующими лицами, которые неизбежно должны были отразиться на способѣ веденія войны.

Трудно одерживать побѣды, рассчитывая на дѣйствіе патристическихъ воззваній, одушевленіе и храбрость солдатъ, при отсутствіи единодушія и пониманія дѣла со стороны начальствующихъ лицъ!

— На васъ мои дорогіе товарищи по оружію, говорилъ эрцгерцогъ, обращаясь къ своему войску,—устремлены взоры цѣлаго свѣта и всѣхъ, кому дорога національная честь и достоиніе! Вы не должны быть орудіями пораженія! Вы не будете проливать кровь за чуждые вамъ интересы и для удовлетворенія непасытнаго корыстолюбія одного человѣка. На васъ не падетъ проклятіе, что вы губите народы, чтобы проложить путь чужеземцу къ похищенію престола на трупахъ защитниковъ отечества. Лучшая участь ожидаетъ васъ; въ вашихъ рукахъ свобода Европы! Ваши побѣды освободятъ ее изъ оковъ; отъ васъ ждутъ своего освобожденія наши соотечественники нѣмцы, которые противъ своей воли находятся въ рядахъ непріятеля!

Обращеніе эрцгерцога относилось къ лучшей арміи, которую когда либо видѣла Австрія подъ своими знаменами. Эта армія была полна мужества и рѣшимости исполнить свой долгъ до послѣдней крайности, но ей недоставало человѣка, который былъ бы въ состояніи направить ея удары. Нѣмцы, находившіеся въ рядахъ непріятеля, за исключеніемъ баварцевъ, не обманули бы надеждъ, которыя возлагали на нихъ эрцгерцогъ, еслибы Австрія въ началѣ кампаніи одержала хотя одну значительную побѣду. Крестьяне и бюргеры въ Франценѣ и Гессенѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія австрійцевъ и встрѣтили бы ихъ какъ своихъ освободителей, такъ какъ здѣсь ненависть къ владѣтельству Наполеона достигла крайнихъ предѣловъ. Но австрійцы не явились. Взамѣнъ ихъ прошли форсированнымъ маршемъ французы

подъ предводительствомъ Даву и Удино;—они спѣшили въ Регенсбургъ и на Дунай. За ними слѣдовали войска Рейнскаго Союза.

Между тѣмъ въ австрійской главной квартирѣ принято было рѣшеніе соединить несомвѣстныя вещи.

Два корпуса были оставлены въ Богеміи, а самъ эрцгерцогъ съ главными силами двинулся къ Дунаю.

Война началась 9-го апрѣля. Австрійцы перешли Иннъ между Шердингомъ, Мюльгеймомъ и Браунау и вступили въ Баварію. Судьба баварскаго короля Макса Іосифа зависѣла отъ Наполеона. Онъ былъ королемъ по милости императора и поэтому не могло быть ни малѣйшей надежды на его помощь. Вдобавокъ, баварцы и австрійцы уже цѣлое столѣтіе ненавидѣли другъ друга непримиримою ненавистью. Тѣмъ не менѣе, быстрымъ, искусно направленнымъ нападеніемъ еще возможно было уничтожить одинъ за другимъ разсѣянные французскіе отряды. Австрійцы лишили себя и этихъ легкихъ побѣдъ, благодаря своей медленности. Если французы съ своей стороны также дѣйствовали робко и нерѣшительно при вступленіи въ непріятельскую землю, то у нихъ все пошло иначе съ прибытіемъ Наполеона на берега Дуная. Еще осенью 1805 года, во время войны трехъ императоровъ, онъ изучилъ рѣку, ея берега и узналъ ближайшую дорогу въ Вѣну.

Виртембергцы и баварцы привѣтствовали его появленіе такими же дикими и неистовыми криками: „Да здравствуетъ императоръ!“—какъ и ветераны его арміи. Какъ сказочный витязь пронесся онъ мимо нихъ на своемъ бѣломъ конѣ. Его присутствіе одушевило и солдатъ, и маршаловъ. Въ нѣсколько дней онъ разбилъ эрцгерцога въ сраженіяхъ при Танѣ, Абенсбергѣ, Эксмюль и Регенсбергѣ и заставилъ отступить къ Богеміи.

Австрійскіе солдаты не уступали французамъ въ храбрости и готовности пожертвовать своей жизнью; но между ихъ военачальниками не было людей, подобныхъ маршалу Лану, который первый взомель на стѣны Регенсбурга съ возгласомъ: „Впередъ! вы видите я не пересталъ быть солдатомъ!“ Не было во главѣ ихъ геніальнаго человека, подобнаго Наполеону, который въ разгаръ битвы былъ впереди всѣхъ подъ градомъ падавшихъ вокругъ него пуль, выказывая полное презрѣніе къ смерти. При Регенсбургѣ оружейная пуля ранила его въ ногу; едва сдѣлали ему перевязку, какъ онъ опять вскочилъ на своего коня и проѣхалъ передъ фронтомъ своей арміи.

Пока эрцгерцогъ собиралъ свое войско и приводилъ его въ порядокъ по ту сторону Богемскаго лѣса съ намѣреніемъ двинуться въ Вѣну, ближайшая дорога къ столицѣ вдоль Дуная оставалась открытою передъ побѣдителемъ. Здѣсь находился только незначительный армейскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Гиллера, который быстро совершалъ свое отступленіе.

Императоръ послѣ этихъ пяти дней, еще болѣе утвердившихъ

славу его военного искусства, считалъ походъ оконченнымъ. Въ описаніи своего счастья онъ забылъ свое достоинство и въ своихъ реляціяхъ позволилъ себѣ неумѣстныя шутки надъ побѣжденнымъ врагомъ. Между прочимъ онъ сравнивалъ Австрію съ осломъ, длинная уши котораго выглядываютъ изъ украденной имъ лвиной шкуры и т. п. Въ старомъ городѣ Регенбургѣ, этомъ гнѣздѣ нѣмецкой знати, гдѣ такъ долго засѣдалъ имперскій сеймъ, онъ издалъ декретъ, по которому лишилъ помѣстевъ всѣхъ имперскихъ князей и графовъ, числившихся на военной или гражданской австрійской службѣ. Онъ хотѣлъ поразить въ самое сердце непреклонныхъ дворянъ: Гогенцоллерновъ, Шварценберговъ, Лихтенштейновъ, Фюрстенберговъ, Стадіоновъ и Меттерниховъ.

Послѣ короткаго отдыха, французское войско двинулось всей массой къ Вѣнѣ правымъ берегомъ Дуная. Передовыми отрядами командовалъ Массена. У Эдельсберга, гдѣ перекинуть мостъ черезъ Траунъ, произошла стычка французовъ съ отступающимъ Гиллеромъ. Австрійцы со всѣхъ сторонъ окружены непріателемъ; ряды ихъ разорваны; имъ грозитъ опасность быть уничтоженными. Но вотъ на помощь имъ спѣшитъ баталіонъ вѣнскихъ волонтеровъ, въ числѣ которыхъ Эгбертъ и его пріятель Гуго, и баталіонъ изъ полка Линденау. Эти едва обученные рекруты превосходятъ старыхъ солдатъ силою и быстротою натиска; ихъ начальники Кюффель, графъ Салисъ и Баумгартенъ умѣютъ воспользоваться благопріятной минутой, предупреждаютъ французовъ, сбиваютъ ихъ съ позицій и гонятъ черезъ мостъ; пули летятъ съ австрійской баттарен, поставленной на сосѣдней горѣ. Однако къ вечеру австрійцы принуждены отступить передъ многочисленнымъ непріателемъ, хотя захватили у него множество плѣнныхъ и трехъ орловъ. Одинъ изъ нихъ взятъ отрядомъ капитана Эгберта Геймвальда.

На его долю досталась также честь стоять на одномъ изъ аванпостовъ на берегахъ Дуная, гдѣ Наполеонъ сдѣлалъ первую, но напрасную попытку перейти въ Марьфельдъ, такъ какъ этотъ пунктъ былъ защищенъ войсками эрцгерцога Карла, который успѣлъ соединиться съ корпусомъ Гиллера.

Эгбертъ никогда не забудетъ первыхъ пережитыхъ имъ недѣль послѣ своего возвращенія изъ Парижа въ началѣ марта. Это было для него время крайняго, страстнаго возбужденія; ему казалось, что онъ никогда еще не чувствовалъ въ себѣ такого избытка жизни и способности наслаждаться всѣмъ, что было прекраснаго въ мірѣ. Мысль, что онъ будетъ защищать оружіемъ и до послѣдней капли крови родину и дорогое для него существо наполняла гордостью его сердце.

Онъ засталъ графа Вольфсегга готовымъ къ отъѣзду въ главную квартиру эрцгерцога Карла. Министръ Стадіонъ особенно настаивалъ на этомъ, придавая большую важность присутствію въ лагерѣ Вольф-

сегга, какъ человѣка, заслужившаго общее уваженіе, и непримиримаго врага Наполеона.

Графъ Вольфсеггъ былъ повидимому настолько поглощенъ текущими событіями, что равнодушно выслушалъ печальныя извѣстія, которыя сообщилъ ему Эгбертъ объ Антуанетѣ. Но Эгберту показалось, что это равнодушіе притворное. Равнымъ образомъ графъ не считалъ нужнымъ распространяться о рѣшеніи своего молодаго друга поступить въ вѣнскіе волонтеры, такъ какъ заранѣе ожидалъ этого.

11 марта при огромномъ стеченіи народа происходило освѣщеніе знаменъ ландвера.

— Никто изъ васъ—говорили начальники, обращаясь къ ополченцамъ—не захочетъ носить оковъ и терпѣть поруганіе отъ иноземцевъ! Истинный патріотизмъ создаетъ, героевъ и обезпечиваетъ побѣду!..

Никогда еще Вѣна не видала такого празднества. Всѣ были одинаково одушевлены любовью къ родинѣ и готовностью пожертвовать жизнью для защиты стараго имперскаго города. Весной 1809 года, не только Австрія, но и вся Германія ожидала отъ Вѣны рѣшенія своей судьбы. Къ ней были обращены помыслы истинныхъ друзей отечества. Забыта была ненависть и раздоры, которые издавна разъединяли Австрію съ Пруссіей, такъ какъ оба народа пришли къ убѣжденію, что это единственная причина торжества французовъ. Личныя желанія и надежды должны были замолкнуть въ виду общихъ болѣе широкихъ интересовъ и опасности грозившей отечеству.

Когда на небѣ поднимается гроза и величественно свѣтится молнія въ ночныхъ облакахъ, кто станетъ обращать вниманіе на свѣчу, которую задуетъ буря!

Такъ было и съ Эгбертомъ. Подъ наплывомъ болѣе важныхъ событий, онъ не могъ горевать о потерѣ Антуанеты. У него едва доставало времени подумать о настоящемъ и распорядиться относительно ближайшаго будущаго. Теперь болѣе чѣмъ когда либо онъ научился цѣнить нравственныя достоинства и рѣдкой умъ Магдалены.

Безмолвно бросилась она въ объятія друга дѣтства, когда онъ объявилъ ей о своемъ намѣреніи поступить волонтеромъ въ австрійское войско. Но онъ видѣлъ по выраженію ея лица, что она одобряетъ его намѣренія и что у ней достанетъ мужества овладѣть собою и своими чувствами. Никогда нравственная сила женщины не проявляется въ такой степени, какъ въ тотъ моментъ когда она провожаетъ любимаго человѣка на войну, или является на перевязочномъ пунктѣ въ качествѣ сестры милосердія. Высокая задача залечивать раны, смягчать неизбежное зло войны, окружаетъ ея голову свѣтлымъ ореоломъ. Забывая о самой себѣ, не чувствуя усталости, проводитъ она дни и ночи у постели раненныхъ и умирающихъ.

Съ каждымъ днемъ прибывало число раненныхъ и больныхъ, ко-

торыхъ свозили съ разныхъ сторонъ. Не мало ихъ лежало въ Гицингъ, гдѣ теперь была Магдалена. Она неутомимо ухаживала за ними, заглушая этимъ заботу и боязнь, наполнявшую ее сердце.

Эгбертъ даже въ мирное время не рѣшился бы безъ согласія графа открыть Магдаленѣ тайну ея рожденія, не смотря на опасеніе, что она можетъ случайно узнать ее. Но теперь среди общаго волненія онъ считалъ еще болѣе неумѣстнымъ встревожить ее неожиданнымъ открытіемъ и отложилъ всякія объясненія до лучшихъ мирныхъ дней.

Эгбертъ, стоя на аванпостѣхъ, съ глубокой тоской смотрѣлъ черезъ широкую рѣку на городъ, гдѣ протекло его счастливое дѣтство. Еще такъ недавно гордая и ликующая, Вѣнна лежала теперь униженная у ногъ побѣдителя. Эгбертъ былъ спокоенъ относительно Магдалены. Еще до занятія австрійской столицы французами она поселилась въ его домѣ въ Гицингъ съ своей названной матерью. Здѣсь, почти подъ глазами императора, нечего было бояться какого нибудь насилія со стороны побѣдителей. Хотя, вообще, Наполеонъ смотрѣлъ сквозь пальцы на поведеніе своихъ солдатъ, но въ своемъ присутствіи требовалъ отъ нихъ спартанскаго воздержанія.

— Къ чему послужили патріотизмъ и готовность къ самоотверженію храбраго, великодушнаго народа?—спрашивалъ себя Эгбертъ. Зачѣмъ погибли тысячи людей на мосту Траунъ и на холмахъ Эбельсберга? Каждый изъ нихъ честно исполнялъ свой долгъ и безъ колебанія отдалъ жизнь на волю случая. Но всѣ эти жертвы не могли удержать французскаго императора ни на одинъ лишній часъ.

Наполеонъ сдержалъ слово, данное Эгберту въ Тюльери. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ двадцать второго февраля, а онъ уже расположился съ своимъ главнымъ штабомъ въ Шенбруннѣ. Неужели героизмъ и самоотверженіе безсильны передъ нимъ и должны разлетѣться въ прахъ, какъ пыль, которую поднимаютъ ноги его коня? Если справедливость дѣла, мужество и твердость въ бою, даютъ право на побѣду, то какъ могла она не быть на сторонѣ австрійцевъ? Что за загадку представляетъ свѣтъ съ существующимъ порядкомъ вещей и законами естественнаго развитія!

Изъ ближайшихъ деревень, Штаммсдорфъ и Зюсенбруннъ, пронесся по полю звонъ вечернихъ колоколовъ. Былъ шестой часъ на исходѣ.

Эгбертъ подошелъ къ узкому рукаву рѣки, поросшему ситникомъ и камышемъ, гдѣ два бревна, переброшенные черезъ воду, составляли шаткій и легко уничтожаемый мостъ на сосѣдній островъ. На берегу лѣнливо стоялъ часовой съ ружьемъ въ рукахъ. Шумѣлъ Дунай, переполненный весенними водами.

Пока австрійское войско стояло лагеремъ въ Мархфельдѣ, Наполеонъ не могъ похвалиться окончательнымъ покореніемъ столицы. Эрцгерцогъ не выказывалъ намѣренія просить у него мира.

Императоръ рѣшилъ перейти рѣку и сбить съ позиціи непріятеля. Для достиженія этой цѣли онъ выбралъ большой островъ Лобау, лежащій немного ниже Вѣны, который по своей величинѣ могъ служить удобнымъ мѣстомъ для укрѣпленнаго лагеря, тѣмъ болѣе, что растущій тутъ густой лѣсъ и кустарникъ совершенно скрывалъ бы французское войско отъ непріятеля.

Уже нѣсколько дней работали безъ устали французы надъ сооруженіемъ моста отъ Кейзеръ-Эберсдорфа до Лобау, съ тѣмъ лихорадочнымъ рвеніемъ, которое Наполеонъ умѣлъ внушить своимъ людямъ въ рѣшительныя минуты. Семьдесятъ самыхъ большихъ и крупныхъ судовъ, ходившихъ по Дунаю между Линцемъ и Пресбургомъ были употреблены въ дѣло. Но тутъ представилось неожиданное и довольно важное затрудненіе, которое невозможно было устранить: оказался недостатокъ въ якоряхъ для укрѣпленія судовъ. Чтобы успокоить нетерпѣніе императора, вмѣсто якорей опущены были въ воду старыя тяжелыя пушки, найденныя въ вѣнскомъ арсеналѣ и ящики съ ядрами. Такая замѣна могла только служить средствомъ, чтобы выйти изъ затрудненія, но она была недостаточна для удержанія судовъ при сильномъ напорѣ воды.

Между тѣмъ, значительныя отряды стрѣлковъ были отправлены въ лодкахъ для осмотра южнаго берега острова Лобау. Отбросивъ слабыя аванпосты австрійцевъ, они вскорѣ появились и на сѣверной сторонѣ въ лѣсной чащѣ, противъ деревень Аспергъ и Эслингенъ на лѣвомъ берегу.

Теперь уже не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія для австрійцевъ, видѣвшихъ всѣ эти приготовленія, что Лобау будетъ служить промежуточнымъ пунктомъ при переходѣ французовъ на Мархфельдъ. Даже Эгбертъ, при своей полной неопытности въ военномъ дѣлѣ, понималъ, какой рискъ былъ связанъ съ этимъ планомъ. Насильственный натискъ со стороны австрійцевъ могъ отбросить французовъ къ рѣкѣ. Эгбертъ, какъ уроженецъ Вѣны, зналъ, насколько капризенъ Дунай и не вѣрилъ въ прочность понтоннаго моста, устроеннаго на скорую руку. Еще сегодня утромъ эрцгерцогъ Карлъ съ конницей Лихтенштейна дѣлала рекогносцировку со стороны Лобау.—Кто знаетъ, можетъ быть завтра загремятъ пушки — думалъ Эгбертъ съ радостнымъ замираніемъ сердца.

Но вотъ встрепнулся сонный часовой и схватился за курокъ ружья.

Эгбертъ вздрогнулъ.

Раздался издали выстрѣлъ. За нимъ быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ еще два выстрѣла. Они слышатся по ту сторону рѣки.

Не привѣтствуютъ ли этимъ способомъ французскіе часовые закатъ солнца, чтобы усладить свой слухъ выстрѣлами?

На каменной плотинѣ у Едлерсдорфа также замѣтно необычайное движеніе. Лейтенантъ Гуго Шпрингъ, охранявшій этотъ постъ, под-

нимаетъ черножелтое знамя. Эгбертъ бѣжитъ къ нему стремглавъ черезъ пни. Черезъ минуту онъ уже стоялъ на плотинѣ около своего друга.

Гуго молча указалъ ему глазами на рѣку.

Посреди Дуная плыла лодка. Разъяренныя волны качали ее во всѣ стороны. Она выѣхала изъ маленькой бухты скрытой камышами. Французы слишкомъ поздно замѣтили лодку; ихъ выстрѣлы уже не достигаютъ ее. Сидящимъ въ ней грозитъ только опасность отъ полноводія рѣки. Солдаты, по распоряженію Шпринга, готовятъ доски и канатъ чтобъ помочь имъ высадиться. Вѣроятно дѣло идетъ о какомъ нибудь важномъ извѣстіи. Лодочникъ не сталъ бы рисковать жизнью изъ-за пустяковъ.

— Ступай сюда Эгбертъ, закричалъ Гуго своему начальнику, забывая военную дисциплину и входя въ рѣку по поясъ. Вѣдь это Черная Кристель! Полюбуйся, какъ она работаетъ веслами. Ну, волна хлеснула въ лодку. Теперь уже не-далеко! Сюда!

Гребцы начинали изнемогать; но крики Гуго и людей стоявшихъ на берегу придали имъ новыя силы. Лодка въѣхала въ камышъ, покрывавшій илистый берегъ. Черная Кристель однимъ прыжкомъ очутилась на плотинѣ. Она все еще похожа на дикую кошку; щеки ея покрыты яркимъ румянцемъ, рукава бѣлой рубашки засучены выше локтя.

При видѣ знакомыхъ лицъ она громко вскрикнула отъ радости и, бросившись къ Эгберту, поцѣловала у него руку.

— Что случилось? Какъ ты попала сюда? Надѣюсь все благополучно въ Гицингѣ? спросилъ Эгбертъ взволнованнымъ голосомъ.

— У насъ все благополучно; барышня здорова. Даже г-нъ Аршгартъ нашелся.

— Немудрено, послѣ такого долгаго отсутствія! замѣтилъ со смѣхомъ Гуго. Скажи пожалуйста много ли у васъ постояльцевъ?

— Всего одинъ старый полковникъ, который никого не обидитъ. Меня послала сюда не барышня, а мой господинъ.

— Кто такой?

— Она называетъ такъ барона Пухгейма! сказалъ Гуго. — Затѣмъ онъ послалъ тебя сюда?

— Онъ велѣлъ передать эрцгерцогу эту бумагу, отвѣтила Кристель, вынимая изъ кармана письмо. Тутъ должно быть написаны страшныя вещи! Онъ такъ гналъ лошадей, что одна изъ нихъ пала въ Нуссдорфѣ.

— Откуда ты? Гдѣ ты встрѣтилась съ барономъ?

— Я изъ Эберсдорфа. Онъ самъ привезъ меня къ берегу.

— Онъ самъ привезъ тебя! повторилъ съ удивленіемъ Эгбертъ. Дай письмо. Дѣйствительно, оно адресовано на имя его высочества, эрцгерцога. Лейтенантъ Шпрингъ, отправляйтесь въ Эслангенъ. Мостъ долженъ быть немедленно снятъ, если онъ уже не въ рукахъ французовъ.

— Развѣ у васъ тутъ еще мостъ? спросила Кристель. Вотъ у французовъ по ту сторону острова рѣка снесла всю средину ихъ огромнаго моста. Я сама видѣла это. Тогда на башнѣ въ Эберсдорфѣ только что пробило три часа.

— У французовъ испорченъ мостъ къ Лобау! воскликнулъ Эгбертъ, не помни себя отъ радости. Ну Гуго, завтра у насъ непременно будетъ битва!

— Хуже не будетъ чѣмъ при Эбельсбергѣ—мрачно отвѣтилъ Гуго, подвизывая еще крѣпче свою шпагу. — Театръ войны не прельщаетъ меня. Я предпочиталъ бы умереть на другомъ театрѣ, чтобы опять воскреснуть и слышать какъ меня станутъ вызывать и аплодировать. А здѣсь я не могу считать себя отвѣтственнымъ, ни за исполненіе піесы, ни за свою смерть. Ей вы! Налѣво кругомъ! Маршъ! крикнулъ онъ своимъ людямъ.

Кристель, оставшись наединѣ съ Эгбертомъ, рассказала ему подробно о своемъ путешествіи съ Пухгеймомъ. Госпожа Армгартъ отправила ее утромъ въ городъ, чтобы провѣдать Жозефа, который остался въ Вѣнѣ сторожить домъ своего молодого барина.

По дорогѣ у одного шинка, гдѣ всегда толпа извозчиковъ, ее остановилъ высокій человѣкъ въ голубой блузѣ съ длиннымъ хлыстомъ и въ поношенной поярковой шляпѣ, надвинутой на лобъ. Вглядѣвшись въ него, она едва не вскрикнула; но онъ закрылъ ей ротъ своей широкой рукой. Это былъ баронъ Пухгеймъ.

— Не поѣдешь ли ты со мной? спросилъ онъ Кристель.

— Разумѣется поѣду, отвѣтила она.

Въ это время подъѣхалъ слуга барона съ телѣгой, нагруженной до верху досками.

— Я везу это французамъ для ихъ моста, сказалъ съ усмѣшкой Пухгеймъ. Ну Кристель, садись.

Она вскочила на доски; онъ усѣлся рядомъ съ ней. Они ѣхали то шагомъ, то скорѣе, на югъ отъ города къ Кейзеръ-Эберсдорфу. Съ каждымъ шагомъ дорога становилась все многолюднѣе. Вплоть до самого Дуная тѣсными рядами стояли телѣги, нагруженные досками и колыями. У берега работали саперы. Съ громкой музыкой подходили изъ города все новыя и новыя полки конныя и пѣшіе. За ними слѣдовали безконечныя вереницы пушекъ. Телѣга Пухгейма съ трудомъ добралась до берега. Мостъ былъ на половину оконченъ. Много солдатъ перебралось уже на ту сторону, за ними долженъ былъ перейти эскадронъ. Но тутъ произошелъ нѣкоторый беспорядокъ. Всадникамъ пришлось сойти съ лошадей и вести ихъ за поводъ. Въ иныхъ мѣстахъ нужно было наложить еще досокъ, въ другихъ укрѣпить колья. Между тѣмъ вода стала замѣтно подниматься. Глухо шумѣли волны. Два или три судна сорвались съ баласта и ихъ унесло теченіемъ. Эскадронъ остановился. Вода съ дикимъ ревомъ ворвалась въ образовавшееся отверстіе. Тутъ все смѣшалось и произошла невообра-

зимая суматоха. Солдаты, работники, извозчики, прїѣхавшіе съ своими фурами и телѣгами, все столпилось вмѣстѣ; одни тѣснились назадъ, другіе хотѣли во чтобы то ни стало пробраться впередъ. Баронъ, видя все это, громко захохоталъ и взявъ Кристель за руку бросился въ Нейдерфель. Въ этомъ городкѣ всѣ знали его и онъ безъ труда уговорилъ хозяина гостинницы дать ему охотничью телѣжку. Пока запрягали лошадей, онъ написалъ письмо эрцгерцогу, затѣмъ сѣлъ съ Кристель въ телѣжку и поскакалъ во всю прыть въ Нуссдорфъ. Но тутъ пала одна лошадь. Тогда Пухгеймъ выскочилъ изъ телѣжки, побѣжалъ на берегъ и отыскалъ лодочника, который спряталъ отъ французовъ свою лодку въ камышѣ. Лодочникъ долго колебался прежде, чѣмъ согласился перевезти Кристель на другой берегъ, пока наконецъ разныя обѣщанія со стороны барона и наличныя деньги не заставили его согласиться. Въ этотъ моментъ они увидѣли издали французскій патруль.

— Отправляйтесь скорѣе, сказалъ поспѣшно баронъ. Ты Кристель переѣдешь рѣку и отдашь письмо эрцгерцогу. Французы арестуютъ меня и я постараюсь задержать ихъ до тѣхъ поръ, пока вы не выйдете на другой берегъ.

Баронъ Пухгеймъ сдержалъ слово, иначе Кристель врядъ ли могла благополучно перебраться черезъ рѣку.

Въ Штаммсдорфѣ ожидали эрцгерцога, который объѣзжалъ верхомъ австрійскій лагерь и дѣлалъ смотръ отдѣльнымъ полкамъ. Эгбертъ отправился верхомъ на встрѣчу эрцгерцогу, чтобы скорѣе передать ему важное извѣстіе.

Черная Кристель сѣла на камень у дороги. Въ послѣдніе недѣли она такъ привыкла видѣть всюду солдатъ, что не боялась ихъ. Возможность провести по прежнему ночь подъ открытымъ небомъ имѣла для нея особенную прелесть. Послѣ методичной трудолюбивой жизни, которую она вела въ домѣ Армгартовъ, опять наступили для нея дни свободы, скитальчества, общенія съ природой. Она не могла себѣ дать отчета, что собственно радовало ее, но сердце ея было переполнено чувствомъ довольства и счастья. По прежнему наслаждалась она ароматомъ лѣса и живительной прохладой наступающей ночи.

Колокольный звонъ смѣшивался съ отдаленнымъ барабаннымъ боемъ. По временамъ слышался глухой ревъ рѣки. Кругомъ поднимался туманъ и ложился бѣлой пеленой по полю. Въ той сторонѣ, гдѣ за рѣкой виднѣлась густая туча сѣроватаго пара, окрашеннаго лучами заходящаго солнца, лежала Вѣна.

— Онѣ вѣрно подумаютъ, что я осталась у Йозефа и не стану беспокоиться обо мнѣ, подумала Кристель.

Медленно опустила она рукава своей рубашки и завязала крѣпче платокъ на головѣ.

Она выросла и похорошѣла во время своего пребыванія у Армгартовъ. Правильный образъ жизни и здоровая пища благотвѣтельно по-

дѣйствовали на ея физическое развитіе. Въ умственномъ отношеніи она также значительно измѣнилась къ лучшему, благодаря вліянію Магдалены. Но ничто не могло стереть съ нея отпечатокъ какой-то дикой оригинальности. Темный цвѣтъ кожи, мечтательные, блестящіе глаза, своеобразное міросозерцаніе рѣзко отличали ее отъ другихъ дѣвушекъ ея возраста.

Въ ней сохранилась еще первобытная связь человѣка съ природой, которой такъ восхищался Гуго. Однако это не мѣшало Кристель хорошо и точно исполнять свои домашнія обязанности. Она была проворна въ работѣ и такъ послушна, что Магдаленѣ никогда не приходилось дѣлать ей какія бы то ни было замѣчанія или выговоры.

Сидя на камнѣ, среди наступающихъ сумерокъ, Кристель вздохнула свободнѣе, когда послѣдніе ряды марширующихъ солдатъ исчезли за деревьями. Она чувствовала себя вдали отъ людей и городской жизни. Теперь ничто не мѣшало ей думать о человѣкѣ, который всецѣло властвовалъ надъ ея умомъ и сердцемъ. Она не встрѣчала его со времени ихъ свиданія въ саду, но въ послѣднее время каждую ночь здѣзды говорили ей, что онъ въ Вѣнѣ и она увидитъ его. Разъ ей показалось даже, что Цамбелли выѣхалъ изъ замка Шёнбрунна въ свитѣ императора, но не въ своемъ обычномъ черномъ платьѣ, а въ богатомъ шитомъ мундирѣ. Сердце ея замерло, но черезъ секунду толпа всадниковъ исчезла изъ ея глазъ въ облакъ пыли. Надежда встрѣтить снова любимого человѣка и уловить его взглядъ заставила ее тотчасъ согласиться на предложеніе Пухгейма ѣхать съ нимъ. Эта надежда была сильнѣе безпокойства и разочарованія, которое она испытывала теперь.

Она вскочила на ноги и побѣжала въ ту сторону, гдѣ виднѣлся издали Бизамбергъ.

Между тѣмъ Эгбертъ уже давно доѣхалъ до Штаммесдорфа, гдѣ расположился генераль Гиллеръ. Эрцгерцогъ Карлъ стоялъ передъ деревенской гостинницей, окруженный своимъ штабомъ. Его маленькая невзрачная фигура въ сѣровато-синемъ сюртукѣ и красныхъ панталонахъ рѣзко выдѣлялась по своей простотѣ и повелительнымъ манерамъ среди окружающихъ его видныхъ и блестящихъ офицеровъ въ гусарскихъ, уланскихъ и гренадерскихъ мундирахъ.

— Извѣстіе изъ непріятельскаго лагеря! воскликнулъ Эгбертъ, соскакивая съ лошади.

Генераль Гиллеръ тотчасъ же узналъ храбраго волонтера, котораго онъ видѣлъ въ кровопролитной схваткѣ на Траунскомъ мосту и представилъ его эрцгерцогу.

Эгбертъ послѣ короткаго доклада подалъ главнокомандующему письмо Пухгейма.

Эрцгерцогъ прочелъ письмо. Лучъ радости освѣтилъ его тонко очерченное лицо.

— Господа, сказалъ онъ, завтра мы сбросимъ французовъ въ

«ИСТОР. ВѢСТН.», ГОДЪ I, ТОМЪ III.

16

Дунай! Ихъ мостъ порванъ и не можетъ быть исправленъ до полуночи. Это пишетъ мнѣ свѣдущій человѣкъ. По его разсчету до полудня завтрашняго дня въ Лобау не можетъ быть болѣе тридцати тысячъ. Сегодня вечеромъ самъ императоръ хотѣлъ переправиться черезъ рѣку. Но онъ забываетъ, что этотъ берегъ еще въ нашихъ рукахъ. Дунай поможетъ намъ; суда, которыя мы спустимъ по теченію, вторично разрушатъ мостъ и отрѣжутъ непріятелю сообщеніе съ твердой землей. И такъ за дѣло! Выйдемъ на защиту австрійскаго царствующаго дома и нашего отечества! Теперь представляется удобный случай однимъ ударомъ исправить сдѣланные нами промахи. Благодарю васъ, добавилъ эрцгерцогъ, обращаясь къ Эгберту съ благоклонной улыбкой.

Слуги подвели ему богато осѣдланнаго бѣлаго коня съ сѣрой гривой, который нетерпѣливо билъ копытами о землю.

— До завтра! сказалъ онъ, усаживаясь на сѣдло. — Это наша земля; здѣсь мы сложимъ свои головы, если намъ не суждено побѣдить Люцифера!

Съ этими словами эрцгерцогъ прищипорилъ коня и помчался галопомъ. Его свита слѣдовала за нимъ.

Но нѣкоторые изъ офицеровъ остались въ гостинницѣ, чтобы провести вечеръ съ товарищами, служившими подъ начальствомъ Гиллера. Тутъ былъ и графъ Вольфсеггъ. Встрѣча съ Эгбертомъ была особенно пріятна ему послѣ испытанныхъ имъ опасностей и при томъ глубокомъ разочарованіи, которое онъ вынесъ изъ всего видѣннаго имъ.

Съ болью въ сердцѣ разсказалъ онъ своему молодому другу о несчастномъ походѣ эрцгерцога въ Баварію, такъ какъ участвовалъ въ немъ и вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ вернулся обратно въ Богемію. Эгбертъ съ своей стороны долженъ былъ сообщить ему о Магдаленѣ и Армгартахъ, о которыхъ онъ уже около мѣсяца не имѣлъ никакихъ извѣстій. Затѣмъ разговоръ ихъ опять перешелъ къ военнымъ событіямъ. Графъ смотрѣлъ почти безнадежно на предстоящій день.

Бесѣда ихъ была прервана нѣсколькими офицерами, которые подошли къ нимъ.

Конница Лихтенштейна, между деревнями Аспернъ и Эслингенъ противъ сѣверной стороны острова Лобау, столкнулась съ французскимъ отрядомъ конныхъ егерей и драгунъ, подъ начальствомъ генерала Лассала. Произошла стычка.

— По счастью, добавили офицеры, поднято было больше пыли, чѣмъ пролито крови. Но какъ попали французы на берегъ Махфельда? Вѣроятно мы оставили къ ихъ услугамъ мостъ у Эслингена!...

Вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что обѣ деревни заняты непріятельскими дивизіями Молитора и Буда, которыя уже начали возводить около нихъ свои укрѣпленія. Здѣсь же, но ближе къ рѣкѣ, ра-

скинута была походная Палатка императора; слѣдовательно въ этомъ пунктѣ должна была начаться битва на слѣдующій день.

Сообразно съ этими извѣстіями, составленъ былъ эрцгерцогомъ планъ расположенія войскъ, который по своей простотѣ былъ доступенъ послѣднему изъ офицеровъ. Задача его состояла въ томъ, чтобы сбить непріятеля съ занятой имъ позиціи. Сюда должны были стянуться всѣ австрійскія войска. Гиллеръ съ своимъ корпусомъ и дивизія генераль-лейтенанта Беллегарда получили приказъ двинуться съ праваго фланга вдоль Дуная; войска Гогенцоллерна составляли центръ; на лѣвомъ флангѣ поставленъ былъ корпусъ Розенберга, раздѣленный на двѣ колонны: одна изъ нихъ должна была направиться къ Эслингену, другая — къ Энцерсдорфу. Гренадеры, составлявшіе резервъ, заняли склонъ Бизамберга, поросшій плодовыми деревьями. У Штамерсдорфа велѣно было собраться вѣнскому ландверу и волонтерамъ.

Разставленное такимъ образомъ войско, въ 90 тысячъ человекъ, занимая сравнительно небольшое пространство, расположилось лагеремъ въ ожиданіи предстоящаго боя.

Медленно одинъ за другимъ зажглись безчисленные сторожевые огни. Издали раздавался грохотъ подъѣзжавшихъ пушекъ и телѣгъ съ боевыми снарядами; слышался лошадиный топотъ и мѣрные шаги пѣхоты. Но по близости Штамерсдорфа все было спокойно; только утромъ долженъ былъ отсюда выступить генераль Гиллеръ съ своимъ корпусомъ, такъ какъ ему предстояло пройти самой короткой дорогой въ Аспернъ.

Была тихая и звѣздная весенняя ночь. Живописно растянулся по равнинѣ Маркфельда пестрый лагерь. Солдаты весело пируютъ. Несмотря на пораженія, они не упали духомъ; ихъ воодушевляетъ сознаніе, что они честно исполнили свой долгъ и въ храбрости не уступали непріятелю. Между тѣмъ изъ этихъ десятковъ тысячъ людей, собранныхъ на обширной равнинѣ, далеко не всѣмъ доступна была высокая идея свободы и любви къ отечеству, за которую они жертвовали жизнью. Чехи, венгерцы и различные народы, входившіе въ составъ австрійской имперіи, не считали ее своей родиной и врядъ ли отдавали себѣ отчетъ зачѣмъ ихъ привели сюда и почему они должны чувствовать ненависть къ Наполеону. Ихъ занимала война сама по себѣ, такъ какъ удовлетворяла ихъ воинственнымъ наклонностямъ и представляла удобный случай для наживы. Первый разъ видѣли они въ солдатскомъ мундирѣ сыновей богатыхъ нѣмецкихъ бюргеровъ. Вступленіе въ армію волонтеровъ изъ Сѣверной Германіи, многихъ юношей и мужей, освобожденныхъ до сихъ поръ отъ воинской повинности, подѣйствовало обновляющимъ образомъ на устарѣлый и дряхлый организмъ австрійской солдатчины. Опять воскресло въ нѣмцахъ сознаніе общей національности, воинственный рыцарскій духъ и чувство чести, которые нѣкогда воодушевляли сборное войско принца

Евгенія Савойскаго и доставили ему побѣду надъ врагами. Всѣ одинаково желали поддержать австрійское знамя, хотя только одни идеалисты ожидали отъ предстоящей битвы освобожденія Европы и возстановленія австрійской національности, между тѣмъ какъ большинство находилось подъ тяжелымъ предчувствіемъ труднаго дня и сомнительнаго исхода битвы.

Ярко пылаютъ огни на полѣ. Среди ночной тишины слышатся самые разнообразныя звуки и тоны. Вотъ одинъ спокойно спитъ подъ деревьями, закутавшись въ свою шинель; товарищи его громко поютъ пѣсни. Здѣсь бутылка переходитъ изъ рукъ въ руки. Цыганъ, стоя передъ гусаромъ, наигрываетъ ему на гитарѣ мотивъ своихъ родныхъ пѣсенъ. Другіе хладнокровно курятъ трубки, изрѣдка обращаясь другъ къ другу съ полувопросомъ или отвѣтомъ. Старый сварливый капралъ, сражавшійся при Гогенлинденѣ и Аустерлицѣ, развеселившись отъ нѣсколькихъ стакановъ вина, рассказываетъ новичкамъ свои похождения и подробно распространяется о томъ—какого рода смерть можетъ постигнуть ихъ въ предстоящей битвѣ. Шумная толпа собралась у маркитанскихъ палатокъ и телѣгъ; звонко раздается хохотъ хорошенькой маркитанки: солдаты наперерывъ добиваются у ней поцѣлуевъ. У поставленнаго на землѣ барабана идетъ картежная игра.

Въ гостинницѣ Штамерсдорфа собрался генералитетъ, офицеры и чины главнаго штаба. Всѣ окна и двери открыты настежь. Въ комнатахъ горитъ множество свѣчей. Пустые стаканы постоянно наполняются заново венгерскимъ виномъ.

Откуда-то принесено разстроенное фортепіано въ залу гостиницы. По временамъ, то одинъ, то другой, проходя мимо ударяетъ по клавишамъ. Дикая музыка, полная диссонансовъ! но въ ней слышится общее настроеніе.

Вотъ сидитъ начальство съ важными, серьезными лицами; они взвѣшиваютъ шансы успѣха на слѣдующій день, сравниваютъ свои и непріятельскія силы. Здѣсь чокаются и провозглашаютъ тосты за паденіе императора Наполеона „за свободу, могущество и величіе нѣмецкой націи“; тамъ обнимаются и съ стаканомъ въ рукѣ клянутся въ дружбѣ и вѣрности. У окна сидитъ молодой офицеръ, подперевъ голову рукою; передъ нимъ лежитъ листъ почтовой бумаги; онъ старается излить душу въ короткихъ многозначительныхъ словахъ. Тяжелое предчувствіе сдавило ему грудь. Онъ не переживетъ битвы. Кому писать онъ—матери или своей возлюбленной?

На дворѣ слышится ржаніе. Стоятъ осѣдланныя лошади; онѣ подымаютъ голову при каждомъ сигналѣ. Постоянно приходятъ люди съ извѣстіями. Въ сторонѣ отъ шумнаго лагеря, на уединенной тропинкѣ, проложенной вдоль утеса въ лѣсной прогалинѣ, ходятъ взадъ и впередъ двое людей. Это Эгбертъ и графъ Вольфсеггъ, который противъ своего обыкновенія казался грустнымъ и разстроеннымъ.

— Мы, разумѣется, знаемъ, что намъ слѣдуетъ дѣлать, сказалъ

графъ. Но мы сражаемся теперь не за освобожденіе міра, а за спасеніе національной чести. Стадіонъ, я и всѣ наши друзья, желали народной войны, а наши предводители ведутъ кабинетную войну. Выходитъ такъ, что одинъ императоръ враждуетъ съ другимъ. Гдѣ возстаетъ народъ, какъ въ Тиролю, тамъ побѣда; она бѣжитъ отъ нашего эрцгерцога.

— Развѣ эрцгерцогъ не лучший солдатъ въ Австріи?

— Несомнѣнно! въ случаѣ крайности онъ самъ поведетъ свое войско на штурмъ Асперна, но у него нѣтъ настоящаго довѣрія, ни къ себѣ, ни къ намъ. Я окончательно начинаю приходить къ убѣжденію, что этотъ Люциферъ не простой смертный. Только стихійная сила можетъ одолѣть его.

— Дунай уже сдѣлалъ первый опытъ, сказалъ Эгбертъ.

— Да, но завтра онъ справится и съ Дунаемъ. Я рассчитываю на ненависть народовъ, которые рано или поздно должны признать въ немъ своего смертельнаго врага. Къ несчастью австрійскій народъ не умѣетъ ненавидѣть! Въ этомъ пруссаки несравненно выше насъ. Бонапартъ долженъ остерегаться ихъ; они отомстятъ ему, когда представится случай. Но сколько будетъ пролито крови, пока наступитъ этотъ моментъ! Иногда мнѣ кажется, что тиранъ умретъ на похищенномъ имъ престолѣ, окруженный почетомъ. Послѣ этихъ тысячъ людей, другія тысячи съ такою же радостью обрекутъ себя смерти изъ-за него. Если онъ презираетъ покорныхъ ему рабовъ, то кто-же поставитъ ему это въ вину! Что такое справедливость, возмездіе? Прекрасныя, но пустыя слова. Узурпаторы и завоеватели не вымираютъ, потому что человѣчество не перестаетъ удивляться имъ и уважать ихъ. Развѣ люди, подобные Бонапарту не видятъ, что счастье всего вѣрнѣе сопутствуетъ величайшему преступнику? И они могутъ быть вполне увѣрены, что ихъ не постигнетъ наказаніе, хотя бы они совершали одно злодѣяніе за другимъ.

Эгбертъ не возражалъ, изъ боязни еще болѣе раздражить своего собесѣдника противорѣчіемъ.

— Я заражаю васъ своимъ малодушіемъ, сказалъ графъ послѣ минутнаго молчанія, пожимая руку Эгберту;—между тѣмъ для предстоящаго дня необходимо хорошее настроеніе духа. Простите меня! Но помимо зла, которое этотъ человѣкъ сдѣлалъ моей родинѣ, моимъ соотечественникамъ, онъ отнялъ у меня все, что у меня было дорогого въ жизни. Мой братъ умеръ въ борьбѣ противъ Франціи; Антуанета!... Мнѣ тяжело говорить о ней!... Самое худшее я узналъ сегодня: мой племянникъ Францъ Гондревилль служить въ гвардіи Наполеона! Можетъ быть мы встрѣтимся съ нимъ на полѣ битвы. Я всѣми покинутъ... Нѣтъ, это неправда, вы не оставили меня, Эгбертъ, теперь вы ближе моему сердцу, нежели мои кровные родные. Вы честнѣе, лучше ихъ! Кто знаетъ, можетъ быть мнѣ суждено и васъ потерять!... какая нибудь шальная пуля или ударъ сабли...

— Вы всегда были добры ко мнѣ графъ и я не нахожу словъ чтобы благодарить васъ. Можетъ быть вамъ это покажется страннымъ, но я твердо убѣжденъ, что не погибну въ битвѣ. На войнѣ и на охотѣ мы болѣе чѣмъ когда нибудь готовы придавать значеніе предзнаменованіямъ, предчувствію и пророчеству.

— Вы вѣроятно видѣли какой нибудь особенный сонъ и истолковали его въ свою пользу?

— Нѣтъ. Мнѣ предсказала г-жа Ленорманъ, что я буду участвовать въ кровопролитной битвѣ на Дунаѣ, буду раненъ, но не смертельно.

— Что-же, вы сами просили ее погадать вамъ?

— Разумѣется нѣтъ. Я долженъ былъ выслушать пророчества Ленорманъ по желанію императрицы Жозефины въ Malmaison. Тогда я не обратилъ особеннаго вниманія на слова гадальщицы и совершенно забылъ объ этой исторіи. Но теперь мнѣ живо припомнилось предсказаніе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя вещи уже начинаютъ приходить въ исполненіе.

— Въ то время, когда вы были въ Парижѣ, многое уже можно было предсказать относительно нынѣшней войны, не прибѣгая къ картамъ.

— Кромѣ подробностей. Если она могла вѣрно предугадать ихъ въ важныхъ дѣлахъ, то почему-же ея пророчество можетъ не исполниться относительно меня?

— Ваша вѣра въ Ленорманъ кажется мнѣ довольно наивною.

— Она дастъ мнѣ извѣстное спокойствіе, а это самое главное въ виду предстоящей битвы. Однако не смотря на карты Ленорманъ, продолжалъ Эгбертъ взволнованнымъ голосомъ, если мнѣ не суждено пережить завтрашній день... Вы исполните мое желаніе и передадите мой послѣдній поклонъ Магдаленѣ...

Графъ Вольфсеггъ крѣпко обнялъ своего молодого друга. Онъ хотѣлъ открыть ему тайну рожденія Магдалены, но слова замерли у него на губахъ. Какъ приметь это признаніе Эгбертъ, воспитанный во всей строгости бюргерскихъ нравовъ? Не лучше ли отложить тяжелое объясненіе до другого, болѣе благопріятнаго времени, если имъ обоемъ удастся пережить ужасы войны?

— Бѣдное дитя, сказалъ графъ. Съ какой боязнью будетъ она прислушиваться къ грохоту пушекъ, вспоминая объ насъ. По вашимъ словамъ у нихъ все благополучно въ домѣ. Но зачѣмъ станемъ мы искусственно разстраивать себя, лучше прекратимъ всѣ разговоры о смерти и завѣщаніяхъ. Богъ дастъ, мы еще долго будемъ радоваться солнцу; кто бы не побѣдилъ изъ насъ, мы или французы, а мы должны собрать послѣднія силы для борьбы противъ этого исчадія ада.

Съ этими словами графъ Вольфсеггъ гордо поднялъ свою красивую голову. На лицѣ его не видно было и слѣда унынія. Энергія и

жажда дѣятельности опять воскресли въ немъ. Такимъ привыкъ его видѣть Эгбертъ.

Они повернули къ деревнѣ, такъ какъ графъ оставилъ тамъ свою лошадь у гостинницы. Ему предстояла еще довольно далекая поѣздка въ Ваграмъ, гдѣ теперь находился эрцгерцогъ. Въ лагерѣ все еще продолжался неумолкаемый шумъ, несмотря на поздній часъ ночи. Слышался говоръ, смѣхъ и пѣсни.

Тѣмъ поразительнѣе казалась мертвая тишина, царившая въ гостинницѣ, хотя изъ всѣхъ оконъ по прежнему виднѣлся яркій свѣтъ отъ множества зажженныхъ свѣчей.

Эгбертъ и графъ Вольфсеггъ подойдя ближе, узнали причину внезапно наступившей тишины. Наверху въ залѣ кто-то говорилъ рѣчь. Тѣсной толпой стояли кругомъ дома солдаты. Лица ихъ выражали напряженное вниманіе. Хотя нѣкоторые отдѣльные слова не доходили до нихъ, но это не мѣшало имъ уловить главный смыслъ рѣчи.

— Это голосъ Гуго! сказалъ Эгбертъ.

— Достойный дебютъ для драматическаго актера, отвѣтилъ графъ Вольфсеггъ. Войдемъ въ гостинницу!

Солдаты почтительно разступились передъ ними. Но въ домѣ была такая тѣснота, что имъ удалось только пробраться до нижнихъ ступеней лѣстницы. Этого было достаточно, потому что дверь въ залу верхняго этажа была отворена настежь.

Ораторъ стоялъ на столѣ. Онъ не даромъ готовилъ себя къ сценѣ: его звучный, внятный голосъ пріятно дѣйствовалъ на слушателей.

— Товарищи по оружію! говорилъ онъ, обращаясь къ окружавшей его толпѣ. Завтра должна рѣшиться наша судьба! Мы стоимъ подъ самой Вѣной, гдѣ наши матери, жены, сестры, невѣсты, боязливо ожидаютъ исхода битвы. Неужели мы оставимъ городъ въ рукахъ непріятеля? Нѣтъ, отвѣчаю я за васъ, тысячу разъ нѣтъ! Защищая ничтожные города пали тысячи, десятки тысячъ людей! Троя сравнительно съ Вѣной была жалкимъ вороньимъ гнѣздомъ, но тѣмъ не менѣе два великихъ народа оснарявали ее другъ у друга нѣсколько лѣтъ. За нее погибли герои, которымъ не чета Бонапартъ, съ своими маршалами! Если бы между нами не было раздоровъ изъ-за того, что одни носятъ черножелтыя, а другія черныя и бѣлыя шапки, то французы не перешли бы Рейна и не стояли бы теперь у насъ, на берегахъ Дуная. Какое значеніе имѣютъ шапки! Иногда мудрецъ надѣваетъ на себя дурацкій колпакъ, убійца носитъ корону Франціи! Нашу землю поразили двѣ молніи, Аустерлицъ и Іена. Но это послужило намъ въ пользу. Мы поняли, что мы всѣ дѣти одной матери и нѣмцы, гдѣ бы мы ни родились, въ Бранденбургѣ или въ Австріи, въ Берлинѣ или въ Вѣнѣ. Съ сѣвера и запада послѣдили сюда бойцы на защиту общей родины, нашего достоинства и чести. Французы сража-

ются въ угоду императору. Если бы не было цивилизованныхъ странъ, то онъ повелъ бы ихъ драться съ дикими и варварами на конецъ земли. Ему необходимъ запахъ крови, а французамъ нужны грабежи, убійства и пожары. Такъ всегда было и будетъ въ этомъ народѣ. Они враги мира и человѣчества, они коварны и завистливы какъ обезьяны и кровожадны какъ тигры. Изъ столѣтія въ столѣтіе во Франціи рождаются губители народовъ для опустошенія Европы. Самый ужасный изъ нихъ — нынѣшній французскій императоръ! Онъ страшнѣе Молоха, на раскаленные руки котораго въ Тирѣ и Картегенѣ клали дѣтей. Для него не существуетъ никакихъ законовъ; нѣтъ мѣры его высокомерію; его мраморное сердце недоступно человѣколюбію. Съ триумфомъ переходитъ онъ изъ города въ городъ, изъ страны въ страну. Но побѣды не радуютъ его; они только пробуждаютъ въ немъ жажду къ новымъ побѣдамъ, новымъ войнамъ. Если бы сегодня Господь предложилъ ему владычество надъ землею, то завтра онъ сказалъ бы: отдай мнѣ и небо! Онъ не похожъ на остальныхъ людей. Это демонъ ненасытности, гордости и себялюбія, принявшій человѣческій образъ. Въ его лицѣ мы ведемъ борьбу съ силами ада, съ вѣчнымъ зломъ. Кто слѣдуетъ за нимъ? Толпа рабовъ, которымъ онъ даетъ на разграбленіе столицы Европы. Это не люди, выступившіе на защиту отечества, не герои, которые приносятъ высшую культуру варварскому міру, а простые наемники, грабители и разбойники. Мы защищаемъ право и святое дѣло и добровольно взяли за оружіе, не смотря на наши семейныя распри. Сбросимъ желѣзное иго этого корсиканца. Само небо благословляетъ насъ на борьбу, справедливѣе которой не было со временъ Маравона и Саламина. Чего намъ бояться? Смерти! Но съ смертію все кончается для человѣка—и заботы, и надежды! Конечно, лучше вовсе не родиться, не испытывать никогда голода, холода и жажды;—но стоитъ жить, чтобы умереть за отечество! Друзья, наполнимъ стаканы! Да здравствуетъ побѣда, если она возможна! Да здравствуетъ смерть, если она неизбежна! Выпьемъ за то, что выше побѣды и смерти, за славную будущность нашей дорогой Германіи!

Гуго сошелъ со стола при громкихъ и восторженныхъ крикахъ толпы. Въ его рѣчи выразилось общее настроеніе минуты; онъ высказалъ то, что думалъ и чувствовалъ каждый. Присутствующіе подняли стаканы и чокались другъ съ другомъ; болѣе буйные разбивали въ дребезги пустыя бутылки, гремѣли своими саблями и ружьями, стоявшими у стѣны. Каждый спѣшилъ заключить Гуго въ свои объятія.

— Да здравствуетъ Германія! Проклятіе Наполеону! ревѣла толпа, наполнившая домъ, въ порывѣ воинственнаго опьяненія.

— Побѣда или смерть!—кричали солдаты на улицѣ.—Долой Наполеона! Да здравствуетъ главнокомандующій эрцгерцогъ Карлъ!“

Офицеры изъ оконъ разговаривали съ солдатами, поддерживая

веселое настроеніе, которое казалось имъ хорошимъ предзнаменованіемъ для слѣдующаго дни. На улицу вынесены были бочки пива и вина для угощенія солдатъ.

Издали послышались звуки трубъ.

Графъ Вольфсеггъ еще разъ обнялъ Эгберта и пожавъ руку Гуго, уѣхалъ со словами:

— До свиданія! Можетъ быть еще увидимся!

Оба друга остались одни въ полутемномъ дворѣ гостинницы.

— Наконецъ-то я могу вздохнуть свободно! сказалъ Гуго. Они едва не задушили меня въ своихъ объятіяхъ.

— Тебя можно поздравить, возразилъ Эгбертъ. Твой первый опытъ въ искусствѣ Демосеена удался вполне. Ты сильно подѣйствовалъ на сердца своихъ слушателей.

— Мой отецъ, почтенный приходскій священникъ, вѣроятно, нашелъ бы, что моя рѣчь слишкомъ картинна и переполнена гиперболами. Пока это одни слова!

— Разумѣется, но мы должны осуществить ихъ, сказалъ Эгбертъ.

Въ это время къ колодцу, который находился среди двора, подошли дѣвушки съ ведрами. Въ числѣ ихъ была Кристель.

— Какъ ты попала сюда, колдунья? закричалъ Гуго, увидя ее.

— Онѣ просили меня помочь имъ, отвѣтила Кристель, указывая на дѣвушекъ.

— Ты останешься ночевать въ этой гостинницѣ, сказалъ Эгбертъ. Я поговорю съ хозяйкой, можетъ быть она согласится помѣстить тебя въ своей комнатѣ. Завтра ты должна нанять лодочника, который перевезъ бы тебя черезъ рѣку. Магдалена вѣроятно безпокоится о тебѣ.

— Я готова исполнить ваше приказаніе. Но всѣ толкуютъ, что завтра будетъ здѣсь битва. Что это такое? Позвольте мнѣ посмотреть на нее.

— О милая невинность!—воскликнулъ Гуго, цѣлуя Кристель.— Она хочетъ видѣть битву! Непостижимая иронія судьбы! Сотни тысячъ людей вооружились пушками, ружьями и саблями, чтобы взаимно убивать другъ друга. Какая цѣль всего этого? Чтобы доставить невиданное зрѣлище наивному ребенку!

Изъ оконъ гостинницы слышалась хоровая пѣсня съ припѣвомъ: *Regeat Napoleon!*

Часы на башнѣ пробили полночь.

ГЛАВА II.

— Побѣда! Побѣда! Бейте сборъ! Поставьте знамя въ брешѣ ограды! раздается голосъ полковника на кладбищѣ Аспернѣ.

— Да здравствуетъ Австрія! отвѣчаютъ въ одинъ голосъ солдаты.

Изъ церкви, изъ прострѣленныхъ, пылающихъ и разрушенныхъ домовъ, изъ садовъ, кустарника, изгородей появляются темныя фигуры, съ лицами, почернѣвшими отъ пороха, въ разорванныхъ мундирахъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Это все уцѣлѣвшіе остатки блестящей, нарядной арміи. Здоровые идутъ скорымъ шагомъ, гордо поднявъ головы; медленно плетутся раненые, собравъ послѣднія силы.

Кончился день двадцать перваго мая, навсегда памятный въ австрійской исторіи. Непобѣдимый Наполеонъ въ первый разъ потерпѣлъ поражение. Бой, прекращенный съ наступленіемъ ночи, долженъ былъ возобновиться на слѣдующій день съ новой силой. На клочкѣ земли, пропитанномъ кровью нѣсколькихъ сотенъ людей, павшихъ во время пятичасоваго боя, развѣвается черножелтое знамя Габсбурговъ съ двойнымъ орломъ имперіи.

Планъ эрцгерцога былъ приведенъ въ исполненіе.

При яркомъ сіяніи майскаго солнца и безоблачномъ небѣ, около четырехъ часовъ по полудни выступило австрійское войско изъ Штаммерсдорфа.

Корпусъ генерала Гиллера, составлявшій авангардъ, двинулся къ Асперну. Два часа спустя долженъ былъ прибыть Розенбергъ въ Эслингенъ. Пространство между обѣими деревнями, отстоящими одна отъ другой на разстояніи полумили, занято было войсками Гогенцоллерна и конницей Иогана Лихтенштейна.

Деревня Аспернъ далеко раскинулась въ длину съ своими каменными домами и садами. Отъ Дуная проведена къ ней большая дорога черезъ лѣсокъ. На крайнемъ концѣ ея виднѣется церковь и кладбище, обнесенное кирпичной оградой. Къ сѣверу отъ деревни находится родъ насыпи и брустверъ, которыми французы воспользовались для своихъ укрѣпленій. На всѣхъ улицахъ у нихъ возведены баррикады изъ телѣгъ, плуговъ, крестьянскаго домашняго скарба, кольевъ и досокъ. Всѣ дома заняты французами; они стрѣляютъ изъ оконъ и крышъ въ смѣльчаковъ, которымъ удастся взлѣзть на брустверъ. Мѣтко бьютъ ихъ ружья. Но австрійцы смѣло идутъ на приступъ. Видъ непріятеля еще болѣе воодушевляетъ ихъ. Мрачно ложится темная туча дыма; все чаще и чаще сверкаютъ огни пушекъ; поднимается пожарное зарево; нѣсколько домовъ объаты пламенемъ. На узкомъ клочкѣ земли бьются десять тысячъ человѣкъ, какъ волны разъяреннаго моря. По временамъ, заглушая ревъ пушекъ и шумъ оружія, раздается громкій возгласъ: „Vive l'empereur!“ или „Vorwärts, Haus Oesterreich hoch!“ На минуту наступаетъ перерывъ; на-

чальники наскоро приводятъ въ порядокъ свои войска, раненные выбываютъ изъ строя; среди внезапно наступившей тишины слышатся стоны умирающихъ. Затѣмъ опять раздается громкая команда начальниковъ: „En avant!“ съ одной стороны и „In Reih und Glied!“ съ другой, и битва продолжается.

Груды труповъ лежатъ передъ брустверомъ, который окончательно взятъ австрійской пѣхотой. Французы въ безпорядкѣ бѣгутъ къ рѣкѣ вдоль большой дороги.

Съ восточной стороны на помощь австрійцамъ подошла въ это время колонна Беллегарда; другому австрійскому генералу, Ваканту, удалось овладѣть церковью. Но деревня еще занята непріателемъ. Маршалъ Массена хочетъ во что бы то ни стало отстоять ее, такъ какъ это самый важный пунктъ французской позиціи. Онъ упорно защищаетъ каждый шагъ земли. Свистать пули; черепицы крышъ падаютъ на осаждающихъ, которые топорами и прикладами ружей выламываютъ двери и бросаются на встрѣчу непріателю. Битва превратилась въ множество единичныхъ схватокъ въ садахъ, у пылающихъ домовъ, на баррикадахъ, полуразрушенныхъ пушечными ядрами. Но тутъ среди шума внезапно раздается барабанный бой. Французы усиленнымъ маршемъ входятъ въ деревню съ южной стороны. Австрійцы поспѣшно смыкаютъ ряды, чтобы встрѣтить напоръ непріателя. За домами поднимается облако пыли — французская конница дѣлаетъ атаку. Начинается оглушительная ружейная стрѣльба, которой кажется не будетъ конца. Подъ градомъ пуль падаютъ люди и лошади. Еще моментъ и французская конница обращается въ бѣгство. Опрокидывая другъ друга, скачетъ она черезъ трупы и черезъ живыхъ людей; баррикады на каждомъ шагу преграждаютъ ей путь; австрійскіе штыки встрѣчаютъ ихъ на перекресткахъ улицъ. За деревней, въ маленькомъ лѣсу, состоящемъ изъ ольхи и березняка, на древесномъ пнѣ съ обнаженной головой сидитъ маршалъ Массена. Мимо него бѣгутъ побѣжденные. Въ безсильной ярости смотритъ онъ на нихъ; глаза его налились кровью, какъ у вепря, посаженного въ клѣтку.

Атака Наполеона на непріятельскій центръ также кончилась полной неудачей. Пѣхота Розенберга безпрепятственно подошла къ Эслингену съ правой стороны, такъ какъ вниманіе маршала Лана, стоявшаго передъ деревней, было отвлечено войсками Гогенцоллерна, которыя надвигались на него тѣсно сплоченной массой. По приказанію императора, маршалъ направилъ противъ непріателя всю имѣвшуюся на лицо конницу. Но усилія французовъ оказываются безуспѣшными противъ непроницаемаго четырехугольника Гогенцоллерна, плотной стѣны протянутыхъ штыковъ и непрерывнаго ружейнаго огня. Тѣмъ не менѣе конница возобновляетъ приступъ; люди и лошади съ яростью бросаются впередъ. Но вотъ падаетъ французскій генераль Эспань; уланы и гусары Лихтенштейна врываются въ ряды французской конницы и гонятъ ее передъ собой.

Наступившіе сумерки служатъ сигналомъ къ прекращенію битвы. Раздѣленные небольшимъ пространствомъ стоятъ оба войска. Отдыхъ одинаково необходимъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ послѣ крайняго возбужденія еще больше чувствуется истощеніе силъ. Мертвая тишина, замѣнившая оглушительный шумъ битвы, производитъ подавляющее впечатлѣніе. Только изрѣдка, черезъ долгіе промежутки времени слышатся выстрѣлы на аванпостахъ. Аспернъ объять пламенемъ. Половина деревни уже сгорѣла. Среди почернѣвшихъ стѣнъ и тлѣющихъ бревенъ лежатъ груды мертвыхъ тѣлъ. Во власти французовъ только крайніе концы обѣихъ деревень.

Чтобы защитить мостъ, отнятый у австрійцевъ, Массена приказалъ укрѣпить окопами лѣсокъ и маленькій островъ, лежащій налѣво отъ Асперна.

Наполеонъ не можетъ и не хочетъ понять, что встрѣтилъ здѣсь непреодолимое сопротивленіе. Въ теченіи дня по вновь исправленному понтонному мосту къ нему прибыли въ Лобау многочисленныя подкрѣпленія изъ Эберсдорфа и Вѣны; къ утру слѣдующаго дня большая часть его гвардіи должна была собраться между Асперномъ и Эслингеномъ.

— Развѣ у меня мало людей? Могу ли я не одержать побѣды? казалось спрашивалъ его недовольный взглядъ, когда вокругъ него заговорили о необходимости отступленія, такъ какъ никто не вѣрилъ въ прочность моста.

Быстро несетъ Дунай въ своемъ неудержимомъ теченіи пни, лодки, обломки всякаго рода, тяжелыя барки съ горючими веществами. Дрожитъ и качается во всѣ стороны мостъ. Волны съ шумомъ заливаютъ его. Солдаты переходя черезъ него, видятъ возрастающую опасность, все сильнѣе трясутся доски подъ ихъ ногами. У самыхъ смѣлыхъ содрагается сердце. Саперы съ минуты на минуту ожидаютъ полного крушенія моста. Глубокое уныніе начинаетъ овладѣвать всѣми.

Между тѣмъ австрійцы радуются побѣдѣ. Слѣдующій день долженъ довершить ее. Эта надежда утѣшаетъ ихъ въ жертвахъ, принесенныхъ смерти.

На сѣверной сторонѣ полуразрушенной кладбищенской ограды Асперна стоитъ Эгбертъ.

Онъ прибылъ сюда съ своими людьми къ пяти часамъ, когда только что начатъ былъ штурмъ французскаго бруствера. Первая пуля, понавшая въ баталіонъ волонтеровъ, сорвала ему шляпу съ головы.

— Поздравляю васъ, крикнулъ ему сѣдовласнй полковникъ. — Пуля коснулась васъ, не сдѣлавъ вамъ вреда. Это самая вѣрная примѣта, что на сегодняшний день вы застрахованы отъ смерти.

Эгбертъ улыбнулся.

— Неужели и это предназначеніе не имѣетъ никакого значенія? невольно подумалъ онъ.

Ему кажется, что какая-то невидимая рука охраняетъ его среди горящихъ домовъ подъ градомъ пуль.

Волонтеры, дважды отброшенные, дѣлають третій приступъ. Эгбертъ и другіе офицеры бросаются впередъ съ поднятыми саблями, за ними барабанщики и весь отрядъ.

Французы обращены въ бѣгство.

— Да здравствуетъ Австрія! воскликнулъ Гуго. — Друзья за мной! Не давайте имъ пощады! Сегодня, съ Божьей помощью...

Онъ не договорилъ своей фразы и упалъ на землю, обливаясь кровью. Пуля поразила его въ грудь.

Эгбертъ видѣлъ какъ упалъ его другъ. Но у него нѣтъ времени для слезъ. Суматоха битвы бѣшено увлекаетъ его за собой. Все что потомъ происходитъ вокругъ него, исчезаетъ и путается передъ его глазами, какъ неясныя туманныя картины. Сквозь облако дыма видятъ онъ ужасы, которые совершаются вокругъ него.

Только теперь, когда затихъ шумъ битвы, сознание дѣйствительности вернулось къ нему.

— Вы все еще безъ шляпы! замѣтилъ ему со смѣхомъ одинъ изъ товарищей.

Эгбертъ машинально поднялъ солдатскую фуражку лежавшую на землѣ и надѣлъ ее на свои развѣвующіеся волосы. Точно тяжелый камень свалился ему на грудь. Хотя у него нѣтъ ни одной раны, но онъ чувствуетъ боль во всемъ тѣлѣ, отъ множества ушибовъ, шрамовъ и царапинъ, полученныхъ въ пылу битвы. Безсильно опускается онъ на земляной валъ, изрытый пулями. Слезы навертываются на его рѣсницахъ. Умеръ его любимый другъ! Воображеніе рисуетъ ему счастливые часы, которые они пережили вмѣстѣ, ихъ путешествіе, шутки, мудрыя изрѣченія Гуго. Пропала молодая сила съ ея стремленіемъ къ идеалу, и съ ея блестящими надеждами!

— Вотъ она война!—съ горечью проговорилъ Эгбертъ, заливаясь слезами, какъ будто бы гибель Гуго заключала въ себѣ всѣ ужасы войны, забывая что по мимо его въ этотъ день убиты тысячи людей, изъ которыхъ многіе были также молоды и подавали такіе же блестящіе надежды, какъ его другъ и которыхъ жизнь была не менѣе дорога для ихъ близкихъ.

Къ Эгберту подошелъ старый солдатъ и, думая, что онъ раненъ, предложилъ ему свою походную фляжку, говоря, что водка лучшее лекарство отъ невзгодъ души и тѣла. Эгбертъ торопливо выпилъ глотокъ и вскочивъ на ноги утеръ рукавомъ слезы, упорно подступавшія къ его глазамъ. Онъ стыдился своего малодушія.

Съ рѣзки дулъ сильный прохладный вѣтеръ. Солдаты, завернувшись въ свои шинели расположились на могилахъ кладбища, на остаткахъ стѣнъ и бруствера, при желтоватомъ отблескѣ догоравшихъ домовъ. Опять зажглась безконечная вереница сторожевыхъ огней. Участники минувшей битвы, довольные тѣмъ, что имъ удалось избѣгнуть опас-

ности хотятъ насладиться настоящей минутой, забывая о мертвыхъ и раненыхъ и опасностяхъ, которыя ожидаютъ ихъ на слѣдующій день. Каждый спѣшитъ поддержать свои силы ѣдой, питьемъ, часомъ сна и приготовиться къ новой кровавой работѣ. Въ полудремотѣ сидить покачиваясь солдаты, прислонившись къ стѣнѣ и положивъ ноги на трупъ. Другіе стерли метлами лужи крови и спокойно ложатся на это мѣсто. Въ виду близости непріятеля запрещено всякое пѣніе и шумъ. Даже спящіе держатъ оружіе въ рукахъ. Носильщики отыскиваютъ раненыхъ на полѣ битвы, чтобы доставить ихъ на перевязочные пункты. Мертвыхъ складываютъ на большія тележки и сбрасываютъ цѣлыми горами въ на скоро вырытыя ямы.

Эгбертъ съ ужасомъ смотритъ на эти похороны и рѣшается во что бы то ни стало избавить своего друга отъ подобнаго погребенія.

Съ двумя носильщиками и факеломъ въ рукахъ, идетъ онъ на валъ къ тому мѣсту, гдѣ убитъ Гуго. Тѣло его легко было узнать по офицерскому мундиру съ серебрянными шнурами. Эгбертъ освѣщаетъ факеломъ блѣдное лицо убитаго и съ помощью пришедшихъ съ нимъ людей бережно кладетъ трупъ на носилки и прикрываетъ его шинелью.

Но куда нести его? Эгбертъ не можетъ оставить свой постъ. Если онъ отложить это дѣло до слѣдующаго дня, то кто поручится ему за исходъ предстоящей битвы!

Онъ не знаетъ на что рѣшиться и съ отчаяніемъ оглядывается кругомъ.

Издали виднѣется мерцающій свѣтъ фонаря, который повидимому все приближается къ нимъ.

— Эй, кто тутъ? Сюда!—кричитъ Эгбертъ, поднимая факель, въ смутной надеждѣ, что кто нибудь выведетъ его изъ затрудненія.

Ожиданіе не обмануло его. Это была Кристель и его молодой слуга, Леопольдъ, котораго онъ оставилъ въ Штамерсдорфѣ.

Любопытство и смутная боязнь несчастія погнали молодую дѣвушку на поле битвы, не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія хозяевъ гостиницы остаться у нихъ. Леопольдъ, преданный слуга Эгберта, сынъ работника въ Гицингѣ, вызвался сопровождать ее, въ надеждѣ отыскать своего господина.

— Вы живы! воскликнула съ радостью Кристель, внимательно вглядываясь въ лицо Эгберта и хватая его за руку. Вы живы и невредимы! Я видѣла на дорогѣ убитаго; онъ лежитъ лицомъ къ землѣ и стонетъ, какъ тотъ...

Кристель не могла продолжать. Внѣ себя отъ ужаса, она крѣпко прицѣпилась къ его рукѣ, боязливо оглядываясь по сторонамъ.

Эгбертъ старался успокоить ее, объясняя ей возбужденное состояніе печальнымъ зрѣлищемъ битвы и множествомъ мертвыхъ и умирающихъ, которыхъ она видѣла по дорогѣ.

— Бѣдная Кристель, сказалъ онъ ласковымъ голосомъ. Я знаю, что тебя огорчить его смерть. Посмотри, они убили его!..

Съ этими словами Эгбертъ приподнялъ шинель съ блѣднаго лица Гуго. Красноватый отблескъ факела на минуту придалъ ему обманчивую окраску жизни. Рыдая и дрожа всѣмъ тѣломъ опустилась Кристель на колѣни передъ носилками. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, она робко взглянула на мертвеца, но тотчасъ же закрыла себѣ лицо обѣими руками.

— Ты хотѣла видѣть битву, сказалъ Эгбертъ невольно содрогаясь. И здѣсь и тамъ лежатъ мертвые, за нами сгорѣвшая деревня. Теперь ты знаешь, что такое война!..

Эгбертъ отдалъ необходимыя приказанія слугѣ, который съ помощью носильщиковъ долженъ былъ перенести тѣло въ Штаммерсдорфъ и уложить въ гробъ, а на слѣдующій день доставить его въ Нуссдорфъ. Отсюда ему будетъ нетрудно добраться до Гицинга, такъ какъ всѣ французскія войска переведены на южную сторону Вѣны, къ Эберсдорфу.

Эгбертъ написалъ также нѣсколько словъ Магдаленѣ и просилъ ее похоронить ихъ общаго друга въ саду помѣстья.

Сложивъ письмо, онъ подалъ его слугѣ.

Но тотъ въ замѣшательствѣ вертѣлъ шапку въ рукахъ, и не двигался съ мѣста:

— Позвольте мнѣ остаться здѣсь! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.—Если завтра... Да хранить васъ Господь!..

— Не безпокойся обо мнѣ, Леопольдъ. Ты окажешь мнѣ большую услугу, доставивъ тѣло въ Гицингъ. Я буду часто писать Армгартамъ и ты будешь знать отъ нихъ, гдѣ я. Если вздумаешь, то можешь опять отыскать меня.

Эгбертъ подошелъ къ Кристель и взявъ ее за руку поднялъ съ земли.

— Не плачь Кристель, сказалъ онъ.—Ни слезы, ни молитвы ни воскресятъ его. Мертвые нѣмы и не слышатъ насъ.

— Но они не всегда будутъ нѣмы.

— Это извѣстно одному Богу.

— Какъ вы думаете, онъ не сердится на меня? спросила Кристель, указывая на покойника.

— Нѣтъ, онъ былъ хорошій человекъ и любилъ тебя. Къ тому же мертвые не могутъ чувствовать ненависти къ живымъ.

— Ахъ, если бы это такъ было на дѣлѣ! Но они преслѣдуютъ насъ даже ночью, во снѣ.

— Однако, вамъ пора идти, сказалъ Эгбертъ обращаясь къ слугѣ.

Носильщики подняли покойника и въ сопровожденіи Леопольда двинулись въ путь.

— Иди за ними, Кристель. Дай руку Леопольду, сказалъ Эгбертъ.—Завтра ты будешь въ Гицингѣ и не уйдешь больше изъ дому. Теперь ты знаешь, что такое битва и никогда не забудешь этого.

— Иду, отвѣтила Кристель, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ быстро вернулась и спросила шопотомъ Эгберта:

— У васъ еще камень?.. я отдала его вамъ въ Гмунденѣ.

— Да, онъ у меня. Что это тебѣ вздумалось? спросилъ Эгбертъ, взявъ ее за руку.

— Берегите его.

— Что съ тобой? Какъ у тебя блестятъ глаза! рука твоя дрожитъ. У тебя лихорадка. Уходи скорѣе отсюда, отъ всѣхъ этихъ ужасовъ.

Носильщики шли впереди. За ними слѣдовалъ Леопольдъ съ Кристель. Еще моментъ и шествіе скрылось изъ глазъ Эгберта во мракѣ ночи.

Эгбертъ вернулся къ войску на кладбище. Природа взяла свое. Не смотря на постигшее его горе, печальные образы и мысли, наполнившія его душу, онъ погрузился въ глубокій сонъ. Голова его покоится на разрытой могильной насыпи. Ярко горятъ звѣзды на темной синевѣ прозрачнаго неба.

Но вотъ одна за другой меркнуть звѣзды передъ утренней зарей. На аванпостахъ слышится трескъ нѣсколькихъ выстрѣловъ.

На деревенской башнѣ только что пробило четыре часа.

Спящіе быстро поднимаются на ноги. Торопливо ѣдутъ солдаты. Щедрѣ чѣмъ когда либо ихъ угощаютъ виномъ.

Но вотъ уже выстроились въ боевомъ порядкѣ пѣхота и конница. Забыты всѣ невзгоды, вынесенныя страданія и опасности. Равнодушно смотрятъ солдаты на груды мертвыхъ, которыхъ не успѣли убрать въ прошлую ночь, на черныя развалины обгорѣвшихъ домовъ и окружавшую ихъ картину разрушенія. Звонко раздаются въ утреннемъ воздухѣ звуки боевой музыки.

Австрійскіе полки, собранные подъ Асперномъ, ждутъ нападенія Массены, чтобы дать время Розенбергу овладѣть окончательно Эслингеномъ.

Передъ церковью устроены австрійскія баррикады изъ развалинъ сгорѣвшихъ домовъ. Наискось отъ церкви, на углу узкой улицы, ведущей въ открытое поле находится большой дворъ съ уцѣлѣвшимъ каменнымъ домомъ, который по своему расположенію представляетъ естественное укрѣпленіе. Защита его поручена небольшому отряду волонтеровъ, подъ начальствомъ Эгберта.

Крѣпкій двухъ-этажный домъ, стоящій на высотѣ, могъ легко выдержать непродолжительную осаду. Окна и дверь нижняго этажа задыланы наглухо. У верхнихъ оконъ и проломовъ крыши поставлены лучшіе стрѣлки. Если бы непріятель вломился въ наружную дверь и овладѣлъ лѣстницей, то для осажденныхъ былъ еще выходъ въ садъ, гдѣ они могли удобно укрыться за группой старыхъ вязовъ и длиннымъ рядомъ кольевъ на грядкахъ. У крѣпкихъ воротъ ведущихъ на дворъ поставлены двѣ заряженныя пушки.

Эгбертъ, войдя на крышу дома могъ видѣть всю боевую линію австрійцевъ на востокъ и на югъ до Лобау, гдѣ стояли французскія войска. Съ обѣихъ сторонъ несется конница по полю между деревьями. Яркое блещетъ утреннее солнце, отражаясь на кирасахъ французовъ. Быстро летятъ имъ на встрѣчу венгерскіе гусары въ своей фантастической одеждѣ, размахивая саблями. За ними собирается густая масса пѣхоты, одинъ за другимъ строятся полки.

Противъ своего обыкновенія, не смотря на усиленный бой барабановъ медленно подходятъ къ Асперну два полка изъ дивизіи St.-Cyr, посланныхъ Массеной въ этотъ кратеръ, который снова начинаетъ выбрасывать огонь.

Шагъ за шагомъ подвигаются французы среди развалинъ жилищъ и опустошенія, произведеннаго пятичасовымъ боемъ, постоянно встрѣчая новыя препятствія. Невольно содрогнется нога, переступая черезъ трупы; cadaго занимаетъ мысль, что быть можетъ его постигнетъ та же участь и по окончаніи битвы подберутъ и его трупъ вмѣстѣ съ этими блѣднотлицыми товарищами, на которыхъ смерть положила свой неизгладимый отпечатокъ. Упорно защищаютъ австрійцы отъ непріятеля каждую пядь земли, пользуясь для своего прикрытія всякимъ выступомъ дома, остаткомъ стѣны или забора.

— Наши отступаютъ, кричитъ Эгбертъ волонтерамъ, сходя съ своего обсервационнаго пункта. — Будьте на готовѣ! Къ оружію!

Австрійцы бѣгутъ къ церкви. Съ крикомъ „Vive l'Empereur!“ преслѣдуютъ ихъ французы; но тутъ изъ сосѣдняго дома ихъ встрѣчаютъ тремя ружейными залпами. Пять человекъ убито на поваль; около двадцати раненыхъ выбываютъ изъ строя. Французы на минуту приведены въ замѣшательство, такъ какъ въ пылу преслѣдованія они не замѣтили каменный домъ, стоявшій въ сторонѣ.

Начальники тотчасъ же рѣшаются раздѣлить свои силы: одинъ полкъ остается у церкви; другой начинаетъ штурмъ дома. Французы выламываютъ дверь топорами и врываются въ длинныя сѣни. Эгбертъ, окруженный волонтерами, встрѣчаетъ ихъ со шпалой въ рукѣ и гонитъ ихъ внизъ по лѣстницѣ на узкую улицу. Такой же неудачей кончается попытка французовъ овладѣть воротами; пушечные выстрѣлы принуждаютъ ихъ къ отступленію. Еслибы въ это время подоспѣло ожидаемое подкрѣпленіе, то побѣда была бы рѣшена въ этомъ мѣстѣ. Между тѣмъ наличныя силы австрійцевъ слишкомъ недостаточны для погоней; французы возвращаются назадъ, дѣлаютъ вторичный приступъ и врываются на дворъ черезъ полуразрушенныя ворота, не смотря на пушечные выстрѣлы. Съ пыткомъ въ рукѣ и съ дикими криками пробиваютъ они себѣ путь къ дому.

Въ этотъ моментъ австрійскій батальонъ, выйдя изъ сосѣдней улицы, нападаетъ съ фланга на озадаченнаго непріятеля.

Битва принимаетъ болѣе благопріятный оборотъ, но австрійцы слишкомъ удалились отъ церкви и дому. Они со всѣхъ сторонъ

окружены непріятелемъ; часть баталіона разбѣяна, другая обращена въ бѣгство. Эгбертъ воспользовался временнымъ удаленіемъ непріятеля, чтобы спасти своихъ людей и оба орудія. Одинъ изъ лейтенантовъ ведетъ остатки отряда къ церкви. Эгбертъ съ десятью волонтерами прикрываетъ его отступление. Три часа длилась осада; дальнѣйшая защита дома была выше человѣческихъ силъ; всѣ окна прострѣлены, двери и ворота выломаны, половина стѣны окружавшей дворъ лежала въ развалинахъ.

Но вотъ опять возвращаются французы. Съ бѣшенствомъ видятъ они отступление небольшого отряда, и громко требуютъ сдачи. Эгбертъ съ своими товарищами былъ бы тотчасъ окруженъ ими, еслибы они могли воспользоваться превосходствомъ своихъ силъ. Но улица покрыта полусгорѣвшими бревнами, досками, плугами, телѣгами, обломками домашней утвари, трупами людей и лошадей; все это затрудняетъ нападеніе. Наконецъ французы преодолеваютъ всѣ препятствія и бросаются на горсть храбрецовъ.

Пуля попадаетъ въ грудь Эгберта; но онъ не чувствуетъ ни раны, ни боли. Видя, что отрядъ его скрылся за оградой кладбища онъ старается шпагой отклонить направленные противъ него штыки. Вторая пуля ранитъ его въ правую руку; шпага его сломана; но онъ хватается за нее лѣвой рукой.

— *C'est un brave!* кричатъ французскіе солдаты. Пощадите его.

— Сдайтесь, милостивый государь! сказалъ ихъ начальникъ, обращаясь къ Эгберту. Вы одни!...

Это былъ Боэльдье, полковникъ четвертаго линейнаго полка.

Эгбертъ оглянулся. Товарищи лежали около него мертвые или раненные. У него закружилась голова. Онъ едва держался на ногахъ отъ внезапной слабости и боли въ руцѣ.

— Отдаю вамъ все, что осталось отъ моей шпаги, сказалъ онъ.

— Это можетъ случиться съ каждымъ изъ насъ—замѣтилъ ему въ утѣшеніе полковникъ. Вы получили бы у насъ крестъ Почетнаго легіона за сегодняшний день. Вы безпощадно били насъ.

Эгберту сдѣлали перевязку и повели черезъ Аспернъ къ маленькому мосту, отдѣлявшему Мархфельдъ отъ острова Лобау. Плѣнникъ былъ въ самомъ печальномъ настроеніи духа. Его взяли въ плѣнъ! Не лучше ли было умереть какъ Гуго! Первая пуля попала ему въ грудь. Почему она не убила его?

Онъ ощупалъ лѣвой рукой боковой карманъ сюртука, чтобы убѣдиться тутъ ли его портфель. Но пальцы его дотронулись до чего-то твердаго. Это былъ опалъ, подаренный ему Кристель. Пуля раздробила его. Изображеніе орла было уничтожено; остались какія-то неясныя очертанія.

Въ другое время порча камня, единственной улики противъ убійцы Жана Бурдона, сильно огорчила бы его. Но теперь онъ думалъ только

о своей несчастной судьбѣ. Не радовали его и лестные толки о немъ сопровождавшихъ его французскихъ солдатъ.

— Этотъ капитанъ храбрый человѣкъ!—говорили они, указывая на него: болѣе трехъ часовъ дрался онъ противъ насъ съ горстью людей!..

Эгбертъ, вспоминая о своемъ пораженіи, съ ужасомъ думалъ, что можетъ быть таже участь ожидаетъ австрійское войско. Оно представлялось ему разбитымъ и уничтоженнымъ.

Въ это время дѣйствительно рѣшалась судьба битвы, хотя иначе, нежели ожидалъ этого Эгбертъ.

Маршалъ Ланъ съ дивизіей С. Илера двинулся по дорогѣ между Асперномъ и Эслингеномъ. Его первая атака была настолько удачна, что онъ принудилъ австрійцевъ къ отступленію и готовился нанести послѣдній ударъ, чтобы порвать австрійскую боевую линію. Но въ этотъ рѣшительный моментъ эрцгерцогъ Карлъ, взявъ знамя гренадерскаго полка бросается верхомъ на встрѣчу непріятеля, въ виду всего войска. Его примѣръ увлекаетъ нерѣшительныхъ и лѣнливыхъ. Самъ главнокомандующій принимаетъ участіе въ битвѣ! Никто не хочетъ отстать отъ него. Каждый хочетъ раздѣлить съ нимъ вѣнецъ побѣды или честь смерти на полѣ битвы. Пока неизвѣстно на чьей сторонѣ перевѣсъ. Но съ прибытіемъ резервовъ австрійцы еще рѣшительнѣе атакуютъ непріятеля. Маршалъ Ланъ съ трудомъ удерживаетъ позицію. Онъ посылаетъ одного изъ офицеровъ главнаго штаба къ императору съ просьбой послать ему подкрѣпленіе. Онъ хочетъ еще разъ попытать счастья, которое начинаетъ измѣнять ему.

Посланный офицеръ и Эгбертъ прибыли одновременно къ кирпичному заводу за Эслингеномъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда перекинуть мостъ черезъ узкій рукавъ Дуная на Лобау. Въ сторонѣ отъ дороги на походномъ стулѣ сидитъ императоръ передъ столомъ, на которомъ лежатъ карты и зрительныя трубы. Вокругъ него адъютанты и офицеры молча наблюдаютъ за битвой. Въ отдаленіи слуги держатъ за поводья осѣдланныхъ лошадей. Все пространство отъ этого мѣста до Дуная и Эслингена занято полками старой гвардіи. Неподвижно стоятъ подъ ружьемъ гордые ветераны въ своихъ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ. Эта непобѣдимая армія представляетъ собою единственное наличное войско, которое еще было въ распоряженіи Бонапарта. Передъ кирпичнымъ заводомъ возведена сильная батарея для защиты моста на случай внезапнаго нападенія изъ Энцерсдорфа, который уже находился во власти Розенберга.

Пройти мостъ не было никакой возможности. Эгберту приказали остановиться. Къ нему подошло нѣсколько офицеровъ изъ приближенныхъ императора. Они привѣтливо поздоровались съ нимъ.

— Теперь наша очередь повѣсить голову, сказали они. Ваши соотечественники приготовили намъ ловушку и мы попали въ нее.

Бонапартъ, отправивъ посланнаго маршала Лана съ отказомъ,

оглянулся въ ту сторону, гдѣ стоялъ Эгбертъ. Замѣтивъ австрійскій мундиръ, онъ приказалъ подвести къ себѣ плѣнника.

Эгбертъ отдалъ ему честь лѣвой рукой, такъ какъ правая была у него на перевязѣ.

Императоръ равнодушно взглянулъ на него полусонными глазами, но черезъ секунду усталое лицо его неожиданно оживилось.

— А, это вы мосье Геймвальдъ! Я узналъ васъ, не смотря на вашъ мундиръ и ваши раны. Откуда вы?

— Изъ Асперна, ваше величество.

— Деревня опять отнята у насъ?

— Да, ваше величество, до церкви.

— Кто командуетъ австрійцами?

— Генераль Вавантъ, а на западъ отъ деревни генераль Гиллеръ.

— Куда дѣвался корпусъ Беллегарда, который вчера дрался въ Аспернѣ?

— Онъ присоединенъ къ остальной арміи.

— Кажется вашъ эргерцогъ хочетъ доказать мнѣ, что переправа черезъ большую рѣку въ виду стотысячной арміи—непростительная глупость. Я думалъ, что имѣю дѣло съ прежними австрійцами! Развѣ Германія переродилась? Но я во всякомъ случаѣ справлюсь съ нею!

Бонапартъ всталъ съ своего мѣста и скрестивъ руки на груди спросилъ:

— Какъ велика потеря?

— Я потерялъ около трети моего отряда.

— Почему вы не остались съ своими книтами? Наука настоящее призваніе нѣмцевъ...

Разговоръ прерванъ. Генераль-маіоръ Бертье сдѣлалъ знакъ Эгберту, чтобы онъ отошелъ въ сторону. На взмыленной лошади при скакалъ гонецъ изъ Лобау съ депешей къ императору.

Адъютанты къ которымъ подошелъ Эгбертъ многозначительно переглядываются между собой.

— Вѣроятно опять порванъ мостъ!—сказалъ одинъ изъ нихъ вполголоса. У всѣхъ лица кажутся озабоченными и серьезными.

Эгбертъ задѣлъ локтемъ стоявшаго около него господина и хочетъ извиниться. Но тотъ съ поклономъ предупреждаетъ его. Это шевалье Цамбелли. Оба пристально смотрятъ другъ на друга.

— Что ты безсмертенъ, что ли? Отчего ни одна пуля не поразила тебя? читаетъ Эгбертъ на мраморномъ лицѣ Цамбелли.

— Камень, видѣвшій твое преступленіе, спасъ мнѣ жизнь, хочетъ сказать онъ въ свою очередь. Но ни тотъ ни другой не рѣшаются прервать молчанія.

Императоръ прочелъ депеши и отдалъ вполголоса какія-то приказанія Бертье.

Затѣмъ онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ стояли слуги и громко крикнулъ, чтобы ему подали лошадей.

Солнце прямо свѣтило ему въ лицо, которое и теперь поразило Эгберта своей неподвижностью. Трудно было прочесть что либо на этомъ широкомъ мраморномъ лбѣ, осыненномъ черною прядью волосъ.

Мамелюкъ Рустанъ подвелъ императору лошадей. Онъ ловко вскочилъ на нее. Окруженный облакомъ пыли, освѣщенный солнцемъ, точно Гомеровскій богъ войны, мчится онъ черезъ Мархфельдъ къ своимъ сражающимся легионамъ. За нимъ скачутъ его адъютанты. Цамбелли въ числѣ ихъ.

Эгбертъ стоитъ ослѣпленный и взволнованный. Ему кажется, что холодный всеобъемлющій взглядъ этого человѣка, чуждаго человѣческихъ ощущеній пригвоздилъ его къ мѣсту.

Но едва Наполеонъ скрылся изъ виду, какъ всѣ заговорили разомъ.

— Даву не можетъ перейти Дунай. Мостъ окончательно уничтоженъ! сказалъ одинъ.

— У насъ не хватаетъ боевыхъ запасовъ! Проклятый день! говорить другіе.

— Мы попали въ мѣшокъ; если эрцгерцогъ догадается покрѣпче затянуть узелъ, тогда — *vogue la galère!* Мы всѣ очутимся на днѣ Дуная.

— По крайней мѣрѣ наступитъ конецъ этой человѣческой бойнѣ.

— Напрасно чума не извела его въ сирійскихъ пустыняхъ! бормочетъ старый полковникъ, только что получившій извѣстіе, что сынъ его убитъ наповаль.

Бертье сидитъ у стола и записываетъ приказанія императора.

Между тѣмъ перевязочный пунктъ переполненъ тяжело ранеными. Они рассказываютъ ужасы о рѣзнѣ, которая происходитъ на полѣ битвы.

Аспернъ опять занятъ австрійцами. Французы бѣгутъ къ единственному мосту, который ведетъ въ Лобау. Начальники съ трудомъ могутъ сохранить какой нибудь порядокъ въ этой неистовой суетнѣ окровавленныхъ, изнуренныхъ солдатъ, жаждущихъ отдыха и покоя. Проходитъ партія австрійскихъ плѣнниковъ. Эгбертъ хочетъ присоединиться къ своимъ товарищамъ, но Бертье останавливаетъ его.

— Императоръ говорилъ съ вами, сказалъ Бертье. Онъ можетъ опять потребовать васъ по своему возвращеніи.

Эгбертъ едва держится на ногахъ отъ усталости и потери крови. Онъ садится въ изнеможеніи у моста на кучу сваленныхъ досокъ. Кругомъ со всѣхъ сторонъ слышатся крики битвы, громъ пушечныхъ выстрѣловъ, лошадиный топотъ. Мостъ запруженъ бѣгущими, тѣлами съ порохомъ и артиллеріей. Тяжело раненные падаютъ подъ ноги лошадей. Общее смятеніе увеличивается съ каждой минутой.

Неподвижно стоит императорская гвардія и подсмѣивается надъ бѣгущими.

— Ну, сегодня маленький капралъ плохо исполнилъ свое дѣло, говорятъ они между собою. Теперь онъ уже не долженъ ворчать, если съ другими случится неудача. Онъ самъ узналъ какъ это вкусно.

— Да не удирайте же такъ скоро, кричатъ другіе бѣгущимъ. Смотрите, потеряете подошвы!

— И штаны въ придачу!

— Какъ будто въ водѣ лучше умирать чѣмъ въ огнѣ! замѣчаетъ старый ветеранъ.

— Развѣ ты не знаешь, старина, что эти жабы перескачутъ черезъ всякое болото!

Въ это время на мосту происходитъ невообразимая суматоха и толкотня. Каждый старается проложить себѣ дорогу и столкнуть болѣе слабого. Нѣсколько человѣкъ раздавлено артиллеріей. Иные перелѣзаютъ черезъ повозки, на которыхъ перевозятъ раненыхъ. Крики, визгъ, говоръ, грохотъ артиллеріи, все это раздается разомъ.

Императоръ вернулся весь покрытый пылью.

— Ланъ раненъ, сказалъ онъ обращаясь къ Бертъе, на лицѣ котораго выразился ужасъ при этомъ извѣстіи.

Медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ проходитъ Наполеонъ передъ фронтомъ своей гвардіи, какъ разсудительный игрокъ, который хладнокровно взвѣшиваетъ свою послѣднюю ставку. Гвардія не встрѣчаетъ его обычнымъ: „Vive l'Empereur!“ Молча, стоя на вытяжку, отдаютъ ему честь ветераны. Ихъ молчаніе равносильно для него судебному приговору.

— Генералъ Мутонъ! зоветъ императоръ.

Генералъ подошелъ къ нему.

— Мой храбрый Мутонъ, сказалъ торопливо Наполеонъ, взявшись за пуговицу его мундира, какъ онъ дѣлалъ это въ минуту сильнаго возбужденія. Наша судьба виситъ на волоскѣ. Я только что вернулся изъ Эслингена. Австрійцы могутъ овладѣть имъ. Возьмите съ собой вашихъ стрѣлковъ. Они были въ дѣлѣ при Эйлау. Удержите деревню во что бы то ни стало! Вы сами понимаете, что если непріятель ворвется съ этой стороны къ нашему мосту, то мы погибли. Не теряйте ни минуту. Я разсчитываю на васъ и знаю, что вы не обманете моихъ надеждъ.

Генералъ тотчасъ же удалился, чтобы исполнить повелѣніе императора.

Пока приходятъ въ движеніе австрійскіе полки, назначенные въ дѣло, Бонапартъ отдаетъ дальнѣйшія приказанія. Онъ видитъ всю невозможность перейти мостъ со всей массой артиллеріи, людей, телегъ и повозокъ до наступленія ночи, которая скрыла бы отъ непріятеля отступленіе его арміи. Наполеонъ убѣжденъ, что эрцгерцогъ

при своей крайней осторожности не станетъ беспокоить его по крайней мѣрѣ ночью послѣ чувствительныхъ ударовъ, полученныхъ имъ не смотря на побѣду. Но до наступленія темноты, онъ долженъ во что бы то ни стало удержатъ свою армію на этомъ берегу и отстоять мостъ отъ непріятеля.

Конница вытянута въ двѣ линіи; одна между Асперномъ и Эслингеномъ; другая между Эслингеномъ и Дунаемъ; за нею слѣдуетъ гвардія. Ружейные выстрѣлы почти прекратились. Только время отъ времени слышатся они со стороны Дуная.

Пробило пять часовъ.

Не скоро наступаютъ сумерки въ солнечный майскій день. Еще долго придется французамъ выдерживать ихъ трудное положеніе. Начинается непрерывная канонада. Австрійцы подвинули къ Эслингену свою многочисленную артиллерію и осыпаютъ непріятеля градомъ пуль и картечи.

Пули ложатся у ногъ императора. Медленно оставляетъ онъ свое мѣсто и идетъ къ мосту. Между полемъ битвы и рѣкой остается узкое пространство въ четверть мили. Тысячами лежатъ раненные. Число ихъ увеличивается съ минуты на минуту. Весь берегъ покрытъ обломками боевыхъ снарядовъ. Гренадеры въ послѣшномъ бѣгствѣ сбросили свои ранцы, конница—кирасы. Но мостъ уже непроходимъ. Многіе, обезумѣвъ отъ страха, бросаются въ воду, чтобы переплыть на другую сторону въ надеждѣ скрыться отъ непріятеля.

Императоръ подходитъ къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ Эгбертъ. Цвѣтъ его лица пепельно-сѣрый; маленькая шляпа почти на затылкѣ; волосы въ безпорядкѣ покрываютъ ему лобъ.

— Воды, говоритъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

Прежде чѣмъ слуги и адъютанты успѣли исполнить его желаніе, Эгбертъ добѣжалъ до рѣки, почерпнулъ въ свою шляпу воды и подаль ее императору.

Наполеонъ провелъ мокрой рукой себѣ по лицу.

— Это освѣжаетъ! сказалъ онъ.

Скрестивъ руки на груди, смотритъ онъ на ужасающую картину битвы.

Вотъ онъ поворачивается къ рѣкѣ; на губахъ его показывается улыбка глубокаго презрѣнія.

— Это что значитъ? спрашиваетъ онъ стоявшаго возлѣ него Цамбелли, указывая на мостъ. Прикажите тотчасъ очистить все это и сбросить въ рѣку!

Верхомъ, съ поднятыми палаши бросаются жандармы къ мосту. На минуту раздирающіе крики и вопли заглушаютъ шумъ битвы. Люди разогнаны ударами сабель и лошадиными копытами. Трупы, оружіе, телѣги, лафеты летятъ въ воду.

Въ полчаса мостъ былъ совершенно свободенъ.

Эгбертъ не дождался этого. Онъ послѣшнѣе всталъ съ своего мѣста,

какъ только жандармы вѣхали на мостъ и отправился на перевязочный пунктъ; но тутъ его ожидали другого рода ужасы. Онъ невольно содрогнулся при видѣ такого количества изувѣченныхъ раненыхъ и умирающихъ.

Доктора и ихъ помощники особенно хлопотали около двухъ тяжело раненыхъ.

Одинъ изъ нихъ былъ австрійскій генераль-лейтенантъ Веберъ, другой—маршалъ Ланъ.

Смертельная пуля поразила маршала въ тотъ моментъ, когда онъ сошелъ съ лошади, уступая настоятельнымъ просьбамъ своихъ приближенныхъ, которые доказывали ему, что оставаясь верхомъ во главѣ своего войска, онъ представлялъ собою слишкомъ удобную цѣль для непріятельскихъ выстрѣловъ. Печальная вѣсть съ быстротою молніи разнеслась въ войскѣ и привела его въ уныніе. Маршалъ Ланъ былъ одинъ изъ самыхъ достойныхъ и храбрыхъ сподвижниковъ Наполеона во время его перваго знаменитаго похода въ Италію. Между солдатами онъ слылъ за республиканца, не смотря на свой маршалскій жезлъ. Ампутація, предпринятая врачами, пробудила раненаго изъ безсознательнаго состоянія и вызвала изъ его груди глухіе стоны.

Наполеонъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ вѣрнаго товарища своей юности, тотчасъ же отправился на перевязочный пунктъ. Онъ подходитъ къ носилкамъ умирающаго и судорожно сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ.

— Вы теряете во мнѣ своего лучшаго друга, сказалъ Ланъ съ усиліемъ. Будьте счастливы... спасите войско...

— Вы не умрете, отвѣтилъ Наполеонъ. Они должны спасти васъ!

— Къ чему? Чтобы умереть въ одной изъ слѣдующихъ битвъ! возразилъ маршалъ, подымая немного голову. Развѣ новыя войны не ожидаютъ насъ, или это страшное пораженіе настолько подѣйствовало на васъ, что вы опомнились? Послѣ Эйлау—Аспернъ! Пусть это будетъ вамъ предостереженіемъ. Вы пожертвовали Франціей вашему честолюбію. Я не могу простить себѣ, что помогалъ вамъ въ вашихъ побѣдахъ... Моя жизнь или смерть не имѣютъ никакого значенія. Я всегда былъ солдатомъ и умираю имъ... Но Франція, ваше величество!.. На ней тяжело отзовется ваша жажда къ побѣдамъ. Она уже теперь тяготится ими. Придетъ время, когда она проклянетъ васъ и это проклятіе можетъ положить конецъ вашему блестящему поприщу!..

Голова маршала безсильно опустилась на подушку.

Онъ говорилъ такимъ тихимъ и хриплымъ голосомъ, что только одинъ императоръ могъ слышать его.

Еще минуту держитъ Наполеонъ руку умирающаго, затѣмъ тихо опускаетъ ее. Ему подають лошадь. Онъ несется съ быстротою молніи черезъ мостъ, махая своимъ короткимъ хлыстомъ по воздуху, какъ будто хотеть отогнать отъ себя тяжелыя мысли и видѣнія.

Усиленно продолжается пальба со стороны австрійцевъ; но старая гвардія непоколебима. Чѣмъ больше людей выбываетъ изъ строя, тѣмъ тѣснѣе смыкается она свои ряды. Эрцгерцогъ не рѣшается двинуть впередъ свои войска. Считаетъ ли онъ свои силы недостаточными, или онъ больше боится побѣжденнаго Наполеона, чѣмъ одерживающаго побѣды?

По распоряженію императора раненыхъ переносятъ черезъ мостъ въ Лобау. Эгбертъ идетъ около носилокъ генерала Вебера.

На островѣ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ повторяются тѣ-же безотрадныя сцены, что и на берегу Мархфельда.

Здѣсь расположились лагеремъ голодные и изнуренные полки, наполовину уничтоженные непріятелемъ. Батарея, воздвигнутая на берегу противъ Эслингена и густой лѣсъ, растущій въ этой сторонѣ, служатъ достаточной защитой острова, еслибы явилась необходимость къ дѣятельной оборонѣ его противъ не пріятеля. Но солдаты потеряли довѣріе въ своимъ силамъ, начальники казались мрачными и недовольными. Всюду слышались обвиненія и насмѣшки надъ Бонапартомъ. Эгбертъ, прислушиваясь къ толкамъ солдатъ, видѣлъ, что они правы въ своихъ нареканіяхъ. Они обвиняли Бонапарта не въ поражении, а въ неосторожности, въ недостаткѣ боевыхъ снарядовъ, провіанта, перевязочныхъ средствъ. Заносчиво издѣваясь надъ прегрѣшеніями, не признавая законовъ природы, императоръ считаетъ невозможнымъ разрывъ воздвигнутаго имъ моста. Онъ убѣжденъ, что мостъ будетъ къ его услугамъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не прикажетъ снять его. Но рѣка неожиданно заявила свои права и доказала новому Ксерксу его безуміе.

Барки и лодки, переплывая рѣку съ опасностью жизни для лодочниковъ, привозятъ на островъ сухари, вино и водку; но это капля въ морѣ. Наступающая ночь можетъ лишить французовъ и этого послѣдняго сообщенія съ правымъ берегомъ Дуная. Сильный вѣтеръ вздуваетъ бушующія волны; все выше и выше поднимается вода въ рѣкѣ.

Суда, изъ которыхъ было построено мостъ, оторванныя волнами, несутся по теченію. Французамъ удалось спасти немногія изъ нихъ. Вода начинаетъ заливать островъ Лобау. Мѣстами образовались болота; канавы переполнены водой и похожи на дикіе горныя потоки.

Австрійцы плѣнники переведены на другую сторону острова, къ тому мѣсту, гдѣ еще виднѣются на берегу остатки понтоннаго моста. Солдаты, заняты собираніемъ хвороста. Никто не смотритъ за плѣнниками; но побѣгъ немыслимъ для нихъ, — передъ ними рѣка, позади островъ занятый непріятелемъ. Эгбертъ сидитъ въ солдатской шинели на срубленномъ стволѣ дерева у носилокъ генерала Вебера, который стонетъ и мечется въ лихорадкѣ.

Дрожащимъ слабымъ свѣтомъ свѣтятся огни на противоположномъ берегу сквозь мракъ бурной ночи. Черныя тучи несутся по

небу, принимая самыя фантастическія очертанія. Изрѣдка выглядываетъ изъ-за нихъ звѣзда. Бѣшено набѣгаютъ волны на берегъ.

Большая армія подъ прикрытіемъ ночи совершаетъ свое отступление въ Лобау. На опушкѣ лѣса горятъ бивачные огни. Смѣшанный гулъ голосовъ сливается съ ревомъ Дуная. Все это представляется Эгберту какимъ-то фантастическимъ страшнымъ сномъ. Раны его начинаютъ горѣть; онъ чувствуетъ сильную ломоту во всемъ тѣлѣ. Но его поддерживаетъ избытокъ юношескихъ силъ и надежда, что его не долго продержатъ въ плѣну. Припоминая событія дня, онъ не можетъ понять, почему эрцгерцогъ Карлъ не преслѣдовалъ отступающаго врага.

Но что бы ни случилось въ будущемъ, Наполеонъ потерпѣлъ первое пораженіе!

Эгбертъ узнаетъ отъ французскихъ офицеровъ, что императоръ противъ обыкновенія собралъ военный совѣтъ у моста на сѣверной сторонѣ острова. Большинство маршаловъ было того мнѣнія, что необходимо оставить Лобау и, что лучше пожертвовать боевыми снарядами и орудіями, чѣмъ подвергать опасности войско. Но Массена и Бонапартъ были другого мнѣнія и оно взяло верхъ.

— Теперь наша жизнь въ рукахъ эрцгерцога Карла, говорили офицеры, видимо недовольные рѣшеніемъ военнаго совѣта.

Въ одинадцать часовъ вечера императоръ подошелъ къ своему разрушенному мосту въ сопровожденіи Бертье.

Не смотря на сдѣланныя ему представленія относительно опасности переѣзда черезъ рѣку въ такую позднюю пору и при сильномъ вѣтрѣ, Наполеонъ не хотѣлъ оставаться ни одной минуты долѣе въ Лобау. Неизвѣстно — мучило ли его опасеніе быть отрѣзаннымъ отъ всякаго сообщенія, или онъ надѣялся поддержать свое войско съ праваго берега, гдѣ въ его рукахъ была Вѣна, только ничто не могло поколебать его рѣшенія.

Нашли лодку, собрали достаточное число гребцовъ изъ французскихъ понтонеровъ, но они не знали рѣки и не могли поручиться за благополучный переѣздъ, такъ какъ лодка могла быть отнесена теченіемъ въ сторону отъ Эберсдорфа.

— Гдѣ плѣнный австрійскій капитанъ Геймвальдъ, съ которымъ я говорилъ у кирпичнаго завода? спросилъ Наполеонъ.

Бертье разбудилъ Эгберта и привелъ къ императору.

— Вы говорили мнѣ въ Тюльери, что знаете Дунай и здѣшнія окрестности. Я хочу быть въ Эберсдорфѣ до полуночи. Вотъ лодка и гребцы. Возьметесь ли вы править рулемъ?

— Если прикажете, ваше величество; но я могу править только лѣвой рукой.

— Вамъ помогутъ. Всѣ ваши приказанія будутъ исполнены въ точности.

Прежде, чѣмъ Эгбертъ успѣлъ уговориться съ гребцами, импера-

торъ и Бертье вошли въ лодку. При мрачномъ освѣщеніи двухъ факеловъ блѣдное и неподвижное лицо Наполеона напоминало мертвеца. Полулежащая поза еще болѣе увеличивала это впечатлѣніе.

Закрывъ лицо рукою, онъ разразился громкимъ принужденнымъ смѣхомъ.

— Кто могъ ожидать этого! Потерять битву послѣ тридцати выигранныхъ сраженій! сказалъ онъ.

Волны качаютъ лодку во всѣ стороны. Но ровно гребутъ сильныя и привычныя гребцы. Эгбертъ править рулемъ.

— Они напрасно торжествуютъ и радуются своей побѣдѣ, продолжалъ Наполеонъ, разговаривая самъ съ собою. Меня не такъ легко уничтожить! Я еще настолько молодъ, что долго буду воевать...

Дремота начинаетъ одолевать его. Онъ закрываетъ глаза, но сонъ его тревоженъ и перемѣшанъ съ бредомъ.

— Кирасиры впередъ! говорить онъ повелительнымъ голосомъ. Чего вы боитесь, трусы! Впередъ! всѣ на баттарею. Что значать сотни тысячъ людей...

Гребцы, занятые своимъ дѣломъ, не слышатъ словъ императора; глухой ревъ разъяренной рѣки заглушаетъ ихъ. Бертье подходитъ къ Эгберту и становится у руля.

— Ну, какъ идутъ дѣла? спросилъ онъ.

— Мы переѣхали средину рѣки. Причалимъ у Эберсдорфа.

— Вы оказали намъ большую услугу, капитанъ. Чѣмъ могу я быть полезенъ вамъ?

— Я просилъ бы васъ отпустить меня на честное слово въ мой домъ у Шенбрунна.

— Для излеченія вашихъ ранъ? Ваше желаніе будетъ исполнено.

— Посвѣтите, крикнулъ Эгбертъ, — тутъ мель.

Оба факельщика подошли къ нему.

Одинъ во мракѣ сидитъ властелинъ, наводящій ужасъ на всю Европу, безпомощный противъ бушующей рѣки. Гребцы перешли на одну сторону, чтобы сняться съ мели, волны бьютъ въ лодку. Наполеонъ просыпается. Ноги его въ водѣ; шинель соскользнула съ плечъ. Онъ бормочетъ непонятныя слова, приказанія, проклятія. Ему кажется невѣроятнымъ, чтобы богиня счастья, которая столько лѣтъ покровительствовала ему, могла отвернуться отъ своего любимца.

— Мы пріѣхали, сказалъ Эгбертъ.

Отблескъ факеловъ на рѣкѣ, возвѣщавшій прибытіе важной особы, былъ тотчасъ же замѣченъ на караульныхъ постахъ, разставленныхъ на берегу. Собрались слуги и жандармы. Генераль Савари выѣхалъ на встрѣчу съ экипажами и осѣдланными лошадьми.

Наполеонъ поднялся съ своего мѣста и стоитъ на носу лодки. Мрачнѣе грозной тучи лицо его. Со всѣхъ сторонъ мелькаютъ

фонари, отсвѣчиваютъ и пылаютъ факелы, раздуваемые вѣтромъ. Въ Эберсдорфѣ пробило полночь.

— Г-нъ Геймвальдъ! сказалъ Наполеонъ.

— Ваше величество!

— Не намѣрены ли вы и теперь проповѣдывать мнѣ миръ съ нѣмцами! Они будутъ хвастаться, что побѣдили меня. Между мной и Германіей не можетъ быть мира! Я долженъ еще отблагодарить ихъ за сегодняшний день!... Покойной ночи!

Не дожидаясь отвѣта, императоръ исчезъ въ толгѣ встрѣтившихъ его офицеровъ и слугъ.

Эгбертъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе въ чужой землѣ. Правый берегъ Дуная былъ въ рукахъ непріятеля. Онъ не зналъ къ кому обратиться, чтобы выбраться изъ окружавшей его суматохи.

Кто-то назвалъ его по имени. Это былъ Дероне, котораго Фуше прикомандировалъ къ полевой полиціи. Переговоривъ съ Эгбертомъ, Дероне обѣщаетъ ему найти экипажъ, который бы свезъ его въ Гицингъ.

— Вы перевезли его черезъ рѣку! сказалъ Дероне, пожимая плечами. Оставленная здѣсь гвардія только что ограбила начисто замокъ Эберсдорфъ, въ надеждѣ, что онъ останется на томъ берегу... Вѣдь это сумашедшій человѣкъ! Что вамъ стоило сунуть его въ мѣшокъ и бросить въ воду по турецки? У васъ наступилъ бы миръ, а намъ была бы возвращена свобода! Можно ли упустить такой удобный случай!

ГЛАВА III.

Прошли тяжелые, печальные мѣсяцы, весна и лѣто. Лѣсъ одѣлся въ пестрые краски осени, въ мнимый блескъ праздничнаго платья. Въ первыхъ числахъ октября начали спадать листья съ деревьевъ Шёнбрунскаго парка.

Величественный желтоватобѣлый дворецъ австрійскихъ императоровъ все еще даетъ пристанище воинственному узурпатору. Но это уже не побѣжденный при Аспернѣ, а побѣдитель при Ваграмѣ. Пятое и шестое іюля смыло пятно позора съ его легионовъ, хотя далеко не такъ, какъ онъ желалъ этого, потому что трофеи побѣды были скудные, сравнительно съ Аустерлицемъ и Іеной. Австрійцы отступили въ порядкѣ съ поля битвы; но Бонапартъ овладѣлъ Маркфельдомъ и, преслѣдуя непріятеля до Мерена, принудилъ его къ перемирію.

Съ тѣхъ поръ тянутся безконечные переговоры въ Альтенбургѣ двухъ посланниковъ: Меттерниха съ австрійской стороны и Шампаньи—съ французской. Императоръ Францъ, видя, что ихъ пере-

писка и рѣчи ни на волосъ не подвигаютъ дѣла, послалъ прямо къ Наполеону сперва Бубну, а потомъ Югана Лихтенштейна въ надеждѣ скорѣе заключить миръ съ самимъ господиномъ, нежели съ его слугами.

Блестящія ожиданія, съ которыми Австрія начала войну, разлетѣлись въ прахъ; сошли со сцены люди, которые вели ее. Австрія никогда больше не будетъ стремиться къ восстановленію прежней Германской имперіи и приобрѣтенію императорской короны Габсбурговъ; она должна предоставить эту задачу болѣе молодымъ силамъ. Графъ Стадіонъ только номинально исполняетъ свою должность; управление дѣлами имперіи предоставлено хладнокровному и миролюбивому Меттерниху. Онъ не раздѣляетъ, ни геройскихъ стремленій графа Стадіона, ни его грандіозныхъ плановъ и не чувствуетъ никакой ненависти къ Бонапарту. Въ союзъ съ французскимъ императоромъ видитъ онъ безопасность и счастье Австріи. Сердце его не лежитъ къ Германіи, которая для него не болѣе, какъ географическое названіе. Только австрійское государство, въ узкомъ значеніи этого слова, и мечты о собственномъ повышеніи могутъ до извѣстной степени воодушевить Меттерниха.

Дероне, не смотря на всѣ хлопоты, не могъ достать экипажа для Эгберта раньше слѣдующаго утра. Онъ самъ проводилъ его въ Гичингъ и сдалъ на попеченіе Магдалены. Непривычное утомленіе двухъ дневной битвы и сильное нравственное потрясеніе вреднѣе отозвались на здоровьѣ Эгберта, нежели рана на рукѣ, которая оказалась неопасною, такъ какъ кость была не тронута. Нѣсколько недѣль пролежалъ онъ при смерти отъ непрерывной лихорадки и полнаго упадка силъ. Наконецъ молодость взяла свое и началось выздоровленіе; но оно шло крайне медленно, несмотря на нѣжную заботливость Магдалены. Глубокая душевная грусть, наполнявшая сердце Эгберта, мѣшала восстановленію физическихъ силъ. Къ печальнымъ воспоминаніямъ объ Антуанетѣ и смерти Гуго присоединялись мрачныя представленія о будущности Австріи. Слухи изъ лагеря были самого неутѣшительнаго свойства. Австрійское войско не въ состояніи было оказать теперь какое либо серьезное сопротивленіе Наполеону даже въ случаѣ настоятельной необходимости; въ долинахъ Венгріи господствовали заразительныя болѣзни. Отъ графа Вольфсегга также не было никакихъ извѣстій. Послѣ битвы при Ваграмѣ онъ исчезъ безслѣдно. Одни утверждали, что видѣли его въ числѣ убитыхъ; другіе, что онъ попалъ въ руки французовъ и былъ отвезенъ въ одну изъ внутреннихъ крѣпостей. Между тѣмъ въ главной французской квартирѣ никто не слыхалъ о плѣнномъ австрійскомъ графѣ. Эгбертъ узналъ это отъ адъютанта Бертье. Послѣдній не забывалъ молодого капитана, оказавшаго такую важную услугу фран-

цузскому императору и во время болѣзни Эгберта нѣсколько разъ посылалъ своего адъютанта узнать объ его здоровьѣ.

Еслибы Эгбертъ обратился къ Бертье съ просьбой о своемъ освобожденіи, то этотъ вѣроятно тотчасъ же исполнилъ бы его желаніе, обойдя всѣ формальности. Но свобода не прельщала Эгберта, потому, что онъ не могъ пользоваться ею. Устройство какихъ бы то ни было частныхъ дѣлъ было немыслимо до окончательнаго заключенія мира. О вторичномъ поступленіи въ армію также не могло быть и рѣчи. Даже помимо докторовъ, которые возстали бы противъ такого рѣшенія, Эгбертъ самъ чувствовалъ послѣ всякой прогулки насколько его силы не соотвѣтствуютъ трудностямъ и неудобствамъ лагерной жизни. Къ тому-же онъ слышалъ со всѣхъ сторонъ, что при новомъ государственномъ устройствѣ Австріи хотятъ вернуться къ стѣснительнымъ мѣрамъ первыхъ лѣтъ царствованія императора Франца и, что одной изъ этихъ мѣръ будетъ отѣна ландвера и распушеніе волонтеровъ.

Дероне выходилъ изъ себя всякій разъ, когда заходила рѣчь объ этомъ.

— Они сами не понимаютъ своей пользы, сказалъ онъ разговаривая однажды съ Эгбертомъ. Вмѣсто того, чтобы поддержать народное войско, которому Австрія обязана блестящимъ исходомъ битвы при Аспернѣ, они сиѣшаютъ уничтожить его при первой возможности. Всякое народное движеніе пугаетъ ихъ, хотя опытъ не разъ доказалъ имъ, что помимо народа имъ не одержать ни одной побѣды!

Эгбертъ и Дероне сидѣли на каменной скамейкѣ подъ старой липой, украшавшей собой большой садъ, который тянулся за домомъ до склона горы, поросшей темнымъ лѣсомъ, гдѣ находился императорскій звѣринецъ. Въ этомъ же саду была могила Гуго, украшенная мраморнымъ памятникомъ. Плющъ уже началъ обвивать его своими темнозелеными листьями.

— Къ чему намъ теперь народное ополченіе, или какое бы то ни было войско, когда мы не хотимъ больше сражаться — отвѣтилъ Эгбертъ на замѣчаніе Дероне. Наполеонъ безгранично властвуетъ въ Европѣ, отъ испанскихъ горъ до русской границы. Мы должны безмолвно повиноваться ему. Если ему вздумается уничтожить нѣмецкій народъ, то мы не можемъ помѣшать этому.

— Не сидите только сложа руки и вы справитесь съ нимъ. Не легко уничтожить пѣлый народъ. Я всегда говорилъ, что Наполеонъ сумасшедшій, которому удалось захватить въ руки оружіе, скованное французской революціей, благодаря нашей глупости. Если это оружіе перестанетъ служить ему, потому что все изнашивается на свѣтѣ, то люди съ удивленіемъ увидятъ, какъ ничтоженъ тотъ, передъ которымъ они такъ долго трепетали. Въ Аспернѣ онъ едва не сломалъ себѣ головы. Его мѣсто не въ Пантеонѣ, куда онъ мечтаетъ попасть послѣ смерти, а на кладбищѣ сумасшедшаго дома! Вооружитесь только

терпѣніемъ мой дорогой другъ. Берите примѣръ съ нашего бѣднаго Бурдона.

— Что съ нимъ? Не имѣете ли вы о немъ какихъ нибудь извѣстій?

— Онъ все еще сидитъ въ тюрьмѣ въ качествѣ государственнаго преступника, безъ суда и почти безъ допроса. Съ нашей стороны сдѣлано все, чтобы облегчить ему участь. Этотъ злодѣй, возсѣдающій въ Шенбруннѣ, воображаетъ, что онъ окончательно истребилъ якобинцевъ! Онъ тоже думаетъ о Пруссіи и Испаніи, потому что сильно желаетъ этого и считаетъ свою волю всемогущей. Но его ожидаетъ горькое разочарованіе. Во Франціи не умрутъ идеи 1793 года; онъ восторжествуютъ еще при его жизни. Вотъ этого и ждетъ Бурдонъ, изучая въ тюрьмѣ животный магнетизмъ надъ кошками. Императоръ отпустить его по окончаніи мирныхъ переговоровъ.

— Но заключеніе мира откладывается съ недѣли на недѣлю.

— Вамъ хотѣлось бы поскорѣ избавиться отъ насъ! сказалъ со смѣхомъ Дероне. — Я вполнѣ понимаю это. По правдѣ сказать, мнѣ самому до смерти надоелъ присмотръ за добродушными нѣмцами. Мнѣ, поклоннику свободы и равенства, совѣстно арестовать людей, все преступленіе которыхъ заключается въ любви къ отечеству и ненависти къ чужеземному игу. Самъ императоръ не особенно хорошо чувствуетъ себя здѣсь, среди недовольнаго населенія. Но повидимому въ трактатѣ есть какой-то тайный пунктъ, котораго онъ добивается, а ваши соотечественники не хотятъ уступить.

— Почему вы думаете это? Развѣ вы занимаетесь дипломатіей?

— Отчасти. На мнѣ собственно лежитъ обязанность охранять жизнь Бонапарта. При этомъ я дѣлаю надъ нимъ свои наблюденія.

— Кто нибудь поручилъ вамъ это? спросилъ Эгбертъ.

Дероне прищурилъ глаза и съ улыбкой взглянулъ на своего собесѣдника.

— Можетъ быть и такъ, отвѣтилъ онъ, но я дѣлаю это также для себя, какъ дилетантъ психіатръ по собственной охотѣ. Я убѣжденъ, что у него составленъ новый планъ, и хочу заранѣе узнать въ чемъ дѣло, чтобы фактъ не особенно поразилъ меня.

— Неужели онъ готовитъ намъ еще большее униженіе? Не хочетъ ли онъ завладѣть престоломъ императора Франца?

— Пустяки! Это все громкія фразы, которыми онъ прикрываетъ свои настоящія намѣренія. Въ этомъ онъ довольно неудачно подражаетъ Дантону. Нѣтъ, онъ готовитъ подкопъ въ другомъ направленіи. Что бы вы сказали, еслибы онъ вздумалъ жениться на австрійской принцессѣ!...

Разговоръ двухъ пріятелей былъ прерванъ появленіемъ адъютанта Бертье.

— Маршалъ, сказалъ онъ съ вѣжливымъ поклономъ, проситъ капитана Геймвальда пожаловать завтра на парадъ въ Шенбруннѣ!

— Ну, значить, мы будемъ скоро укладывать наши чемоданы! воскликнулъ Дероне по уходѣ адъютанта. — Передъ возвращеніемъ во Францію онъ разыграетъ сцену великодушія и публично выразитъ вамъ свою благодарность за переѣздъ черезъ Дунай. Еслибы я былъ тогда въ лодкѣ на вашемъ мѣстѣ съ полдюжиной рѣшительныхъ людей, разумѣется французовъ, а не нѣмцевъ, которые даже къ узурпатору чувствуютъ уваженіе, тогда дѣла быть можетъ приняли бы совсѣмъ иной оборотъ... Но вотъ идетъ ваша благодѣтельная фея, фрейлейнъ Армгартъ. Честь имѣю принести вамъ мой низайшій поклонъ фрейлейнъ и прошу не сердиться на меня, если я уведу отъ васъ мосье Геймвальда на короткую прогулку.

Магдалена съ благодарной улыбкой протянула руку Дероне. Она была увѣрена, что общество веселаго и остроумнаго француза лучше всего разсѣетъ печальное настроеніе Эгберта, которое поддерживалось уединеніемъ деревенской жизни.

Пріятели вышли изъ сада и пошли по лѣсной тропинкѣ. Эгбертъ, поднявшись на гору, оглянулся назадъ. Магдалена все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ въ золотистомъ отблескѣ осенняго вечерняго солнца. Ему казалось, что онъ все еще видитъ взглядъ ея добрыхъ глазъ съ любовью устремленныхъ на него. Сердце его радостно забилось.

— Моя дорогая, милая! невольно подумалъ онъ.

Они шли молча; каждый былъ занятъ своими мыслями.

— Вы вѣроятно хотѣли мнѣ сообщить что нибудь? сказалъ наконецъ Эгбертъ.

— Да и такія вещи, о которыхъ неудобно толковать въ вашемъ саду, гдѣ насъ могутъ подслушать, а тѣмъ болѣе въ присутствіи фрейлейнъ Армгартъ. Однимъ словомъ вы должны благодарить небо за случай, который доставилъ вамъ покровительство императора, такъ какъ это пока спасаетъ васъ и вашъ домъ отъ несчастія, Витторіо Цамбелли...

— Развѣ онъ живъ? Вы ни разу не упоминали его имени въ послѣднее время; поэтому я былъ убѣжденъ, что онъ убитъ при Ваграмѣ, гдѣ погибло столько достойныхъ людей!

— Вы говорите такимъ печальнымъ тономъ, какъ будто сами собирались умирать. Вооружитесь мужествомъ, другъ мой! Вы должны защищать свою кожу. Жизнь есть борьба — говорятъ философы. Неужели я долженъ проповѣдывать это кровному нѣмцу! Знайте, что шевалье замышляетъ погубить васъ и теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, такъ какъ скоро осуществятся его самыя смѣлыя мечты. Послѣ заключенія мира посыпятся награды. Поговариваютъ, что шевалье получитъ значительныя помѣстья и титулъ маркиза.

— За какія услуги?

— Онъ желаетъ, чтобы ничто не напоминало объ услугахъ, оказанныхъ имъ Бонапарту. Онъ не хотѣлъ-бы видѣть пятна на своемъ

гербоѣ и разумѣтся прежде всего постарается устранить тѣхъ, которыми извѣстно его участіе въ одномъ дѣлѣ. Веняминъ Бурдонъ сидитъ въ тюрьмѣ; графъ Вольфсеггъ пропалъ безслѣдно; а третій—вы...

— Почему вы исключили себя, мосье Дероне? Мнѣ кажется, что вы для него опаснѣе всѣхъ насъ.

— Вотъ тутъ-то и ошибается шевалье въ своемъ расчетѣ, какъ это всегда бываетъ съ преступниками. Онъ все обдумалъ, взвѣсилъ всѣ шансы, а главное упустилъ изъ виду. Онъ не подозрѣваетъ моего существованія, а я слѣжу за нимъ шагъ за шагомъ, какъ его тѣнь. Благодаря этому я узнаю, что онъ тайкомъ прогуливается около вашего дома и разумѣтся не съ добрыми намѣреніями. Пока васъ спасаетъ покровительство императора. Трудно рѣшиться на крайнія мѣры противъ человѣка, оказавшаго такую важную услугу Наполеону, такъ какъ дѣло не обойдется безъ дознаній и слѣдствій.

— Вы преувеличиваете опасность, мосье Дероне.

— Можетъ быть. Но вѣдь это безвредно для васъ. Мнѣ только хочется, чтобы вы подумали о будущемъ. Когда императоръ выйдетъ изъ Шенбрунна, то въ этотъ день австрійская столица очутится безъ правительства и полиціи. Тогда держите ухо востро, и вспомните, что вы умѣете быть не только мечтателемъ, но и солдатомъ. Мы всегда успѣемъ попастьъ въ царство тѣней; торопиться съ этимъ нечего. Человѣку живется, то хуже, то лучше, но пока у него есть чѣмъ утолить голодъ и жажду, ему нечего особенно тяготиться жизнью.

Они сошли съ узкой тропинки и остановились подъ деревомъ, чтобы дать дорогу молодому человѣку, который шелъ къ нимъ на встрѣчу, прислушиваясь къ шороху сухихъ листьевъ подъ ногами.

— Это тоже мечтатель! сказалъ Эгбертъ. Таковъ складъ ума у большинства нѣмцевъ. Посмотрите, какъ онъ вздрогнулъ, увидя насъ. Ему не нравится, что мы нарушили его уединеніе.

Дероне тотчасъ замѣтилъ какую то неловкость въ манерахъ незнакомца. Онъ видимо старался подражать офицерамъ въ походѣхъ и движеніяхъ. На головѣ его была военная фуражка, но вмѣсто кокарды къ ней прикрѣплена была стальная пряжка; длинные бѣлокурые волосы опускались на стоячій воротникъ его голубого сюртука. Высокіе сапоги, покрытые пылью, показывали, что онъ пришелъ издалека.

Поровнявшись съ обоими пріятелями онъ поклонился имъ и попросилъ указать дорогу въ Шенбруннъ.

— Идите по этой тропинкѣ до креста, а тамъ спуститесь съ горы и вы прямо выйдете на большую дорогу, отвѣтилъ Эгбертъ, который по акценту узналъ въ немъ уроженца сѣверной Германіи.

— Я вышелъ сегодня рано утромъ изъ Вѣны, сказалъ незнакомецъ, бродилъ по горамъ и хотѣлъ вернуться черезъ Шенбруннъ. Но въ сожалѣнію запоздалъ и мнѣ не удастся осмотрѣть садъ.

«истор. вѣстн.», годъ I, томъ III.

18

— Вы можете сдѣлать это завтра. Императоръ Наполеонъ назначилъ парадъ передъ дворцомъ; вы насладитесь двойнымъ зрѣлищемъ.

— Но я думаю будетъ трудно пробраться сквозь толпу. Разумѣется я очень желалъ бы увидѣть вблизи императора Наполеона.

Голосъ незнакомца слегка задрожалъ.

Дероне стоялъ въ сторонѣ, прислонившись спиною къ дереву и не вмѣшивался въ разговоръ, такъ какъ плохо зналъ нѣмецкій языкъ, но не спускалъ глазъ съ незнакомца. Это былъ стройный двадцатилѣтній юноша съ красивымъ, почти женственнымъ лицомъ.

— Вы не уроженецъ Вѣны? спросилъ его неожиданно Дероне по французски.

— Нѣтъ, я изъ Тюрингена, отвѣтилъ этотъ ломаннымъ французскимъ языкомъ.

— Изъ какого города?

— Изъ Эрфурта.

— Однако вы совершили порядочный путь!

— Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ южной Германіей.

Дероне недовѣрчиво улыбнулся, но не считалъ нужнымъ спрашивать его больше. Онъ зналъ теперь, что привело юношу къ Шенбрунну и почему онъ желаетъ видѣть Бонапарта.

„Вотъ еще нѣмецкій студентъ, который бросилъ свои книги, узнавъ, что дѣлается здѣсь и хочетъ избавить свою страну отъ тиранина, подумалъ Дероне. Изъ боязни наказанія и позора онъ медлитъ и не знаетъ на что рѣшиться.“

Эгбертъ предложилъ незнакомцу вывести его на дорогу и пошелъ съ нимъ рядомъ. Дероне шелъ сзади.

— Не слишкомъ ли скоро я иду для васъ, спросилъ юноша, видя, что Эгбертъ остановился. Вы кажется больны?

— Да, докторъ не похвалилъ бы меня, за такую ходьбу. У меня только что зажили раны.

— Раны! Развѣ вы участвовали въ битвахъ при Дунаѣ?

— Я былъ при Аспернѣ.

— Счастливецъ! Какъ я жалѣю, что не могъ быть тамъ.

— Вы еще очень молоды и можете быть не разъ будете участвовать въ сраженіяхъ. Но развѣ такое счастье быть на войнѣ!

— Я не представляю себѣ большаго счастья какъ идти на перекоръ смерти и наносить ее! продолжалъ съ воодушевленіемъ незнакомецъ; при этомъ лицо его приняло непріятное, почти злое выраженіе.—Если бы только было у меня ружье въ рукѣ и непріятель предо мной.

Молча шли они до креста, откуда тропинка, извиваясь по холму, вела внизъ къ деревнѣ Гицингу.

Незнакомецъ снялъ шляпу и, поблагодаривъ Эгберта, сталъ прощаться съ нимъ.

— Мой домъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда. Зайдите отдохнуть на минуту. Вамъ будетъ по пути.

— Благодарю васъ. Но я долженъ быть въ Вѣнѣ до наступленія сумерекъ. Можетъ быть завтра вы прокляли бы день и часъ, въ который дали мнѣ пристанище. Горе тому дому, куда я войду теперь.

Прежде, чѣмъ Эгбертъ успѣлъ что либо отвѣтить на эти странныя слова, незнакомецъ поспѣшно поклонился и почти бѣгомъ спустился внизъ по склону горы.

— Вотъ чудакъ, сказалъ Дероне, подходя къ Эгберту. О чемъ вы толковали съ нимъ? Онъ имѣетъ видъ помѣшаннаго.

— Онъ мечталъ о счастья попасть въ битву. Вѣроятно онъ перешелъ непосредственно отъ Гомера и Плутарха къ печальной дѣйствительности. Это какая то фантастическая личность; я не хотѣлъ бы опять встрѣтиться съ нимъ!

— Значить я былъ правъ. Это одинъ изъ тѣхъ, который явился сюда слишкомъ поздно. Кто знаетъ, можетъ быть Германія будетъ со временамъ прославлять его какъ своего героя.

— Онъ скорѣе имѣетъ видъ мученика.

Дероне засмѣялся.

— Сегодня вы по горло погрузились въ элегическое настроеніе духа. Воображаю себѣ какими яркими красками вы описали ему ужасы войны! Разумѣется многое можно сказать въ пользу мира. Да здравствуетъ богъ Панъ и идиллія! Видъ вашего уютнаго сельскаго дома и сада тамъ внизу, при солнечномъ закатѣ, даже меня настраиваетъ на сентиментальный ладъ. Я самъ готовъ мечтать съ вами сегодня о семейномъ счастьи, домашнемъ очагѣ и всеобъемлющей любви къ человѣчеству. Но, милый другъ, можемъ ли мы довольствоваться этимъ! Повѣрьте, что Европа стала бы съ сожалѣніемъ вспоминать о настоящихъ буряхъ, если бы въ недалекомъ будущемъ она была осуждена изъ году въ годъ прять шерсть въ спокойномъ бездѣйствіи, подобно Геркулесу. Война не веселая, но вѣчная задача человѣческаго рода. Борьба за существованіе неизбежна. И вы не должны вѣсить шпагу на стѣну; держите ее на готовѣ. Прежде всего остерегайтесь Цамбелли. У него есть сообщники въ вашемъ домѣ. Берегитесь! Вы внѣ опасности только до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ въ Шенбруннѣ.

— И пока мосье Дероне разыгрываетъ роль моего духа покровителя, сказалъ Эгбертъ, пожимая ему руку.

— Но духъ покровитель, возразилъ прищурясь полицейскій, только съ вашей помощью можетъ охранить васъ отъ вашихъ враговъ. Однако мнѣ пора. Покойной ночи. Поклонитесь отъ меня фрейлейтъ Армгартъ. Я завидую вамъ. Вотъ если бы мы въ Парижѣ могли подобно вамъ полагаться на вѣрность нашихъ возлюбленныхъ. Помните ли вы эту плутовку Зефирину? Чортъ бы побралъ этого чловѣка!

Онъ совѣмъ обворожилъ ее! Какъ бы мнѣ хотѣлось скорѣе вернуться домой!..

Пріятели простились. Каждый пошелъ своей дорогой.

Въ это самое время двое офицеровъ, сидя у фонтана въ саду Шенбрунна, вели оживленную бесѣду объ обитателяхъ уютнаго дома въ Гицингѣ.

Только теперь по окончаніи войны случай свелъ легкомысленнаго хвастливаго Луазеля, вѣчно занятаго своими любовными исторіями, съ Витторіо Цамбелли, который представлялъ собою полную противоположность съ нимъ, по своей скрытности и упорному преслѣдованію затаенныхъ замысловъ.

Шевалье повидимому достигъ цѣли своихъ желаній. Онъ пользовался милостью и полнымъ довѣріемъ императора, особенно послѣ важной услуги, оказанной имъ при Ваграмѣ.

За нѣсколько дней передъ битвой, Цамбелли съ опасностью жизни собралъ подробныя свѣдѣнія о мѣстности и положеніи австрійскихъ войскъ. Его донесенія имѣли рѣшающее вліяніе на планъ битвы. Передавая затѣмъ маршалу Даву приказанія императора относительно штурма Ваграма въ самый разгаръ сраженія, среди града пуль, онъ заслужилъ удивленіе своихъ враговъ, которые были поражены его хладнокровіемъ и присутствіемъ духа. Такимъ образомъ родовыя помѣстья, о которыхъ онъ хлопоталъ отъ имени своей семьи и важный титулъ не могли ускользнуть отъ него, послѣ заключенія мира, такъ какъ они были достойной наградой за его заслуги. Но передъ нимъ поднимался призракъ прошлаго. Быстрый полетъ счастья всегда возбуждаетъ въ людяхъ подозрѣніе, что оно достигнуто не совѣмъ честными средствами. Въ подобныхъ случаяхъ клевета преслѣдуетъ даже безъукоризненныхъ людей; тѣмъ болѣе долженъ былъ подвергнуться ей Цамбелли, прошлая жизнь котораго представляла собою столько загадочнаго и таинственнаго для празднаго любопытства.

Цамбелли не зналъ о существованіи Дероне; при томъ видномъ положеніи, какое онъ теперь занималъ въ свѣтѣ его не могла беспокоить полиція, въ видѣ мелкихъ чиновниковъ и писцовъ, къ которымъ принадлежалъ Дероне.. Шевалье считалъ себя неизмѣримо выше ихъ. Но онъ зналъ, какъ недовѣрчиво относятся къ нему приближенные Наполеона и какъ зорко слѣдятъ они за каждымъ его шагомъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не видѣть всей шаткости своего положенія, и слишкомъ хладнокровенъ, чтобы забыть пятно, лежавшее на его прошломъ. Цамбелли не могъ объяснить увлеченіемъ сдѣланнаго имъ преступленія. Оно было необходимо для него, такъ какъ открывало ему дорогу къ счастью и онъ, какъ расчетливый игрокъ, смѣло бросилъ кости.

Прошелъ ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ Жанъ Бурдонъ, ожидая починки своего экипажа, сидѣлъ передъ мельницей Рабенъ. Еще недавно въ безсонную ночь, Витторіо Цамбелли припомнилъ малѣйшія

событіи, связанныя съ этимъ днемъ. Почти одновременно генералъ Андраши въ Вѣнѣ и Фуше изъ Парижа поручили ему слѣдить за однимъ французомъ, Жаномъ Бурдономъ, который ѣхалъ изъ Нанси къ графу Вольфсеггъ, и, при первой возможности захватить всѣ его бумаги. Шевалье еще въ Вѣнѣ познакомился съ графомъ Вольфсеггъ и его кружкомъ и имѣя самыя подробныя свѣдѣнія объ ихъ планахъ и заговорѣ не разъ писалъ объ этомъ Фуше.

Цамбелли поселился въ Гмунденѣ и сдѣлался постояннымъ гостемъ графа Вольфсеггъ въ его замкѣ Зебуръ. Нѣсколько дней спустя онъ узналъ, что Жанъ Бурдонъ тайно готовится къ отъѣзду. Онъ рѣшился остановить его по дорогѣ и принудить къ выдачѣ бумагъ. Ни въ этотъ моментъ, ни въ то время, когда онъ ѣхалъ изъ Гмундена за экипажемъ Бурдона, ему не приходило въ голову, что это приключеніе можетъ окончиться убійствомъ.

Вотъ онъ идетъ съ Бурдономъ отъ мельницы въ лѣсъ, держа свою верховую лошадь за поводья. Нѣсколькихъ словъ было достаточно, чтобы этотъ осторожный человѣкъ потерялъ самообладаніе.

— Жанъ Бурдонъ, сказалъ ему шевалье, вашъ сынъ арестованъ въ Парижѣ за участіе въ заговорѣ противъ Наполеона и вы его убійца.

Бурдонъ поблѣднѣлъ какъ смерть и добровольно, не владея собой, послѣдовалъ за искусителемъ, который то пугая его, то пробуждая въ немъ надежду, все болѣе и болѣе заманивалъ его въ лѣсъ отъ жилья. Наконецъ они поднимаются на пустынную гору. Витторіо неожиданно требуетъ у озадаченнаго Бурдона его бумаги, говоря, что это можетъ спасти его сына. Бѣднякъ догадывается, что попалъ въ ловушку, зоветъ къ себѣ на помощь и забывая свои лѣта обращается въ бѣгство. Шевалье останавливаетъ его. Бурдонъ выбиваетъ изъ рукъ Витторіо хлыстъ, который тотъ поднялъ на него. Но тутъ заржала лошадь. Вѣрно гдѣ нибудь вблизи люди — думаетъ съ отчаяніемъ Витторіо. Все пропало! Ему остается одно средство. Онъ спускаетъ курокъ; раздается выстрѣлъ; за нимъ въ отдаленіи слышатся подобно эху другіе выстрѣлы. Это графъ Вольфсеггъ охотится съ своими пріятелями. Жанъ Бурдонъ лежитъ распростертый на землѣ въ предсмертной агоніи. Шевалье поспѣшно осматриваетъ карманы убитаго, находитъ письма, поднимаетъ хлыстъ и идетъ къ старому дубу, чтобы отвязать свою верховую лошадь. Изъ кустовъ пристально смотритъ на него дѣтское лицо, помертвѣвшее отъ испуга. Это была Кристель. Взгляды ихъ встрѣчаются. Дѣвочка боязливо вздрагиваетъ и исчезаетъ. Вскочивъ на лошадь, шевалье мчится окольной дорогой въ Ламбахъ и застаетъ тамъ курьера, который ѣдетъ въ Парижъ. Онъ передаетъ ему часть писемъ, найденныхъ у Бурдона, запечатавъ ихъ въ пакетъ, адресованный на имя Фуше. Другіе оставляетъ у себя для пересмотра.

Вся эта картина возстаетъ въ его памяти съ поразительною ясностью.—Если бы сегодня повторилось все это, думаетъ Цамбелли, я

опять сдѣлалъ бы тоже самое. Мнѣ не оставалось иного исхода! Но онъ сознаетъ, что исторія убійства во всей своей наготѣ не должна быть извѣстна публикѣ. Ему безразлично, что думаютъ о немъ люди, пока нѣтъ противъ него прямого обвиненія или доказательствъ. Венъ-минъ Бурдонъ въ тюрьмѣ, графъ Вольфсегъ пропалъ безъ вѣсти; ни тотъ ни другой не могутъ вредить ему; но если будетъ поднято дѣло, то еще двое могутъ явиться свидѣтелями: Кристель и Эгбертъ.

— Какъ я уже говорилъ вамъ, мой милый Луазель, сказалъ Цамбелли, терпѣливо выслушавъ вѣстливый рассказъ своего собесѣдника о какомъ-то любовномъ приключеніи—красавица, о которой вы упоминали на томъ знаменитомъ пикникѣ въ Пале-Рояль, гдѣ вы поссорились съ Дешанъ, живетъ въ нашемъ сосѣдствѣ и я имѣлъ честь познакомиться съ нею.

— Неужели! воскликнулъ Луазель. Я думаю она очень похорошѣла съ тѣхъ поръ! Въ 1805 году она была почти дѣвочка.

— Фрейлейнъ Армгартъ превзойдетъ всѣ ваши ожиданія. Она необыкновенно умна и хороша собой.

Луазель самодовольно погладилъ свою русую бороду.

— Нужно будетъ сдѣлать ей визитъ, сказалъ онъ. Значитъ вы бываете у нихъ въ домѣ! Какъ вы познакомились съ ней? Я не считалъ васъ дамскимъ кавалеромъ.

— Да я никогда и не былъ имъ въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете, но я знакомъ съ хозяиномъ дома, въ которомъ живетъ фрейлейнъ съ своими родителями.

— Но вѣдь они не ея родители! Судя по шуму, который подняла эта сумашедшая Атенансъ, эта фрейлейнъ ея дочь. Помните какъ тогда Дешанъ разозлилась на меня. Со стороны можно было подумать, что я виновникъ ея несчастія.

— Я не только знакомъ, но и друженъ съ г-мъ Геймвальдомъ, замѣтилъ шевалье.

— Геймвальдъ? Я почему-то вообразилъ себѣ, что онъ умеръ.

— Нѣтъ, онъ живъ! Вы его также не узнаете; это красивый видный мужчина. Онъ числится капитаномъ австрійской арміи.

— *Sacre tonnerre!* Этотъ ученый буквоѣдъ!

— Вы еще больше удивитесь, когда я скажу вамъ, что онъ попалъ въ плѣнъ при Аспернѣ и пользуется уваженіемъ нашего императора.

— Ну, это просто свѣтъ на изнанку. Нѣмцы точно переродились. Страна и народъ производятъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ послѣ Аустерлица. Тогда насъ принимали съ распростертыми объятіями. Всѣ радовались, что мы победили ихъ солдатъ и проучили высокомерное австрійское дворянство. Насъ встрѣчали какъ побѣдителей, признавая славу и превосходство Франціи. Въ тѣ времена ни одному образованному и сколько нибудь достаточному нѣмцу и въ голову не приходило надѣть на себя солдатскій мундиръ. Теперь всѣ устреми-

лись въ армию. Гдѣ мы проходимъ, мужчины встрѣчаютъ насъ съ угрозами, женщины отворачиваются отъ насъ. Развѣ солнце Франціи начало меркнуть? Развѣ мы не первый народъ въ мірѣ! Кстати, объясните мнѣ пожалуйста, какое дѣло императору до этого Геймвальда?

Цамбелли пожалъ плечами.

— Я знаю только одно, что онъ перевезъ Бонапарта черезъ Дунай въ ту злополучную ночь послѣ Асперна. Впрочемъ, г-нъ Геймвальдъ очень милый человѣкъ и я долженъ предупредить васъ, полковникъ, что по моимъ наблюденіямъ, вы уже давно имѣете въ немъ опаснаго соперника въ сердцѣ фрейленъ Армгартъ.

— Ну, это какая нибудь невинная любовь, которая началась еще на школьной скамейкѣ, отвѣтилъ самодовольно Луазель, закинувъ назадъ голову. — Знаемъ мы эту нѣмецкую любовь. Повѣрьте, если французъ примется какъ слѣдуетъ за дѣло, то ни одна нѣмка не устоитъ противъ него. Что же касается этого господина, то еще въ 1805 году мы оба порывались свернуть другъ другу шею. Теперь ничто не мѣшаетъ намъ привести это въ исполненіе.

— Но вы забываете, что императоръ покровительствуетъ ему!

— Какое мнѣ дѣло до Бонапарта! Я не вмѣшиваюсь въ его политику; онъ долженъ также предоставить мнѣ свободу распоряжаться моею жизнью какъ мнѣ вздумается. Въ дѣлахъ чести и любви каждый самъ себѣ господинъ! Но можетъ быть все уладится само собою! Этотъ добрый нѣмецъ вѣроятно не замѣтитъ, что его обманываютъ. Неужели въ Магдаленѣ нѣтъ ни капли горячей крови матери? Люди поумнѣе этого Геймвальда были увѣнчаны рогами. Какъ вы думаете шевалье, знаетъ ли дѣвочка о своемъ происхожденіи?

— Едва ли. Ея отецъ графъ Вольфсеггъ...

— Я совсѣмъ забылъ его имя...

— Графъ вѣроятно подкупилъ Армгартовъ и потребовалъ отъ нихъ относительно этого строгаго молчанія, продолжалъ шевалье. — Дити любви занимаетъ незавидное положеніе въ нѣмецкомъ обществѣ.

— Что за устарѣлые предрасудки! воскликнулъ Луазель. Какъ счастливы въ этомъ отношеніи французы. У насъ талантъ и счастье всегда проложатъ себѣ дорогу. Я открою фрейлейнъ Армгартъ тайну ея происхожденія.

— Она вамъ будетъ очень благодарна за это, возразилъ Цамбелли, но при моей дружбѣ къ г-ну Геймвальду...

— Если мы встрѣтимся у него въ домѣ, то я сдѣлаю видъ, что не знакомъ съ вами, сказалъ со смѣхомъ Луазель.

Онъ уже воображалъ себя счастливымъ любовникомъ Магдалены и неизмѣннымъ гостемъ въ ея домѣ.

Цамбелли протиставивъ съ Луазелемъ съ удовольствіемъ припоминать подробности ихъ разговора. Цѣль его была достигнута. Отказъ Магдалены не будетъ имѣть никакого значенія для тщеславнаго Луа-

зеля. Онъ будетъ продолжать свое назойливое ухаживанье до тѣхъ поръ, пока не принудитъ Эгберта вызвать его на поединокъ. Исходъ его неизвѣстенъ, но во всякомъ случаѣ Эгбертъ будетъ слишкомъ занятъ этой исторіей, чтобы думать объ убійцѣ Жана Бурдона. Если же Луазель переживетъ своего соперника, то Цамбелли не могъ желать для себя ничего лучшаго. Онъ не боялся тѣней и подобно Наполеону не стѣснялся въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Между ними была только та разница, что дѣятельность шевалье вращалась въ болѣе тѣсной сферѣ.

Шевалье съ нетерпѣніемъ ожидалъ момента, когда онъ вернется въ Парижъ, окруженный блескомъ своего новаго положенія и съ титуломъ маркиза. Неужели и теперь Антуанета отвѣтитъ ему отказомъ, если онъ посватается къ ней? Онъ почти ненавидѣлъ ее за то, что она пренебрегла имъ; въ его страсти къ ней играло не послѣднюю роль желаніе унижить ея гордость. Цамбелли не надѣялся найти счастье или успокоеніе въ обладаніи Антуанетой, но этотъ бракъ былъ такъ долго конечною цѣлью всѣхъ его стремленій, что помимо его онъ не представлялъ себѣ дальнѣйшаго существованія. Небогатая красавица изъ низшаго слоя общества никогда бы не прельстила бы шевалье, между тѣмъ какъ союзъ съ маркизой Гондревилль — графиней Вольфсеггъ открывалъ еще болѣе широкій путь его честолюбію и возвышалъ его въ собственныхъ глазахъ.

Не смотря на поздній октябрскій вечеръ, воздухъ былъ тихій и удушливый; съ юга тянулись по небу грозовыя тучи. Витторіо всталъ съ своего мѣста и направился къ дворцу.

„Будетъ темная дождливая ночь, подумалъ онъ, глядя на тучи. — Въ такую ночь всего удобнѣе покончить съ Кристель.“

Въ послѣднее время онъ часто видѣлъ ее. Она стояла на порогѣ дома, когда онъ проѣзжалъ верхомъ. На одномъ смотру передъ дворцомъ Шенбрунна онъ неожиданно замѣтилъ въ толпѣ зрителей взглядъ ея задумчивыхъ черныхъ глазъ, пристально устремленный на него. Нѣсколько разъ встрѣчалъ онъ ее и на дорожкахъ сада, но всегда на значительномъ разстояніи, такъ какъ Кристель видимо боялась подойти къ нему. Черезъ нѣсколько дней онъ самъ началъ искать свиданія съ ней и нашелъ ее подъ каштановымъ деревомъ у маленькой калитки, ведущей въ лѣсъ. Но влюбленная дѣвушка напрасно ждала отъ него нѣжныхъ объясненій; онъ только хотѣлъ собрать у нея нѣкоторыя свѣдѣнія объ обитателяхъ дома. Даже не сговорившись съ ней, Цамбелли зналъ, что она ожидаетъ его и, что онъ и сегодня найдетъ ее на томъ же мѣстѣ.

Мрачно собираются тучи надъ уютнымъ сельскимъ домикомъ съ красной черепичной кровлей, осѣненной деревьями. Изъ-за облаковъ выглянулъ послѣдній лучъ заходящаго солнца.

Все въ домѣ идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Каждый занятъ своимъ дѣломъ. Секретарь Армгартъ по прежнему занимаетъ свое

мѣсто за столомъ, у котораго собралась вся семья къ ужину. Гуго привезъ его сюда въ ту ночь, когда несчастный старикъ, выдавъ дешшу Стадіона, собирался кончить жизнь самоубійствомъ. Въ первыя недѣли послѣ своего водворенія въ Гицингъ, секретарь жилъ уединенно въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дома; старая глухая служанка прислуживала ему. Въ другое время внезапное исчезновеніе человѣка, занимавшаго официальное положеніе, послужило бы поводомъ къ нескончаемымъ разговорамъ и разспросамъ, но теперь всѣ были на столько поглощены предстоящей войной, что едва обратили вниманіе на этотъ случай. Между тѣмъ управляющій имѣніемъ Эгберта въ Гицингъ, у котораго было вдоволь всякаго дѣла на рукахъ, очень обрадовался, что у него явился помощникъ, въ лицѣ Армгарта, который взялъ на себя съ согласія Эгберта заведываніе хозяйственными книгами и счетами. Но это былъ не прежній веселый и разговорчивый Армгартъ; несчастіе быстро состарило его; волосы его посѣдѣли; на лицѣ явилось постоянное выраженіе усталости и унынія. Онъ чувствовалъ теперь непреодолимое отвращеніе къ картамъ и даже однажды убѣжалъ изъ комнаты, когда управляющій послѣ тяжелаго рабочаго дня предложилъ ему сыграть партію виста.

Тяжелое душевное состояніе Армгарта еще больше усилилось съ пріѣздомъ жены и дочери. Сначала онъ не хотѣлъ показываться имъ на глаза и когда, наконецъ, рѣшился выйти къ нимъ, то пугливо отклонилъ отъ себя ласки Магдалены, которая со слезами на глазахъ бросилась ему на шею. Разговаривая съ нею, онъ нѣсколько разъ въ разсѣянности называлъ ее „многоуважаемая фрейлейнъ“, такъ что она съ испугомъ смотрѣла на него, думая, что онъ помѣшался.

Магдалена объясняла его разстройство сильными нравственными потрясеніями. Вслѣдъ за вторженіемъ непріятели въ столицу и похоронами веселаго Гуго, который былъ всегда любимцемъ старика, Дероне привезъ къ нимъ умирающаго Эгберта. Дни и ночи просиживалъ Армгартъ у постели больного съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Выздоровленіе Эгберта было большой отрадой для опечаленной семьи послѣ столькихъ тяжелыхъ дней. Но скоро ихъ постигло новое горе—полная неизвѣстность о судьбѣ графа Вольфсегга. Бывшій секретарь его, казалось, не находилъ себѣ мѣста отъ безпокойства; точно тѣнь бродилъ онъ по дому изъ угла въ уголъ. То онъ избѣгалъ встрѣчи съ Магдаленой, то безъ всякаго повода осыпалъ ее ласками, заливаясь слезами. Съ женой онъ велъ длинныя, таинственныя бесѣды; при этомъ запиралъ двери на ключъ, изъ боязни, чтобы его не подслушали. Все это повторялось почти изо дня въ день, такъ что Магдалена наконецъ привыкла къ странностямъ своего отца и не придавала имъ особеннаго значенія. Все больше и больше мысли ея и чувства обращались къ любимому человѣку. Мужественно вынесла она всѣ испытанія, посланныя ей судьбой; въ ея походкѣ и манерахъ еще больше,

чѣмъ прежде, сказывалась та увѣренность въ свои силы, которая такъ успокоительно дѣйствовала на Эгберта.

Аргарты удалились тотчасъ послѣ ужина. Магдалена осталась наединѣ съ Эгбертомъ.

Она стояла у открытаго окна и задумчиво смотрѣла на него своими добрыми, любящими глазами. Заботы и бессонныя ночи не тронули ни одной линіи ея хорошенькаго, слегка поблѣднѣвшаго лица. Ея густые, волнистые волосы падали золотистыми локонами на плечи. Черное платье и черный газовый платокъ представляли рѣзкій контрастъ съ нѣжной окраской ея лица и свѣтлорусыми волосами.

Эгбертъ, сидя у стола между двумя свѣчами, описалъ ей свою прогулку съ Дероне и встрѣчу съ молодымъ незнакомцемъ.

— Можетъ быть я ошибаюсь, замѣтилъ онъ, окончивъ разсказъ, но мнѣ показалось, что сегодня Кристель чѣмъ-то сильно взволнована.

Ему не хотѣлось сказать Магдаленѣ, что предостереженія Дероне побудили его обратить вниманіе на Кристель.

Магдалена засмѣялась.

— Она дѣйствительно не отличалась сегодня особенной ловкостью, отвѣтила она, но вы смотрѣли на нее такими строгими глазами, что на ея мѣстѣ и у меня пропалъ бы аппетитъ. Я очень рада, что вы мнѣ объяснили въ чемъ дѣло, а то я думала, что Кристель сдѣлала что нибудь дурное.

— Да сохранить ее Господь отъ этого! Но мнѣ часто приходитъ въ голову, моя дорогая Магдалена, что всѣ ваши старанія воспитать эту дѣвушку, ни къ чему не приведутъ. Она остается все такой же дикой и скрытной. Въ одинъ прекрасный день она убѣжитъ отъ васъ въ лѣсъ.

— Кристель привязалась къ намъ и мы можемъ вполне рассчитывать на ея преданность. Во всемъ остальномъ вы должны быть снисходительны къ ней, Эгбертъ. Развѣ я могла заняться какъ слѣдуетъ ея воспитаніемъ? Война со всѣми ея ужасами происходитъ чуть не на нашихъ глазахъ! Кристель даже была на полѣ битвы и вернулась оттуда съ трупомъ вашего друга. Неужели все это не должно смущать ее, когда мы сами находимся въ возбужденномъ состояніи и вздрагиваемъ при всякомъ шорохѣ?

— Я вполне согласенъ съ вами, Магдалена, но вы упускаете изъ виду, что картины ужаса, которыя проходятъ передъ нею, могутъ имѣть для нея прелесть чудеснаго. Если она опять встрѣтитъ шевалье Цамбелли...

— Вы говорили мнѣ, что онъ попалъ въ адъютанты императора Наполеона и живетъ въ Шенбруннѣ?

— Я слышалъ это отъ Дероне. Вдобавокъ я самъ видѣлъ его при Аспернѣ.

— Насъ онъ пока не удостоитъ своимъ посѣщеніемъ, сказала Магдалена. Врядъ ли онъ захочетъ понастѣя опять мнѣ на глаза. Какъ

онъ обманулъ меня тогда! Въмѣсто благодарности за то, что я пригласила его въ нашъ домъ, онъ погубилъ моего отца. Съ тѣхъ поръ меня постоянно мучить мысль, что все это случилось, благодаря моему легкомыслію. Я заставлю Кристель поклясться мнѣ, что она будетъ избѣгать всякой встрѣчи съ нимъ.

— Вы сами не должны встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ, сказалъ съ живостью Эгбертъ, походя къ ней.

Они стояли молча одну минуту и смотрѣли на небо, подернутое тучами. Вдали слышалось глухое завываніе приближавшейся бури. Верхушки деревьевъ шумѣли, то жалобнымъ, то полуторжественнымъ тономъ. Подъ окнами разстился темный садъ. Отблескъ молніи освѣщаль вѣтки деревьевъ и кусты.

Они невольно протянули другъ другу руки.

— Что дѣлаетъ теперь графиня Антуанета!? сказала неожиданно Магдалена. Вспоминаетъ ли она когда нибудь объ насъ?

Эгбертъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, Магдалена, она забыла насъ. Тамъ на небѣ нѣсколько минутъ тому назадъ также горѣла блестящая звѣзда, но мрачная туча поглотила ее. Можетъ ли она помнить насъ, когда родина и семейныя воспоминанія потеряли для нея значеніе и она все промѣняла на великолѣпіе императорскаго двора? Отъ души желаю ей счастья.

— Она вполнѣ заслуживаетъ его. Она необыкновенно хороша собой!

— А вы не завидуете ея блестящей участи, Магдалена?

„Какой странный вопросъ! говорило ея лицо. Могу ли я завидовать въ эту минуту кому бы то ни было въ мірѣ!“

— Если бы я даже захотѣла, то не могла бы завидовать графинѣ, сказала она вслухъ. Почести не прельщаютъ меня, потому что я не въ состояніи наслаждаться ими. Я самая обыкновенная женщина. Моя лучшая мечта содѣйствовать хотя немного счастью тѣхъ, которые дороги мнѣ.

— Вы всегда были нашимъ ангеломъ хранителемъ, Магдалена.

— Ангеломъ безъ крыльевъ, котораго вы избаждаете своей лестью.

— На что вамъ крылья, Магдалена. Развѣ вы хотите улетѣть отъ насъ?

— Да, я желала бы имѣть крылья, чтобы отыскать графа Вольфсеггъ, который одинаково дорогъ всѣмъ намъ.

— Неужели вы все еще надѣетесь, что онъ живъ! Мнѣ кажется, что мы должны приучить себя къ мысли объ той невозвратной потерѣ. Какая польза обманывать себя! Рано или поздно истина обнаружится.

— Вы мужчина, Эгбертъ, и не можете въ такой степени чувствовать его потерю, какъ я и моя бѣдная мать. Онъ былъ нашей единственной опорой. Вы видите въ какомъ печальномъ положеніи отецъ.

— Моя дорогая, фрейлейнъ кажется совсѣмъ забыла о моемъ существованіи! Неужели наша давнишняя дружба, чувство благодарности къ вамъ, наша общая жизнь — все это написано на песокъ и можетъ быть сметено первымъ порывомъ вѣтра!

— Я давно боялась этого объясненія, Эгбертъ, но оно неизбежно. Такая жизнь, какъ теперь, не можетъ продолжаться для насъ. Мы всѣмъ обязаны вашей добротѣ и дружбѣ и принимаемъ отъ васъ различныя одолженія, какъ блескъ солнца, за который никто не благодарить и не считаетъ нужнымъ справляться, откуда онъ. Не глядите на меня съ такимъ удивленіемъ. Не думайте, чтобы я отвергала права дружбы. Мы могли не краснѣя принимать ваше гостепріимство, пока продолжалось безпокойное военное время. Но это должно прекратиться съ наступленіемъ мира. Развѣ наши средства позволяютъ намъ пользоваться тѣмъ благосостояніемъ, которое окружаетъ насъ здѣсь?

— Значить миръ долженъ разлучить насъ! воскликнулъ Эгбертъ. Еще недостааетъ, чтобы вы заговорили о моихъ благодѣяніяхъ! Чѣмъ я заслужилъ это.

— Выслушайте меня хладнокровно, Эгбертъ. Войдите въ наше положеніе и поймите, что мы не имѣемъ права пользоваться вашею собственностью. Еслибы графъ Вольфсеггъ былъ здѣсь, то онъ доказалъ бы это лучше, чѣмъ я.

— Развѣ нуженъ между нами посредникъ, Магдалена! Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только однимъ способомъ. Неужели ты хочешь разстаться со мной, моя дорогая!

Магдалена опустила голову. Слезы душили ее.

Онъ обнялъ ее и нѣжно прижалъ къ своей груди.

— Будь моей женой, Магдалена! Сама судьба назначила насъ другъ для друга; мы не должны идти противъ ея рѣшенія.

— Я всегда любила тебя, Эгбертъ, даже тогда, когда не была увѣрена въ твоей привязанности. Но теперь, когда исполняется то, что я считала несбыточной мечтой, какой-то страхъ сжимаетъ мое сердце, какъ будто радость слишкомъ велика и счастье быть любимой тобой будетъ отнято у меня.

— Мы живемъ въ тяжелое время, моя дорогая; когда оно пройдетъ, мы будемъ вдвойнѣ наслаждаться счастьемъ.

— На что мнѣ будущность! Ты любишь меня?

— Да я люблю тебя.

Шопотъ ихъ заглушался порывами вѣтра, стонами и жалобами деревьевъ. Рѣдкія тяжелыя капли дождя падали на листья. Вѣтеръ, врываясь въ комнату, грозилъ погасить свѣчи. Эгбертъ заперъ окно. На дворѣ совсѣмъ стемнѣло; злилась и завывала буря; потокъ дождя шумно лилъ на крышу и оконныя рамы. Магдалена сидѣла на скамейкѣ у ногъ Эгберта, положивъ руки ему на колѣни и смотрѣла

на него своими кроткими любящими глазами. Это была лучшая минута ея жизни. Сердца ея замирало отъ счастья.

Но вотъ сквозь шумъ дождя и бури раздался подавленный крикъ. Они прекратили разговоръ и стали прислушиваться; но ничего не было слышно, кромѣ однообразнаго завыванія бушующей непогоды.

На дворѣ подъ проливнымъ дождемъ стоитъ у каштановаго дерева Черная Кристель. Она плачетъ и кричитъ, подъ наплывомъ странныхъ ощущений, не зная сама отъ горя или радости. Длинные волосы ея развѣваются по вѣтру; она то поднимаетъ руки къ небу, то протягиваетъ ихъ за какой-то тѣню.

Прошелъ ливень. Изрѣдка падаютъ рѣдкія капли дождя. Между деревьями Шенбрунна показался серебристый полукругъ прибывающаго мѣсяца.

Тамъ вдаль, на высотѣ холма, идетъ скорыми шагами человѣкъ закутанный въ темный плащъ. Или это только кажется Кристель и все это было игрою ея разстроеннаго воображенія?

Нѣтъ этими руками она обнимала его; рука этого человѣка расчесывала ей волосы, сорвала съ нея корсетъ. Его губы горячо цѣловали ее. Слова его или поцѣлуи разлили огонь по ея жиламъ. Какъ бьются у ней виски, горятъ щеки; она вся дрожитъ! Но что случилось съ нею съ той минуты, когда она не дождавшись окончанія ужина убѣжала въ садъ?

Хотя онъ не далъ ей обѣщанія придти и она чувствовала свое ничтожество передъ нимъ, но какая-то непреодолимая сила тянула ее къ каштановому дереву; она была увѣрена, что онъ тамъ и ждетъ ее. Смутное сознаніе, что она дѣлаетъ дурное дѣло еще болѣе возбуждало въ ней желаніе быть съ нимъ. Поднявшаяся буря напѣвала ей дикую знакомую мелодію. Время отъ времени молнія освѣщала садъ своимъ желтоватымъ отблескомъ. Черная Кристель сѣла на дерновую скамейку, подъ свѣсившимися вѣтвями каштановаго дерева, все еще покрытаго листьями. Даже въ самомъ ожиданіи заключалось для нея необъяснимое удовольствіе. Она боится и въ то-же время жаждетъ увидѣть его. Проходя украдкой черезъ садъ она сорвала вѣтку ивы и нѣсколько запоздалыхъ цвѣтовъ, чтобы украсить себѣ голову къ его приходу. Ощупью плететъ она вѣнокъ.

Придетъ ли онъ къ ней, бѣдной, некрасивой дѣвушкѣ, онъ, знатный шевалье въ шитомъ золотомъ платьѣ!

Она прислушивается.

По уединенной тропинкѣ изъ Шенбрунна кто-то крадется между деревьями. Блеснула молнія. Кристель увидѣла его и закрыла глаза рукой. Она не знаетъ, какъ очутилась въ его объятіяхъ, что онъ нашептывалъ ей! Но когда то въ дѣтствѣ ей рассказывали о пѣсняхъ ундины, которыми онѣ губятъ сердца людей. Также полны чарующей прелести были его рѣчи. Она помнитъ только, что онъ сказалъ ей: „я люблю тебя, Кристель“...

Онъ любить ее! Возможно ли это? Теперь она одна у темнаго сада среди разразившейся бури. Сурово смотритъ на нее мѣсяцъ. Съ глубокой тоской возвращается она къ дерновой скамьѣ подъ каштановымъ деревомъ. Она поднимаетъ разорванный вѣнокъ, которымъ хотѣла украсить свою голову.

Бѣдныя цвѣты! Бѣдная Кристель! Она ли это говорить, или Магдалена зоветъ ее въ саду?

Магдалена, Эгбертъ!.. Посмѣетъ ли она показаться имъ на глаза? Не раздѣляетъ ли ее цѣлая пропасть отъ нихъ! Онъ звалъ ее къ себѣ и говорилъ: Пойдемъ со мной. Брось ихъ.

Но куда идти ей?

Порывъ вѣтра вырвалъ вѣнокъ изъ ея рукъ и унесъ его внизъ по холму.

Гдѣ очутятся завтра цвѣты и вѣтка ивы?

Кристель дороже ихъ, какая участь ожидаетъ ее?

ГЛАВА IV.

Мало по малу улеглась буря. Къ восьми часамъ разсѣялись тучи и выглянуло солнце. Наступило холодное и ясное октябрьское утро.

Огромная толпа народа наполняла дворъ Шенбруннскаго дворца, гдѣ былъ назначенъ смотръ гвардіи. Не смотря на свою ненависть къ французамъ, жители Вѣны не могли устоять противъ соблазна увидѣть вблизи французскаго императора.

На ступеняхъ лѣстницы, выходившей на дворъ, стояли офицеры съ донесеніями и просьбами и между ними Эгбертъ въ гусарскомъ мундирѣ, въ которомъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ при Аспернѣ. Противъ дворца вдоль забора и газоновъ расположилась гвардія, рядомъ съ нею стояли солдаты, вышедшіе изъ госпиталей и возвращенные изъ австрійскаго плѣна, въ разнообразныхъ мундирахъ, представлявшихъ странную смѣсь цвѣтовъ при яркомъ солнечномъ освѣщеніи.

Солдаты громко разговаривали между собою, такъ какъ дисциплина значительно ослабѣла въ войскѣ во время послѣдняго похода. Вѣсть о скоромъ заключеніи мира возбудила общую радость. Бодрое и воинственное настроеніе, съ которымъ французы совершали свои первые походы, не могло устоять противъ тяжелой походной жизни, жестокихъ и упорныхъ битвъ. Всѣ они еще слушались своего вождя; но и теперь, какъ послѣ битвы при Эйлау, въ войскѣ начался ропотъ. Наполеонъ не слышалъ его, потому что не хотѣлъ его слышать. Незамѣтно, но неудержимо началъ ослабѣвать воинственный духъ французовъ. Орелъ взлетѣлъ слишкомъ высоко; крылья не могли долѣе

поддерживать его. Всѣ стремились къ покою; и потому вѣсть о мирѣ одинаково обрадовала всѣхъ.

За солдатами въ ближайшихъ аллеяхъ толпились зрители. Порядокъ не соблюдался строго; жандармы не преслѣдовали любопытныхъ сновавшихъ между разставленными полками. У оконъ дворца сидѣли разряженные дамы изъ австрійскаго дворянства, рядомъ съ приближенными императора. Эгбертъ, случайно взглянувъ вверхъ, увидѣлъ у одного окна префекта Боссе, разговаривающаго съ графиней Беллегардъ, женой храбраго генерала, защитника Асперна.

„Графъ Ульрихъ правъ, подумалъ Эгбертъ. — Мы не умѣемъ ненавидѣть. Въ этомъ пруссаки выше насъ. Они отомстятъ Наполеону за поруганіе родины и не стануть ползать, какъ мы, у ногъ побѣдителя или бросаться ему въ объятія.“

— Стройся!—раздалось на дворѣ.

Гвардейцы выстроились. Съ невольнымъ уваженіемъ смотрѣли зрители на этихъ людей, пережившихъ столько битвъ, на ихъ загорѣлыя лица, покрытыя шрамами. Съ минуты на минуту ожидали появленія императора.

Передъ фронтомъ прохаживался молодой человекъ въ голубомъ мундирѣ, котораго Эгбертъ встрѣтилъ наканунѣ, во время прогулки. Сколько ни отгоняли его офицеры, но онъ упорно возвращался на свое мѣсто.

Одну минуту онъ стоялъ такъ близко къ лѣстницѣ, что Эгбертъ протянулъ ему руку. Незнакомецъ быстро оглянулся и бросилъ на него мрачный, блуждающій взглядъ.

„Онъ сумашедшій“—подумалъ Эгбертъ, опуская руку.

Императоръ вышелъ изъ дворца, окруженный многочисленной свитой. На немъ былъ его обычный зеленый мундиръ, маленькая шляпа и широкая красная лента черезъ плечо. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ листъ бумаги и медленно спускался по ступенямъ лѣстницы. Серьезное лицо его имѣло спокойное, почти печальное выраженіе.

Дойдя до середины лѣстницы, онъ остановился и посмотрѣлъ внизъ на стоявшихъ людей, на садъ, окружавшій дворъ. Пришла ли ему въ голову мысль, что онъ никогда не вернется сюда, не увидитъ больше ни этихъ деревьевъ, ни этихъ аллей, которыя такъ нравились ему? Или что другое тревожило его?.. Онъ разорвалъ на мелкіе клочки бумагу, которую держалъ въ рукѣ и бросилъ ихъ.

— Бертъе!—позвалъ онъ, оборачиваясь къ своей свитѣ.

Бертъе поспѣшно подошелъ къ нему.

— Знаете ли вы какую бумагу я разорвалъ сейчасъ? спросилъ вполголоса Наполеонъ. Мнѣ подаль ее Савари полчаса тому назадъ. Это донесеніе полицейскаго комиссара о томъ, что въ войскѣ существуетъ заговоръ.

— Я уже обращалъ вниманіе вашего величества на настроеніе нѣкоторыхъ отдѣльных полковъ...

— Они устали какъ войны Александра Македонскаго въ Индіи. Жаль, что предпріятія великихъ людей связаны съ этой жалкой массой. Черезъ годъ или два я распушу ихъ и соберу новое войско.

— Можеть быть это ложный доносъ, ваше величество.

— Донесеніе такъ точно и подробно, что не можеть быть ни выдуманно, ни преувеличено. Наконецъ порукой въ этомъ служить имя полицейскаго комиссара—Дероне. Онъ принадлежалъ прежде къ якобинцамъ и знаетъ все, что у нихъ дѣлается.

— Я такъ удивленъ, что не нахожу словъ...

— Они подкупили солдатъ изъ полка Луазеля. Генераль Савари велѣлъ арестовать двухъ зачинщиковъ. Разстрѣляйте ихъ втихомолку безъ слѣдствія и суда. Я не хочу огласки. Гдѣ полковникъ?

— Полковникъ Луазель, крикнулъ Бертье.

Никто не двинулся.

Луазель не присутствовалъ на парадѣ, потому что не былъ изъ числа назначенныхъ.

— Отошлите его въ Испанію съ денешой къ Сульту или королю Іосифу. Сдѣлайте это тотчасъ-же! Черезъ четыре часа онъ долженъ выѣхать изъ Вѣны. Я не хочу имѣть при себѣ дураковъ, разыгрывающихъ роль Брута или Кассія.

— Не лучше ли арестовать его, ваше величество?

— Этого франта! Чтобы онъ воображилъ, что я боюсь его — возразилъ Наполеонъ, пожимая плечами, съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія.

Бертье почтительно отошелъ отъ него на нѣсколько шаговъ.

Императоръ быстро сошелъ съ лѣстницы, не обращая вниманія на стоявшихъ тутъ офицеровъ. Отдавая поклонъ Эгберту и его товарищамъ онъ остановился на минуту.

— Что вы теперь совсѣмъ выздоровѣли, мосье Геймвальдъ?

— Да, ваше величество.

— Ни вы, ни я, не забудемъ Асперна. Когда кончится парадъ Бертье приведетъ васъ ко мнѣ. .

Императора встрѣтили на дворѣ громкимъ крикомъ: „Vive l'Empereur“, барабаннымъ боемъ и военной музыкой. Эгбертъ видѣлъ какъ человекъ въ голубомъ мундирѣ поспѣшно бросился впередъ, чтобы видѣть императора и почти загородилъ ему дорогу. Адъютанты оттащили его. Наполеонъ ничего не замѣтилъ и съ руками сложенными на спинѣ подошелъ къ солдатамъ. Нѣсколько офицеровъ изъ свиты императора и въ томъ числѣ Цамбелли, остались на лѣстницѣ и вступили въ разговоръ съ стоявшими тутъ австрійцами. Эгбертъ слышалъ, какъ они толковали о заключеніи вѣчнаго мира между обоими народами, такъ какъ Бонапартъ почти публично сказалъ князю Іогану Лихтенштейну, что онъ желаетъ вступить въ неразрывный союзъ съ Австріей.

— Не мы, а русскіе, настоящіе враги Европы, говорили французы.

Послѣдняя война показала, что нельзя довѣрять этому народу. Императоръ Александръ во время своего пребыванія въ Ерфуртѣ далъ слово придти къ намъ на помощь со всѣмъ войскомъ и не исполнилъ своего обѣщанія. Непомѣрное честолюбіе влечетъ его къ завоеванію Константинополя. Наполеонъ никогда не допуститъ до этого. Французы и нѣмцы призваны охранять цивилизацію запада отъ новаго погрома варваровъ...

Эгбертъ съ ужасомъ слушалъ это. Едва кончился одинъ походъ, какъ Бонапартъ затѣвалъ новую войну, которая будетъ встрѣчена съ такимъ-же сочувствіемъ многими изъ его приближенныхъ, какъ и прежніе его походы. Если одни, пресытившись побѣдами, хотѣли мирно наслаждаться плодами своихъ трудовъ, то рядомъ съ ними была молодежь, которая въ свою очередь жаждала почестей и приключеній.

Медленно проходилъ императоръ передъ полками, не говоря ни слова похвалы или одобренія, и останавливаясь только передъ тѣми, которые возвратились изъ плѣна или были выпущены изъ госпиталей. Онъ милостиво разговаривалъ съ ними и разспрашивалъ объ ихъ приключеніяхъ. Въ это время къ нему подбѣжалъ, весь запыхавшись, генералъ Раппъ, съ лицомъ побагровѣвшимъ отъ волненія; и въ тотъ же моментъ два жандарма, схвативъ подъ руки человѣка въ голубомъ мундирѣ, повели его на гауптвахту въ нижній этажъ дворца.

Наполеонъ выслушалъ донесеніе генерала Раппа съ тѣмъ неподвижнымъ и равнодушнымъ лицомъ, съ которымъ онъ въ большинствѣ случаевъ выслушивалъ и хорошія, и дурныя извѣстія.

По окончаніи парада императоръ ровнымъ и медленнымъ шагомъ поднялся на лѣстницу.

Въ пріемной залѣ дворца стоялъ Эгбертъ въ числѣ многихъ другихъ лицъ. Его позвали въ кабинетъ Наполеона.

Императоръ только что подписалъ депешу.

— Шевалье Цамбелли, сказалъ онъ, обращаясь къ группѣ своихъ адъютантовъ, стоявшихъ въ углу залы.

Цамбелли подошелъ къ нему.

— Вы передадите это полковнику Луазелю. Онъ долженъ немедленно ѣхать въ Мадридъ. Вчера вы долго разговаривали съ нимъ въ саду и вѣрно знаете, гдѣ его найти. Онъ долженъ былъ явиться сегодня на парадъ. Я не люблю, когда офицеры пренебрегаютъ своими обязанностями. Постарайтесь исполнить скорѣе мое приказаніе.

Цамбелли поблѣднѣлъ, принимая запечатанное письмо изъ рукъ Бертъе.

„Если бы я зналъ, кто прислужился мнѣ такимъ способомъ!“ подумалъ онъ, не помня себя отъ ярости.

Когда Цамбелли вышелъ изъ залы, Эгбертъ по знаку Бертъе подошелъ къ императору и съ удивленіемъ увидѣлъ въ рукахъ его величества длинный кинжалъ.

Наполеонъ замѣтилъ этотъ взглядъ и принужденно улыбнулся.

— Вы когда то восхваляли мнѣ скромныя добродѣтели нѣмцевъ, мосье Гейнвальдъ, сказалъ онъ,—и краснорѣчиво описывали ихъ мирное настроеніе. Или война такъ измѣнила ихъ? Полюбуйтесь, вотъ кинжалъ, которымъ вашъ соотечественникъ хотѣлъ убить меня.

— Ваше величество!..

— Это вѣроятно порывъ ложно понятаго патріотизма, сказалъ рѣзкимъ голосомъ Наполеонъ, бросая кинжалъ на столъ.—Я не поставлю въ вину цѣлому народу поступокъ какого нибудь безумца. Но все это послѣдствія вашихъ злополучныхъ тайныхъ обществъ. Они хотѣли создать въ Тиролѣ новую Вандею! Недостаётъ только адской машины и второго Кадудалъ! Но я положу этому конецъ.

Эгбертъ хотѣлъ возражать, но императоръ прервалъ его на полсловъ.

— Видно скоро заживаютъ раны и забываются пораженія, продолжалъ онъ.—Вы, австрійцы, могли убѣдиться на опытѣ, что я могу щественнѣ васъ. Я могъ уничтожить ваше государство и не сдѣлалъ этого. Германія будетъ благоденствовать и наслаждаться миромъ подъ покровительствомъ Франціи.

— Но ваше величество это равносильно тому, если бы вы сказали: *Finis Germaniae!*

— Развѣ Баварія и Пруссія перестали существовать? Развѣ я посягаю на престолъ вашего императора? Нѣтъ, я никогда не задавался мыслью производить перевороты въ мірѣ; мои войны должны служить только къ обновленію устарѣлой Европы и распространенію истинной свободы.

— Развѣ существуетъ свобода безъ отечества, ваше величество!

— Забудьте на минуту, что вы нѣмецъ и посмотрите на вещи съ общечеловѣческой точки зрѣнія; и тогда вы поймете мои намѣренія. Вспомните старое изреченіе: французы—мечъ, нѣмцы—книга міра! Говоря это, я разумѣется не думаю выражать сомнѣнія относительно храбрости вашего народа, такъ какъ я могъ убѣдиться въ ней во время послѣдней войны. Я далъ себѣ слово употребить всѣ усилія, чтобы жить въ дружбѣ съ Австріей. Однако не смѣю дольше задерживать васъ. Примите это на память рокового часа, когда вы оказали мнѣ дѣйствительную услугу.

Онъ взялъ со стола медальонъ, украшенный темными рубинами и подаль его Эгберту. Миниатюрный рисунокъ на эмали изображалъ берегъ Лобау противъ Кейзеръ-Эберсдорфа. На золотой пластинкѣ Наполеонъ собственноручно вырѣзалъ свое имя.

Онъ отклонилъ благодарность Эгберта, поспѣшно кивнувъ ему головой съ дружелюбной улыбкой, которая рѣдко появлялась на его лицѣ.

По выходѣ Эгберта онъ приказалъ всѣмъ удалиться изъ комнаты кромѣ нѣсколькихъ приближенныхъ лицъ.

— Ну, теперь займемся вашимъ узникомъ, Раппъ, сказалъ Наполеонъ суровымъ голосомъ.—Расскажите какъ это случилось.

Генераль доложилъ, что во время парада одинъ молодой человекъ такъ упорно протискивался впередъ, чтобы встать ближе къ императору, что это обратило общее вниманіе. Видя, что никакія увѣщанія не дѣйствуютъ, онъ, Раппъ, самъ взялъ незнакомца за шиворотъ и приказалъ отвести на гауптвахту, не смотря на его сопротивленіе. Во время обыска на немъ найденъ кинжалъ, который и былъ представленъ его величеству.

— Это вѣроятно какой нибудь помѣшанный! Вы должны освидѣтельствовать его, Корвизаръ. Нѣмцы также склонны къ сумасшествію, какъ и англичане.

Корвизаръ былъ главный лейбъ-медикъ Наполеона.

— Надѣюсь, вы сдѣлали предварительный допросъ? спросилъ онъ, обращаясь опять къ генералу Раппу.—Кто онъ такой?

— Его имя Фридрихъ Штапсъ. Онъ прибылъ сюда изъ Эрфурта. Его отецъ приходскій священникъ въ Наумбургѣ.

— Какого вѣроисповѣданія?

— Протестанскаго.

— Сколько ему лѣтъ?

— Восемнадцать.

Наполеонъ замолчалъ. Скрестивъ руки на груди онъ задумчиво стоялъ у окна, повернувшись спиной къ присутствующимъ. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ кто нибудъ шевельнулся въ залѣ. Всѣ какъ будто окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Но также весело свѣтило въ окна осеннее солнце, отражаясь на стѣнахъ, картинахъ, шитыхъ мундирахъ и на золотой коронѣ съ орломъ надъ краснымъ бархатнымъ кресломъ...

— Какъ вы объясните это? спросилъ Наполеонъ.—Слыханное ли дѣло, чтобы нѣмецъ, протестантъ и, вдобавокъ, такой юноша, хладнокровно рѣшился совершить убійство? Что это такое, Раппъ? Можно ли было ожидать чего нибудъ подобнаго въ Германіи!

— Это все тайныя общества, ваше величество... возразилъ Раппъ, повторяя слова, сказанныя передъ тѣмъ Наполеономъ, чтобы дать какой нибудъ отвѣтъ и замѣтно обрадовался, когда императоръ избавилъ его отъ необходимости кончить начатую фразу.

Наполеонъ по своей привычкѣ началъ ходить взадъ и впередъ по коннатѣ, больше разговаривая самъ съ собой, нежели съ присутствующими.

— А кто образовалъ эти тайныя общества? продолжалъ онъ.— Идеологи и профессора! Нѣмцы добрый и послушный народъ, но его портятъ князья и дворянство, которые мстятъ мнѣ за то, что я отнялъ у нихъ права. Они всюду подняли возстаніе. Развѣ я Неронъ или Калигула? Но они принуждаютъ меня разстрѣливать ослѣпленныхъ юношей и бѣдныхъ крестьянъ. Кто нибудъ долженъ властво-

вать надъ людьми. Я могущественнѣе всѣхъ, слѣдовательно сама судьба назначила меня для этого. Изъ сколькихъ битвъ я вышелъ невредимымъ! Противъ меня безсильны и адскія маширы и кинжалы убійцъ! Развѣ это бываетъ съ обыкновенными людьми? Но миръ необходимъ. Битва при Аспернѣ воодушевила сонныхъ нѣмцевъ. Они видѣли мое пораженіе и не могутъ простить мнѣ, что я разбилъ ихъ надежды при Ваграмѣ. Миръ будетъ данъ имъ. Когда они успокоятся, то сами будутъ благословлять мое владычество. Я не могу дать австрійцамъ лучшаго доказательства моего уваженія, какъ женившись на одной изъ ихъ принцессъ. Эту жертву я долженъ принести имъ и будущности. Династія Наполеона будетъ выше всѣхъ царскихъ и королевскихъ родовъ когда либо существовавшихъ на землѣ. Вся Европа будетъ у ногъ ея. Передайте князю Лихтенштейну, что я готовъ подписать мирный договоръ. Примите мѣры, чтобы эта несчастная исторія не получила огласки... Ружейный залпъ въ сердце... вѣтеръ разсѣветъ дымъ, а съ дымомъ исчезнетъ и память объ этомъ безумцѣ!..

Въ отсутствіе Эгберта полковникъ Арманъ Луазель постучался въ дверь его дома въ Гициниѣ и приказалъ доложить о себѣ. Онъ радовался солнечному сіянію, такъ какъ при яркомъ освѣщеніи еще красивѣе казался его богатый, шитый золотомъ мундиръ. Помня поговорку, что по платью встрѣчаютъ, онъ рассчитывалъ на легкую побѣду. При томъ радостномъ настроеніи духа, въ которомъ онъ находился, ему и въ голову не приходило, что такъ скоро разлетятся всѣ его надежды.

Республиканскія убѣжденія для легкомысленнаго и тщеславнаго Луазеля были не болѣе какъ знамя, котораго онъ придерживался, чтобы выдвинуться впередъ и добиться сопротивленіемъ императору того почета, котораго онъ не могъ достигнуть инымъ способомъ. Кромѣ того въ томъ полку, въ которомъ онъ служилъ, было нѣсколько офицеровъ, увлеченныхъ идеями 1793 года и распространявшихъ ихъ между солдатами. Чтобы заслужить популяриность, Луазель настроился на тотъ же тонъ и благодаря этому пользовался извѣстнымъ уваженіемъ между своими сослуживцами.

Послѣ изгнанія Моро въ войскѣ не осталось ни одного республиканскаго генерала; но либеральное настроеніе поддерживалось полковниками и офицерами. Дероне подсмѣивался надъ этимъ, и говорилъ, что „республика стала не такъ разборчива какъ прежде и снизойдетъ до унтеръ-офицеровъ“. Луазель ничего не зналъ о заговорѣ въ полку противъ жизни Бонапарта, такъ какъ якобинцы боялись посвятить легкомысленнаго щеголя въ свои смѣлые и преступные замыслы.

Г-жа Армгартъ не могла отказать въ пріемѣ французскому полковнику, который явился къ нимъ въ домъ подъ предлогомъ стараго знакомства. Но бывший секретарь наотрѣзъ объявилъ, что не выйдетъ изъ кабинета, не смотря на просьбы жены и Магдалены.

Молодая дѣвушка послѣ блаженныхъ минутъ проведенныхъ ею наканунѣ съ Эгбертомъ, была въ самомъ веселомъ и спокойномъ настроеніи духа. Она радовалась случаю выказать свое презрѣніе назойливому человѣку, который нѣкогда такъ безцеремонно преслѣдовалъ ее въ надеждѣ воспользоваться ея неопытностью.

Храбрый полковникъ невольно смутился отъ той спокойной увѣренности, съ которой встрѣтила его Магдалена. Въ своемъ легкомысліи онъ представлялъ себѣ ее прежнимъ робкимъ и пугливымъ ребенкомъ, и очень удивился когда увидѣлъ передъ собою взрослую дѣвушку съ приличными манерами, полными достоинства. Впечатлѣніе было настолько сильно, что онъ не рѣшился пустить въ ходъ прекрасныя рѣчи, которыя онъ обыкновенно расточалъ дамамъ и почти молча сѣлъ на стулъ, указанный ему Магдаленой.

Появленіе г-жи Армгартъ вывело его изъ затрудненія, такъ какъ съ нею легче было завязать разговоръ.

„Разумѣется эта женщина не можетъ быть матерью Магдалены! думалъ Луазель.—Съ перваго взгляда видно, что гордая красавица дочь графа! Она замѣчательно похожа на Дешанъ въ молодости!“

Дѣлая эти наблюденія, подсказанныя его фантазіей, Лойзель болталъ безъ умолку. Онъ рассказалъ между прочимъ, что по прибытіи въ Вѣну тотчасъ же отправился отыскивать сѣрый домъ съ фронтономъ въ надеждѣ встрѣтить своихъ дорогихъ и незабвенныхъ друзей. Такимъ образомъ онъ узналъ отъ стараго Жозефа, что все семейство живетъ въ Гицингѣ и что г. Эгбертъ Геймвальдъ отличался въ битвѣ при Аспернѣ.

— Мосье Геймвальдъ пользуется наилучшей репутаціей между приближенными императора, добавилъ Луазель.—Всѣ хвалятъ его. Если бы онъ хотѣлъ поступить въ французскую армію, то ему заранѣе можно было бы предсказать блестящую будущность.

Луазель восхвалялъ своего соперника, думая заслужить этимъ расположеніе Магдалены. Но она спокойно отвѣтила ему:

— Г-нъ Геймвальдъ никогда не сдѣлаетъ этого, потому что не захочетъ измѣнить своему отечеству. Вдобавокъ, онъ не чувствуетъ никакого призванія къ военной службѣ и взялся за оружіе вслѣдствіе необходимости.

Полковникъ не нашелся сразу, что отвѣтить на это и рѣшилъ, что пора начать разговоръ о дѣлѣ. Похваставшись передъ Цамбелли, что онъ откроетъ Магдаленѣ тайну ея происхожденія, онъ хотѣлъ исполнить свое обѣщаніе.

— Вы, вѣроятно, слышали, mesdames, что на-дняхъ ждутъ заключенія мира. Тогда французы и австрійцы будутъ навсегда друзьями и союзниками и между ними возникнутъ другія болѣе тѣсныя отношенія, которыя могутъ пробудить въ нѣмцѣ желаніе жить въ Парижѣ и сдѣлаться французскимъ гражданиномъ.

Г-жа Армгартъ инстинктивно почувствовала какой-то намекъ въ этихъ словахъ.

— Г-нъ Гейвальдъ въ прошломъ году былъ въ Парижѣ, сказала она, — я увѣрена, что онъ не скоро вернется туда.

— Да, я слышалъ объ этомъ, но, къ сожалѣнію, ни разу не встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ, возразилъ Луазель. — У насъ общая знакомая — одна пѣвица... Надѣюсь, это не секретъ...

— Онъ никогда не говорилъ намъ объ этомъ! — воскликнула г-жа Армгартъ взволнованнымъ голосомъ.

— Это довольно пожилая женщина. Ее зовутъ Атенасъ Дешанъ. Если не ошибаюсь, г-нъ Геймвальдъ познакомился съ ней черезъ графа Вольфсегга.

Г-жа Армгартъ окончательно растерялась при сопоставленіи этихъ двухъ именъ. Не зная, какъ выпутаться изъ бѣды, она воспользовалась приходомъ служанки и поспѣшно вышла изъ комнаты подъ предлогомъ хозяйственныхъ распоряженій.

Полковникъ надѣялся возбудить ревность Магдалены, но видя, что это не удастся ему, остановился въ недоумѣніи: онъ не зналъ, продолжать ли ему разговоръ или заговорить о чемъ нибудь другомъ.

— Вы, кажется, удивляетесь молчанію г-на Геймвальда, — сказала Магдалена, — но по возвращеніи изъ Парижа у него было столько лѣтъ, что онъ могъ забыть о своемъ знакомствѣ съ пѣвицей.

Насмѣшка, которая слышалась въ этомъ отвѣтѣ, показалась оскорбительною самолюбивому Луазелю.

— Вы очень ошибаетесь! воскликнулъ онъ. — Г-нъ Геймвальдъ никогда не забудетъ этой встрѣчи. То, что онъ узналъ о пѣвицѣ, имѣетъ для него большое значеніе. Если онъ умолчалъ объ этомъ, то изъ боязни, что разоблаченіе истины можетъ отразиться на его отношеніяхъ къ фрейлейнъ Армгартъ...

— Ко мнѣ! Я не понимаю васъ, возразила Магдалена, краснѣя. Ей хотѣлось указать дверь дерзкому французу, но ее остановило смутное опасеніе, что онъ не осмѣлился бы говорить съ нею такимъ образомъ безъ основательной причины. Она вопросительно взглянула на него, ожидая отвѣта.

Храбрый полковникъ, не видя иного исхода, счелъ за лучшее сообщить все, что ему было извѣстно объ отношеніяхъ Дешанъ съ графомъ Вольфсеггомъ и описалъ яркими красками горе обманутой женщины, у которой насильно отняли ребенка. Хотя разскащикъ не дѣлалъ никакихъ замѣчаній, но изъ его словъ было ясно, что графъ игралъ незавидную роль въ этой исторіи и что Армгарты, подкупленные его деньгами, помогли ему выполнить дурное дѣло.

— Позвольте мнѣ надѣяться, добавилъ Луазель — что вы, фрейлейнъ, не сердитесь на меня, что я открылъ вамъ имя вашей матери и не подозреваете меня въ какихъ либо своекорыстныхъ цѣляхъ. Мнѣ очень

жаль, если я огорчилъ васъ, но меня утѣшаетъ мысль, что я исполнилъ свой долгъ. Воображаю себѣ, какъ обрадуется бѣдная Дешанъ, когда я скажу ей, что видѣлъ ея дочь, что она здорова и счастлива и сдѣлалась красавицей.

Луазель могъ еще долго говорить на эту тему, потому что Магдалена перестала слушать его. Неподвижно, въ полусознательномъ состояніи сидѣла она въ своемъ креслѣ, закрывъ лицо руками.

Вошелъ слуга и доложилъ, что адъютантъ императора желаетъ видѣть полковника Луазеля.

Луазель вскочилъ съ своего мѣста и ловко раскланялся передъ Магдаленой; но когда она молча кивнула ему головой, неподвижная, блѣдная, какъ мраморная статуя, у него замерло сердце отъ жалости и онъ былъ радъ, что можетъ выйти изъ комнаты подъ благовиднымъ предлогомъ.

Но ему не было времени ни обдумать свой поступокъ, ни почувствовать раскаяніе, потому что на дворѣ его ждалъ Цамбелли съ приказомъ отъ императора ѣхать немедленно въ Испанію.

Магдалена, оставшись одна, поспѣшила закрыть дверь на задвижку. У ней кружилась голова отъ наплыва тяжелыхъ мыслей и ощущеній. Она должна навсегда проститься съ весельемъ, счастьемъ, беззаботною молодостью. Все, чѣмъ она жила до сихъ поръ, во что вѣрила, оказалось обманомъ! Жизнь окружала ее съ самаго момента ея рожденія. Можетъ ли она придавать какое нибудь значеніе великодушію графа или привязанности ея мнимыхъ родителей! Ихъ любовь и нѣжность къ ней были ничто иное, какъ ухаживанье подкупленныхъ участниковъ постыднаго дѣла. Зачѣмъ она остается въ этомъ домѣ? Развѣ она принадлежитъ къ этому бюргерскому кружку, куда случайно закинула ее судьба? Еще такъ недавно ей казалось невозможнымъ пользоваться благодѣяніями Эгберта, а теперь?.. Неужели она можетъ считать себя равноправной съ нимъ и хотя одну минуту допустить мысль о томъ, чтобы раздѣлить его честное имя! Но откуда узналъ Луазель всѣ эти подробности? Не посланъ ли онъ къ ней несчастной матерью, съ которой насильно разлучили ее? Что удерживаетъ ее здѣсь? Не мечты ли, которымъ не суждено осуществиться! Она должна скорѣе бѣжать изъ этого дома, гдѣ все напоминаетъ ей объ утраченномъ счастьѣ. Не здѣсь ея мѣсто, а около больной, всѣми покинутой женщины. Она употребитъ всѣ усилія, чтобы изгладить жестокій поступокъ отца. Это будетъ теперь главною цѣлью ея существованія, вмѣсто мирной, счастливой жизни, которую она представляла для себя въ будущемъ. Одна смерть можетъ избавить ее отъ тѣхъ мученій, которыя ожидаютъ ее...

Стукъ въ дверь пробудилъ огорченную дѣвушку отъ ея мрачныхъ мыслей; но она не двигалась съ мѣста: ноги отказывались слушать ей. Немного погодя она услышала за дверью знакомый голосъ, который называлъ ее по имени.

Это былъ Эгбертъ.

Она вздрогнула. Еще не доставало встрѣчи съ нимъ, чтобы-переполнить мѣру ея страданій. Первою мыслью Магдалены было выбѣжать изъ комнаты. Но куда? Гдѣ скроетъ она свой стыдъ и горе!...

Она подошла къ двери и отперла задвижку. Увидя Эгберта она отодвинулась отъ него и закрыла себѣ лицо руками.

— Зачѣмъ обманывали они меня такъ долго!.. проговорила она рыдая. — Даже ты скрывалъ это отъ меня...

Съ Магдаленой сдѣлалось дурно. Онъ едва успѣлъ подхватить ее въ свои объятія и отнести на диванъ.

Возвратясь домой, Эгбертъ сильно встревожился, когда служанка сообщила ему о посѣщеніи какого-то французскаго офицера. Имъ овладѣло чувство неопредѣленнаго страха, которое еще больше увеличилось, когда мимо него поспѣшно проскользнула г-жа Армгартъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его. Состояніе, въ которомъ онъ нашель Магдалену, и восклицаніе, которымъ она встрѣтила его, объяснили ему, что случилось въ его отсутствіе.

— Зачѣмъ ты вчера не сказалъ мнѣ этого, сказала Магдалена приходя въ себя, и тономъ, въ которомъ слышался горькій упрекъ.

— Ты всегда была и будешь для меня дорогой подругой моей юности. Какое мнѣ дѣло до твоего происхожденія; развѣ ты виновна въ немъ? Я не считалъ себя въ правѣ открыть тебѣ тайну, которую узналъ случайно, благодаря лихорадочному бреду больной и противъ ея воли. Только отецъ твой могъ сообщить тебѣ печальную истину.

— Онъ стыдится называть меня своей дочерью, отвѣтила съ грустной усмѣшкой Магдалена. — У него едва хватало смѣлости изрѣдка и украдкой подарить меня лаской въ видѣ милости. Не онъ, а ненавистный Луазель отерылъ мнѣ мой позоръ.

— Арманъ Луазель! Но онъ не будетъ беспокоить тебя. Ты никогда не встрѣтишь больше этого человѣка. Императоръ сегодня отпращиваетъ его въ Испанію.

— Но онъ все-таки будетъ знать, кто я.

— Кто ты! Чистое и милое существо, навсегда дорогое моему сердцу. Если моя любовь...

— Я не стою твоей любви. Развѣ ты не видишь какую ловушку они подготовили тебѣ? На ихъ рукахъ была отверженная; они тяготились ею и поспѣшили воспользоваться случаемъ, который свелъ ее съ лучшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ... они рады сбыть несчастную съ своихъ рукъ и прикрыть его честнымъ именемъ ея безчестіе. Неужели ты думаешь, что я стану помогать имъ въ этомъ? Я никогда не выйду за тебя замужъ при этихъ условіяхъ. Я уѣду въ Парижъ къ моей матери.

— Останься со мной Магдалена! сказалъ человѣкъ въ крестьянскомъ платьѣ, стоявшій на порогѣ. Прости своему отцу; онъ всегда любилъ и любить тебя!

Это былъ графъ Вольфсеггъ. Они были такъ заняты своимъ разговоромъ, что не замѣтили его присутствія.

Появленіе человѣка, котораго оплакивали какъ мертваго, наполнило радостью сердце Магдалины. Она забыла терзавшее ее горе и невольно бросилась къ нему. Онъ заключилъ ее въ свои объятія, осыпая нѣжными ласками.

— Мои дорогіе друзья, какъ я счастливъ, что вижу васъ, проговорилъ графъ Ульрихъ, разстроеннымъ голосомъ, протягивая руку Эгберту; теперь ничто не разлучитъ меня съ вами!

Успокоившись отъ волненія первыхъ моментовъ свиданія, графъ объяснилъ причину своего внезапнаго исчезновенія со времени Ваграмской битвы.

Въ ночь послѣ битвы, эрцгерцогъ Карлъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ былъ поднятъ вопросъ объ отступленіи дѣйствующей арміи и возможности предпринять что нибудь рѣшительное въ Тироли, гдѣ борьба Андрея Гофера и его храбрыхъ товарищей противъ войскъ Наполеона возбудила общее удивленіе. Для рѣшенія послѣдняго вопроса необходимо было послать въ горы опытнаго и надежнаго человѣка, который бы сумѣлъ поддержать крестьянъ въ ихъ сопротивленіи. Самымъ подходящимъ для этого человѣкомъ былъ графъ Вольфсеггъ, такъ какъ хорошо зналъ страну и еще во время приготовленій къ войнѣ велъ дѣятельные переговоры съ вожаками крестьянскаго возстанія въ Тироли черезъ Теймера изъ Клагенфурта и патера Марселя.

Графъ Вольфсеггъ вполнѣ сознавалъ что въ главной квартирѣ слишкомъ поздно обратились къ идеѣ народной войны, которая быть можетъ принесла-бы совѣтъ иные результаты, если-бы съ самого начала поддерживали ее фактически, а не одними прокламаціями. Тѣмъ не менѣе, какъ ярый защитникъ народной войны, онъ не могъ отказаться отъ даннаго ему порученія и въ ту же ночь отправился въ Тироль черезъ южную Богемію.

Въ то время, когда Эгбертъ лежалъ больной въ Гицингѣ, графъ принималъ дѣятельное участіе въ побѣдоносныхъ и славныхъ стычкахъ тирольцевъ противъ маршала Лефеввра, которыя кончились бѣгствомъ высокопоставленнаго маршала и постыднымъ разгромленіемъ его войска. Въ первыхъ числахъ сентября упорные слухи о скоромъ заключеніи мира побудили графа Вольфсегга поспѣшить въ лагерь императора Франца, чтобы съ своей стороны способствовать при заключеніи мира соблюденію тѣхъ обѣщаній, которыя многократно и торжественно даны были тирольцамъ австрійскимъ правительствомъ.

Такимъ образомъ графъ провелъ болѣе мѣсяца вблизи тѣхъ, которыхъ онъ такъ горячо желалъ видѣть и судьба которыхъ постоянно занимала его. Наконецъ, онъ не выдержалъ пытки ожиданія и вернулся въ Вѣну, не заботясь о послѣдствіяхъ своего смѣлаго поступка. Онъ прибылъ во время, чтобы успокоить Магдалену и разсѣять бурю,

которая готова была разразиться надъ этими людьми, испытывшими столько горя въ послѣдніе мѣсяцы. Счастье снова улыбнулось имъ.

Одна Кристель не принимала участія въ радости пріютившей ее семьи. Въ сторонѣ отъ всѣхъ жила она своей отдѣльной жизнью. Никогда еще она не была такъ неловка и нерадива въ исполненіи своихъ обязанностей, какъ въ этотъ день. На верху въ комнатѣ лежалъ связанный узелокъ съ ея вещами. Безпокойно посматривала она на солнце, удивляясь, зачѣмъ оно медлитъ такъ своимъ закатомъ. Когда же наступитъ вечеръ съ его розовыми облаками и ночь съ ея чернымъ покровомъ, которая должна возратить счастье и свободу бѣдной Кристель? Какія бы препятствія и опасности не ожидали ее, они не испугаютъ влюбленную дѣвушку; она найдетъ того, кто для нея дороже жизни.

Конецъ четвертой части.

ЧАСТЬ V.

ГЛАВА I.

ВТО 1810-го года началось въ Парижѣ блестящей вереницей празднествъ, которыя быстро слѣдовали одно за другимъ. Въ концѣ іюня населеніе столицы занято было приготовленіями къ роскошному балу, который былъ назначенъ у австрійскаго посланника князя Карла фонъ Шварценберга въ честь новобрачной четы—Наполеона и Маріи Луизы.

Мысль о разводѣ съ Жозефиной окончательно созрѣла въ головѣ Наполеона во время мирныхъ переговоровъ въ Вѣнѣ и Шенбруннѣ. Много разъ думалъ онъ объ этомъ и прежде, но не рѣшался бросить вѣрную подругу своей молодости, величія и славы. Послѣ битвы при Ваграмѣ, когда со всѣхъ сторонъ стали до него доходить слухи о недовольствѣ солдатъ и разныхъ толкахъ въ народѣ, онъ еще болѣе убѣдился въ необходимости вступить въ новый бракъ съ принцессой какой нибудь старинной королевской фамиліи для продолженія своего рода. Наболѣе подходящей для него невѣстой была одна изъ дочерей императора Франца. Во избѣжаніе отказа, онъ намекнулъ о своемъ намѣреніи князю Іогану Тихтенштейну и, заручившись согласіемъ австрійскаго правительства, рѣшился приступить къ формальнымъ переговорамъ. Пока онъ не былъ разведенъ съ Жозефиной не могло быть и рѣчи о болѣе или менѣе открытомъ сватовствѣ; тѣмъ не менѣе вопросъ о бракѣ былъ включенъ въ число пунктовъ мирнаго трактата; Наполеонъ формулировалъ свое требованіе въ видѣ просьбы; императоръ Францъ изъявлялъ согласіе на бракъ своей дочери Маріи Луизы съ французскимъ императоромъ. Весною 1810 года отпразднована была свадьба.

Событіе эти произвело сильное волненіе въ нѣмецкомъ народѣ. Въ старинныхъ сагахъ такимъ образомъ отдавали дѣвушекъ дракону для спасенія страны. Но всегда являлся рыцарь съ заколдованнымъ оружіемъ, побѣждалъ чудовище и освобождалъ несчастную жертву. Кто-же рѣшится вырвать молодую эрцгерцогиню изъ рукъ Люцифера? Дому, въ который вступала Марія Луиза, грозила гибель. Еще свѣжо было воспоминаніе о несчастной дочери Маріи Терезіи; повидимому та-же участь ожидала ея правнучку.

Наполеонъ встрѣтилъ молодую супругу со всевозможнымъ почтениемъ и любезностью, но онъ не могъ доставить ей симпатію французской націи. До сихъ поръ онъ пользовался расположеніемъ массы какъ сынъ революціи. Французы любили въ немъ императора, котораго они сами выбрали и возвеличили, въ надеждѣ, что онъ осуществитъ принципы 1789 года. Но когда Наполеонъ женился на родственницѣ ненавистной Маріи Антуанеты, то это показалось большинству неопровержимымъ доказательствомъ его полного разрыва съ революціей.

Болѣе серьезные и образованные люди уже давно пришли къ убѣжденію, что себялюбіе было единственной пружиной всѣхъ поступковъ узурпатора и, что мнимая защита свободы, не болѣе какъ маска, принятая имъ, чтобы обмануть французскій народъ и навести трепетъ на монарховъ другихъ странъ. Теперь это убѣжденіе сдѣлалось всеобщимъ. Фактъ былъ на лицо: побѣдитель, пользуясь своимъ положеніемъ, присвоилъ себѣ дочь побѣжденного, прежде чѣмъ на Маркфельдѣ выросла новая трава надъ могилами убитыхъ.

Въ то время, какъ приближенные Наполеона, чиновничій кругъ, сенаторы и вновь созданные дворяне устраивали празднества въ честь новобрачныхъ, а эмигранты сѣлиши въ Парижъ, чтобы занять свои прежнія мѣста, столица была переполнена пасквилями и насмѣшливыми стихами по поводу новой женитьбы узурпатора. Пасквили передавались изъ рукъ въ руки; ихъ пѣли въ шинкахъ, у воротъ домовъ и даже въ гостинныхъ достаточныхъ людей. Всѣ жалѣли Жозефину, восхваляя ея достоинства и привлекательную наружность и холодно, почти враждебно относились къ австрійской эрцгерцогинѣ.

Никогда еще въ Парижѣ не бывало такого количества нѣмцевъ какъ весной этого года, что отчасти объяснялось участіемъ къ молодой императрицѣ, особенно со стороны австрійцевъ, изъ которыхъ каждый желалъ узнать о судьбѣ своей соотечественницы. Французы, играя роль великодушныхъ побѣдителей, принимали ихъ какъ дорогихъ гостей и соперничали другъ передъ другомъ, чтобы поддержать славу старофранцузской вѣжливости и любезности. Дипломаты придавали большое значеніе присутствію графа Меттерниха, который въ качествѣ перваго министра управлялъ тогда дѣлами Австріи.

Эгбертъ, Магдалена и графъ Вольфсеггъ не принадлежали къ числу тѣхъ, которые были привлечены въ Парижъ политическими

цѣлями или желаніемъ взглянуть на новую императрицу. Хотя Магдалена послѣ долгаго колебанія уступила просьбамъ и убѣжденіямъ Эгберта, но не рѣшалась выйти за него замужъ безъ благословенія матери, желая, хотя бы до извѣстной степени, загладить жестокой поступокъ графа Вольфсегга.

Это требованіе исполнѣ согласовалось съ понятіями и чувствами Эгберта и онъ охотно вызвался сопровождать Магдалену въ Парижъ. Но графъ Вольфсеггъ долго колебался, прежде чѣмъ рѣшился на поѣздку. Онъ ненавидѣлъ городъ Люцифера быть можетъ потому, что нѣкогда слишкомъ горячо любилъ его.

Первые дни пребыванія въ Парижѣ прошли для нихъ въ хлопотахъ по устройству квартиры и въ дѣловыхъ визитахъ. Эгбертъ опять увидѣлся съ Веняминомъ Бурдономъ, который былъ выпущенъ на свободу тотчасъ по заключеніи мира. Встрѣча молодыхъ людей была самая дружеская, но къ графу Бурдонъ относился съ прежнимъ недовѣріемъ плебея къ знатному барину. Тѣмъ не менѣе онъ самъ вызвался подготовить Дешанъ къ встрѣчѣ съ ея прежнимъ любовникомъ, такъ какъ со времени послѣдней болѣзни пѣвицы приобрѣлъ надъ нею безграничное вліяніе. На нее благотѣльно должно было подѣйствовать и то обстоятельство, что человекъ, къ которому она съ перваго взгляда почувствовала такое расположеніе, сдѣлался женихомъ ея дочери. Но при крайней раздражительности пѣвицы необходимо было соблюсти возможную осторожность, такъ какъ всякая случайность могла помѣшать примиренію.

Первый разъ Магдалена увидѣла свою мать на сценѣ во всемъ блескѣ и очарованіи ея искусства. Ея могучій голосъ тронулъ до глубины души впечатлительную дѣвушку. Сидя въ ложѣ между Эгбертомъ и графомъ Вольфсеггъ, она плакала отъ радости и умиленія. Атенаисъ во время пѣнія нѣсколько разъ смотрѣла въ ту сторону, гдѣ они сидѣли. Узнала ли она Эгберта или инстинктивно чувствовала особенное влеченіе къ хорошенькой дѣвушкѣ, которая во все время представленія не спускала съ нея глазъ?

Послѣ этого предварительнаго знакомства издали, Бурдонъ предложилъ устроить свиданіе матери и дочери на своей квартирѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Атенаисъ пріѣдетъ къ нему по первому его приглашенію, а тамъ, въ случаѣ какого нибудь недоразумѣнія, его помощь была къ услугамъ Магдалены.

Утромъ этого многозначительнаго дня графъ Вольфсеггъ увелъ Эгберта на раннюю прогулку. Они ходили взадъ и впередъ по каштановымъ аллеямъ Тюльерійскаго сада. Еще не видно было никого изъ гуляющихъ. Сѣровато-свинцовый цвѣтъ неба предвѣщалъ дождливый день. Птицы боязливо перелетали съ дерева на дерево и затѣмъ опять поспѣшно возвращались въ свои гнѣзда.

Графъ Вольфсеггъ казался озабоченнымъ.

— Я не предвижу ничего хорошаго отъ сегодняшняго вечера, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Неужели свиданіе съ дочерью не заставитъ ее забыть прошлаго! возразилъ Эгбертъ.—Развѣ не проснется въ ней сознаніе...

— Не собственной ли вины? прервалъ графъ Вольфсеггъ съ грустной усмѣшкой. Я убѣжденъ въ противномъ. Женищина въ подобныхъ случаяхъ всегда считаетъ себя правой передъ мужчиной. Атенаисъ въ молодости отличалась сильными страстями, необузданной фантазіей и непомѣрнымъ упрямствомъ. Въ тѣ времена я самъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы имѣть какое либо вліяніе на такую женщину.

— Но съ тѣхъ поръ прошло столько лѣтъ, сказалъ Эгбертъ, что вѣроятію Дешанъ сдѣлалась спокойнѣе; измѣнились и самыя условія жизни и настроеніе общества.

— Не подлежитъ сомнѣнію, что общественное настроеніе отзывается на нашихъ личныхъ отношеніяхъ и придаетъ имъ извѣстную окраску. Мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ собственномъ опытомъ. Я познакомился съ Атенаисъ въ пору перваго опьяненія революціей, когда еще никакіе ужасы и безумія не оскверняли ее. Всякій благомыслящій челоѣкъ въ Европѣ, кто только былъ проникнутъ мыслью объ улучшеніи судьбы угнетеннаго народа и желалъ болѣе разумнаго государственнаго управленія, съ искреннимъ сочувствіемъ относился къ геройской націи, выступившей на защиту свободы. Какъ приверженецъ Іосифа II, благороднѣйшаго изъ людей, которыхъ мнѣ когда либо случалось встрѣчать въ жизни, я пользовался дурной репутаціей въ кругу нашихъ австрійскихъ дворянъ и, видя, что всякая дѣятельность закрыта для меня на родинѣ, я отправился во Францію. Я также заплатилъ дань времени. Помните, какъ я преслѣдовалъ васъ за ваши идеи космополитизма? Теперь ваша очередь насмѣхаться надо мной. Въ тѣ времена я самъ вѣрилъ въ свободу безъ отечества, въ братство людей безъ различія народностей.

— Мы должны быть благодарны французамъ; они вылечили насъ отъ этого заблужденія, замѣтилъ Эгбертъ. Императоръ Наполеонъ, не желая этого, возбудилъ въ нѣмцахъ сознаніе своей національности...

— Въ моментъ моего прибытія въ Парижъ — продолжалъ графъ Вольфсеггъ, французы праздновали свою вторичную побѣду надъ Людовикомъ XVI-мъ. Въ числѣ вакханокъ, которыя перевезли королевскую фамилію изъ Версаля въ Парижъ, была Атенаисъ. Благодаря своей красотѣ и живости она была выбрана въ депутацію, которой поручено было передать королю коллективную просьбу парижанъ. Атенаисъ, тогда еще уличная пѣвица, пользовалась большой славой между рабочими, которые превозносили ее до небесъ. Такое поклоненіе избаловало ее и внушило ей слишкомъ высокое понятіе о своемъ талантѣ. Но въ этомъ была своя хорошая сторона, потому что гордость явилась противовѣсомъ дурныхъ наклонностей ея природы. Съ

страстнымъ увлеченіемъ, какъ всѣ французенки низшихъ классовъ, бросилась она въ потокъ революціи. Старухи изображали изъ себя фурій и парокъ, молодыя женщины превратились въ дикихъ, соблазнительныхъ вакханокъ, не знавшихъ ни въ чемъ удержа. Я въ первый разъ встрѣтилъ Атенаисъ въ якобинскомъ клубѣ. Всепоглощающая страсть овладѣла мною. Не знаю испытывала ли она нѣчто подобное или это было только польщенное тщеславіе, но мы сошлись и я чувствовалъ себя самымъ счастливымъ изъ смертныхъ. Однако и въ эту пору полнаго блаженства и любовнаго упоенія я оставался въ душѣ нѣмецкимъ школьнымъ педагогомъ. Я нанялъ ей хорошаго учителя пѣнія и самъ взялся учить ее фортепیانной игрѣ, въ которой когда-то отличался большимъ искусствомъ. Любовь и музыка настолько поглотили насъ, что революція почти не существовала для насъ. Теперь, когда я вспоминаю это время, мнѣ кажется почти невѣроятнымъ, что среди окружающаго насъ бушующаго океана мы могли найти себѣ подобное романическое убѣжище, не потрясенное никакой бурей и не залитое волнами...

Графъ Вольфсеггъ остановился: ему послышался какой-то странный шорохъ въ кустахъ, мимо которыхъ они шли. Эгбертъ также оглянулся.

— Это вѣроятно какая нибудь птица! сказалъ онъ. Вы видите, опять все затихло.

Они сѣли на скамейку. Графъ Вольфсеггъ продолжалъ свой рассказъ:

— Идиллія продолжалась для насъ до рожденія Магдалены. Атенаисъ не отличалась постоянствомъ въ своихъ привязанностяхъ, а во мнѣ былъ достаточный запасъ ревности. Между нами начались несогласія; но пока это были обычныя ссоры влюбленныхъ, которыя длятся не долго и кончаются горячими объятіями. Со стороны подобныя отношенія кажутся невыносимыми, но для лицъ переживающихъ ихъ они имѣютъ своего рода притягательную силу и доставляютъ извѣстное наслажденіе. Мы прожили такимъ образомъ цѣлый годъ, переходя отъ страстныхъ порывовъ къ полному пресыщенію, то сближаясь, то отталкивая другъ друга. Это была какая то цыганская жизнь, фантастически окрашенная сумрачнымъ свѣтомъ политической грозы. Мы нѣмцы не созданы для такой жизни; мы прежде всего ищемъ постоянства и спокойствія въ нашихъ привязанностяхъ и потому такъ охотно переносимъ скуку. Въ одинъ прекрасный день мнѣ пришла несчастная фантазія заговорить съ Атенаисъ о бракѣ. Предразсудки и обязанности моего званія исчезли для меня, подъ вліяніемъ страсти и тогдашняго броженія умовъ. Я надѣялся, что Атенаисъ, сдѣлавшись моей женой, научится сдерживать себя и, что сознаніе новаго общественнаго положенія благотѣльно подѣйствуетъ на ея богато одаренную природу. Развѣ всѣ мы не безумцы и не рабы нашего воспитанія! Изъ женщины, вышедшей изъ народа, съ извѣстными наклон-

ностями и привычками, которая даже искусство могла понять только съ внѣшней, чисто матеріальной стороны я, аристократъ—якобинецъ хотѣлъ сдѣлать какую-то принцессу! Попытка кончилась полной неудачей. Аテナисъ не только не измѣнилась къ лучшему, но съ каждымъ днемъ становилась заносчивѣе и заявляла новыя притязанія и требованія. Человѣкъ болѣе спокойный и разсудительный, прямо идущій къ своей цѣли, безъ колебаній и излишняго рвенія, вѣроятно напелся бы и при этихъ обстоятельствахъ; но я рѣшительно не зналъ какъ выйти изъ моего затруднительнаго положенія. Вскорѣ я началъ раскисать въ моемъ общаніи; собственное сознаніе мучило меня болѣе упрековъ сестры. Вдобавокъ общественныя дѣла приняли оборотъ крайне непріятный для меня. Война противъ Германіи была почти рѣшена, такъ какъ только она могла пробудить полусзнувшія революціонныя страсти. Даже самые увлекающіеся оптимисты должны были убѣдиться, что трудно ожидать хорошихъ результатовъ отъ броженія, въ которомъ были уже всѣ задатки гибели. Медленно, но неуклонно зрѣла во мнѣ рѣшимость уѣхать изъ Парижа и разстаться съ Аテナисъ. Разлука при другихъ обстоятельствахъ врядъ ли огорчила бы котораго нибудь изъ насъ. Аテナисъ видимо желала переимѣнить любовника и я долженъ сказать ей въ оправданіе, что я былъ настолько капризенъ и угрюмъ въ обращеніи съ нею, что она не могла находить особеннаго удовольствія въ моемъ сожителствѣ. Къ несчастію мы оба любили ребенка одинаково сильно и нѣжно. Инстинктъ матери и женщины подсказалъ ей, что я намѣреваюсь уѣхать изъ Парижа и увезти съ собою дочь; поссорившись со мною однажды, она наотрѣзъ объявила, что скорѣе убьетъ дѣвочку, чѣмъ оставитъ ее на моихъ рукахъ. Эта угроза еще болѣе укрѣпила меня въ моемъ намѣреніи. Ребенокъ, воспитанный подобной матерью, во время господства анархіи заранѣе обреченъ былъ на гибель. Мой секретарь Армгартъ вызвался помогать мнѣ и составилъ планъ похищенія. Ему удалось уговорить кормилицу, которая за извѣстную сумму денегъ согласилась проводить насъ до Брюсселя. Несравненно труднѣе было обмануть Аテナисъ, но и тутъ насъ выручила ея страсть къ Дантону, одному изъ самыхъ могущественныхъ дѣятелей революціи. Она употребляла всѣ усилія чтобы возбудить мою ревность и довести до бѣшенства; я съ своей стороны разыгрывалъ роль обманутаго любовника, осыпалъ ее упреками, чтобы поддержать ея увлеченіе, такъ какъ поставилъ себѣ задачею во что бы то ни стало вырвать маленькую Магдалену изъ парижскаго водоворота. Аテナисъ отправилась однажды съ своимъ возлюбленнымъ въ одну изъ окрестныхъ деревень Парижа. Мы воспользовались этимъ, чтобы увезти ребенка и кормилицу и благополучно достигли Брюсселя, а тамъ уже нечего было опасаться какихъ бы то ни было преслѣдованій. По пріѣздѣ въ Вѣну необходимо было позаботиться объ участи Магдалены. Тутъ я случайно узналъ, что Армгартъ ухаживаетъ за одной дѣвушкой, но что бѣдность мѣшаетъ ему

жениться. Я помогъ ему деньгами и доставилъ мѣсто въ государственной канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы молодые супруги взяли къ себѣ мою дочь и воспитали ее, какъ свое собственное дитя. Послѣ того я много лѣтъ ничего не слыкалъ о Дешанъ и былъ убѣжденъ, что она погибла въ числѣ многихъ другихъ жертвъ революціи. Но вслѣдъ за провозглашеніемъ Бонапарта первымъ консуломъ, я опять услыкалъ ея имя. Газеты восхваляли ее не только за голосъ, но за красоту и неподражаемую игру и называли ее звѣздой французской оперы. Помимо этого я узналъ частнымъ образомъ, что Атенаисъ пользовалась особеннымъ покровительствомъ супруги перваго консула. Вы, быть можетъ, спросите меня, почему я съ тѣхъ поръ не сдѣлалъ никакой попытки помириться съ женщиной, игравшей такую важную роль въ моей жизни? Сознаюсь откровенно, что я боялся вліянія подобной матери на мою дочь и не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлить моихъ заботъ о ней. Но, какъ всегда бываетъ въ натянутыхъ положеніяхъ, судьба явилась мнѣ на помощь, и избавила меня отъ тяжелаго объясненія съ вами и Магдаленой.

— Я убѣжденъ, сказалъ Эгбертъ, что она и сегодня выручитъ васъ и все кончится наилучшимъ образомъ.

Графъ Вольфсеггъ молча поднялся съ своего мѣста. Былъ ли онъ потрясенъ рассказомъ своего тяжелаго прошлаго и чувствовалъ потребность уединенія или какое нибудь дѣло призывало его, но, простившись съ Эгбертомъ, онъ поспѣшно свернулъ въ боковую аллею и исчезъ за деревьями.

Теперь ничто не мѣшало Эгберту предаться своимъ мыслямъ. Онъ сидѣлъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ упавшая муфта доставила ему знакомство съ пѣвицей. Ему живо припомнилась эта встрѣча, весь разговоръ, смѣющаяся Зефирина, старый маркизъ... Тутъ за деревьями прошла Антуанета подъ руку съ своимъ старымъ родственникомъ. Что сталося съ нею? Эгбертъ на дняхъ прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что маркиза Антуанета де Гондревиль назначена первой фрейлиной новой императрицы, съ оговоркой, что Марія Луиза знала маркизу еще въ Вѣнѣ и сама выразила желаніе имѣть ее въ своемъ штатѣ. Вотъ все, что Эгбертъ зналъ о ней. Графъ упорно молчалъ о своихъ родственникахъ; старый маркизъ Гондревиль послѣдовалъ примѣру дочери и сына и переселился во Францію. Одна только мать Антуанеты, по прежнему ненавидѣвшая Бонапарта, осталася въ Австріи. Ни Эгбертъ, ни Магдалена не рѣшались спрашивать графа объ его племянницѣ, зная на сколько это будетъ непріятно ему. Но здѣсь, среди этихъ деревьевъ, передъ этимъ великолѣпнымъ дворцомъ, который сдѣлался ея жилищемъ, образъ красивой дѣвушки опять возсталъ въ душѣ Эгберта. Предчувствіе говорило ему, что она несчастна и, что дѣйствительность не оправдала ея ожиданій. Но ему и въ голову не приходило, что въ эти минуты, когда онъ предавался

лѣнивому раздумью, только нѣсколько шаговъ отдѣляетъ его отъ прекрасной маркизы.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ отъ дворца отдѣлено было отъ сада небольшое пространство, исключительно предназначенное для императора и его двора. Высокія густыя деревья и живая изгородь за рѣшеткой служили достаточной защитой отъ празднаго любопытства гуляющей публики.

Въ одной изъ боковыхъ аллей этого небольшого дворцоваго сада, который былъ совершенно безлюденъ въ этотъ ранній часъ утра, медленно ходили взадъ и впередъ кавалеръ и дама. Никто не рѣшился бы помѣшать ихъ разговору, если бы они даже выбрали менѣе удобное время для своей прогулки. Всякій, завидя ихъ издали поспѣшилъ бы свернуть въ сторону.

Это были Наполеонъ и Антуанета.

Онъ говорилъ одинъ; она шла, молча, опустивъ голову. Глядя на нее трудно было рѣшить: слышитъ ли она его слова, такъ какъ вся ея фигура скорѣе напоминала автомата, чѣмъ живое существо. Она опустила вуаль своей большой шляпы и сквозь этотъ темный покровъ, при тускломъ освѣщеніи пасмурнаго утра, щеки ея казались мертвенно блѣдными.

— Зачѣмъ отказываетесь вы отъ предложенія маркиза Цамбелли? сказалъ Наполеонъ. Онъ происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода и я цѣню его заслуги. Вѣрьте мнѣ, Антуанета, я не сталъ бы совѣтовать вамъ выйти замужъ за человѣка недостойнаго васъ. Онъ знаетъ и любитъ васъ не со вчерашняго дня. Вы сами говорили мнѣ, что онъ еще въ Австріи ухаживалъ за вами.

— Я также не разъ говорила вамъ, что всегда боялась васъ и страхъ былъ сильнѣе всякаго другого чувства, возразила съ горечью Антуанета.

— Вы были предубѣждены противъ меня. Мои враги, австрійцы, вѣроятно насаждали вамъ всевозможныхъ ужасовъ о Цамбелли. Но вы измѣните свое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ. Вспомните, какъ вы прежде ненавидѣли меня, а потомъ... добавилъ онъ съ усмѣшкой.

Антуанета вздрогнула, но ничего не отвѣтила ему.

— Я требую, чтобы вы послушались голоса разсудка, продолжалъ Наполеонъ. Вы не будете несчастны съ маркизомъ Цамбелли; онъ заразился въ Германіи разными романическими бреднями, которыя такъ нравятся женщинамъ, а это обстоятельство, въ связи съ общими юношескими воспоминаніями поставитъ вашъ бракъ въ лучшія условія, чѣмъ большинство браковъ по приличію.

Наполеонъ не желалъ оскорбить ее; но подобныя объясненія были не въ его характерѣ, тонъ его голоса оставался холоднымъ и суровымъ. Онъ обходился съ нею, какъ вообще привыкъ обходиться съ людьми, даже съ тѣми, которыхъ онъ считалъ достойными привязанности и воображалъ, что они дороги ему. Равнодушіе его возмутило

Антуанету; она готова была вынести его гнѣвъ, но не могла помириться съ мыслью быть брошенной имъ.

— Ваше величество, рѣзко замѣтила Антуанета, вы забываете что въ дѣлахъ супружества, помимо чужихъ совѣтовъ, привязанность должна также играть нѣкоторую роль. Я не люблю маркиза Цамбелли и это должно быть извѣстно вашему величеству; а при этихъ условіяхъ я не желаю промѣнять свою свободу на супружеское рабство.

— Вы говорите о любви! Развѣ я спрашивалъ свое сердце, оттолкнувъ отъ себя Жозефину?

— Если вы не послушались своего сердца, то вы поступили такъ, какъ вамъ казалось нужнымъ и разумнымъ. Во всякомъ случаѣ вы дѣлали какъ хотѣли, а я должна покоряться чужой волѣ.

— Да, но я этого хочу.

Спротивленіе раздражало Наполеона. Онъ почти оттолкнулъ отъ себя ея руку, которую до этого нѣжно сжималъ въ своихъ рукахъ.

— Я требую и отъ васъ, Антуанета, чтобы вы повиновались мнѣ. Вы напрасно дѣлаете видъ, что сердитесь на меня, всѣ эти женскія продѣлки не производятъ на меня никакого впечатлѣнія. Вы должны выйти замужъ. Мы не можемъ помѣшать злословію и потому имъ будетъ не трудно возстановить противъ васъ императрицу. Я не желаю скандаловъ при моемъ дворѣ. Сдѣлавшись маркизой Цамбелли, вы сохраните прежнее положеніе при императрицѣ и останетесь при мнѣ... Вашъ мужъ будетъ часто въ отлучкѣ по дѣламъ службы...

Наполеонъ говорилъ быстро и отрывисто по своей привычкѣ. Замѣтивъ, что она отстала отъ него на нѣсколько шаговъ, онъ замолчалъ и оглянулся. Лицо его оставалось такимъ же безстрастнымъ и холоднымъ.

— Развѣ вы больны Антуанета?

— Я жду какого рода будутъ ваши дальнѣйшія распоряженія относительно будущей супруги маркиза Цамбелли.

— Вы такая же глупая, сентиментальная нѣмка, какъ всѣ ваши соотечественницы!... сказалъ съ досадой Наполеонъ.

— Я не привыкла, чтобы со мной обращались подобнымъ образомъ...

Антуанета была внѣ себя отъ негодованія. Невольнымъ движеніемъ она откинула вуаль съ своего лица. На щекахъ ея выступилъ яркій румянецъ. Глаза ея блестѣли. Она была необыкновенно хороша въ эту минуту. Наполеонъ отвернулся, чтобы не поддаться очарованію ея красоты, но тотчасъ же опять взглянулъ на нее. Онъ наблюдалъ борьбу страстей на ея лицѣ, выжидая минуту утомленія, когда она опять покорится его волѣ.

Ему не долго пришлось ждать. Она не выдержала его сурового взгляда и залилась слезами.

— Вы плачете, потому что не выносите, чтобы съ вами обраща-

лись какъ съ мужчиной! Развѣ я требую отъ васъ чего нибудь неразумнаго или того, что выше человѣческихъ силъ? Неужели вы принимали меня за аркадскаго пастушка! Въ нашемъ положеніи мы должны прежде всего соблюдать приличія и чувство собственнаго достоинства. Я желаю вамъ добра и люблю васъ. Но я не Гераклъ и не буду сидѣть за прялкой у ногъ Омфалы. Никогда женщина не заставитъ меня измѣнить моего рѣшенія. Повторю вамъ, этотъ бракъ необходимъ. Когда вы успокоитесь, то сами придете къ такому же убѣжденію. До свиданія Антуанета.

— Вы уходите отъ меня! проговорила она рыдая.

— Не думаете ли вы перевернуть свѣтъ вашими слезами!

Онъ слегка прикоснулся къ своей шляпѣ въ видѣ поклона и медленно направился вдоль аллеи къ дворцу, заложивъ руки на спину.

Антуанета въ изнеможеніи опустилась на траву подъ темными вѣтвями сосенъ. Ей казалось, что ее погребли живымъ. Будущность закрыта для нея; осталось одно прошлое. Она вспомнила блистательный балъ передъ началомъ австрійской войны, когда, олицетворяя собой богиню побѣды, она поднесла Наполеону лавровый вѣнокъ и онъ бросилъ на нее взглядъ, въ которомъ выражался нѣмой вопросъ и требованіе. Она не отвѣтила отрицательно, хотя предвидѣла трагическій конецъ подобной любви. Страсть и честолюбіе были сильнѣе всѣхъ другихъ соображеній. Быть любовницей Цезаря считалось величайшимъ счастьемъ для женщины, какъ въ старомъ Римѣ, такъ и въ новомъ, который во всемъ подражалъ ему. Антуанетѣ казалось, что она нашла цѣль жизни въ задачѣ привязать къ себѣ самаго гениальнаго человѣка столѣтія. Отказавшись отъ родины, пожертвовавъ для него будущностью, семейными отношеніями и традиціями, она надѣялась, что его наклонность къ ней будетъ прочнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ къ другимъ женщинамъ. Покинутая и растерянная, съ краской стыда на лицѣ припоминала она теперь дни своего мнимаго счастья. Онъ не только разошелся съ ней, какъ съ Юзефиной, но бросаетъ ее какъ плодъ, проѣденный червями или какъ пресыщенный пьяница небрежно передаетъ опрокинутый кубокъ своему сосѣду. Развѣ она заслужила подобное униженіе! Развѣ могъ человѣкъ, въ которомъ была хотя слабая искра любви къ ней бросить ее такимъ способомъ! Годъ тому назадъ, она преклонялась передъ нимъ, какъ передъ высшимъ, неземнымъ существомъ. Какимъ жалкимъ и ничтожнымъ казался онъ ей теперь! Какую постыдную роль играла она сама во всей этой исторіи! Не любя ее, онъ удостоивалъ ее своимъ вниманіемъ для удовлетворенія мимолетной прихоти побѣдителя. Неужели гордая, блестящая Антуанета не заслуживала лучшей участи! Новый Цезарь дарилъ ее какъ невольницу своему любимцу. Можетъ быть именно въ одинъ изъ моментовъ, когда она въ опьяненіи блаженства покоилась въ его объятіяхъ, онъ выбралъ того, кому

хотѣлъ передать ее. Все глубже и яснѣе чувствовала она свой позоръ и униженіе.

Между тѣмъ въ поступкѣ съ Антуанетой Наполеонъ оставался вѣренъ своимъ понятіямъ и складу характера. Едва ли въ молодости онъ былъ способенъ понимать ощущенія и требованія женскаго сердца. Фантазія его легче воспламенялась, нежели чувственность, но это была не болѣе какъ вспышка, которая проходила вслѣдъ за удовлетвореніемъ желанія. Если женщины не могли пожаловаться на него, что онъ хвастался своими побѣдами, то съ другой стороны ни одна не могла похвалиться, что онъ щадилъ ее чувство. Онъ смотрѣлъ на любовныя похожденія какъ на пріятное препровожденіе часовъ досуда; слезы и упреки раздражали его. Нѣкоторое время красота Антуанеты увлекала его; онъ находилъ удовольствіе въ разговорахъ съ нею; но она скоро утратила для него интересъ новизны; онъ думалъ, что дѣлаетъ достаточно, дозволивъ своей любовницѣ оставаться въ штатѣ своей супруги.

Витторіо Цамбелли, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ получившій званіе маркиза, владѣя богатыми помѣстьями, сдѣлалъ формальное предложеніе Антуанетѣ, но получивъ отказъ, обратился къ императору съ просьбой о посредничествѣ.

Наполеонъ находилъ этотъ бракъ вполне приличнымъ и не заботился о мотивахъ отказа Антуанеты: онъ придавалъ имъ также мало значенія, какъ ея слезамъ и гнѣву, объясняя ихъ женской слабостью и тщеславіемъ. Не его была вина, если она относилась къ этому браку съ такой неумѣстной серьезностью. Онъ никогда не думалъ возвысить Антуанету надъ другими женщинами, какъ она воображала это въ своемъ безуміи, но также не хотѣлъ унижить ее этимъ бракомъ. Это была своего рода заботливость объ ея судьбѣ: онъ желалъ доставить ей опредѣленное положеніе въ свѣтѣ.

Антуанета должна была призвать на помощь всю свою гордость чтобы овладѣть собою.

Она слишкомъ долго жила въ заоблачномъ мірѣ, чтобы примириться съ печальной дѣйствительностью. Но она не подчинится чужой волѣ безъ борьбы. Прочь слезы и жалобы! Никто не долженъ видѣть ея страданій!

Она поднялась съ своего мѣста, и машинально, сама того не замѣчая, вышла изъ калитки въ ту часть сада, которая была доступна публикѣ.

Едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ по уединенной аллеѣ, какъ увидѣла издали Эгберта, который шелъ ей на встрѣчу. Онъ также узналъ ее. Они остановились другъ передъ другомъ въ нѣмомъ удивленіи.

Антуанета, благодаря своей привычкѣ къ свѣту, скорѣе овладѣла собою и поздоровалась съ Эгбертомъ, какъ съ старымъ знакомымъ.

— Графиня Антуанета! воскликнулъ наконецъ Эгбертъ, и, за

бывая разницу ихъ общественнаго положенія невольно протянулъ ей обѣ руки. При томъ душевномъ состояніи, въ которомъ находилась теперь Антуанета, это движеніе показалось ей вполне естественнымъ; она дружески положила свою руку въ его руки. Присутствіе преданнаго человѣка оживило ее и согрѣло ее оледенѣвшую кровь. Она осыпала Эгберта вопросами, относительно его личной жизни со времени ихъ послѣдней разлуки, но ни разу не упомянула о графѣ Вольфсеггѣ.

Когда Эгбертъ между прочимъ разсказалъ ей о своей встрѣчѣ съ Наполеономъ послѣ Асперна, она удивила его своимъ восклицаніемъ: — Счастливецъ! Я завидую вамъ! Вы видѣли его униженіе!..

Окончивъ свой разсказъ, Эгбертъ невольно запылся, когда Антуанета спросила его о причинахъ, побудившихъ его пріѣхать въ Парижъ.

Она повторила свой вопросъ:

— Что вы дѣлаете тутъ? Можетъ быть вы также пріѣхали сюда чтобы поздравить эрцгерцогиню? Много австрійцевъ представлялось ей; она приняла ихъ очень милостиво.

— Мое незначительное общественное положеніе избавляетъ меня отъ необходимости видѣть нѣмецкую принцессу на престолѣ Наполеона. Это зрѣлище не можетъ доставить особеннаго удовольствія нѣмцу, который хотя сколько нибудь любить свое отечество. Я пріѣхалъ въ Парижъ по одному частному дѣлу.

— Если бы я случайно не встрѣтила васъ, мосе Геймвальдъ, то вы вѣроятно не сочли бы нужнымъ извѣстить меня о своемъ пріѣздѣ. Развѣ это та дружба, которую вы общали мнѣ!

— Мое обѣщаніе было дано при другихъ обстоятельствахъ. Житейское море бросило наши корабли въ разныя стороны.

— Но они опять встрѣтились.

— Только подъ другими флагами. Одинъ корабль смѣло несется впередъ; попутный вѣтеръ вздуваетъ бѣлоснѣжные паруса...

— Это вашъ корабль, прервала Антуанета. Отъ другого остались одни изуродованные обломки, гонимые волнами.

— Вы ли это говорите, графиня Антуанета! сказалъ съ удивленіемъ Эгбертъ.

Онъ не кончилъ своей фразы. Взглянувъ пристальнѣе на свою собесѣдницу, онъ былъ пораженъ грустнымъ выраженіемъ ея лица, на которомъ еще видны были слѣды недавнихъ слезъ.

— Я страдаю бессонницей, сказала поспѣшно Антуанета, чтобы избѣжать вопроса съ его стороны. Это главная причина моей ранней прогулки... Мы уже давно бесѣдуемъ съ вами, но вы не сказали мнѣ ни слова о Магдаленѣ. Неужели она сердится на меня, что я такъ долго не писала ей? Но мое существованіе настолько безцвѣтно и пусто, не смотря на окружающій меня блескъ, что мнѣ трудно поддерживать переписку. Не случилось ли чего нибудь дурнаго съ Магдаленой? Ваше молчаніе начинаетъ беспокоить меня...

— Нѣтъ, Магдалена здорова. Ваше желаніе исполнилось, мы помолвлены... она въ Парижѣ.

— Въ Парижѣ! одна, безъ родныхъ!

— Графъ Вольфсеггъ съ нами...

Антуанета измѣнилась въ лицѣ. Глаза приняли мрачное, недовольное выраженіе.

Эдбертъ остановился въ замѣшательствѣ. Его молчаніе еще болѣе раздражило Антуанету.

— Дядя и мать повидимому забыли о моемъ существованіи. Развѣ я совершила какое нибудь преступленіе, оставшись въ Парижѣ! При своей исключительной, чисто нѣмецкой любви къ отечеству, они преувеличиваютъ вину мою и моего брата. Между тѣмъ тысячи людей сдѣлали то-же. Такъ поступилъ и дядя на Ваграмскомъ полѣ; онъ покорился сильнѣйшему.

— Но онъ не захотѣлъ протянуть ему руки въ знакъ примиренія.

— Можеть быть вы требуете отъ меня раскаянія?

— Я ничего не требую, но только хочу объяснить поступокъ графа Вольфсегга.

— Какъ его здоровье?

— Онъ здоровъ, но упалъ духомъ.

— Вы съ Магдаленой скорѣе чѣмъ кто нибудь можете утѣшить его и возратить ему надежду на лучшую будущность. Не краснѣйте. Я знаю тайну моего дяди.

— Ничто не заставитъ его забыть васъ, графиня Антуанета.

— Мнѣ вѣроятно опять придется огорчить его. Вы нашъ общій другъ; и потому я желала бы узнать ваше мнѣніе... Меня хотятъ выдать замужъ за маркиза Цамбелли...

Она ждала удивленія и неудовольствія со стороны Эдберта; но вмѣсто этого она увидѣла выраженіе ужаса на его лицѣ.

— За маркиза Витторію Цамбелли! Кто же можетъ настаивать на этомъ бракѣ!

— Тотъ, чья воля всеильна—императоръ Наполеонъ!

— Онъ не можетъ требовать этого! Какой бы онъ ни былъ тиранъ, онъ вѣроятно не желаетъ вашего безчестія!

— Если бы Наполеонъ слышалъ эту фразу, то назвалъ бы васъ безумнымъ нѣмцемъ. Онъ не видитъ ничего безчестнаго въ томъ, что фрейлина его супруги выйдетъ замужъ за его фаворита. На противъ того онъ думаетъ осчастливить ее этимъ бракомъ.

— Но это невозможно. Императоръ не знаетъ, что этотъ человѣкъ убійца Жана Бурдона! Ваши родные должны вступить въ это дѣло. Графъ Вольфсеггъ, наконецъ я самъ—явился противъ него свидѣтелями на судѣ.

Волненіе Эдберта сообщилося Антуанетѣ. Онъ говорилъ такимъ увѣреннымъ тономъ, что трудно было усумниться въ истинѣ его словъ. Если обвиненіе будетъ доказано, то Антуанета могла не только

отказаться от ненавистнаго брака, но еще сказать Наполеону:—вот твои любимцы! Ты хотѣлъ отдать меня вору и убійцѣ!..

Но прежде чѣмъ сказать это, она должна узнать дѣло до малѣйшихъ подробностей. Эгбертъ едва успѣвалъ отвѣчать на ея вопросы.

— Тихе, насъ подслушиваютъ, сказала вполголоса Антуанета. Я слышала шорохъ въ кустахъ.

Эгбертъ началъ прислушиваться. Ему тоже показалось, что кто-то пробирается въ кустарникѣ. Онъ оглянулся и увидѣлъ худощавую женскую фигуру, въ коричневомъ платьѣ, которая тотчасъ-же скрылась за поворотомъ аллеи; онъ не могъ ее разглядѣть, но фигура показалась ему знакомой.

„Неужели это Кристель! подумалъ онъ съ безпокойствомъ. Какъ она могла попасть сюда?“

— Это вѣроятно какая нибудь нищая, сказала Антуанета, спокойнымъ голосомъ.

Эгбертъ не считъ нужнымъ сообщать своей догадки Антуанетѣ и продолжалъ прерванный разговоръ; но мысль о Кристель не покидала его. Она исчезла изъ его дому въ тотъ самый день, когда онъ видѣлъ въ послѣдній разъ Цамбелли въ Шенбрунгѣ. Сама ли она добровольно послѣдовала за нимъ или была увезена имъ насильно? Всѣ попытки отыскать пропавшую дѣвушку окончились полной неудачей. Если онъ не ошибся и это была дѣйствительно Кристель, то вѣроятно Цамбелли до сихъ поръ держитъ ее при себѣ изъ предосторожности, какъ свидѣтельницу или участницу его преступленія.

Эгбертъ съ безпокойствомъ думалъ о томъ, что Кристель вѣроятно слышала весь его разговоръ съ Антуанетой и поспѣшитъ передать его Цамбелли, который такимъ образомъ успѣетъ принять мѣры и приготовиться къ нападенію. Въ случаѣ открытой борьбы всѣ шансы успѣха будутъ на его сторонѣ.

Они подошли къ повороту аллеи.

— Позвольте мнѣ проститься съ вами, графиня, сказалъ Эгбертъ. Магдалена давно ожидаетъ меня.

— До свиданія, отвѣтила Антуанета, протягивая ему руку.

— Могу ли я сообщить графу Вольфсеггу о нашей встрѣчѣ?

— Если вы увѣрены, что онъ приметъ это извѣстіе благосклонно...

Говоря это, Антуанета вскрикнула и отскочила въ испугѣ. Передъ нею стояла блѣдная, исхудалая дѣвушка, съ распущенными волосами и черными, сверкающими глазами.

— Ты хочешь выйти за него замужъ! проговорила она съ яростью, хватая за руку Антуанету. Изъ за тебя онъ бросилъ меня, билъ какъ собаку! Ты...

Антуанета дѣлала напрасныя усилія, чтобы освободиться отъ костлявыхъ пальцевъ, судорожно сжимавшихъ ея правую руку.

— Кристель, опомнись! воскликнулъ Эгбертъ, взявъ ее за плечо.

Но она не обратила на него никакого вниманія и еще вѣснѣе вцѣпилась въ руку своей соперницы.

Антуанета, смущенная приключеніемъ, которое грозило обратить вниманіе публики, такъ какъ уже нѣсколько любопытныхъ слѣшило къ нимъ съ разныхъ сторонъ, сняла дорогой браслетъ съ своей руки и подала его Кристель.

Но та съ пренебреженіемъ бросила на землю богатый даръ.

— Ты не откупишься отъ меня! Я не отстану отъ тебя! Ты не выйдешь за него замужъ!.. кричала Кристель.

Эгберту удалось наконецъ освободить Антуанету.

— Кристель, сказалъ онъ наклоняясь къ ней, вспомни мельницу Рабенъ!

Громкое рыданіе вырвалось изъ груди обезумѣвшей дѣвушки. Она со стономъ упала на землю; съ нею начались судороги.

Антуанета воспользовалась этимъ моментомъ и убѣжала отъ жалкаго зрѣлища мученій, которыя она могла только усилить своимъ присутствіемъ.

Кругомъ Кристель собралась мало по малу большая толпа. Тутъ были и поденщики, работавшіе въ саду, гуляющая и праздношатающаяся публика, молодые женщины, старухи и уличные мальчишки.

— Это сумашедшая, сказалъ одинъ.

— Она цыганка, возразилъ другой. Я уже не разъ встрѣчалъ ее. Она поетъ цыганскія пѣсни.

— Можетъ быть это не она?

— Нѣтъ, это та самая, на дняхъ она пѣла въ погребѣ „Краснаго льва“. Я сразу узналъ эту черную колдунью!

— Бѣдняжка! сказалъ кто-то изъ толпы. Вѣроятно ее соблазнилъ какой нибудь знатный баринъ и выбросилъ на улицу.

— Мы только что выпололи эту сорную траву, а она опять выросла! замѣтила старуха съ наружностію мегеры. Изъ за чего мы хлопотали и дѣлали революцію?

— Ничто не измѣнится, пока на свѣтѣ будутъ богачи!

— Вы слышали, у австрійскаго послапника будетъ большой балъ.

— Это позоръ для Франціи! Мы проливали нашу кровь...

— Маленькій капралъ сдѣлалъ порядочную глупость, прогнавъ отъ себя добрую Жозефину. Нашелъ на кого промѣнять ее!

— Дерется съ тестемъ, а женится на дочери.

— Теперь это въ модѣ. Держу пари, что негодяй, соблазнившій эту несчастную дѣвушку бросилъ ее, чтобы жениться на богатой.

Эгбертъ, видя, что не будетъ конца болтовнѣ, потерялъ терпѣніе и крикнулъ, обращаясь къ толпѣ:

— „Помогите же мнѣ, господа, отнести больную въ карету. Мы ее отвеземъ въ госпиталь. Кто достанетъ мнѣ карету, получить золотой!“

Соблазнъ получить золотую монету оказалъ свое дѣйствіе. Какой то работникъ тотчасъ побѣжалъ нанимать карету. Двое другихъ

подняли дѣвушку съ земли и понесли за Эгбертомъ. Остальные шли за нимъ издали, восхваляя великодушіе богатаго иностранца и втихомолку посмѣиваясь надъ его странными манерами.

Такъ кончилась счастливая жизнь, о которой мечтала бѣдная Кристель, въ тотъ день, когда рѣшилась бѣжать отъ Армгартовъ.

Первыя недѣли новой жизни показались ей какимъ то прекраснымъ сномъ. Цамбелли поручилъ ее старому слугѣ, который привезъ ее въ Парижъ, прежде нежели французскія войска выступили изъ Вѣны. Это путешествіе доставило ей нескончаемое удовольствіе. Каждый день она видѣла что нибудь новое; при этомъ не было ни работы, ни строгаго домашняго порядка. Сопровождавшій ее слуга былъ суровый, несообщительный человѣкъ, отъ котораго съ трудомъ можно было добиться нѣсколько словъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ. Но это было по сердцу Кристель, такъ какъ его присутствіе не мѣшало ей предаваться своимъ мыслямъ, которыя парили какъ ласточки при весеннемъ солнцѣ. Только по временамъ сердце ее боязливо замирало въ груди, когда она вспоминала, какъ дружелюбно относились къ ней Эгбертъ и Магдалена и какъ дурно отплатила она имъ за ихъ благодѣянія. Но тутъ воображеніе рисовало ей образъ Витторіо; и она опять чувствовала себя довольной и счастливой.

Парижъ привелъ ее еще въ большій восторгъ. Огромный, блистательный городъ, мишура, которой она могла украситься, произвели на нее свое дѣйствіе. Часто заходилъ шевалье въ ея маленькую квартиру въ городскомъ предмѣстьѣ, гдѣ хозяйка, старые эльзасцы, съ трудомъ понимали ее, но старались всячески угодить ей, благодаря деньгамъ Витторіо.

Черная Кристель жила какъ въ чадѣ, среди чуждаго, непонятнаго и одурающаго міра, окружавшаго ее. Опыненіе представляло для нея столько прелести, что она не хотѣла очнуться. Но, противъ ея воли любовь пробудила ея изъ умственнаго сна. Выведенная такимъ образомъ изъ состоянія полусознательнаго блаженства, она уже не могла вернуться къ мраку прежняго существованія. У ней явилось сознаніе дѣйствительности. Понять характеръ Витторіо она не могла, но для нея все болѣе и болѣе дѣлалось очевиднымъ, что онъ хочетъ во что бы то ни стало отдѣлаться отъ нея и что наступилъ конецъ ея счастью. Чувство самосохраненія заговорило въ ней; она не хотѣла безъ борьбы потерять человѣка, котораго она любила. Ея ревность раздражала его и приводила въ дурное расположеніе духа. Онъ мучилъ и билъ ее. Для него любовь была только средствомъ, чтобы выманить ее изъ дома Эгберта и имѣть въ своей власти единственную свидѣтельницу его преступленія. Теперь, когда его цѣль была достигнута, ничто не связывало его съ ней; онъ счелъ за лучшее бросить бѣдную, обманутую дѣвушку въ необъятную пропасть гигантскаго города. Всего лучше, если отчаніе доведетъ ее до само-

убійства. Ихъ связь держалась на волоскѣ; не трудно было порвать ее. Мало по малу онъ прекратилъ свои посѣщенія. Изъ остатка состраданія онъ подарилъ ей однажды кошелекъ съ золотыми, зная, что это только временная помощь и что скоро нужда вступить въ свои права.

Быстро была поднята Крестель на высоту своего счастья, но еще быстрее слетѣла она внизъ. Цѣлыя недѣли ждала она его ежеминутно днемъ и ночью. Можетъ быть онъ боленъ или уѣхалъ изъ Парижа? Гдѣ найти его въ огромномъ городѣ, среди людей, говорящихъ на чуждомъ ей языкѣ, на которомъ она едва выучила нѣсколько словъ? Ея хозяева не знали гдѣ онъ и не хотѣли помочь ей въ поискахъ. Имъ казалось вполне естественнымъ, что простая дѣвушка такъ скоро наскучила знатному господину. Если она осталась безъ всякихъ средствъ, то кто виноватъ, что въ дни счастья она не сумѣла обеспечить свою будущность. Ее выгнали на улицу. Блуждая по городу съ утра до поздней ночи, она просила милостыню, пѣла въ шинкахъ. Инстинктъ бродяги помогалъ ей отыскивать себѣ ночлегъ. Прошлую ночь она провела въ будѣ, гдѣ садовники складывали свои инструменты и поднявшись съ разсвѣтомъ бродила по саду безъ определенной цѣли. До ея слуха долетѣли нѣмецкія слова. Она стала прислушиваться и узнала голосъ Эгберта, который разговаривалъ съ графомъ Вольфсеггъ. Ей хотѣлось дожидаться удаленія графа, чтобы подойти къ своему бывшему господину и молить его о помощи и защитѣ. Но тутъ появленіе нарядной дамы остановило ее. Она услышала имя Витторіо Цамбелли. Все помутилось въ ея головѣ, когда она узнала страшную новость...

Ее везутъ въ госпиталь въ rue Tarante, противъ дома, гдѣ живетъ Веньяминъ Бурдонъ. Безсознательно, какъ ребенокъ, покоится она на рукахъ женщины, нанятой Эгбертомъ. Онъ самъ сидитъ напротивъ, но неподвижныя, стеклянныя глаза несчастной дѣвушки не узнаютъ того, котораго она въ былые дни называла своимъ ангеломъ-хранителемъ.

ГЛАВА II.

— Здѣсь вы можете слѣдить за ходомъ нашего разговора и выйти къ намъ въ удобную минуту, сказалъ Веньяминъ Бурдонъ, приглашая графа Вольфсегга и Магдалену въ свою бібліотеку, которая была рядомъ съ зеленой залой, гдѣ висѣла голова Медузы надъ зеркаломъ.

Тюремное заключеніе въ башнѣ Vincennes начертило нѣсколько преждевременныхъ морщинъ на тонко очерченномъ лицѣ Бурдона, но въ общемъ наружность его нисколько не измѣнилась.

Съ графомъ онъ держалъ себя крайне сдержанно и видимо избѣгалъ всякой короткости, но Магдалена съ перваго раза очаровала его своимъ умомъ и простотой обращенія. Онъ интересовался ею, какъ невѣстой своего друга и находилъ, что ея жизнь представляетъ много общаго съ его судьбой. Она также была жертвой предразсудковъ, которые лишили ее положенія въ свѣтѣ, принадлежавшаго ей по рожденію.

— Если при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ должны существовать сословія, сказалъ онъ однажды Эгберту, то Магдалена не хуже другихъ выполнила бы роль маркизы Гондревиль. Вѣдныя охотно обращались бы къ ней за помощью; она не оскорбляла бы ихъ своей напыщенностью и тщеславіемъ, между тѣмъ какъ Антуанета...

Онъ не кончилъ своей рѣчи изъ боязни огорчить Эгберта.

Если при своемъ нерасположеніи къ аристократамъ онъ самъ вызвался примирить графа съ пѣвицей, то этому съ одной стороны способствовала его дружба къ Магдаленѣ и Эгберту, а съ другой—желаніе унизить гордаго дворянина.

Графъ Вольфсеггъ, не смотря на непріятную вѣсть о предполагаемомъ бракѣ Антуанеты и безпокойство, которое онъ испытывалъ въ ожиданіи предстоящаго свиданія, употреблялъ всѣ усилія чтобы поддержать разговоръ. Бурдонъ отвѣчалъ односложными словами. Магдалена казалась печальнѣе обыкновеннаго. Къ заботамъ о собственной судьбѣ присоединилось сожалѣніе о Кристель. Бурдонъ, внимательно осмотрѣвшій больную, не могъ сообщить ей ничего утѣшительнаго. Разсудокъ бѣдной дѣвушки помрачился отъ сильныхъ, вынесенныхъ ею страданій; здоровье было надорвано крайней нуждой и случайными ночлегами.

Вошелъ Эгбертъ. Первый его вопросъ былъ о Кристель.

Бурдонъ отвѣтилъ, что не надѣется на ея выздоровленіе.

— Неужели, добавилъ онъ съ горечью,—никакая кара не постигнетъ негодяя, потубившаго это несчастное существо? Между тѣмъ здравый разсудокъ приводитъ меня къ убѣжденію, что эта исторія сойдетъ ему съ рукъ, какъ и смерть моего отца. Законъ безсиленъ противъ людей, которымъ покровительствуетъ Бонапартъ.

— Врядъ ли императоръ станетъ держать около себя человѣка, противъ котораго существуютъ подобныя обвиненія, возразилъ Эгбертъ. — Нужно только, чтобы кто-нибудь выяснилъ ему личность Цамбелли.

Графъ Вольфсеггъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, сказалъ онъ, французскій императоръ поступитъ такъ, какъ ему будетъ выгоднѣе. Если Цамбелли еще нуженъ ему, то ничто не заставитъ его прѣгнать отъ себя этого человѣка; если же Наполеонъ выжалъ изъ него все, что хотѣлъ, то воспользуется первымъ предлогомъ, чтобы бросить его какъ негодный лимонъ.

— Злодѣй никогда не отступится отъ своего сообщника, замѣтилъ Бурдонъ.—Тирану нужны убійцы! Напрасно думаютъ, что Наполеонъ успокоится на лаврахъ около своей молодой супруги. Онъ скоро опять сядетъ на лошадь. Только въ походѣ онъ чувствуетъ себя бодрѣе и здоровѣе. Если продолжится миръ, онъ растолстѣетъ какъ Вителлій и умретъ отъ ожиренія. Наша пріятельница Ленорманъ вполнѣ постигла связь между его тѣлесными свойствами и душевными наклонностями и сообразно съ этимъ предсказала ожидавшую его судьбу.

— Это очень любопытно! воскликнулъ съ живостью Эгбертъ.—Расскажите намъ, что ожидаетъ Наполеона. Все, что предсказала мнѣ эта странная женщина исполнилось въ точности...

— И вы теперь безгранично вѣрите каждому ея слову, прервалъ его Бурдонъ;—но вы забыли, что до сихъ поръ исполнилась только половина ея предсказанія.

— Остается еще пожаръ, въ которомъ императрица Жозефина...

— Предсказаніе уже потому не имѣетъ значенія, сказалъ Бурдонъ, что мы не дослушали его. Оракулъ былъ прерванъ тогда неожиданнымъ прибытіемъ Наполеона. Я понялъ такимъ образомъ, что Жозефина будетъ спасена вами изъ пожара. Но Жозефина больше не императрица.

— Быть можетъ Ленорманъ намекала на нынѣшнюю императрицу? замѣтилъ графъ Вольфсеггъ.

— Не думаю, хотя гадальщица въ тотъ вечеръ, о которомъ я упоминалъ, предсказывая судьбу Наполеона, прямо назвала австрійскую принцессу. Тутъ также на сценѣ пожаръ.

— Однако вы до сихъ поръ не рассказали намъ, въ чемъ состоитъ это предсказаніе, сказала Магдалена, у которой сердце болезненно билось отъ ежеминутнаго ожиданія звонка. Она надѣялась, что рассказъ Бурдона отвлечетъ ея мысли отъ настоящаго.

— Извольте, я передамъ вамъ въ точности все, что мнѣ самому извѣстно. Я слышалъ это отъ очевидца — Дероне, слѣдовательно изъ самаго вѣрнаго источника. Въ декабрѣ прошлаго года у Ленорманъ собралось однажды вечеромъ избранное общество: нѣсколько придворныхъ дамъ, два *сi-devant* графа и одинъ маркизъ. Дероне, разумѣется, не былъ изъ числа приглашенныхъ, но онъ былъ посланъ Фуше для наблюдений и хозяйка дома не осмѣлилась отказать ему въ приѣмѣ. Онъ скромно стоялъ въ углу просторной комнаты и вдали отъ стола, на которомъ гадальщица раскладывала карты. Всѣ жаждали узнать отъ нея не столько участь Франціи, сколько личную судьбу Наполеона. Начало вечера прошло въ скучныхъ, ничего не выражающихъ разговорахъ, которыми умная женщина намѣренно старалась утомить своихъ слушателей. Но мало по малу карточные духи начали овладѣвать ею; голосъ ея сдѣлался едва слышнымъ, движенія порывистыми. Тутъ она предсказала женитьбу Наполеона на эрцгерцогинѣ, рожде-

ніе императорскаго принца и войну съ Россією. Легковѣрные поклонники гадалыщицы были поражены ея словами, но пока они не произвели никакого впечатлѣнія на Дероне.

— „Императоръ, продолжала Ленорманъ перѣшительнымъ, дрожащимъ голосомъ, идетъ все дальше и дальше черезъ рѣки, лѣса и степи; большой городъ въ его рукахъ, онъ уже считаетъ себя владѣтелиномъ міра, но вотъ поднимается зарево необъятнаго, неугасимаго пожара. Городъ уничтоженъ; Наполеонъ долженъ отступить. Непріятель гонится по его пятамъ; отступление имѣетъ видъ постыднаго бѣгства. Я вижу, какъ противъ него возстаютъ всѣ народы и монархи Европы, гроза надвигается все ближе и ближе къ границамъ Франціи. Наѣзники съ Кавказа и Урала гарцуютъ на парижскихъ площадяхъ. Императоръ увезенъ на уединенный островъ среди океана и скрытъ отъ взоровъ людей...“

— Вы можете себѣ представить, какое дѣйствіе произвели эти слова на слушателей! Всѣ тотчасъ же обратились въ бѣгство, проклиная себя за неумѣстное любопытство, хотя въ сущности всѣ были одинаково довольны предсказаніемъ и убѣждены, что гадалыщица посвящена въ тайны человѣческихъ судебъ. Дероне говорилъ, что онъ послѣ этого нѣсколько дней не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, которое на него произвела эта женщина своими пророчествами. Ленорманъ, разумѣется, говорила все это подъ вліяніемъ видѣннаго сна и въ полусознательномъ состояніи, потому что въ здоровомъ разсудкѣ никто не рѣшится говорить вслухъ подобныя вещи. Дероне сдѣлалъ докладъ Фуше въ общихъ чертахъ и только мимоходомъ упомянулъ о предсказаніи Ленорманъ, рассчитывая на скромность ея гостей. Потому ли, что ихъ было слишкомъ много, или нѣкоторые изъ нихъ рассказали о случившемся своимъ близкимъ, но во всякомъ случаѣ исторія получила огласку и дошла до свѣдѣнія императора. Онъ удовольствовался тѣмъ, что изгналъ изъ Парижа прорицательницу, которая благодаря ненависти императора, войдетъ еще въ большую славу.

Разсказъ Бурдона произвелъ глубокое впечатлѣніе на его слушателей, но онъ самъ не придавалъ никакого значенія словамъ гадалыщицы. По его мнѣнію, это была не болѣе, какъ болтовня болѣзненно возбужденной женщины, которая къ фактамъ дѣйствительной жизни примѣшиваетъ образы, созданные ея неудержимой фантазійей.

Эгбертъ горячо возсталъ противъ такого объясненія. Между обоими пріятелями завязался оживленный споръ, который былъ неожиданно прерванъ громкимъ звонкомъ.

— Мы когда нибудь возобновимъ этотъ споръ въ болѣе удобное время, сказалъ Бурдонъ. Какъ бы ни былъ суровъ и печаленъ міръ фактовъ, но среди его я чувствую себя гораздо лучше, чѣмъ въ области сновидѣній. Не падайте духомъ, моя дорогая пріятельница, добавилъ онъ, обращаясь къ Магдаленѣ.

Онъ вышелъ съ Эгбертомъ въ сосѣдную комнату. Магдалена и графъ остались въ библіотекѣ.

Высокая крыша госпиталя, стоявшаго противъ оконъ квартиры Бурдона, освѣщалась послѣдними лучами заходящаго солнца, слабый красноватый отблескъ наполнялъ библіотечную комнату, отражаясь на длинныхъ рядахъ книгъ.

— Да, это она, сказала задумчиво графъ Вольфсеггъ, услыхавъ голосъ Атенаисъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Однако у васъ странный способъ обращаться съ друзьями, сказала громко пѣвица, поздоровавшись съ Бурдономъ. Вы заставляете дамъ дѣлать вамъ визиты. Меня это нисколько не смущаетъ. Я могла бы быть вашей старшей сестрой и, вдобавокъ, вы имѣете полное право требовать отъ меня что хотите, потому что вы спасли мнѣ жизнь. Но вы пригласили меня такимъ таинственнымъ способомъ, что мнѣ пришло въ голову, не приготовили ли вы мнѣ какого нибудь сюрприза.

— Вы не ошиблись. Имѣю честь представить вамъ вашего пріятеля Геймвальда. Вы, вѣроятно, не ожидали увидѣть его?

Онъ подвелъ къ ней Эгберта, который стоялъ въ дверяхъ библіотеки, за портьерой.

Лицо Атенаисъ просвѣтлѣло отъ радости. Не стѣсняясь присутствіемъ Бурдона, она встрѣтила Эгберта съ открытыми объятіями и прижала къ своей груди.

— Вы опять въ Парижѣ! Очень рада видѣть васъ, проговорила она скороговоркой. Я все время сердилась на васъ, что вы уѣхали не простившись со мной и въ продолженіе цѣлаго года не написали мнѣ ни одного письма, не смотря на ужасы, которые совершались у васъ въ Австріи. Этотъ Наполеонъ настоящее чудовище... Не пугайтесь, мы здѣсь одни; эта голова Медузы не сдѣлаетъ доноса. Во времена террора мы знали, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ убиваютъ людей! Тогда гибли одни только измѣнники и аристократы; они дѣйствительно стоили тюремнаго заключенія и гильотины. Но битвы этого тирана не имѣютъ никакой цѣли и тяготятъ всѣхъ. Мы съ вами Бурдонъ, вышли сухи изъ воды и теперь обречены на роль безучастныхъ зрителей. Что дала намъ послѣдняя война? Удовольствіе видѣть новую Марію Антуанету на французскомъ престолѣ!

— Вы не должны сердиться на мадемуазель Дешанъ, Эгбертъ, сказалъ Бурдонъ. Она бранитъ австрійцевъ изъ преданности къ Жозефинѣ.

— Да, Жозефина всегда нравилась мнѣ. Эта женщина по моему вкусу, добродушная, нѣжная, страстная, а не холодная равнодушная кукла; она также отдала дань молодости какъ и другіе люди.

— Жаль только, что она немного суевѣрна, замѣтилъ шутя Веняминъ, чтобы поддразнить Дешанъ.

— Это еще не преступленіе. Я сама суевѣрна. Вотъ, напримѣръ,

когда я прошлой весной встрѣтила въ Тюльерійскомъ саду нашего прекраснаго Іосифа—сказала Атенаисъ, указывая на Эгберта, я тотчасъ же подумала, что онъ принесетъ мнѣ счастье. Не смѣйтесь Бурдонъ! О любви не можетъ быть и рѣчи. Но дѣло въ томъ, что до этого момента я ненавидѣла всѣхъ австрійцевъ и одного человека больше всѣхъ. Но нашъ общій другъ заставилъ меня на половину переимѣнить мнѣніе.

— Можетъ быть мнѣ удастся окончательно разувѣрить васъ, сказалъ Эгбертъ.

Черные глаза Атенаисъ блеснули, но она ничего не отвѣтила и продолжала свой разговоръ съ Бурдономъ.

— Можетъ быть вы и это называете суевѣріемъ, но я ни за что не стала бы жить въ этомъ домѣ. Самый видъ госпиталя наводитъ на меня тоску, когда я проѣзжаю мимо него. Изъ этого окна виденъ дворъ. Какой онъ пустой и печальный! Я не желала бы очутиться здѣсь и послѣ смерти. На нашемъ мѣстѣ Бурдонъ, я не спала бы порядочно ни одной ночи, а въ полночь вздрагивала бы отъ всякаго стука въ дверь или упавшаго кирпича, ожидая, что ко мнѣ явится привидѣніе. Даже присутствіе интересной больной врядъ ли удержало бы меня.

— Какой больной?

— Вы дѣлаете видъ, что ничего не знаете! Но вы меня не увѣрите, что до васъ не дошли слухи о больной, которую молодой иностранецъ привезъ сегодня утромъ въ госпиталь. Или быть можетъ вамъ не показали ее? Теперь уже весь Парижъ говорить объ этомъ.

— Я все таки не понимаю въ чемъ дѣло.

Бурдонъ сдѣлалъ знакъ Эгберту, чтобы онъ не выдавалъ его. Эгбертъ тѣмъ охотнѣе исполнилъ его желаніе, что всѣ его мысли были поглощены Магдаленой. Онъ съ безпокойствомъ думалъ о томъ, что разговоръ все болѣе и болѣе удаляется отъ цѣли и живо представлялъ себѣ всѣ мученія, которыя должна была въ это время испытывать Магдалена.

— Мой дорогой Бурдонъ, я разумѣется могу передать вамъ только сотую долю того, о чемъ толкуютъ въ Парижѣ. Эта уличная пѣвица сдѣлалась героиней дня. Она остановила важную даму въ Тюльерійскомъ саду. Вы спросите: съ какою цѣлью? Но это обыкновенная исторія. Какой то богатый господинъ соблазнилъ бѣдняжку и бросилъ ее изъ-за придворной дамы.

— Въ этомъ и заключается вся исторія?

— Разумѣется нѣтъ! О такихъ вещахъ и говорить не стоитъ. Я сама была когда-то въ подобномъ положеніи, а теперь, мнѣ даже смѣшно вспомнить мое тогдашнее отчаяніе. Не она первая и, къ сожалѣнію, не послѣдняя. Исторія эта имѣетъ совсѣмъ другого рода интересъ. Говорятъ, что любовникъ несчастной дѣвушки совершилъ какое-то преступленіе и она знала объ этомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, но объ этомъ говорятъ втихомолку; можетъ быть тутъ нѣтъ и слова правды. Одно несомнѣнно, что императоръ видѣлъ приключеніе изъ окна. Чему вы смѣетесь, Бурдонъ? Мадемуазель Марсъ публично рассказывала это на бульварѣ. Вы знаете, она ненавидитъ эту даму, маркизу Гондревиль...

— Вы говорите, что императоръ видѣлъ все изъ окна? спросилъ Эгбертъ.

— Я передаю то, что слышала. Однако простите мою неосторожность. Вы знакомы съ дамой, о которой идетъ рѣчь. Я не хотѣла огорчать васъ, мосье Геймвальдъ. Но что дѣлать, эти знатныя дамы хотя и называются герцогинями и маркизами, но ничѣмъ не лучше насъ актрисъ. Напротивъ, ихъ хроника еще скандальнѣе нашей.

Въ библіотечной комнаткѣ послышался какой-то возгласъ. Онъ вырвался изъ груди графа Вольфсегга. Ему было невыносимо слышать, что его племянница, Гондревиль-Вольфсеггъ, сдѣлалась предметомъ праздныхъ толковъ бульварной публики. Хотя онъ считался въ Австріи однимъ изъ самыхъ свободомыслящихъ людей и чуть ли не якобинцемъ, но въ настоящемъ случаѣ гордость аристократа заговорила въ немъ.

Атенаисъ вздрогнула, услыхавъ возгласъ графа Вольфсегга и стала прислушиваться.

— Что это такое? спросила она встревоженнымъ голосомъ.

— Не знаю, отвѣтилъ равнодушно Венъяминъ и желая отвлечь вниманіе своей собесѣдницы добавилъ:—слухи оказались не совсѣмъ точными, мадемуазель Атенаисъ. Я знаю больную, равно какъ и мосье Геймвальдъ.

— Мосье Геймвальдъ?

— Онъ собственно и есть тотъ молодой иностранецъ, который, привезъ несчастную въ госпиталь. Эта дѣвушка его соотечественница; ее соблазнилъ французскій офицеръ, за которымъ она послѣдовала въ Парижъ.

— Значитъ она изъ Вѣны? спросила Дешанъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Несомнѣнно, эта дѣвушка жила въ домѣ Геймвальда.

— Въ вашемъ домѣ! воскликнула Атенаисъ, обращаясь къ Эгберту. Ради Бога скажите, неужели это правда? или Бурдонъ безсовѣстно издѣвается надо мной!

Глаза ея расширились отъ испуга; она вся дрожала.

— Бурдонъ говоритъ правду, мадемуазель Атенаисъ. Я дѣйствительно пріютилъ это бѣдное, запуганное существо. Къ сожалѣнію намъ не удалось привязать ее къ себѣ. Однажды ночью она неожиданно оставила нашъ домъ. Но я не понимаю, почему ея судьба тревожить васъ такимъ образомъ? Мнѣ кажется, что посторонніе люди ничего не могутъ чувствовать къ ней кромѣ состраданія.

Эгбертъ бросилъ недовольный взглядъ на своего друга. Неужели

Бурдонъ хочетъ увѣрить Атенаисъ, что несчастная дѣвушка ея дочь, съ тѣмъ чтобы привести ее въ отчаяніе и затѣмъ порадовать появленіемъ Магдалены и устроить такимъ образомъ примиреніе пѣвицы съ ея бывшимъ возлюбленнымъ! Планъ этотъ казался ему слишкомъ замысловатымъ, такъ какъ по его мнѣнію дѣло можно было устроить гораздо проще, безъ напрасныхъ терзаній для Атенаисъ.

Но Дешанъ замѣтила взглядъ Эгберта и при своей впечатлительности истолковала его въ обратномъ смыслѣ.

— Вы скрываете отъ меня истину! воскликнула она взволнованнымъ, умоляющимъ голосомъ. Я напрасно рассчитывала на вашу дружбу, мосье Эгбертъ. Помните ли вы ту исторію, которая привела меня въ отчаяніе годъ тому назадъ? Я повѣрила словамъ этого хвастуна, но потомъ убѣдилась, что онъ оклеветалъ Магдалену и окончательно успокоилась, зная что она у васъ въ домѣ. Я надѣялась... Но какъ бы ни были безумны надежды матери, такъ естественно желать всего лучшаго для тѣхъ, кого мы любимъ! Теперь все кончено! Сведите меня къ вашей больной, Бурдонъ; я буду проводить дни и ночи у ея постели. Ласки матери утѣшать ее въ потерѣ любимаго человѣка. Я не имѣю права ни жаловаться, ни упрекать ее. Стоитъ мнѣ только вспомнить мою собственную молодость. Затѣмъ вы медлите, Бурдонъ? Быть можетъ она мучится въ эту минуту; наемныя сидѣлки окружаютъ ее... Но что это такое! Я слышала вздохъ, кто-то плачетъ; она вѣрно въ этой комнатѣ—не удерживайте меня! Я здѣсь Магдалена!..

Внѣ себя отъ безпокойства Дешанъ вскочила съ мѣста и бросилась къ двери, но отступила назадъ, увидя передъ собой незнакомую, стройную фигуру дѣвушки, стоявшую на порогѣ.

— Я ваша дочь! проговорила съ смущеніемъ Магдалена, протягивая ей обѣ руки.

Атенаисъ не двигалась съ мѣста. Она была въ такомъ отчаяніи, при мысли о болѣзни и несчастіи дочери, что сердце ея отказывалось вѣрить дѣйствительности. Неужели эта нарядная, хорошенькая дѣвушка съ приличными манерами, полными достоинства, можетъ быть ея дочерью!

— Не отталкивайте меня! проговорила Магдалена сквозь слезы.

— Позвольте мнѣ представить ее вамъ, Атенаисъ! сказалъ графъ Вольфсеггъ, выходя изъ библіотеки. Это наша дочь. Не откажите ей въ тѣхъ ласкахъ, которыми вы хотѣли утѣшить ту несчастную обманутую дѣвушку. Нсобходимость заставила меня отнять у васъ ребенка; вы видите ее теперь взрослой дѣвушкой. Оставаясь съ вами, она быть можетъ также поступила бы на сцену и испытала всѣ превратности судьбы. Я не думаю упоекать васъ, но вы сами врядъ ли будете оспаривать это. Я не доставилъ ей ни блеска, ни почестей, но взамѣнъ этого сберегъ ее и далъ хорошее, хотя бюргерское воспитаніе. Несомнѣнно цвѣты разцвѣтаютъ еще роскошнѣе послѣ бури и не рѣдко талантъ развивается во всемъ блескѣ въ борьбѣ съ нуждой и

тяжелыми обстоятельствами жизни; вы сами доказываете это своимъ примѣромъ, Атенаисъ. Но не слѣдуетъ ставить дѣвушку въ зависимость отъ подобныхъ условий, рассчитывая во что бы то ни стало на успѣхъ. Я хотѣлъ обеспечить будущее моего ребенка. Простите то горе, которое я причинилъ вамъ тогда. Я до сихъ поръ держусь того убѣжденія, что только скромное положеніе въ свѣтѣ можетъ гарантировать намъ счастье. Мнѣ кажется, что я вдвойнѣ достигъ своей цѣли. Каждая мать можетъ гордиться такой дочерью!.. Магдалена любитъ одного молодого человѣка, и знаетъ его много лѣтъ; онъ предлагаетъ ей свое сердце и имя. Любовь ихъ не похожа на ту страсть, которую мы чувствовали нѣкогда другъ къ другу; это спокойная, тихая привязанность, какую способны испытывать одни нѣмцы. Просите ея согласія, Эгбертъ; отъ этого зависитъ ваше счастье. Помогите мнѣ успокоить оскорбленное сердце матери и женщины.

Простота и чувство собственного достоинства, которыми была проникнута рѣчь графа Вольфсегга тронули впечатлительную французенку. Она горячо обняла Магдалену и прижала къ своему сердцу.

— Моя дорогая! проговорила съ рыданіемъ Атенаисъ, какъ я счастлива, что вижу тебя! Какая ты хорошенькая! Неужели ты сама пожелала видѣть меня?

— Я не рѣшалась выйти замужъ безъ вашего согласія, сказала краснѣя Магдалена, смущенная порывистыми движеніями и горячностью матери.

— Развѣ я могла желать лучшаго мужа моей дочери! отвѣтила Дешанъ, взглянувъ на Эгберта съ ласковой улыбкой.

— Но вы не должны больше сердиться на моего отца, сказала Магдалена.

— Она уже простила меня, возразилъ графъ Вольфсеггъ. Да будетъ миръ между нами, Атенаисъ. Мы пережили вмѣстѣ безумныя, но хорошія минуты. Ни вы, ни я не забудемъ ихъ. Я радъ, что хотя на закатѣ нашихъ дней мы опять встрѣтились съ вами.

— Мой дорогой Ульрихъ! воскликнула Дешанъ, протягивая ему руку. Вотъ вамъ моя рука въ знакъ дружбы!.. Вы видите, добавила она, обращаясь къ Бурдону, что это за тиранъ! Онъ всегда былъ такой и всѣхъ заставлялъ покоряться своей волѣ. Я не разъ думала, что если бы между дворянами нашлось дюжины двѣ подобныхъ господъ, какъ этотъ упрямый графъ, они положили бы конецъ революціи.

— Или устроили бы республику Вашингтона, возразилъ Бурдонъ, и мы были бы избавлены отъ Наполеона!

Слуга зажегъ свѣчи. Бурдонъ съ улыбкой взглянулъ на своихъ гостей. Всѣ казались довольными и счастливыми. Завязался непринужденный разговоръ, прерываемый веселымъ смѣхомъ и громкими выраженіями радости Атенаисъ, которая не могла прійти въ себя отъ счастья.

Въ этотъ же самый часъ, среди наступающихъ сумерекъ, маркизъ Витторіо Цамбелли безпечно ходилъ взадъ и впередъ по аллеямъ сада, примыкавшаго къ его дому въ *Chaussée d'Antin*. Этотъ дорого стоящій домъ, богато изукрашенный внутри и снаружи, по словамъ враговъ Цамбелли былъ купленъ имъ на „деньги, утаенныя во время австрійской войны“.

Сдѣлавшись маркизомъ и адъютантомъ императора, обладая большими помѣстьями, Цамбелли достигъ цѣли своихъ стремленій, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся получить руку Антуанеты, что было его завѣтной мечтой въ теченіи многихъ лѣтъ. Но тутъ онъ почувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Слухъ о заключеніи въ Тюльерійскомъ саду тотчасъ дошелъ до него и притомъ съ разными комментаріями.

Легкомысленное и живое населеніе Парижа, быстро переходя отъ одного впечатлѣнія къ другому, жадно хватается за всякую новость, которая могла бы подать поводъ къ празднымъ толкамъ. При Наполеонѣ вниманіе парижанъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, было обращено на мелкія событія частной жизни, скандалы и анекдоты двора и театральнаго міра, такъ какъ запрещено было говорить публично о вопросахъ, касающихся политики. Благодаря этому, исторія загадочной нищей немедленно разнеслась по городу. Особенный интересъ ея заключался въ той роли, которую играла въ ней фрейлина молодой императрицы. Имя маркизы Гондревиль повторялось съ злобной усмѣшкой. Многіе, особенно дамы, радовались ея униженію. Представительницы старинной французской аристократіи не могли простить ей то видное положеніе, которое она занимала при французскомъ дворѣ; остальные ненавидѣли Антуанету за ея гордость. Никто не рѣшался говорить объ ея отношеніяхъ къ Наполеону, но они возбудили неудовольствіе и ревность мадемуазель Марсъ, которая воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы отомстить своей соперницѣ. Если Наполеонъ всюду имѣлъ своихъ шпионовъ, то съ другой стороны за нимъ слѣдили еще внимательнѣе. Всего усерднѣе въ этомъ отношеніи были дворцовые камердинеры. Подмѣчая даже самыя ничтожныя обстоятельства изъ жизни Наполеона они сообщали свои наблюденія публикѣ, которая придавала значеніе первой важности всему, что прямо или косвенно касалось императора. Этимъ способомъ узнала мадемуазель Марсъ, а черезъ нее и весь городъ, что вслѣдъ за сценной въ саду Наполеонъ очень долго разговаривалъ съ маркизой Гондревиль.

Всѣ эти извѣстія произвели подавляющее впечатлѣніе на маркиза Цамбелли. Ему не трудно было объяснить себѣ нѣкоторыя, не совсемъ ясныя подробности. Противъ его ожиданія Крестель не умертвила себя и не пала жертвой тѣхъ искушеній, которыми такъ богатъ Новый Вавилонъ. Непрошенная свидѣтельница его преступленія осталась жива и можетъ погубить его. Она вѣроятно узнала отъ кого

нибудь о предполагаемомъ бракѣ, и выждавъ удобную минуту заявила о своихъ правахъ Антуанетѣ. Кто знаетъ, что наговорила она противъ него въ припадкѣ безумной ревности? Онъ уже почти достигъ цѣли своихъ желаній и теперь все обрушилось! Въмѣсто блестящаго приза, который онъ считалъ достойной наградой своихъ усилій, его ожидала ссылка на галеры.

Голова его шла кругомъ; онъ не видѣлъ исхода изъ тѣхъ ватруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился. Одну минуту ему удалось успокоить себя тѣмъ, что Наполеонъ до сихъ поръ не потребовалъ его къ себѣ. Но онъ зналъ, какъ ловко умѣлъ Наполеонъ прикинуться ничего незнающимъ и какъ терпѣливо и долго выжидать удачнаго момента чтобы нанести ударъ. Еще со времени его возвращенія изъ Испаніи въ 1809 году паденіе Фуше было для императора вопросомъ рѣшеннымъ. Но только на дняхъ разразилась буря. Генералъ Савари былъ назначенъ министромъ полиціи, а Фуше отправленъ въ изгнаніе съ почетнымъ титуломъ римскаго губернатора. Но на подобный исходъ не могъ разсчитывать Витторіо въ случаѣ противнаго вѣтра. Наполеонъ долженъ былъ шадить Фуше, но съ нимъ онъ не станетъ церемониться и отброситъ отъ себя какъ непріятную и опасную гадину.

Витторіо не былъ трусомъ; ему стало досадно за то уныніе, которое овладѣло его сердцемъ. Неужели Антуанета повѣритъ словамъ сумасшедшей дѣвушки? спрашивалъ онъ себя. Можетъ быть обо мнѣ даже не было и рѣчи и всѣ эти подробности придуманы праздною публикой! Развѣ не могло дѣло произойти напримѣръ такимъ образомъ: нищая обратилась къ нарядной дамѣ съ просьбой о милостынѣ. Лицо ея показалось дамѣ знакомымъ. Какъ бы ни измѣнилась Черная Кристель, но Антуанета могла узнать ее, такъ какъ не разъ видала ее въ окрестностяхъ замка Зебургъ. Если она назвала по имени несчастную, то съ Кристель отъ испуга могли сдѣлаться судороги...

Но такъ ли было въ дѣйствительности? Цамбелли рѣшилъ во что бы то ни стало разъяснить этотъ вопросъ до слѣдующаго утра, потому что завтра день его дежурства при императорѣ.

Цамбелли одѣлся въ самое простое платье, чтобы не обращать на себя вниманіе прохожихъ. Прежде всего онъ отправился къ хозяевамъ, у которыхъ жила Кристель, въ надеждѣ узнать чтонибудь объ ея судьбѣ съ того времени, какъ она оставила ихъ. Изъ ихъ безсвязной болтовни онъ узналъ только одно, весьма важное для него обстоятельство, что даже въ минуты самаго сильнаго гнѣва Кристель ни разу не произнесла противъ него ни одного слова упрека. Неужели она будетъ откровеннѣе съ Антуанетой! Это казалось ему невѣроятнымъ; но уже прошло два мѣсяца съ того времени, какъ хозяева выгнали Кристель, а въ такой срокъ нужда и горе могли ожесточить ее и подѣйствовать на ея разсудокъ.

Выйдя на улицу, Цамбелли не зналъ на что рѣшиться: пойти ли

въ госпиталь на улицѣ Таганне или къ отелю Мартиньи, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить Антуанету... Можетъ быть его допустить къ постели Кристель...

Какъ бы хорошо было, если бы она, увидя его, умерла отъ испуга!

Опасность явилась съ той стороны, гдѣ онъ менѣе всего ожидалъ ее. Теперь уже поздно было упрекать себя за неосторожность. Дѣло шло о жизни и смерти. Если бы Кристель была безъ приюта онъ отыскалъ бы ее на улицахъ Парижа, но въ госпиталь она была отдалена отъ него цѣлою пропастью. Несчастная дѣвушка, отданная на попеченіе общественной благотворительности при такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ неизбежно должна была возбудить участіе и любопытство публики. Помимо докторовъ и сестеръ милосердія полиція и газеты не упустятъ ее изъ виду.

Дорого бы далъ Цамбелли чтобы узнать—кто привезъ нищую въ госпиталь въ наемной каретѣ? Ему говорили, что какой то иностранецъ. Почти навѣрное можно было предположить, что это былъ нѣмецъ, потому что иначе Кристель не сумѣла бы объясниться съ нимъ и только соотечественница могла внушить ему такое состраданіе.

Блуждая по городу безъ опредѣленной цѣли, Цамбелли очутился по близости своего жилища передъ дворцомъ Montesson, гдѣ праздная толпа любопытныхъ загрозила ему дорогу.

У воротъ стояли телѣги и фуры, нагруженные коврами, канделябрами, зеркалами, тропическими растеніями и т. п. Великолѣпный дворецъ Montesson съ обширнымъ дворомъ и садомъ былъ въ это время занятъ австрійскимъ посланникомъ княземъ Карломъ фонъ-Шварценбергъ. Привезенныя вещи должны были служить для украшенія дворца къ предстоящему балу, который долженъ былъ дать посланникъ 1-го іюля въ честь новобрачной императорской четы.

Хотя дворецъ по своей величинѣ и великолѣпному убранству вполне соответствовалъ блеску подобнаго празднества и чести габсбургско-лотарингскаго дома, представителемъ котораго былъ князь фонъ-Шварценбергъ, но тѣмъ не менѣе посланникъ считалъ нужнымъ расширить его и убрать заново. Для этой цѣли былъ нанятъ сосѣдній домъ и соединенъ съ дворцомъ гигантской крытой деревянной галереей, которая предназначалась для танцовъ и для устройства которой уничтожена была значительная часть сада. Красота и легкость этой постройки представляла собой чудо архитектурнаго искусства; по слухамъ, ходившимъ въ городѣ, блескъ и роскошь внутренняго убранства должны были затмить все, что до сихъ поръ видѣли жители Парижа во время подобныхъ празднествъ. Работа шла день и ночь, но, не смотря на всѣ усилія, она подвигалась довольно медленно, такъ какъ желаніе князя совмѣстить удобство съ требованіями изящества постоянно представляло новыя затруд-

ненія. Тѣмъ не менѣе плотники и декораторы старались превзойти самихъ себя въ искусствѣ. Помимо хорошей платы каждый надѣялся заслужить милостивый взглядъ императора въ награду за свои труды и бессонныя ночи.

Но съ момента, когда день бала былъ окончательно назначенъ всѣми овладѣло лихорадочное безпокойство. Австрійскій посланникъ обыкновенно хладнокровный и терпѣливый сталъ торопить работниковъ и сердился на ихъ медленность; его знакомые, приходившіе съ нимъ на постройку, вслѣдъ за похвалою неизмѣнно выражали сомнѣніе въ своевременномъ окончаніи работъ. При этихъ условіяхъ о прочности не могло быть и рѣчи. Хотя никто не высказывалъ этого, но большинство рабочихъ и даже постороннихъ зрителей, были убѣждены, что эта воздушная постройка, разукрашенная и убранная на скорую руку не выдержитъ единственной ночи, для которой она воздвигалась и исчезнетъ къ утру, какъ волшебныя замки фей.

Цамбелли подошелъ къ одной изъ группъ, стоявшихъ передъ дворцомъ. Толпа была настолько велика, что ему нечего было опасаться, что онъ обратитъ на себя чье либо вниманіе.

Какъ разговоры, такъ и отдѣльныя замѣчанія и возгласы относились главнымъ образомъ къ предстоящему празднеству, къ которому дѣлались такія грандіозныя приготовленія. Не смотря на прямую выгоду для рабочихъ и купцовъ толпа находила совершенно неумѣстной подобную расточительность. Парижане, встрѣтивъ недоброжелательно бракъ Наполеона съ австрійской принцессой, также недружелюбно относились и къ празднику, который устраивался въ честь этого брака.

— Какая духота! Девять часовъ вечера, а все еще невыносимо жарко! сказалъ одинъ, снимая шляпу и утирая себѣ лобъ носовымъ платкомъ.

— Ну, еще не такъ будутъ задыхаться тѣ, которымъ придется плясать въ этой залѣ.

— Говорятъ, сегодня утромъ камни и стѣны до того прокалились отъ солнца, что рабочіе должны были поливать ихъ водой.

— Ты и повѣрилъ! Австрійцы нарочно выдумываютъ разныя басни, чтобы похвастать своимъ праздникомъ, такъ какъ они не могутъ похвалиться своими побѣдами.

— Ни своей принцессой. Развѣ ее можно сравнить съ Жозефиной?

— Тѣмъ не менѣе я не взялъ бы Жозефину себѣ въ жены. Яблоко побывало уже во многихъ рукахъ.

— Но оно все-таки пришлось по вкусу маленькому капралу. Не дурно жениться на возлюбленной Барра.

— И получить армію въ видѣ свадебнаго подарка.

— Эта армія уже не существуетъ! Жозефина въ отставкѣ. Что выйдетъ изъ всего этого!

— При этой жарѣ нечего ждать кромѣ эпидеміи!

— Франція уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ изнурительной лихорадкой. Говорятъ, гдѣ то на Дунаѣ австрійцы порядкомъ потрепали Бонапарта.

— Это нахальная ложь! Развѣ ты не читаешь бюллетени?

— Каковъ чудакъ! Тебя можно показывать за деньги на бульварахъ! Нашелся-таки человѣкъ, который вѣритъ бюллетенямъ!

Къ группѣ разговаривающихъ подошло нѣсколько человѣкъ.

— Смотрите, еще телѣга! Она нагружена цвѣтами и дерномъ.

— Все высохло и обратилось въ сѣно, какъ будто они привезли эти цвѣты изъ пустыни.

— вмѣсто свѣчей посланникъ долженъ былъ бы провести воду изъ Сены для поливки своей постройки. Какова пыль и духота!

— Недостаетъ только фейерверка, а затѣмъ бури...

— Какъ давно не было дождя! Утромъ выпало нѣсколько капель, но этимъ дѣло и кончилось.

— Я ничего не замѣтилъ.

— Въ это время я былъ въ Тюльерійскомъ саду.

— Значить вы были на мѣстѣ происшествія! Не можете ли вы сообщить намъ что нибудь объ исторіи, которая случилась съ нищей и придворной дамой?

— Разумѣется. Дама прогуливалась съ своимъ возлюбленнымъ. На нихъ набросилась нищая съ явнымъ намѣреніемъ убить обоихъ. Въ рукахъ ея былъ длинный кинжалъ съ отравленнымъ лезвіемъ. Самъ Дороне допрашивалъ ее. Вы знаете Дороне? Онъ ловокъ какъ чортъ въ этихъ дѣлахъ...

— Пустяки! прервалъ работникъ въ голубой блузѣ, сдвигая шапку со лба. Все это преувеличено. Я былъ тутъ и снесъ на собственныхъ рукахъ бѣдняжку въ карету. Это еще совсѣмъ молоденькая дѣвочка и легкая какъ перышко. Затѣмъ я сѣлъ на козлы съ кучеромъ и свезъ ее въ госпиталь. Ни одинъ полицейскій не допрашивалъ ее; мы сдали больную на руки доктору Бурдону.

— Кто это такой?

— Онъ не особенно красивъ, кривобокій и съ большой головой. Но его знаетъ всякій въ предмѣстьяхъ. Видно вы аристократъ, что не слыхали о немъ. Это славный парень!

— Рассказывайте дальше! послышался голосъ изъ толпы. Значить Бурдонъ лечитъ ее? Она вѣрно выздоровѣетъ, потому что у него есть средство противъ всѣхъ болѣзней.

— У васъ должно быть много денегъ, что вы можете тратить время такимъ образомъ, замѣтилъ ядовито первый рассказчикъ, обращаясь къ работнику, который изобличилъ его во лжи.

— Деньги свалились съ неба для меня. Я получилъ золотой отъ сострадательнаго иностранца, которому я помогъ свезти нищую въ госпиталь.

— Ну, это щедрая плата! Скажите пожалуйста, какой видъ у этого иностранца?

— Молодой, стройный, съ бѣловатыми волосами. Я предполагаю, что онъ нѣмецъ, также какъ и нищая. Если не ошибаюсь онъ называлъ ее Кристель.

— Удивительная исторія! Но я не понимаю, зачѣмъ эту дѣвочку свезли въ госпиталь?

— Точно вы не знаете? Во Франціи всегда будутъ тѣ-же порядки. При Людовикѣ XV, людей за всякое лишнее слово запирали въ Бастилію; теперь ихъ прячутъ въ сумасшедшій домъ. Не велика разница между оковами и сумасшедшей рубашкой!

— На этотъ разъ имъ не удастся взять эту исторію! воскликнулъ работникъ. Мосье Бурдонъ долго разговаривалъ о чемъ-то съ молодымъ иностранцемъ и такъ серьезно посматривалъ на больную, что мнѣ тогда-же пришло въ голову, что дѣло не шуточное.

— Однако они заставили всю улицу своими возами. Скоро нельзя будетъ шевельнуть ни рукой ни ногой.

— Воображаю себѣ, какая здѣсь будетъ давка 1-го іюля!

— Лишь бы они опять не подставили адской машины, какъ въ улицѣ St. Nicaise.

— Ну, пріятель, вы забываете, что не слѣдуетъ говорить о такихъ щекотливыхъ вещахъ.

— А случай былъ-бы удобный. Ночь, толкотня — одинъ выстрѣлъ... и все кончено!..

— Вы своей болтовней подведете всѣхъ насъ?

— Это якобинецъ! приверженецъ Робеспьера!

— Смотри, я тебѣ раскрою черепъ! Развѣ я похожъ на якобинца. Я простой парикмахеръ и только высказываю свое мнѣніе. Тутъ можетъ быть только одинъ исходъ...

Съ этими словами парикмахеръ щелкнулъ пальцами, подражая пистолетному выстрѣлу.

— Господа, это шпіонъ! Поколотимъ его! Онъ хочетъ поймать насъ въ ловушку. Если онъ парикмахеръ, то сверните ему парикъ на сторону. Нужно проучивать этихъ людей!

Толпа зашумѣла. Еще моментъ и всѣ бросились бы на невинную жертву болтливости, но по счастью кто-то замѣтилъ Витторіо, который удалялся быстрыми шагами по улицѣ.

— Вотъ настоящій шпіонъ! воскликнулъ неожиданный защитникъ несчастнаго парикмахера, указывая на Цамбелли. Мнѣ онъ уже давно казался подозрительнымъ. Если бы вы видѣли какъ онъ внимательно слушалъ исторію нищей! Онъ спѣшитъ къ Савари съ доносомъ и наплететъ на насъ всякую всячину.

— Догоните его! закричало нѣсколько голосовъ. Бросимте его въ Сену!

— Туда ему и дорога! Чортъ бы побралъ всѣхъ ихъ.

— Видно во Франції никогда не будет покою отъ полиціи и шпионовъ!

Витторіо уже былъ далеко; онъ только слышалъ крики и проклятія, которыя раздавались ему вслѣдъ. Но они не производили на него никакого впечатлѣнія. Одна мысль поглощала его.

Не Черная Кристель, а Геймвальдъ выдалъ его. По странному стеченію обстоятельствъ судьба опять свела Кристель съ этимъ человѣкомъ въ Тюльерійскомъ саду, какъ прежде на мельницѣ Рабенъ и въ Вѣнѣ. Хотя имя молодого иностранца не было произнесено, но Цамбелли тотчасъ же догадался, что это былъ Эгбертъ, какъ изъ описанія его наружности, сдѣланнаго работникомъ, такъ и изъ участія, которое онъ оказалъ Кристель.

Значить онъ не даромъ почувствовалъ такую ненависть къ Геймвальду съ перваго момента ихъ встрѣчи! Всѣ попытки обезоружить его и принудить къ молчанію кончились полной неудачей. Если онъ не убилъ его, то опять таки вслѣдствіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

Какъ отыскать Эгберта среди многолюднаго и необъятнаго Парижа? Между тѣмъ, всякая, даромъ потерянная минута, могла ускорить гибель Цамбелли. Эгбертъ имѣлъ доступъ къ императору; если еще Антуанетъ за одно съ нимъ, то для Цамбелли не было исхода изъ его затруднительнаго положенія.

Онъ не чувствовалъ никакого раскаянія въ своемъ преступленіи, но боялся наказанія.

Ему казалось всего удобнѣе навести справки въ госпиталь. Быть можетъ привратникъ знаетъ адресъ Геймвальда. Онъ узнаетъ кстати въ какомъ положеніи Кристель.

На пасмурномъ облачномъ небѣ уже кое-гдѣ зажглись звѣзды, когда Цамбелли вошелъ въ улицу Таганне. Воздухъ былъ тяжелый, и все еще дулъ теплый душливый вѣтеръ.

Изнемогая отъ усталости, Цамбелли остановился передъ порталомъ госпиталя. Онъ вынулъ на всякій случай деньги изъ своего кошелька, хотя самъ не зналъ, въ чемъ будутъ заключаться его вопросы и отвѣты. Главный входъ уже былъ запертъ, но при свѣтѣ фонаря можно было различить мѣдную ручку звонка. Изъ полукруглаго окна надъ дверью виднѣлся слабый отблескъ лампы, горѣвшей въ корридорѣ.

Цамбелли немольно взглянулъ на противоположный домъ, въ которомъ жилъ Веняминъ Бурдонъ. Домъ этотъ въ ночномъ полумракѣ казался еще печальнѣе и фантастичнѣе, нежели днемъ. Яркое освѣщенныя окна квартиры врача поразили Цамбелли. Не собрались ли тамъ ненавистные ему люди и не совѣщаются ли они объ его гибели?

У подъѣзда остановилась карета. Кучеръ нѣсколько разъ хлопнулъ бичемъ, чтобы извѣстить господъ о своемъ прибытіи.

Витторіо рѣшилъ дожидаться до тѣхъ поръ, пока кто нибудь выйдетъ изъ дому.

Гдѣ-то въ отдаленіи на церковной башнѣ пробило десять. Медленно взмошлъ мѣсяцъ, подернутый облаками надъ массой скученныхъ зданій.

Наконецъ дверь отворилась. Вышли двѣ дамы, въ сопровожденіи троихъ мужчинъ, которые вполголоса разговаривали между собою. Витторіо узналъ по фигурѣ Веньямина и Эгберта, но не могъ догадаться, кто былъ третій; дамы также показались ему незнакомыми.

Послѣ долгаго и дружескаго прощанья, дамы сѣли въ карету съ господиномъ, котораго Витторіо не могъ узнать, не смотря на всѣ усилія.

— Не оставайтесь долго въ госпиталѣ, Эгбертъ! Я только тогда покоенъ, когда вижу васъ, сказалъ онъ изъ окна кареты.

Это былъ голосъ графа Вольфсегга.

Карета быстро покатилась по улицѣ St. Benoit.

Цамбелли съ отчаяніемъ опустился на каменную скамейку у воротъ госпиталя. Если Бурдонъ и Эгбертъ замѣтятъ его, то какъ объяснить имъ свое присутствіе? Выступъ ниши пока скрывалъ его отъ ихъ глазъ. Онъ инстинктивно схватился за рукоятку сабли.

— Наконецъ-то мнѣ удалось видѣть дѣйствительно счастливыхъ людей, сказалъ Бурдонъ. Я долженъ отмѣтить сегодняшний день краснымъ карандашемъ въ моей записной книжкѣ.

— Мы безконечно благодарны вамъ, возразилъ Эгбертъ. Безъ вашей помощи дѣло никогда не кончилось бы такимъ образомъ. Дай вамъ Богъ такого-же успѣха съ этимъ несчастнымъ существомъ.

— Мы сейчасъ узнаемъ, какъ она провела вечеръ. Если она спала все это время, то сонъ лучше всего подрѣзываетъ ея разстроенные нервы.

Разговаривая такимъ образомъ пріатели вышли на средину улицы. Цамбелли всталъ и прижался спиной къ стѣнѣ; фигура его имѣла неподвижность статуи, мертвенная блѣдность покрыла лицо его; одни только глаза свѣтились лихорадочнымъ блескомъ.

Съ другого конца улицы приближалось нѣсколько молодыхъ людей. Одни шѣли; другіе громко разговаривали между собою и смѣялись.

— Это что такое! воскликнулъ съ удивленіемъ Бурдонъ, останавливаясь передъ госпиталемъ и указывая на флигель, стоявшій посреди двора, фасадъ котораго былъ обращенъ на улицу.

Мѣсяцъ освѣщалъ окна верхняго этажа, стекла блестѣли голубовато-серебристымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ нижній этажъ былъ совершенно закрытъ стѣной.

Эгбертъ поднялъ голову и увидѣлъ у открытаго окна второго этажа бѣлую фигуру. На минуту она исчезла въ темномъ фонѣ комнаты потомъ снова появилась съ простыней, которую привязала къ окну, какъ будто собиралась бѣжать изъ госпиталя этимъ способомъ.

Внезапно вскочила она на подоконникъ, придерживаясь рукой за косякъ. Ноги у ней были босыя; сверхъ рубашки была надѣта темная юбка.

— Лунатикъ! сказалъ Бурдонъ.

Хотя Эгбертъ не могъ различить лица на такомъ разстояніи, но движенія и фигура показались ему знакомыми.

— Это Черная Кристалъ! воскликнулъ онъ съ ужасомъ.

Цамбелли, услыхавъ это восклицаніе, поспѣшно позвонилъ у ворота госпиталя.

Въ тоже время подошли пѣвцы.

— Тише господа, воскликнулъ Бурдонъ, вы можете испугать ее. Эта женщина лунатикъ! Припадокъ только что начался.

Пѣвцы остановились, привлеченные любопытствомъ.

Несчастная стояла уже на узкомъ карнизѣ окна, и какъ будто повисла на воздухѣ, представляя собой страшное, чарующее зрѣлище. Спокойно свѣтилъ на нее мѣсяцъ изъ за серебристо-сѣрыхъ облаковъ.

Съ шумомъ отворилась дверь, выходившая на улицу. Вслѣдъ за Витторіо нѣсколько молодыхъ людей поспѣшно взбѣжали на лѣстницу мимо оторопѣвашаго привратника.

Бурдонъ отворилъ своимъ ключемъ небольшую калитку въ стѣнѣ, которая прямо вела во дворъ госпиталя. Въ это время тутъ уже все поднялось на ноги. Сбѣжались больничные сторожа, сестры милосердія, слуги. Одни бросились на дворъ, другіе въ ту часть госпиталя, гдѣ была комната несчастной. Это была та самая нищая, которую привезли сегодня утромъ въ судорогахъ изъ Тюльерійскаго сада. Послѣ сеанса извѣстнаго въ то время магнетизера Бурдона она заснула крѣпкимъ сномъ. Сидѣлка оставалась при ней нѣсколько часовъ и, видя, что больная не просыпается, вышла въ убѣжденіи, что она проспится всю ночь. Но Кристель должно быть проснулась вскорѣ послѣ этого и у ней явилось желаніе бѣжать изъ госпиталя.

Стоявшіе на дворѣ смотрѣли съ ужасомъ, какъ дѣвушка ходила взадъ и впередъ по карнизу. У окна висѣла привязанная простыня доходившая до перваго этажа; вѣтеръ вздувалъ ее. Больная, повидимому, забыла о своемъ первоначальномъ намѣреніи спуститься изъ окна съ помощью простыни. Она сѣла на край подоконника и, ударя босыми ногами объ стѣну, тихо покачивалась взадъ и впередъ. Лунный свѣтъ ярко освѣщалъ ея блѣдное исхудалое лицо. Мѣрно шумѣли верхушки деревьевъ, растущихъ на дворѣ, подъ ея ногами.

У всѣхъ замерло сердце отъ боязливаго ожиданія. Лунное освѣщеніе придавало особенное очарованіе стройной, изящной фигурѣ Кристель. Бѣдный смятый цвѣтокъ, слѣдующій порывъ вѣтра снести тебя съ вѣтки!

По распоряженію Бурдона сторожа принесли лѣстницы и старались прислонить ихъ къ стѣнѣ. Другіе предлагали на всякій случай положить матрацы подъ окномъ. Эгбертъ, зная ловкость и проворство Кристель убѣждалъ не трогать ее, говоря, что она сама вернется въ комнату. Дѣйствительно, минутой спустя, больная опять поднялась на ноги и стоя на окнѣ стала прислушиваться.

По знаку Бурдона на дворѣ водворилась мертвая тишина. Лѣстницы были подставлены. Теперь не трудно было кому нибудь добраться до окна и, выждавъ удобную минуту, схватить дѣвушку и снести ее на землю.

Въ это же самое время нѣсколько человѣкъ столпилось передъ комнатою Кристель. Въ числѣ ихъ былъ Цамбелли. Дверь была заперта внутри, такъ что отворить ее безъ шума не было никакой возможности.

— Развѣ въ эту комнату нѣтъ другого хода? спросилъ Витторіо.

Повелительный тонъ, съ которымъ былъ сдѣланъ вопросъ, оказалъ свое дѣйствіе на больничныхъ сторожей и служанокъ, которыя на столько потеряли голову, что ни одинъ изъ нихъ не обратилъ вниманіе на то, что Цамбелли совершенно не знакомый для нихъ человѣкъ.

Оказалось, что въ комнату Кристель есть еще ходъ черезъ корридоръ и небольшую комнату, которая зимой служила для дровъ.

— Но и эта дверь постоянно заперта, замѣтилъ одинъ изъ сторожей.

— Посмотримъ! возразилъ Витторіо. Укажите какъ пройти туда.

Его провели по длинному корридору къ закрытой двери; но она поддавалась отъ перваго толчка.

Коморка освѣщалась крошечнымъ окномъ, пропускавшимъ узкую полоску луннаго свѣта. Никто не рѣшался войти въ нее, изъ боязни что въ ней спряталась сумасшедшая.

— Вы можете идти! сказалъ Витторіо провожавшимъ его сторожамъ.

Тѣ поспѣшно удалились, довольные тѣмъ, что могутъ избавиться отъ присутствія человѣка, наводившаго на нихъ инстинктивный страхъ.

Цамбелли долженъ былъ согнуться, чтобы пройти низкую коморку; шляпа слетѣла съ его головы; но ему не было времени отыскивать ее.

Чувствовала ли Кристель близость любимаго человѣка или это была простая случайность, только лице ея, до сихъ поръ обращенное къ лунному свѣту, внезапно повернулось въ ту сторону, гдѣ былъ Цамбелли.

Дверь тихо отворилась.

— Витторіо! вырвалось изъ блѣдныхъ губъ дѣвушки.

— Кристель! сказалъ онъ ласково своимъ звучнымъ голосомъ, который всегда такъ магически дѣйствовалъ на нее.

Она раскрыла глаза и протянула ему руки, но въ тотъ же моментъ нога соскользнула у ней съ узкаго подоконника. Потерявъ равновѣсіе она упала навзничь на вымощенный дворъ.

Ее подняли мертвую съ раздробленнымъ черепомъ.

Цамбелли отодвинулъ задвижку и выбѣжалъ изъ комнаты. Никто

не обратить на него ни малѣйшаго вниманія. Всѣ были заняты трагической кончиной дѣвушки; и только тогда нѣкоторые изъ сторазей и прислуги вспомнили о таинственномъ незнакомцѣ, когда на мѣсто происшествія явилась полиція. Но показанія были такъ различны, что трудно было вывести какое либо заключеніе. При обыскѣ найдена была иллана Витторіо. Полицейскій комиссаръ молча разглядывалъ ее и приказалъ снести ее къ себѣ на домъ. Этотъ комиссаръ былъ Дероне.

ГЛАВА III.

Наступилъ давно ожидаемый день 1-го іюля. Трудно было бы сказать: гдѣ въ этотъ вечеръ была большая суета, шумъ и давка — въ самомъ ли дворцѣ австрійскаго посольства или внѣ его? Обширныя залы уже начали наполняться приглашенными; тутъ была и вся балетная труппа Большой Оперы, которая должна была выдолнить пантомину съ австрійскими народными танцами на сценѣ, устроенной для этой цѣли. Многочисленная прислуга и отрядъ императорской гвардіи въ великолѣпныхъ мундирахъ, разставленный на дворѣ и у всѣхъ входовъ еще больше увеличили собой толпу. Передъ дворцомъ стояла другая, съ минуты на минуту возрастающая шумная толпа зрителей.

Дворецъ освѣтили задолго до наступленія темноты. Тысячи фонарей и цвѣтныхъ шаровъ фантастически освѣщали садъ, разливая яркій свѣтъ на далекое пространство. Чуть ли не весь Парижъ поднялся на ноги. Праздникъ князя Шварценберга такъ исключительно занималъ въ послѣднее время публику, что въ этотъ вечеръ каждый считалъ своимъ долгомъ отправиться на улицу Montblanc, хотя бы въ качествѣ празднаго наблюдателя. Если для большинства все удовольствіе заключалось въ томъ, что они увидятъ издали плюмажи кавалеровъ, головные уборы дамъ, то скудость зрѣлища выкупалась тщеславнымъ сознаніемъ, что и они присутствуютъ на праздникѣ. Полиція выбивалась изъ силъ, чтобы сохранить какой нибудь порядокъ и свободный путь для подъѣзжавшихъ экипажей, такъ какъ всѣ тѣснились къ главному подъѣзду, чтобы увидѣть вблизи императора и императрицу. Не было конца толкамъ, анекдотамъ, различнымъ догадкамъ. Были и такіе, которые находили прямую связь между праздникомъ и исторіей въ Тюльерійскомъ саду, которая имѣла такой печальный конецъ. Разнесся слухъ, что кто то столкнулъ несчастную съ окна. Не смотря на довольно значительное число очевидцевъ, отрицавшихъ это, народная фантазія упорно отстаивала придуманную сказку, благодаря таинственной лич-

ности, которая такъ внезапно появилась въ госпиталѣ и также быстро исчезла. Шляпа, найденная Дороне, служила достаточнымъ доказательствомъ непреложности факта. Съ нѣкоторой натяжкой не трудно было сдѣлать переходъ отъ нищей къ празднику. Многіе почему то были убѣждены, что преступникъ выдастъ себя на предстоящемъ балѣ. Иные были не прочь воскресить нищую и намекали на возможность ея появленія среди танцующихъ. Рядомъ съ этимъ шли толки о заговорахъ и покушеніяхъ на жизнь Наполеона, такъ какъ этого рода слухи не умолкали со времени битвы при Аспернѣ, вслѣдствіи таинственности, въ которую облечено было покушеніе молодого Штабса. Между тѣмъ въ этой пестрой, глазѣющей и волнуемой толпѣ едва ли былъ хоть одинъ человѣкъ, имѣющій какой нибудь поводъ для подобныхъ предположеній; даже мало было такихъ, которые искренно вѣрили имъ. Но нужно же сократить какъ нибудь долгіе часы скучнаго ожиданія. Чѣмъ нелѣпѣе и невѣроятнѣе была сказка, тѣмъ болѣе эффектъ производила она, хотя забывалась въ слѣдующую же минуту для другой небылицы или при видѣ богатой кареты.

Эгбертъ и графъ Вольфсеггъ помимо своей воли также очутились на праздникѣ въ числѣ гостей. Не смотря на всѣ отговорки, настоятельная просьба графа Шварценберга заставила ихъ принять приглашеніе. Эгбертъ надѣялся, что по своему скромному положенію въ свѣтѣ онъ будетъ избавленъ отъ подобной чести. Но Меттернихъ обратилъ на него вниманіе австрійскаго посланника, разсказавъ его свиданіе съ Наполеономъ въ Malmaison и Шенбруннѣ. Хозяину праздника казалось необходимымъ представить императору знакомое лицо среди множества австрійцевъ, совершенно чуждыхъ его величеству или даже быть можетъ непріятныхъ ему. Эгбертъ покорился необходимости и, зная, что Наполеонъ замѣтитъ его и вѣроятно удостоитъ своимъ разговоромъ, счелъ нужнымъ одѣть капитанскій мундиръ. Воспоминаніе о трагическихъ событіяхъ послѣдней войны было настолько живо въ памяти Эгберта, что онъ болѣе всего на свѣтѣ желалъ спокойствія и мирнаго счастья. Мысль, что онъ долженъ хотя на нѣсколько часовъ очутиться среди шумной праздничной толпы тяготила его. Онъ не боялся встрѣчи съ Наполеономъ, но ему было непріятно опять увидѣть этого человѣка, котораго онъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души.

На этомъ праздникѣ онъ вѣроятно встрѣтитъ Антуанету. Придется ли ему проститься съ нею навсегда или съ надеждой на новое свиданіе? Со времени ихъ случайной встрѣчи въ Тюльерійскомъ саду, она не сдѣлала ни малѣйшей попытки увидѣться съ нимъ или съ графомъ Вольфсеггъ. Быть можетъ она не хотѣла или не могла воспользоваться тѣми свѣдѣніями, которыя онъ сообщилъ ей о маркизѣ Цамбелли? Считала ли она для себя унизительнымъ обратиться къ помощи дяди или надѣялась сама устроить свою судьбу? Все это онъ узнаетъ сегодня! Какъ трудно выбиться ему изъ той сѣти за-

путанныхъ событій, въ которую онъ попалъ съ той октябрьской ночи, когда впервые вошелъ въ замокъ графа Вольфсегга! Теперь уже поздно обвинять себя въ томъ, что онъ не устоялъ тогда противъ соблазна блестящей судьбы, созданной его фантазіей и причинилъ столько горя Магдаленѣ. Но въ виду ихъ общаго счастья онъ сдѣлаетъ сегодня послѣдній шагъ, чтобы выступить изъ заколдованнаго круга, въ который закинула его судьба.

По желанію князя Шварценберга австрійцы собрались у него раньше другихъ, такъ какъ въ качествѣ представителей Австріи они должны были наравнѣ съ нимъ принимать гостей. Почти одновременно прибыли и пруссаки, состоящіе при прусскомъ посольствѣ.

Всѣ знали, что Наполеонъ ненавидитъ Пруссію и кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ, что врядъ-ли его величеству будетъ пріятно видѣть пруссаковъ въ числѣ хозяевъ праздника, устроеннаго въ честь его брака.

— Вѣсма вѣроятно, отвѣтилъ надменно князь Шварценбергъ, но пруссаки мнѣ ближе, чѣмъ французы.

— Вы правы, князь, замѣтилъ графъ Вольфсеггъ, мы подносимъ Наполеону наше вино въ золотомъ кубкѣ, какое намъ дѣло если оно не понравится ему.

Не смотря на бракъ Наполеона съ австрійской эрцгерцогиней и союзъ заключенный между обѣими державами, большинство австрійцевъ все еще мечтало о восстановленіи великой Германской имперіи. При входѣ въ большую залу устроенъ былъ транспарантъ съ гигантскою нѣмецкою надписью:

Mit sanfter Schönheit Reiz strahlt Heldenkraft verbunden;

Heil! Heil! Die goldene Zeit ist wieder uns gefunden! ¹⁾

Однако, не смотря на единичныя проявленія національной вражды что-то радостное и примиряющее слышалось въ веселыхъ звукахъ оркестровъ; чувство невольнаго удовольствія охватывало каждого при видѣ изящной и роскошной обстановки праздника.

Въ огромной танцевальной залѣ не видно было ни малѣйшаго признака досчатыхъ стѣнъ. Онѣ исчезли за массой газа, кисей, цвѣтовъ, зеркалъ, ковровъ, затканыхъ золотомъ и разукрашенныхъ колоннъ. Снаружи клеенчатое полотно защищало крышу и стѣны въ случаѣ непогоды. Не смотря на мрачное настроеніе Эгберта, видъ прекрасной залы даже на него произвелъ чарующее впечатлѣніе, когда онъ вмѣстѣ съ другими вошелъ въ нее изъ сада по широкимъ ступенямъ главнаго входа. Здѣсь были свѣтъ и веселье. Изъ сада вѣяло прохладой, вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ. Свѣтъ нѣсколькихъ тысячъ свѣчей отражался всѣми цвѣтами радуги въ хрустальныхъ люстрахъ и въ стѣнныхъ зеркалахъ. Всюду блескъ и сіяніе! Двѣ громадныя

¹⁾ Съ прелестью кроткой красоты сіяетъ сила побѣдителя!
Хвала тебѣ! Опять вернулось золотое время!

короны какъ будто висѣли въ воздухѣ посреди залы на легкихъ гирляндахъ. Такія же гирлянды цвѣтовъ протягивались по всей залѣ, то сплетаясь вмѣстѣ вѣнками, то опять расходясь въ разныя стороны и покрывая собой потолокъ и стѣны.

Передъ главнымъ входомъ, въ углубленіи залы, на высокой эстрадѣ съ ступенями, покрытой богатымъ ковромъ стояли два кресла, обтянутыя темнокраснымъ бархатомъ для императора и императрицы. Ножки креселъ представляли позолоченныя львиныя лапы; спинки были украшены императорскимъ гербомъ. Мѣсто передъ эстрадой во всю ширину залы было приготовлено для танцующихъ. На одномъ концѣ залы были устроены подмостки для музыкантовъ, на другомъ концѣ была галлерея, убранныя въ томъ же вкусѣ какъ и вся зала, съ выходами въ садъ и въ внутренніе покои дворца. Въ случаѣ чрезвычайной жары или тѣсноты въ залѣ, галлерея эта могла служить убѣжищемъ для танцующихъ.

Пока ничто не мѣшало Эгберту любоваться величественнымъ зрѣлищемъ цѣлаго и красотою частныхъ. Десятки людей были едва замѣтны благодаря громадному пространству залы. Всѣ наперерывъ хвалили вкусъ графа Шварценберга и роскошь обстановки. Не смотря на ненависть австрійцевъ къ Наполеону и французской націи, ихъ національная гордость была удовлетворена сознаніемъ, что подобнаго праздника еще никто не устраивалъ въ честь императора. Одинъ только графъ Вольфсеггъ находилъ неумѣстными всякія изъясненія дружбы со стороны Австріи.

— Всѣ эти толки о мирѣ ни къ чему не ведутъ, сказалъ онъ Эгберту и стоявшимъ возлѣ него австрійцамъ.—Никто не вѣритъ имъ и Наполеонъ меньше всѣхъ. Онъ только выжидаетъ удобной минуты, чтобы окончательно раздавить насъ, а мы...

Графъ Вольфсеггъ не окончилъ своей фразы, потому что въ это время къ нему подошелъ хозяинъ дома съ вопросомъ: нравится ли ему убранство залы и не находитъ ли онъ нужнымъ сдѣлать какое-нибудь измѣненіе?

— Всякое измѣненіе можетъ только нарушить гармонію цѣлаго, отвѣтилъ графъ съ любезной улыбкой.—Можно опасаться только одного, что танцующіе вмѣсто удовольствія будутъ осуждены на пытку. Въ залѣ уже теперь становится душно.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ горячо возстали противъ этого, но кто-то замѣтилъ:

— Здѣсь запахъ гари!

Всѣ робко переглянулись между собой. Каждый какъ будто хотѣлъ отклонить отъ себя отвѣтственность за неосторожное слово и спрашивалъ другого—не ты ли сказалъ это?

Князь Шварценбергъ поблѣднѣлъ; еще рѣзче выступило выраженіе заботы и безпокойства на его лицѣ, которое поразило многихъ изъ близкихъ знавшихъ его, съ самаго начала вечера.

Глаза всѣхъ невольно обратились на зажженные люстры и свѣчи, но онѣ горѣли ровнымъ, спокойнымъ свѣтомъ.

Князь быстро повернулся къ одному изъ слугъ.

— Гдѣ полицейскій, присланный префектурой? спросилъ онъ.

Слуга удалился.

— Французы просили меня объ этомъ, добавилъ хозяинъ дома, обращаясь къ графу Вольфсеггу. — Они боятся слишкомъ большого стеченія публики и хотятъ взять на себя заботу о безопасности своего государя.

Въ это время къ нимъ незамѣтно подошелъ господинъ, одѣтый какъ остальные гости и передалъ князю визитную карточку съ вѣжливымъ поклономъ.

Князь мелькомъ взглянулъ на нее.

— Отъ герцога Ровиго? сказалъ онъ. — Вы мосье Дероне?

— Да, ваше сіятельство! Я полицейскій комиссаръ. Генераль Савари удостоилъ послать меня на вашъ блистательный праздникъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться, мосье Дероне. Герцогъ оказалъ мнѣ большую услугу, выбравъ лучшаго изъ своихъ чиновниковъ. Надѣюсь, что ихъ императорскія величества будутъ въ полной безопасности на моемъ балѣ.

— Я увѣренъ въ этомъ, отвѣтилъ Дероне. — Что же касается улицы, то не только вы князь, но и я не считаю себя отвѣтственнымъ за нее.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ приходомъ слуги, который доложилъ, что къ дворцу подъѣхало нѣсколько каретъ. Князь поспѣшно вышелъ изъ залы на встрѣчу гостямъ. Болѣе знатные изъ австрійцевъ послѣдовали за нимъ, и въ томъ числѣ графъ Вольфсеггъ.

Эгбертъ остался наединѣ съ Дероне. Молча обошли они залу. Кромѣ главнаго входа и двухъ выходовъ черезъ галлерею была еще небольшая потаенная дверь за тронными креслами.

— Душевно радъ, что ваша невѣста не будетъ на этомъ балѣ! воскликнулъ неожиданно Дероне, пожимая руку Эгберту. — Здѣсь не безопасно. Можно позавидовать тѣмъ, кто остался дома!

— Вы пугаете меня! Неужели готовится какое-нибудь новое покушеніе? Это было бы крайне неумѣстно!...

— Какъ могла прійти вамъ подобная фантазія? Я ничего не слышалъ ни о заговорахъ, ни о замыслахъ противъ жизни Наполеона. Но все, чѣмъ вы восхищаетесь здѣсь можетъ обратиться въ ловушку. Если случайно сдѣлается пожаръ...

— Князь повидимому также боится этого. Нужно позаботиться о водѣ и пожарныхъ трубахъ.

Дероне громко захохоталъ.

— Вотъ фраза, которая бы сдѣлала честь Соломону. Разумѣется объ этомъ уже давно позаботились. Но развѣ вы не видите, что тутъ огонь будетъ также трудно остановить, какъ революцію! Однако, до свиданія! Я долженъ взглянуть, что дѣлается въ саду.

Изъ боковыхъ входовъ хлынулъ разомъ потокъ публики. Каждой дамѣ при входѣ въ залу подносили букетъ цвѣтовъ. Богатыя платья со шлейфами по модѣ имперіи, падавшими граціозными складками, фантастическіе уборы изъ драгоценныхъ камней и жемчуга, рѣдкихъ перьевъ и цвѣтовъ, цвѣтныя шали, картинно наброшенныя на плечи — казались необыкновенно эффектными при яркомъ бальномъ освѣщеніи среди разнообразныхъ мундировъ, украшенныхъ блестящими орденами, аксельбантами и т. п. Изъ множества присутствовавшихъ тутъ вновь созданныхъ королей, князей, герцоговъ и маршаловъ, одни были извѣстны какъ военачальники и государственные люди, другіе прославились злодѣяніями, совершенными во время революціи, воровствомъ и убійствами. Среди этого общества героевъ и негодяевъ, добродѣтельныхъ женщинъ и непотребныхъ тварей, молодые люди, не занимавшіе, подобно Эгберту, высокаго положенія въ свѣтѣ, не могли претендовать на чье-либо вниманіе и должны были сами искать себѣ развлеченія до начала танцевъ. Хотя Эгбертъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ придворныхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ *Malmaison*, но они едва удостоили его легкимъ поклономъ и нѣсколькими словами привѣтствія, такъ что ничто не мѣшало ему предаться созерцанію праздника. Настроеніе гостей далеко не соотвѣтствовало блеску окружающей обстановки. Всякое громкое проявленіе веселости было подавлено присутствіемъ высокопоставленныхъ особъ и ожиданіемъ пріѣзда ихъ величествъ. Не смотря на все стараніе нѣмцевъ и французовъ сблизиться и принять задушевный тонъ, ничто не могло изгнать чопорности въ ихъ отношеніяхъ. Только вѣжливость и привычка къ свѣтскому обращенію скрывали до извѣстной степени презрѣніе побѣдителей и ненависть побѣжденныхъ. Обѣ княгини Шварценбергъ, жена и невѣстка посланника, лкбезно встрѣчали гостей и знакомили ихъ другъ съ другомъ.

Между тѣмъ зала все болѣе и болѣе переполнялась гостями. Мѣста вдоль стѣнъ были заняты дамами; кавалеры стояли за ихъ стульями. Тутъ и тамъ образовались группы разговаривающихъ.

Но вотъ раздался на дворѣ бой барабановъ, бряцанье ружей, возгласы команды офицеровъ, означавшіе прибытіе императора. Всѣ встали, разговоръ перешелъ въ шопотъ.

Наполеонъ вошелъ въ залу изъ галлерей подъ руку съ Маріей Луизой. У подѣзда встрѣтили его Меттерникъ и оба Шварценберга и проводили его черезъ парадныя комнаты дворца. За ними шла блестящая свита придворныхъ дамъ, адъютантовъ и камергеровъ. При вступленіи императора въ залу оркестръ заигралъ триумфальный маршъ. Эгбертъ, стоя недалеко отъ эстрады, приготовленной для императорской фамилии могъ удобно разглядѣть новобранныхъ и слѣдить за ихъ шествіемъ по залѣ.

Марія Луиза представляла собою типъ нѣмецкой красавицы: полная, съ бѣлокурыми волосами, добродушнымъ и почти дѣтскимъ вы-

раженіемъ лица, которое представляло странный контрастъ съ суровою наружностью Наполеона. Онъ окинулъ залу своимъ мрачнымъ взглядомъ и, слегка кивнувъ головой хозяину дома, казалось сдѣлалъ ему какое то одобрительное замѣчаніе. Но лицо его оставалось неподвижнымъ; даже тѣнь улыбки не смягчала его.

Пройдя половину залы императоръ замѣтно ускорилъ шаги. Публика почтительно разступалась передъ нимъ на обѣ стороны. Онъ холодно отвѣчалъ на поклоны и мимоходомъ говорилъ нѣсколько словъ тому или другому лицу. пышныя празднества утомляли его, потому что налагали на него извѣстное принужденіе.

Когда императорская чета приблизилась къ эстрадѣ, Эгбертъ поспѣшно удалился съ своего мѣста и всталъ за рядами стульевъ. За императрицей шла Антуанета во всей своей горделивой красотѣ. Эгбертъ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ ея лица, но онъ не увидѣлъ въ немъ и тѣни той грусти, которая поразила его при ихъ встрѣчѣ въ Тюльерійскомъ саду и вызвавъ воспоминаніе о прошлыхъ дняхъ наполнило его душу чувствомъ блаженства и горя. Эта холодная красавица съ ниткой жемчуга на лебединой шеѣ и съ брилльянтовой діадемой, усыянной рубинами на пышныхъ волосахъ, не имѣла ничего общаго съ заплаканной печальной дѣвушкой, такъ дружелюбно разговаривавшей съ нимъ. Жесткое выраженіе ея глазъ произвело непріятное впечатлѣніе на Эгберта.

„Она вѣроятно сѣрдится на тебя за то, что ты осмѣлился принять на себя роль совѣтника и уже дала свое согласіе на бракъ, который ей былъ ненавистенъ. Зачѣмъ желалъ ты встрѣчи съ нею? спрашивалъ себя Эгбертъ. Вблизи этого Люцифера должны замолкнуть всѣ человѣческія чувства. Можетъ быть она уже раскаялась въ томъ, что повѣрила тебѣ тайну своего сердца.

Эгберту было невыносимо оставаться въ залѣ и онъ рѣшилъ пробраться въ садъ. Но многіе уже предупредили его въ этомъ намѣреніи, такъ какъ жара въ залѣ увеличивалась съ минуты на минуту. У главнаго входа его остановила толпа публики.

— Возьмите и меня съ собой, г-нъ Геймвальдъ, сказалъ кто-то на нѣмецкомъ языкѣ съ иностраннымъ акцентомъ.

Эгбертъ вздрогнулъ, услыхавъ знакомый голосъ и оглянулся.

Онъ увидѣлъ маркиза Цамбелли.

— Садъ этотъ открытъ для всѣхъ гостей, отвѣтилъ онъ уклончиво.

Они опять стояли другъ передъ другомъ. Эгбертъ вспомнилъ ихъ первую встрѣчу въ гостинной замка Зебургъ. Но еще мрачнѣе смотрѣли впалые глаза Витторіо. Бессонныя ночи, проведенныя въ тяжелыхъ размышленіяхъ оставили свой слѣдъ на его блѣдномъ, суровомъ лицѣ. Невольный ужасъ охватилъ Эгберта. Онъ не боялся нападенія со стороны маркиза, но его душа содрагалась отъ соприкосновенія съ человѣкомъ, котораго онъ ненавидѣлъ и презиралъ въ

одно и то же время. Неужели эта темная фигура будетъ вѣчно преслѣдовать его и онъ только тогда избавится отъ нея, когда послѣдуетъ мщеніе убійцѣ за смерть Жана Бурдона?

— Разумѣется, садъ открытъ для всѣхъ, отвѣтилъ съ принужденной улыбкой Цамбелли, но въ моемъ вопросѣ заключалась просьба наслаждаться имъ въ вашемъ обществѣ.

Эгбертъ былъ въ нерѣшимости, что отвѣтить ему, но онъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Дероне, который одобрительно кивнулъ ему головой.

Эгбертъ молча поклонился. Маркизь Цамбелли, принявъ это за знакъ согласія, подошелъ къ нему.

Выходя изъ залы они оба невольно взглянули на эстраду. За кресломъ Маріи Луизы стояла Антуанета. Лица ея не было видно; она наклонилась къ императрицѣ и шепнула ей что-то на ухо. Марія Луиза весело засмѣялась. Наполеонъ стоялъ возлѣ своей супруги, заложивъ руки за спину по своему обыкновенію.

Но вотъ хозяинъ дома подвелъ къ нему одного изъ гостей, съ которымъ его величество желалъ познакомиться. Антуанета вздрогнула, увидя его и быстро подняла голову. На лицѣ ея выразился испугъ и чувство стыда съ безсильнымъ гнѣвомъ.

— Это графъ Вольфсеггъ! воскликнули въ одинъ голосъ Эгбертъ и Цамбелли.

— Да, чудныя дѣла творятся на свѣтѣ! сказалъ Дероне, который очутился возлѣ нихъ. Императоръ разговариваетъ съ графомъ Вольфсеггъ! Сегодня день сюрпризовъ! Я былъ за кулисами. Готовится театральное представленіе. Посмотримъ какъ оно сойdetъ!..

Цамбелли не обратилъ никакого вниманія на слова полицейскаго чиновника. Глаза его были устремлены на двухъ людей, разговаривавшихъ на эстрадѣ. Ему казалось, что онъ явственно слышитъ, какъ они произносятъ его имя. Только натискъ толпы, стремившейся въ садъ пробудилъ его изъ задумчивости. Эгбертъ, не дожидаясь его сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Дероне исчезъ.

Въ саду подъ деревьями вѣяло вечерней прохладой. Уже былъ одиннадцатый часъ ночи. Аллеи были ярко освѣщены разноцвѣтными фонарями, но въ чащѣ деревь, въ кустахъ и полукруглыхъ бесѣдкахъ, гдѣ были устроены скамьи для отдыха, царствовалъ пріятный полумракъ. Въ разныхъ мѣстахъ сада разставлены были группы музыкантовъ, которые наигрывали тихія, едва слышныя мелодіи. На широкомъ лугѣ посреди сада былъ устроенъ небольшой театръ; только немногіе знали, въ чемъ будетъ состоять представленіе. Эта неизвѣстность еще больше привлекала публику.

Всѣ гулявшіе въ саду стремились сюда, такъ какъ всякій хотѣлъ заблаговременно занять лучшее мѣсто. Для ихъ величествъ и нѣсколькихъ избранныхъ особъ были поставлены кресла передъ самой сценой.

Эгбертъ также направилъ свои шаги къ театру, такъ какъ по- нялъ изъ словъ Дероне, что онъ долженъ привести сюда Цамбелли. Нечего было бояться сопротивленія со стороны маркиза. Онъ маши- нально шелъ по аллеѣ и казалось обдумывалъ послѣдствія своей бесѣды съ Эгбертомъ, прежде чѣмъ заговорить съ нимъ.

Со времени смерти Кристель онъ не зналъ ни минуты спокой- ствія. Когда несчастная упала изъ окна, у него едва не вырвался крикъ радости. Онъ былъ избавленъ отъ единственнаго очевидца его преступленія. Съ какими бы обвиненіями не явились противъ него враги его теперь, все это останется въ области предположеній, по- тому что ни одинъ смертный не можетъ теперь сказать на судѣ: „вотъ убійца! я самъ видѣлъ, какъ онъ застрѣлилъ Жана Бурдона“! Но то, что онъ считалъ своимъ освобожденіемъ сдѣлалось для него источникомъ нескончаемыхъ мученій. Гдѣ бы онъ ни былъ, одинъ или въ обществѣ, образъ Черной Кристель упорно преслѣдовалъ его.

Газеты каждый день рассказывали ея исторію съ новыми варіа- ціями. Весь Парижъ былъ занятъ ею. Никто не называлъ имени маркиза Цамбелли, слѣдовательно не только Антуанета, но даже Эг- бертъ не сочли нужнымъ сообщить публикѣ объ его отношеніяхъ къ Кристель. Тѣмъ не менѣе всѣмъ было извѣстно его сватовство къ Антуанетѣ и у многихъ явилось подозрѣніе, что онъ знаетъ объ этой исторіи больше, чѣмъ желаетъ показать это. Цамбелли не могъ избѣ- жать вопросительныхъ взглядовъ и намековъ, которые дѣлались съ ливнымъ намѣреніемъ разсердить его или въ надеждѣ что онъ из- мѣнитъ своей тайнѣ. У него не было никакого оружія для защиты; онъ долженъ былъ съ видимымъ равнодушіемъ принимать эти уколы кинжала въ его сердцѣ, находясь въ постоянномъ страхѣ обнаружить свои ощущенія какимъ нибудь неосторожнымъ словомъ или выраже- ніемъ лица.

Всѣ его попытки вывѣдать что либо отъ Антуанеты окончились полной неудачей. Маркиза де Гонревиль не принимала его подъ предлогомъ болѣзни; на свои письма онъ не получалъ никакого от- вѣта. Старый маркизъ Мартиньи обходился съ нимъ съ ледяной холодною и не смотря на всѣ уловки Витторіо упорно избѣгалъ всякаго объясненія.

Еще загадочнѣе казалось ему обращеніе императора. Наполеонъ, противъ ожиданія не сдѣлалъ ему ни одного вопроса и даже ни разу не упомянулъ о встрѣчѣ Антуанеты съ нищей, хотя конечно имѣлъ объ этомъ самыя подробныя свѣдѣнія. Онъ какъ будто не хотѣлъ и слышать о приключеніи въ Тюльерійскомъ саду и однажды въ присутствіи Цамбелли нахмурилъ брови, когда кто-то указалъ ему на газетную статью, гдѣ краснорѣчиво рассказывалась исторія бѣдной Кристель.

Маркизъ чувствовалъ себя какъ бы посаженнымъ въ темную, безъ- исходную тюрьму. Страхъ, котораго онъ прежде никогда не испыты-

валь, рисоваль ему фантастическія картины ужаса. Рядъ вопросовъ беспокоилъ его. Что сказали Эгбертъ Антуанетт? Насколько ему известна тайна смерти Жана Бурдона и не сообщалъ ли онъ еще кому нибудь своихъ догадокъ? Не подозрѣвалъ ли онъ причину трагическаго конца Черной Кристель?

Витторіо былъ теперь богатъ и занималъ слишкомъ видное положеніе въ свѣтѣ, чтобъ уступить поле безъ борьбы. Когда онъ былъ бѣднымъ и малоизвѣстнымъ искателемъ приключеній, ему было легко обратиться въ бѣгство и слиться на время съ безымянной массой. Но теперь онъ дорожилъ своими помѣстями и достигнутыми почестями. Онъ не хотѣлъ терять ихъ, не желалъ отказаться отъ чего бы то ни было, даже отъ своихъ притизаній на руку Антуанеты. Онъ не могъ дать себѣ отчета: ненавидитъ ли онъ ее или имъ руководить желаніе обладать ею?

Страсть отуманивала его чувства, парализовала умъ и волю.

— Г-нъ Геймвальдъ, сказалъ онъ по нѣмецки, чтобы проходившіе около нихъ не могли понять его словъ, я долженъ сдѣлать вамъ признаніе.

— Мнѣ маркизь! Хотя мы нѣсколько разъ встрѣчались съ вами въ военное и мирное время, но я не могу представить себѣ какого рода признанія я могу услышать отъ васъ. Мнѣ кажется, что я не имѣю на это ни малѣйшаго права.

— Да, г-нъ Геймвальдъ, я вынужденъ явиться передъ вами въ качествѣ собственнаго обвинителя. Дѣло касается Черной Кристель; прошу спокойно выслушать меня. Бѣдная дѣвушка влюбилась въ меня. Въ одну злополучную ночь я настолько потерялъ голову, что увезъ ее изъ вашего дома. Это былъ дурной, непростительный поступокъ, какъ относительно несчастной, такъ и васъ г-нъ Геймвальдъ. Солдаты многое позволяютъ себѣ во время похода... Разумѣется не достойно развитого человѣка оправдывать себя безнравственностью другихъ. Связь наша окончилась, какъ всѣ подобныя связи. Мы разстались послѣ одной крупной ссоры. Конечно, и въ этомъ случаѣ наибольшая вина была на моей сторонѣ. Подъ вліяніемъ гнѣва и пресыщенія слишкомъ поздно явился во мнѣ сознаніе, что я во всякомъ случаѣ обязанъ позаботиться о судьбѣ покинутой мною дѣвушки.

— Вы правы, замѣтилъ съ горечью Эгбертъ, не мѣшало бы раньше вспомнить о ней.

— Можетъ быть все обошлось бы самымъ благополучнымъ образомъ, если бы мы опять встрѣтились съ нею, продолжалъ невозмутимымъ голосомъ Цамбелли. Но я не нашелъ ее на прежней квартирѣ и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ отказался отъ дальнѣйшихъ поисковъ, зная, какъ скоро исчезаетъ слѣдъ всякой пропавшей дѣвушки въ этомъ громадномъ городѣ. Наконецъ газеты, описавшія исторію нищей въ Тюльерійскомъ саду, объяснили мнѣ многое.

Сердце мое облилось кровью при этомъ извѣстїи... Не считайте меня безчувственнымъ, мосье Геймвальдъ! Хотя судьба болѣе закалила меня, нежели васъ, но я также горько оплакиваю смерть этой несчастной, какъ и вы.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ Эгбертъ, возмущенный наглостью Цамбелли. Но я все таки желалъ бы знать, что прикажете вы дѣлать мнѣ съ вашимъ признаніемъ и раскаяніемъ? Я не думалъ требовать отъ васъ ничего подобнаго. На сколько мнѣ извѣстно, такого рода поступки не портятъ карьеры офицера и не налагаютъ пятна на дворянскій гербъ.

— Тонъ, съ которымъ вы говорите это, г-нъ Геймвальдъ, суровѣе вашихъ словъ. Я могъ бы въ свое оправданіе сослаться на отсутствіе воли, силу страсти, но дѣло отъ этого не выиграло бы ни на волосъ въ вашихъ глазахъ. Вы можете быть удивляетесь, почему я заговорилъ съ вами объ этомъ? Но эта несчастная, очутившись въ Вѣнѣ, не имѣла ни родныхъ ни знакомыхъ. Вы замѣнили ей отца и брата, приняли ее въ свой домъ. Если это нибудь изъ людей имѣетъ право обвинять меня за Кристель, то это вы! Я чувствовалъ неудержимую потребность высказаться передъ вами, чтобы вы не судили обо мнѣ ложно.

Эгбертъ съ трудомъ сдерживалъ свое негодованіе и только мыслъ о томъ, что онъ находится въ обществѣ остановила его.

— Я вовсе не ложно судилъ о васъ, маркизъ, сказалъ онъ съ холодною вѣжливостью. Этотъ разговоръ во всякомъ случаѣ мнѣ кажется неумѣстнымъ. Наши принципы слишкомъ расходятся чтобы мы могли понять другъ друга. Я не имѣю никакого желанія судить о вашихъ поступкахъ.

— Но если какая нибудь дорогая вамъ особа, спросить ваше мнѣніе обо мнѣ, напримѣръ маркиза Гондревилль?..

— Какъ прикажете понимать вашъ вопросъ, маркизъ Цамбелли? Если это своего рода требованіе, то я не понимаю, зачѣмъ вся эта комедія раскаянія, которую вы разыграли предо мной. Не думаете ли вы, что я очернилъ васъ передъ маркизой Гондревилль? Достаточно было указать ей на одинъ фактъ изъ вашего прошлаго.

— Изъ моего прошлаго? спросилъ Цамбелли.

— Развѣ вы забыли смерть Жана Бурдона? отвѣтилъ Эгбертъ.

Увѣренность, что Эгберту извѣстенъ фактъ убійства и ему нечего ждать отъ него пощады, возвратила спокойствіе и самообладаніе маркизу.

— Такого рода обвиненія требуютъ удовлетворенія! сказалъ онъ, поднявъ голову.

— Я къ вашимъ услугамъ...

Въ этотъ моментъ въ садъ раздались громкіе звуки музыки.

Императоръ съ императрицей вступили въ садъ.

Въ главныхъ аллеяхъ зажглись триумфальныя арки, заблестѣли

надписи „Vive l'Empereur“ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за секунду передъ тѣмъ былъ полный мракъ. Ракеты, пестрые огненные шары, бураки полетѣли на воздухъ при громкихъ крикахъ толпы передъ дворцомъ и веселыхъ возгласахъ общества собравшагося въ саду.

Подъ яснымъ ночнымъ небомъ, среди зелени деревъ исчезла принужденность господствовавшая въ залѣ; казалось всѣ почувствовали себя легко и свободно въ полумракѣ. Это вѣроятно придало смѣлость одной дамѣ, взять Эгберта за руку и увлечь его за собою. Онъ могъ только замѣтить, что она въ домино. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они подошли къ двери, ведущей въ театръ. Удивленный Эгбертъ очутился на сценѣ. Лампы были зажжены; все было почти готово къ началу представленія. Дероне разставлялъ пожарныхъ; нѣкоторыя изъ актрисъ смѣялись, указывая другъ другу на молодого офицера изъ-за кулисъ.

Прежде чѣмъ Эгбертъ успѣлъ опомниться, таинственная дама сбросила съ себя домино.

— Отвѣчайте на одинъ вопросъ, сказала она со смѣхомъ, — и вы свободны. Скажите: кто я?

— Кристель!... Зефирина!

— Bravo! воскликнула маленькая танцовщица, хлопая въ ладоши, значить я дѣйствительно похожа на ту цыганку, которая выбросилась изъ окна. На извѣстномъ разстояніи сходство будетъ еще поразительнѣе.

— Что это значитъ?

— Спросите у Дероне. Я должна изображать въ балетѣ цыганку. „Одѣнь коричневую юбку, мое сокровище, сказалъ онъ, — въ Австріи всѣ цыганки носятъ такія юбки, да естатіи завей волосы. Между зрителями будетъ одинъ человѣкъ, который любилъ смуглую дѣвушку“... Я убѣждена, что это вы мосье Гаймвальдъ.

— Я? съ чего это вамъ пришло въ голову?

— Пожалуйста не отрекайтесь. Вотъ вы тотчасъ узнали ту дѣвушку въ этомъ отвратительномъ нарядѣ. Къ Зефиринѣ вы всегда были равнодушны.

— По мѣстамъ! крикнулъ режиссёръ. — Мадемуазель Зефирина уйдите за кулисы.

Эгбертъ едва успѣлъ поцѣловать ей руку. Дероне увелъ его.

Музыканты въ это время уже настраивали свои инструменты.

Пріятели вышли въ садъ.

— Я убѣжденъ, что появленіе мнимой Кристель произведетъ потрясающее впечатлѣніе на маркиза Цамбелли, сказалъ Дероне.

— Напрасно вы рассчитываете на это, возразилъ Эгбертъ. — Онъ только что сдѣлалъ мнѣ признаніе въ своей бывшей связи съ Кристель и притомъ самымъ циническимъ образомъ.

— Онъ все сказалъ вамъ?

— Онъ сознался въ томъ, что соблазнилъ несчастную дѣвушку, а потомъ бросилъ ее. Если дѣйствительность не произвела на него

никакого впечатлѣнія, то что можетъ сдѣлать ея блѣдное отраженіе на сценѣ? Онъ отвернется и уйдетъ, не дождавшись конца представленія.

— Я не сталъ бы спорить противъ этого, если бы дѣло шло только о томъ, что онъ обманулъ и покинулъ дѣвушку. Но тутъ замѣшана шляпа, мой другъ...

Въ это время князь Шварценбергъ подвелъ своихъ гостей къ театру. Марія-Луиза по знаку Наполеона сѣла на приготовленное ей мѣсто. Онъ самъ еще стоялъ, разговаривая съ графомъ Вольфсеггъ. Праздникъ не занималъ его; въ манерахъ и въ выраженіи его лица можно было ясно прочесть: къ чему всѣ эти пустяки и дѣтскія забавы! Нѣкоторые изъ отвѣтовъ графа Вольфсегга заинтересовали его; онъ намѣренно завелъ съ нимъ продолжительный разговоръ, частью изъ самолюбиваго желанія расположить его въ свою пользу, отчасти съ тою цѣлю, чтобы въ лицѣ графа высказать свою милость къ австрійцамъ.

— Между нѣмцами и мною существуетъ недоразумѣніе, сказалъ Наполеонъ. — Я не желаю ни вредить имъ, ни уничтожать ихъ національности. У всѣхъ насъ только два врага: Англія и Россія. Англичане захватили въ свои руки торговлю цѣлаго міра и эксплуатируютъ въ свою пользу Европу, Азію и Америку. Я отстаиваю свободу морей. Развѣ для васъ это не имѣетъ такое же значеніе, какъ и для французовъ? Съ этой цѣлю я совершилъ походъ въ Египетъ и проникну въ Индію.

— При этомъ ваше императорское величество на пути къ Гангу выберетъ Москву промежуточнымъ пунктомъ...

— Да, это будетъ удобно во всѣхъ отношеніяхъ. Мои планы противъ Англіи не удались, вслѣдствіе неспособности и недоброжелательства людей, которые не могли или не хотѣли понять меня. Увѣряютъ, что нельзя создать флотъ въ короткое время. Пустяки! Все возможно тамъ, гдѣ есть сила и могучая воля! Но я одинъ; господствуя на сушѣ я долженъ быть въ зависимости отъ другихъ людей на морѣ. Повѣрьте, графъ, война съ Россіей необходима.

— Я самъ убѣжденъ въ томъ ваше величество! сказалъ графъ тономъ, въ которомъ слышалась едва уловимая иронія.

— Россія съ своими казаками угрожаетъ новымъ нашествіемъ. Неудержимо расширяетъ она свои предѣлы на югъ и на востокъ. Меня упрекаютъ въ стремленіи къ завоеваніямъ, но настоящій преемникъ Тамерлана въ Петербургѣ. Съ вашей стороны была сдѣлана непростительная глупость — это раздѣлъ Польши. Но этого уже не вернешь. Если Франція и Германія будутъ дѣйствовать за одно, то они могутъ положить предѣлъ алчности русскихъ. Въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ я могъ бы раздѣлить міръ съ Александромъ I. За обладаніе Константинополемъ онъ пожертвовалъ бы и своимъ другомъ прусскимъ королемъ и вашимъ императоромъ. Но я не хочу имѣть

ничего общаго съ нимъ. Я отстаиваю цивилизацію Европы и нѣмцы должны помогать мнѣ въ этомъ. Я отброшу русскихъ въ ихънеобработанныя степи, на Уралъ... Европа будетъ навсегда избавлена отъ того страха, который ей внушаютъ русскіе...

— Но мнѣ кажется, ваше величество, что для исполненія такихъ грандіозныхъ плановъ потребуется слишкомъ много времени.

— Много времени! возразилъ съ усмѣшкой Наполеонъ.—Мнѣ всего сорокъ лѣтъ. Въ два года мои приготовленія къ походу будутъ окончены, а до этого обнаружится, желаетъ ли Александръ I жить со мною въ мирѣ. Въ Петербургѣ встрѣчаютъ моихъ враговъ съ распростертыми объятіями. Въ совѣтѣ царя главную роль играютъ авантюристы, бунтовщики, прусскіе офицеры, подкупленные Англіей. Не понимаю, на что надѣются русскіе? Можетъ быть вы объясните мнѣ это?

— Россія представляетъ собою особый міръ. Она страшна не своими пушками и людьми, а своей пустынною и пространствомъ.

— Пространство не существуетъ для моей конницы.

— Можетъ быть царь убѣжденъ въ противномъ.

— Вы считаете походъ въ Россію опаснымъ? Но это мой послѣдній походъ. Послѣ этого Европа будетъ наслаждаться миромъ въ теченіи столѣтій. Вы кажется не разъ были моимъ противникомъ на полѣ битвы?

— Да, ваше величество.

— Къ счастью пули пощадили васъ. Но не даромъ погибло столько людей въ моихъ битвахъ! Моя цѣль была—создать великую имперію на подобіе римской, которая совмѣщала бы всѣ цивилизованные народы для охраны міра отъ варваровъ. Я хотѣлъ возстановить порядокъ, обезопасить науку, искусство, собственность. Вездѣ куда только проникли мои орлы я далъ народамъ новые, лучшіе законы. Потомки наши пожнутъ плоды моихъ трудовъ. Вотъ задача моей жизни... У васъ есть дѣти?

— Одна дочь, ваше величество.

— Которую вы вѣроятно выдадите замужъ за порядочнаго человека. Еще одинъ вопросъ, графъ Вольфсеггъ—вы родственникъ маркизы Гондревилль, фрейлины императрицы?

— Она моя племянница, ваше величество.

— Человѣкъ, оказавшій мнѣ большія услуги, маркизъ Цамбелли проситъ ея руки. Онъ разсчитывалъ на мое содѣйствіе, но разумѣется ваше мнѣніе въ настоящемъ случаѣ должно имѣть перевѣсъ.

— Вы слишкомъ милостивы, ваше величество, но Антуанета совершеннолѣтняя и я не считаю себя въ правѣ стѣснять ея волю.

— Но вамъ лично маркизъ не нравится? Что это за человѣкъ? Многіе старались очернить его въ моихъ глазахъ. Но все это бабья болтовня. Вы мужчина и отъ васъ я узнаю правду. Вы не отдали бы свою дочь за маркиза?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Почему? Не вслѣдствіи ли того, что онъ служитъ у меня и бросилъ изъ-за этого австрійскую службу?

— Нѣтъ, ваше величество! По своему происхожденію онъ всегда могъ считать себя вашимъ подданнымъ. Хотя въ военное время трудно быть слишкомъ строгимъ въ выборѣ людей и подобные люди бываютъ необходимы, но я не ожидалъ встрѣтить при дворѣ вашего величества человѣка, котораго вся Вѣна знаетъ какъ шпіона, и который замѣшанъ въ одномъ темномъ дѣлѣ...

— Вся Вѣна! повторилъ Наполеонъ, судорожно сжимая поля своей шляпы.

Графъ Вольфсеггъ ожидалъ взрыва его гнѣва, но онъ овладѣлъ собой и сказалъ съ презрительной усмѣшкой:

— Что дѣлать, графы! Нельзя управлять міромъ съ помощью философовъ, плуты необходимы намъ. Да развѣ народы въ сущности заслуживаютъ иныхъ порядковъ? Но разумѣется не слѣдуетъ держать при себѣ плутовъ, которые попадаютъ въ просакъ!..

Наполеонъ отвернулся и сѣлъ въ кресло. Хозяинъ воспользовался этимъ моментомъ и подалъ знакъ, чтобы подняли занавѣсъ.

Молодая императрица едва не вскрикнула отъ радости и противъ всякаго этикета протянула руку князю Шварценбергу.

Декорация изображала замокъ Лаксенбургъ, гдѣ Марія Луиза провела свое дѣтство.

Это тонкое вниманіе со стороны хозяина дома видимо понравилось Наполеону, такъ какъ на его губахъ появилась милостивая улыбка.

На сценѣ представленъ былъ праздникъ мира въ одной австрійской деревнѣ. Балетъ начался національными танцами, въ которыхъ принимали участіе венгры, чехи, цыгане, австрійскіе крестьяне и крестьянки. По окончаніи танцевъ, исполненныхъ съ живостью и граціей, вышла Зефирина, одѣтая цыганкой, въ коричневой юбкѣ, поразительно похожая на Кристель своей стройной фигурой, искусно гримированнымъ лицомъ и темными волнистыми волосами. Подходя то къ одному, то къ другому, она предсказывала будущее по линіямъ руки.

Въ это время, молодой стрѣлокъ, одѣтый въ полудеревенское, полугородское платьѣ упорно преслѣдовалъ ее своимъ ухаживаніемъ и дѣлалъ самые невѣроятные прыжки въ своей новомодной шляпѣ. Чтобы избавиться отъ него она бросилась изъ окна и лежала неподвижно какъ мертвая. Шляпа полетѣла за нею. Крестьянки и крестьяне сбѣжались на мѣсто происшествія. Наказаніе ожидало виновнаго, котораго узнали по шляпѣ; но тутъ цыганка встала со смѣхомъ; произошла сцена примиренія, выраженная въ танцахъ.

Эгбертъ простившись съ Зефириной не могъ пробраться впередъ и долженъ былъ встать съ боку, такъ что ему было удобнѣе наблюдать за публикой, нежели видѣть то, что дѣлалось на сценѣ.

Въ первомъ ряду сидѣла императорская чета. Марія Луиза съ беззаботностью молодости наслаждалась зрѣлищемъ. Добродушное лицо ея сіяло отъ удовольствія при видѣ знакомыхъ танцевъ, напоминавшихъ ея родину; шутки маленькой цыганки вызывали ея веселый смѣхъ. По временамъ она оборачивалась къ придворнымъ дамамъ чтобы обратить ихъ вниманіе на то, что дѣлалось на сценѣ и тѣ, въ угоду императрицѣ старались наперерывъ выразить свое удовольствіе. Одна Антуанета стояла неподвижно и казалось не обращала никакого вниманія на то, что окружало ее. Думала ли она о своей судьбѣ или вспоминала дни своей счастливой молодости? Нѣскольکو шаговъ отдѣляли ее отъ дяди, но между ними была непроходимая пропасть. О чемъ говорилъ съ нимъ такъ долго императоръ? По той разсѣянности, съ которой Наполеонъ смотрѣлъ на представленіе, вѣроятно разговоръ шелъ о предметахъ, близко интересующихъ его. Она знала, что на этомъ балѣ должна рѣшиться ея участь и чувствовала какъ холодѣло ея сердце.

Эгбертъ понималъ, почему Дероне хотѣлъ воскресить Кристель въ лицѣ Зефирины и вывести ее на сценѣ, но онъ не могъ объяснить себѣ смыслъ фарса со шляпой. Развѣ Дероне и Веньяминъ считаютъ Цамбелли виновнымъ въ смерти Кристель?

Всѣ старанія Эгберта уловить выраженіе лица Цамбелли оказались тщетными. Витторіо, сообразно своему положенію, сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора, но изъ предосторожности выбралъ себѣ мѣсто за деревомъ, которое на половину скрывало его. Здѣсь онъ былъ въ полной безопасности отъ любопытства публики, но могъ видѣть сцену до малѣйшихъ подробностей. Поблѣднѣлъ ли онъ при появленіи мнимой Кристель? Какъ подѣйствовала на него сцена съ шляпой? Одна только звѣзда, смотрѣвшая ему въ лицо сквозь вѣтки деревъ могла на это отвѣтить.

Но за его кресломъ стоялъ человекъ, который слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ.

Это былъ Дероне.

— Несчастная шляпа!—пробормоталъ полицейскій комиссаръ.— Она служитъ уликой своему господину. Послѣ этого начнешь бояться собственныхъ вещей! Неправда-ли? добавилъ онъ, обращаясь къ маркизу Цамбелли.

— Тѣмъ болѣе, возразилъ хладнокровно маркизъ, когда потеряешь ее, какъ это случилось со мной нѣсколько дней тому назадъ.

— И когда найдетъ ее полиція....

Цамбелли оглянулся. Онъ узналъ человека, который такъ назойливо вмѣшивался въ его разговоръ съ Эгбертомъ.

— Кто вы такой? Шляпочникъ или нѣчто другое? Не отдаете ли вы на прокатъ маскарадныхъ нарядовъ?

— Нѣтъ, но я имѣю счастье находить потерянные вещи—набадашники палокъ и шляпы.

— Этимъ занимаются только ветошники! Въ качествѣ адъютанта его императорскаго величества я спрашиваю васъ: по какому праву вы находитесь здѣсь?

— По тому праву, что я полицейскій комиссаръ Дероне.

Цамбелли презрительно кивнулъ головой и отвернулся, дѣлая видъ, что считаетъ ниже своего достоинства говорить съ подобными людьми.

Но выказанное имъ презрѣніе служило только средствомъ, чтобы скрыть испугъ, охватившій его душу. Онъ чувствовалъ себя опутаннымъ со всѣхъ сторонъ людьми, которые повидимому поставили себѣ задачей погубить его. Но это состояніе безпомощности продолжалось всего одинъ моментъ. Теперь онъ зналъ, гдѣ была опасность и это возвратило ему мужество; болѣе чѣмъ когда нибудь онъ хотѣлъ жить и наслаждаться, на зло своимъ врагамъ. Возможность близкаго паденія только усиливала его желаніе остаться на высотѣ своего величія.

Балетъ кончился при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Немного погодя начался фейерверкъ, въ которомъ не было недостатка въ символическихъ восхваленіяхъ императора и его молодой супруги, въ видѣ орловъ съ распростертыми крыльями, лестныхъ надписей изъ разноцвѣтныхъ огней и т. п.

Тяжелое состояніе духа оставило князя Шварценберга. Онъ вздохнулъ свободнѣе.

— Слава Богу! сказалъ онъ подходя къ графу Вольфсеггу. Самое трудное кончилось. Императоръ уѣдетъ послѣ первыхъ танцевъ. Тогда пусть молодежь веселится сколько ей угодно. Его присутствіе стѣсняетъ всѣхъ. Кстати, Наполеонъ долго разговаривалъ съ вами. Не сообщалъ ли онъ вамъ о своихъ новыхъ планахъ?

— Ему уже представляется, что онъ сидитъ на лошади и ѣдетъ черезъ русскую степь, отвѣтилъ съ улыбкой графъ Вольфсеггъ.

Фейерверкъ кончился. Все общество по приглашенію князя вернулось въ танцевальную залу.

Цамбелли удалось, наконецъ, подойти къ Антуанетѣ.

— Выслушайте меня, сказалъ онъ настойчиво, удерживая ее за кисти ея шали.

— Что вамъ угодно, маркизь?

— Я люблю васъ, Антуанета. Быть можетъ это безуміе... Вы отвергли мое предложеніе, но вы должны принадлежать мнѣ, хотя бы всѣ силы ада были противъ меня. Не отвѣчайте мнѣ, кивните только головой въ знакъ согласія и мы уѣдемъ съ вами въ Италію, Англію, куда вы захотите.

— Не для того ли, чтобы убѣжать отъ тѣни Жана Бурдона?

Его рука судорожно сжала кисти шали. Онъ не отшатнулся отъ нея, но еще больше наклонился къ ней; она чувствовала его горячее дыханіе у своего лица. Хочетъ ли онъ поцѣловать ее или убить?

— Вы не поняли моего намѣренія, Антуанета, шепнулъ онъ ей на ухо. Мы уѣдемъ отсюда, чтобы возстановить честь любовницы Наполеона.

Антуанета вскрикнула и едва успѣла ухватиться за ближайшую колонну, такъ какъ ноги отказывались служить ей.

Цамбелли исчезъ въ толпѣ.

Императоръ въ это время входилъ въ залу съ своей супругой. Услыхавъ крикъ Антуанеты, онъ быстро оглянулся, но не сказалъ ни одного слова. Только въ залѣ, когда Антуанета очутилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, онъ подошелъ къ ней. Всѣ отступили отъ него, на сколько позволяло приличіе, такъ какъ никто не хотѣлъ подслушивать ихъ разговора.

Слуги въ это время разносили десертъ. Оркестръ игралъ веселую прелюдію къ танцамъ.

— Какъ вы блѣдны, Антуанета! сказалъ Наполеонъ вполголоса. Что съ вами случилось?

— Маркизь Цамбелли...

— Вы отняли у него послѣднюю надежду. Такъ и быть, я беру назадъ свое слово. Ваши родные не желаютъ этого брака. Говорили вы съ вашимъ дядей?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Онъ отличный человѣкъ! Вы должны уѣхать съ нимъ на нѣкоторое время въ Германію, къ вашей матери.

— Ваше величество!..

— Вашъ отказъ и несчастная исторія съ нищей произвели дурное впечатлѣніе на общество. Весь Парижъ говоритъ объ этомъ. Мнѣ это крайне непріятно. Такіе же слухи и сплетни подали поводъ къ насмѣшкамъ надъ Бурбонами и ускорили ихъ паденіе. Вашъ отъѣздъ заставитъ ихъ замолчать. Всякіе скандалы легко забываются въ Парижѣ. Когда вы опять вернетесь сюда, никто не напомнитъ вамъ больше объ этихъ вещахъ. Я желаю вамъ добра, Антуанета. Вамъ нуженъ другой воздухъ и другіе люди; здѣсь все волнуетъ васъ.

Ей хотѣлось сказать ему:—Ты одинъ, жестокій человѣкъ, можешь успокоить меня и дать мнѣ счастье, или довести до отчаянія! Но слова замерли на ея губахъ. Она видѣла два мрачныхъ, неумолимыхъ глаза, устремленныхъ на нее, въ которыхъ не было и тѣни любви и нѣжности.

— Да, я понимаю, чего вы желаете отъ меня, сказала она беззвучнымъ голосомъ.

— Надѣюсь, что вы не истолкуете въ дурную сторону моихъ намѣреній. Ваше сердце идетъ въ разрѣзъ съ разумомъ. Этого не должно быть, Антуанета. Вы слишкомъ серьезно смотрите на жизнь. Прійдетъ время, когда вы иначе отнесетесь къ своему прошлому. Предоставьте мнѣ помирить васъ съ вашими родственниками.

Наполеонъ видѣлъ, что напрасно тратить время, убѣждая ее,

такъ какъ она молча стояла передъ нимъ, какъ мраморная статуя и, казалось, еще болѣе каменѣла отъ его словъ. Онъ уже началъ терять терпѣніе, но къ своему удовольствію замѣтилъ Эгберта среди проходившихъ мимо него людей, изъ которыхъ каждый раскланивался передъ нимъ на почтительномъ отдаленіи.

— Капитанъ Геймвальдъ! крикнулъ онъ громкимъ голосомъ.

Онъ не помнилъ ни одного случая въ своей жизни, когда такъ кстати являлся къ нему человѣкъ, чтобы вывести изъ затруднительнаго положенія.

Императрица въ это время разговаривала съ молодой княгиней Шварценбергъ, но услыхавъ нѣмецкую фамилію невольно оглянулась.

— Очень радъ видѣть васъ въ Парижѣ, капитанъ Геймвальдъ, сказалъ Наполеонъ, отвѣчая на поклонъ Эгберта. Надѣюсь, мы теперь друзья съ вами.

Эгбертъ, вмѣсто отвѣта поклонился еще разъ.

Madame, продолжалъ Наполеонъ, взявъ за руку Марію Луизу, — прошу васъ удостоить своимъ вниманіемъ этого молодого человѣка изъ Вѣны. Отъ него я впервые услышалъ ваше имя... отъ него и маркизы Гондревилль. Не считаю нужнымъ представлять его вамъ, маркиза. Вы не только соотечественники, но кажется и хорошіе знакомые. Вы вѣрно желаете поговорить другъ съ другомъ. Я ожидалъ отъ васъ, капитанъ, большей находчивости съ дамами. Вы были проворнѣе при Аспернѣ. Императрица подтвердитъ это. А вы, князь, распорядитесь насчетъ танцевъ. Иначе молодежь будетъ на меня сердиться.

Марія Луиза, улыбаясь, кивнула головой Эгберту и сказала нѣсколько словъ, которыхъ онъ не разслышалъ; взявъ подъ руку своего супруга, она направилась къ эстрадѣ, гдѣ стояли назначенныя для нихъ кресла.

Пары одна за другой становились по своимъ мѣстамъ. Неаполитанская королева съ княземъ Эстергази и вице-король Евгенийъ съ молодой княгиней Шварценбергъ — невѣсткой посланника, открыли балъ.

Пробило полночь.

Что-то ошьяняющее было въ нѣжныхъ, ласкающихъ звукахъ музыки, въ блескѣ и шумѣ праздника. Эгберту казалось, что онъ видитъ сонъ. Опять явилось передъ нимъ прекрасное, свѣтлое видѣніе, такъ часто посѣщавшее его во время юношескихъ грезъ. Придворная жизнь научила ее скрывать свое горе. Она стояла стройная и величественная, съ діадемой на волосахъ; бѣлое платье придавало ей видъ жрицы.

— Антуанета... пробормоталъ Эгбертъ.

Но что это... видъ ли танцующихъ? Все какъ будто кружилось вокругъ него.

— Мы должны повиноваться, сказала она съ горькой усмѣшкой,

взявъ его подъ руку.—Этотъ человѣкъ хочетъ распоряжаться даже нашей радостью, нашимъ счастьемъ. Развѣ онъ можетъ дать кому нибудь счастье! Исполнимъ его приказаніе... Въ послѣдній разъ...

Эбертъ провелъ ее нѣсколько шаговъ по залѣ. Она пошатнулась; едва сдерживаемыя рыданія душили ее.

— Нѣтъ, я еще не могу танцовать; подождемъ слѣдующаго танца, сказала она, сдѣлавъ надъ собой усиліе.

— Вамъ нездоровится, Антуанета. Пойдемте лучше въ садъ. Свѣжій воздухъ освѣжитъ васъ.

— Нѣтъ, мы будемъ танцовать. Мы еще никогда не танцовали съ вами. Теперь мнѣ легче; это сдѣлалось отъ жары... Вамъ разумѣется танцы не доставятъ никакого удовольствія, такъ какъ здѣсь нѣтъ Магдалены. Когда вы оба будете наслаждаться счастьемъ, не забывайте меня. Мнѣ иногда представляется, что я немного способствовала вашему счастью, такъ какъ остановила васъ въ тотъ моментъ, когда и вы стремились взлетѣть на высоту. Но на высотѣ насъ ждетъ одиночество и холодъ, леденящій холодъ...

— Императоръ говорилъ съ вами? Что, онъ все еще настаиваетъ на этомъ злополучномъ супружествѣ?

— Напротивъ! Я окончательно избавилась отъ этого; императоръ высылаетъ меня въ Германію къ моей матери...

— Въ Германію! къ намъ! Какое счастье для всѣхъ насъ! И вы говорите это съ такимъ печальнымъ лицомъ, Антуанета! Неужели родина, воспоминанія молодости, мы всѣ, которые любимъ и уважаемъ васъ, ничто для васъ, сравнительно съ этимъ человѣкомъ!

— Не говорите мнѣ объ уваженіи, сказала она блѣднѣя.—Если бы можно было стереть что либо съ доски жизни, то я отъ всей души хотѣла бы опять очутиться около моего любимаго озера или прямо съ этого праздника броситься въ его прозрачныя волны и пойти ко дну.

— Что за мысли! Вы нравственно больны и въ этомъ виноваты Парижъ и придворная жизнь. Пріѣзжайте къ намъ и вы избавитесь отъ непріятныхъ впечатлѣній, которыя гнетутъ васъ, какъ тяжелый сонъ.

— Да, если бы это былъ сонъ! Какъ бы рада была я опять увидѣть мать, обнять ея колѣна; но теперь... это невозможно...

— Графъ Вольфсеггъ поможетъ вамъ своимъ посредничествомъ и примирить васъ съ матерью?

— Мой дядя и императоръ люди одного закала. У Наполеона одинъ кумиръ—онъ самъ; графъ Вольфсеггъ считаетъ честь выше всего на свѣтѣ. Какую цѣну имѣетъ для нихъ женщина? Каждый изъ нихъ безъ малѣйшаго состраданія принесетъ меня въ жертву своему кумиру. Какъ бы хорошо было намъ жить на свѣтѣ, если бы у насъ не было сердца!

— Къ чему такое отчаяніе, Антуанета? Жизнь постоянно наноситъ намъ раны, но она же и залечиваетъ ихъ.

— Кроткая душа! подумала Антуанета;—ты не извѣдалъ поцѣлуевъ демона!..

Начался экосезъ. Императорская чета намѣревалась въ то время обойти залу.

Наполеонъ всталъ съ своего мѣста.

— Пойдемте танцовать, воскликнула Антуанета, увлекая за собой Эгберта и судорожно сжимая его руку. — Я не хочу больше видѣть этого человѣка. Начинайте скорѣе. Какъ бы я хотѣла кружиться такъ до безконечности и умереть среди этой музыки, блеска, и веселья.

Безумный порывъ овладѣвшій ею, лишилъ и Эгберта сознанія дѣйствительности. Быстро унеслись они въ вихрь живого танца. Она прижималась къ нему; выбившіеся локоны ея волосъ ласкали его губы.

Сложивъ руки на спинѣ, Наполеонъ отошелъ за колонны галлерей чтобы не мѣшать танцующимъ. Онъ казался разсѣяннымъ. Двухлѣтній миръ, который только что начался и въ продолженіи котораго онъ думалъ заняться приготовленіями къ новой гигантской войнѣ уже началъ тяготить его. Онъ остановился на секунду и молча глядѣлъ на танцующихъ.

Узналъ ли онъ среди ихъ Антуанету по ея бѣлокурымъ развѣвающимся волосамъ?

— Маркизь Цамбелли! сказалъ онъ своимъ рѣзкимъ отрывистымъ голосомъ.

— Ваше величество! отвѣтилъ маркизь, поспѣшно подходя къ нему.

— Вы еще не получали извѣстій изъ Испаніи о вашемъ другѣ, полковникѣ Луазелѣ?

— Вашему величеству сдѣлано ложное донесеніе! Полковникъ Луазель никогда не былъ моимъ другомъ.

— Завтра утромъ вы отправитесь въ Мадридъ. Парижскій воздухъ вреденъ для васъ.

— Ваше величество...

— Или еще лучше, подайте въ отставку. Тогда толки объ васъ скоро умолкнутъ. Что вы считаете меня слѣпымъ, милостивый государь? Я охотно буду держать при себѣ каторжниковъ, но не глупцовъ, которые позволяютъ перехитрить себя.

— Ваше величество.

— Вы можете уйти!..

Весь этотъ разговоръ продолжался не болѣе минуты. Наполеонъ говорилъ вполголоса, ни разу не взглянувъ на маркиза; на лицѣ его не шевельнулся ни одинъ мускулъ.

Все помутилось въ глазахъ маркиза; но онъ устоялъ на ногахъ и отдавъ честь его величеству, отошелъ отъ него. Рука его инстинктивно схватилась за рукоятку сабли.

„Приколи его, мелькнуло въ головѣ Цамбелли, ты освободишь человѣчество отъ его худшаго врага и твое имя сдѣлается бессмертнымъ наравнѣ съ его именемъ!..“

— Пожаръ! Пожаръ! раздался громкій крикъ съ галереи, около которой стоялъ императоръ.

Внезапный порывъ сквозного вѣтра при открываніи дверей поднялъ одну изъ газовыхъ занавѣсей, прикрывавшихъ колонну галереи и набросилъ ее на свѣчи стѣнного канделябра. Въ тотъ же моментъ запылала воздушная ткань. Наполеонъ взглянулъ наверхъ. Стоявшій возлѣ него графъ Бентгеймъ, поспѣшно сорвалъ занавѣсъ и началъ гасить ее вмѣстѣ съ камергеромъ его величества, графомъ Дюмануаръ. Благодаря имъ огонь былъ скоро потушенъ. Наполеонъ бросилъ на нихъ дружескій взглядъ и мановеніемъ руки водворилъ порядокъ между окружающими его. Но въ то время, когда вниманіе всѣхъ было обращено на сорванную занавѣсъ, неожиданно загорѣлось у потолка, отъ искры, упавшей на драпировку. Быстро вспыхнула легкая, розовая кисея, обвивавшая верхній карнизъ галереи. Шипящее пламя охватило розетки и банты изъ газа и шелка, жадно пожирая длинныя цѣпи цвѣтовъ, извиваясь по нимъ вверхъ и внизъ. Вотъ оно дошло до потолка, пробралось въ пестрые обои—еще секунда и вся галерея была объята тысячами огненныхъ языковъ.

Но также весело раздавалась музыка, лаская слухъ; посреди залы продолжались оживленные танцы.

— Пожаръ! слышалось вновь въ праздничной толпѣ. Всѣ лица исказились отъ ужаса и отчаянія.

— Пожаръ! пожаръ! раздалось съ разныхъ сторонъ.

Возлѣ Наполеона стоитъ графъ Вольфсеггъ. Глаза ихъ встрѣтились. Не старается ли каждый прочесть выраженіе испуга на лицѣ другого?

Но также холодны и безстрастны какъ всегда глаза Наполеона. Онъ задумчиво смотритъ на пламя, какъ бы для того чтобы убѣдиться, что всякая попытка остановить пожаръ будетъ безуспѣшна. Нахмутивъ брови, онъ оглянулся на своихъ приближенныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ изъ боязни покушенія на жизнь императора со стороны нѣмцевъ или якобинцевъ, обнажили шпаги, но его взгляда было достаточно чтобы они опять вложили оружіе въ ножны. Медленно, чѣмъ было нужно чтобы доказать свою неустрашимость графу Вольфсеггъ и Шварценбергу, которые шли около него, императоръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по залѣ на встрѣчу своей супруги, которая спѣшила къ нему, дрожа отъ испуга. Онъ взялъ ее за руку и громко сказалъ:

— Успокойтесь! опасность еще не такъ велика. Выходъ свободенъ...

Князь Шварценбергъ повелъ императорскую чету черезъ садъ.

— Я велѣлъ подъѣхать каретѣ вашего величества къ воротамъ сада, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ? спросилъ императоръ. Не думаете ли вы, что меня ожидаетъ какая нибудь опасность отъ толпы у главнаго подъѣзда?

Неужели и вы князь, вѣрите въ существованіе какихъ-то заговорщиковъ! Все это бабы сказки. Я уѣду съ того мѣста, гдѣ ожидаютъ меня мои подданные. Кто здѣсь изъ полицейскихъ?

Дероне тотчасъ же явился, черный отъ копоти и дыма.

— Полицейскій комисаръ Дероне, поспѣшилъ онъ доложить о себѣ.

— Очень радъ, что вы здѣсь. Я слышалъ о васъ. Есть ли какая нибудь возможность отстоять танцевальную залу?

— Нѣтъ, ваше величество.

— И вы думаете?..

— Нѣкоторые поплатятся жизнью за свое участіе на праздникѣ.

— А тамъ, на улицѣ?

— Съ этой стороны все спокойно. Парижане заняты теперь пожаромъ и забудутъ объ адской машинѣ, если бы она была приготовлена у нихъ.

Слуга доложилъ, что кареты поданы на улицѣ Montblanc у главного подъѣзда.

— Я не прощаюсь съ вами, князь, сказалъ Наполеонъ и тотчасъ же вернулся сюда. Не теряйте присутствія духа, господа! Помощь не заставить себя ждать. Я рассчитываю на ваше усердіе, Дероне.

Съ отъѣздомъ императора исчезъ всякій признакъ порядка и расудительности, которые еще поддерживались въ обществѣ присутствіемъ императора, тѣмъ болѣе, что пламя быстро распространилось, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія.

Переходъ отъ беззаботнаго веселія къ испугу былъ такъ неожиданъ, что не сразу могло явиться у всѣхъ сознание своей безпомощности и опаснаго положенія. Галерея походила на огненное море, красныя волны котораго съ шумомъ и трескомъ разливались по залѣ. Оба выхода черезъ галерею были закрыты; гостямъ оставался одинъ путь къ побѣгу—черезъ главный входъ. При общемъ смятеніи, говорѣ и крикахъ, только немногіе вспомнили о двери за императорскими креслами. Всѣ устремились разомъ къ главному входу, каждый думалъ только о себѣ, подъ вліяніемъ слѣпного эгоистическаго чувства самосохраненія. Легкія платья дамъ еще больше увеличивали опасность такъ какъ искры сыпались со всѣхъ сторонъ; ихъ длинныя шлейфы мѣшали быстротѣ бѣгства. Многія упали на полъ отъ натиска толпы, бѣгущіе перескакивали черезъ нихъ, не обращая вниманія на ихъ крики и стоны; другія сбрасывали съ себя шарфы и шали, обрывали дорогія кружева. Всякое различіе общественнаго положенія, которое такъ строго соблюдалось въ этомъ обществѣ, исчезло; женщины забыли свою сдержанность, мужчины—свое рыцарство. У всѣхъ было одно стремленіе—спасти свою жизнь во что бы то ни стало. Дероне, пожарные и нѣсколько человѣкъ изъ общества, которые съ самаго начала пожара явились къ нимъ въ садъ на помощь, употребляли всѣ свои усилія, чтобы остановить огонь. Но ихъ

было слишкомъ мало чтобы достигнуть сколько нибудь дѣйствительныхъ результатовъ. Ничто не могло спасти залу. Колонны, поддерживавшіе потолокъ уже были объаты пламенемъ. Не доставало воды для небольшихъ пожарныхъ трубъ. Между тѣмъ помощь, обѣщанная Наполеономъ не являлась. Огромное зарево пожара отражалось на мрачномъ небѣ, на которомъ собиралась гроза. Поднявшійся вѣтеръ раздувалъ огонь съ неудержимою силою. Мелкій дождь искръ разносился по саду и улицѣ. Среди завыванія вѣтра, треска огня, слышались вопли ярости и отчаянія людей, дополняя собой величественную и дикую картину разрушенія.

Изъ залы выносили въ садъ женщинъ въ обморожѣ, раненныхъ и умирающихъ; другіе отыскивали своихъ близкихъ, и не находя ихъ бросались назадъ въ гигантскій кратеръ въ безумной надеждѣ вырвать жену, дочь или любимую женщину изъ пылающей могилы. По временамъ огонь останавливался и какъ бы собирался съ новыми силами, давая отдыхъ людямъ, которые напрасно старались потушить его.

Графъ Вольфсеггъ благополучно достигъ ступеней главнаго входа.

— Эгбертъ! Эгбертъ! кричалъ онъ своимъ сильнымъ голосомъ.

Невыразимый страхъ овладѣлъ имъ. Во все время праздника онъ почти не отходилъ отъ своего молодого друга, но при началѣ пожара, когда все перемѣшалось въ залѣ, онъ потерялъ его изъ виду.

— Эгбертъ! крикнулъ онъ еще разъ. Никто не откликнулся на его зовъ.

— Г-нъ Геймвальдъ еще въ залѣ, сказалъ стоявшій возлѣ него маркизъ Цамбелли, съ выраженіемъ злорадства и ненависти на лицѣ. — Онъ танцуетъ экосезъ съ маркизой Гондревилль.

— Съ Антуанетой! воскликнулъ графъ Вольфсеггъ, не помня себя отъ горя и безпокойства. Два существа, которыхъ онъ послѣ дочери любилъ больше всего на свѣтѣ, находились въ неминуемой опасности. Онъ закрылъ себѣ лицо руками.

— Если они умрутъ, то по крайней мѣрѣ вмѣстѣ, добавилъ Цамбелли.

Вольфсеггъ уже не слушалъ его. Съ крикомъ: Эгбертъ! Антуанета! онъ бросился назадъ въ залу.

Витторіо мрачно посмотрѣлъ ему вслѣдъ. До сихъ поръ онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки, чтобы подать помощь погибающимъ. Онъ стоялъ у входа и смотрѣлъ на волнующуюся, растерянную толпу со всѣхъ сторонъ окруженную пламенемъ. Уже много разъ сбрасывали его съ этого мѣста, гдѣ онъ загоразивалъ собою дорогу бѣгущимъ, но онъ упорно возвращался назадъ, какъ будто это зрѣлище разрушенія и смерти имѣло для него особую притягательную силу.

Безумная радость охватила его сердце, когда онъ увидѣлъ танцевальную залу охваченную пламенемъ. Пусть рушится и гибнетъ все, вмѣстѣ съ разрушеніемъ его надеждъ—его враги, женщина, которую

онъ страстно любилъ и ненавидѣлъ въ одно и то же время и тотъ человекъ, который ослѣпилъ его своимъ блескомъ, дважды довелъ его до убійства и теперь съ презрѣніемъ оттолкнулъ его отъ себя. Онъ хотѣлъ насмотрѣться на зрѣлище ихъ гибели, а потомъ раздѣлить ихъ участь. Зачѣмъ жить, когда всѣ надежды, стремленія, достигнутыя почести—все разлетѣлось въ прахъ. Развѣ есть для него иной исходъ, кромѣ смерти! Вернуться къ прежней неизвѣстности? Но кто поручится ему, что вслѣдъ за немилостью императора на него не будетъ сдѣланъ доносъ и его не осудятъ на галеры? Прошлое начало рисоваться ему въ другихъ краскахъ. Онъ видѣлъ передъ собою Жана Бурдона съ впалыми глазами и мертвенно блѣднымъ лицомъ, лежащаго на травѣ и облитого кровью. Но вотъ что-то темное промелькнуло мимо него. Онъ отскочилъ въ испугѣ. Это была Кристель. Привидѣніе исчезло въ толпѣ, секунду спустя онъ опять увидѣлъ ея голову въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя. Ему показалось, что она кивнула ему головой. Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

Онъ схватилъ себя за голову. Что это съ нимъ? Не начало ли это сумашествія. Развѣ онъ забылъ, что эта цыганка танцевала на сценѣ. Его враги думали поймать его на этомъ случайномъ сходствѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не рѣшается взглянуть въ ту сторону, гдѣ стоитъ дѣвушка въ коричневой юбкѣ. За пылающими колоннами слышится раздирающій крикъ:

— Антуанета! Антуанета!

Дворъ и садъ были переполнены не одними гостями. Полиція и прислуга не въ состояніи была задерживать болѣе народную массу. Одни пробрались въ ворота, другіе черезъ сосѣдніе дворы; иные прямо перелѣзали черезъ заборъ. Въ то время какъ большинство стремилось только насытить свое любопытство, нашлось не мало мошенниковъ и воровъ, которые спѣшили воспользоваться общимъ смятеніемъ. Не даромъ нѣсколько часовъ тому назадъ выставили имъ на показъ столько брилліантовъ, золота и разныхъ дорогихъ вещей!

Въ толпѣ мелькають фигуры танцоровъ и танцовщицъ въ фантастическихъ балетныхъ нарядахъ; румяна плохо скрываютъ ужасъ, который изображается на ихъ лицахъ. Все кружится, снуетъ взадъ и впередъ; всюду шумъ, крики и стоны. Зефирина ищетъ Эгберта и Деропе и громко зоветъ ихъ. Опасность для остающихся въ залѣ увеличивается съ минуты на минуты. Со всѣхъ сторонъ летятъ горячіе обломки, доски, цѣлыя хлопья огня; искры, разносимыя вѣтромъ, падаютъ огненнымъ дождемъ на дворецъ и ближайшіе дома. Увѣренность въ скоромъ прибытіи императора заставляетъ многихъ работать съ удвоенною силою. Явилась, наконецъ, и обѣщанная помощь. Одни за другими подѣзжаютъ пожарныя трубы. Знатные господа работаютъ наравнѣ съ блузниками, слугами и пожарными: они сбросили съ себя парадное платье, носятъ воду, разрубаютъ топорами горячія стѣны. Но масса праздныхъ, снующихъ взадъ и

впередъ людей мѣшаетъ имъ. Подъ тяжестью толпы обрушились ступени главнаго входа, обращеннаго въ садъ. Многіе получили ушибы; иныхъ подняли замертво. Бѣгство становится еще болѣе затруднительнымъ.

Витторіо мало по малу оправился отъ испуга, причиненнаго появленіемъ мнимой Кристель. Ему показалось, что онъ узнаетъ въ вихрь пламени стройную женскую фигуру съ распущенными волосами и въ пылающимъ платьѣ. Но вотъ облако дыма скрыло ее отъ его глазъ. Не Антуанета ли это? или быть можетъ это только призракъ, вызванный его воображеніемъ? Въ этотъ моментъ съ трескомъ слетѣла съ потолка большая люстра; надъ нею поднялась колонна черноватаго дыма, опоясанная багровыми полосами огня.

Когда вторично показалось пламя надъ галлерей, въ танцевальной залѣ явственно раздался зловѣщій крикъ: Пожаръ! Пожаръ!

Эгбертъ хотѣлъ остановиться и вывести Антуанету изъ толпы.

— Это пустяки! ложная тревога! говоритъ ему Антуанета, почти насильно увлекая его въ ряды танцующихъ.

Но звуки музыки внезапно умолкаютъ. Скрипачи останавливаются, какъ будто у нихъ нѣтъ времени даже для одного удара смычка.

Порядокъ паръ нарушенъ. Мѣрный и стройный танецъ превращается въ дикое, беспорядочное бѣгство. Эгбертъ, крѣпко ухвативъ за руку Антуанету, сѣмшитъ къ эстрадѣ, въ надеждѣ вывести молодую графиню черезъ потаенную дверь за императорскими креслами.

— Вы дрожите Эгбертъ? Что съ вами?

— Я не успокоюсь, пока не уведу васъ отсюда. Вашъ шлейфъ волочится по полу, поднимите его; онъ можетъ загорѣться отъ искры.

— Вы беспокоитесь обо мнѣ? Но если бы вы могли прочесть то, что у меня дѣлается на душѣ!

— Какое у васъ странное выраженіе лица! Что вы задумались Антуанета? Идите же!

Обнявъ ее за талью, онъ почти насильно заставляетъ ее идти за собою.

Она вырывается изъ его рукъ; тѣснота мѣшаетъ ему добраться до эстрады.

— Оставьте меня, Эгбертъ; мнѣ нѣтъ иного исхода кромѣ смерти. Мое сердце умерло. Вспомните одинъ нашъ разговоръ о Семелѣ, сгорѣвшей въ Олимпійскомъ огнѣ...

Сама ли она вырвалась отъ него или ихъ разъединилъ натискъ толпы? Онъ еще видитъ ее. Но что это съ ней! Какое безуміе! она направляется прямо къ галлерей, объята пламенемъ! Эгбертъ бросился за нею въ надеждѣ спасти ее. Всего нѣсколько шаговъ раздѣляютъ ихъ. Но вотъ она пошатнулась и упала. Не смотря на его отчаянныя усилія пробраться впередъ, непроходимая стѣна людей окружаетъ его со всѣхъ сторонъ и уноситъ съ собою.

Между тѣмъ на дворѣ и въ саду, гдѣ еще за минуту передъ

тѣмъ господствовалъ полный хаосъ водворилась внезапная тишина и порядокъ. Приѣхалъ императоръ. Проводивъ свою супругу до Тюльери, откуда она должна была отправиться въ St.-Cloud, онъ вернулся на пожаръ.

— Вы видите, я сдержалъ слово, сказалъ онъ князю Шварценбергу, который былъ внѣ себя отъ безпокойства, предчувствуя страшную потерю. Его невѣстка Паулина Шварценбергъ осталась въ залѣ; за минуту передъ тѣмъ пронесли его молодую племянницу покрытую обжорами.

По распоряженію императора на дворъ вступилъ батальонъ его гвардіи и гонить передъ собою всѣхъ праздныхъ зрителей, не занятыхъ тушеніемъ пожара и не принадлежащихъ къ домашнему штату австрійскаго посланника. Всѣ выходы, двери и корридоры дворца заняты солдатами; они оцѣпили все мѣсто пожара. Точно и безпрекословно исполняется всякое приказаніе. Наполеонъ стоитъ молча передъ разрушенными ступенями главнаго входа въ своемъ сѣромъ невзрачномъ сюртукѣ, съ руками сложенными на груди. Его фигура ярко освѣщена багровымъ пламенемъ. Всѣ робко отступили отъ него. Новый министръ полиціи Савари и полицейскій префектъ Дюбуа избѣгаютъ понасться на глаза властелина изъ боязни подвергнуться его гнѣву, предоставляя ему въ случаѣ неудовольствія излить свою ярость надъ младшими полицейскими чинами и пожарными. Даже тѣ, которые не видятъ Наполеона чувствуютъ его присутствіе.

На небѣ собираются грозовыя тучи, но огонь начинаетъ стихать. Сверху слышится глухой трескъ, дрогнулъ потолокъ, еще нѣсколько секундъ и великолѣпное праздничное зданіе, сооруженное на одну ночь, рушилось съ грохотомъ, представляя собою гигантскій пылающій костеръ. Тутъ уже нечего было спасать; всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобы остановить распространеніе пожара.

Какъ ни великъ страхъ къ Наполеону и уваженіе къ его присутствію, но трагическій конецъ праздника произвелъ на всѣхъ слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобы у каждаго не явилось желаніе подѣлиться своими соображеніями. Многіе шопотомъ напоминали другъ другу о фейерверкѣ 30 мая 1770 года, устроенномъ въ честь свадьбы Маріи Антуанеты и Людовика XVI-го. Какъ тогда, такъ и теперь факелы гименея смѣшаны съ пламенемъ пожара и обогрены кровью. Это былъ тотъ-же роковой австро-французскій союзъ! Опять оправдывался голосъ народа, осуждаваго этотъ бракъ. Пожаръ, гибель столькихъ людей служатъ печальнымъ предзнаменованіемъ для новобрачныхъ.

— Не веселая трагедія ожидаетъ насъ въ будущемъ! сказалъ одинъ.

— Чего достигъ онъ этимъ бракомъ! Нѣмцы все также ненавидятъ его, а французовъ онъ положительно возстановилъ противъ себя, возразилъ другой.

— Онъ самъ роетъ себѣ яму!

Не такія ли соображенія омрачаютъ душу и чело Наполеона? Подозрѣваетъ ли онъ толки въ народѣ, возбужденные этимъ несчастнымъ событіемъ? Неужели судьба начинаетъ измѣнять ему? Не былъ ли Аспернъ первымъ признакомъ, что солнце его счастья близко къ заката, а этотъ пожаръ не есть-ли вторичное предзнаменованіе грозящей ему бѣды? Неужели у Наполеона, какъ у всѣхъ смертныхъ, могло пробудиться хотя минутное сознаніе непрочности земныхъ благъ?

Онъ повелительно указалъ рукою на пылавшій передъ нимъ костеръ. Пожарные, рабочіе, офицеры поспѣшно бросились по направленію его руки. Въ облакѣ сѣроватаго дыма виднѣлись трое людей, которые медленно пробирались по уцѣлѣвшимъ балкамъ и доскамъ, все ближе и ближе къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ императоръ. Они въ разорванныхъ, обгорѣлыхъ платьяхъ; лица ихъ почернѣли отъ копоти и покрыты обжогами. Они несутъ кого-то. По клочьямъ бѣлаго платья можно догадаться, что это женщина.

— Носилки! Зовите скорѣе доктора! Она еще жива! крикнулъ Наполеонъ, замѣтивъ судорожное движеніе въ рукѣ обгорѣвшей женщины.

— Докторъ уже здѣсь съ нѣсколькими помощниками.

— Кто такой?

— Веньяминъ Бурдонъ, изъ госпиталя въ улицѣ Таганне.

— Зовите его сюда.

Трое мужчинъ съ своей ношей перешагнули послѣднія доски, загороживавшія имъ дорогу и вошли въ садъ.

Это были Эгбертъ, Вольфсеггъ и Дероне; они несли Антуанету.

Слабый, но раздирающій крикъ вырвался изъ груди несчастной.

Двое людей бросились къ ней: Наполеонъ и Цамбелли.

Слѣдуя порыву своего горя, Витторіо забылъ всякое уваженіе къ императору и кинулся къ обгорѣвшей женщинѣ съ поднятой рукою, какъ будто хотѣлъ убить всякаго, кто вздумалъ-бы остановить его.

Съ дикимъ крикомъ: Антуанета! опустился онъ на колѣни, но вслѣдъ затѣмъ упалъ навзничъ, какъ будто пораженный молніей.

— Жива ли она? спросилъ Наполеонъ, подходя ближе.

— Да, но скоро умереть! отвѣтилъ рѣзко графъ Вольфсеггъ, стиснувъ зубы.

Наполеонъ наклонился надъ той, которая представляла собой жалкую тѣнь прежней блестящей маркизы де-Гондревилль. Онъ увидѣлъ обезображенное лицо, искаженное болью.

Она подняла рѣсницы. Губы ея прошептали что-то. Ему показалось, что она сказала— „Семела!“ или это былъ обманъ воображенія?

Явились слуги съ носилками и докторъ.

— Бурдонъ! сказалъ императоръ суровымъ, хриплымъ голосомъ, она должна жить!

— Нѣтъ, ваше величество. Мы всѣ должны желать, чтобы она

умерла. Если она выйдет из этого безчувственного состоянія, то пробужденіе будетъ для нея хуже смерти.

Умирающую переложили на мягкія носилки и понесли въ домъ. Бурдонъ утѣшалъ Эгберта, который не могъ болѣе удерживать своихъ слезъ.

Наполеонъ и графъ Вольфсеггъ остались одни.

— Прочь отсюда, пробормоталъ Наполеонъ. Только и можно жить на полѣ битвы!

Онъ быстро повернулся къ графу Вольфсеггъ:

— И такъ въ Москву! Смерть или побѣда! Нѣмцы послѣдуютъ за мной...

— Надѣюсь, что нѣтъ! отвѣтилъ графъ Вольфсеггъ.

Наполеонъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ его.

Надъ ихъ головами разразился первый ударъ грома; молнія освѣтила черныя тучи.

Наполеонъ вышелъ изъ сада, опустивъ руки въ карманы своего военного сюртука.

Графъ Вольфсеггъ послалъ ему вслѣдъ проклятіе. Разслышалъ ли его Наполеонъ?

Потоками хлынулъ дождь, заливая огромное дымящееся пожарище.

— Поднимите его! крикнулъ Дероне, толкая ногой лежащаго на землѣ Витторіо.

Двое полицейскихъ приподняли съ земли изящнаго маркиза, трясли его, поворачивали во всѣ стороны, но онъ не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни.

— Онъ умеръ, сказалъ Дероне, взглянувъ на лицо Цамбелли. Туда ему и дорога! Бросьте его!

Наступила осень съ кроткимъ солнечнымъ сіяніемъ. Яркая зелень деревьевъ померкла; кое гдѣ уже появились желтые листья.

Въ замкѣ Зебургъ, между озерами Траунъ и Аттеръ готовится семейное празднество по случаю свадьбы пріемной дочери графа Вольфсегга съ Эгбертомъ Геймвальдомъ. Мѣстные жители помнили его съ октябрьской ночи 1808 г. когда онъ впервые явился въ замокъ съ вѣстью о насильственной смерти Жана Бурдона; другіе видѣли его при Аспернѣ и на мосту при Эбельсбергѣ во время схватки съ французами и съ уваженіемъ отзывались о храбрости молодого капитана.

Сначала внезапное появленіе Магдалены, пріѣхавшей изъ Парижа вмѣстѣ съ графомъ возбудило много толковъ и послужило поводомъ къ злословію; каждый рассказывалъ ея исторію по своему. Но въ самомъ непродолжительномъ времени Магдалена расположила къ себѣ простодушныхъ деревенскихъ жителей своей обходительностью и так-

томъ, съ которымъ она держала себя. Въ ней не было и тѣни заносчивости и той высокоумной снисходительности, съ какой обыкновенно знатныя дамы обходятся съ бѣдными и съ тѣми, которыхъ онѣ считаютъ ниже себя по общественному положенію. Прислуга въ замкѣ радовалась, что бразды домашняго правленія скоро перейдутъ въ ея руки и, что они будутъ избавлены отъ воркотни старой маркизы Гондревилль, которая со дня на день дѣлалась раздражительнѣе и брюзгливѣе. Даже мрачное лицо графа Вольфсегга замѣтно просвѣтлалось въ присутствіи Магдалены.

— Если бы барышни не было въ замкѣ, замѣтилъ однажды старый управляющій, то можно было бы повѣситься отъ собственной тоски.

— Ну, это было бы безбожно! возразилъ патеръ Марсель, который сталъ еще болѣе походить на лисицу. Развѣ можно толковать о смерти, когда у насъ есть старое тирольское вино на погребѣ и надежда увидѣть въ будущемъ году страшную комету.

О приключеніяхъ капуцина въ послѣдніе годы ходили странные слухи. Одни простодушно вѣрили его розказнямъ въ родѣ того, что онъ собственноручно отрѣзалъ головы у двѣнадцати спящихъ французовъ. Если же кто нибудь выражалъ сомнѣніе въ подлинности этихъ страшныхъ исторій, то патеръ набожно поднималъ глаза къ небу какъ будто хотѣлъ сказать:—Что дѣлать! участь праведниковъ терпѣливо выносить клевету,—или же останавливалъ болтуна вопросомъ:

— Развѣ вы были при этомъ? Докажите, что я говорю неправду! Весьма немногіе находили, что отвѣтить на это. Большинство придерживалось убѣжденія, что капуцинъ намѣренно рассказываетъ сказки чтобы отвести глаза и что во время войны въ его рукахъ была длинная пороховая нить протяннутая изъ Вѣны въ Тирольскія горы.

Какъ у прислуги, такъ и у господъ въ замкѣ Зебургъ патеръ Марсель былъ почетнымъ и любимымъ гостемъ, который умѣлъ понять шутку и самъ подшутить надъ другимъ умно и кстати. Въ день своего пріѣзда изъ Парижа въ концѣ іюля графъ послалъ за нимъ въ Гмунденъ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Непоколебимая вѣра патера, что скоро наступитъ часъ освобожденія Германіи отъ ненавистнаго французскаго ига благотѣльно дѣйствовала на графа Вольфсегга, который не столько терзался своими семейными огорченіями, сколько мыслю о позорѣ своего отечества и безсильнымъ гнѣвомъ на слѣпое счастье Наполеона. Онъ не вынесъ изъ своей поѣздки въ Парижъ надежды на продолжительный миръ, какъ другіе его соотечественники. На праздникъ у австрійскаго посланника Наполеонъ довѣрилъ ему свои затаенные планы. Миръ долженъ былъ служить для него приготовленіемъ къ новой гигантской войнѣ; его видимая бездѣтельность, поѣздки, которыя онъ предпринималъ съ своей молодой супругой, громадныя постройки, за которыя восхваляли его газеты, скрывали вооруженіе его войскъ. Изъ част-

ныхъ писемъ, получаемыхъ изъ Петербурга, видно было, что и Александръ I безостановочно занятъ увеличеніемъ своей арміи и укрѣпленіями. Воображеніе рисовало графу Вольфсеггу безчисленныя толпы конницы и пѣхоты, которыя направлялись въ Россію, оглушающій шумъ оружія, поля битвы, кровь и стоны умирающихъ, зарево пожаровъ. Вернется ли вся эта масса изъ сѣверныхъ степей или погибнетъ и исчезнетъ безслѣдно въ снѣжныхъ сугробахъ?

Но сегодня радость отца пересилила печальныя мысли и заботы о родинѣ. Подъ руку съ Эгбертомъ стоитъ Магдалена съ улыбкой счастья на лицѣ и, краснѣя принимаетъ поздравленія гостей. Это все то-же общество, которое такъ тяготило Антуанету своимъ застоємъ и мелочными интересами. Но Магдалена была обыкновенная женщина, какъ она сама называла себя. Ея мечты о счастьи не заходили за предѣлы тѣснаго семейнаго круга; честолюбіе было недоступно ея кроткой привязчивой душѣ. Эгбертъ съ любовью смотритъ на избранную своего сердца. Это не прежній мечтательный, увлекающійся юноша. Созерцательная жизнь, чуждая общественныхъ интересовъ, къ которой онъ стремился въ дни своей ранней молодости сдѣлалась невозможною для него. Опасность, грозившая его отечеству и участіе въ послѣдней войнѣ пробудили въ немъ сознаніе тѣсной связи, существующей между отдѣльными личностями и государствомъ, которому онъ принадлежитъ по рожденію, воспитанію, языку и привычкамъ. Время испытаній еще не прошло для Австріи и Германіи, но Магдалена поможетъ ему пережить ихъ, а въ случаѣ необходимости онъ явится изъ первыхъ на защиту своего отечества. Прекрасные дни юношескихъ грезъ и безсознательнаго веселія безвозвратно прошли для Эгберта; но онъ не жалѣетъ о нихъ. Только съ окончаніемъ лѣта, когда отъ неба и земли вѣетъ осенью, наступаетъ пора для жатвы хлѣба, сбора плодовъ и винограда. Чѣмъ сильнѣе чувствуетъ человѣкъ приближеніе осени въ своемъ сердцѣ, тѣмъ болѣе цѣнить онъ то счастье, которое выпало ему на долю и тѣмъ сознательнѣе относиться къ жизни.

Поздравляя новобрачныхъ, графъ поднялъ свой стаканъ.

— Мы пережили великое, тяжелое время, сказалъ онъ, — много вытерпѣли горя, но оно придало намъ новыя силы! Когда опасность казалась неминуемой мы одержали славную побѣду при Аспернѣ. Это должно поддерживать насъ. Въ послѣднюю войну всѣ наши помыслы были направлены къ восстановленію неразрывнаго свободнаго нѣмецкаго государства; къ этому должны мы стремиться и теперь, пока наши надежды не осуществятся. Если мы, старики, не доживемъ до новой имперіи, то дѣти или внуки наши увидятъ ее. Завоеватель, наложивъ на насъ свою желѣзную руку пробудилъ въ насъ сознаніе нашего національнаго единства. Разъединеніе Пруссіи и Австріи послужило первой ступенью къ его величію и славѣ; дружескій союзъ двухъ великихъ германскихъ народовъ, приведетъ его къ гибели и

сдѣляетъ насъ свободными гражданами. Какимъ бы именемъ не почитило потомство Бонапарта, назоветъ ли оно его героемъ или бичемъ челоѡчества, но мы, нѣмцы, должны желать гибели Люцифера, такъ какъ съ нею начнется заря свободы для Германіи. Выпьемъ друзья за гибель Люцифера!

Тостъ графа Вольфсегга былъ встрѣченъ громкими криками одобренія собравшагося общества.

Конецъ пятой и послѣдней части.

О ПОДПИСКѢ НА 1881 ГОДЪ НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ.

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ВЪ РОССИИ.

Съ 1 января 1881 года «Модный Свѣтъ» начнетъ XIV годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостію о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

**Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ» въ 1881 г. будетъ выходить также
ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНИЯХЪ**

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 24-мя экстренными приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ
и будетъ заключать въ себѣ втеченіе года:

Болѣе 2,000 полнотипажныхъ рисунковъ модъ и руководій въ текстѣ. Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлыя мужскаго, дамскаго и дѣтскаго. Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурн. и другихъ работъ. Рисунки въ русскому вкусъ. Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ. 24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину. 24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинокъ для II изданія, исполненныхъ лучшими иностранными художниками. 36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими иностран. художниками, для III изданія. Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ. Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч. Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи. Разныя отдѣльныя бесплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ» съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Кромѣ разныхъ отдѣльныхъ приложеній, къ «Модному Свѣту» 1881 года будутъ приложены бесплатно,

ДВѢ ИЗЯЩНЫЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРЕМІИ, КАРТИНЫ:

1) ОЖИДАНИЕ и 2) КУПАЛЬЩИЦА.

работы знаменитаго французск. художника Шаллена (Chaplin).

Преміи эти, по своему художественному исполненію, могутъ служить украшеніемъ всякой гостиной и будутъ разсланы гг. подписчикамъ въ прочной упаковкѣ, отдѣльно отъ журнала, во избѣжаніе порчи въ дорогѣ, — поэтому цѣна «Моднаго Свѣта» увеличивается для иногород. подписчиковъ на 50 к.

Для удобства подписчиковъ, редакція вошла въ соглашеніе съ лучшими магазинами объ изготовленіи рамокъ для премій по удешевлен. цѣнѣ. Рисунки рамокъ и цѣна имъ будутъ сообщены въ одномъ изъ №№ «Моднаго Свѣта».

Цѣна годовому изданію «МОДНАГО СВѢТА» на 1881 годъ:

I изданію, съ 12 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 6 р. 50 к.

II изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 7 р. 50 к.

III изданію, съ 36 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ дост.—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 9 р. 50 к.

Главная контора Редакціи «Моднаго Свѣта» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Корovina, № 16.

Съ 1880 года Редакція «Моднаго Свѣта» открыла, для своихъ годовыхъ подписчиковъ, конкурсъ на дамскія ручныя работы.

Съ 10-ю денежными преміями, суммою на 500 рублей. Подробности смотрите въ №№ 16, 18 и 23 «Моднаго Свѣта» 1880 года.

4 рубля
безъ доставки.

О ПОДПИСКѢ НА 1881 ГОДЪ
НА

6 рублей
съ пересылк.

„ОГОНЕКЪ“,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ и ИСКУССТВЪ.

52 нумера въ годъ.

ПРОГРАММА „ОГОНЬКА“:

1. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригиналы и переводы (съ рис. къ нимъ).
2. Историческіе очерки, бытовые картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
3. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портретами).
4. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: Естествознанія, Археологіи, Географіи, Медицины, Механики и т. д., и искусства: Скульптуры, Живописи, Архитектуры, Музыки и т. д. Библиографія и замѣательные процессы (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній).
5. Хроника науки, искусства и литературы.
6. Смѣсь, анекдоты, афоризмы и т. п.
7. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
8. Тиражи выигравшей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ.
9. Частныя объясненія.

Громадный успѣхъ „Огонька“ въ первый и второй годы изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя обѣщанія. Успѣху этому „Огонекъ“ обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ болѣе крупнымъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ въчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ „Огонькѣ“ были помѣщены произведенія, между прочимъ, слѣдующихъ писателей: В. Г. Авсеенко, Д. В. Аверкіева, К. Алексѣева, К. И. Галлера, Г. М. Данилевскаго, В. В. Крестовскаго, В. Корніевскаго (псевд.), К. Орловскаго, А. Н. Майкова, А. Ф. Писемскаго, Я. П. Полонскаго, И. Полевого, Гр. Е. А. Саліаса, К. К. Случевскаго, Д. Н. Садовникова, А. Фета и др.

При томъ-же составѣ редакціи, при стремленіи къ улучшенію журнала съ каждымъ номеромъ, въ 1881 г. съ первыхъ номеровъ редакція начнетъ печатать: „Принцесса Владимірская“, историческій романъ Гр. Е. А. Саліаса; „Порченая“, повѣсть А. А. Потѣхина; „Очарованные“, повѣсть В. Г. Авсеенко и др.

Къ журналу „Огонекъ“ 1881 г. будутъ приложены, безплатно,

Двѣ большихъ, роскошныхъ олеографическихъ картины:

- 1) Портретъ Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича.
- 2) „Проводы новобранца“, картина академика И. Е. Рѣпина.

Такъ какъ преміи эти, во избѣжаніе порчи ихъ въ дорогѣ, будутъ разсланы гг. подписчикамъ въ прочной картонной трубкѣ, что требуетъ большихъ расходовъ, — то цѣна за доставку „Огонька“ увеличивается: для подписчиковъ въ С.-Петербургѣ на 50 к., а для иногородныхъ на 1 р.

Для удобства и въ интересахъ подписки, редакція вошла въ соглашеніе съ лучшими магазинами, объ изготовленіи для премій „Огонька“ рамъ, по превосходнымъ рисункамъ редакціи и по возможно дешевой цѣнѣ. Рисунки и цѣны будутъ сообщены въ одномъ изъ №№ „Огонька“.

Годовая цѣна „Огонька“ съ преміями: безъ доставки 4 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к.; съ перес. во всѣ города Россіи 6 р.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала „Огонекъ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

Редакторъ журнала „ОГОНЕКЪ“
И. П. Аловертъ.

Издатель журнала „ОГОНЕКЪ“
Германъ Дмитр. Гониме.

ДВѢ ВЕЗПЛАТНЫЯ, БОЛЬШІЯ, РОСКОШНЫЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРЕМІИ:

1) ПОРТРЕТЪ ЕГО ИМПЕР. ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА.
2) ПРОВОДЫ НОВОБРАНЦА, картина академика И. Е. Рѣпина.

О ПОДПИСКѢ НА 1881 ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“,

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

Съ 1 января 1881 г. журналъ „Всемирная Иллюстрація“ начнетъ XIII годъ (т. е. томы XXV и XXVI) своего существованія и будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ **большаго двойнаго листа** самой лучшей бумаги, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 **страницы**, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„Всемирная Иллюстрація“, благодаря своей аккуратности и строгому исполненію программы, приобрѣла втеченіе двѣнадцатилѣтняго своего существованія заслужен. репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, Редакція „Всемирной Иллюстраціи“ стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желан. подписчиковъ, не останавливаясь передъ расходами и всегда даетъ больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что втеченіе своей дѣятельности она достаточно заявила себя, Редакція считаетъ излишними всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребить всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи» на 1881 г.:

Безъ дост. въ С.-Петербургъ. . . 18 р. ||| Съ дост. въ С.-Петербургъ 14 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ 14 „ ||| Съ перес. въ другіе города 16 „ — „

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусства, и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Главная задача „Всемирной Иллюстраціи“—изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событій во всѣхъ сферахъ политической и общественной жизни.

Каждый годъ „Всемирной Иллюстраціи“ представляютъ собою

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА

(каждый до 500 печатныхъ страницъ, съ 300—400 рисунками),

и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной, какъ изданіе, имѣющее историческій интересъ, при помощи котораго можно навести не только необходимую справку, но и возобновить въ памяти событіе во всей его обстановкѣ, благодаря рисункамъ.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

„ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“

изъ англ. коленкора, съ золотыми тиснен. по рис. художника К. Брожа. Цѣна **покровышки для переплета** на каждый томъ безъ перес. 1р. 75 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 22 томовъ „Всемирной Иллюстраціи“:

1869 г. (томы I и II) 10 р. безъ перес.; въ англ. коленкоровомъ перепл. 14 р., 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ. тисненн. золотомъ, переплетехъ, каждый годъ стоятъ 12 р. безъ пересылки. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній), 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній) и 1879 г. (т. XXI и XXII)—по 9 р. безъ перес., каждый годъ. Въ переплетехъ безъ перес. по 18 р.

На пересылку **каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 р.**

Главная конт. Редакція „Всемирной Иллюстраціи“ въ С.-Петерб., Б. Садовая № 16.

Открыта подписка на 1881 годъ

ГОДЪ XII. „НИВА“ ГОДЪ XII.

Иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни.
выходить еженедѣльно, т. е. 52 номера въ годъ (болѣе 2000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и 2200 столбцовъ текста, съ особымъ даровымъ ежемесячнымъ приложеніемъ)

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(около 500 модныхъ гравюръ и рисунковъ бѣля въ годъ, 400 выкроекъ въ натуральную величину и 350 рисунковъ руководящихъ работъ)

И РАЗНЫМИ ДРУГИМИ ПРЕМІЯМИ

(на 1881 г. двѣ большія акварели **М. Зичи** къ повѣсти „Тарасъ Вульба“ **Гоголя** и большой Стѣнной Календарь на 1881 годъ)

будеть издаваться въ 1881 г. по той же программѣ, какъ и прошедшія одинадцать лѣтъ

Подписка принимается въ Спб., въ конторѣ редакціи, по Большой Морской № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“

съ правомъ на полученіе всѣхъ бесплатныхъ приложеній и премій въ теченіи 1881 г.:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 руб.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 „
Безъ дост. въ Москвѣ чер. И. Г. Соловьева, А. Танга и А. Ф. Живарева	5 „
Съ дост. въ Москвѣ и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи	6 „
Заграницей	8 „

„Нива“, въ продолженіи одинадцати лѣтъ своего существованія поставляла себѣ задачей быть наилучшимъ общественнымъ и общепользнымъ журналомъ для семейнаго чтенія въ Россіи. Сочувствіе и довѣріе, которымъ нашъ журналъ пользуется, выразилось въ небываломъ до сего въ русской журналистикѣ количествѣ подписчиковъ. „Нива“ имѣла уже въ 1880 г. 55,000 подписчиковъ.

Премій, которыя мы уже нѣсколько лѣтъ давали нашимъ подписчикамъ, а въ особенности двѣ преміи выданныя въ 1880 году, писанныя красками знаменитымъ Е. И. Вел. Придворн. Художникомъ **М. Зичи**, двѣ большія олеографическія картины, напечатанныя масляными красками, имѣютъ достоинства, которыхъ никто не можетъ не оцѣнить. Имя **Зичи** уже ручается за изящество композиціи новыхъ, ему исключительно для „Нивы“ заказанныхъ двухъ акварелей (Сцены изъ „Тараса Вульбы“ **Гоголя**) какъ преміи „Нивы“ за 1881 г.

Для 1881 г. нами приготовлено, кромѣ массы художественно выполненныхъ гравюръ, цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, какъ то повѣсти, рассказы и романы **Вс. Соловьева**, **Н. Каразина**, **М. Морскаго**, **В. Авсеенко**, **П. Гнѣдича**, **А. Максимова**, массы популярныхъ, научныхъ статей и пр. и пр. Такимъ образомъ будутъ въ „Нивѣ“ помѣщены произведенія самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей и художниковъ.

С.-Петербургъ.

Издатель „НИВЫ“ **А. Ф. МАРКЪ.**

СЛЕДУЮЩИМЪ ЗА НАУКОЮ И ЛИТЕРАТУРОЮ, КНИГОПРОДАВЦАМЪ, БИБЛИОТЕКАРЯМЪ, ЛЮБИТЕЛЯМЪ КНИГЪ:

РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ВЪСТНИКЪ

КНИЖНО-ТОРГОВОГО
и ПЕЧАТНАГО ДѢЛА.

УКАЗАТЕЛЬ

НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
ЛИТЕР., УЧЕНЫХЪ и ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ.

1881. издав. по офиц. свѣдѣніямъ, съ содѣйств. извѣстн. библіофилу, книгопродавцу, г. библіотечару ученыхъ учреждений и др., книгопродавцу **ЭМИЛЬ ГАРТЬЕ**, въ С.-Петербургѣ. **Годъ III.**

Рекоменд. Мин. Нар. Просв. для Библіотекъ Ср. Уч. Зав. и одобренъ для Библіотекъ Учт. Инстит. и Семинарій. Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. Ф. Березинъ-Ширевъ, П. В. Быковъ, А. Ф. Бычковъ, Н. Н. Вануловскій, П. П. Васильевъ (Казань), К. С. Веселовскій, Н. В. Гербель, П. А. Ефремовъ, А. Н. Гусевъ (Харьковъ), С. Ф. Каратаевъ, Д. Ф. Кобко, В. И. Мемовъ, Г. А. Милорадовичъ, П. Н. Петровъ, А. А. Посвѣтовъ, А. И. Савельевъ, Н. П. Собко, И. Ф. Токимановъ (Москва), Н. Шляпкинъ, Ф. К. Эльсгольдъ и др.

СОДЕРЖАНІЕ №№: I. Хроника.—Библіофилъ: Описание рѣдкихъ книгъ.—Библіотр. Вопросы.—Библіотечное дѣло.—Книжн. рынокъ.—Книжно-торговое дѣло.—Газеты Запѣти.—Новости и слухи.—Библиографическій списокъ рецензій. Подсѣднія книжныя новости. Книги г. книгопродавцевъ, авторовъ и издателей.—Предложенія и требов. рѣдкихъ или подерж. книгъ.

Выходитъ 2 раза въ мѣс. Ц. за годъ съ дост. и пер. 5 р.—за 6 мѣс. 2 р. 50 м. (Пробный № бесплатн).

Годъ I (1879) распрод., 10 р., Годъ II (1880) полный, 8 р. (безъ №№ 2—5, кот. распр., 4 р.).

СОКРАЩЕННАЯ РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ 1881. ЕНЕМЪСЯЧНЫЙ КАТАЛОГЪ

ВАЖНѢЙШИХЪ НОВЫХЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

(извлеченіе изъ Россійской Библіографіи). За годъ съ дост. и перес. 1 руб. с. (Пробный № бесплатн).

Подписка принимается: **Въ Книжномъ Складѣ, Росс. Библ. “Эмиля Гартъе”**
30624 Невскій пр., № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ, и въ др. городахъ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. 10—2

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го января 1881 года „Нувеллистъ“ вступая въ 42-й годъ своего существованія, будетъ выходить какъ и прежде перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадами отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ „Нувеллистъ“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

„Нувеллистъ“ Музыкально-Театральная Газета, будетъ выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона: въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ и состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искусства. 4) Фельетонъ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и музыкально-театральной газеты, подписчики „Нувеллиста“ получаютъ въ концѣ года **премію** — полную оперу въ двѣ руки, или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти номеровъ указанныхъ Редакцію.

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала „Нувеллистъ“ съ Музыкально-Театральною Газетою и премією 5 рублей. Съ доставкою или пересылкою 6 рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ „Нувеллиста“ при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда поставщика Двора Его Величества, Невскій проспектъ, № 10. Въ Москвѣ: въ музыкальномъ магазинѣ А. М. Гутхейль поставщика Двора Его Величества, Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. Въ Казани: въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“. Въ Харьковѣ: у Гергарда.

О ПОДПИСКѢ НА 1881 ГОДЪ.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

ГОДЪ 7-й.

ГОДЪ 7-й.

ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И РЕМИСЛЕННАЯ.

МЛХХОСТРИРОВАНОЕ ЕЖЕЖЕДВѢЖНОЕ ИЗДАНИЕ.

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА“ будетъ выходить въ 1881 г. по вновь разрѣшенной широкой программѣ, въ томъ же объемѣ 2-хъ, 3-хъ печатныхъ листовъ, по одному, а въ экстренныхъ случаяхъ, по два раза въ недѣлю.

Цѣль „ГАЗЕТЫ“—какъ въ томъ, конечно, могли убѣдиться въ теченіе 6 лѣтъ наши читатели—составить мнѣя, чѣмъ иллюстрированные журналы вообще. Назначеніе ея—не забава для глазъ и празднои мысли и не такъ называемое „семейное чтеніе“, подобно „Нивѣ“, „Живописи. Обзорн.“ и т. п.; назначеніе ея—быть дѣйствительнымъ газетомъ и газетомъ притомъ для *тращаюхъ дѣловыхъ*, которые не могутъ тратить много времени на чтеніе ежедневныхъ газетъ и журналовъ, но которымъ болѣе чѣмъ кому-либо необходимо быть постоянно въ уровень съ токомъ жизни.

„СОДЕРЖАНІЕ ГАЗЕТЫ“: 1) Обзоръ политикн вѣдшей и внутренней, 2) Дѣйствія правительства, 3) Вѣсти и Корреспонденціи, 4) Толки газетъ и журналовъ, 5) Замѣтки редакціи по текущимъ вопросамъ, 6) Судебныя учрежденія и замѣчательные процессы, 7) Земскія учрежденія и сельское хозяйство, 8) Критика и библиографія, 9) Научныя и хозяйственныя замѣтки, 10) Разныя вѣвѣстія, 11) Статьи беметрически (повѣсти и рассказы, преимущественно историческія, стихи) и статьи научныя, 12) МОДЫ, съ рисунками, 13) Желѣзныя дороги и пароходство, 14) Торговля свѣдѣнія и Объясненія. — Въ особомъ безплатномъ Прибавленіи помѣщаются переводные романы и повѣсти, болѣею частью иллюстрированные.

ПРЕМІИ для годовыхъ подписчиковъ: 1) Крестный календарь 1881 г. на веленовой бумагѣ, 2) Особое Прибавленіе—переводные романы и повѣсти съ рисунками, 3) Иллюстрированныя драмы Шекспира въ новомъ стихотворномъ переводѣ—выпускъ 2-й. Выпускъ 1-й разсылается подписчикамъ 1880 г. въ декабрѣ. Въ отдѣльную продажу это изданіе не будетъ пущено до выхода въ свѣтъ послѣдняго выпуска. Только подписавшіеся на „Газету“ могутъ приобрести выпускъ предшествующихъ годовъ, внося за каждый изъ нихъ по 1 рублю. Полное изданіе иллюстрированныхъ драмъ Шекспира будетъ стоить около 80 рублей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ 1-го Января 1881 года, *безъ пересылки* на годъ 4 руб., на $\frac{1}{2}$ года 2 руб. 25 коп., на 1 мѣсяць 60 коп.; съ *пересылкою* на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 2 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 75 коп.

Такъ какъ до разрѣшенія настоящей программы разосланы были объявленія съ прежней расцѣной подписной цѣны, то, во избѣжаніе недоразумѣній, до 31-го декабря 1880 года приѣмъ подписки будетъ производиться по прежней расцѣнкѣ, т. е. съ пересылкою на годъ 4 руб., безъ пересылки 3 руб.

50-ти-ЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1881 Г. „**ВАЗА**“ АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:
С.-Петербургъ,
Ивановская, № 14.

Дамскій Иллюстрированный литературно-модный и руководѣльный журналъ

Выходить 1 и 15 ч. каждаго мѣс. большими тетрадами и дасть въ годъ:

24 двойныхъ № (24 модныхъ и 24 литературныхъ съ оригин. и перевод. повѣстями, романами, стихотвореніями и т. п.
1000 политипажей парижскихъ модъ и руководѣлій въ текстѣ.
24 раскрашенные модныя картины, получаемыя непосредственно изъ Парижа.
24 вырзанныя выкройки въ натуральную величину.
12 листовъ со множествомъ выкроекъ, узоровъ, для вышиванія, вязанія, тамбурныхъ и другихъ работъ и руководѣлій.
Раскрашенные рисунки канвовыхъ работъ и въ русскомъ стилѣ.
Календарь карманный на 1881 годъ съ необходимѣйшими свѣдѣніями.

Каждый подписчикъ 1881 года получить **6 ПРЕМІЙ**,
А ИМЕННО:

I. Дамскій ручной санъ-вожъ вышитый золотомъ (настоящими серебряными вызолоченными нитями). Вещь готовая.

II. Картина (олеогр.) ландшафтъ, лунная ночь надъ озеромъ въ Финляндіи (выш. 11½ верш. и ширина 17 вершк.). Исполнена превосходно, такъ что трудно отличить отъ оригинала, писаннаго кистью.

III. Зеркаль большой женская фигура въ рамкѣ). Матеріалъ для исполненія полный.

IV. Портъ-летръ стѣнной. Узоръ раскрашенъ и отпечатанъ на самой канвѣ. Матеріалъ полный.

V. Альбомъ (12 листовъ). Русскіе и французскіе алфавиты для мѣтки бѣлья.

VI. Поздравительные билеты ½ дюжины, роскошной отдѣлки съ выпуклыми цвѣтами.

Цѣнность премій превосходитъ подписную цѣну на самый журналъ. — Выдача и разсылка премій начнется въ январѣ.

Старые подписчики «Вазы» получаютъ въ память юбилея бесплатно юбилейный подарокъ, цѣнность котораго непремѣнно будетъ равна подписной цѣнѣ на журналъ. Новые подписчики, желающіе получить этотъ подарокъ доплачиваютъ 2 р. 50 к. и 1 р. на пересылку. Заявленія и доплата принимаются только до 1-го января.

Подписная цѣна:

Съ пересылкой.	Безъ пересылки.	На укупорку премій
На годъ съ преміями 12 р.	11 р. — к.)	6 р. — к.)
» » безъ премій 7 р.	6 р. — к.)	следуетъ добавлять 6 сс.
» ½ г. съ преміями 9 р.	8 р. 40 к.)	микрофечныхъ марокъ
» » безъ премій 4 р.	3 р. 40 к.)	или 42 коп.

30508 16—4

Редакторъ-издатель Б. И. Сестренцевичъ-Богущъ.

въ 1881 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“

(ГОДЪ ОДИНАДЦАТЫЙ)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

И

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ.

будеть издаваться по той же программѣ, въ тѣ же сроки и въ такомъ же объемѣ, какъ и въ 1880 г.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и 40 №№ „Педагогической хроники“. Подписная цѣна на полный журналъ безъ доставки 11 р., съ доставкой и пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка.

I. Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей выходитъ ежемѣсячно, 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна безъ доставки 9 р., съ доставкой и пересылкою 10 руб.

II. Учебно-воспитательный отдѣлъ (для родителей и воспитателей) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ „Педагогической хроники“, выходящей въ количествѣ 40 №№ въ годъ. Подписная цѣна безъ доставки 4 р., съ доставкой и пересылкою 5 р.

Первый отдѣлъ (для дѣтей) даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и проч., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Второй отдѣлъ (для родителей и воспитателей) содержитъ общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій и проч. „Педагогическая хроника“ даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учено-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границу и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 15-я линія, д. № 8, кв. № 20, или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и школа“ (адресъ почтамту извѣстенъ), — съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-издатель **К. Краевичъ**.

ЭЛЛАДА И РИМЪ.

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

СОЧ. ЯКОВА ФАЛЬКЕ.

ОСКОШНЫЯ, изящныя изданія съ иллюстраціями текста знаменитыхъ писателей въ настоящее время въ европейской литературѣ въ большомъ ходу,—напримѣръ, „Потерянный Рай“ Мильтона, иллюстрированный знаменитымъ Доре „Божественная Комедія“ Данта, „Орlando Фуріозо“ Аріосто, иллюстрированные тѣмъ

же Доре. Но упомянутыя роскошныя иллюстраціи тѣсно связаны съ текстомъ писателя, такъ что читатель и текстъ и иллюстраціи представляетъ себѣ въ умѣ нераздѣльными. Значительное отличіе отъ сейчасъ исчисленныхъ иллюстрацій представляетъ роскошное изданіе г. Фальке, озаглавленное „Эллада и Римъ“. Въ подобныхъ изданіяхъ уже не рисунки подгоняются къ тексту, а текстъ и рисунки готовятся совмѣстно, взаимно себя иллюстрируютъ, и, во многихъ случаяхъ, текстъ готовится и приспосабливается къ предварительно составленнымъ рисункамъ,—стало быть разница большая.

Въ послѣднее десятилѣтіе рвеніе къ изученію классическаго міра сильно оживилось, благодаря развитію языкознанія (сравнительнаго), благодаря множеству раскопокъ, сдѣланныхъ и на средства правительствъ разныхъ государствъ и на частныя средства. Многія раскопки пролили неожиданный свѣтъ на исчезнувшій міръ.

Одушевленные весьма понятнымъ энтузіазмомъ художественныя силы—карандашъ, рѣзецъ, кисть—примкнули къ неутомимымъ трудамъ раскопщиковъ.

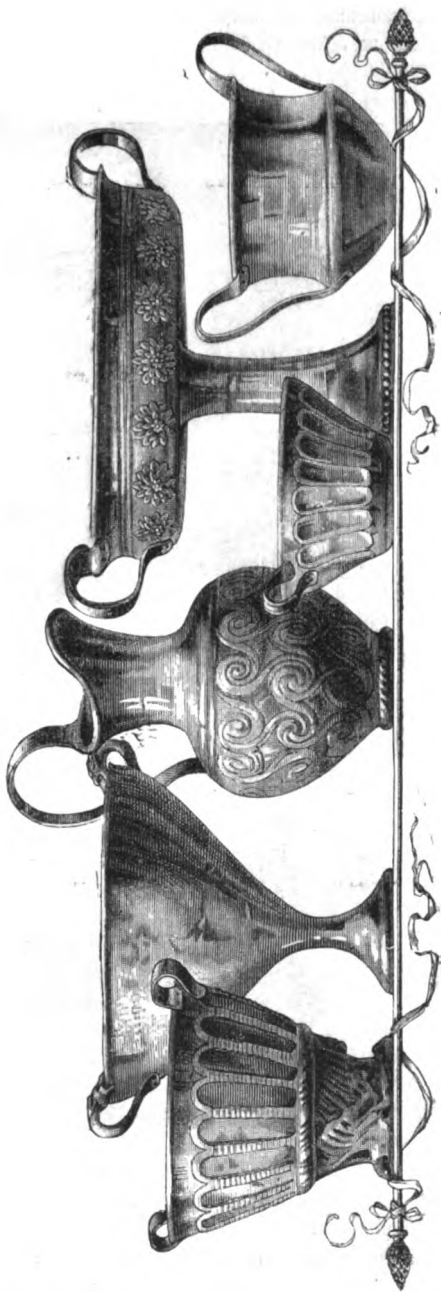
Современное направленіе нашего высшаго образованія — классическое, и мы глубоко убѣждены, что, въ смыслѣ пособія для изученія классическаго міра, мы вкладываемъ посильную лепту изданіемъ „Эллады и Рима“.

Развернувъ уже первые выпуски роскошнаго изданія Фальке, читатель найдетъ множество прекрасныхъ рисунковъ древнихъ вазъ и сосудовъ, добытыхъ большою

частью Шлиманомъ, при его раскопкахъ Трои, Олимпіи и Микенъ, и срисованныхъ со всею тщательностью и точностью даровитыми германскими художниками. Читатель найдетъ также много рисунковъ, конструированныхъ на основаніи сохранившихся остатковъ, гдѣ цѣлое довершила уже фантазія художника (напримѣръ, древній дворецъ въ Микенахъ и ворота со львами). Въ этомъ именно—и читатель, надѣмся, съ нами согласится—мы и полагаемъ главнѣйшее достоинство роскошнаго изданія Фальке.

„Извѣстные знатоки классической древности Альма Тадема, Фридрихъ Геллеръ, Отто Книлле, Ансельмъ Фейербахъ, Людвигъ Гансъ Фишеръ присоединились къ извѣстному автору этого сочиненія о классической древности, чтобы создать произведеніе, имѣющее цѣлю содѣйствовать популяризациі прекраснаго, представить царство идеала въ чудномъ совершенствѣ древней жизни. Новѣйшія находки въ Олимпіи, Танагрѣ, Микенѣ, Трозѣ, Пергамонѣ подробно описаны въ этомъ сочиненіи; многочисленныя изображенія греческихъ и итальянскихъ пейзажей почти всѣ сняты съ натуры“.

Приводя эти слова нѣмецкаго издателя, укажемъ на авторитетный отзывъ профессора В. Любе объ этомъ сочиненіи: „Одинъ замѣчательный исследователь исторіи культуры соединился съ нѣсколькими извѣстными художниками съ цѣлю представить всю древнюю культурную жизнь въ интересномъ описаніи, съ приложеніемъ роскошныхъ иллюстрацій. Въ числѣ иллюстрацій мы находимъ: не только превосходныя изображенія мѣстностей, драгоценныхъ украшеній изъ Микены и Кипра, но и картины большаго формата, заслуживающія высокой похвалы. Мастерски исполнены пейзажи, большей частью съ воспроизведеніемъ древнихъ памятниковъ, изъ которыхъ искуснѣйшіе художники съ глубокимъ пониманіемъ классической древности создали идеальныя образы чарующей красоты“.

Русское изданіе выходитъ выпусками, по одному въ недѣлю, по вторникамъ, въ случаѣ возможности двойными выпусками. Мы выпускаемъ его въ двухъ изданіяхъ: одно на роскошной бумагѣ, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, другое на обыкновенной хорошей бумагѣ. Текстъ и рисунки въ обоихъ изданіяхъ одни и тѣ же. Между большими картинами, изображающими классическую древность,

кромѣ картинъ Альма Тадемы, Фейербаха, и друг. будетъ и картина Семирадскаго „Живые свѣточы Нерона“. Цѣна роскошнаго изданія 80 коп. каждый выпускъ, цѣна обыкновеннаго изданія 50 коп. выпускъ. Всѣхъ выпусковъ будетъ 35.

Въ нашихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и Москвѣ можно получать оба изданія, уплачивая за каждый выпускъ отдѣльно, съ обязательствомъ взять всѣ

выпуски по мѣрѣ ихъ выхода. Учебныя заведенія могутъ выписать то или другое изданіе, высылая деньги въ тѣ сроки, какіе имъ наиболѣе удобны. Подписная цѣна для городскихъ и иногороднихъ съ пересылкою: роскошнаго изданія 24 рубля, обыкновеннаго 15 руб. Деньги эти могутъ быть разсрочены такъ: при подпискѣ на роскошное изданіе: 10 руб. при подпискѣ, 10 руб. послѣ выхода десятаго выпуска и 4 руб. послѣ выхода двадцатаго выпуска. При подпискѣ на обыкновенное изданіе: 5 руб. при подпискѣ, 5 руб. послѣ выхода десятаго выпуска и 5 руб. послѣ выхода двадцатаго выпуска.

Оглавленіе 1-го выпуска: Текстъ. Предисловіе. Книга 1-я. Исторія и государственная жизнь. I. Эпоха сказаній. II. Эпоха образованія государства (до пер-

А. С. С. С. С.

сидскихъ войнъ). Рисунки въ текстѣ: Видъ Аѳинъ.—Дубы на Парнасъ.—Додона.—Темпейская долина съ Олимпомъ и рѣкой Пенеемъ.—Развалины Трои.—Головной уборъ изъ золота (находка Шлимана при раскопкахъ Трои).—Ворота со львами въ Микенахъ.—Панорама раскопокъ Шлимана въ Микенахъ.—Золотые сосуды изъ Микенъ, времени царей.—Глиняные сосуды съ острова Кипра.—Итака.—Видъ Аѳинъ съ мѣловыхъ скалъ Пирея.—Гимнастическія упражненія спартанскихъ юношей въ гимназіяхъ. Большія картины внѣ текста: Аѳинскій Акрополисъ.—Олимпійскія игры.—Кромѣ того, роскошныя заглавныя буквы, составляющія цѣлые рисунки, заставки и др. украшенія.

ВЪ ОБЛАСТИ ВѢЧНАГО ЛЬДА

ИСТОРИЯ ПУТЕШЕСТВІЙ КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ
ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ

Соч. Фридриха Гельвальда.

Предлагаемое русской читающей публикѣ иллюстрированное сочиненіе Фр. Гельвальда „въ Области вѣчнаго льда“ („Im Ewigen Eis“), снабженное большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ и отдѣльно, составляетъ, по интересу содержанія, одну изъ лучшихъ и популярнѣйшихъ книгъ во всемъ современномъ читающемъ мірѣ.

Предлагаемая книга представляетъ весьма полную и объемистую исторію путешествій въ полярныя страны. Что касается изложенія, то оно у Ф. Гельвальда блестяще, картинно, общедоступно и притомъ имѣетъ научную основу. Исторія грандіозныхъ предпріятій сѣвернаго мореплаванія, всѣ связанныя съ этимъ факты и явленія описаны ярко, картинно, полны жизненной правды, безъ всякой утомительности. Это постоянное, неутомимое стремленіе на далекій сѣверъ, постоянный самоотверженный бой на-животъ и на-смерть съ суровою сѣвernoю природою, — во имя науки, для разрѣшенія проблемы о доступномъ для плаванія полярномъ морѣ—все это поддерживаетъ въ читателѣ неослабывающій драматическій интересъ.

Но затѣмъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на другую сторону дѣла. Кромѣ полной исторіи путешествій къ сѣверному полюсу, книга г. Гельвальда представляетъ еще и полную яркую картину всего полярнаго міра, всей полярной природы, съ ея необычайными для нашихъ широтъ явленіями, съ ея ужасами, съ ея вѣчною борьбою жизни и смерти, съ ея жителями, съ ея фауной, съ ея скудною растительностью. Все это въ общей картинѣ представляетъ, конечно, общечеловѣческій интересъ. Одна часть картины: сама полярная природа съ ея грознымъ характеромъ, и затѣмъ другая часть картины—это борьба мужественныхъ и самоотверженныхъ героев-путешественниковъ съ подобною природою. Это даетъ неистощимый матеріалъ для мысленія и обильную пищу воображенію читателей всѣхъ возрастовъ и состояній.

Чтобы дать болѣе наглядное понятіе о богатствѣ и разнообразіи содержанія новаго труда Ф. Гельвальда, перечислимъ главные пункты или главы, излагающіе его содержаніе:

Народы населяющіе самый отдаленный сѣверъ.

Животная и растительная жизнь въ полярной области.

День и ночь, свойства, отношенія и характеръ: свѣта, воздуха и температуры въ области вѣчныхъ льдовъ.

Бой тюленей и ловля китовъ въ Европейскомъ полярномъ морѣ.

Охота на полярныхъ медвѣдей.

Поѣздка на сѣверъ Писея Массилійскаго, за 320 л. до Р. Хр.

Путешествія норманновъ на островъ Исландію.

Открытіе Гренландіи.

Первое полярное путешествіе и представленія средневѣковыхъ германцевъ то полярныхъ странахъ.

Полярные поселенцы-эскимосы.

Первое путешествіе для отысканія сѣверо-восточнаго проѣзда.

Полярныя путешествія голландцевъ.

Полярный путешественникъ Виллоби и его англійскіе послѣдователи.

Новая Земля и Шпицбергенъ.

Исслѣдованія и описанія азіатскихъ сѣверныхъ береговъ въ XIX столѣтіи.

Открытія русскихъ въ Сѣверной Азіи.

Алеуты.

Берингъ и его исслѣдованія.

Древнѣйшія путешествія для отысканія сѣверо-западнаго проѣзда.

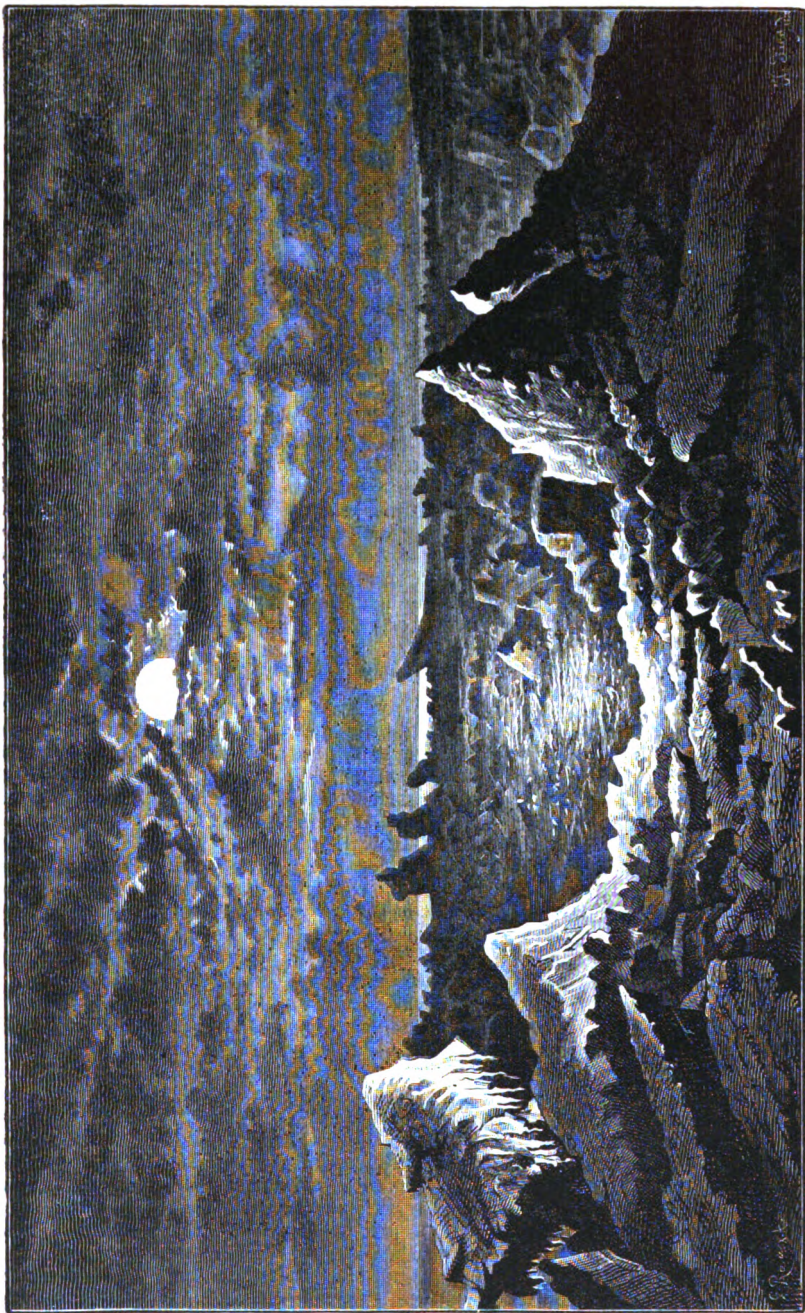
Франклинъ и открытіе сѣверо-западнаго проѣзда.

Путешествія по континенту Сѣверной Америки.

Полярныя исслѣдованія настоящаго времени: нѣмцы и австрійцы, шведы, англичане и проч. и проч.

Возможность достигнуть полюса.

Многочисленныя иллюстраціи и карты, служащія какъ для объясненія текста, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для украшенія (ибо достоинство рисунковъ въ этомъ смыслѣ фактически обуславливаетъ собою украшеніе книги г. Гельвальда и дополняетъ и

изящество его произведенія), дѣлають то, что книга Ф. Гельвальда можетъ занять достойное мѣсто и въ каждой домашней и общественной библіотекѣ, и въ каждомъ кабинетѣ, и въ каждомъ салонѣ.

Цена каждаго выпуска въ 5 печатныхъ листовъ большого формата 65 коп.

БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ

ЗНАМЕНИТЫХЪ МАСТЕРОВЪ.

ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ.

Изданіе состоитъ изъ 25 выпусковъ.

Новѣйшія усовершенствованія свѣтописи, приспособленной къ типографскому печатанію, сдѣлали возможнымъ появленіе этого изданія. Изданіе это ставитъ себѣ цѣлю воспроизвестъ посредствомъ гелиографіи снимки съ знаменитыхъ гравюръ, передающихъ картины величайшихъ художниковъ. Въ него вошло ПЯТЬДЕСЯТЬ картинъ Ветхаго Завета и картины эти составляютъ, такъ сказать, классическую коллекцію знаменитѣйшихъ произведеній искусства. Каждая картина представляетъ листъ большаго формата и сопровождается роскошно напечатанною страницей, которая содержитъ библейскій текстъ на изображенное въ картинѣ событіе. Рисунки эти, передаваемые свѣтописнымъ способомъ, неотличимы отъ гравюръ.

Въ двадцати пяти выпускахъ помѣщены слѣдующія картины:

Рай. Картина Іоанна Брейгеля. Каинъ и Авель. Картина Хр. Дитриха. Агарь въ пустынѣ. Картина Пьеро Кортона. Судъ Соломона. Картина Николая Пуссена. Изгнаніе Агари. Картина Ванъ-Дейка. Переходъ израильтянъ черезъ Чермное море. Картина Луки Джіордано. Осужденіе Амана. Картина Ж. Ф. де-Труа. Мѣднѣй Змѣй. Картина П. Рубенса. Моисей-младенецъ. Картина Ант. Куапеля. Даніилъ во рву львиномъ. Картина П. Рубенса. Іаковъ и Рахиль. Картина Андреа Алпиани. Манна въ пустынѣ. Картина Николая Пуссена. Елеазаръ и Ревека. Картина Ант. Куапеля. Авраамъ и ангелы. Картина Люл. Каррачи. Грѣхопаденіе. Картина Карло Чиньяни. Саулъ у Азидорской волшебницы. Картина Сальватора Розы. Паденіе Гофоліи. Картина А. Куапеля. Іосифъ объясняетъ сны Фараону. Картина Петра Корнеліуса. Вѣгство Іакова. Картина Л. Джіордано. Товій. Картина Сальватора Розы. Золотой телецъ. Картина Н. Пуссена. Пророкъ Іона въ Ниневіи. Картина Сальватора Розы. Лотъ и его дочери. Картина Гверчино. Сузанна передъ народомъ. Картина Ант. Куапеля. Созданіе Евы. Картина Прокаччини. Торжество Мардохея. Картина Де-Труа. Іаковъ и Ливанъ. Картина П. де-Кортонъ. Лотъ оставляетъ Содомъ. Картина Рубенса. Поника Самсона. Картина Ванъ-Дейка. Окровавленное платъ. Картина Шарля Куапеля. Жертва Авраамова. Картина Андреа дель-Сарто. Ангелъ оставляетъ семейство Товія. Картина Рембрандта. Моисей защищаетъ дочерей Іофоры. Картина Николая Пуссена. Исаакъ благословляетъ Іакова. Картина Соломона Конинча. Юдифъ. Картина Пьетро Бенвенута. Есфирь передъ царемъ. Картина Антуана Куапеля. Примиреніе Іакова съ Лаваномъ. Картина Пьетро Кортона. Есфирь одѣвается для царя. Картина де-Труа. Благодарственное жертвоприношеніе Маной. Картина Рембрандта. Соперничество Моисея съ жрецами Фараона. Картина Пуссена. Всемирный потопъ. Картина А. Турки (Александръ Веронезе). Іосифъ представляетъ Фараону своего отца. Картина Фердинанда Боля. Моисей извлекаетъ воду изъ скалы. Картина Пуссена. Видѣнія пророка Іезекииля. Картина Рафаэля. Сонъ Іакова. Картина Фердинанда Боля. Жертвоприношеніе Ноя. Картина Н. Пуссена. Торжество Давида. Картина Доминикино. Іосифъ открывается своимъ братьямъ. Картина Петра Корнеліуса. Соломонъ приноситъ жертву идоламъ. Картина Флейгельса. Моисей. Картина Ф. де-Шампани.

Цѣна 25 р., съ пересылкою 28 р.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

MAY 14 1966 16

MAY 12 '66 4:10 PM

FEB 21 1969 16

RECEIVED

FEB 17 '69 2:31 PM

LOAN DEPT.

NOV 9 1969 28

REC'D LD. DEC 4 '69-9PM

LD 21A-60m-10,'65
(F7763s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

725298

AP50
I9

Istoricheski vestnik.

v.3:4

OCT 28 1942

OCT 29 1942

725298

AP50
I9
v.3:4

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

